

Андрей Катинский

р о м а н

**ГОСПОЖА
ПОПАДАНКА**

Елене не привыкать вести двойную жизнь — днем она корреспондент районной газеты, ведущая журналистское расследование об исчезновении политического оппонента коррумпированного чиновника. Ночью она живет еще более насыщенной жизнью, полной насилия, крови и жесткого секса. В общем, скучать барышне не приходится, а тут еще угораздило оказаться попаданкой в совершенно отморозенный мир. Там тоже насилие и секс, а еще рабство, феодализм, черная магия, демонические культы, волшебные девайсы, жуткие твари и ожившие мертвецы... а также великая тайна, разгадка которой для Лены может оказаться страшнее всего вышеперечисленного.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Пролог

Она не думала, что это будет ТАК тяжело.

Ступени из кровавого мрамора, словно лестница на эшафот, пусть казнь сегодня предстоит и не ей. В рогатых чашах пляшут языки зеленого пламени, но она не чувствует жара, по ее спине стекает холодный пот и все тело морозит лютая стужа, похуже метелей, заметающих унылые пустоши Северного Тульхейма. Впрочем, возможно, это лишь игра воображения, вызванная ледяным презрением в глазах застывших у стен фигур. Даже те, на кого она еще несколько дней назад могла положиться как на саму себя, ныне смотрят с брезгливой жалостью и, самое паскудное, она прекрасно понимает, что вполне заслужила ее. Да, она виновата, но не могла поступить иначе.

Это не сессия и не игра. Это нельзя остановить табу и стоп-словом, договориться о более мягких условиях. Здесь все по-настоящему, ей остается лишь возносить благодарственные молитвы за то, что ей хотя бы оставляют жизнь. Впрочем, не стоит унижаться, вряд ли божество, властвующее здесь, будет благосклонно к ее мольбам.

Слабая. Трусливая. Недостойная.

Эти и более хлесткие оскорбления она читает в обращенных на нее взглядах — и они режут не хуже лезвий клинков, причиняя почти физическую боль. Последние ступени даются особенно трудно. Она подходит к месту своего позора — черному алтарю у ног исполинской статуи. Холодные, нечеловечески прекрасные лики смотрят на нее, и равнодушие в этом взгляде ранит больше, чем откровенное презрение в глазах сестер.

Отверженная.

Из небольшой двери за статуей, пригнувшись, чтобы не задеть головой косяк, выходит Истязатель. Почти три метра слепой злобы и ярости, с кожей цвета сырого мяса и огромными мускулами. Клыкастая пасть скалится в похотливой улыбке, багряные глаза жадно рассматривают опускающуюся на четвереньки женщину. Когтистая лапа срывает с нее одеяние и тут же чешуйчатými кольцами свивается живая плеть. Кнут взлетает над ее головой, и она с трудом сдерживается, чтобы не зажмуриться — не стоит усугублять свой позор новым, не менее тяжким.

Плеть со свистом ложится меж ее лопаток, оставляя на спине багровый рубец, сочащийся кровью. Удар следует за ударом — красные полосы сливаются на коже в причудливый узор, алые капли влажно поблескивают в свете зеленого пламени. Соленый фонтанчик взрывается в ее рту, но она даже не чувствует боли в прокушенной губе — столь незначительной она кажется в сравнении с нечеловеческой болью, гуляющей по всему телу. Каждый удар почти вбивает ее в пол, пригибает к ногам уродливого палача, от унижения она страдает сильнее, чем от боли. Извиваясь, шипя сквозь стиснутые зубы, она все равно находит в себе силы чтобы подняться, с вызовом смотрит в багряные очи нависшего над ней чудовища.

Мякотелая. Ничтожная. Жалкая.

Эти слова звучат в ее сознании с каждым новым ударом, вбивающим чувство новой вины. Вскоре у нее уже нет сил встать, и она лежит, чувствуя, как тело терзает живая плеть. Змеиный яд растекается по жилам.словно жидкий огонь, сжигает ее изнутри. Но вот слышится звон гонга — и экзекуция прекращается. Истязаемая поднимет голову, но на ее лице нет облегчения — тягостное предчувствие говорит ей, что главная пытка впереди.

Великан с плеткой отходит во мрак, пропуская к алтарю две невысокие фигуры. Одна закутана в черное с головы до ног, но под бархатным одеянием угадываются соблазнительные очертания женского тела. Вторая фигурка — тщедушная, белокожая, кажущаяся еще более хрупкой из-за своей наготы. Огромные глаза останавливаются на истязаемой, смотрят на нее с отчаянной надеждой. Позабыв на минуту про боль, она пытается произнести слова утешения, и новый удар плети сбивает ее с ног, заставляет поперхнуться кровью, загоняет еще не произнесенные слова обратно в глотку. Она падает, но успевает увидеть, как гаснет надежда в обращенных на нее глазах, сменяясь покорностью судьбе.

Спутница обреченного существа подводит его к алтарю, хватая за волосы и заставляя задрать голову. В вознесшейся кверху руке сверкает сталь, и лезвие ножа перечеркивает покорно подставленное горло. С жутким предсмертным хрипом несчастное создание падает, корчась в предсмертных судорогах, а она, с чувством неизбывной вины, ловит гаснущий взгляд, полный немого укора. Капюшон падает с головы истязательницы, высвобождая гриву густых волос. Глаза, полыхающие адским торжеством, смотрят в искаженное бессильной злобой лицо соперницы.

Этот мир снова преподал ей жестокий урок, и только от нее зависит, найдет ли она, растерзанная и окровавленная, силы, дать ему достойный ответ.

Трудовые будни

— Более двадцати лет вы, возглавляя родную станицу, оправдывали доверие и уважение своих избирателей. Уверен, что так же сограждане оценят и вашу деятельность во главе района, а навыки успешного управленца и хозяйственника станут востребованы и в новой должности. Желаю вам сил и энергии для воплощения всего задуманного, новых успехов и достижений, неизменной поддержки коллег и всех жителей района.

Слова поздравления от губернатора как по маслу скатывались с уст худощавого блондина в светло-синем костюме. Тридцатитрехлетний вице-губернатор Антон Ящичко выглядел почти мальчишкой рядом с виновником торжества — грузным мужчиной с широким красным лицом. В небольшом актовом зале, с рядами потертых кресел и давно небеленными стенами, среди таких же местечковых царьков, он выглядел более чем на своем месте, в отличие от сублильного вице-губернатора, хотя и сам Ящичко был родом отсюда, и даже имел неподалеку шикарный загородный дом. Но своим его здесь не считали, поэтому, скомканно закончив пересказ начальственного поздравления, чиновник поспешно всунул новоиспеченному главе удостоверение и сел за стол президиума. Глава, ответив казенно-благодарной улыбкой, также вернулся на место, наблюдая, как на трибуне сменяют друг друга все новые ораторы: депутаты, казаки, священники — все считали своим долгом сказать по несколько льстивых фраз.

Под конец взял слово и сам чиновник.

— Хочу поблагодарить жителей района и особенно — моих станичников, которые всегда поддерживали меня, помогали, относились с пониманием ко всему, что я делал. Сейчас предстоит еще более ответственная работа, напряжённый труд и выполнение тех наказов и задач, которые ставят перед нами граждане. Я, как глава района, в первую очередь несу ответственность за выполнение всех поручений губернатора. Еще раз говорю вам огромное спасибо, дорогие друзья. Ну, а теперь вопросы.

Последняя фраза была обращена к присутствовавшим в зале журналистам — сразу после инаугурации предусматривалась короткая пресс-конференция. Представителей «второй древнейшей» в зале хватало — не только районных, но и региональных СМИ, включая журналистов официальной телекомпании, приехавшей с вице-губернатором. Согласно негласному «табелю о рангах» предполагалось, что первый вопрос будет от них, и верткая смуглявая журналистка уже подалась вперед, с микрофоном наперевес. Но прежде чем заготовленный вопрос сорвался с ее губ, со второго ряда раздался негромкий женский голос.

— Елена Вагнер, газета «Алая заря». Семен Николаевич, следите ли вы за тем, как продвигается расследование о бесследном исчезновении вашего оппонента на выборах главы сельского поселения — Алексея Сапронова?* Известны ли вам какие-то новые сведения, которыми вы могли бы поделиться с прессой?

В сторону говорившей обратились все взоры, одновременно негодующие и удивленные, впрочем, во взглядах мужской половины собравшихся угадывался и вполне понятный интерес. В этом не было ничего удивительного — молодая женщина с волосами золотисто-медового цвета и большими синими глазами, привлекла бы внимание и в менее захолустной обстановке. Голубые джинсы-американки и элегантные ботинки на высоком каблуке подчеркивали длинные ноги, а тяжелую грудь не могла скрыть даже целомудренно застегнутая куртка.

Броская красота журналистки не оставила равнодушным и самого главу — налившись было кровью глаза слегка подобрели, а толстые губы искривила одновременно снисходительная и похотливая ухмылка.

— Данный вопрос находится вне моей компетенции, — ответил он, — лучше бы вам обратиться его правоохранительным органам. Но, как я не раз говорил, я готов к сотрудничеству со следствием — я уже несколько раз отвечал на все вопросы, в том числе и в региональном УВД, рассказав все, что знаю по интересующему вас вопросу. Конечно я, как и все, надеюсь на успешное расследование всех обстоятельств, а виновники этого исчезновения, если такие найдутся, должны понести ответственность по всей строгости закона.

— Благодарю, Семен Николаевич, — кивнула девушка, быстро набирая сообщение в айфоне. Глава повернулся к остальным журналистам.

— Еще вопросы?

«Не плачь мой палач, лишь меня позови; бей меня бей, если хочешь любви...» Песня «Агаты Кристи» начала разрывать айфон журналистки, едва она вышла из районной администрации. Не торопясь, девушка перешла главную площадь, найдя укромное место возле одной из высаженных здесь елей. Достав из сумочки пачку сигарет, она щелкнула зажигалкой и лишь после нескольких затяжек соизволила ответить.

— Да, Степан Романович?

— Ленка, ну ты даешь стране угля! — голос Степана Коваленко, главного редактора «Алой зари», ворвался в ее ухо взволнованным воплем, — Мне уже дважды из администрации звонили, жаловались на тебя! Ты коза безбашенная, совсем не считаешь, кого и о чем спрашиваешь?!

— А что такого? — невинным тоном спросила Лена, — Кто-то же должен был такой вопрос задать? А мы, вроде как, оппозиция.

— Вроде как! — передразнил ее Коваленко. — Ты меньше умничай, тем более, когда ума нет. Лягвин — бандит, каких мало, а ты его спрашиваешь про такие вещи!

— Да хватит вам панику наводить, Степан Романович, — поморщилась девушка, — сейчас не девяностые, чтобы за каждый вопрос журналистов убивали.

— Ты что, еще от города не отвыкла? — язвительно спросил редактор, — давай уже, возвращайся в родную гавань. Тут девяностые никуда и не уходили. Убивать нас он может и не будет, но сделать так, чтобы газету прикрыли, ему как два пальца. И куда прикажешь старику податься? Ты молодая, красивая, себя найдешь еще, а я...

— Ну не ставьте тогда, раз такое дело, — сказала Лена, — вычеркните из материала.

— Поздно, — усмехнулся Роман Степанович, — на сайте уже висит твой вопрос и его ответ. Все равно уже его слышали, все кому можно и нельзя, не пропадать же добру.

— Спасибо, Роман Степанович, — произнесла повеселевшая девушка, — не бойтесь, все будет нормально. Можно я домой пойду? Рабочий день через полчаса закончится.

— Иди, — хмыкнул редактор, — смотри только пятницу не сильно отмечай.

— Хорошо, — ответила Лена, но, убирая в сумку айфон, не смогла удержаться от гримасы — кто бы говорил.

Небось, сам уже с ответсеком и бухгалтером поляну в редакции накрывает. Собственно, к настоящему времени вся оппозиционность Коваленко сводилась как раз к пьяным воспоминаниям чуть ли не перестроечных времен, когда он начинал в этой же газете молодым энергичным журналистом. И если раньше Коваленко был столь отчаянным

диссидентом, как уверял на редакционных застольях, сейчас в нем скандальный журналист боролся с трусоватым завхозом. С одной стороны Роман Коваленко не хотел неприятностей, с другой, чтобы держать газету на плаву, нужно было оправдывать ее оппозиционное амплуа, привлекающее всякого рода обиженных властью, готовых платить за то, чтобы их обиды были со всей красочностью расписаны на газетных полосах.

Впрочем, сейчас Лене не хотелось думать о работе. Идти домой — тоже, хотя иных вариантов как-то не просматривалось. Лена неторопливо шла по главной улице города — здесь, возле площади, районный центр выглядел вполне цивилизованно, сияя огнями баров, двух ночных клубов и одного супермаркета. Девушка миновала стайку оживленно галдящей молодежи, — несколько парней отпустили в ее сторону пару восхищенно-нахальных реплик, проигнорированных журналисткой, прошла мимо мигающей вывески шумного ресторана и свернула на свою улицу, выходя меж рядов частных домов. Она уже подходила к своему жилищу, когда пиликнул айфон. Лена открыла окошко Ватсапа и насмешливо хмыкнула, набирая сообщение.

«Думала, ты уже сегодня не напишешь»

«Только что закончилась эта канитель. Приедешь сегодня?».

«Конечно. Как обычно?».

«Да, у меня».

«Хорошо. Зайду к себе, возьму все что надо. Ты тоже готовься».

«Всегда готов».

Лена открыла калитку и зашла в уютный дворик, выложенный потрескавшейся плиткой. В трех шагах от нее высился небольшой дом, окруженный садом с черешнями, сливой и большим ореховым деревом, раскинувшем свои ветви прямо над домом. Сейчас деревья стояли голые, с только начавшими набухать почками. Елена распахнула дверь и бодро вбежала внутрь, на ходу скинула ботинки и стала рыться на полках.

Примерно через час распахнулись уже ворота. Она вышла — теперь в мотошлеме, черной куртке и мотоботах почти до колена. Через плечо свисала большая сумка. За собой Лена вела небольшой мотоцикл. Закрыв ворота, она оседлала стального коня и, взревев мотором, устремилась вниз по улице, направляясь к федеральной трассе.

Дом Антона Ящичко — даже не дом, а роскошный особняк с тремя этажами, двадцатью комнатами, обширным земельным участком и большим прудом для летней рыбалки, раскинулся на окраине одного из хуторов, в трех километрах от районного центра. Сейчас чиновник принимал гостью — Елена, блаженно жмурясь от света горевших рядом свечей, простерлась в мягком кресле, потягивая из бокала красное вино. Она снова сменила наряд — верхнюю часть тела прикрывал черный корсет-бюстгальтер со стальными кольцами на боковых швах. Стягивавшие корсет кожаные ремешки были расстегнуты, открывая округлые груди и рельефный пресс, отработанный до совершенства годами тренировок. Ниже пояса начинались обтягивающие штаны из черной кожи, с молнией на промежности. Черные босоножки на высоком каблуке давали возможность полюбоваться черным лаком на ровных маленьких пальцах ног, тогда как руки украшал маникюр, чередующий красный и черный лак. В схожих тонах был выдержан и броский макияж, придававший девушке одновременно угрюмый и сексуальный вид. Завершала этот образ черная фуражка, украшенная бутафорским, но эффектным крестом, наподобие Железного.

С легким презрением девушка рассматривала стоявшего на четвереньках мужчину. Обнаженным Антон Ящичко выглядел лучше: было видно, что он немало времени проводит

в спортзале, упругие мышцы подчеркивали черные ремни, туго стягивавшие его тело. Лицо прикрывала кожаная маска, оставлявшая открытыми рот и нос.

Некоторое время они просто стояли молча — мужчина, опустив голову, не смея пошевелиться, а Госпожа Елена — смакуя вино. Затем, отставив недопитый бокал, она сладко потянулась, давая сабу как следует рассмотреть все ее прелести, и поднесла точеную ножку к губам вице-губернатора.

— Целуй, — повелительно сказала она и Ящичко послушно чмокнул кончики ее пальцев.

— Еще! Лучше целуй! Нежнее!

Корчащийся в ее ногах мужчина всячески изощрялся, слюнявя едва выглядывавшие из босоножек пальцы. Лена меж тем, командовала:

— Целуй вторую! Хорошо! А теперь снимай обувь и продолжай!

Дрожащими от возбуждения пальцами, мужчина возился с застежками босоножек. Наконец ему удалось расстегнуть их и в следующий миг он припал к ногам девушки, самозабвенно обсасывая ее пальчики. Лена зажмурилась от удовольствия — хорошо выученный саб знал, как делать ей хорошо. Он проводил языком между пальцев, обсасывал их, потом спустился ниже, вылизывая ступни.

— Дааааа, — Лена простонала, изогнувшись всем телом и согнув ноги в коленях, она с силой водила подошвами вверх-вниз, разминая и вытирая обслюнявленные ноги об услужливо подставленное лицо.

— Лицо первого лица, — рассмеялась она, убирая ноги, — выражает то лицо... что?

Ящичко позволил себе короткий смешок.

— Тебе смешно, дрянь?! — Елена картинно нахмурилась, — я сказала что-то смешное? А ну, быстро, встал раком, шлюха!!!

Ящичко послушно исполнил приказание. Лена, гибким движением встав с кресла, пошарила на столе с девайсами. Выбрав анальную пробку и флакон с гелем, она подошла к застывшему в униженной позе чиновнику. И хотя вице-губернатор не видел ее лица, он кожей чувствовал, как оно искажается довольным оскалом хищницы.

— Дай попку мамочке!

Звонкий шлепок подтвердил притязания. Мужчина почувствовал, как меж его ягодиц пролилась прохладная жидкость, которую ловкие пальчики умело втирали в его недра. Обильно смазав все, Елена приставила анальную пробку и слегка надавила. Не обращая внимания на страдальческую гримасу, проступившую на лице Ящичко, Лена, раскачивая девайс, упорно вдавливала его в мужской зад. Пробка шла туго, пока Лена, разозлившись, с силой не толкнула ее внутрь.

— Ууухх мля!!! — Ящичко взвыл от лютой боли.

— Что-то не нравится? — притворно удивилась Лена, с силой хлестнув по мужской заднице, — я спрашиваю, тебе, сука, что-то не нравится?

— Все...нравится...госпожа, — с трудом выдавил мужчина и Лена, скептически хмыкнув, еще раз толкнула пробку, окончательно фиксируя девайс.

— А мне кажется, ты чем-то недоволен, — с сомнением произнесла девушка, — дрянь такая, я так ради него старалась. Стой здесь!

Она отошла к столу и выбрала длинный кнут, с кончиком из конского волоса. Простые флоггеры она считала слишком ванильными — только розги и настоящий кнут!

— Спину прогнул, мразь! — она пнула Ящичко под ребра и тот послушно исполнил ее

приказание.

Лена нежно, почти любовно пропустила кнут через ладонь и вдруг хлестнула по начальственной заднице. Этим девайсом она владела отлично — удар оказался сильным и хлестким, разом пролегая на мужском теле багровым рубцом. Ящичко дернулся, но смолчал, выпучив глаза, и что есть силы стиснув зубы. За первым ударом последовал второй, потом третий, четвертый — войдя в раж, Лена хлестала мужчину по спине, бедрам и ягодицам, любуясь как бледная кожа покрывается кровавыми полосами. Глухие стоны едва державшегося чтобы не заорать Ящичко распяляли девушку еще больше — ее глаза блестели от возбуждения, полные губы раздвинулись, обнажая жемчужно-белые зубы. Плеть гуляла по телу чиновника, обвиваясь взахлест вокруг талии, задевая возбужденные гениталии. Один, особенно хлесткий удар пришелся по беспомощно болтавшимся яйцам, и мужчина, не выдержав, все же вскрикнул от боли. Этот жалобный вопль окончательно «сорвал крышу» у Лены: отбросив всякую сдержанность, она свирепо порола вице-губернатора, пока скулящий и орущий от боли Ящичко не выкрикнул «стоп-слово».

— Отдыхай! — с трудом переводя дыхание, выдавила Лена и Ящичко осел к ее ногам грудой дрожащего, окровавленного мяса. Отложив кнут, Лена взяла склянку со спиртом и, смочив им ватный тампон, как следует протерла все рубцы и кровоподтеки.

— На спину, сучка! — она с силой пнула чиновника по заднице и тот послушно лег на исполосованную спину. Лена, взяв со столика горящую свечу, встала над покорно распластавшимся телом и начала проливать горячий воск на грудь мужчины, стараясь прицельно попадать на соски. Минуты две она забавлялась, вырисовывая горячим воском затейливые узоры, с удовольствием наблюдая, как Ящичко вздрагивает от каждой новой струйки.

— Рот раскрыл! — скомандовала Лена, и когда Ящичко последовал ее приказу смачно сплюнула в подставленное отверстие. Отставив свечу, Лена взяла пузырек с мирамистином и залила половинув глотку Ящичко. Развалившись в кресле, она раздвинула ноги и, щелкнув молнией на причинном месте, поманила к себе раба.

— Давай, — сказала она, хлопнув себя по лобку, — к аппарату, чмошник!

Дважды повторять не пришлось — мужчина с радостью зарылся лицом меж ее бедер, впиваясь губами и языком во влажную плоть. Лена, стиснув ногами голову чиновника, ожесточенно долбила промежностью его лицо, размазывая по нему свои выделения и издавая громкие стоны. Ящичко тем временем старался поймать губами набухший бугорок, истекавший терпкой влагой. Наконец ему это удалось и вице-губернатор быстро-быстро заработал языком, чувствуя, как дрожит под его оральными ласками напряженная плоть.

— Ооооххх, — женское тело выгнулось дугой от сладостного спазма и Лена что есть силы стиснула ногами мужскую голову. Протяжный стон сорвался с ее губ и девушка бессильно обмякла, с наслаждением ощущая, как умелый язычок раба сноровисто подчищает влагалище от ее женских соков.

— А теперь давай, — она поднялась с кресла, пнув раба в бок, — грязная сучка, кончи для меня! Прямо мне на ногу!

Подползший на коленях вице-губернатор принялся по-собачьи тереться о ее ногу стоявшим как кол членом. Возбужденный сверх всякой меры, Антон Ящичко держался недолго — спустя всего пару минут, Лена почувствовала, как ее босую ступню окропила густая теплая жидкость.

— Быстро слизал все, — скомандовала девушка и Ящичко послушно припал к ее ноге.

Когда он закончил, Лена наклонилась, ухватывая поудобнее анальную пробку. Страдальческий вопль вырвался из губ чиновника, когда Лена резко дернула, не особо заботясь о чувствах саба, и девайс с хлюпаньем покинул исстрадавшуюся задницу.

— Помой ее, — сказала Лена, брезгливо бросая пробку на пол, — я пока искупнусь.

Снимая на ходу одежду, она вышла в соседнюю комнату, где мерцал голубым подсвеченный бассейн. Лена, разбежавшись, прыгнула в него, разом проплыв под водой от края до края. Вода чуть ниже комнатной температуры приятно освежала тело, расслабляя напряженные мышцы. Лена перевернулась на спину и, рассекая воду мощными гребками, описала несколько кругов.

Когда она вернулась в гостиную, чиновник уже сидел в кресле, набросив халат и, морщась от боли, осторожно ощупывал свою измученный зад.

— Держи, — он протянул Лене пять красных бумажек, которые девушка убрала в сумочку.

— На ночь не останешься? — деловым тоном спросил Ящичко, и девушка отметила изменившийся голос — больше никакого подобострастия, лишь снисходительность большого начальника. Игры кончились, что, впрочем, не значит, что она теперь запрыгает перед ним на задних лапках.

— Я домой, — сказала она, одеваясь, — хорошего понемножку, Антон Николаевич.

— Ну, как скажешь, — он пожал плечами, — пойдем хоть провожу.

Он помог ей собраться и вывести мотоцикл — в эту ночь он отпустил всю прислугу, так что все делать приходилось самому. Семьи у Ящичко, считай, не было: родителей он поселил в городе, а женой и детьми так и не обзавелся.

— Ты это, — сказал ей в спину Ящичко, — забудь про Сапронова. Лягвин, конечно, та еще скотина, но губернатор хочет видеть здесь именно его. Так что хватит его дразнить — а то влипнешь так, что и я не помогу.

— Как скажете, Антон Николаевич — спокойно сказала Лена, заводя мотор и выезжая на дорогу. Ящичко снова пожал плечами и вернулся в дом.

Царила глубокая ночь, когда девушка подъехала к своему дому. Заводя мотоцикл, она услышала, как пиликнуло сообщение Ватсапа. Лена недоуменно вскинула брови, увидев незнакомый номер и аватарку с дурашливым смайликом. Несколько поколебавшись, она открыла чат. И, если до этого ей больше всего хотелось добраться до кровати и завалиться спать, то сейчас сон как рукой сняло.

Вслед за присланной фотографией появилось и первое сообщение.

«Нравится?» — подмигивающий смайлик.

«Откуда это?»

«Какая разница? Хочешь знать больше?»

«Конечно!»

«Можем встретиться. Прямо сейчас...»

«Ночью?! Может завтра».

«Я спешу. Завтра будет поздно».

«Почему?»

«По кочану. Хочешь получить информацию — делай, как я скажу».

Лена выругалась.

«Где ты хочешь встретиться?» — написала она.

«Вот, другой разговор, — последовал ответ, — подъезжай на Щучьи Зубы, через час,

там поговорим. И не вздумай никого с собой брать — я увижу и просто к тебе не выйду...»

«Я подъеду...»

Лена отключила айфон, терзаясь раздумьями — осторожность соперничала в ней с азартом охотника, напавшего на кровавый след. Честолюбие победило: забросив домой сумку и наскоро переодевшись, она снова уселась на мотоцикл и направила его обратно к трассе.

** Подробнее о судьбе Алексея Сапронова, а также о тайнах Семена Лягвина можно прочитать в моем рассказе "Выборы-выборы"*

Девочка, с которой всегда что-то случается

Лена довольно рано столкнулась с унылой банальностью: рассчитывать в жизни стоит только на себя. Родилась она в том же населенном пункте, где проживала и сейчас. Ее отцом был Николай Вагнер, обрусевший немец, в свое время переехавший из Казахстана. Здесь он женился на девушке из местных, Полине, с казачьей фамилией Сирота, которая в тысяча девятьсот девяносто шестом году и родила Лену. Отца девочка помнила смутно — занявшись бизнесом, Николай Вагнер редко бывал дома, уезжая то в Москву, то в Турцию, то куда-то еще. Тогда Лена не понимала, чем занимается ее папа, но сейчас, расспросив нескольких отцовских знакомых, она поняла, что дела ее отца были завязаны на какой-то криминал, в конце концов, вышедший ему боком.

Когда Леночке исполнилось восемь, отец пропал без вести — поехал в очередную «командировку», в которой и сгинул где-то между Саратовым и Тамбовым. Тайна его исчезновения осталась нераскрытой, превратившись в классический «висяк». Семье Николай Вагнер оставил хороший дом, добротное хозяйство и продуктовый магазин, за прилавком которого стояла Полина. Родня по матери иногда помогала овдовевшей женщине, да и Лена уже с одиннадцати лет иногда становилась на кассу. Непростое детство закалило ее характер — не позволяя покупателям с собой сюсюкать, не по годам серьезная девочка тщательно пересчитывала полученные деньги, а однажды, когда парень, старше ее лет на десять, попытался украсть бутылку коньяка, подняла шум, вцепившись в рукав вора и удерживая его, пока не прибежал сосед. Этот инцидент стоил Лене рассеченной губы и синяка под глазом, а заодно и заставил задуматься о том, что в следующий раз все может кончиться куда хуже. Именно тогда она и попросила мать отдать ее в секцию карате, на что Полина, впечатленная происшествием в магазине, дала свое согласие. Тогда же в их семье появился «дядя Сергей», чернявый молодой человек, лет на десять младше Полины, с готовностью принявшийся помогать в магазине. Так у Лены стало больше свободного времени, которые она проводила в на тренировках — сначала карате, потом курс самообороны и, как вишенка на торте — несколько месяцев военной подготовки при местном казачьем обществе.

Отношения с одноклассниками у нее не заладились. Обычно красивым девочкам редко приходится жаловаться на отсутствие внимания и, тем не менее, в своем классе Лена оказалась «белой вороной». Кличка «Фашистка» приклеилась к ней, едва в школе ввели «патриотическое воспитание». Сначала только из-за фамилии, но в шестом классе появился и более весомый повод. Когда она вечером возвращалась с тренировки, трое придурков из старших классов, впервые в жизни попробовавших алкоголь, начали к ней приставать, нагло распуская руки. Девочка отбивалась так яростно, что один из парней упал, крепко приложившись затылком о бордюр. Мигом протрезвевшие дружки поволокли приятеля в медпункт, выкрикивая оскорбления и угрозы в адрес Лены, тогда как перепуганная девочка кинулась домой. К счастью хулиган выжил, а инцидент удалось замять, для чего Полине пришлось перетаскать директорше школы чуть ли не полмагазина. Но, с легкой руки матери пострадавшего, кличка Лены стала в ходу не только среди сверстников, но и родительского коллектива, а шансы стать «своей» скатились к нулю. Не сказать, что ее это сильно огорчило — к тому времени в жизнь девушки уже прочно вошел Интернет и она, списываясь со сверстниками, легко находила компании «по интересам». До окончания школы она успела

побывать готом, панком, металлистом, красила волосы и губы во все возможные цвета, брилась наголо и даже успела побывать в статусе «девушки байкера», получив свои первые уроки вождения мотоцикла. Тогда же у Лены обнаружился и писательский талант — ее первый газетный опус был посвящен посещению байк-шоу, статью о котором она и принесла в «Алую зарю». Степан Коваленко, часто навещавшийся в магазин Полины за бухлишком, посоветовал девушке поступать на журфак, пообещав замолвить словечко перед тамошними знакомцами. Полина, к тому времени уже вышедшая замуж за изрядно заматеревшего Сергея, не особенно обрадовалась, но и не возражала, когда дочка съездила в город и подала документы на факультет журналистики. А еще через несколько месяцев Лена, сдав вступительные экзамены, поступила на первый курс.

К тому времени стала налаживаться и личная жизнь — в тусовках, где ей приходилось крутиться, нашлось немало парней, проявлявших к ней мужской интерес и некоторым Лена ответила взаимностью. То же самое произошло и в университете, где девушка, к своей радости, встретила немало друзей. Чуть позже она открыла для себя еще одну, куда более «взрослую», субкультуру. Что такое БДСМ она знала и раньше, но то, что это может иметь какое-то отношение к ней, выяснила почти случайно. Отмечая с Игорем, парнем, лет на пять ее старше, первую сдачу сессии, она, дурачась, поставила его на колени, заставив просить прощения за пустячную провинность. Повинуясь внезапному порыву, Лена нацепила ему свой чокер из черной кожи с шипами. На мгновение она испугалась, что зашла слишком далеко, но кавалер вдруг пылко поцеловал ее руку.

— Ты моя королева!

— Игорек, ты чего!?! — удивленно спросила девушка.

Вместо ответа он посмотрел на нее затуманенными от похоти глазами, а потом наклонился и быстро поцеловал ее ногу. Лену накрыла волна невыносимо острого возбуждения и она, ухватив Игоря за плечи, чуть ли не силой заставила его подняться, впившись в его губы жадным поцелуем. Все это продолжилось на диване страстным сексом, равного которому у нее еще не было. В перерывах между наслаждением друг другом, она рассказывала Игорю о детстве — как боролась с воров в магазине, как чуть не прикончила хулигана, как занималась спортом и дралась с мальчишками. Эти разговоры заводили обоих еще сильнее — особенно Лену, вытворявшую с Игорьком такое, о чем не помышляла и в самых дерзких фантазиях. Самое забавное, что ему это нравилось также сильно, как и ей.

— Ленка, ты госпожа от бога! — уже позже выдохнул Игорь, — кажется, я знаю, с кем тебя нужно познакомиться. Есть тут один человек...

Так Лена вошла в Тему, с головой окунувшись в волнующий мир боли и подчинения. Нашлись и старшие подруги, делившиеся опытом, и выносливые «нижние», охотно подчинявшиеся быстро учащейся молодой домине. Открывшийся ей порочный мир целиком захватил девушку, жадно экспериментировавшую с послушными рабами-тематиками. Вскоре Лена начала принимать участие и в платных сессиях — сначала с подругами, потом индивидуально. Новые средства, многократно превосходившие ее скудную стипендию, позволили девушке снимать хорошую квартиру, а также регулярно ходить в спортзал, доводя свою форму до совершенства.

Приятная и относительно беззаботная жизнь на четвертом курсе прервалась жутким событием, когда Лена вернулась домой отпраздновать Новый год с матерью и отчимом. Обрюзгший, рано потолстевший Сергей с несвойственным ему пылом поднимал тосты за падчерицу, усиленно подливая Полине, и та, как с тревогой отметила девушка, охотно

выпивала. Сам же Сергей, тоже изрядно выпив, уже не таясь, пялился на Лену.

— Вы тут празднуйте, а я пойду к себе, — наконец сказала девушка, вставая из-за стола, — мне завтра в город с утра.

— Какой город, Ленок? — пьяно икнула Полина, — праздник ведь.

— В самом деле, ты что мать не уважаешь, — сказал Серега, разглядывая декольте Лениного платья.

— Обоих люблю и уважаю, потому и отмечаю с вами, а не в городе, — Лена чмокнула маму в щеку, — но сессия на носу. С Новым годом, мамуля, не сердись!

Отринув пьяные возражения, Лена поднялась к себе и, укрывшись подушкой, чтобы не слышать телевизора, попыталась заснуть. Выпитое ею дало о себе знать — очень скоро она провалилась в сон, из которого ее вывело лишь чье-то жаркое дыхание над ухом.

— Какого черта! — возмущенная Лена попыталась встать, но грузная туша, воняющая потом и перегаром, навалилась на нее, похотливо сопя. Нахальные пальцы мяли ее грудь, а потом скользнули ниже, пытаясь содрать кружевные трусики.

— Да уйди ты!!! — Лена, извернувшись, высвободила руку и отчаянно замолотила по голове насильника.

Но тот не реагировал и тогда она, ухватив с пола первый попавшийся предмет, что есть силы долбанула им по голове мужчины.

«Предметом» оказался топор, невесть как очутившийся в комнате, где его отроду не бывало. А насильником оказался Сергей.

Были хмурые полицейские, тетка-следователь и плачущая мать, старавшаяся не смотреть в сторону Лены на суде. В конце концов, произошедшее признали самообороной и трагической случайностью, после того как мать призналась, что сама спрятала топор в комнате дочери, чтобы напившийся супруг не бегал с ним за нею. Однако отношения между Полиной и дочерью оказались испорчены совершенно. Лена вернулась в город, перемежая учебу платными сессиями. За всем этим она редко звонила матери, после смерти мужа ударившейся в бесконечный запой. Сама мать тоже не звонила, вместо нее однажды Лене позвонила испуганная соседка, рассказавшая, что Полина, напившись до беспамятства, отрубилась, оставив включенным газ. Спасти ее не удалось — приехав в станицу, Лена могла только забрать мать из морга. Похоронив Полину, она уехала в город, с твердым намерением никогда не возвращаться.

Но какой-то злой рок все же преследовал Лену. Поначалу все шло хорошо — она закончила университет, уже имея опыт журналисткой практики в различных городских СМИ. Как раз после окончания вуза освободилась вакансия в пресс-службе городской администрации — и Лена, недолго думая, пошла устраиваться в мэрию. Артем Мертвин, начальник департамента по связям с общественностью, моложавый, с тонкой шеей и острым личиком, весьма благосклонно отнесся к новой сотруднице.

— Мы стараемся работать по-новому, — говорил он, — нам нужны молодые люди, мыслящие нестандартно, креативно. Уверен, что вы именно из таких.

Лена кивала и поддакивала, готовая «пахать» как папа Карло, чтобы удержаться здесь. Она не учла, что Мертвин был завсегдаем тех же тусовок, где временами появлялась и она. Наведя справки, Артем узнал, что Лена проводит сессии, и решил, что предоставление работы является достаточным поводом, чтобы бесплатно получить то, за что остальные платят деньги. На первом же корпоративе, в честь дня рождения одного из сотрудников, он, уже изрядно набравшись, запустил Лене руку под юбку. Лена, тоже выпившая, отреагировала

совсем не так, как ожидал Артем: корпоратив кончился опрокинутым столом, двумя сломанными ребрами непосредственного начальника и увольнением «по собственному желанию».

Это происшествие поставило крест на карьере Лены — оскорбленный в лучших чувствах, Мертвин задействовал все связи, чтобы девушка не устроилась на работу нигде в городе. В итоге ей пришлось вернуться в родную станицу, где у нее остался так и не проданный дом, и устроиться в «Алую зарю», благо Степан Коваленко был только рад заполучить молодую сотрудницу. Чтобы содержать дом, скромного оклада в районном издании явно не хватало, магазин давно продали за долги, так что Лене пришлось вновь подрабатывать «госпожой», разыскивая через тусовку «бабловых» клиентов. Так в ее жизни и появился Антон Ящичко, оказавшийся большим любителем Темы. Впечатленный внешностью и мастерством Елены, вице-губернатор очень скоро стал ее главным, а потом и единственным клиентом. Но, сколько бы она не просила, он не соглашался устроить ее в город — его вполне устраивало текущее положение дел.

Сегодняшняя встреча давала молодой журналистке надежду: скандальное расследование, с раскрытием громкого убийства могло не только прославить ее, но и дать шанс на то, чтобы, наконец, вырваться из постылого района. И Лена была полна решимости этот шанс не упустить.

Пресловутые «Щучьи Зубы» находились в десяти километрах от районного центра, неподалеку от заброшенного хутора Гнилой Лиман. Иных поселений поблизости не имелось, да и в целом люди здесь появлялись редко, даже рыбаки предпочитали иные места, с нормальным клевом и удобным подъездом. Сами «Зубы» представляли несколько острых скал, непонятно откуда взявшихся в здешних плавнях. Они образовывали почти ровный круг, на вершине небольшого холма, расположенного близ лимана. В районе ходили разные слухи насчет этого места — кто-то говорил, что здесь раньше было старинное кладбище, заброшенное еще до революции, находились и такие, кто утверждал, что «Щучьи Зубы» — все, что осталось от древнего кургана, хотя археологи, порой забредавшие в эти края, решительно отвергали эту версию.

Так или иначе, все эти байки служили дополнительным аргументом для местных, чтобы не соваться сюда. Что, в общем-то, объясняло, почему встречу Лене назначили именно здесь — во всем районе, по крайней мере, рядом с центром, трудно найти место, менее подходящее для случайных глаз и ушей.

С другой стороны, если что-то пойдет не так — Лену здесь найдут не скоро.

На всякий случай она захватила газовый баллончик, а еще охотничий нож, чуть ли не единственную вещь, оставшуюся от отца. Нож был довольно старым — мать что-то рассказывала, что это не то трофей, не то семейная реликвия, сохранившаяся с непонятно каких времен. Однолезвийный клинок, не потерявший остроты даже сейчас, и рукоять из потемневшей от времени кости. Ее украшало едва различимое изображение птицы, окруженной надписью, настолько стертой, что не было понятно даже какому языку она принадлежит. Тяжесть ножа приятно оттягивала карман Лены, хотя она прекрасно понимала, что если возьмутся за нее всерьез — нож не спасет.

От трассы «Щучьи зубы» находились примерно в километре, половину которого Лена проделала по узкой тропке, пролегшей меж камышей. С какого-то момента началась такая грязь, что ехать дальше было невозможно. Лена, с трудом отведя мотоцикл к небольшому дереву, одиноко стоявшему на обочине тропки, укрыла своего стального коня в камышах. Дальше она пошла пешком, ругаясь на вязнущие в грязи ботинки. Почва под ногами становилась все более влажной, то и дело ей приходилось огибать большие лужи, предвещавшие близость лимана. Налетавший холодный ветер заставлял ее ежиться, несмотря на теплую одежду. С другой стороны, нет худа без добра — летом бы ее заели комары. Хорошо еще, что сегодняшнее небо было безоблачным и на нем светила полная луна, освещавшая дорогу.

Неожиданно камыши расступились. Перед Леной открылась мерцающая в лунном свете водная гладь. Здесь же высился и холм, на котором торчали пресловутые «зубы». Едва Лена начала подниматься, как меж двух камней выросла некая фигура.

— Я знал, что ты придешь! — раздался самодовольный голос.

— Мы знакомы? — спросила Лена, прикрывая глаза от лунного света и вглядываясь в лицо собеседника.

Он носил все черное — черная куртка, черные штаны и черные же ботинки на высокой шнуровке. Голову прикрывала вязаная шапка, но лицо как будто оставалось в тени — сколько не вглядывалась Лена, не могла различить черт.

— Самое время познакомиться, — последовал насмешливый ответ, — фотку оценила?

— Да.

Лена вспомнила присланное ей изображение. На нем из темно-синей бэхи выходили люди, чьи лица Лена запомнила с тех пор, как начала свое журналистское расследование — сам Алексей Сапронов и его наблюдатель Роман Юдин. Оба считались без вести пропавшими, но Лена была уверена, что их давно нет в живых.

— Когда было сделано то фото? — спросила Лена.

— За несколько минут до смерти Сапронова, — ответил мужчина.

Лунный свет, наконец, осветил его лицо, оказавшееся абсолютно незнакомым. Лицо как лицо, ничего примечательного — увидела и забыла.

— Можешь звать меня Толиком... — Мужчина предвосхитил ее следующий вопрос.

— Как умер Сапронов? — в лоб спросила Лена, входя меж двух «зубьев».

Собеседник шагнул навстречу, его лицо исказилось в неприятной ухмылке.

— Он умер...очень плохой смертью, — улыбка мужчины стала шире, — тебе в этом плане повезло больше!

Лена ежеминутно ожидала подвоха, но к такому стремительному разворачиванию событий она оказалась не готова: в руке мужчины блеснула сталь, и тут же девушка почувствовала удар, и острую боль в груди. В следующий миг в ее ноздри ударил едкий запах — хранимый за пазухой баллончик взорвался, выплеснув порцию газа в лицо обоим. Лена, кашляя, отпрянула, чувствуя как под курткой струится кровь — он все же порезал ее, пусть и не довел дело до конца. Лена что есть силы ударила ногой по руkenападавшего, выбивая из нее нож. Но мужчина вновь ринулся на нее и Лена, не успев увернуться, со всей дури впечаталась спиной в ближайший «зуб». От удара у девушки перехватило дыхание, а мужчина, не давая ей опомниться, ухватил ее за горло и крепко приложил головой о камень. Перед глазами потемнело, грудь сдавило от недостатка воздуха. Из последних сил Лена выхватила собственный нож и пырнула им нападавшего. Сдавившая горло хватка ослабла, а девушка, уже не соображая, что делает, снова и снова вонзала нож в тело мужчины. Опомнилась лишь когда из его распахнутого рта выплеснулась кровь, а сам агрессор обмяк и сполз к её ногам. Она тяжело дышала, ее била крупная дрожь, ноги почти не держали, так что она опустилась на землю рядом и уставившись на убитого ею человека. Второго за ее не такую уж длинную жизнь.

— Да мать твою, сука! — крикнула она, пнув труп, — когда же вы все от меня отстанете?!

Труп, понятное дело не отвечал, но зато как-то странно отреагировал окружающий воздух. Сперва Лена подумала, что продолжает дрожать от пережитого стресса, потом поняла, что дело совсем в другом.

Дрожал камень. Дрожала земля. Дрожал курган.

Краем глаза ошеломленная Лена отметила отблеск багряного света и, обернувшись, увидела, что на «зубе», там, где на него угодила кровь — ее и мертвеца — наливается красным некий знак, доселе незаметный. Внезапно из камня вырвался тонкий луч, протянувшись к стоящему напротив «зубу», где тут же загорелся другой знак. Второй луч поразил уже третий столб — и на нем вспыхнул свой символ.

— Маамочкиии!!! — жалобно простонала Лена, дико озираясь по сторонам, — да что же за хрень тут творится?!!!

Она хотела выбежать из круга камней, когда холм под ее ногами дрогнул особенно

сильно, заходяв ходуном. Не удержавшись на ногах, девушка упала на землю, в которой разверзлись глубокие трещины. Из них с шипением вырвались струи густого пара, в считанные секунды превратившиеся в облако желто-зеленого тумана, окутавшего и вершину холма, и «Щучьи зубы», и затравленно озирающуюся Лену.

Туман держался всего несколько минут, рассеявшись так же быстро, как и сгустился. Когда тающие в воздухе клубы сползли по склону холма, глазам ошарашенной девушки предстало совершенно невероятное зрелище.

Сначала стало тепло, даже жарко — влажная липкая духота обволокла девушку, заставив ее разом взмокнуть от пота. Затем появился шум, больше подобающий лету, нежели началу весны: неумолчное гудение комаров, оглушительное кваканье лягушек, крики ночных птиц и иные звуки, которые Лена не смогла опознать, но тоже, судя по всему, издаваемые какой-то живностью.

А потом туман окончательно рассеялся.

Лена даже не сразу поняла, что изменилось. Вокруг нее по-прежнему высились острые камни, будто бы вырастающие из вершины холма, а перед ней простиралась водная гладь, освещенная полной Луной. Но потом Лена обернулась...

— Ну Толик, ну е... твою мать!!! — в сердцах выругалась она, — это уже слишком!

Зарослей камышей и грязной тропинки, по которой она пришла сюда, больше не было — за ее спиной простиралась такая же водная гладь, исчезающая в туманной дымке. На воде покачивались огромные, размером с машинное колесо цветы, напоминающие лотосы. Меж красных как кровь лепестков роились насекомые, показавшиеся Лене слишком крупными для обычного гнуса. Вдали виднелись некие заросли, но в свете Луны Лена так и не поняла — обычные камыши это или настоящий лес. Кое где из воды вздымались холмы, вроде того, на котором очутилась Лена.

И ни единого живого человека вокруг.

Лена, мягко говоря, не увлекалась попаданческой макулатурой, но некоторое представление о жанре имела — время от времени Всемирная паутина заботливо подсовывала ей рекламу очередного опуса про доблестного менеджера или отставного майора, попавшего в героическое прошлое Страны Советов, или в волшебный мир с орками, гномами и Черными Властелинами. Пролистав их от нечего делать, Лена старалась поскорее забыть прочитанное, морщась от однообразных сюжетов и бедности авторской фантазии.

Ну, вот тебе и разнообразие, Леночка, кушай, что называется, не обляпайся. Ни эльфов с орками, ни немецких танков с мессершмиттами, ни товарища Сталина во френче и с трубкой, жаждущего выслушать столь нужный ему совет от благодарных потомков. Впрочем, товарищу Кобе Лена вряд ли бы обрадовалась: было в семейной истории несколько неприятных моментов, никоим образом не прибавивших у Лены симпатий к вождю всех народов. Так что хорошо, что его тут нет. И вообще — тихое такое место: войны вроде нет, никто не стреляет и...

— Дура, о чем ты думаешь! — девушка хлопнула себя по лбу, — тут и без Сталина та еще жопа намечается. Коза дурная, приключений ей захотелось на свою задницу!

— Квак!

Что-то утвердительно булькнуло у нее за спиной. Громко так булькнуло, веско, будто полностью соглашаясь с Леной. Девушка обернулась и от неожиданности чуть не заорала, встретившись взглядом с первым обитателем этого мира.

На первый взгляд — ничего особенного. Обычная лягушка, ничем не отличавшаяся от всех ее собратьев, во множестве населявших водоемы в родном районе Лены. Обычная такая лягушка... размером с собаку.

После всего, что случилось сегодня, Лена бы не удивилась, если бы скользкая тварь вдруг заговорила с ней, а то и вовсе обернулась прекрасным принцем. Или там, царевной, —

сейчас девушка могла поверить во что угодно. Но выпученные глаза твари тупо уставились на Лену и интеллекта в них было не больше, чем у любой лягушки из ее родного мира.

— Квак! — повторила лягушка и прыгнула вперед, чуть не коснувшись ноги девушки.

Нервы не выдержали и Лена заорала, отскакивая и размахивая руками:

— Пошла отсюда!

Нечаянная попаданка схватила ком грязи и швырнула в лягушку. Та обиженно квакнула и, развернувшись, прыгнула в темноту. Спустя мгновение послышался громкий плеск. Лена бессильно прислонилась к столбу, едва держась на ногах и трясясь крупной дрожью. Привычная выдержка изменила ей — как бы не мотала раньше Лену жизнь, к такому она ее точно не готовила. Вот ведь гадский Толик!

«Может это сон?» — мелькнула спасительная мысль. Для верности Лена сильно ущипнула себя за бедро, но желанного пробуждения в родной кровати не случилось. Да и вряд ли во сне продолжал бы так болеть порез от ножа Толика — неловкое движение чуть не заставило Лену взвыть от боли. Она сняла куртку, а следом и легкий свитер, выпачканный кровью, оставшись в одной футболке. Задрав ее, она внимательно осмотрела удар ножом, пришедшийся чуть ниже груди. Кровь уже перестала течь, но едва подсохшая рана выглядела весьма неприятно. По-хорошему, ее следовало промыть, но не в этой сырости и грязи...кто знает, что плавает в здешней воде.

Взгляд упал на мертвое тело и взрыв бессильной ненависти придал ей силы. Подскочив к труп, она с размаху пнула его ногой.

— Скотина, тварь, у. бок! — сквозь подступившие к горлу слезы бормотала она, — куда, мать твою, ты меня затащил?! Сука, что, ну ЧТО я тебе сделала?!!!

Покойник предсказуемо молчал, и Лена, выговорившись и выплакавшись, немного успокоилась. В голове родилась может и запоздалая, но, без сомнения, здравая мысль, как следует осмотреться — вдруг где-то да найдется ответ, как она здесь очутилась. А следом, глядишь, родится и понимание, как отсюда можно выбираться.

Преодолевая брезгливость, она присела на корточки рядом с трупом и стала копаться в его карманах. Судя по всему, Толик лишнего с собой не носил — карманы оказались пусты. Зато кое-что интересное нашлось на шее — нечто, висящее на шнурке, напоминающее монету с просверленным отверстием. Место номинала занимало изображение, походившее на солнце с расходящимися лучами. Лена перевернула монету, но не увидела ничего, никаких знаков или надписей — совершенно ровная поверхность. Лена подняла монету на свет, потом попробовала на зуб — судя по всему, чистое золото.

— Спасибо и на этом, — криво усмехнулась девушка, надевая монету на шею, — а теперь — катись к хренам!

Она с трудом подтащила «Толика» к краю холма и, поднатужившись, спихнула вниз. Мертвое тело покатило по склону, цепляясь за стебли трав, и вскоре скрылось во мраке. Спустя мгновение Лена услышала громкий плеск и лягушки заорали еще громче.

— Туда тебе и дорога, коз-з-ел! — выплюнула на прощание Лена

Она обошла камни, внимательно осматривая каждый «зуб» — их оказалось ровно семь. Таинственные знаки больше не светились, но оставались четко различимыми, будто вырезанные в черном камне. Все символы были разными — на том зубе, из которого ударил первый луч, виднелся почти идеальный круг, окаймленный чем-то вроде ободка. Другой знак был более узнаваем — обычный полумесяц, рогами вверх. Остальные символы тоже выглядели более-менее понятно, — в одном угадывалось что-то вроде языков пламени, в

другом волнистые линии, судя по всему, тут пытались изобразить символы четырех стихий. Седьмой знак тоже смотрелся весьма узнаваемо, хоть и несколько зловеще — что-то вроде косы или серпа.

— Хренов Толик, — выругалась Лена, — чтобы ты сгнил в том болоте.

Слова эти прозвучали неожиданно громко — девушка сама испугалась того, что она что сказала. Вокруг нее что-то изменилось — и она вскоре поняла, что именно.

Тишина.

Разом стихли все лягушки, замолкли и иные болотные обитатели, даже комары, казалось, стали гудеть куда тише. И наступившую вдруг тишину прорезал раскатистый рев. Вслед за этим послышался плеск воды.

— Вот черт! — Лена еще не успела сообразить, что делать, но тело само отреагировало на новую напасть. Опомнилась она уже лежа на земле и осторожно выглядывая из-за камня со знаком полумесяца.

Между «ее» курганом и соседним, примерно в трехстах метрах, кто-то шел через болото. Именно шел, а не плыл: в темноте Лена различила огромное тело, в свете луны блеснувшее серо-зеленой чешуей, мощные лапы, с плеском погружавшиеся в воду, длинный хвост, разбрызгивавший тину и всякий сор. В высоту чудовище, как показалось Лене, было примерно с лошадь, но раза в три длиннее. Голову жуткое существо держало опущенной: лишь раз подняло ее, утыканную рогами, шипами и какими-то отростками, чтобы распахнуть зубастую пасть и издать очередной рев.

— Ма-мочка! — чуть слышно пискнула Лена, вжимаясь во влажную землю. Тварь повернула голову и девушка увидела, как светятся зеленым светом огромные глаза. На одно ужасное мгновение ей показалось, что чудовище ее увидело, но в тот же миг тварь вновь опустила голову и последовала дальше. Спустя некоторое время она исчезла за ближайшим курганом, из-за которого донесся отголосок жуткого рева.

— Твою жешь мать, — упавшим голосом произнесла Лена.

Впрочем, сказано это было скорей меланхолически — Лена уже начала привыкать к тому, что происходит вокруг. К тому же оно казалось слишком нереальным, чтобы вызвать всерьез чувство опасности. Может, это и не сон, но какое-то наваждение, морок, который развеется к утру, и она вновь окажется в родном районе.

— А может? — вслух подумала Лена, — и утра ждать не придется?

Осененная внезапной идеей, она кинулась лихорадочно шарить по земле и вскоре уже держала в руках два ножа — один свой, второй «Толика». Его нож, как не странно, оказался почти копией ее собственного, — разве что символ на нем был прорисован более четко: все то же восходящее солнце, что и на золотой монете. Смутное подозрение шевельнулось в голове, тут же вытесненное захватившей ее идеей. Подскочив к камню с вырезанным кругом, Лена полоснула себя по руке и, приставив окровавленную ладонь к камню, вся замерла, в страстной надежде на чудо.

Чуда не произошло: орали лягушки, быстро осмелевшие после ухода неведомой твари, давила влажная духота, а проклятые комары, после того, как она сняла куртку и свитер, целыми стаями рассаживались по ее голым рукам и шее. Но не дрожи земли, ни алых лучей, ни таинственного тумана. И никаких перемещений между мирами.

— Ладно, — раздосадовано буркнула Лена, — подождем до утра.

И тут на ее плечо легла рука.

Лена сначала даже обрадовалась — ее взбудораженный, сбитый с толку ум сразу связал

это прикосновение с произведенным действием. Она резко обернулась — и поперхнулась радостным криком при виде неожиданного посетителя.

Перед ней стоял «Толик», весь в тине и лепестках кувшинок. Жуткого, синюшного цвета руки, как и распухшее лицо, уже были изъедены какими-то водяными тварями, в правой глазнице извивалась жирная черная пиявка. Зато левый глаз полыхал гнилостно-зеленым светом, и в нем угадывалась жуткая ненависть. Мертвец открыл рот. В нем влажно блеснули острые, словно иглы, зубы. Когтистая лапа протянулась к парализованной страхом Лене и, ухватив золотую монету, резко сдернула ее с шеи девушки. Боль в шее вырвала Лену из оцепенения — когда смрадная пасть, пахнувшая тухлятиной и тиной, приблизилась к ее лицу, она отпрянула и полоснула тварь ножом.

— Сдохни! — истерически выкрикивала она, снова и снова втыкая нож в податливую плоть, — сдохни же ты, наконец!!!

Но мертвец не торопился умирать второй раз — удары ножом даже не замедлили его. Когтистые пальцы впились в тело Лены, разрывая в клочья майку. Лена почувствовала, что ее словно сжали в жуткие тиски — еще мгновение и эта тварь просто разорвет ее. Злорадный булькающий смех вырвался из раззявленной пасти, когда Лена из последних сил воткнула нож в глаз чудовища. Железная хватка на миг ослабла и девушка, вырвавшись, опрометью кинулась вниз по склону, распугивая огромных лягушек. Позади нее послышался утробный вой и, оглянувшись, Лена увидела, что живой мертвец ковыляет за ней. Для слепого двигалось чудовище на удивление быстро, и Лена, почувствовав, как ею овладевает панический страх, кинулась прямо в воду.

Ее ноги по щиколотку погрузились в жидкий ил, их оплели корни каких-то водяных растений, мешающих бежать. Куча насекомых взметнулась вокруг, окутав Лену жужжащим, жалящим, копошащимся облаком. Вслепую отмахиваясь, девушка бежала, куда глаза глядят, черпая ботинками воду. Вслед за ней, что-то неразборчиво бормоча, устремился и мертвец. Страх придал Лене сил — продираясь по колено, а то и по пояс в воде, не думая о возможных опасностях, подстерегающих ее впереди, она что есть силы пыталась увеличить расстояние между собой и тварью. Однако чудовище, несмотря на слепоту, не отставало, упорно преследуя беглянку. Ко всему прочему сгустился туман, еще больше срывающий шансы обоих.

Почва под ногами девушки стала более твердой, и вскоре она выбежала на пологий берег, поросший высокими кустами. Лена метнулась к ним, когда что-то твердое и живое, вывернувшись из-под ее ног и девушка, жалобно вскрикнув, повалилась на песчаную отмель. Перевернувшись на спину и выставив перед собой так и на выпущенный ею из рук нож, она с мужеством обреченной смотрела, как из тумана на берег выходит мертвец. Пустые глазницы зияли черными дырами и Лена не могла избавиться от ощущения, что даже без глаз чудовище с ненавистью смотрит на нее.

Знакомый рев ударил ей в уши и в следующий миг из тумана вырвалась покрытая чешуей туша. Перед глазами Лены мелькнула шипастая голова и в следующий миг острые зубы перекусили пополам неуспокоенного «Толика». Мотая головой и перемалывая могучими челюстями мясо и кости, исполинская тварь пожирала неожиданное лакомство, отрывая и проглатывая огромные куски. Лена, воспользовавшись неожиданной передышкой, кинулась напролом через густые заросли, не обращая внимания на ветви и колючки, рвущие остатки одежды.

Она остановилась лишь когда рев болотного чудовища позади затих. Пока она

прорывалась сквозь заросли, кусты как-то незаметно превратились в настоящие деревья: низкорослые, со странно искривленными стволами и широкими листьями. Почва под ее ногами сочилась влагой, по пути то дело попадались лужи или даже небольшие озерца, в которые прыгали огромные лягушки.

И еще Лена поняла, что, убегая от чудовищ, совершенно заблудилась.

Лес вокруг нее жил своей жизнью: из зарослей доносились непрерывные шорохи и шелесты, кто-то рычал, шипел, квакал, пищал, стрекотал, издавал еще с сотню всевозможных звуков. Во тьме появлялись и исчезали призрачные тени со светящимися глазами, в воздухе бесшумно скользили некие крылатые создания. Вот над Леной пролетело нечто, напоминающее гигантского мотылька размером с голубя. Что-то его привлекло в Лене — он кружил, издавая писклявые звуки и почти задевая ее волосы белыми крыльями. Девушка, уже не ожидая ничего хорошего от здешней живности, пошарила по земле и, нащупав увесистую дубину, ожесточенно отмахивалась ею от крылатого создания. Один из ударов достиг цели: мотылек отлетел в сторону, издав отчаянный писк, и в следующий миг ошеломленная Лена увидела, как из сплетения ветвей спикировал огромный паук. Мельтешащие длинные лапы, проворно заплетали еще трепыхавшуюся добычу в паутиный кокон. Паук выглядел отвратно сам по себе, но, приглядевшись, Лена поняла, что наткнулась на особо мерзкую тварь — на паучьем теле скалилось злобное личико, похожее на обезьянье, с длинными седыми космами и истекавшими ядом изогнутыми клыками. Красные глаза зло уставились на девушку, поспеившую поскорее убраться подальше.

Чуть позже, когда Лена пробиралась сквозь заросли, рядом вдруг послышался оглушительный стрекот, и из кустов выпрыгнуло нечто, длиной метра в полтора, состоявшее, казалось, из одних суставчатых ног, клешней, жвал и множества мерцающих глаз. Лене повезло — с первого же удара она поймала тварь на дубину, а когда многоногая мерзость вцепилась в дерево всеми клешнями жвалами, девушка тут же отбросила оружие и кинулась наутек. За ее спиной еще слышался громкий стрекот, вдруг прервавшийся не менее громким шипением и позже — смачным хрустом. Лена сломя голову побежала по лесу, желая оказаться как можно дальше от существа, только что походя закусившего ее обидчиком.

И все же, наибольшая опасность подстерегала Лену не здесь. Когда она, грязная и исцарапанная, вышла на зеленую лужайку, поросшую мхом, земля под ней вдруг расступилась. Не успев опомниться, Лена оказалась по пояс в трясине. Впопыхах она стала вырываться, и тут же увязла еще сильнее.

— Помогите!!! — отчаянно крикнула Лена, — кто-нибудь!!!

Только очередные шорохи были ей ответом — лес продолжал жить своей жизнью, не обращая внимания на тонущую девушку. Она еще раз дернулась, пытаясь дотянуться до свисавших над болотом ветвей ближайшего дерева, но вышло еще хуже: под ногами что-то чавкнуло и она провалилась по грудь. Слепой ужас объял девушку, она с трудом вытасила руку с ножом, пытаясь им дотянуться до твердой земли. Это ей удалось — клинок вошел в почву и Лена, попыталась, опершись на него, подтянуться на руках. Но тут же пласт земли обвалился, точно также утонув в трясине.

— Нет!!! — Лена заплакала от жалости к себе, — так нечестно!!!

Теперь на поверхности торчала только ее голова и она была вынуждена задирать голову, чтобы не хлебнуть жидкой грязи. Перед ней вдруг встали события сегодняшней ночи — как легко было всего лишь не ответить на это чертово сообщение, а просто зайти домой. Она подумала о мотоцикле, что теперь останется ржаветь в камышах, о Романе Коваленко, что

будет ждать ее в понедельник на работу, даже о Антоне Ящичко, что безуспешно будет названивать своей домине — а ведь и айфон сгинул где-то, когда она убегала от ожившего трупа. Никто больше не увидит Лену, никто не узнает, как она погибла.

Небо над ней тем временем серело — за всеми событиями сегодняшней ночи Лена и не заметила, как та подошла к концу. На миг в ней пробудилась отчаянная надежда — а вдруг с рассветом весь этот ужас растает, сгинет, как и любой кошмар и она окажется у себя дома? Вдруг это все — понарошку!

— Помогите! — крикнула она еще раз, — помо....

Грязная вода залилась в ее рот и девушка, закашлявшись, задрала голову еще выше.

И тут вошло солнце.

Едва Лена увидела его, как надежда окончательно оставила ее. Тусклый свет, совсем не слепящий глаза, изливал черный диск, окруженный тонким белым ободком, только подчеркивающим крошечный мрак светила. Своей нереальностью, вопиющей неправильностью, этот черный круг невольно заворожил Лену. Она почти забыла о неминуемой смерти, тянущей ее на дно, о подступавшей к губам грязи. Сейчас ей почти хотелось, чтобы последним, что она увидит в жизни, стало это странное и пугающее, но чем-то необыкновенно притягательное зрелище.

Она даже не сразу услышала громкий лай и следом за ним — чьи-то голоса. Лишь когда кто-то сунул в ее руки суковатую палку, Лена цепко схватилась за нее, чувствуя, как ее тянут из трясины. Еще кто-то ухватил ее за волосы, после чего дело пошло быстрее. Когда она — грязная, исцарапанная, в рваной одежде, — оказалась на твердой земле, девушка облегченно всхлипнула и потеряла сознание.

Из огня да в полымя

— На, выпей это! Выпей-выпей, тебе все нутро прочистит.

Лена взяла небольшую флягу и сделала осторожный глоток. Внутри оказалось нечто, разом продравшее горло, заставив ее закашляться. Рядом с этим пойлом самый крепкий самогон, который гнали станичники родного района, показался бы не крепче шампанского.

— Спасибо, — утирая слезы, девушка протянула флягу обратно.

— Оклемалась маленько? Ну, а теперь рассказывай — кто такая, откуда.

Произносилось все это, конечно, не по-русски, но все же язык оказался понятен Лене, имея отдаленное сходство с тем, как балакали старики в отдаленных хуторах. Сам спрашивавший выглядел под стать своей речи, вызвав в памяти образы репинских запорожцев — высокий мужчина, с мясистым лицом и цепкими желтыми глазами, живо напомнившими Лене Семена Лягвина. Бритую наголо голову украшал черный чуб, заплетенный за правое ухо. Одет он был в черной рубахе, покрытой странной вышивкой — в виде золотых бабочек «мертвая голова». Что-то напоминающее шубу, из-за жары переброшено через руку. Также мужчина носил черные шаровары и кожаные сапоги. С левого уха свисала серьга в виде золотой мухи с маленькими изумрудами вместо глаз, по крайней мере, Лена решила, что это именно изумруды. Из-за широкого кожаного пояса торчал большой нож, в голенище сапога разместилась свернутая ногайка.

Лену обступило с пару десятков мужчин, тоже в шароварах и черных рубахах, с вышивкой в виде белых мух. Те, что постарше носили шапки из серого меха, Лена решила, что волчьего, те, что помладше были просто стрижены «под горшок». Они были заметно моложе говорившего с Леной, а двое выглядели чуть ли не подростками. Впрочем, молодость явно не делала их безобидными — все носили такие же ножи, как у жоака, а несколько — еще и луки. Что-то в глазах этих парней сближало их с большими собаками, похожими на волков, что лежали неподалеку, внимательно наблюдая за девушкой. Имелись тут и невысокие мохнатые лошадки, с хрустом объедавшие стебли рогоза. У ног лошадей понуро сидело с десяток худых девиц с грязными волосами. Из одежды они носили лишь длинные, до пят, рубахи какого-то серо-буро-зеленого цвета, будто специально подобранного под болотный пейзаж. В выпуклых, мутно-зеленых глазах застыла тупая враждебность ко всему окружающему.

И все же это были люди — не болотные твари и не ожившие мертвецы. Чувствуя, как возвращается самообладание, Лена посмотрела в глаза жоака и демонстративно пожалала плечами. Тот усмехнулся.

— Ты, красуня, гонор-то придержи, — он произнес это почти добродушно, но в желтых глазах мелькнуло нечто, сделавшее их почти неотличимыми от глаз серых зверей, — или ты отвечаешь, когда я спрашиваю — или бросим туда, откуда вытащили. Все понятно?

— Все! — Лена кивнула.

— Вот и славно. Еще раз — кто такая, откуда?

— Да росковка она, батько, — не выдержал один из его спутников, — не дреговка же.

— Помолчи, — «батько» вскинул руку, — я хочу, чтобы она сказала.

— Меня Лена зовут, — произнесла девушка, — Елена.

— Олена, значит, — кивнул мужчина, — из Росковии?

На миг Лена заколебалась — речь мужчины уж больно походила на украинскую мову,

вдруг и здесь имеются отголоски распрей ее мира?

— Из России, — все же призналась она, — но по отцу немка.

— Я так и понял, что оттуда, — кивнул мужчина, явно пропустив последнюю часть фразы мимо ушей, — да по тебе и видно. Здесь-то как очутилась?

— Нас было двое, — произнесла Лена, лихорадочно думая, как объяснить, что с ней произошло, — потом...он умер.

— Это здесь запросто, — кивнул ее собеседник, — дальше что? Тело куда дела?

— В воду... — не видя причин скрывать правду, пожалла плечами девушка.

— Дуреха, — усмехнулся один из парней.

— Не скажи, — сказал старший, — в здешних водах мертвечина долго не залеживается, даже ночью — гады мигом сжирают. Это ночью было?

— Да, — кивнула Лена, — там...где холмы такие из воды торчат.

— В Курганье, значит, — хмыкнул мужик, — а вот это и впрямь глупо, там мертвяки быстро встают. Не повезло, значит, что именно там твой хахаль вздумал копыта откинуть.

— Верно сказано, батко, — поддакнул кто-то.

— Тебя не спрашивают, — не оборачиваясь, бросил «батко». — Ну, а сами то чего здесь забыли? Через всю Топь лезть — охотников мало найдется. Может, бежали от кого?

Лена снова пожалла плечами, не зная, что ответить. Признаться, что она не местная — а поверят ли? И если поверят — как себя поведут?

— Одежка у тебя интересная, — тем временем говорил мужчина, — тебя когда вытащили, посмотрели — сильно рваное, грязное, а все равно видно, что не наше. Да и обувка, — он поднял за каблук разъехавшийся, порвавшийся ботинок, полный жидкой грязи, — никогда такого не видал. Впрочем, тебе его уже не носить.

С этими словам он забросил ботинок в болото. Лена тоскливым взглядом проводила последнюю вещь, связывавшую ее с прежним миром. Ее старую одежду уже сменила длинная рубаха, похожая на те, что носили девушки возле лошадей, только белая.

— Тебя когда передевали, — глаза мужчины масляно блеснули, — видная ты девка, что и говорить, не то, что эти, так вот, когда передевали, на тебе раны были. Одна так точно от ножа, другие — от когтей? Это твой так тебя?

— Да, — Лена не стала отрицать очевидное.

— Он тебя, а ты его, — хмыкнул мужчина, — а потом снова он тебя, так?

— Так, — кивнула девушка.

— Что не поделили? — спросил мужчина и, не дав ответить, махнул рукой, — впрочем, не больно и знать охота — кем бы ты не была, теперь забудь про это. Знай, девка, что я, Марко Басарвак, атаман Приболотной стражи и твой хозяин!

— Чего? — возмущенно крикнула Лена, вскочив с места.

Одновременно вскочили и псы, рыча и скаля острые зубы.

— Что слышала, — Марко оскалился не хуже своих собак, — все, что на болоте взято — то мое! Ступай вон к ним и сиди тихо — а то мои хлопцы уже облизываются.

Он указал на угрюмых девиц и Лена только сейчас заметила, что их запястья крепко связаны толстыми веревками, а на плечах видны хорошо знакомые ей следы добротной плетки, вроде тех, чьи рукояти торчали из голенищ сапог «хлопцев» и самого Басарвака.

— Ты не слышала? — нахмурился Марко, — ступай, я говорю.

Разум подсказывал Лене, что лучше бы повиноваться, но извечный гонор, не раз доставлявший ей проблем, проявил себя и в этот раз. Она с вызовом глянула в глаза атамана

и помотала головой. Марко, даже не рассердился, просто кивнул «хлопцам» и сразу пять парней подступили к Лене. Девушка отчаянно отбивалась: ей удалось засадить между ног одному и подбить глаз другому, прежде чем ее скрутили и швырнули к ногам Марко. Лена бешено задергалась, пытаясь вырваться, когда ей задрали подол.

— Сильно не бить, — слышался скучающий голос атамана, — просто чтобы поняла, что к чему. Шкуру сильно не портить.

Свистнула плеть и Лена взвыла от боли — эти ребята умели обращаться с кнутом.

Ей приходилось участвовать в свитч-вечеринках, где не только она, но и ее пороли почем зря. Однако по сравнению с этими ударами, то была не порка, а ласковое поглаживание.

Десять раз взлетала и опускалась плеть, заставляя Лену глухо стонать, дергаясь под придавившими ее парнями. Когда все закончилось, ей задернули подол и крепко связали за спиной руки.

— Гладкая такая, — заметил кто-то, проведя ладонью по пяткам Лены, — все ноги собьет, пока мы до Ктырева доберемся.

— Значит пешком не пойдет, — усмехнулся Марко, — с почетом поедет, вместе с атаманом. Закидывай ее на моего коня.

В предках атаманского коня мог спокойно затесаться бык или лось — крупный, высокий зверь с роскошной косматой гривой. Широкие копыта казались идеальными для здешних болот. Конь и не пошевелился, когда через его спину, словно мешок с мукой, перекинули связанную Лену.

— Добре, — кивнул Марко, запрыгивая в седло. — Ну, до дому!

Весь последующий день они ехали по проложенным в вязкой грязи гатям, разгоняя жужжащий гнус и распугивая мелкую живность. Более крупные твари, видимо, тоже опасались подходить к двум десяткам вооруженных людей, окруженных свирепыми псами — и все же эти «казаки» все время держались настороже, чутко вскидываясь на доносящийся издали рев или скользившую в воде неясную тень. Судя по всему, отряду просто везло, что пока не встретились по-настоящему опасные твари. А в том, что такие тут водятся, Лена не сомневалась ни на минуту.

Она ехала на спине лошади — в отличие от остальных пленниц, что шли рядом с конями, подгоняемые рыком собак и ленивыми тычками всадников. Шли босиком — черные от грязи загрубелые подошвы позволяли им выдержать навязанный им темп. Как поняла Лена из случайных обмолвок своих пленителей, эти девушки представляли собой коренное население этих болот, в отличие от самих мужчин, проживавших дальше к западу. Глядя на них, Лена поняла, за что ей оказана «честь» — сама бы она свалилась на первом же часу такого перехода.

В остальном же отношение к ней было немногим лучше, чем к остальным — даром, что на нее положил глаз сам Марко. Сам он то и дело похотливо похлопывал свой трофей по заду, только посмеиваясь на Ленино шипение.

— Оленка, а ты хоть целочка? — развязно спросил он, — а то поведу на продажу, а с ценой промахнусь. Сама знаешь, за нетронутых бабенок в Девманде хорошо платят.

— Да откуда в Росковии целки, атаман? — раздался чей-то наглый голос — судя по всему, принадлежавший кому-то из совсем молодых, — все они там шлендры, отвечаю...

— Отвечаешь, Звенко? — почти ласково спросил Марко, — а давай ты и проверишь?

— Как так, батько?

— А то ты не знаешь, как! — рассмеялся атаман.

— Батько, может не надо? — несчастным тоном произнес паренек.

— Тебе тоже плетей охота? — хмыкнул мужчина, — так твою шкуру мне беречь незачем. Будешь в следующий раз думать, когда язык распускать.

Лена услышала смешки, потом фырканье останавливаемых лошадей — и следом послышалось чавканье грязи под ногами. Марко тоже остановил коня, и девушка вся напряглась, в ожидании унижительной процедуры. Предчувствие ее не обмануло — вот шаги остановились рядом, и чья-то рука медленно потянула вверх подол.

— Че копаешься, Звенко? — рассмеялся атаман, — глянь какая сладость. Что там у нее?

Лена почувствовала жаркое дыхание на своих бедрах — и в следующий миг парень, словно решившись, зарылся лицом между ее ног, запуская язык во влажную глубину. Лена отреагировала рефлексивно: чуть не вывихнув руки, обхватила связанными запястьями затылок парня и с силой надавила. От неожиданности паренек протестующе замычал, но «проверить» Ленину невинность не перестал. Позади него слышался громкий смех старших товарищей.

«Устроили себе тут развлечение, — со злостью подумала Лена, — деды хреновы! Ну пацанчик, извини, сам напросился. Хоть на тебе отыграюсь».

Она энергично двигала бедрами, протираясь промежностью по лицу парня, решив, хоть так компенсировать себе недавнее унижение. Ее пленник мычал, но упорно продолжал свое дело, пока Лена с томным вздохом не обмякла, размазывая выделения по юношеской физиономии. Ее тело еще сотрясали сладостные конвульсии, когда кто-то отцепил ее руки от мужского затылка, выпуская на волю почти задохшегося казачка.

— Можешь не говорить, Звенко, — довольно хмыкнул Марко, — сам уже вижу. Рожу умой и поехали дальше. А ты готовься, — он хлопнул Лену по заднице, — ночью, как на привал встанем, я сам тобой займусь. Негоже, когда такая оторва без дела простаивает.

Но атаману не удалось воплотить свое намерение — к вечеру у Лены поднялся сильный жар. Голова стала тяжелой, словно налитая горячей водой, перед глазами плыли красные круги, дыхание вырывалось со свистящим хрипом. По всему телу разливалась пульсирующая боль, расходящаяся волнами от груди. Когда Марко развязал ей ноги и спустил с коня, Лена, пошатываясь, попыталась встать и вдруг рухнула прямо в грязь.

— Что такое? — Марко наклонился над ней, — девка, не дур... Да ты вся горишь!

На рубахе Лены расплывалось мерзкого вида грязно-красное пятно. Басарвак, недолго думая, разорвал одежду на женской груди и тут же выругался.

— Крепко, видать, твой дружок хочет тебя за собой в Лимб утянуть, — сплюнул он.

Под грудью Лены сочилась красноватой сукровицей воспаленная рана, от которой расходились багрово-черные полосы. Марко с силой надавил и брезгливо отдернул руку, когда из раны выплеснулся фонтанчик гноя.

— Помирает она, батько, — произнес один из хлопцев постарше, — может, ну ее в болото? Подхватишь еще проклятье, хлопот не оберешься.

Марко с сомнением посмотрел на Лену.

— До Ктырева к полудню доедем, — сказал он, — отдам ее Стрыге — может, выходит.

— До утра может и не дожить, — покачал головой мужчина.

— Ну и Валак с ней, раз такое дело, — махнул рукой мужчина, — легко нашел, легко потерял. Пока... положите ее рядом с костром.

— Хорошо, — кивнул хлопец и подозвал товарища, — ну-ка, подсоби.

Вместе они подтащили Лену к разведенному другими костру, для чего было найдено относительно сухое место. Краем глаза Лена заметила, с какой тревогой смотрит на нее самый молодой хлопчик, и нашла в себе силы усмехнуться — вот, значит, какой ты, Звенко. А ничего симпатичный, у меня бы на сессии он... Здесь ее мысли потеряли всякую связность, превратившись в сумбурный полусон-полубред. Изредка она просыпалась — вокруг костра раздавался то оглушительный рев, то заунывный вой, а порой даже раскатистый, совершенно нечеловеческий хохот. На все это Марко выкрикивал резкие команды, вслед за которыми слышался лай собак, тревожное ржание лошадей и свист стрел. В воздухе кружили причудливые тени, во мраке мерцали чьи-то глаза, а когда Лена открывала глаза, то видела, как вдали, на болоте, вздымаются, расплываясь в воздухе, призрачные светящиеся силуэты. Впрочем, она не была уверена, что это не бред — точно также отчетливо она видела рядом лица из прошлой жизни: что-то выговаривала мать с синим от удушья лицом; отчим, с топором в голове, тянул к ней жирные лапы; скалил острые зубы мертвый «Толик». Потом он вдруг превратился в Семена Лягвина, протягивающего ей плошку с неким мутным, дурно пахнущим варевом. В следующий миг Лягвин превратился в Марко.

— На, выпей, — сказал он, — я трав набрал, сварил кое-что. Авось до города дотянешь.

— Спасибо, — хриплым, еле слышным голосом произнесла Лена и маленькими глотками принялась пить обжигающее, мерзкое на вкус зелье. Допив плошку, она упала на траву, провалившись в очередное забытие, уже без бредовых видений.

Утро встретило ее тусклым светом черного солнца, напоминающим предзакатные сумерки. Краем сознания Лена отметила еще одну странность — из разговоров спутников она поняла, что они движутся с востока на запад — но именно на западе, навстречу им, поднималось Черное Солнце. Впрочем, долго над этим она не думала — вновь подступили жар и озноб, ужасно болела гноящаяся рана и кружилась голова. Выглядела она, похоже, настолько скверно, что Марко усадил ее на своего коня, сам взяв лошадь у одного из своих воинов, а тот пересел к товарищу. Лена же, покачиваясь, ехала верхом, вцепившись руками в лошадиную гриву и едва видя, что происходит вокруг.

Все же она заметила, что местность менялась — все чаще на смену болотам приходила твердая почва, где росли деревья, постепенно разраставшиеся в густой лес. А вскоре кончился и он — перед глазами Лены потянулись поля, засеянные чем-то, похожим на репу. Работавшие в поле люди почтительно кланялись Марко, на что тот отвечал небрежным кивком. Этих крестьян Лена почти не запомнила — неказистые одежды и невыразительные лица, такие же, что и у селян ее родины, лишённые интереса ко всему, за пределами собственного участка. Меж полей тянулась дорога, по которой иногда проезжали всадники, либо крестьяне на повозке, запряженной одной-двумя лошадьми. Низко кланявшимся крестьянам Марко молча кивал, с всадниками иногда перебрасывался несколькими словами, прежде чем двинуться дальше.

Солнце уже стояло в зените, когда перед ними замаячила конечная цель путешествия: каменная стена, окружившая небольшой город. За перекинутой над воротами аркой высилась статуя из черного камня, изображавшая существо вроде птицы, с женским лицом и грудью, когтистыми лапами и скорпионьим хвостом. Сами же ворота украшали начищенные до блеска медные бляхи в виде больших мух и другие, из некоего серебристого металла, изображающие бабочек «мертвая голова».

У ворот города Марко и его спутники спешили и принялись кланяться, глядя на

гарпию. Те, кто носил шапки — срывал их и тоже кланялся, что-то бормоча себе под нос. Во всем этом Лена услышала всего лишь одно знакомое слово, а точнее — имя. Впрочем, учитывая обилие мушиной символики, оно ее уже не удивило.

Вельзевул.

Город Мухи

«Так вот ты какой Ад, — думала Лена, с вялым интересом оглядываясь по сторонам, — как я сразу не догадалась».

В готической тусовке, где по молодости крутилась Лена, порой попадались индивидуумы, считавшие себя сатанистами. Большинство расставалось с этим увлечением вскоре после окончания школы, но некоторые, чуть более идейные, увлекались и дальше. От них Лена и нахваталась знаний по средневековой демонологии, крайне поверхностных и обрывочных, но достаточных для того, чтобы знать, кто такой Вельзевул.

А где еще могли столь подчеркнуто почитать «князя бесовского», иначе как в преисподней? Это все объясняло — и болотных чудищ и оживающих мертвецов и прочие, более мелкие детали, а главное — почему Лена тут очутилась. В самом деле, куда еще можно попасть с ее родом занятий, хоть дневными, хоть ночными, не в рай же?

Единственное, что не вписывалось в эту версию — по идее в Аду людям полагается страдать, но никто из встреченных ею людей особо несчастным не выглядел. Попадающиеся по пути горожане, окидывавшие всадников любопытным взглядом, вовсе не выглядели измученными адскими муками. Да и внешне в них не было ничего демонического — обычные обыватели, пусть и одетые довольно странно, точнее архаично: в вышитых рубахах и обуви, напоминающей лапти. Сам город выглядел довольно скучно, если бы не отсутствие привычных глазу атрибутов типа асфальта, проводов или, допустим, машин, то многое походило на оставленный Леной райцентр. Такие же ряды частных домов, победнее — саманных или деревянных; побогаче — каменных, обнесенных высокими заборами. Время от времени по улицам проезжали повозки, заменяющие привычный Лене транспорт. В обширных подворьях раскинулись сады и огороды, где горбатились немолодые тетки. Подобные же тетки стояли за прилавками небольших лавок, торговавших всякой всячиной.

Проехав несколько кварталов, стражники разделились: Марко велел своим людям забрать пленниц и ждать его в условленном месте, а сам, вместе с пятком соратников постарше и, разумеется, самой Леной, отправился дальше. Вскоре они выехали на небольшую площадь, бывшую, как догадалась Лена, центром городка. Посреди площади высилась колонна из черного камня, на вершине которой стояло изваяние все той же крылатой твари, с женским лицом и когтистыми лапами. Здесь, Лена, наконец, увидела тех, кто без сомнения страдал больше нее — вокруг колонны стояло с пяток крестов, на которых стонали распятые люди. По характерным выпуклым глазам и грязно-бурым волосам Лена признала соплеменников девок, которых захватили на болоте. Тела истязаемых покрывали жуткого вида раны, по которым с жужжанием ползали мухи: меньшие — размером со шмеля, крупные — чуть ли не с воробья.

На другом краю площади высилось двухэтажное здание из темно-желтого камня, с двускатной крышей и балконом с балюстрадами на втором этаже. Судя по всему, это была местная администрация — это подтверждали и реющие над зданием флаги: один светло-синий, с черными мухами и белыми бабочками; другой — с черной гарпией на желтом фоне и, наконец, третий, заставивший Лену на миг позабыть о своем состоянии. На черном фоне была серебром вышита перевернутая пентаграмма, каждый луч которой венчали уже знакомые Лене символы: волнистые линии — вода; пламя — огонь; еще два малопонятных знака, изображали, судя по всему, землю и воздух. У нижнего луча разместились коса, а

между двумя верхними лучами виднелся лунный символ. Еще один символ, черный круг, окруженный белым ободком, изображавший, надо полагать, местное солнце, расположился в центре пентаграммы.

Думать над этими странностями Лене, впрочем, было некогда — ее вновь охватила горячка. Голова кружилась так, что она едва держалась в седле, грудь болела и горела, будто выжигаемая раскаленным железом, глаза закрывались сами собой. Марко, с беспокойством поглядывая на нее, направил коней к стоявшему напротив администрации приземистому зданию, напомнившему Лене церковь, разве что вместо куполов вздымались трехгранные пирамиды из черного камня. На вершине каждой пирамиды восседали мухи из черной бронзы, уставившиеся на подъезжавших людей выпуклыми глазами из желтого стекла.

Возле кованых дверей стоял высокий худой мужчина, облаченный в черное одеяние, расшитое изображениями «мертвых голов». На худом костистом лице отразилось слабое любопытство при виде «Приболотной стражи» и их пленницы.

— Привет, Вийкол, — Марко соскочил с коня, — Стрыга в храме?

— Где же еще ей быть, — мужчина пожал худыми плечами, — а зачем тебе она?

— А ты не видишь? — Марко кивнул на покачивающуюся от слабости Лену, — хвораю у меня.

— Вижу, — пожал плечами Вийкол, — но ты же знаешь устав.

— Знаю, — кивнул Марко, отмеряя в руки мужчине несколько монет, — достаточно?

— Теперь да, — кивнул мужчина, отходя в сторону, — знаешь куда идти?

— Знаю, — буркнул Марко и повернулся к своим, — ну, заносите.

В храм Лену вносили на руках, поскольку идти самостоятельно она уже не могла. Внутренние покои она толком не рассмотрела: перед глазами мелькнул темный зал, освещенный капающими свечами, несколько фигур в черных балахонах, преклонивших колени перед неким уродливым идолом. Подробнее Лена рассмотреть не успела: ее внесли в узкий коридор, пройдя которым они оказались в большом дворе, обнесенном каменной стеной. В центре двора виднелся большой пруд, на берегу которого стояли странные колючие деревья. Возле храма и стены виднелось множество пристроек, к одной из которых и направились мужчины.

Пристройка выглядела колоритно — сложенная из почерневших, будто обгоревших или пробывших долгое время в воде бревен, с плоской крышей, устланной покровом мха, среди которого пробивались шляпки небольших поганок. В щелях между бревен шмыгали ярко-зеленые ящерицы. Над распахнутой дверью красовался лошадиный череп, у которого жужжали все те же неизменные мухи.

— Стрыга, — негромко позвал Марко, — ты здесь?

— Гость в дом — Ктырь в дом, — послышался негромкий голос, — с чем пришел Басарвак?

Лена, впечатленная антуражем «избы Бабы-Яги» ожидала увидеть уродливую старуху, с бородавками и горбом на спине. Но на пороге стояла статная женщина лет сорока, с высокой грудью и зелеными глазами. Она носила белую рубаху и черную юбку, доходившую ей до пят. Русые волосы были убраны под черный кокошник, украшенный белыми мухами, на поясе висел острый серп и что-то вроде берестяного короба.

— Худо девке, — Марко кивнул на Лену, жалобно смотревшую на свою последнюю надежду, — поможешь? Я за ценой не постою.

— Конечно, не постоишь, — хмыкнула Стрыга, окинув девушку оценивающим

взглядом, — за то, что ты за нее выручишь, любое лечение окупится. Заносите, посмотрим — можно ли что сделать или сразу мухам на корм.

Она вошла в дом и мужчины, пригнувшись под низкой притолокой, внесли следом жалобно стонавшую Лену. Внутри оказалось довольно просторное помещение, казавшееся, впрочем, меньшим из-за развешанных всюду связок трав, прозрачных склянок и расписных глиняных сосудов, из которых доносились резкие запахи. С полок скалились чучела разных тварей, некоторые из которых явно были добыты в Топи. Лену особенно впечатлило одно чудовище: величиной с небольшую собаку, оно имело серую шерсть, как у крысы, и крысиные же передние лапы, тогда как задние напоминали лягушачьи ноги. Огромные уши, казалось, принадлежали нетопырю, а хвост — раку. Выпученные глаза злобно смотрели на Лену, под крысиными усами блестели острые клыки.

— Сюда кладите, — сказала Стрыга, указывая на лежанку, устланную звериными шкурами, — и уходите. Дней через десять придешь — рассчитаешься и заберешь, если живой будет.

— А если нет?

— А нет, так нет, — пожала плечами Стрыга, — я тогда в уплату за потраченное время ее мясо да потроха заберу.

— Договорились, — кивнул Марко и посмотрел на девушку, — ну держись, Оленка.

С этими словами он вышел, а за ним и его люди. Стрыга вышла с ними, чтобы переброситься еще парой слов. Вскоре она вернулась с небольшим, но острым ножом.

— Оленка значит? — хмыкнула она, — ну-ка, посмотрим, что тут у тебя.

Она разрезала Лене рубаху на груди, отдирая от раны присохшую ткань и морщась от запаха разложения.

— Скверно все, девчуля, — почти сочувственно сказала она, разглядывая гноящуюся рану, — ладно, может еще и выкарабкаешься.

Она взяла с полки небольшой сосуд и вышла в соседнюю комнату. Через несколько минут, Стрыга вернулась, сев рядом с Леной. Без предупреждения она полоснула ножом и девушка закричала, когда из раны брызнули кровь и гной.

— Ну, красуня, а что ты хотела? — даже ласково приговаривала Стрыга, — тут простыми мазями не отделаешься. Посмотрим, как чистильщики сработают.

Она зачерпнула что-то из сосуда и Лена с омерзением увидела на ладони Стрыги извивающихся опарышей. Знахарка, не обращая внимания на реакцию своей подопечной, сделала еще несколько надрезов, расширяя рану, в которую и положила червей. Поверх них она прикрепила нашлапку из мха, смоченного дурно пахнущей мазью. Выпрямилась и посмотрев в искаженное страданием лицо Лены, коротко бросила:

— Отдохни пока!

И вышла из комнаты.

Несмотря на неприятное ощущение в груди (Лене казалось, что она чувствует, как шевелящиеся в ней черви пожирают гноящуюся плоть), сама боль отступила и девушка вновь провалилась в сон, полный обрывочных сновидений из прошлой жизни. Видения приходили столь яркими и правдоподобными, что Лена почти поверила, что кошмаром были лишь последние несколько дней, а она вновь находится в родной станице. Вот она пишет статьи в «Красную зарю», выпивает на скромных «корпоративах», а по ночам проводит сессии для покорных и щедрых рабов, принимающих ее как королеву. Сны эти были настолько приятны, что она зарыдала от жалости к себе, когда вновь коснувшийся ее раны нож грубо вырвал ее

из сна.

— Ты посмотри на это! — нахмурившаяся Стрыга ловко поддела ножом несколько опарышей. — Все сдохли! И эти тоже — смотри!

Лена скосила глаза — на ладони знахарки лежали почерневшие дохлые личинки.

— Тебя чем пырнули-то? — спросила Стрыга, — отравленным чем или заколдованным?

— Но. жом, — прошелестела Лена.

— Вот этим? — в руках Стрыги появился отцовский нож, — Марко говорил, что ты его в руках держала, пока тебя из болота тащили.

— Не этот, — прохрипела Лена, — но очень... похожий. На этом птица какая-то, а там солнце было. С длинными лучами.

— С лучами, говоришь? — еще больше нахмурилась Стрыга.

— Да, — кивнула Лена, — тот...кто порезал меня... на шее монету носил... с таким же солнцем. Из...чистого золота...монету.

— Чего только не водится в этой вашей Росковии, — покачала головой Стрыга, — не знаю, связано это как-то или нет с твоей раной. В Топи можно любую заразу подхватить и без всякого колдовства. Ладно, полежи пока.

— Куда же я отсюда денусь, — с внезапно проснувшимся гонором буркнула Лена и губы Стрыги искривила слабая улыбка.

— Раз ворчишь, значит еще не конченная, — сказала она, склонившись с ножом над Леной, и девушка снова взывала от боли, когда знахарка принялась доставать остальных червей. Покончив с этим, Стрыга сполоснула рану настоем из трав и вышла из комнаты. Вернулась она со склянкой, в которой копошились новые личинки — длиной и толщиной чуть ли не в мизинец Лены. Поместив парочку червей в рану, Стрыга уложила сверху новый пластырь из мха и паутины, шепча над ним слова заговора.

— На восточной стороне, в подболотной глубине, стоит погост незнаемый, не помянутый, не заклятый. Ворочаются там мертвецы беспокойные, чьи тела тлен и тленом растекаются, по земле хворями разбредаются. Посеред того погоста стоит шест, на шесте кобыля голова, а на той голове — сам Великий Ктырь, Король Вельзевул. Ты Архонт поднебесный, всеми хворями владеющий, отведи ветра чумные, нашли ветра здоровые, унеси в Топь всю хворь лихую да гниль покойничью. Пусть черви трупные сгрызут падаль большую, а мясо да кровь живую не трогают...

Она еще что-то бормотала себе под нос и в слова этого заклятия вливалось, разносящееся неведомо откуда монотонное жужжание. Все эти звуки странным образом успокаивали Лену и она, сомкнув глаза, провалилась в глубокий сон без сновидений.

Проснулась она вся мокрая от пота. Жар отступил, а рана в груди хоть все еще болела, но значительно меньше, без прежних мучений.

— Ну что, — Стрыга пощупала покрытый испариной лоб и довольно хмыкнула, — полегчало, я смотрю? Давай посмотрим, что у тебя.

Она наклонилась над Леной и та, сжав зубы, стойчески терпела боль, пока Стрыга пыталась подцепить кончиком ножа глубоко зарывшихся червей. Наконец, знахарка, довольно хмыкнув, выковыряла извивающихся опарышей, еще толще, чем раньше.

— Славно они на тебе отъелись, — усмехнулась Стрыга, — а ты сама-то как, есть хочешь?

— Хочу! — неожиданно сказала Лена, действительно ощутив жуткий голод.

Внезапно она вспомнила, что за все время пребывания в этом жутком мире она еще

ничего не ела. Стрыга, словно и не ожидала ничего другого, взяла со стола глиняную плошку, исходящую ароматным дымком. Протянула ее Лене и та с огромным аппетитом выпила наваристый бульон с кусочками мяса.

— Умница, — с улыбкой, сказала Стрыга, — а теперь спи. На, выпей только.

Она поднесла к губам Лене еще одну плошку, на этот раз с травяным настоем, и девушка, не колеблясь, выпила и его. После этого ее сморило — почти сразу она провалилась в сон, который не смогло прервать даже то, что Стрыга вновь принялась копаться в ране, вычищая остатки гноя и поливая рану щиплющим отваром. Когда же Лена проснулась, то получила еще одну плошку бульона с размоченным в нем ломтем хлеба.

— А можно еще? — спустя время спросила Лена, протягивая пустую плошку.

С тех пор она быстро пошла на поправку. Воспаление спало, рана быстро заживала, затягиваясь розовой корочкой, жар и слабость отступили. Вскоре Лена уже сама вставала с кровати, чтобы взять кувшинчик с настоем и плошку с похлебкой. Она все еще много спала, набираясь сил, но с каждым новым пробуждением чувствовала себя все лучше.

Стрыга спала в соседней комнате, куда Лене вход был закрыт, да она особо и не стремилась. Иногда она выходила во двор, но испытующие взгляды проходивших мимо жрецов не располагали к прогулкам, поэтому девушка быстро возвращалась в избушку знахарки. Ее единственным собеседником оставалась Стрыга, от нее Лена начала понемногу узнавать об окружавшем ее мире.

— Что за здание на площади напротив храма? — однажды спросила Лена, — это какие-то местные власти?

— Так, — кивнула Стрыга, грея на жаровне серебряный горшочек с очередным зельем, — это резиденция войта Ктыревского. Ты ведь, когда тебя сюда вносили, флаги видела?

— Ну видела. А что они значат?

— Флаг с бабочками и мухами — это стяг самого Ктырева и его войта, — пояснила Стрыга, — а флаг с гарпией — это знамя великого князя Сарлонского. Сам он живет в Вилоцке, столице нашего княжества, а войт — его наместник в здешних краях.

— Ну, а третий флаг, что значит? — спросила Лена.

— А третий — знамя Империи.

По словам Стрыги, государство, в котором они находились, именовалось Тевманской Империей, состоявшей из множества королевств, княжеств, герцогств и вольных городов. Одним из них, собственно, и было княжество Сарлония — обширное, хоть и малонаселенное государство на востоке. Главным же над всеми князьями и королями был император, проживавший, по словам знахарки, далеко на западе.

— Князь над войтом, император над князем, — поясняла Стрыга, — но в нашем захолустье и войта за глаза хватает, а те, кто повыше его, сюда редко заглядывают. Так и живем — до князя далеко, до императора и того дальше, одни архонты всегда рядом.

— Архонты это кто? — спросила Лена, жадно уминая за обе щеки кусок хлеба с салом.

— Архонты — это те, кто управляют миром, — пояснила Стрыга, — у вас их зовут богами. Меньших духов множество бесчисленное, ими же правят семьдесят два архонта, а из них самых главных — Семеро. Король Вельзевул, владыка Воздуха и Востока; Король Асмодей — владыка Юга и Огня; Король Левиафан, Владыка Запада и Воды; Король Велиал — Владыка Севера и Земли; Король Астарот, Воплощение Луны; Король Плутос — Владыка Смерти и Первый среди Семерых — Император Баал, Лик Черного Солнца. Эти тро

почитаются по всей Империи примерно одинаково, остальные Четверо тоже почитаются везде, но по-разному. Сарлония дальше всего на восток и здесь больше почитается Вельзевул, а, например, в Гроскании наибольший почет у Асмодея.

— Так вот что означает ваш флаг! — воскликнула Лена, — все это знаки Семерых.

— Соображаешь, — довольно кивнула Стрыга и тут же спохватилась, — да как же вы в Росковии ничего этого не знаете? Вы ведь тоже архонтов почитаете, пусть и именуете по-иному. И купцы наши нет-нет, да шастают через Топь, и жрецы с ними тоже.

И тут Лена решила.

— Я не из Росковии, — сказала она, глядя в глаза знахарки, — то есть, похоже, оттуда, но...

И она рассказала Стрыге все. Знахарка внимательно слушала сумбурный, сбивчивый рассказ Лены и по ее непроницаемому лицу никак нельзя было понять, что она думает обо всем сказанном.

— Протяни руку, — вдруг сказала она.

Лена, недоумевая, исполнила этот приказ и возмущенно вскрикнула, когда Стрыга полоснула ее ножом по пальцу.

— Подожди здесь, — сказала она и вышла в соседнюю комнату, унося окровавленный нож.

Вскоре Лена услышала заунывные песнопения, почувствовала некий едкий запах и увидела ползущие из комнаты завитки желтого дыма.

— Ты не врешь, — вернувшись, сказала Стрыга, — не понимаю и половины того, что ты говоришь, но вижу, что не врешь. А еще вижу, что в Топь тебе возвращаться не нужно — только сгинешь понапрасну. Ищи тех, кто сможет разобраться во всем этом лучше меня: в видении мне открылось, что такие есть там, куда Марко повезет тебя продавать.

— Мне помогут? — недоверчиво спросила Лена, — там, где торгуют рабами?

— Да, — кивнула знахарка, — вот только кто и как — не могу сказать. Ты должна сама понять это. Хочешь верь, хочешь нет, но это для тебя единственный выход — в Топи пропадешь, заблудишься, снова заразу какую подхватишь, если только тебя раньше кто-нибудь не сожрет. Ты Топь краешком задела, а она знаешь какая огромная?

Лена недоверчиво покачала головой, с подозрением смотря на Стрыгу — не пытается ли она ее обмануть, заставить смириться с участью быть проданной на рынке, как скотина? Но тут же она подумала, что знахарке нет смысла врать — ведь Лена все равно не сможет отсюда удрать, да и куда — в болото? Поэтому она просто молча кивнула.

И все же выбор у нее появился. Когда она лежала, расслабленная после очередного напитка, в дверях появилась Стрыга, со странным выражением на лице.

— К тебе тут гость, — сказала знахарка, пропуская в комнату светловолосого парня. Глаза Лены полезли на лоб, когда она узнала одного из молодых спутников Марко.

— Ты меня узнаешь, — спросил он, — я Звенко... я тебя тогда.

— Я помню, — усмехнулась Лена, — что пришел? Понравилось?

Она отбросила шкуру, открыв обнаженные бедра и светлый треугольник между ними. Лицо парня залило густой краской и Лена поняла, что угодила в точку.

— Я тут лишняя, похоже, — хмыкнула Стрыга, — схожу к Вийлоку, он как раз звал.

— Ну так что? — развязно спросила Лена, когда за Стрыгой закрылась дверь, — еще захотелось? Нет? А что пришел тогда?

— Марко Басарвак сказал, что завтра придет за тобой, — выдавил, наконец, красный

как рак парень, — чтобы везти на продажу.

— Так это я знаю, — пожалала плечами Лена, стараясь не выдать, как ее саму тревожит приближение этого дня, — тебя-то это каким боком?

— Давай сбежим! — наконец решился Звенко, — вот прямо сегодня. Я Топь знаю, не раз туда ходил... Правда, недалеко, но все равно. Сбежим вместе, перейдем в Росковию, будем жить там... Вместе.

Первым побуждением Лены было рассмеяться, но потом в ней внезапно вспыхнула надежда — а что если и вправду? Ни в какую Росковию, конечно, она не побежит, но ведь можно найти тот самый курган. Он приметный с этим кругом камней — вдруг удастся перенестись обратно, к Щучьим Зубам? И весь этот кошмар кончится. А паренька можно взять с собой: судя по тому, как он смотрел на Лену, через пару недель обработки его можно будет на цепь сажать, вместо собачки.

«А если не получится? — мелькнула здравая мысль, — курган в тот раз не сработал, с чего бы сейчас быть по-другому. А второй раз из того чертова болота можно и не выбраться».

Память о блужданиях по Топи и недавней хвори была слишком жива в девушке, чтобы она набралась смелости вернуться туда снова.

— Звенко, ну сам подумай, — уже мягче сказала Лена, — до Росковии почти месяц идти, через Топь, напрямик. Я-то может и пройду, да и то, кто его знает — в прошлый раз нам повезло несказанно. А ты ведь в глубине болот и не был вовсе, а там знаешь какие страхи? Я уж лучше с Марко на рабский торг — росковские купцы меня обязательно выкупят.

Звенко понуро слушал ее, выглядя еще более маленьким и юным, чем на самом деле. Когда Лена закончила, он поднял на нее глаза, полные одновременно обиды и надежды.

— Ну, если нет... может, мне можно хотя бы... как там на болоте.

— Обойдешься, — фыркнула Лена, окончательно развеселившись, — я только что из самого Лимба еле выкарабкалась, а ты мне, глядишь, опять заразу какую-нибудь занесешь. Можешь ножку поцеловать на прощание.

Она шутила и совсем не ожидала, что Звенко, опустившись на колени, быстро чмокнет ее босую ступню и выскочит за дверь. Лена откинулась на лежанку и от души расхохоталась, чувствуя, как впервые за все это время приходит в хорошее настроение.

— Правильно сделала, Оленка, — Лена так и не заметила, когда в комнате снова очутилась Стрыга, — с этим хлопчиком пропала бы, и он бы пропал. А так — может и прорвешься. Ну что, выпьем перед расставанием?

В руках она держала небольшой поднос, где дымилось парком жареное мясо с зубчиками чеснока, лежали порезанное сало и ржаной хлеб, а главное, стояла запечатанная бутылка из черного стекла и две глиняные чарки. Лена кивнула и уселась на кровати, скрестив ноги по-турецки и предвкушая грядущее пиршество. Еда оказалась вкусной и сочной, а настоянное на травах вино — крепким в меру, достаточно, чтобы развеселить, но не так, чтобы наутро подняться с больной головой. Прихлебывая из чарки и болтая со Стрыгой, Лена изо всех сил старалась не думать о завтрашнем дне.

Утром явился Марко Басарвак — в черных шароварах с желтыми лампасами, в черном же кафтане, с пуговицами в виде золотых мух. Атаман по-хозяйски задрал рубаху на Лене и довольно хмыкнул, увидев под грудью розовый рубец.

— Я в тебе не сомневался, Стрыга, — заверил он, отсчитывая серебряные монеты в руки

знахарки, — ну что, Оленка, собирайся. Засветло надо в море выйти.

Остров и судьба

Из храма Лену вывели в том же виде, в каком ее везли с Топи — со связанными руками, верхом на коне атамана. Марко держал ее за талию, то и дело беззастенчиво лапая морщившуюся пленницу. К счастью, долго терпеть этого не пришлось: выехав из Ктырева — иными воротами, не теми, что въезжали — они оказались на берегу широкой реки, противоположный берег которой терялся в тумане. У пристани стояло несколько рыбацких лодок и одно большое судно, с широкой палубой и двумя парусами.

Взойдя на борт, Лена увидела небольшой загон, где сидели, привязанные к мачте уже знакомые ей пленницы.

— Тебе не к ним, — усмехнулся Марко, проводя Лену мимо девок, — глянь, как отошали, того и гляди сожрут ночью.

Это, судя по всему, была шутка, поскольку Марко расхохотался, а вслед за ним и его люди. Однако Лена и впрямь порадовалась, что ее не помещают к пленницам с Топи, мерившими ее хмурыми взглядами. Сожрут не сожрут, а до утра в такой компании запросто можно не дожить. Стрыга рассказывала о нравах болотных жителей — по сравнению с жителями Топи, яма со скорпионами, ядовитыми пауками и змеями, выглядела почти симпатично. Болотники, или «дрегва», по-здешнему, постоянно нападали на пограничные селения, для чего войты и учреждали отряды Приболотной стражи. Атаманы таких отрядов совершали карательные рейды в Топь, стараясь, впрочем, не забираться далеко. Мужское население беспощадно истреблялось, но женщин брали в плен — на каких-то южных островах рабыни с Топи ценились как ныряльщицы за жемчугом. Так или иначе, нравом они вышли под стать своему обиталищу, и Лена не сомневалась в том, как они отнесутся к чужачке, которую так явно выделяет хозяин.

Марко также не питал особых иллюзий по отношению к своей собственности — а еще он надеялся выручить за Лену хорошие деньги. Поэтому он поселил ее в своей «каюте» — своеобразной хижине из камыша на корме судна, покормил и выдал новую рубаху, взамен грязной, а также грубые, но добротные башмаки. Однако при этом Лена оставалась его собственностью — атаман и не подумал выйти, нагло глаза на переодевающуюся девушку. Когда она закончила, Марко крепко связал ей руки и ноги и вышел на палубу. Лена, уложенная на ворох подгнившей соломы, слышала, как он отдает команды гребцам, затем послышался громкий плеск, и судно тронулось с места.

Тусклый свет Черного Солнца едва-едва проникал сквозь щели в стенах хижины — так что Лена, совершенно потерявшая счет времени, не могла толком сказать, день снаружи или ночь. Казалось, это длится целую вечность — размеренный плеск погружаемых в воду весел, громкие команды и грубый смех. Мерное покачивание судна потихоньку убаюкало Лену, и она, несмотря на чувство гнетущего ожидания, в конце концов, задремала.

Проснувшись она от знакомого мерзкого ощущения — мужских рук, жадно шарящих по ее телу. Связанная по рукам и ногам Лена не могла толком отбиваться, поэтому в отчаянии вцепилась зубами в первое, что подвернулось. Послышалось ругательство и девушка тут же получила оглушительную пощечину.

— Не дури, Оленка, — произнес в темноте голос Марко, — за отдельный проезд отдельная и плата полагается. Или ты думала, что я и вправду тебя не распробую? Веди себя смирно и раздвинешь ноги только передо мной, а не всей командой.

Не то, чтобы Лена прям уж сильно испугалась, вряд ли Басарвак, стал бы портить свою собственность перед продажей, но вторая оплеуха, последовавшая сразу за объяснением, на миг отбила у нее способности к сопротивлению. Воспользовавшись этим, Марко перевернул ее на живот, задрал подол и, судя по звуку, приспустил шаровары. В следующий миг девушка почувствовала, как в нее бесцеремонно вторгается мужская плоть. Все, чего Лена изо всех сил избегала в своем мире, наконец, настигло ее в чужом, вот только тут под рукой не было топора, да и Басарвак — не дрыщ-чиновник. Уткнувшись лицом в солому, она глухо стонала, в то время как Марко беззастенчиво пользовался ее телом, взрыкивая от удовольствия. Сильные пальцы до боли сжимали ее бедра, лишь иногда отпуская, чтобы шлепнуть по заднице или помять грудь. К счастью, видимо, Марко и впрямь истомился в ожидании ее тела, во всяком случае, вскоре его плоть напряглась и запульсировала, разбрызгивая семя по девичьим ляжкам, в последний момент он все же вышел из нее, видимо, не желая оставлять семя в рабыне.

Лена лежала, уткнувшись лицом в пол и сотрясаясь от беззвучных рыданий, когда Марко, вытерев ей промежность влажной тряпкой, поднялся на ноги.

— Я бы тебя домой взял, — в его голосе слышалось явное сожаление, — но у меня и так две жены, они тебя бы извели не хуже болотниц. Ладно, Оленка, отдыхай пока.

С этими словами он поднял прикрывавшую вход занавесь, тусклый свет резанул по глазам Лены, и вышел из «каюты». Сама Лена, извиваясь на полу, почувствовала, что ее путы несколько ослабли. Унижение и гнев придали ей силы — теперь она, всячески изворачиваясь, пыталась высвободить руки. Это заняло время, все-таки Марко умел вязать узлы, и все же, в конце концов, ей удалось стряхнуть путы. Она хотела заняться ногами, когда циновка поднялась и внутри вновь оказался Марко, держащий в одной руке горящую свечу, а в другой — блюдо с засахаренными фруктами и сушеным мясом.

— Решил дать тебе подкрепиться перед завтрашним днем, — пояснил атаман, ставя на пол свечу и поднос, — а это — чтобы было веселее.

С этими словами, он снял с пояса пристегнутую к нему массивную флягу, от которой исходил терпкий запах. Лена, вовремя спрятавшая за спиной руки, сейчас настороженно наблюдала за подходившим к ней атаманом.

— Но это все после того, как мы еще раз...Эй!

Лена метнулась вперед, срывая с пояса Марко нож — тот самый, отцовский, только что в новых ножнах. Чтобы достать из них нож ей потребовался миг, и она использовала его, чтобы отскочить в угол, выставив перед собой клинок.

— Не подходи!!!

— Дура! — в сердцах бросил Марко, — думаешь, я не смогу его отобрать.

— Может и сможешь, — Лена приставила нож к горлу, — а если так? Останешься без навару.

— Дура, — повторил Марко, делая шаг вперед.

— Не подходи!!! — повторила Лена. — Или зарежусь!

— Ну, режься, — спокойно сказал атаман.

Лена растерялась — этого она не ожидала. Мгновенного колебания Марко хватило, чтобы ударом нагайки выбить нож из рук девушки. Лена вскрикнула, потрясая ушибленными запястьями — и тут же Марко ринулся на нее, отшвырнув ногой нож. Лена отбивалась как тигрица, поставила увесистый синяк атаману и почти отправила его нокаут, когда Марко все же исхитрился вывернуть ей руку и опрокинуть на живот. Тут же девушка почувствовала на

спине тяжесть сапога, придавившего ее к полу. Свистнул кнут и Лена жалобно вскрикнула, когда на ягодицы легла первая плеть. Отмерив десять ударов, Марко отшвырнул кнут и навалился сверху.

— По-хорошему не хочешь? — пропыхтел над ухом, — значит, будет по-плохому. Скажи спасибо, что я еще один.

Лена отчаянно извивалась, пытаясь вырваться, но сильный удар по уху оглушил ее, лишив возможности сопротивляться. Воспользовавшись этим, Марко приподнял ее за бедра и, задрав подол, смачно плюнул на анус.

— Не надо!!! — вскрикнула Лена, но мужской член уже вдавился между ягодицами.

В «прошлой жизни» у нее был опыт анального секса, но член Марко был длиннее и толще всего, что когда-либо входило в Ленину попку. Мучительная боль, казалось, разрывала ее на части, но сильнее боли были стыд и унижение. Наконец, Марко с довольным рыком излился в ее прямую кишку и, хлопнув напоследок по ягодице, вышел из истерзанного ануса. Девушка лежала на полу среди соломы, сотрясаясь от рыданий и почти не чувствуя нижней половины тела. Марко снова связал ей руки и ноги, после чего вышел, забрав свечу. Лена попыталась развязать путы, но вскоре убедилась, что на этот раз Марко вязал куда крепче. Тогда она зарылась поглубже в солому, вновь и вновь переживая происходящее. Тело корчилось от рвотных позывов, но рвать было нечем — с утра Лена так ничего и не ела. И хотя рядом с ней стоял поднос с едой, девушка не притронулась к нему. Лишь к утру ей, наконец, удалось заснуть.

Солнце уже встало, когда к ней зашел Марко, разбудивший ее легким тычком под ребра. Затем он развязал ее и рывком заставил встать на затекшие ноги.

— Ну что, Оленка, — он хмыкнул и Лена со слабым злорадством увидела на его лице не зажившие царапины, — сегодня мы распрощаемся. Будешь скучать?

— Прямо щас повешусь, — зло бросила Лена и, не дожидаясь хозяйского приказа, вышла из «каюты», стараясь не морщиться от боли.

За все это время она ни разу не выходила на палубу и понятия не имела, что находится снаружи — лишь по изменившемуся плеску, да по проникавшим время от времени в «каюту» запахам она поняла, что судно вышло в море. Сейчас она видела это море воочию — бескрайнюю серо-зеленую гладь, расстилавшуюся, куда видел глаз. А прямо по курсу вырастал большой остров. По мере его приближения Лена различала все больше подробностей — меж скал приоткрылся вход в обширную бухту, куда входили корабли, и похожие на тот, на котором везли Лену, и множество иных: с разным числом и размерами парусов, или вовсе без таковых, идущие только на веслах. Носы этих судов украшали резные головы змей, драконов, львов и волков, оскаленные демонические лики и соблазнительные фигуры прекрасных русалок. Лена вертела головой, разглядывая вздымающиеся справа и слева от них величественные утесы, обрамлявшие вход в бухту, кричащих над кораблями чаек, резвящихся в воде черных зверей, похожих на больших дельфинов. А впереди поднимался большой город — с мраморными дворцами и храмами, с изящными колоннами, с выдающимися далеко в море причалами и торговыми рядами, раскинувшиеся перед пристанью. Сам город стоял на нескольких холмах, куда поднимались широкие лестницы и мощеные плиткой дороги, по которым двигались тяжело груженные повозки. Своими мраморными строениями, вздымавшимися ввысь башнями и пирамидами, на вершине которых горели огни, этот город напоминал какую-то картинку из фэнтези или компьютерной игры.

— Где это мы? — замороженная увиденным Лена даже на миг забыла о своей ненависти к хозяину-насилънику.

— Тоем, — ответил Марко.

— Это город?

— И город и остров. Здесь продают рабов со всего Змеиного моря.

О том, что это за море, Лена спросить не успела — поднимающиеся из-за весел моряки уже отдавали швартовые, готовясь причаливать. Перед тем, как это произошло, невольницам из Топи надели железные ошейники, соединяя их цепями, продетыми сквозь массивные стальные кольца. Лену по-прежнему держали от них подальше: Марко явно собирался выставить ее отдельно от других. Ей одели ошейник с цепью, второй конец которой взял хозяин. Перед тем как сойти на берег, на борт поднялось несколько человек, облаченных в ниспадающие до пола просторные одеяния из какой-то синей ткани. Резкие, хоть и не лишенные приятности, черты сильно отличались от лиц сарлонцев, а кожа выглядела еще бледнее, хотя под светом Черного Солнца Лена вообще не видела загоревших. Напомаженные черные волосы венчали серебряные диадемы, а один из мужчин, наиболее надменный, держал жезл из черного дерева, увенчанный серебряным навершием в виде головы змеи.

— Покупаете или продаете? — спросил мужчина и у Лены полезли глаза на лоб. Спрашивал этот «таможенник» на языке, явно отличном от сарлонского, — и все же Лена его понимала, хотя бы потому, что язык был подозрительно похож на тот, который Лена знала с детства — из-за чего, среди прочего, она и получила школьное прозвище.

— Продаем, — ответил Марко, положив в требовательно выставленную ладонь несколько серебряных монет.

Человек с жезлом посторонился и Марко, дернув за конец цепи, повел Лену на берег. За его спиной несколько спутников атамана, вели болотниц.

— На каком языке вы говорили? — не удержалась от вопроса Лена.

— На тевманском, — не оборачиваясь бросил Марко, — шагай давай.

Тоем поразил Лену своим многолюдством, не шедшим ни в какое сравнение с провинциальной затхлостью Ктырева. На рынках торговали — зерном, вином, разноцветными тканями, лошадьми, разного рода пряностями и связками трав, испускающих острый запах. Тут и там сновали бродячие жонглеры, глотатели огня, фокусники, заклинатели змей. Громко выкрикивая фразы, не нуждающиеся в особом переводе, к покупателям приставали гадалки и чумазые нищие. Шныряла тут и более криминальная публика — несколько раз кто-то, причитая, хватался за пояс, ища срезанный кошелек. Однако подобный промысел был сопряжен с немалым риском: за порядком следили мускулистые воины, в черных доспехах и шлемах, вооруженные жуткого вида клинками со слегка изогнутыми лезвиями. На глазах Лены одного карманника, отчаянно верещавшего и вырывающегося, двое таких верзил скрутили, заставив положить руку на ближайший прилавок. В следующий миг сверкающее лезвие отрубило воришке конечность сразу по локоть. Стоявший за прилавком торговец рыбой и глазом не моргнул, когда на него брызнуло кровью, а отрубленная рука упала меж подрагивающих жабрами рыб и пучащих глаза омаров.

Имелись тут, конечно, и рабские рынки — не сделав и десяти шагов с набережной, Марко со своими людьми, оказался на небольшой площади, где шла бойкая торговля живым товаром. С первых же шагов он столкнулся и с одним из местных продавцов, вертлявым

смуглым мужчиной в цветастом халате, живо напомним Лене иные национальности ее собственного мира. Торговались недолго — ударив по рукам, Марко передал покупателю разом всех девок Топи и за это получил увесистый мешочек, звякнувший при передаче из рук в руки. Марко развязал тесемки, довольно хмыкнул и упрятал мешочек за пазуху.

— А эту что, отдельно продаешь? — спросил мужчина, указывая на Лену, — почему?

— Продаю, — кивнул Марко, — пятьсот золотых.

— Долгонько ты будешь покупателя за такую цену искать, — рассмеялся торговец, блеснув золотым зубом, — весь город, поди, обойти придется.

— Надо будет — обойду, — усмехнулся Марко, — я ее на Горгейскую площадь поведу, там покупатели побогаче твоего найдутся.

Перед тем как увести Лену на торжище, Марко отпустил своих людей, велел ждать его на корабле. Сам же он повел свою пленницу дальше и вскоре они оказались на большой площади, окруженной мраморными дворцами и храмами, уставленной причудливыми статуями. Чаще всего они изображали обнаженных женщин с красивыми, но злыми лицами и разного рода нечеловеческими чертами вроде змеиных хвостов или перепончатых крыльев.

В центре площади стоял мраморный столб, на котором был вырезан женский лик, окруженный вместо волос извивающимися змеями. Вокруг этого столба и кучковались торговцы, выставя свой «товар».

Судя по всему, здесь выставялись рабы более высокого класса: смуглые бородачи в цветастых нарядах ставили у столба рослых негров, с кожей, даже темнее, чем у известных Лене африканцев. Затем чернокожих рабов сменили смуглые красавицы в полупрозрачных одеяниях, не скрывающих гибкости обнаженных тел. Сами чернобородые покупали иных красавиц — светлокосых и сероглазых, в белых рубахах с затейливой вышивкой: вроде сарлонской, только без мух. Этих девушек, как и русоволосых парней, стоявших в одних набедренных повязках, продавали дородные торговцы с темно-русскими бородами, в черных кафтанах и плащах из звериных шкур. Они переговаривались с собой на языке, показавшимся Лене крайне знакомым — похоже, это и были те самые роскошцы.

Один из лже-родичей — дородный, с буро-рыжей бородой, в черном плаще, перехваченном поясом из золотых медвежьих голов, подошел к Марко. Мощные руки покрывали татуировки, изображающие терзающих друг друга волков и медведей, в левом ухе болталась серебряная серьга в форме черепа.

— На болоте взял? — прогудел он, окидывая Лену оценивающим взглядом.

— Так, — кивнул Марко, — ваша? Можешь выкупить.

— Не наша, — покривил губы мужчина, — похоже, с Севера.

— Ну, потом родичам перепродашь, — предложил Марко.

— Князь сейчас воюет с северянами, — хмыкнул росковец, — выкупа отсюда не дождешься, если ее вообще есть кому выкупать. А дома держать накладно — своих наложниц девать некуда. Да и из северянок хороших и не получится — ночью горло перережет и к своим убежит. Танцевать не умеет, ублажить как следует тоже, даже для котла слишком тощая.

— Как знаешь, — пожал плечами Марко, — может, кто другой возьмет.

— Может и возьмет, — кивнул купец, — тут сейчас покупателей хватает. Вон, даже из Храма явились, присматриваются.

Он кивнул на небольшую группу людей разместившихся на пороге самого большого храма. Несколько воинов в черных доспехах стояло на ступенях, чуть повыше находился и

мужчина держащий жезл, со змеиным навершием, как у «таможенника» в порту. Однако куда больше внимания привлекала колоритная парочка, стоявшая по краям большого кресла или даже трона, высившегося напротив храмовых дверей. Справа от высился светловолосый мужчина, опиравшийся на большой топор. Узкое лицо, с резкими, будто рубленными чертами, обрамляла коротко стриженная борода. Он носил такие же черные латы, что и у остальных, с единственным отличием — на его груди красовался вытесненный серебром знак, при виде которого Лена невольно встrepенулась. Очередное знакомое из ее мира — трискель*. Он же украшал и стальной диск, закрепленный меж грудей эффектной черной женщины, ростом превосходящей даже белокурого воина. Да и в целом она выглядела крупной — не толстой, но плотной, с пышными формами и могучими мускулами. Огромные груди, размером с голову Лены, прикрывали бронзовые чаши, а мощные бедра — юбка из чешуйчатой кожи. С пояса свисала увесистая дубинка, утыканная обломками острого камня. Полные губы кривились в насмешливой улыбке, открывавшей заостренные зубы. Несмотря на свои габариты, черная великанша обладала определенной варварской привлекательностью, хотя назвать ее красавицей было бы, пожалуй, слишком смело.

Красавицей выглядела иная женщина, точнее — девушка, восседавшая на троне между двумя воителями: утонченно-изящное создание в черно-синем одеянии. Пепельного цвета волосы украшала диадема из черного металла, напоминающая не то переплетение змей, не то огромного осьминога. Рассыпанные по металлическим кольцам фиолетовые сапфиры сверкали, как хищные глаза. Над головой красавицы воин держал знамя — на черном фоне серебристый трискель.

«Знак, — мысли бешено неслись в голове Лены, — об этом говорила Стрыга? Или нет?».

Она пыталась поймать взгляд юной красавицы, но та не замечала этих отчаянных попыток, глядя словно сквозь Лену. Точно также равнодушно смотрели и ее стражи — судя по всему, они обращали внимание на то, что могло угрожать их госпоже, а скованная рабыня к таким угрозам явно не относилась. Лена опять пала духом — и тут позади нее раздался густой бас, немилосердно ломавший знакомую речь.

— Девку продаешь?

Лена обернулась — перед ней стоял грузный мужчина, со смуглым лицом и аккуратно подстриженной черной бородкой. Он носил багряно-золотой халат с широкими рукавами, перехваченный широким поясом, из-за которого торчала рукоять кнута. Брови над карими глазами были подведены черным, толстые щеки покрывали румяна. Из-под бороды свисала золотая цепь, на которой болталась фигурка, напоминающая трехглавого дракона с двумя змеиными головами и одной человеческой. Полные губы кривились в похотливой улыбке, когда мужчина рассматривал Лену.

— Пятьсот золотых, — ответил Марко, — почти даром, Каскар.

— Пятьсот, — прогудел торговец, поскребя бороду жирными пальцами, униженными перстнями с драгоценными камнями, — а там есть за что платить?

— Сам смотри, — Лена ахнуть не успела, когда Марко развернул ее спиной к покупателю, задирая подол.

— Задницу всю исполосовал, — Каскар небрежно похлопал Лену по ягодицам, — с чего бы это? Строптивая?

— Была поначалу, — не стал скрывать Марко, — но если кнутом поучить — шелковой становится. Сам попробуй — после этого она еще слаще.

— Успеется, — проворчал мужчина, оцениваяще щупая зад Лены, — спереди покажи.

Девушка чуть не плакала от бессильной ненависти — столь бесцеремонно эти два мерзавца оценивали ее, будто вещь, лишенную разума и воли. Она бросила отчаянный взгляд в сторону трона, но сидевшая на нем девушка смотрела в другую сторону, оценивая узкоглазую красотку, извивавшуюся в развратном танце. Меж тем Марко повернул ее словно куклу, пытаясь задрать рубаху до головы. Связанные руки мешали ему и Марко раздраженно полоснул ножом по стягивающим запястья путам. В следующий миг рубаху задрали Лене на голову и мужские пальцы принялись лениво ощупывать ее груди.

— Что за шрам? — Лена дернулась, когда пальцы коснулись ее раны, — больная, что ли?

— Здоровее нас, — заверил его Марко, — ты бы видел, какой она из Топи вылезла — вот там действительно живого места не было. Но как чуток подлечили — и вон, смотри, зажило как на собаке. Живучая девка, выносливая, краса не порченная.

— Краса, — Каскар погладил плоский живот, потом опустил руку ниже и Лена дернулась как от удара током, почувствовав бесцеремонные пальцы во влагилице.

Торговец, хохотнув, убрал руку и ухватил Лену за подбородок, заставив ее открыть рот, чтобы посмотреть зубы.

— Здесь вроде порядок, — сказал он, — но все равно, на пятьсот не тянет. Триста — и то много!

— За триста я бы на набережной продал, — хмыкнул Марко, — четыреста пятьдесят.

— Триста пятьдесят — и это потому, что я тебя слишком уважаю.

— Четыреста — и не монетой меньше.

— Ладно, мошенник, по рукам.

Несколько увесистых мешочков перекочевали из рук в руки, после чего Марко даже с некоторым сожалением сказал Лене.

— Ну, ступай, Оленка. Веди себя хорошо, и никто тебя не тронет.

Шлепком по заду он направил ее к новому хозяину и тут внутри Лены словно что-то взорвалось, выжигая одновременно здравый смысл и инстинкт самосохранения. Качнувшись, она сделала вид, что оступилась и, потеряв равновесие, на миг присела на корточки, опершись спиной о ноги Марко. Оба мужчины рассмеялись.

— Приворожил ты ее что ли, — усмехнулся Каскар, — расстаться не может. Не дури девка, иди ко мне — я добрый, если только меня не злить.

Он наклонился, чтобы взять цепь, и в этот миг Лена резко метнулась в сторону, срывая с пояса Каскара кнут. Торговец не успел опомниться, когда Лена наотмашь хлестнула будущего хозяина по лицу. Тот взвыл, схватившись за наливавшийся алым цветом рубец, а мигом обернувшись Лена хлестнула ошеломленного Марко. Злость придала девушке новые силы, освежив в памяти все навыки домины — кнут в ее руках вился змеей, со свистом опускаясь на обидчиков. Она уже не думала, что будет дальше, ни на что не надеялась — желая лишь сполна вернуть свой гнев и унижение.

Собравшиеся вокруг зеваки покатывались со смеху, отпуская ехидные шуточки и советы взбунтовавшейся рабыне. Сама Лена входила во все больший раж — даже ненависть отступила перед привычным возбуждением при виде корчившегося под кнутом мужчины.

К несчастью для нее, здешние мужчины сильно отличались от тех, с кем девушке приходилось иметь дело на сессиях: ее кураж был грубо прерван, когда Марко, исхитрившись, вырвал кнут из рук Лены. В тот же миг могучий удар сбил ее на землю.

— Конец тебе, девка, — зло сказал атаман, доставая нож, — дурой была, дурой и помрешь.

— Она теперь моя, — разъяренный Каскар встал рядом, — так легко эта сука не сдохнет.

Он занес руку для удара, когда его запястье вдруг стиснули чужие пальцы. Торговец обернулся и встретился взглядом с синими глазами белокурого воина. Рядом с ним, положив руку на свою дубинку, стояла черная воительница.

— Храм заявляет права на нее, — стражи посторонились, пропуская девушку с пепельными волосами, — я покупаю.

Вблизи она оказалась еще более юной — лет на семь моложе Лены.

— Я не продаю! — выдохнул Каскар, — это девка моя!

— Ты хочешь перечить Храму? — подняла бровь девушка.

В ее голосе не было гнева — только лишь некоторое удивление, но Каскар сразу сник, будто шар, из которого спустили воздух.

— Она оскорбила меня, — промямлил он, потупив взор, — чуть глаза не лишила.

— Но не лишила же, — усмехнулась девушка, — заживет через месяц. Сколько ты отдал?

— Четыреста, — проворчал Каскар.

— Получишь пятьсот, — девушка кивнула подскочившему прислужнику со змеиным жезлом, — Кратос, распорядись. И еще пятьдесят — за шрамы.

— У меня тоже шрам, — подал голос Марко, но тут же осекся, когда девушка перевела на него безмятежно спокойный взгляд.

— У него мой нож, — осмелев, подала голос Лена.

— Тебя не спрашивали, — оборвала ее девушка и обернулась к Марко, — покажи нож.

Поколебавшись, сарлонец протянул девушке взятый у Лены нож. Та покрутила его перед глазами, пожала плечами и хотела было отдать обратно, но тут взгляд ее зацепился за что-то, заставившее ее удивленно вскинуть брови. Словно решившись, девушка бросила нож белокурому спутнику и повернулась к Марко.

— Двадцать золотых хватит?

Тот кивнул, бросив злой взгляд на Лену. Та, впрочем, особо не обеспокоилась, поняв, что ее покупательница куда влиятельнее этих двоих.

Когда с Марко и Каскаром рассчитались и те, потирая многочисленные ушибы, удалились с площади, девушка повернулась к Лене. Та только сейчас рассмотрела вблизи новую хозяйку. Ее лицо поражало идеальной, будто нарисованной красотой: огромные синезеленые глаза, изящный носик, безупречной формы алые губы. Девушка безмятежно улыбнулась и от этой улыбки Лена почувствовала странное волнение внизу живота.

— Я — Кайра Моррикан, — сообщила девушка, — диаконисса Храма Скилакагеты Триморфы, что в Некрарии. И да упасет тебя богиня от того, чтобы я хоть на миг усомнилась в том, что я правильно сделала, спасая тебя сегодня.

**Трискель, трискелион, трехлучевая свастика — древний символ, со множеством значений. В современности, среди прочего, является и символом БДСМ-сообщества.*

— Вот она, госпожа Кайра, — чернокожая амазонка положила руку на плечо Лены, слегка подтолкнув ее вперед.

— Хорошо, Амола, — последовал ответ из бассейна, — можешь идти.

— Уверены, что вас стоит оставлять наедине?

— Ты думаешь, мне стоит ее бояться? — сквозь плеск воды раздался залиvistый смех, — она выглядела так страшно с этим кнутом. Но все же оставь нас.

— Как скажете, госпожа диаконесса, — склонила голову негритянка, одновременно показав кулак Лене. После этого она, неожиданно бесшумно для своей комплекции, вышла, прикрыв за собой двери. Лена же принялась осматривать зал.

Почти сразу после покупки, диаконесса, не удостоив больше Лену даже взглядом, перепоручила ее своей чернокожей помощнице, говорившей на пресловутом тевманском с ужасным акцентом. Негритянка, — которую, как выяснилось, звали Амолой, — не дожидаясь окончания торгов, повела Лену внутрь храма.

— Ела сегодня? — спросила Амола, едва они оказались за дверьми. Лена молча мотнула головой и негритянка отвела ее в небольшую каморку, где стоял небольшой стол и парочка табуретов. Амола, усевшись на один из них, кивнула Лене на второй и громко хлопнула в ладони. Спустя миг на пороге появился молодой раб, — во всяком случае, Лена решила, что это именно раб, с бритой головой и серой накидке до пят, оставлявшей открытым одно плечо.

— Принеси ей поесть, — приказала Амола, — и разыщи какую-нибудь одежду.

Раб кивнул и исчез за дверью. Вскоре он появился снова, ставя на стол поднос с несколькими глиняными мисками. В одной дымилось паром мутное варево, в другой лежало нечто напоминающее «морской салат»: мидии, очищенные креветки и щупальца осьминога, залитые не то соусом, не то маслом, в третьей оказались крупные маслины. Тут же стоял небольшой кувшин, лежала коврига хлеба и большая ложка.

— Ешь, — коротко бросила Амола и Лена, не дожидаясь второго приглашения, жадно набросилась на принесенное угощение. Варево в миске оказалось ухой из неизвестной Лене, но довольно вкусной рыбы. В кувшине же было вино — тоже довольно неплохое. Лена торопливо ела, порой кидая настороженные взгляды на Амолу, в то время как та и вовсе не смотрела на девушку, скучающе рассматривая голые стены. Лишь когда девушка, съев все, что лежало на подносе, осмелилась напомнить о себе негромким покашливанием, негритянка соизволила обратить на нее внимание.

— Наелась? Пойдем.

Появившийся в дверях раб сунул Амолу какой-то сверток и бесшумно растворился в храмовых коридорах. Амола и Лена, выйдя вслед за ним, спустились по причудливо изогнутой лестнице и оказались в еще одном помещении, чуть больше первого. На каменной лавке стояла бадья с водой и кусок мыла, вроде хозяйственного.

— Скидывай свои тряпки, — сказала Амола, приподнимая бадью. Было что-то в ее спокойном голосе такое, что действовало на Лену получше окриков и даже рукоприкладства прежних хозяев — во всяком случае, желания послушаться как-то не появилось. Она поспешно скинула платье и в следующий миг Амола разом опрокинула на нее полведра прохладной, слегка затхлой воды. Взяв мыло, черная великанша принялась ожесточенно

намыливать тело девушки, бесцеремонно запуская руку в самые нескромные места. Время от времени Амола останавливаясь, чтобы окатить Лену из бадьи. Закончив, Амола вытерла девушку ее же одеянием, после чего брезгливо швырнула его на пол.

— Одень это, — сказала негритянка, кивнув на сверток. Девушка послушно развернула его, увидев накидку из белого полотна. Надев ее, Лена с некоторым смущением обнаружила, что подол этого одеяния едва достигает середины бедер. На груди же обнаружился глубокий вырез, мало что оставляющий воображению. Даже Амола сейчас глядела на новую рабыню с куда большим интересом.

— У Госпожи Кайры всегда был отменный вкус, — сказала она, причмокнув губами. — Ну, пойдем к хозяйке.

Следующее путешествие по коридорам храма оказалось неожиданно долгим, а сам храм — куда больше, чем казался с площади. Большая часть помещений находилась под землей, уходя в самую толщу скалы, на которой стоял город, и где-то внизу, судя по доносящемуся оттуда рокоту, соединяясь с морем. Женщины спускались по круто изгибающимся лестницам, огибающим массивные колонны из черного мрамора, проходили по вычурным балюстрадам и пересекали обширные залы, освещенные смолистыми факелами. На стенах, все из того же черного мрамора, виднелись причудливые и отталкивающие барельефы. Здесь красовались морские твари — акулы, исполинские осьминоги, гигантские крабы, морские змеи, крокодилы с лапами вместо лап и множество иных тварей, для которых у Лены не было названия. Все эти твари терзали и пожирали друг друга... и людей.

Вскоре Амола провела девушку в какой-то зал и вышла за дверь. Это помещение оказалось много больше, чем те, что Лена видела до сих пор — с огромным бассейном, занявшим почти половину пространства. Освещался он не факелами — вместо них в специальных нишах горели полупрозрачные шары, наполненные зеленым пламенем. Стены покрывали те же сюжеты, что и во всем храме, разве что тут имелись и существа, выглядевшие более-менее разумными: русалки с рыбьими хвостами и зубастыми пастями, а также некие твари, похожие одновременно на рыб, лягушек и людей. Однако средоточием здешнего бестиария было существо, нависшее над бассейном — изваянная из черного мрамора статуя прекрасной женщины, с волнистыми волосами, стекавшими до пояса, идеальной формы грудью и изумительно красивым ликом, чье совершенство портили только острые зубы, выглядывавшие меж приоткрытых губ. Однако ниже тонкой талии начинались длинные щупальца, каждое из которых заканчивалось головой твари, напоминающей помесь собаки и акулы, с распахнутой зубастой пастью. В переплетении этих щупалец стоял вырубленный в скале черный трон с подлокотниками также в виде акульих голов.

— Так как, говоришь, тебя зовут? — девичий голос оторвал Лену от созерцания зала, заставив обратить внимание на девушку, выходящую из бассейна по ведущим прямо к трону ступеням.

Тело Кайры оказалось столь же скульптурного совершенства, как и ее лицо — алебастрово-белая кожа, длинные ноги, упругие шары ягодиц. Когда она развернулась, усаживаясь на трон, Лена отметила округлые груди и плоский живот.

— Я задала вопрос, — напомнила Кайра и Лена словно опомнилась.

— Лена... Елена...

— Подойди ко мне, Елена, — промурлыкала Кайра и девушка заметила в ее руках нечто напоминающее короткий жезл, с массивными набалдашниками с обоих концов.

— Я должна повторять дважды? — Кайра подняла бровь, но Лена не тронулась с места.

Она понимала, что делает глупость, но все же... Девушка выглядела такой красивой и такой хрупкой рядом с атлетически сложенной Леной. В отличие от Амолы, в Кайре не чувствовалось угрозы, а подчиняться столь юному созданию, внезапно показалось унижительным. Ей надо — пусть сама и подходит!

Кайра испытующе посмотрела на Лену и вдруг широко улыбнулась.

— А и вправду, — весело сказала она, — что-то я засиделась на этом троне!

Сладко потянувшись всем телом, она поднялась с места, обходя по краю бассейн и приближаясь к напрягшейся Лене. Не дойдя до нее шагов пяти, Кайра взмахнула жезлом и воздух рассек донельзя знакомый свист.

— Ай-й-йя-я-йя-й-й!!!

Лена взвыла от боли, когда взявшийся неведомо откуда кнут с силой хлестнул ее, разом порвав ткань одеяния. Новый удар ожег ей бедра, оставив опоясавшую их красную полосу. Кайра, продолжая улыбаться, вскинула руку, и хлыст застыл в воздухе, изогнувшись зловещим знаком вопроса. Отблески зеленого пламени играли на черной чешуе и неподвижных глазах, раздвоенный язык плясал меж длинных зубов и злобное шипение доносилось из распахнутой пасти.

— Вот черт!

Кнут ударил снова и девушка, скуля от страха и боли, кинулась к двери. Сзади ее смачно хлестнули по ягодицам, Лена закричала, когда острые зубы вонзились в мягкую плоть. Новый удар сорвал с нее накидку и уже голая девушка подбежала к выходу, отчаянно дергая дверь.

Заперто!!!

— Нет! — Лена затравленно обернулась.

К ней подходила безмятежно улыбающаяся диаконесса. Плеть в ее руке извивалась кольцами, змеиные глаза злобно смотрели на Лену. А потом — плетью вдруг распалась натрое. Кайра взмахнула рукой — и Лена отчаянно взвыла: змеиные пасти настигли ее тело. Две головы вцепились в ее груди, больно потянув за соски, третья же нырнула между ног, и девушка истошно завизжала, почувствовав змеиные зубы, сдавившие ее клитор.

Кайра презрительно улыбнулась, глядя в наполненные ужасом глаза Лены.

— Иди ко мне, — она отступила на два шага, оттягивая на себя кнут.

Нежная плоть натянулась и Лена, всхлипывая от невыносимой боли, сделала несколько спотыкающихся шагов. Соски и клитор словно горели в огне — Кайра, водя рукой вправо-влево, тянула их на себя и Лена следовала ее движениям, словно кукла-марионетка или рыба на крючке. И все же, наряду с болью она чувствовала, как раздвоенные язычки изоощренно ласкают ее соски и клитор, выдавливая струйки любовной влаги.

— Локон Стено дарует как боль, так и удовольствие, — пояснила Кайра, — только в моей власти заставить его сделать выбор между ними — или же дать все разом.

Лена едва понимала, что ей говорят — ее тело корчило в пароксизмах необычайно сладостной муки, словно разрядами тока терзавшей ее плоть. Острые зубы терзали ее соски и клитор, но их же ласкали и змеиные языки и все это, слившись воедино, порождало невообразимую смесь боли и наслаждения, бледной тени которой Лена не получала и на самой изоощренной из сессий. Вскрикивая и всхлипывая, тяжело дыша, словно собака в жару, мелкими шажочками, то, поднимаясь на цыпочки, то сгибаясь в три погибели, Лена подходила к Кайре, игравшей змееголовой плетью.

Диаконесса торжествующе улыбнулась.

— Горячая штучка, да? — сказала она, — а теперь — остынь!

Она резко отбросила руку, заставив Лену качнуться вслед за движением плетки. Грудь и низ живота девушки пронзила невыносимая боль: казалось еще немного и соски вместе с промежностью будут вырваны с мясом, когда вдруг змеиные пасти разжались, выпуская свою добычу. Лена, спотыкаясь, сделала пару шагов и рухнула в бассейн, подняв тучу брызг. Фыркая и отплевываясь, она вынырнула из воды и услышала над собой заливистый смех Кайры. Вновь свистнула плеть, послышалось змеиное шипение и плечи Лены обожгла многохвостая плетка. Набрав побольше воздуха, Лена нырнула, спасаясь от змеиных укусов, но недостаточно быстро, чтобы очередной хлесткий щелчок не ожег ее голые ягодички. Подобно пойманной в садок рыбе, девушка металась по бассейну, то ныряя, то вновь появляясь на поверхности, чтобы глотнуть воздуха и получить очередной жгучий укус на многострадальном теле.

Наконец, Кайре надоела эта забава — тяжело дышавшая Лена увидела, как плеть в занесенной руке диаконессы распадается на семь извивающихся частей. Глубоко вздохнув, Лена попыталась вновь нырнуть, но змеи оказались быстрее — одно чешуйчатое кольцо перехватило ее горло, задирая голову кверху, две змеиные пасти впились в соски. Еще две змеиных удавки оплели ей лодыжки, разводя Ленины ноги и задирая их кверху. В следующий миг одна змеиная голова нырнула ей во влагалище, а вторая протолкнулась в анус, ритмично двигаясь взад-вперед. Раскоряченная в нелепой и унижительной позе Лена могла только перебирать руками «по-собачьи», покорно следуя за тем, куда движется змеиная плеть в руках Кайры. Отчаянно пытаясь держать голову над водой, отплевываясь и захлебываясь, Лена чуть не расплакалась от облегчения, когда ее руки стали задевать выходящие из бассейна ступени. В тот же миг змеиные кольца соскользнули с нее, и обессиленная Лена распласталась перед тронем из черного мрамора.

Точеные маленькие ступни опустились на пол перед ее лицом.

— Ты ведь знаешь, что нужно делать? — сказала Кайра и Лена, покорно кивнув, принялась покрывать женские ноги страстными поцелуями, обсасывая каждый пальчик.

— Хватит! — Кайра несильно хлопнула ее ступней по щеке, — я хочу попробовать твой язычок в ином месте.

Она раздвинула ноги и Лена, приподнявшись на руках, увидела перед собой розовые лепестки, истекающие влагой. Даже здесь Кайра выглядела идеально — словно дивной красоты цветок распустился в выбритой наголо промежности. Лену, в активе которой имелось несколько лесби-шоу, не нужно было учить, что делать: зарывшись лицом меж девичьих бедер, она запустила язык в этот цветок. Теперь настал ее черед заставлять корчиться в сладкой муке — Кайра громко стонала, протираясь текущим влагалищем по лицу Лены. В какой-то момент Лена, ухватив губами клитор, быстро-быстро задвигала языком, и Кайра, издав оглушительный вопль, стиснула голову Лены бедрами, содрогаясь всем телом и обильно сквиртуя в жадно распахнутый рот. Обессиленная, она обмякла на троне, пока Лена, набравшись смелости, поднималась все выше, нежно целуя живот и грудь диаконессы. Кайра, притянув ее к себе, впилась в губы Лены жадным поцелуем, слизывая с ее лица собственную влагу. Вместе они опустились на пол, и вскоре Лена, лежа на спине, вскрикивала и запускала пальцы в пепельные волосы, пока Кайра, зарывшись лицом меж ее бедер, губами и языком возвращала ей должок.

Позже, когда Лена бессильно распростерлась на полу, Кайра встала на колени между ее раздвинутых ног, вертя в руках плеть. Лена на миг вздрогнула, вспомнив жгучие укусы, но

тут Кайра ловко захлестнула кнут вокруг талии, так что рукоять пришлось аккурат напротив ее промежности. Только сейчас Лена увидела, что набалдашник вырезан в виде головы демона: с головой, покрытой бугристыми наростами, выпученными глазами и раздвоенным языком, высывающимся из зубастой пасти.

Лена испуганно ойкнула, когда глаза демона моргнули, уставившись на нее плотоядным взглядом, а длинный язык похотливо облизнул чешуйчатые губы.

— Ты же не думала, что на этом все веселье закончится? — улыбнулась Кайра, — я хочу, чтобы ты как следует запомнила эту нашу встречу.

Она ухватила Лену за ноги, задирая их кверху и в следующий момент искусственный член ворвался во влагалище девушки. Размеренно двигаясь, Кайра таранила лоно Лены, истошно кричавшей, казалось, на весь храм, и от движений бугристого ствола внутри нее и от ласк раздвоенного языка, облизывавшего влажные стеночки. Наверное, только сама Скилакагета знала, откуда в хрупком теле ее служительницы столько совсем не женской силы — Лена кончила еще несколько раз, но Кайра продолжала размашисто трахать ее, а затем, перевернув рабыню на живот, поимела еще и в зад. К счастью, ее странный член к тому времени оказался как следует смазан женскими соками, так что Лене было почти не больно. Под конец она, издав дикий стон, рухнула на пол, сотрясаясь в судорогах анального оргазма. Рядом с ней без сил упала и Кайра — второй конец рукояти, проникавший в ее собственное влагалище, тоже заставил диаконессу кончить.

Расслабленные, полностью удовлетворенные любовницы лежали рядом, обмениваясь томными взглядами и ленивыми поцелуями.

— Ну что, — хитро улыбнулась Кайра, — ты и дальше будешь строптивой?

— Наверное, — через силу усмехнулась Лена, — если ты будешь и дальше так наказывать свою рабыню, ей будет сложно удержаться от дерзостей.

— Рабыню? — Кайра внимательно посмотрела на Лену, — в Никтополийском Монастыре не держат рабынь, только рабов. Я выкупила тебя, чтобы сделать послушницей Храма, потому что решила, что ты достойна стать служительницей Триморфы. И, кстати, там наказание за ослушание будет куда серьезней, чем то, что ты получила сегодня.

— Я поняла, госпожа Кайра, — Лена приподнялась на локте, — постараюсь не разочаровать.

Вот это и впрямь напоминало каюту — ничего общего с жалкой хижиной на корме и ворохом гнилой соломы. Просторная комната с полом, выложенным плотно подогнанными брусками красного и черного дерева, стенами, украшенными резными панно, разрисованными светящимися красками. Другим источником света оказался кристалл красного хрустала, не только испускающий темно-красное свечение, но и наполняющий каюту приятным теплом. Возле этого шара стояла и бронзовая курильница, источавшая запах благовоний. В одну из стен был вделан трискель, вписанный в нечто, напоминающее одновременно свастику и шестиконечную звезду, с лучами, загнутыми против часовой стрелки. Прямо под этим символом находилось обширное ложе, устланное перинами из черного шелка и искусно выделанными мехами.

Среди этих мехов и нежилась Кайра Моррикан, лениво играющая со своим змеиным хлыстом. На ней была только небрежно запахнутая накидка, не сколько скрывавшая, сколько подчеркивающая округлые формы белоснежного тела. Рядом с ложем стоял столик из черного дерева, уставленный аппетитными яствами. Над столиком склонилась Лена, наполняя бронзовый бокал из кувшина с вином. Из одежды она носила лишь накидку, схожую с той, что ей дали в храме Скиллы.

— И себе налей, — лениво произнесла Кайра, делая небольшой глоток.

Ухватив со столика раскрытую устрицу, она с удовольствием высосала содержимое. Лена, взяв с пола другой бокал, тоже налила себе красного как кровь вина, закусила маслиной.

— Так ты, говоришь, не из Росковии, — Кайра отбросила пустую раковину и прополоскала пальцы в пиале с водой. — Как, напомни, называется твоя страна?

— Россия, — произнесла Лена.

— На слух похоже, — заметила Кайра.

— Язык тоже похож, — кивнула Лена, — а в остальном — все другое.

Девушка уже кое-что узнала о своей «родине», лишней раз порадовавшись, что она не имеет к ней никакого отношения. Как выяснилось, Росковия даже не являлась единым государством — с десятков княжеств и вечевых республик, отчаянно грызущихся между собой. Купец, которого они с Марко встретили на Тоеме, принял Лену за уроженку одного из враждебных княжеств и, решив он купить красивую рабыню, все, что до сих пор пришлось испытать злосчастной попаданке, показалось бы ей детскими шалостями.

— Другой мир, — задумчиво произнесла Кайра, — нет, я читала философов, писавших о множественности миров, но чтобы соприкоснуться с этим напрямую... И, судя по твоему рассказу, кто-то отсюда шастает к вам по своим делам. Интересно, зачем?

— Кто его знает, — Лена хмыкнула, — уже не спросишь.

— Как сказать, как сказать, — Кайра пригубила из бокала, — есть разные способы. Хотя, конечно, без тела некромантией будет заниматься сложно, но если вызвать душу из Лимба... Как ты говоришь, его звали?

— Толик, — пожалала плечами Лена, — только это брехня, он сам это чуть ли не прямо сказал. Да и курган тот я вряд ли найду.

— Курган... и нож, — Кайра посмотрела на будущую послушницу, — кстати, дай мне его.

Лена отстегнула от пояса нож, для которого успели сделать новенькие ножны, и протянула Кайре. Та медленно провела пальцем по лезвию, потом коснулась рукояти, прощупывая таинственный знак и полустертые письма. Брови ее сдвинулись, будто Кайра что-то припоминала, но в следующий момент она протянула нож обратно.

— Кем, говоришь, был твой отец? — спросила она.

— Бизнесменом, — сказала Лена, — то есть купцом, по-вашему. Я его плохо помню.

— Но это его нож? — спросила Кайра и, дождавшись утвердительного кивка, продолжила, — его нужно как можно скорее показать Саломее. Да и тебя тоже.

— А это кто?

— Архидиаконисса Никтополийского монастыря, — ответила Кайра, — верховная жрица Скилакагеты Триморфы и владычица всей Некрарии. Каждая кандидатка в послушницы предстает перед ней и Саломея решает — достойна ли она остаться в храме.

— А я — достойна? — спросила Лена.

— Вот и узнаем, — рассмеялась Кайра, — мне самой интересно. Впрочем, до Некрарии еще несколько дней пути. Пока же...принеси еще вина. И позови Амолу с Рейнвульфом.

— Хорошо, — Лена кивнула и, ухватив кувшин, выскочила из каюты.

Боевая трирема «Ярость Кето» скользила по водам Змеиного Моря, собирая дань с вассалов Некрарии — олигархической верхушки Тоема, Намата, Рвата и прочих островов. Судно, несущее в трюме немало золота и серебра, представляло лакомый кусочек для пиратов, кишевших в здешних водах, именно поэтому вместе с обычной охраной из наемников, архидиаконисса Саломея отправила на трирему одну из своих доверенных жриц, искусенную в Магии Моря. С ней же отправился и небольшой отряд Монастырской Гвардии — отлично обученных и вооруженных воительниц под командованием Амолы, уроженки некоей невообразимо далекой южной страны.

Амола была фанатично предана Кайре — Лена ничуть не сомневалась в готовности черной амазонки как умереть самой за пепельноволосую диакониссу, так и убить любого по ее слову. Что до командира наемников, которого, как выяснилось, звали Рейнвульф, то он был одним из рыцарей Тевманской империи, родом из ее столицы — Брокгарта. Несмотря на относительную молодость, он являлся опытным воином, да и наемники, набранные преимущественно из имперцев, мало в чем ему уступали. Во всем Змеином море пришлось бы долго искать столь отчаянного пирата, что рискнул бы напасть на столь хорошо защищенный корабль.

Лена нашла Амолу и Рейнвульфа на носу, рядом с оружием, напоминающим одновременно арбалет и пушку, заряжавшуюся чем-то вроде огромных гарпунов. Здесь же стояло и несколько наемников, напряженно смотревших на что-то в море. Лена, проследив за их взглядами, изумленно округлила глаза при виде нового чуда.

Впереди, на расстоянии примерно метров в триста от триремы, медленно двигалось, то выныривая из воды, то погружаясь вновь, нечто огромное. Могучее тело отливало черно-зеленой чешуей, на поверхности мелькали то перепончатые лапы, то хвост, покрытый зазубренным гребнем, а то и огромная голова с оскаленной пастью и злыми змеиными глазами. Волны, расходящиеся от движений исполинского тела, покачивали саму трирему, а само чудовище, как навскидку решила Лена, было около сорока метров в длину. К счастью, огромная тварь, так и не приблизившись к кораблю, вскоре нырнула и больше не появлялась, видимо, уйдя на глубину.

Амола, облегченно вздохнув, обернулась и, увидев Лену, подмигнула ей.

— А ты думала, почему это море именуется Змеиным? — сказала она, — Пираты — не единственное, чего стоит бояться здесь. А тебе чего вообще?

— Кайра зовет, — пояснила Лена, — тебя и Рейнвульфа.

— Раз зовет, надо идти, — пожалала плечами черная великанша и обернулась к наемнику, — Да не волнуйся, не нападет оно. Скилла не даст своим детям обидеть ее любимицу.

— Ее, может, и нет, — пробурчал Рейнвульф, — а вот нас...

Тем не менее он, отдав несколько приказаний наемникам, последовал за Амолдой, направлявшейся к каюте Кайры. Лена хотела было пойти за ними, но вспомнила, что диаконисса приказала ей принести еще вина, и устремилась к люку трюма, прижимая к груди пустой кувшин.

Лена быстро приняла новые правила игры, с тех пор как Кайра забрала ее из города на трирему. Оно и неудивительно — за вычетом пары дней в избе Стрыги, Лена пребывала в состоянии постоянного стресса, который свел бы с ума человека с более слабой психикой. Лена выдержала — и все же момент внезапной передышки оказался столь благотворным, что она наслаждалась каждой минутой покоя. Даже подчинение Кайре не особо тяготило Лену — еще со времен БДСМ-тусовок она усвоила нехитрую истину: кто желает повелевать — должен научиться подчиняться. Конечно, ей было неприятно заново учиться покорности после того, как она уверилась в том, что идет по жизни госпожой, но в этом мире прежние навыки оказались малоприменимы. К тому же Кайра оказалась снисходительной хозяйкой — убедившись, что одного урока Лене хватило, жрица обращалась с ней достаточно мягко. Даже шрамы, оставленные змеиными зубами, исчезли без следа, когда Кайра смазала тело Лены какой-то мазью, причем вместе с новыми ранами окончательно зажили и старые. Уже на триреме Лене подстригли ее растрепанную в скитаниях гриву, подвели глаза и губы какой-то здешней косметикой, а заодно и устроили промежности небольшую экзекуцию в виде эпиляции смесью смолы и меда. Так или иначе, нахождение на «Ярости Кето» стало первым спокойным временем за все ее пребывание в этом мире.

Правда, чутье подсказывало Лене, что долго это безмятежное существование не продлится. Кайра поверила в то, что Лена рассказала о себе, видимо, диаконисса могла распознать, говорит ли человек правду, но надрываться за возвращение новой послушницы в родной мир она явно не спешила. Попаданке пришлось свыкнуться с мыслью, что здесь она надолго, а значит, нужно как следует изучить здешние правила игры, чтобы не оставаться перед невеселым выбором между рабским унижением и отчаянной борьбой за выживание.

Набрав вина, Лена поспешила в каюту Кайры. В дверях девушка столкнулась с Рейнвульфом, посторонившимся, чтобы пропустить ее.

В каюте по-прежнему мерцал багровый кристалл, распространяя волны тепла, пепельноволосая жрица все так же лениво простиралась на своем ложе. Вот только сейчас в обстановку добавилась еще и Амолда, застывшая у стены, словно черная статуя свирепой богини войны.

— На пару дней я тебя оставляю, — без обиняков сказала Кайра, — завтра галера причалит к Клыкам Форка, где я сойду, чтобы... Впрочем, тебе это знать не к чему. На это время ты поступаешь под охрану Амолды — она не только воительница, но и посвященная жрица, как и все женщины, кто служит Храму. В случае чего, она защитит тебя.

— А что, есть чего бояться? — спросила Лена.

Кайра и Амолда переглянулись и одновременно усмехнулись.

— Ничего не бойся, милашка, — прогудела черная великанша, — мамочка прогонит любого буку. Ты, главное, знай свое место.

— До сих пор это место знали и без меня, — не удержалась Лена, — хорошо хоть ты разрешаешь мне узнать это самостоятельно.

Амола нахмурилась от такой дерзости, но Кайра лишь засмеялась, взмахом руки выпроваживая обеих женщин из каюты.

На Клыки Форка — группу небольших островков, скорее даже крупных скал в дне пути от Некрарии, Кайра сошла ночью. Лена осталась на корабле, причем Кайра предоставила ей свою каюту. На этом все приятности ее отсутствия и закончились — у входа дежурила Амола, словно сторожевая собака отмечавшая каждый шаг потенциальной послушницы. От скуки Лена старалась побольше спать, чем видимо и расслабила свою стражницу: проснувшись однажды, девушка обнаружила, что Амола куда-то отлучилась. Лена, уже готовая, что называется, на стенку лезть от безделья, сразу воспользовалось моментом, чтобы сойти «на берег».

Погода по местным меркам был отменной: Черное Солнце стояло в зените и все напоминало обычный пасмурный день в ее мире. Лена, с трудом пробираясь по скользким от водорослей камням, исследовала Скалы Форка, напоминавшие дикие пляжи ее родного мира. Она помнила о морских чудовищах, но надеялась, что они слишком велики, чтобы сунуться в это хитросплетение скал. Солнце, пусть и не ярко светившее, вполне себе грело, и Лена, облюбовав неглубокую бухточку, решила устроить себе ванну. Скинув одежду, она погрузилась в воду по шейку. Небольшие волны, врывавшиеся сквозь валуны, загоразивавшие бухту, прокатывались по ее телу, делая своеобразный массаж. Лена закрыла глаза и постаралась представить, что она в джакузи.

Неожиданно громкий плеск раздался из-за соседних скал — как будто ударила волна. Плеск повторился, но теперь Лена явственно слышала, что источником его является что-то живое. Разом все страхи ожили в голове девушки: стараясь не шуметь, она выбралась из своей «ванны» и, прячась за большой камень, осторожно выглянула.

За камнем обнаружилась еще одна бухточка, побольше той, в которой плескалась Лена, более открытая морю. Волны с шумом врывались сюда, бурля и выбрасывая брызги, словно в огромном котле. Вот очередная волна с шумом разбилась о скалы — и вместе с ней из воды взметнулось нечто черное и, несомненно, живое.

С невольным восхищением Лена смотрела на Амолу, неторопливо выходящую из естественного бассейна. Волосы, обычно уложенные на голове в сложную прическу, облепили широкие плечи, доставая до середины спины. Вот Амола скрутила их узлом, выкручивая воду и одновременно напрягшись всем телом. Лена восхищенно разглядывала могучую спину, мощные бедра и шарообразные ягодицы, слегка подрагивавшие в такт движениям женщины. Ее кожу сплошь покрывали причудливые татуировки, изображавшие людей, зверей и неких демонических созданий.

— Нравится, негодница? — не оборачиваясь, бросила Амола, — хочешь посмотреть поближе?

Она расставила пошире ноги, прогнулась в талии и несколько раз качнула ягодицами, в танце наподобие тверка. Фигурки на ее коже задвигались в причудливом танце и Лена, словно замороженная им, шагнула вперед. Почему-то ей вспомнилась Кайра, хотя сложно было найти более непохожих женщин. Кайра покоряла своей внутренней силой, обманчиво прикрытой девичьей хрупкостью, но Амола представляла неприкрытое торжество телесной

мощи, тем более притягательной от воплощения в женском обличье. Когда Лена оказалась в двух шагах от Амола, та запустила пятерню в волосы девушки, пригибая ее книзу. Лена, повинуясь внезапно нахлынувшей похоти, опустилась на колени и коснулась губами округлой плоти. Сверху раздался гортанный смешок и Амола нажала сильнее, вдавливая голову Лены меж своих необъятных ягодиц. Лена вдохнув резкий, но не такой уж противный запах, послушно высунула язык, лаская тугую дырочку. Одновременно она положила руки на мощные бедра, чувствуя, как вздрагивает, словно могучий утес в землетрясении под ее ладонями мускулистое тело великанши.

Эти извращенные ласки настолько захватили Лену, зарывшейся лицом в обильную черную плоть, что она не замечала и не слышала ничего, что происходило вокруг. Амола сама грубо вернула ее к действительности: ухватив за волосы, она буквально выдернула Лену, жадно глотающую воздух. Не давая ей опомниться, Амола толкнула девушку себе за спину, а сама подхватила с земли увесистый камень. Лена осторожно выглянула из-за ее спины и сдавленный всхлип вырвался с ее губ — слишком уж внезапным оказался переход от любовных игр к смертельной опасности.

Из-за скал, а также из воды выходили мертвецы — разбухшие, объеденные рыбами и крабами, в обрывках истлевших одежд. Иссиня-черная гниющая плоть испускала омерзительный смрад, отслаивалась жирными лоскутами, обнажавшими белые кости, меж которых копошилась всякая морская живность. Глаза тварей мерцали уже знакомым Лене гнилостно-зеленым светом, а во ртах блестели длинные острые зубы. Перепончатые лапы жадно тянулись к двум женщинам, причем, некоторые из них держали ржавые ножи и что-то похожее на сабли.

— Я постараюсь их задержать, — сквозь зубы произнесла Амола, — ты, как они бросятся, беги в ущелье, что за моей спиной. По нему я пришла с триремы, там ты...

— Я тебя не брошу! — перебила ее Лена, — еще чего!

— Девка, сейчас не время хорохориться, — в голосе Амола прозвучало раздражение, — эти твари разорвут нас обоих, если ты...

— Еще посмотрим, — качнула головой Лена, — один такой мертвяк уже меня хотел сожрать — и без глаза остался! Я его выколола — вот этим!

Она показала нож, который она прихватила с собой и губы Амола невольно раздвинулись в одобрительной ухмылке. Лена сама не знала, откуда у нее взялась эта отвага — может потому, что Амола казалась столь большой и сильной. Казалось, ей была нипочем надвигавшаяся на них смерть. Само ее присутствие, совмещенное с полным отсутствием страха, придавало смелости и Лене, не способной бросить на растерзание женщину, готовящуюся отдать жизнь ради ее спасения.

Впрочем, скоро выбор пропал и у нее: оглянувшись, Лена увидела, что мертвецы, обойдя их, отрезали путь к ущелью. Кольцо разложившейся плоти сжималось все сильнее, алчные глаза мерцали словно созвездие недобрых звезд, истекающих смертью и неумолимым голодом. Еще миг — и вся эта мерзость бросится на них. Прижавшись спинами, Лена и Амола готовились принять последний и безнадежный бой.

— Вы так мило смотрите вместе, — послышался сверху насмешливый голос, — мне прямо жалко прерывать столь трогательное единение.

Лена вскинула голову и чуть не разрыдалась от облегчения, увидев стоящую над ними Кайру, поигрывавшую кнутом. Змеиные тела вились вокруг гибкой фигурки и клиновидные головы с шипением поднимались вверх. Мертвецы, уже готовые кинуться на Лену с Амолой

остановились, разворачиваясь к новому врагу.

— Следовало бы оставить вас тут обеих, — продолжала Кайра, — за то, что сунулись туда, куда не следовало. Но...когда-нибудь моя доброта меня погубит.

Она раскрутила над головой плетъ, тут же вспыхнувшую призрачным сине-зеленым светом и что-то яростно крикнув, с оттягом хлестнула по головам тварей.

Словно гигантский рубец пролегал через скопище мертвецов — те, кого коснулась необычайно удлинившаяся плетка, растекались по камням омерзительно пахнущей жижей. От трупной вони у Лены кружилась голова, она едва не падала в обморок и все же она радовалась, глядя, как сползает гниющая плоть с ребер и черепов, а сами кости опадают грудой трухлявых обломков. Вскоре на берегу бухты стояли только Амола с Леной, окруженные смрадными лужами разложившейся плоти.

Кайра, неторопливо свертывая кнут, медленно спустилась со скалу и укоризненно взглянула на Амолу.

— Я тебя не узнаю, — сказала она, — ладно эта дурочка, но ты...

— Я не думала, что она увяжется за мной, — понурилась воительница, — а здесь — тут ведь не должно было быть людей. Ни живых, ни мертвых

— Не должно, — кивнула Кайра, — но вот нашлись, как видишь. Пираты из Деваманда нашли где устроить логово. Я сама на них наткнулась, когда шла в святилище. Они понятное дело, хотели меня убить и изнасиловать, но змейки меня защитили — она любовно погладила кнут, — не думала, что от них будут проблемы — рано или поздно их бы сожрали дети Скиллы или прибрали к рукам русалки. На корабль бы они не сунулись: он под надежным заклитием. Единственное, что я не могла учесть: что найдутся две такие дуры, которые захотят устроить себе здесь... А, кстати, чем вы тут занимались?

Она лукаво посмотрела на смущенно потупившихся женщин и расхохоталась.

— Нет худа без добра, — сказала она, — по крайней мере, вы точно подружились. Ладно, возвращаемся на корабль — уже к утру мы должны быть в Никтополе.

— Это и есть Некрария?

Даже по меркам мира Лены город впечатлял — Никтополь был раз в десять больше Тоема. Исполинские здания из черного мрамора были видны с моря, еще когда до берега оставалось несколько километров. Кораблей в порту было сравнительно немного — жреческая столица Некрарии не особенно жаловала торговый люд, предпочитая выносить торжища в иные города или к островным вассалам. В Никтополе же собирались преимущественно военные корабли — исполинские триремы и квинкиремы, с таранами в виде голов акул и драконов, под черными парусами и стягами с белым трискелем. С судов угрожающе щерились катапульты, баллисты, гигантские арбалеты, что-то похожее на пушки и иные орудия, для которых у Лены не нашлось названия. Имелись тут и корабли, украшенные резными фигурами и яркими стягами — суда местной знати. На берегу высились дворцы и храмы из черного мрамора, с высокими колоннами, балконами с коваными оградами, и извилистыми лесенками. Всюду стояли статуи наиболее почитаемых в Некрарии богов, точнее, богинь: со змеиными волосами и перепончатыми крыльями, змеиными и рыбьими хвостами, с рогами, клыками и когтями. Имелись и мужские боги, не менее жуткого вида, однако было их не в пример меньше, в знак относительно скромного положения, которое они занимали в местном пантеоне.

Лена припомнила все, что Кайра рассказывала о местных божествах.

— Богов и богинь множество, но Великая Богиня одна, — говорила она, — Скилакагета Триморфа, Трехликая, держащая ключи от всех миров и шествующая по всем путям, владычица земли, неба и преисподней. Ей помогают управлять миром шесть богинь: Мания, насылающая безумие; Эмпуса, радующая пролитой крови; Ламия, владычица суккубов, Скилла, она же Кето, мать чудовищ моря...

— Это ведь в ее храме мы были на Тоеме? — спросила Лена.

— Да, — кивнула Кайра, — я служу именно ей... после самой Триморфы, разумеется. Еще есть Стено, со змеиными волосами, что повелевает камнем и Лаверна — покровительница торговцев, блудниц и воров.

— Шесть богинь, — медленно произнесла Лена, — и седьмая — Триморфа. Похоже на то, что мне рассказывала Стрыга о вере Империи — там ведь тоже семь главных архонтов.

— Да, — пренебрежительно махнула рукой Кайра, — но там или считают богами второстепенных демонов, которыми повелевают богини Некрарии, или же принимают за архонтов самих богинь — недаром ведь Астарот, Левиафан и даже Вельзевул имеют женские воплощения. Ты, может, и сама видела в Ктыреве?

Лена кивнула, вспомнив гарпию на флаге Сарлонии.

— В империи считают наоборот, — продолжала Кайра, — там уверяют, что это мы представляем их архонтов в образе своих богинь. Спор об этом идет уже не первый век, но Тевмания и Некрария никому не воспрепятствуют почитать своих богов под чужими именами. Я и сама пришла к богине через храм Астарота в Брокгарте.

— Ты была в Империи?

— Да, я несколько лет провела в Брокгарте, после того как покинула Лоркни.

— Что покинула?

— Лоркни, — пояснила Кайра, — это островное королевство к северо-западу от

Империи. Местечко своеобразное, хотя я порой по нему и скучаю. Но оно того стоило — в Некрарии я узнала истинное имя Нёкранн и Левиафана, а также обрела могущество, о каком не смела и мечтать на родине. Моя родина теперь — здесь, она может стать и твоей тоже.

Лена тогда вздохнула про себя, гадая, через что ей еще предстоит пройти, чтобы обрести эту самую «новую родину». Об этом она думала и сходя на берег, к поджидавшей Кайру свите. Наемники Рейнвульфа рассаживались по крупным, но не лишенным изящества коням черно-бурой масти. Садились верхом и боевые подруги Амолы — мускулистые девахи в доспехах, вооруженные короткими мечами и пиками. Самой же Амоле рабы подвели зверя, напоминающего огромного, размером с быка, вепря, но с длинными рогами над низко посаженными глазками. Амола усмехнулась, отметив как распахнулись глаза Лены при виде этого чудовища.

— Эти звери водятся в лесах, на востоке Некрарии, — пояснила Кайра, — охота на них опасна, но мясо вкусное, а рога и клыки годны на разные поделки. Но до Амолы еще никто не додумался использовать рогатого вепря как скакуна.

— Если бы и додумался, то не осмелился, — хмыкнула Амола и ловко запрыгнула на спину зверя, ухватившись за рога. Кайра, усмехнувшись, повела Лену к повозке, запряженной сразу шестью лошадьми. Лена не разбиралась в подобных средствах передвижения, но даже ей показалось, что для кареты повозка слишком большая, а для фургона — слишком красивая: сработанная из черного дерева и слоновой кости, покрытая причудливой резьбой, повторяющей те же мотивы, что и в Храме Скиллы в Тоеме. Внутри повозка выглядела не хуже — половину ее занимало роскошное ложе, устланное пятнистыми шкурами, как и пол. Тут же стоял и столик, а на нем — бутылка вина и ваза со сладостями. В углу мерцал святающийся кристалл.

— Дорога в монастырь идет через весь город, — сказала Кайра, с размаху плюхаясь на ложе, — но, думаю, мы придумаем, как скоротать этот путь. Иди ко мне.

Скидывая одежду, Лена опустилась на ложе рядом с диаконессой, а та привлекла девушку к себе и страстно поцеловала в губы.

Может, путь до монастыря и впрямь оказался неблизким, но за любовными утехами девушки этого не заметили — Лена даже толком и не увидела Никтополь, оставшийся за стенами «кареты». Лишь когда дорога стала заметно повышаться в гору, Кайра неохотно отстранилась от будущей послушницы.

— Надо привести себя в порядок, — сказала она, — монастырь рядом.

Она уложила волосы, увенчав их сапфировой диадемой, надела черно-синее одеяние, а поверх него — черный плащ, украшенный расплывающимися фиолетовыми узорами, напоминающими щупальца морского чудовища. На указательный палец — серебряный перстень, увенчанный сапфиром — еще один отличительный знак служительниц Скиллы. Другой перстень украшал красный трискель на черном фоне, как знак того, что все жрицы являлись служительницами и Скилакагеты. Лена же получила новую накидку, совсем простую — белую с красной вышивкой по подолу.

— Нож не забыла? — спросила Кайра. — Тогда пойдем.

Монастырь поражал мрачным величием: оседлавший вершину нависшей над Никтополем горы и сам наполовину погруженный в гору, он напоминал город, опоясанный массивной стеной. С нее на людей взирали уродливые твари, напоминающие средневековых горгулий, только еще более безобразные. Массивные ворота украшал очередной символ богини — трискель из белого золота, вписанный в свастику с шестью лучами. Лена уже

знала, что символизирует этот знак: шесть лучей — шесть богинь, наместниц Скилакагеты, а трискель — сама Триморфа, в ее основных ипостасях. За стеной вздымались в небо черные как ночь шпили и высокие башни, на вершинах которых горело неугасимое алое пламя. Множество больших и маленьких зданий, усеявших горные склоны, напоминали огромные соты, причем, как сказала Кайра, в толще горы имелось множество помещений, где проживало несколько сот, если не тысяч людей: диакониссы, рядовые жрицы, послушницы, наемники, ремесленники и алхимики, слуги и рабы. Властвовала над всеми ними верховная жрица Скилакагеты Триморфы, Архидиаконисса Саломея.

Подойдя к воротам, Кайра указала Лене на глубокую нишу в стене, напоминающую большую нору. Здесь же стояло небольшое бронзовое блюдо, поверх которого лежал длинный тонкий нож. Набалдашник рукояти заканчивался головой оскаленного демона.

— Давай, — кивнула Кайра.

— Что?

— Ты впервыеходишь в Монастырь, — пояснила диаконисса, — тебе нужно дать плату Стражу. Плату кровью.

Лена посмотрела на Кайру, лицо которой оставалось необыкновенно серьезным, потом пожала плечами и, взяв нож, полоснула по пальцу. Наклонив руку, она смотрела как тягучие капли падают на дно блюда, постепенно заполняя его.

— Вот черт!

Лена отскочила бы, если бы Кайра, стоявшая у нее за спиной, не удержала ее за плечи. Из ниши высунулась голова странного существа, напоминавшего помесь кота и летучей мыши: с короткой черной шерсткой, острыми ушами и небольшими рожками на заостренной макушке. На уродливой мордочке красным огнем горели огромные глаза. Длинный тонкий язык облизал окровавленные пальцы Лены, после чего существо запустило язык в блюдо и быстро-быстро вылакав кровь, убралось обратно под камни.

— Теперь все в порядке, — довольно кивнула Кайра, — пойдём!

Архидиаконесса Саломея выглядела молодо — чуть ли не младше Лены. Впрочем, девушка уже не обманывалась этой цветущей юностью — судя по иным обмолвкам и Кайре, на самом деле, было уже за тридцать. Среди даров Богини своим жрицам была и молодость — если и не вечная, то, во всяком случае, весьма продолжительная. Неудивительно, что девушки из самых знатных семей, — не только Некрарии, но и иных стран, — мечтали попасть в Никтополийский Монастырь. Но брали далеко не всех.

Сейчас решалось, попадет ли туда Лена: подперев кулаком подбородок, бледная красавица со странными фиолетовыми глазами внимательно слушала попаданку. Саломея носила черно-бело-красное одеяние, а с шеи на серебряной цепочке свисал амулет — все тот же трискель, вписанный в шестиконечную звезду-свастику. Иссиня-черные волосы венчала серебряная диадема в виде лунного диска, украшенного семью рубинами. Длинные ногти, покрывал черный лак с нанесенными поверх него разводами — красными на правой руке и белыми на левой. Встреча проходила в личном покое правительницы Некрарии — небольшой уютной комнате, убранной черно-красными занавесями. За спиной Саломеи, на возвышении из черного мрамора, красовалась серебряная статуя женщины в ниспадающем до пят одеянии. Три женских лица смотрели на Лену — один принадлежал юной девушке с озорными глазами и игривой улыбкой на полных губах. Второй лик был преисполнен надменного величия, воистину подобающего только богине. На третий лик Лена старалась особо не смотреть — столь искусно неведомый скульптор изобразил гримасу

нечеловеческой ярости, обнажившей острые клыки и извивающиеся змеи волос. Над всеми тремя ликами красовался лунный серп. Четыре руки сжимали символы богини — ключ, факел, меч и кнут. У ног Скилакагеты стоял, вздыбив шерсть и оскалив острые клыки, большой пес из черной бронзы. Похожий зверь, только уже живой, лежал у ног архидиакониссы: черная собака, напоминающая помесь овчарки с доберманом, но размером с крупного дога. Пес выглядел спокойнее своего бронзового подобия, но умные глаза внимательно следили за каждым движением Лены. На стоявшую в стороне Кайру пес не обращал внимания, видимо, давно свыкшись с ее присутствием.

— Покажи нож, — произнесла Саломея, когда путанный и сбивчивый рассказ, наконец, подошел к концу. Лена, покосившись на кивнувшую ей Кайру, протянула нож.

— Вроде ничего особенного, — архидиаконисса повертела нож перед глазами. — А если так?

И она резко полоснула себя по ладони.

— Черт! — не выдержала Лена, — осторожно!

Саломея бросила на нее снисходительный взгляд и провела окровавленной ладонью по рукояти ножа, что-то шепча при этом. На глазах Лены вокруг клинка вдруг замерцало сначала слабое, а потом все более яркое багровое свечение, охватившее и руку Саломеи. Случайно глянув вверх головы жрицы, Лена с содроганием увидела, что и глаза всех трех ликов светятся все тем же светом.

— Ха! — выдохнула жрица и свечение погасло.

Саломея протянула нож обратно — рукоятью вперед, причем Лена успела заметить, что на ее ладони нет и следа от шрама.

— Ну, — хмыкнула она, — так лучше?

Лена с изумлением посмотрела на нож — его лезвие отливало серо-стальным блеском, в него теперь можно было смотреться как в зеркало. Изменилась и рукоять — девушка ясно видела рисунок: распахнувшая крылья черная птица в окружении черных же языков пламени. Окружавшие рисунок буквы напоминали латинские, но Лена не смогла опознать языка, на котором была сделана надпись.

— Черный Феникс, — прошептала за спиной Лены Кайра, — я думала, это легенда.

— Может и так, — кивнула Саломея, — почему бы оружейнику, изготовившему клинок, не вдохновиться старой байкой. И все же... хотела бы я поговорить с твоим отцом.

— Мой отец мертв, — пробурчала Лена.

— И ты видела тело? — Саломея вскинула бровь.

Лена мотнула головой.

— Загадочная история, — сказала Саломея, — и это солнце на монете и этот твой... как его?

— Толик, — буркнула Лена.

— Может и назвался он тебе не просто так, — задумчиво произнесла Саломея, — мне надо будет кое с кем посоветоваться.

Лена переглянулась с Кайрой — она уже поняла, с кем может советоваться архидиаконесса.

— В общем, нож останется у меня, — сказала архидиаконисса, — а что касается тебя...

— Она достойна держать кнут диакониссы, — сказала Кайры, — я...

— Ты видела, как она отхлестала кнутом двух торгашей на площади Тоема, — усмехнулась Саломея. — Если бы ты ее не спасла, чем бы все кончилось? Достоинно, но

маловато для того, чтобы встать вровень с сестрами.

— Испытай ее, — упрямо сказала Кайра, — или я когда-то ошибалась в выборе послушниц?

— В тебе кровь мерков, — сказала архидяконисса, — они ошибаются реже, чем люди, но все же чаще, чем боги. Пусть ее испытывает сама Скилакагета.

Она поднялась с кресла и рядом с ней бесшумно поднялся пес, зыркнувший на Лену настороженным взглядом. Саломея, поманив за собой девушек, отодвинула одну из занавесей. За ней обнаружилась небольшая железная дверца, в которую Кайра с Леной шагнули вслед за жрицей.

— Ничего себе! — Лена не смогла сдержать изумленного возгласа, осматривая огромный зал, отделанный черным, белым и кроваво-красным мрамором. Стены его покрывали искусно сработанные барельефы, изображавшие сцены из жизни богов и богинь. На специальных возвышениях, в чашах с тремя рогами, полыхало зеленое пламя. Призрачным светом мерцали зеленые, красные и синие кристаллы, вставленные вместо глаз у изображенных на стенах чудовищ. В особых нишах красовались статуи богинь: скалились акульи пасти на щупальцах Скиллы; расправляла перепончатые крылья змеевласая Стено; кокетливо выставляла изящную ножку с ослиным копытом оскалившаяся клыками Эмпуса.

От места, где стояли три женщины, начинались ступени из кроваво-красного мрамора. Поднявшись по ним, Лена увидела алтарь — плоский трапециод из странного камня, маслянисто-черного, словно застывший деготь. Над ним высилась исполинская статуя, в четыре или пять человеческих ростов, не просто трехликая, но и трехтелая. Слева виднелось изваяние из красного мрамора, изображавшее юную девушку с копной густых волос, с венком из трав и лукавой улыбкой на полных губах. Одевание с глубоким вырезом на груди и подолом, едва прикрывавшим округлые бедра, не могло скрыть прелести пышного тела. В левой руке девушка держала кнут, свитый кольцом у бедра, правую руку обвивала большая змея. Рядом с ней находилась иная статуя, уже из белого мрамора — изваяние императрицы, в строгом, ниспадавшем до пят одеянии, с лунным серпом, венчавшим тщательно уложенную прическу. Лицо, не менее прекрасное, чем у ее юной сестры, было преисполнено спокойного величия. В одной руке богиня держала факел, полыхавший настоящим пламенем, во второй — связку ключей. И, наконец, справа стояло изваяние из черного мрамора — красивая женщина в доспехах на голое тело и рогатом шлеме. Лицо ее искажалось кровожадной гримасой, в приоткрытом рту щерились острые клыки. Когтистые пальцы одной руки сжимали клинок, а второй — серп.

— Три лика Триморфы, — произнесла Саломея. — Блудница. Императрица. Убийца. Если ты и вправду хочешь служить Ей — пролей на алтарь три капли крови.

Она протянула Лене ее нож и та, затравленно оглянувшись на застывшую с каменным лицом Кайру, неуверенно шагнула вперед. Преисполненная необычайной робости, она полоснула себя по пальцу и протянула руку, позволив крови стечь на алтарь.

В следующий же миг все чудовища на стенах изрыгнули клубы алого пламени, тут же сменившегося черным дымом. В считанные минуты он окутал зал непроглядной тьмой. Множество чудовищных ликов разом проступило во мраке, в сотни глоток взвыли черные псы, исполинский дракон, расправив крылья и оглушительно взревев, испустил сноп адского пламени. Тысячи образов, мыслей и чувств, разом охватили все существо Лены, распавшейся на множество сознаний. Она ощущала и хищное приволье охотящейся стаи, и бесшумное скольжение чешуйчатого тела в водной толще, и копошение могильного червя на

разложившейся плоти. А потом все эти образы слились в один, и перед глазами Лены вдруг предстали три лика, разом улыбнувшиеся ей.

И вдруг все кончилось. Лена вновь стояла перед статуей богини, ее тело колотила крупная дрожь, а ноги настолько ослабели, что девушка без сил опустилась на пол.

— Что же, Скилакагета дала знак, — Саломея выхватил нож из ослабевших пальцев, — ты и вправду достойна стать послушницей. Не забывай только, что богиня может указать тебе путь, но не обещает, что ты далеко пройдешь по нему. Помни об этом, когда начнешь свое послушание. Кайра, зайди ко мне.

— А я? — хрипло спросила Лена.

— А ты пойдешь к послушницам, — сказала Саломея, — вон тебя уже ждут, чтобы проводить. С наставницей встретишься, когда время придет. Пойдем, Кайра.

Лена проследила за тем, куда указала Саломея и слабо улыбнулась, увидев стоявшую возле статуи Эмпузы Амолу.

— Никому там не верь, — поучала чернокожая воительница Лену, — сестры — это после жреческого посвящения, а среди послушниц каждый сам за себя.

Они обе находились в большом подъемнике, медленно спускавшемся в глубокую шахту. Внизу и вверху царил кромешный мрак — лишь факел в руке Амолы освещал кабину.

— Много желающих получить долгую молодость, магическую силу, власть и богатство, — продолжала амазонка, — но не все доживают до посвящения. Богиня сама выбирает сильнейших — и лишь от тебя зависит, войдешь ли ты в их число.

— А что мне делать? — спросила Лена.

— Учиться жить в змеиной яме, — сказала Амола, — не бойся заводить ни подруг, ни врагов, а главное — вовремя понимай, когда одни превращаются в других. И еще — возьми это.

Она вложила что-то в руку Лены, и та с удивлением увидела костяной нож с треугольным лезвием и причудливым рисунком на рукояти.

— Знак Мвене-Путо, бога смерти, — пояснила Амола, — этот нож был зачат егс именем еще на моей родине в Матазулу, а сделан он из зуба слоновой акулы. Особо им не свети и не применяй без нужды, но и не пропусти миг, когда это все же придется сделать.

— Но что скажет Кайра?

— Кайра знает, — улыбнулась Амола, — это она велела дать тебе его.

Лена спрятала нож в складках одеяния и тут подъемник ткнулся о землю, завершив свой ход. Амола распахнула двери кабины и Лена почувствовала внезапную робость, увидев ворота из черного дерева. По центру скалился череп, судя по всему, вполне настоящий. В пустых глазницах мерцали светящиеся кристаллы. В зубах он сжимал железное кольцо. Видя, что Лена колеблется, Амола ободряюще усмехнулась и, развернув девушку спиной к себе, мощным шлепком по заду вытолкнула ее из кабины. Вновь заскрипел механизм, унося вверх черную амазонку, а с ней — и факел, оставляя Лену у светящегося черепа. Передернув плечами, словно от озноба, девушка взялась за кольцо и громко постучала.

Новые знакомства

— Привет! Ты ведь новенькая?

Усевшаяся напротив Лены сероглазая девушка, с рыжевато-каштановыми волосами и задорными веснушками на хорошеньком личике, заговорщицки улыбнулась. Обе находились в большой трапезной, где у длинных столов, на столь же длинных скамьях, рассаживались послушницы. Каждая держала в руках поднос с нехитрым завтраком: деревянная миска с кашей, напоминающей пшеничную, в которой лежал кусок рыбы, облитый сладковатой подливой. Кроме этого к завтраку прилагался кусок черного хлеба и кружка с теплым молоком.

Все девушки торопились проглотить свою порцию перед началом второй службы, — на первую их разбудили еще перед рассветом, — находя при этом время, чтобы переговариваться друг с другом. Здесь были и смуглые уроженки Деваманда, могущественной империи к востоку от Некрарии, и еще более смуглые девушки с резкими «орлиными» чертами — дочери Амдуата, таинственной страны за Зеленым морем на юге. Немало послушниц прибыло из Тевманской Империи — от светловолосых и голубоглазых валькирий до темноволосых смуглянок с карими глазами. Но больше всего, конечно, было уроженок Некрарии — черноволосых, с бледной кожей и темно-синими глазами. Все послушницы поступили раньше Лены, давно перезнакомились и уже разбились по стайкам, сейчас шушукующихся между собой. Лену они игнорировали, уроженок Росковии, за которую продолжали выдавать девушку, здесь не имелось, что, в принципе, было отлично — ей бы не хотелось нарваться на «землячку». Однако, чувствовать себя изгоем ей тоже не нравилось, поэтому Лена, несмотря на все предупреждения Амолы, искренне улыбнулась подсевшей к ней девушке.

— Меня Мартильдой зовут, — говорила та, с аппетитом уминая завтрак, — Мартильда Гленненштайн, можно просто Марти.

— Олена, — представилась Лена, — из Залесья.

— Это где? — Мартильда с искренним удивлением посмотрела на девушку.

— На северо-востоке Росковии, — бодро ответила Лена.

Мысленно она похвалила предусмотрительность Кайры — назваться уроженкой княжества, которое даже в самой Росковии считалось натуральным «медвежьим углом».

— Правда из Росковии? — глаза Марти округлились. — Вот это да! Никогда не видела кого-то оттуда!

— Ну, теперь видишь, — усмехнулась Лена.

— Здорово! А я из Тюргонии — это герцогство такое, в Империи. Слышала, может?

Лена помотала головой — настолько глубоко в политическую географию Империи Кайра ее не посвящала. Впрочем, для уроженки таежной глухомани подобное невежество было более чем объяснимо.

— Я тоже здесь недавно, — продолжала Марти, — где-то с месяц. Тут все такие задаваки, словом перекинуться не с кем. Ты, я смотрю, тоже ни с кем еще не подружилась?

— Нет, — Лена покачала головой, — откуда, я всего три дня здесь.

— Ну, я так и подумала, — кивнула Марти, — может, подружимся? Есть еще одна девушка, только со мной и дружит. Она из Деваманда, но что-то у нее не сложилось со своими. Может, замутим втроем? Одной здесь непросто.

— Я не против! — Лена кивнула и тут проревел рог, сзывающий на службу. Марти быстро подтерла хлебом остатки подливки и, закинув его в рот, встала из-за стола.

— Увидимся! — крикнула она и Лена, кивнув, вместе со всеми выбежала из трапезной.

Вскоре она уже стояла перед серебряной статуей Скилакагеты в одной из ее форм — обнаженная женщина, со змеями, обвивающими вскинутые руки. Изящные плечи венчало сразу три головы — женская, лошадиная и собачья. Всюду горели черные свечи и бронзовые курильницы, покрытые непонятными письменами. Морщась от едкого запаха благовоний, Лена старательно пела гимн:

О, тройная форма тьмы! О, мрачное великолепие!

О кровавогрудая, предельно жестокая и предельно заботливая!

О прославленный Страх на земле, и Страх в Лимбе, и чёрный Страх в небесах!

О темная, опоясанная змеей, пьющая кровь и пожирающая трупы!

О, ужас внушающая! О Богиня!

Между послушницами, внимательно вслушиваясь, ходила жрица по имени Лактения — стройная женщина лет тридцати на вид. Светло-каштановые волосы украшала серебряная диадема в виде кусающей себя за хвост змеи. Она носила черное одеяние с красной окантовкой и серебристым трикселем на груди. В ее руке вился змеиный кнут, и как только кто-то из девушек сбивался с ритма или начинал фальшивить, острые зубы безжалостно впивались в девичью плоть.

— Кровь и плоть ваша принадлежит Триморфе, — размеренно говорила жрица, — змеиные зубы ранят ваше тело, но возвышают душу, наполняя ее подлинным почтением к богине. Только тот, кто не боится пролить свою кровь во имя Скилакагеты, достоин чести лить и пролить на алтаре чужую.

Встав рядом со статуей, она поманила одну из послушниц — черноволосую красавицу с ослепительно белой кожей и изящным аристократическим профилем. Лена уже знала ее — Икария, дочь одного из самых знатных родов Некрарии, считалась лучшей из лучших. Тут же раздался жалобный скулеж — слуга внес в комнату вырывающегося щенка желтой масти. Отчаянно скулящего песика положили на черный алтарь перед богиней и Лактения передала Икарии длинный нож с золотыми письменами на черной рукояти. Блеснуло лезвие, щенячий скулеж перешел в натужный хрип и несчастное животное распласталось на алтаре с угасающими глазами. Икария коротко поклонилась и шагнула обратно к послушницам. Лена, с трудом удержавшаяся от гримасы отвращения, заметила на лицах соседок явное сожаление — не о смерти несчастного животного, но о том, что кроме Икарии жертвоприношения никому из них не доверяют.

— Жертва принята, — произнесла жрица, — а теперь за работу!

На что не могли пожаловаться здешние послушницы, так это на недостаток занятий. Благо территории, требовавшей пригляда и ухода здесь хватало: если сам Монастырь мог поспорить размером с городом, то помещение, где обитали послушницы, имело площадь в несколько кварталов. При этом девушкам приходилось постоянно перемещаться по узким лестницам не только внутри, но и снаружи, выполняя множество заданий, из которых состоял обычный день будущих жриц. Только до обеда Лена вместе с остальными девушками подмела несколько дворов, выдававшихся из монастырских стен, словно огромные балконы; перебрала пару мешков со змеиными выползками; почистила три свиные клетки, удерживая на расстоянии, с помощью веника, недовольно щелкающую клювом птицу. Перед обедом ее еще успели спровадить на псарню, покормить черных псов увесистыми кусками

мяса, которые в мире Лены стали бы украшением на полках любого супермаркета.

За обедом, состоящим из похлебки с какими-то овощами и мелко порубленного мяса, к Лене вновь подседа Марти, а с ней — высокая пышная смуглянка, с кудрявыми черными волосами и крупным носом.

— Вот, познакомься, — сказала девушка из Империи, — о ней я тебе рассказывала.

— Фарсина, — кивнула смуглянка, по-мужски протягивая руку.

Лена пожалала ее, вопросительно глядя на новую подругу.

— Марти говорила, что ты тут скучаешь, — сказала Фарсина, — можно мы сегодня придем к тебе в келью? Познакомимся, поговорим о всяком разном.

Лена помялась, снова вспомнив предупреждение Амолы, но, не найдя повода отказать, согласно кивнула. В конце концов, черная амазонка советовала ей не бояться заводить подруг? О врагах подумаем позже.

— Вот и отлично! — воскликнула Марти и, похоже, хотела добавить что-то еще, когда взревел рог, вновь созывая девушек на учебу.

Остаток дня они посвятили изучению некрійского языка, напоминавшего, насколько Лена могла понять, греческий. Сами жрицы одинаково хорошо владели тевманским и девамандским, что и неудивительно, учитывая, что сама Некрария находилась на большом острове в проливе, разделявшем две великие державы. Однако, чтобы продвинуться по местной иерархии, послушницам следовало овладеть наречием, на котором произносились самые важные молитвы, гимны и почти все заклинания. Урок вела маленькая хрупкая жрица по имени Феамийя. Она же, по окончанию занятий, вывела девушек на широкий двор-балкон, где послушницы старательно выводили слова гимна, провожая заходящее Черное Солнце и встречая Луну.

После этой церемонии девушки разбрелись по кельям — для каждой послушницы здесь предусматривалась отдельная комната. Внутреннее убранство не отличалось разнообразием: лежанка с тюфяком, набитым соломой, неказистый, но крепко сколоченный табурет, на котором стояла кружка с водой и свеча. В углу воняла бадья, в которую Лене предлагалось справлять естественные нужды.

Щелкнув огнивом, Лена зажгла свечу и уселась на ложе, читая сборник молитв Скилакагеты: надпись на тевманском дублировалась на соседней странице на некрійском. Не успела она прочесть и двух страниц, как в дверь осторожно постучали.

— Это мы, — раздался негромкий шепот и Лена, открыв дверь,пустила Мартильду с Фарсиной.

Первая держала в руках корзинку с хлебом, копченым мясом и фруктами, вторая — увесистую бутылку из черного стекла.

— Откуда все это? — удивилась Лена.

Марти хихикнула и пошевелила пальцами.

— У каждой из нас есть семья, — пояснила Фарсина, — они дают кой-какие деньги с собой. Здешняя прислуга знает об этом и за пару монет готова услужить будущим жрицам.

— Ты тоже сможешь так делать, — сказала Марти, — или тебе не дали в дорогу?

— Нет, — неуверенно протянула Лена, мысленно ругая Кайру за эту оплошку — могла бы и сообразить, что ее протеже может на этом проколоться. Впрочем, девушки не особо удивились — надо полагать, от девчонки из неведомого захолустья, никто не ожидал богатых родичей. Усевшись на пол, девушки прихлебывали легкое, почти не пьянящее вино прямо из горла, заедая принесенной снедью.

— Так хорошо, что появилась ты, — рассказывала Марти, — в компании всегда веселее. Здесь всегда нужно найти того, кто прикроет спину.

— А что будет? — невольно заинтересовалась Лена, — что тут может случиться?

— Да много чего, — пожалала плечами Фарсина, — никогда не знаешь, от кого ждать подставы. Новичкам приходится попотеть, чтобы заслужить уважение таких как Икария.

— И как? — спросила Лена. — Вы уже чем-то отметились?

— Пока нет, — подмигнула Марти, — но есть идея. Вдвоем мы не решались, а вот втроем можно и рискнуть.

— О чем ты? — заинтересовалась Лена.

Марти переглянулась с Фарсиной и стала рассказывать. Оказывается, подъемник, которым спускались сюда Лена с Амолой, был не единственным — имелись тут и другие «лифты», уходящие в самую глубь скалы, на которой стоял Монастырь. Там, по словам Марти, имелись катакомбы, к которым, некими тайными пещерами, проникали морские воды, образуя целые подземные заливы.

— В них водятся моллюски с необычными раковинами, — шепотом говорила Марти, — а в них — редкий сиреневый жемчуг, который не каждая диаконесса может позволить себе в украшение. Если мы спустимся и достанем его сами — нас зауважают все, даже Икария и все ее подхалимки.

— Как мы туда спустимся? — спросила Лена.

— У нас в замке был похожий подъемник, я умею с ним обращаться, — пояснила Марти, — ночью спустимся, а утром поставим на место, никто и не заметит.

— А у меня есть карта тамошних подземелий, — похвасталась Фарсина, — вырвала страницу из одной книги в библиотеке.

— А это не опасно? — спросила Лена.

— Боишься? — Фарсина покосилась на нее, — не думала, что росковские девушки столь робкого десятка.

— В Росковии выживает тот, кто не лезет наобум неизвестно куда, — парировала Лена, — а эти ваши катакомбы... я уже видела, кто водится в Змеином море.

— Это же Никтополийский Монастырь, — воскликнула Марти, — он под такими заклятиями — никакая тварь не сунется. Там, конечно, темно и сыро, но совсем не опасно.

— Ты это знаешь или думаешь, что так?

— Думаю, — помялась Марти, — но я не слышала, чтобы там было опасно.

— Не торопись с решением, — сказала Фарсина, — все равно тот подъемник придет только через несколько дней, когда у наставниц будет пересменка. Вечером придут новые и, по-хорошему, они должны тогда же и смениться, но им нужно потрепаться о всяком разном между собой, отметить встречу и все такое. Раньше утра они наверх не отправятся. А подъемник останется на ночь без охраны — ну от кого его здесь охранять, все свои. Быстро спустимся, наберем чего нужно — и обратно! Представляю себе рожу Икарии, когда мы ей пригоршню жемчуга вывалим.

Марти захихикала, усмехнулась и Фарсина, так что Лене ничего не оставалось, как ответить им неуверенной улыбкой.

Последующие несколько дней прошли в тяжелых раздумьях. Лена пыталась связаться с Кайрой или Амолой, но робкая попытка договориться с кем-то из наставниц встретила столь холодный прием, что больше Лена не рисковала обращаться с такими просьбами. В остальном все шло как обычно — послушницы по-прежнему в упор не замечали Лену. Кроме

Марти и Фарсины — эти при каждом удобном случае болтали с девушкой, повадившись ходить к ней и в келью — похоже, здешние порядки не запрещали ночные посиделки. Так что Лена, несмотря на все свои опасения, в конце концов, согласилась на предстоящее опасное приключение. Свою роль сыграло не только чувство солидарности с новыми подругами, но и внезапно проснувшееся честолюбие — перспектива резко повысить свой статус в этой богадельне привлекала ее все больше. К тому же, одним из ее недостатков, с которым она честно, но безуспешно пыталась бороться, была неспособность противостоять разводкам на «слабо».

В назначенный день Лена, сидя на кровати, пыталась читать сборник молитв, но из-за владевшего ею нервного возбуждения, не могла прочесть ни строчки. Сердце чуть не выпрыгнуло у нее из груди, когда она услышала тихий стук в дверь.

— Это мы, — шепнула Марти, когда Лена открыла дверь, — ты готова?

— Всегда! — решительно сказала Лена. — Ну, где там ваши катакомбы?

Гостья из прошлого

— Приехали!

Словно в подтверждение этих слов подъемник мягко стукнулся о камень и остановился. Вокруг царила кромешная тьма, где-то вдалеке слышалось журчание воды и писк летучих мышей. Все вокруг пахло сыростью, морской солью и гниющими водорослями.

— Не хрена же не видно, — прошептала Лена, — а вы взяли свечи?

— Свечи, ха, — усмехнулась невидимая Фарсина, — погоди, у меня есть что получше.

Послышались звуки трения и в темноте сначала слабо, а потом все сильнее разгоралось алое свечение. Источником его оказался небольшой кристалл в руках у Фарсины.

— Откуда у тебя это? — спросила Лена.

— Стащила из комнаты Лактении, — сказала она, — до утра не хватит.

— А что утром?

— А утром надо вернуть на место, — хмыкнула Фарсина, — так что надо пошевеливаться.

С этими словами она отодвинула дверную заслонку и бесстрашно шагнула вперед. Марти и Лена последовали за мерцающим во тьме огоньком.

Светящийся кристалл отбрасывал причудливые тени на влажные каменные стены. Несмотря на заверения девушек о том, что здесь безопасно, Лене все же было не по себе в сыром подzemелье, оказавшемся, к тому же, совсем не безжизненным. Из темных углов слышались какие-то шорохи, мелькали смутные тени и раздавались влажные шлепки, будто прыгала огромная лягушка. Лена внутренне содрогнулась, вспомнив Топь. Украдкой она нащупала рукоять костяного ножа, подаренного Амолдой.

Марти, судя по всему, тоже было здесь не по себе — она с явным испугом осматривалась по сторонам. Фарсина же, наоборот, уверенно шла вперед, только изредка заглядывая в вырванную страницу. У Лены сложилось впечатление, что она делает это чисто для виду — похоже было, что девушка не первый раз в этих подzemельях. Гнетущие подозрения вновь пробудились, и она все с большей настороженностью оглядывалась по сторонам.

— Долго еще? — спросила она.

— Почти пришли, — не оборачиваясь, бросила Фарсина и тут впереди забрезжил слабый бледно-голубой свет.

Спустя мгновение они уже стояли на краю обрыва, под которым открывалась обширная впадина, наполненная водой. Лене это напомнило большой бассейн с подсветкой — величиной с небольшое озеро. Тут и там из воды поднимались скалы, а в самом центре вздымался скалистый островок. На нем Лена заметила нечто, напоминающее античный храм, с колоннами из черного мрамора.

— Вот там жемчужины, — Фарсина указала на остров.

— И как мы до них доберемся? — Лена на глазок смерила расстояние до воды, — тут метров пять глубины.

— Просто, — усмехнулась Фарсина и вдруг поднесла кристалл к глазам девушки.

Яркая алая вспышка ослепила Лену, она отшатнулась, заслонив лицо руками и в тот же миг ее с силой толкнули в грудь. Влажный камень выскользнул из-под ног Лены, она почувствовала, что летит, и тут же с головой погрузилась в холодную воду.

— Какого х...!!! — фыркая и отплевываясь, Лена вынырнула на поверхность, — что за дебилские шутки, мать вашу!

Ответа не последовало — даже багряный отблеск потух и все наверху погрузилось в крошечную тьму. Сама Лена держалась на воде, перебирая «по-собачьи» руками. Подземный водоем оказался довольно глубоким. Для пробы она вскинула руки и «свечкой» опустила вниз — лишь когда руки полностью скрылись под водой, ступни коснулись дна. Вынырнув, Лена поплыла к ближайшему островку, время от времени становясь вертикально и проверяя — не становится ли мельче? Вскоре она с облегчением почувствовала под ногами твердый камень. Наскоро ощупав себя, она убедилась, что все в порядке, даже нож Амолы, запутавшийся в складках одеяния, оставался с ней. Это несколько придало уверенности — что бы не случилось дальше, новую опасность она встретит не с голыми руками.

— Марти! Фарсина! — снова крикнула она в темноту, — Девчонки, это не смешно!

Тишина. Ругая себя последними словами за доверчивость, Лена спустилась со своего временного пристанища и, зажав в зубах нож, поплыла к ближайшей стене. Только сейчас она заметила источник свечения — мерцала сама вода, будто наполненная синими искрами. Вокруг Лены сновали морские обитатели: юркие рыбы диковинного вида; большие полупрозрачные креветки; неторопливо шевелящие щупальцами медузы, от которых девушка старалась держаться подальше. Всех их окружало все то же свечение, делавшее морских тварей похожими на ночных призраков. Не удержавшись, Лена подняла руку и увидела, как по ней словно стекают капли жидкого синего огня.

Наконец, она подгребла к стене и принялась старательно ощупывать ее, пытаясь взобраться обратно. Увы, ее ждало разочарование: под водой стену покрывали скользкие водоросли, а выше камень был, конечно, неровным, но все же не настолько, чтобы можно было подняться вверх. После нескольких безуспешных попыток Лене все же удалось, ломая ногти и раздирая в кровь кожу, подняться примерно на метр, но, не удержавшись, она упала обратно в воду, подняв тучу брызг.

Послышалось или наверху действительно прозвучал негромкий смешок?

— Суки! — Лена с бессильной ненавистью посмотрела в темноту и, соскользнув обратно в воду, принялась оплывать бассейн. Стены его оказались не столь монолитными, как казались вначале: волны вымыли в них обширные каверны или даже небольшие пещеры, наполовину затопленные водой. В некоторых из них Лена даже могла встать на выступы в камне, давая отдых уставшим рукам. Но при более тщательном рассмотрении Лене ждало неизменное разочарование — каждая пещера оканчивалась тупиком. Светящаяся вода проникала и сюда, все было видно, и все же девушка добросовестно ощупывала все стены, даже ныряла, в надежде найти хоть какой-то выход. Но напрасно — каждый раз ее рука наткалась на равнодушный камень.

Однажды Лене все же показалось, что удача ей улыбнулась: когда она наткнулась на большую пещеру, столь обширную, что ее своды терялись во мраке. У дальней стены дно поднималось, образуя узкий берег, где Лена и увидела первое свидетельство работы людских или каких иных рук: в небольшом углублении, вытесанном в скальной толще, стояло нечто вроде массивного блюда из бронзы или меди. По ободку необычную посуду покрывали странно знакомые письмена.

Внезапно Лена вспомнила, что это ей напоминает: повинуюсь наитию больше чем разуму, она сильно уколола ножом мякоть большого пальца. Струя крови хлынула на

блюдце.

— Ну же, — умоляюще сказала Лена, — пожалуйста, откликнитесь. Кто-нибудь.

Слишком поздно она вспомнила, где еще попадала в подобную ситуацию, и кто откликнулся на просьбы. Как говорится — бойтесь своих желаний, они сбываются. Внезапно позади нее послышался громкий плеск и Лена, резко обернувшись, испуганно шарахнулась к стене.

— Брысь! — крикнула она первое, что пришло в голову, — Пошел отсюда!

Ответом ей был мерзкий мям, перешедший в звук, напоминающий одновременно кашель и кваканье. Из воды, прямо на Лену выходил странный зверь: напоминающий большого кота, очень большого, размером с леопарда. Впрочем, это было не единственной странностью диковинного зверя — на нем не было ни клочка шерсти, только черная, лоснящаяся шкура, как у огромного сома. Сходство усиливалось и длинными, явно сомовыми усами, растянувшимися по обе стороны уродливой морды. Выпученные жабы глаза плотно рассматривали Лену, осклизлые губы угрожающе раздвинулись, обнажая острые клыки. Лена бросила взгляд на лапы — перепончатые пальцы оканчивались острыми когтями, способными легко разорвать ей горло.

Снова послышался плеск и, обернувшись, Лена с ужасом увидела выходящих из воды еще двоих котосомов. Взгляды, которые они бросали на Лену, не оставляли сомнений в гурманских предпочтениях тварей.

— Пошли вон! — крикнула Лена, выставив перед собой нож.

Амола говорила, что он заклят именем бога смерти — может и на это отродье он как-то подействует? И действительно, твари замедлили шаг, а потом и вовсе остановились, яростно хлеща себя по бокам гребнистыми, как у тритона, хвостами.

— Брысь!!! — уже смелее крикнула Лена. — Кошки драные пошли на...й отсюда!

Твари яростно зашипели, но попятились. Прибодрившаяся Лена добавила еще несколько эпитетов поядреннее — где-то она слышала, что мат отпугивает нечисть.

— Вот это да! — послышался удивленный голос. — А ты еще откуда взялась?

Лена развернулась на звук голоса, готовясь встретить нового врага — и тут до нее дошло.

Ей отвечали на-русском. Не на местных его аналогах, которые она с горем пополам понимала, а на том самом «великом и могучем», на котором она разговаривала с детства.

Гибкая фигурка отделилась от стены и Лена, выпучив глаза, увидела стройную девушку — красивую и совершенно голую. Глаза светились столь же нелюдским блеском, что и у котов, на губах играла насмешливо-радостная улыбка.

— Тебя как звать, зема? — весело спросила она.

— Елена. Елена Вагнер.

— Немка что ли? Хотя здесь какая разница. А я Катя, можно Кэт. Сама откуда?

Лена назвалась и увидела как улыбка девушки стала еще шире.

— И впрямь землячка, — она усмехнулась, — тоже через Гнилой Лиман угодила? Хотя нет, — она скептически осмотрела на Лену, — ты ведь живая.

Живая? Лена внимательно пригляделась к «Кате» и струхнула еще больше. В мерцании синей воды девушка выглядела симпатично: красивое, почти кукольное личико с голубыми глазами и пухлыми губами, стройные ножки, тонкая талия, налитые, будто спелые яблоки, груди. Но, приглядевшись, Лена увидела гнилостно-зеленый оттенок растрепавшихся волос, из которых выглядывали заостренные уши, трупные пятна по всему телу и длинный белый

шрам на плоском животе.

— Ага! — улыбнулась «Кэт», обнажив острые как иглы зубы, — именно так. Здесь с этим просто, если труп не сожгли, свиньям не скормили или хотя бы заклятиями не сковали — встает как с добрым утром. Со мной, правда, это произошло еще *там*.

— Где? — глупо спросила Лена.

— В Гнилом Лимане, где же еще, — пожалала плечами девушка, — впрочем, там я как раз ожила. А умерла совсем не там.

— А где? — спросила Лена.

— Не о том думаешь, подруга! — хмыкнула Кэт, — ты в заднице, если еще не поняла, причем в полной. Скоро сюда явятся гости, против которых даже мои котятки, — она потрепала по холке довольно замурлыкавшую тварь, — не помогут.

— Что еще за, — начала было Лена, но тут снаружи послышался звук, который она узнала сразу — залиvistый лай собачьей своры, состоявшей, судя по звуку, из очень крупных псов. Кэт, как-то сразу перестав улыбаться, скользнула к выходу, поманив к себе Лену. Та опасно покосилась на страхолудных котиков, но те уже не обращали на беглянку никакого внимания, жадно лакая кровь из миски. Девушка подплыла к новой знакомой и осторожно выглянула.

Первое, что ей бросилось в глаза — тот самый остров, на котором стоял храм. Теперь он не пустовал — по черным ступеням скакали твари вроде тюленей с собачьими головами и руками, напоминающими человеческие, но с перепончатыми пальцами. Собачьи ноздри хищно раздувались, словно принюхиваясь, глаза полыхали алым огнем, пасти щерились огромными клыками. Самое мелкое из этих существ было, по меньшей мере, раза в три больше сомоколов Кати.

— Тельхины, — ответила утопленница на невысказанный вопрос Лены, — полубоги, дети Скиллы. Чуют свежую человечину — сейчас пойдут все углы обнюхивать, искать. Задери тебя Кето, подруга, в хреновое время ты здесь оказалась.

— Это я уже поняла, — огрызнулась Лена, даже на миг, забыв, с кем разговаривает, — может ты тогда скажешь, как отсюда выбраться... подруга?

Катя бросила на нее взгляд, в котором читалось одновременно раздражение и уважение.

— Не была бы ты из родных краев... — она хищно осклабилась. — Ладно, помогу, раз такое дело. Но придется звать подмогу. Ма-аленький, ты где там?

Снова послышался плеск и Лена, обернувшись, подавилась криком. Позади них на берегу выползло очередное отродье: уродливое существо, напоминавшее младенца, но ростом со взрослого человека. Непропорционально большую голову покрывал кошачий мех, меж пухлых пальцев с острыми когтями виднелись перепонки, а вместо ног — лягушачьи лапы. Усевшись на камне, существо уставилось на Лену выпученными глазами и широко улыбнулось, продемонстрировав зубы, которым позавидовал бы и крокодил.

— Я его Ромкой назвала, — сказала Лена, — в честь папки. Ну что, Рома, вынесешь ее отсюда?

Лена с сомнением посмотрела на Рому, по-прежнему скалившегося улыбкой людоеда-дегенерата, и уже хотела было спросить, нет ли иного выхода, когда снаружи вдруг раздался оглушительный вой. Обернувшись, девушка увидела, как тельхины бросаются в воду и, ныряя и выпрыгивая, словно тюлени, направляются к ним.

— К черту! — выругалась Лена, — как, говоришь, выбраться отсюда?

— Не так просто, — ощерилась «Кэт», — умеешь задерживать дыхание?

— Что? — недоуменно спросила Лена, но тут «Ромка» метнулся к ней, ухватив скользкими пальцами за руку и с необыкновенной быстротой увлекая за собой. Лена едва успела набрать воздуха в легкие, прежде чем очутилась под водой. Обхватив ее передними лапами и быстро-быстро двигая задними, монстр устремился ко дну. Рядом с ним в светящейся воде плыли три его младших брата, а позади них — и сама Кэт, то и дело оглядывающаяся через плечо. Вот вода наверху взбурлила множеством светящихся синих пузырьков и за спиной Кати оскалились хищные пасти тельхинов. Лена даже не успела испугаться, когда державшая ее тварь нырнула под казавшуюся монолитной скалу, где обнаружился вход в длинный туннель. Следом нырнула и Кэт со своими водоплавающими «котятками». Лена еще успела увидеть клацавшие у входа в нору пасти, но Ромка повернул за угол и синее свечение, и без того ослабевавшее, померкло окончательно. Теперь обступившую Лену тьму освещали только глаза следовавшей за девушкой нечисти. Грудь ее распирало от недостатка воздуха, в висках стучали молотки, перед глазами плыли темные круги. Но когда Лене уже казалось, что ее легкие вот-вот разорвутся, державшая ее тварь резко метнулась вверх, и в следующие миг голова девушки оказалось над водой. Жадно вдыхая воздух, она оглядывалась по сторонам, но вокруг царил поистине крошечная тьма, лишь по звуку падающих капель Лена поняла, что находится в достаточно обширном помещении — гроте или пещере. В ноздри ударил запах разложившейся плоти, гнилой рыбы, водорослей и еще чего-то, не менее омерзительного.

Послышался всплеск и напротив Лены вспыхнуло четыре пары светящихся точек.

— Кажется, оторвались, — сказала невидимая во мраке Кэт, — сюда тельхины не пролезут.

— Спасибо, — тяжело дыша сказала Лена.

— Спасибо в карман не положишь, — усмехнулись во тьме, — давай, рассказывай теперь, кто такая, откуда?

Выбравшись на каменистый берег, Лена, пытаясь выжать мокрую накидку, пересказывала Кэт свои злоключения. Глаза ее потихоньку привыкли к темноте, она теперь видела, что находится в небольшой пещере, наполовину затопленной водой. В углу лежала источавшая жуткую вонь груда костей, которые глодали Рома и водяные коты. Уже привыкнув к тому, что ее окружает всякая нежить и нечисть, Лена чувствовала себя все более уверенно, общаясь и с Катей — тем более, когда выяснилось, что на момент смерти она была на пять лет младше Лены. Обычная девчонка из станичного захолустья, поступившая в тот же вуз, где училась и Лена — правда, по иной специальности. Уже на втором курсе Катерина обзавелась молодым человеком Ромой, от которого спустя год и залетела. Поскольку потенциальный жених высказал категорическое нежелание становится отцом, было решено, что Лена сделает аборт. Проблема была в том, что она находилась на таком сроке, что взялся бы не каждый врач, а денег у молодых, как и у любых студентов было, что называется, кот наплакал. В итоге Рома обратился к своему другу — студенту медицинского института, взявшемуся сделать подпольный аборт.*

— Этот мудень любил заложить перед операцией, — рассказывала Кэт, — типа, чтобы руки не тряслись. Не знаю, что там у него тряслось, но там на столе он меня и зарезал — пикнуть не успела, как концы отдала. Ромка обосрался, конечно, да его и Серега напугал: если что, заложит обоих. Ну и решили меня под шумок завернуть в целлофан, вывезти подальше и в речку. Там у Сереги еще и кошка была, только что разродилась, ну он и решил заодно котят утопить. Так он и зашил их в меня, вместе с ребенком.

— Больной ублюдок, — процедила Лена.

— Вот ты меня понимаешь, подруга, — кивнула Катя, — они и вывезли меня под Гнилой Лиман, да там и притопили — с ребенком и котятками.

— Это они, значит? — Лена указала на почти неразличимых во тьме тварей.

— Они самые, — с гордостью сказала Катя, — красавцы, правда?

Лена вновь покосилась на сверкающих глазами чудовищ, но промолчала. Про себя она отметила, что, судя по всему, этот мир соприкасался с их собственным в Гнилом Лимане. Иначе не объяснишь того, что ночью Катя вдруг ожила со всем своим «потомством». Выследив и растерзав своих обидчиков, она принялась охотиться у реки. Ее добычей становились молодые мужчины, которым она являлась в обличье красивой девушки. Те из парней, кто вел себя относительно благопристойно, имели шансы уйти живыми, так и не узнав, что находились на волосок от смерти. К тем же, кто распускал руки или делал что похуже, Катя была беспощадна.

— Так я и жила, — рассказывала она, — в реке, в лиманах, иногда и в море выбиралась — там лучше всего было: еды вдоволь, простор. Там я и встретила с меркулом.

— С кем?!

— Мерлинги знаешь кто такие?

— Нет, — покачала головой Лена.

— Вроде русалок, но русалки всегда девки, а эти могут и мужчинами быть и женщинами. И выглядят стремно — в чешуе, с перепончатыми лапами. Вот от связи самцов-мерлингов с акулами и появляются меркулы. У нас таких нет, а тут их хватает. А кое-кто отсюда и в наш мир шастает, а потом люди пропадают бесследно. Ну, вот меня тот меркул и сманил — мол, тут лучше: море большое, не то, что лужа эта, ну и такие как мы там в почете. Не обманул, кстати: сама Скилла меня заметила. Она, конечно, больше с собаками дело имеет, а своих кошек у нее нет — вот и решила завести типа для разнообразия.

К огорчению Лены, Кэт заявила, что понятия не имеет, как вернуться обратно.

— Я и здесь-то не поняла, как очутилась, — рассказывала она, — просто нырнула поглубже у нас, а вынырнула уже в Змеином море, вместе с детками. Да и не больно охота — мне и тут хорошо. С меркулом мы разбежались, так что живу сама по себе — ну и с детишками еще. Сначала возле Топи тусовалась, а потом перебралась к Некрарии. Тут и нашла проходы в эти подземелья.

— И что, здесь лучше? — заинтересовалась Лена.

— Само собой, — кивнула Катя, — я же к открытому морю не приучена, мне ближе к берегу лучше. Жрицы меня привечают — блюдо видела? Его специально для меня сделали. Мне жертвы кровью или чем получше — а я им помогу: разыскать что нужно, кого-то неугодного прикончить, особенно если парень какой козлиной оказался, — Кэт хищно ухмыльнулась, — вот тут я завсегда пожалуйста. Это, правда, не сколько жрицы просят, сколько послушницы, кто прошареннее. Ты не из таких, сразу видно, а вот эти стервы, что тебя заманили — одну из них я здесь не раз видела.

— Вот сучки! — выругалась Лена, — а они мне говорили, что новенькие.

— Это ты новенькая, — рассмеялась Катя, — таким как ты труднее всего, потому что из-за них шум никто поднимать не будет.

— Какой еще шум? — спросила Лена, подозревая самое скверное.

— Из-за тебя — никакой, — хмыкнула Катя, — про сиреневый жемчуг они не ввали, вот только промолчали, что он тут не сам собой находится — его эти самые тельхины

приносят. Они хоть на вид страхолюдные, но ребята головастые — у себя в глубинах много чего такого делают, что на суше ценится. Ну и самые ушлые послушницы и надумали — заманивают дурашек попроще и отдают тельхинам...

— Зачем? — внутренне похолодев спросила Лена.

— А то ты не догадываешься, — рассмеялась Катя, — тельхины, хоть и головастые, а все же хищники, да и до здешних девчонок охочи. Я насмотрелась, что они с ними делают — врагу не пожелаю. А взамен они одаривают тем самым жемчугом, ну и еще кой-какими вещичками. Но с оплатой у них строго: тем двум, что тебя привели, теперь не позавидуешь — придется собой же расплачиваться за то, что тебя упустили.

И словно в подтверждение ее слов откуда-то сверху раздался слабый, словно заглушенный тоннами камня, девичий крик, полный ужаса и боли.

— О, слышишь! — усмехнулась Катя, — уже нашлись.

— Проведи меня наверх! — вдруг сказала Лена, — я хочу посмотреть.

— Мерзкое зрелище, подруга, честно скажу.

— Все равно. Проводи.

Истошный женский крик то и дело прерывался довольным рыком и лаем. Фарсина, почти раздавленная весом навалившегося на нее тела, вопила от ужаса, пока тельхин ожесточенно терзал ее лоно длинным членом с заостренной, будто копьё, головкой. Этот тельхин был последним — остальные собакоподобные монстры уже отымели послушницу, проявив не уступающую людской фантазию. Лицо Фарсины было залито смесью собственной слюны и нечеловеческой спермы, анус зиял черной дырой, сочившейся спермой и кровью, как и распухшее, окровавленное лоно. Вой и рык довольных тварей сплетались с криками женщины в одну жуткую какофонию и за всем этим, расширенными от страха глазами, наблюдала лежащая на камне Мартильда. Голая, связанная по рукам и ногам обрывками собственного одеяния, она дрожала, почти сойдя с ума от страха и понимая, что она — следующая.

Еще несколько пар глаз внимательно наблюдали за всем этим из небольшой пещеры, нависшей над водоемом.

— Конец им, — спокойно констатировала Катя, — за что боролись, что называется... Ну, может будет другим урок.

Лена промолчала, вновь переведя взгляд на искаженное мукой и болью лицо Фарсины. Она уже не кричала — только глухо стонала, бессильно дергаясь под насилующим ее чудовищем. На миг Лене показалось, что ее глаза встретились с глазами послушницы и девушка невольно содрогнулась, увидев этот безумный, невидящий взгляд.

— Так нельзя, — вдруг сказала Лена, — надо вытащить их!

— С ума сошла? На ее месте могла быть ты, а эти сучки бы только глазели.

Лена перевела взгляд на остров как раз когда огромный зверь стиснул бока Фарсины когтистыми лапами, пропарывая кровоточащие борозды, и быстро-быстро задвигал тазом. Утробный рык вырвался из его глотки и страшные челюсти клацнули, разом отрывая голову Фарсине. Остальные твари, утробно рыча, ринулись к телу девушки, разрывая ее на части и пожирая окровавленные куски.

— Все! — Лена вскочила, — ты оставайся, а я не могу.

Она уже готова была прыгнуть в воду, но Катя резко дернула ее руку.

— Сиди на месте, дурында! Эти твари тебя порвут! Тут нужен кто-то более шустрый!

Тельхины, рыча, словно стая изголодавшихся псов, пожирали девичье тело. Те, кто доел

свою долю, разворачивали окровавленные морды к Мартильде и красные глаза вновь загорались голодом и похотью. Твари, угрожающе ворча, неторопливо подходили к полумертвой от ужаса девушке, когда некий посторонний звук отвлек их от предстоящего пиршества. Вскинув уши и раздувая ноздри, тельхины вертели головами, пытаясь найти источник звука.

Звук повторился, и на одном из соседних островков поднялся водяной кот. Острые уши были прижаты к лысой голове, выпученные глаза злобно уставились на тельхинов. Вот вновь распахнулась зубастая пасть и зверь издал громкое шипение, словно бросая вызов своре водяных демонов. В ответ послышались такие же звуки — и на еще двух островках, с разных сторон, появились такие же звери.

Сколь бы не были умны и искусны тельхины, на «котятках» они отреагировали так же бурно, как и обычная стая собак на кошку. С диким воем и лаем свора ринулась в разные стороны, преследуя обратившихся в бегство водяных котов. Вскоре островок и храм на нем опустел, если не считать потерявшей сознание Марти. Она уже не видела, как рядом с ней пошли круги и из воды высунулась уродливая голова водяного отродья. Неуклюже схватив тело Марти, Рома, словно огромная лягушка, спрыгнул с острова и исчез под водой.

— Клянусь Трехликой, я не знала, — заливалась слезами Марти, распластавшись у ног бесстрастно смотревшей на нее Лены и опасливо косясь на Кэт с ее отродьем, — не думала, что они станут убивать. Мне Фарсина сказала — пусть по кругу и бросят, а мы потом тебя вытащим. Я не знала, что будет так.

— Чья эта идея? — холодно спросила Лена, — Фарсины?

— Ее, — всхлипнула Марти, — хотела перед Икарией выслужиться. Она никакая не новенькая, мы думали, что тебя легко обмануть. Они часто сюда ходят по каким-то своим делам. А мне...мне Фарсина сказала, что если я помогу, то меня примут в «Нерею». Я же и вправду новенькая, ты же видишь, как тут трудно...

— Что за «Нерея»? — спросила Лена.

— Тайное общество, — пояснила Кэт, — типа студенческого братства. Знаешь, как у америкосов бывает.

— Знаю, — кивнула Лена и вновь перевела взгляд на Марти, — а то, что меня эти твари будут трахать до потери сознания, тебя, значит, не волновало?

— Прости-прости-прости, — залилась слезами Марти, — она сказала, что ты девушка крепкая, что выдержишь, что вы у себя в Росковии и так все время со зверями сходитесь, так что тебе не впервой, может даже понравится.

— Вот сука! — Лена, не выдержав, залепила Марти оглушительную пощечину. Та ойкнула, держась за ушибленное место и умоляюще глядя на Лену.

— Понравится, говоришь? — зло сказала Лена, — хорошо, я тоже буду добренькой. Кэт, как твой мальчик, по девочкам ходок?

Вопрос был излишним: Лена и без того видела с какой откровенной похотью Рома пялится на обнаженную девку. Сейчас он сидел на корточках, поджав лягушачьи ноги, меж которых вздымался могучий ствол, покрытый бугристыми наростами.

— Забирай, — Лена указала на съезжившуюся у нее в ногах Марти, — только не до смерти — мне она живой нужна.

Ромка довольно квакнул, одним прыжком преодолев расстояние между ним и жалобно вскрикнувшей девушкой. Та издала жуткий вопль, когда когтистые лапы ухватили ее за талию и разом насадили на огромный член. Отчаянно крича, Марти вырывалась из лап

твари, но та, даже не замечая ее потуг, размеренно насаживала ее на свой член, сопровождая это действие довольными булькающими звуками.

— С чего это ты тут командуешь? — недовольно спросила Кэт, — ему указываю только я.

— Разве ты ему зла желаешь? — вскинула бровь Лена. — Где бы он еще нашел такую девку? Лучше скажи, твои котятки еще долго будут песиков за собой водить?

— Долго, — хмыкнула Кэт, — это их любимое занятие — с тельхинами в догонялки играть. Ничего с ними не станется — псы эти не в каждую дыру пролезут, куда мои котики спокойно проскользнут. Так что времени у тебя хватит.

— Времени на что? — подозрительно спросила Лена.

— Ну как на что? — осклабилась Катя, — этой проститутки явно не хватит. Так что и ты готовься, чтобы и самой лечь под Ромку. Ты же не думаешь, что я тебя спасала только потому, что мы земляки — в гробу я ту родину видала, если честно.

— А не много твоему сынишке развлечений на сегодня? — сказала Лена, — я с ним и так расплатилась за спасение.

— Он бы ее и так взял, если бы захотел, — сказала Кэт, — твое разрешение уж точно бы не понадобилось. Хочешь, не хочешь — придется и тебе сегодня ножки раздвинуть. Оно тебе и к лучшему — ты этот мир еще толком не знаешь, но тут это запросто — люди со всякой нечистью сходятся, особенно на разных там обрядах. Эта вот сучка, — она кивнула на Марти, — хоть и орет много, но на самом деле давно знает, что и ей это предстоит. Пора бы и тебе привыкать к здешним порядкам.

— С нечистью говоришь? — недобро усмехнулась Лена, — а ведь это идея.

Она в упор уставилась на Кэт.

— Кажется, я уже сделала свой выбор, — сказала она, делая шаг вперед.

— Ты что с ума съехала с перепугу? — с недоумением спросила Кэт, — лесба хренова, я же тебя на лоскуты порву.

— Рот завали, шкура! — прервала ее Лена, — щас дозвиздишься, что я тебя с самой шкуру буду ремнями спускать. Вот этим!

Она сделала выпад ножом и Кэт невольно отшатнулась: клинок Бога Смерти отваживал и ее не хуже, чем отродье.

— Конец тебе, дура! — крикнула она, кинув быстрый взгляд на Ромку, — малой, бери Ленку!

— Елена, б...ь, Николаевна! — оглушительная пощечина хлестнула Кэт, и пока та ошеломленно хлопала глазами, Лена ухватила мертвячку за волосы, разворачивая к себе спиной и приставляя нож к ее горлу.

— Сиди на месте, — бросила она изумленно выпучившему глазу Роме, — дернешься — мамочке будет больно. А будешь смирным — всем будет хорошо.

Для подтверждения она медленно провела ножом по шее Кэт.

— Погоди, еще котятки вернутся, — зло сказала та, — сука, я же тебе жизнь спасла!

— И я тебя хочу за это отблагодарить, — усмехнулась Лена и резкой подсечкой свалила Катю на пол, навалившись на нее сверху. Глаза живой и нежити встретились и Лена, хищно улыбнувшись, увидела, как отражение, столь же плотоядную улыбку.

— Ну же, съешь меня! — прошептала она и жадно впилась в холодные, пахнущие рыбой и мертвечиной губы.

Рука ее скользнула меж Катиных бедер и пальцы нащупали клитор. Катя, внезапно

оказавшись обычной станичной девчонкой, поначалу ломалась, но умелые ласки сделали свое дело и сопротивление сменилось сначала робкими, а потом все более страстными объятиями. Не переставая ласкать свою странную любовницу, Лена раздвинула ногой девичьи ноги, прижимаясь влагалищем к склизкой холодной расщелине и чувствуя, как мертвячка всем телом подается навстречу ей.

Внезапно Лена отстранилась, с удовлетворением отметив разочарованный вздох Кэт.

— Устроим групповушку, — сказала она и призывно махнула рукой Роме, — эй, давай сюда. И подружку свою тащи!

Все молчаливо признали лидерство Лены, все более входящей во вкус самой странной сессии в своей жизни. Вскоре она уже сидела, прислонившись спиной к скале и глядя как ритмично движется между ее ног взлохмаченная голова с клочками водорослей в светлых волосах. Извивающийся словно огромная пиявка язык вполз во влагалище Лены, ритмично сокращаясь меж влажных стенок. Сзади к приподнявшей бедра Кате присосалась Мартильда, старательно вылизывавшая пахнущее рыбой влагалище. Саму же послушницу упоенно сношало раком лягушкообразное чудище. Слившись в один стонущий, всхлипывающий, влажно хлюпающий и причмокивающий клубок, все четверо кончили одновременно, распластавшись на полу пещеры.

— Ну а теперь нам пора наверх, — уже позже говорила Лена, глядя по волосам прильнувшую к ее ногам Кэт, — не вечно же тельхины будут гоняться за твоими котиками. Да и Икария, поди, заждалась своего подарка.

Она улыбнулась Роме и тот, ухмыльнувшись во весь свой зубастый рот, вытянул руку, где мерцала, переливаясь сиреневыми отблесками, пригоршня жемчуга.

**Историю Кати-"Кэт" можно прочесть в моем рассказе "Кисуня" (сборник "Кубанская жуть")*

Коса на камень

— С-с-сор-р-рок с-семь!!! С-с-сор-рок вос-семь!!!

Лена уже не чувствовала правой руки, затекшей и уставшей от монотонно повторяемых действий. Однако Мартильде, стоявшей перед ней на четвереньках с задраным подолом приходилось куда хуже — ее округлые ягодицы были уже даже не красными, а чуть ли не черными, истекавшими кровью. Смотря перед собой заплаканными глазами, девушка что есть силы сжимала зубами клочок тряпки, чтобы не закричать: Лена пригрозила, что если Мартильда издаст хоть звук, то она начнет все сначала.

— Пятьдесят! — выдохнула Лена и с облегчением отбросила в сторону измочаленный пучок розог, срезанных самой же Марти в одном из монастырских садов. Сама же послушница так и осталась стоять раком, опасаясь делать что-то без позволения Лены.

— Ладно, поднимайся, — милостиво разрешила Лена, пнув девушку по заду носком башмака, — считай, что я тебя простила.

Марти, всхлипывая, и осторожно проводя рукой по больному месту, поднялась с колен, глядя на Лену испуганными глазами. Попаданка улыбнулась и потрепала ее по щеке.

— Все закончилось, — она улыбнулась и вдруг привлекла девушку к себе, страстно целуя ее губы.

Марти, ошарашенная таким неожиданным переходом, сначала даже не знала, как реагировать, но настойчивость Лены дала свое и послушница, сначала робко, а потом все более охотно, стала отвечать на ее поцелуи.

— Хорошего понемножку, — прервалась Лена, — можем продолжить потом, если будешь себя хорошо вести. Ты же будешь теперь хорошей девочкой?

— Да, госпожа! — пылко ответила Марти и Лена торжествующе улыбнулась, поняв, что перевоспитание новой рабыни закончено, приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— Хорошо, — кивнула она, — а теперь поговорим с главной сучкой в вашей своре.

Икария умела держать себя в руках — всего лишь вскинула бровь, увидев Лену, живую и невредимую, рядом с Мартильдой. Встреча произошла ночью, в небольшой беседке, затерявшейся среди монастырских садов. Беседка целиком состояла из причудливо сплетшихся виноградных лоз, вечнозеленого плюща и иных ползучих растений. Гроздья иссиня-черного винограда источали сладковатый запах, так же, как и ярко-красные цветы одной из разновидностей лиан. Под черно-зеленым сводом стояло несколько стульев, точнее, обычных пней, с разлапистыми ветвями вместо спинок. На самом большом из них сидела Икария, держа в руках светящийся кристалл. Зеленоватый отблеск бросал причудливые отблески на бледное лицо послушницы, делая его похожим на причудливую маску или лицо трупа. Рядом с ней сидело еще несколько девушек, из числа наиболее верных приспешниц Икарии.

— Говоришь, Фарсина мертва? — Икария искоса посмотрела на Лену, — как это произошло?

— Очень плохая смерть, как по мне, — ответила Лена, — мерзкая, я бы сказала. Уверена, что это надо пересказывать?

— Не надо, — бледная маска слабо улыбнулась кроваво-красными губами, — я и так представляю, как это могло быть. Хочешь занять ее место в «Нерее»?

— Хотелось бы, — пожалала плечами Лена, — ведь именно я выполнила твое задание.

— Откуда мне знать, что и как там было, — хмыкнула Икария, — чем ты можешь подтвердить свои слова?

— Вот этим!

Икария осталась спокойной даже сейчас — лишь щеки ее предательски порозовели, а в глазах на минутку мелькнул алчный блеск, когда Лена, запустив руку в складки одеяния, достала пригоршню жемчуга, испускающего сиреневое мерцание. Ее подруги были менее сдержаны, словно замороженные уставившись на сокровища тельхинов.

— Впечатляет, — кивнула Икария, — но ты новенькая. Не знаю, каким трюкам тебя выучили в твоих лесах, но правила одни для всех — чтобы попасть в «Нерею», нужно отучиться хотя бы полгода.

— Фарсина сказала, что меня примут в «Нерею», если мы достанем жемчуг, — вмешалась в разговор Марти, — а я в послушницах чуть больше месяца.

— Я не в ответе за то, что тебе обещала Фарсина, — не глядя на девушку, бросила Икария, — я тебе такого не говорила.

— Это значит, нет? — Лена прямо посмотрела в глаза Икарии.

— Именно так, — сказала послушница, — но теперь я буду иметь тебя в виду. Вернемся к этому разговору через полгода.

— А что с жемчугом?

— Оставь себе, — небрежно бросила послушница, — а мне пора. Встретимся на занятиях.

С этими словами она вышла из беседки. Вслед за ней вышли и ее прислужницы, но уже на выходе одна из них — стройная красавица, с золотистыми волосами и голубыми глазами, на миг задержалась рядом с Леной.

— Зайди ко мне в келью завтра вечером, — шепнула она.

С этими словами она спешно вышла наружу. Лена повернулась к Марти.

— Кто это?

— Элия из Лируссии, — пояснила девушка, — тоже не последний человек в «Нерее».

— Будем иметь в виду, — пробормотала Лена, провожая взглядом удалявшихся послушниц, — от Икарии я чего-то такого и ждала. Посмотрим, как будет с остальными.

— Почему Икария так спокойно отреагировала на смерть Фарсины, — спросила Лена, когда они с Марти вернулись в келью, — даже если ей и наплевать на нее, есть же еще и наставницы. Что будет, если они спросят с нас о том, куда она делась?

— Наставницы знают, — пожалала плечами Марти, — ну или догадываются. Никто из них не торопится возвращать себе смену, а желающих тут всегда хватает. Конечно, если тут начнут девушки пачками помирать, они вмешаются, ну, а пропажа одной-двух послушниц, пройдет почти незаметно. Конечно, к тем, кто по-глупому попался или много болтал, не знают снисхождения. А вот тех, кто все сделал чисто, даже негласно поощряют. Считается, что Триморфа так выбирает лучших — самых умных и коварных. А после посвящения все это будет обращено уже против врагов Храма.

— А их родня? — спросила Лена, — сюда же не с улицы девки приходят, не простолюдинки какие? Неужели никто не возмущается?

— Родня знает, куда отправляет дочерей, — пожалала плечами Марти, — и знает, что тут может случиться...всякое. К тому же, когда послушница становится жрицей, она перестает принадлежать своей стране и своему дому, служа только Триморфе.

— Почему тогда вообще их сюда отправляют? — пришла в еще большее недоумение Лена, — если не получают от этого никакой выгоды?

— Отправляют чаще всего те, кто сами служат Богине, — пояснила Марти, — иногда в обличье Архонта, как в Империи. Мой дом исстари почитает Астарота и рад выслужиться, отправив ученицу в дар Храму. Разумеется, если девушка сама хочет этого, но желающих всегда хватает — слишком многое дает жрицам Скилакагета.

— Как у вас тут все запутано, — задумчиво произнесла Лена, — ладно, проваливай. Хотя нет, сначала ножку поцелуй.

Марти, упав на колени, пылко поцеловала босую ногу Лены и, бросив на Госпожу полный обожания взгляд, выскочила за дверь. Лена усмехнулась и, потушив свечу, блаженно растянулась на лежанке, отходя ко сну перед завтрашними буднями.

Последующие несколько дней прошли достаточно скучно — все то же, что и до злосчастного спуска в катакомбы. Однако теперь Лена была не одна — за ней неотлучной тенью следовала Марти, на которую хозяйка без зазрения совести сваливала наиболее муторные обязанности. Ночью рыжая послушница тенью проскальзывала в комнату Госпожи, помогая ей расслабиться после рабочего дня.

На занятиях же Лене удалось и перебраться парой слов с Элией, украдкой, чтобы Икария, зорко следившая за своими приспешницами, ничего не заподозрила. Тем же вечером, Лена и Марти совершили визит к светловолосой красавице. Лируссийка уже подготовилась к их визиту — на небольшом столике высилась пузатая бутылка из темно-зеленого стекла и стояло блюдо с нежнейшего копчения рыбой, политой острым соусом.

— Когда есть деньги, такое раздобыть не трудно, — усмехнулась Элия в ответ на удивление Лены, — а за вином и разговор пойдет веселее. Тем более, что поговорить есть о чем.

— Об Икарии? — спросила Лена

— И о ней, — произнесла Элия, разливая вино по деревянным чарочкам, — и обо мне.

— И чем же ты отличаешься от нашей королевы?

— Не зови ее так, — поморщилась Элия и Лена отметила, что та, похоже, искренне недолюбливает некрійку. — Икария решила, что все тут вертится вокруг нее — и дико боится соперниц. Особенно новеньких, от которых она не понимает, чего ждать.

— Вроде меня? — уточнила Лена.

— Вроде.

— А ты, хочешь сказать, не такая?

— Я считаю, что особа, которая, не пробыв в послушницах и месяца, вернулась из катакомб живой-здоровой, да еще и с жемчугом, «Нерее» пригодится. Сама Икария в начале своего послушания ничем таким не отличилась. Она не подает виду, но на самом деле уже завидует тебе и боится тебя.

— Это грустно, — притворно вздохнула Лена, — я не собиралась становиться ее врагом.

— От тебя это не зависит, — усмехнулась Элия, — Икария уже думает, как убрать тебя с дороги, и поверь, она из тех, кто знает, как это делать.

— Мраченько, — хмыкнула Лена, — и что ты предлагаешь?

— Предлагаю нанести удар первой, — уверенно ответила Элия, — и, желательно, не в Монастыре — здесь она слишком заметна.

— Не здесь? А где?

— В Никтополе. Ты знаешь, что старших послушниц выпускают в город по праздникам?

Лена знала. Знала она и то, что ближайший праздник, Ночь Мании, ожидался уже через месяц. Правда, о самом празднике ей было известно немного — в основном то, что данное празднество являлось чем-то вроде маскарада, причем, под маской помимо людей могла укрываться любая нечисть, резвящаяся под присмотром Богини Безумия. Разумеется, все в такой день уделяли особое внимание тому, чтобы оградиться оберегами и заклетами, но в иных местах гости из Лимба, напротив, чувствовали себя вольготно. Немало таких мест имелось и в Никтополе.

— Есть одно местечко — рассказывала Эния, — «Семь искушений» называется. Это и храм, и бордель, и кабак, и много чего еще. Очень популярное место — на праздник туда множество народу собирается — из Некрарии, с островов, даже с Империи и Деваманда. Туда же и послушницы пробираются, Икария точно будет. Вот там ее и можно подловить.

— Подловить...и что? — спросила Лена, — убить?

— Тебе ее жалко? — усмехнулась Элия, — думаешь, с чьего позволения Фарсина тебя подставила? Убивать не обязательно, а вот проучить как следует не мешало бы. Вроде того как ты поступила с этой, — она пренебрежительно кивнула в сторону Мартильды.

— И что ты предлагаешь? — с интересом спросила Лена.

— Узнаешь, — подмигнула ей Элия, — когда я как следует все обдумаю.

Они говорили еще долго: лишь глубокой ночью Лена и Марти покинули комнату новой подруги. Мартильда отправилась в свою келью, но Лена, зайдя к себе лишь на миг, вскоре вышла, держа в руках нечто, завернутое в покрывало.

Проскользнув по темным коридорам, девушка вышла в один из самых обширных монастырских садов. В центре него, словно драгоценный камень в зеленой оправе, находился большой пруд с портиком из жадеита. В темной воде сновали небольшие рыбы с красноватой чешуей.

Лена развернула покрывало и поставила на край пруда металлическую миску, покрытую причудливыми письменами. Достала костяной нож и, укол палец, уронила в нее несколько капель.

— Муррррр, — с чуть слышным плеском из пруда вынырнула воскресшая утопленница, ее глаза мерцали в ночи, а острые зубы сжимали трепетавшую красную кефаль.

— Вкусно! — Кэт одним глотком проглотила неожиданное лакомство и перевела взгляд на Лену, — долго же ты тянула. Что опять не так?

Лена вкратце объяснила и Кэт ожесточенно замотала головой.

— В «Нерее» все имеют амулеты от таких как я, — пояснила она, — и заклетия знают, как отвадить. Там девки уже продвинутые, магией какой-никакой владеют. Ничего я им не сделаю и не проси, тут как бы самой ноги уносить не пришлось.

— Я тебя не о том прошу, — шепотом сказала Лена, — мне нужно, чтобы ты передала кой-кому послание.

В ожидании праздника, на котором должен был реализоваться коварный план Элии, Лена продолжала свое послушание. Оно изменилось — девушек уже не заставляли лишь заучивать гимны да прибираться по всему обширному хозяйству монастыря. Вместо этого послушниц загоняли в библиотеку, даже — библиотеки, поскольку для гигантского книжного хранилища Никтополя одного зала было явно недостаточно. Исполинские шкафы были заполнены книгами, свитками и покрытыми иероглифами папирусами из загадочного Амдуата. Глиняные и восковые таблички, медные и бронзовые пластинки, покрытые значками самой разной письменности, соседствовали с берестяными свитками из Росковии и костяными табличками, испещренными рунами далекого северного материка — Тульхейма.

Лена, ошеломленная таким потоком информации, была несколько разочарована, когда новая наставница, сухошавая, немолодая брюнетка по имени Дукеция, сказала, что большую часть здешних книг им читать рано.

— А многое, — добавила Дукеция, — не придется вовсе. Сама Саломея не прочла всех книг хранилища, и никто из ее предшественниц тоже. Одной Триморфе ведомо здесь все.

Первоочередная задача, поставленная перед послушницами, осталась неизменной: выучить некрийский язык. В первый же день девушкам была выдана одна на всех небольшая книжка, с переплетом из темной кожи и шрифтом цвета запекшейся крови, нанесенным на страницы из шероховатой бумаги с синеватым оттенком. В этой книге содержалось нечто более полезное, нежели бесконечные поучения — охранные, бережные и прочие заклятия. Правда, в одной книжке имелось лишь одно заклятие, да и то, чтобы добраться до него, приходилось продирается сквозь многословные описания. Первую такую книжку послушницы прочли по очереди, причем Лене это едва удалось, учитывая скудный запас некрийских слов. Однако, перевернув последнюю страницу, Лена вдруг поняла, что все прочитанное накрепко отложилось в памяти, став, к тому же, совершенно понятным.

— Так и должно быть, — снисходительно кивнула Дукеция, когда Лена поделилась с ней впечатлениями, — в эту книжку вплетено не одно, а два заклятия — одно явное, а второе скрытое, которое внедряет все написанное в твою голову. Дальше будет легче.

Так и произошло — на следующий день им выдали вторую книгу, еще более легко отложившуюся в ее памяти. Этот процесс шел по нарастающей — с каждой новой книгой расширялся и словарный запас, делавший дальнейшее чтение все более легким. На второй неделе обучения девушки, для которых некрийский язык не был родным, уже могли сносно общаться на нем друг с другом и наставницей.

Лене, конечно, хотелось, почитать и прочие книги, благо выбор в библиотеке был богатейший. Иные из фолиантов пугали Лену: переплетенные в змеиную и человеческую кожу, с инкрустацией из человеческих костей и написанные кровью. Однако она уже свыклась с тем, что все это — норма в здешнем мире, и страх постепенно уступил место любопытству. После того, как послушницы выполняли дневную норму, Дукеция позволяла им почитать что-то еще. Однако, тут девушек ждало разочарование — многие книги, написанные на некрийском, просто не откладывались в их памяти. Лена бессчётное число раз могла перечитывать одну и ту же страницу, но, перевернув ее, чтобы начать новую, вдруг понимала, что напрочь забыла все, что читала до сих пор.

— Не старайся, — однажды сказала Дукеция, — я же говорила, что вам такое знать рано. Знания в этих книгах предназначены не для всех, и книга умеет защитить себя от ненужных глаз. Читай что-то попроще.

Лена приняла сказанное к сведению, но все же не сдавалась, вновь и вновь перебирая книги. Конечно, не все они хранили в себе Страшные Тайны Вековой Тьмы — некоторые, с относительно безобидным содержанием, оказались вполне читаемыми, другое дело, что пользы от этого чтения было немного, кроме закрепления некрійского. Впрочем, имелись тут книги и на других языках — том же тевманском, которые Лена более-менее разбирала. Но и там, как она не билась, не могла запомнить ни словечка. К этим неудачам Лена относилась спокойно, пока ей на глаза не попался фолиант с вычурной надписью, похожей на готический шрифт. Заголовок Лена, фыркнув от неуместных ассоциаций, прочла без проблем: «Алая гадюка обвивает черную жабу», с соответствующей иллюстрацией. Лена сообразила, что речь идет о чем-то вроде алхимии — об этом говорили и разного рода таблицы и рисунки, которые она увидела, пролистнув несколько страниц. Текст же трактата упорно не желал задерживаться в памяти и Лена, пожав плечами, уже хотела поискать что-то попроще, когда ее взгляд зацепился за картинку разом приковавшую ее внимание.

Целую страницу занимало изображение черной птицы в языках черного же пламени. Лена видела подобное же изображение только раз, но сейчас сразу узнала его.

Черный феникс. Символ с отцовского ножа.

Последующие несколько дней превратились в пытку. Наскоро прочитав положенное по учебе, Лена хватала с полки заветную книжку и старательно пыталась прочесть хотя бы страницу. Она читала, вроде бы все понимая, но стоило ей отвлечься, отвести глаза или хотя бы задуматься о чем-то, и все прочитанное наглухо вылетало у нее из головы. Раздражаясь все больше, Лена была готова вырвать страницу из книги, а то и вовсе разорвать ее — может хоть так проклятое заклятие спадет.

— Что, страдаешь? — послышался вдруг негромкий голос.

Лена машинально вскинула глаза — и тут же сразу забыла все.

Перед ней стояла Икария.

— Ты что тут забыла?

Не самый вежливый, но закономерный вопрос: Икарии, как урожденной некрійке, не было нужды посещать эти занятия.

— Дукеции что-то понадобилось наверху, — пояснила послушница, — и она попросила меня подменить. Так что с тобой? Выглядишь так, будто вот-вот заплачешь.

Не стоило, конечно, особо откровенничать перед предполагаемой врагиней, но Лена настолько измоталась, что сразу сказала.

— Книга. Прочесть не могу.

— Что еще за книга? — Икария выхватила из рук девушки алхимический фолиант, небрежно перевернула несколько страниц и недоуменно вскинула брови, — зачем тебе это?

— Надо, — буркнула Лена, — очень надо.

— Ну, раз надо, — Икария хлопнула книгу и, положив на нее ладонь, прикрыла глаза, будто сосредоточившись.

На лбу ее выступили капельки пота, лицо побледнело больше обычного. Вот ее губы дрогнули, произнеся некое слово, а из-под ладони блеснул алый отблеск. Икария отняла ладонь, и книга сама собой распахнулась на нужной странице.

— Читай! — хмыкнула лидер «Нереи», вставая из-за стола и оставляя Лену наедине с

книгой.

Девушка почти не заметила ухода послушницы, вперившись в картинку с Черным Фениксом. Теперь Лена понимала все: буквы, четкие, маслянисто-черные, словно только что нанесённые, намертво впечатывались в ее память, а слова, в которые складывались эти буквы, будто вспыхивали в ее голове язычками черного пламени.

«*Obscurium per obscurius.*»

«*Vitam cum morte mutavit*»

«*Ignotium per ignotius.*»

«К темному через темнейшее»

«Меня жизнь на смерть».

«К неизвестному через неведомое»

Эти и другие фразы древнего языка, окружившие изображение Черного Феникса, будто выжигались в мозгу каленым железом. С трудом отведя взгляд от рисунка, Лена глянула на соседнюю страницу — и новые фразы заструились в ее сознание.

Семеро их!

В глубине Океана семеро их!

В высотах Небесных семеро их!

В горах Заката рождаются семеро.

В горах Востока вырастают семеро.

Сидят на престолах в глубинах

Земли они.

Заставляют свой голос греметь на высотах

Земли они!

Раскинулись станом в безмерных пространствах

Небес и Земли они. Земли они!

Семь богов безымерных Небес!

Семь богов безымерной земли!

Семь властных богов!

Семь злобных богов!

Семь хохочущих дьяволов!

Семь гениев ужаса!

Семь их число!

Семеро их! Семеро их! Семеро их! Семеро их!

Фразы эти, словно взрывались в ее голове, застилая разум языками черного пламени. Внезапно куда-то сгнуло книгохранилище, вместе со всеми послушницами, Никтополийским монастырем и самой Некрарией. Лена очутилась на исполинской равнине, покрытой черным стекловидным камнем. В нем стремительно расширялись глубокие трещины, изрыгавшие черное пламя. Следующее видение — бушующий океан, волны которого вздымались на десятки и сотни метров, смывая с лица земли целые страны. Огнедышащие горы извергали черное пламя, распространяясь повсюду черными тучами, проливающимися дождем из кислоты. И резким контрастом — города, наполненные людьми, мечущимися точно муравьи в горящем муравейнике.

Исполинское, смутно знакомое, здание покрывается черными трещинами и с грохотом падает, погребая в общей могиле сотни несчастных.

Тощая растрепанная женщина с безумными глазами прижимает к груди мертвого

младенца, поднося к серым губам иссушенную грудь.

Стаи черных тварей, рыскающие по зарастающим бурьяном городам, терзая грязных истрепанных людей. Крылатые чудовища, снующие в небе, сражающихся друг с другом за куски омерзительной пищи.

Скелеты, неведомой силой выброшенные из своих смрадных могил, и ковыляющие меж разбитых надгробий, пока среди их костей змеятся алые нити кровеносных сосудов, нарастающих на появляющихся словно из неоткуда мышцах и сухожилиях.

Ослепительно-белые молнии взрезают черное небо и проступающее на их фоне чудовищные лики: скалящиеся острыми клыками, с вздымающимися перепончатыми крыльями, с острыми рогами, нависшими над полыхающими адским огнем глазами. Среди всех этих бесчисленных личин выделяется одна: огромное, раскинувшееся на полнеба лицо, кажущееся Лене смутно знакомым. Но узнать его она уже не успевает, потому что открывшийся лик вдруг оборачивается сияющим ослепительной чернотой диском Черного Солнца.

— Эй, ты чего?! — слышится над ее ухом встревоженный голос и Лена словно выныривает из кошмарного сна, дрожа и озираясь вокруг безумными глазами. Она все еще в книгохранилище, давно покинутом остальными послушницами: одна лишь Элия стояла рядом недоуменно переводя взгляд с лица Лены на раскрытую книгу.

— Зачем тебе это? — сказала она, вынимая из ослабевших пальцев Лены, — жриц не учат алхимии, да еще такой... странной.

— Показалось... интересно, — просипела Лена.

— Оно и видно, — с неодобрением произнесла Элия, — я уже думала, что тут и откинешься. Посмотрела бы ты на себя: глаза закачены, на лице ни кровинки, на губах только что не пена. То еще зрелище — еле вернула тебя обратно.

«Видела бы ты то же, что и я, — с вызовом подумала Лена, — посмотрела бы я тогда, на кого ты была бы похожа».

— Алхимия бесполезна для практики, — продолжала Элия, — без должных ингредиентов, а к ним тебя никто не подпустит, по крайней мере, сейчас. Как ты вообще смогла это читать — ведь книга под заклятием, как и все остальное?

— Икаррия, — с трудом выдавила Лена, — сняла заклятие.

— Эта сука сильнее, чем я думала, — озабоченно нахмурилась послушница, — вот ведь хитрая дрянь. Если бы я не вмешалась — ты бы прямо отсюда отправилась в Лимб.

«Лимб не может быть страшнее того, что я видела».

— Я думала, она хотела помочь, — медленно произнесла Лена, все еще переживая увиденное.

— Угробить она тебя хотела, вот что, — убежденно произнесла Элия, — ты что забыла, кто натравил на тебя Фарсину? Здесь получилось бы еще чище — мол, ты сама как-то умудрилась снять заклятие с книги, ее колдовство тебя и убило.

— Если она собиралась убить меня на праздник, — недоумевала Лена, — зачем ей это сейчас?

— Увидела, что ты лезешь, куда не надо, вот и решила воспользоваться моментом, — пожалала плечами Элия, — хорошо еще, что рядом я оказалась. Но ты готовься — на праздник ты получишь кое-что похуже, чем охранное заклятие... если мы не опередим Икаррию.

— Тогда не будем терять времени, — сказала Лена, — надеюсь, у тебя уже есть план?

— И еще какой, — хмыкнула Элия, — мы раз и навсегда собьем спесь с нашей

принцессы.

Маски сорваны

— Держись возле меня, — сказала Элия, — в такую ночь не стоит ходить в одиночку.

В подтверждение этих слов рядом с ними с хохотом проследовала процессия молодых людей, во всяком случае, по голосам Лена решила, что они молоды, облаченных в косматые наряды и уродливые маски. Лена и Элия, на всякий случай, сделали охранительный знак, вызвав новый взрыв хохота и глумливых насмешек.

— Пусть ржут, — бросила Элия, — как раз к таким ряженым чаще всего и цепляются «гости из Лимба». Посмотрим, все ли они доживут до утра.

Лена промолчала, в очередной раз нащупывая под платьем рукоять врученного Амолой ножа — о нем она ничего не говорила Элии. Ради праздника Лена принарядилась: Элия раздобыла ей платье из темно-синего шелка, расшитое серебристыми цветами, с глубоким вырезом. Подол платья спускался до земли, но еще один разрез обнажал стройную ногу от бедра до элегантного сапожка на высоком каблуке. Уши Лены украшали серебряные сережки в виде кусающих себя за хвост змей, а в ложбинке меж грудей мерцало сиреневым жемчужное ожерелье. Элия же носила длинное черное платье, наглухо закрывавшее ее почти до подбородка, но зато с длинным вырезом на спине. Светлые волосы венчала диадема в виде трех свернувшихся змей. С шеи, на золотой цепочке, свисал диск из черного оникса с трискелем из белого золота. У пояса послушницы разместился свернутый кольцом кнут — не змеиный, как у диаконесс, но по-своему эффектный: с посеребренной рукоятью и гелиотропом в набалдашнике.

В первое прибытие Лена не очень хорошо рассмотрела город и теперь с интересом вертела головой, жадно впитывая впечатления. Никтополь сегодня как никогда соответствовал своему названию: здания из черного мрамора почти сливались с ночной тьмой, а россыпи огней, разожженных на крышах башен, карнизах и балконах зеркально отражали раскинувшееся над ними звездное небо. Прямо на улицах под музыку сотен флейт, арф и рогов плясали горожане в рогатых и клыкастых масках. Рекой лились знаменитые некрійские вина, пившиеся легко, но мало кого оставлявшие на ногах уже после трех-четырех чарок. Другие никтопольцы не разменивались по мелочам: Лена уже знала о местных наркотических зельях, предлагавшихся завсегдатаям чуть ли не в каждом кабаке. Одни зелья порождали причудливые грезы, вторые даровали чувство небывалой эйфории, третьи приводили в сильное сексуальное возбуждение. В воздухе не гасли огни фейерверков, над крышами башен распускались колоссальные красные, зеленые и синие «хризантемы», осыпавшиеся миллионами искр; к самому небу возносились огненные столпы, бешено вращались искрящиеся колеса. Все небо заливало исходящее непонятно откуда холодное сияние, напоминающее полярное.

«Семь искушений» находились неподалеку от порта: изначально не более чем прибрежные скалы, с множеством пещер и гротов. Люди расширили их, продолбили новые ходы, соединившие подземелья друг с другом, перебросили бесчисленные мостики и лестницы. Другие лестницы — веревочные, деревянные, вырубленные в камне — связывали друг с другом все пять этажей исполинского здания, образовавшего сразу несколько городских кварталов. Разделявшие их узкие улочки превратились в коридоры с множеством боковых входов, из которых раздавались томные стоны, страстные вскрики, а порой и более пугающие звуки. Временами эти улочки сходились во внутренних дворах, посреди которых,

возле журчащих фонтанов, занимались любовью как парочки, так и развеселые компании. То же самое происходило на мостиках, на лестничных площадках и во множестве таверн под открытым небом. В закрытых же помещениях творились совсем иные изысканные действия, предназначенные для более требовательной публики. В одно из таких мест и держали путь заговорщицы.

— Это здесь, — Элия остановилась перед улочкой-коридором, уходящей резко вниз.

— Надень маску, — посоветовала Элия, доставая из сумки на поясе две личины — одну черную и рогатую, изображавшую черта или сатира; вторую — морду клыкастого зверя, вроде помеси собаки и свиньи.

— Какая тебе больше нравится?

— У меня своя, — удивила послушницу Лена.

В следующий миг в руках девушки появилась причудливая маска, заставившая Элию удивленно вскинуть брови. Личина была создана из двух половинок, умело прилаженных друг к другу. Левая сторона, вырезанная из черного дерева, изображала уродливую обезьяну, справа же красовался прекрасный женский лик, выточенный из слоновой кости.

— Интересная задумка, — заметила Элия, — откуда это у тебя?

— У нас в Росковии любят праздники с ряжеными, — ответила Лена, — эту маску мне привез отец с Тоема, где купил ее у чернокожего купца с далекого юга. Мне она так понравилась, что я решила привезти сюда.

— У твоего отца неплохой вкус, — кивнула Элия, — ладно, надевай ее. И возьми это.

Из рук в руки перешел кожаный мешочек, который Лена спрятала под одеждой. Второй такой мешочек Элия взяла с собой, одновременно напялив рогатую маску.

— Ты помнишь, что надо делать? — сказала Элия и Лена кивнула — этот момент они проговаривали неоднократно. В первом мешочке лежала пыльца черного лотоса из болот южного Амдуата, во втором — высушенная и измельченная в порошок секреция гигантской гиены, что обитает в пустынях Имора. Первый порошок наполнял сознание вдохнувшего причудливыми видениями, второй же внушал невероятное сексуальное влечение. Обе девушки, пробравшись под масками в зал, где отмечала праздник Икария, должны были незаметно подмешать все это в вино или еду главе «Нереи» и спешно ретироваться. Что будет дальше Элия не уточняла, сказав только, что после всего, что случится, Икария будет навеки опозорена и, может быть, вообще покинет Монастырь.

Они прошли темным коридором, освещенным лишь горящими по углам факелами и, толкнув массивную дверь, оказались в потайном зале — гораздо меньшем, чем то, что описывала Элия. Не было тут ни Икарии, ни вообще какого-либо развеселого празднества. Вместо этого у разожженного камина в большом кресле, восседал почти забытый Леной персонаж — тучный Каскар, работороговец из Деваманда. Жирное лицо все еще украшал шрам, оставленный его же собственной плеткой. По бокам стояло еще двое человек: один, смуглый темноглазый мужчина, с черной бородой явно был земляком Каскара. Это подтверждала и висевшая у него на поясе кривая сабля. Второй — здоровенный детина, с копной темно-русых волос и грубыми, словно вырубленными чертами лица, напоминал выходца из Росковии, хотя его меч, похоже, ковали в Тульхейме.

Глаза Каскара блеснули одновременно ненавистью и торжеством.

— Тебе идет эта образаина, — хмыкнул торговец, — по крайней мере, она хотя бы наполовину красива — в отличие от того, что останется от твоего лица, после того как с ним поработаю я. Или ты и вправду думала, что я прощу вот это, — он ткнул пальцем в шрам, —

и прилюдное унижение за пятьсот паршивых монет?

— Думала, ты здесь самая умная, сучонка? — Элия, сняв маску, брезгливо смотрела на нее, — думала, мы ничего не узнаем... княжна?

Последнее слово она почти выплюнула.

— Икария тебя сразу раскусила, — продолжала она, — диаконессе Кайре не пройдет то, что она притащила под видом знатной девушки простую рабыню. Я с удовольствием верну тебя хозяину, мерзкая девка, а заодно отомщу за Фарсину!

— Это заведение славится тем, что исполняет любые капризы клиента, — осклабился Каскар, — но будь я проклят, если не придумаю для тебя нечто, что удивит даже их.

— Делай с ней, что хочешь, — презрительно произнесла Элия, — но отдай мне жемчуг.

— Как скажешь, госпожа, — ухмыльнулся Каскар. — Кавар, сними с этой шлюхи маску и отдай молодой госпоже ее ожерелье.

— Что молчишь? — бросила Элия, — онемела от страха?

Лена и вправду застыла, не вымолвив ни слова, будто ввергнутая в ступор всем происходящим. Однако, едва Кавар, мерзко ухмыляясь, подошел к ней, послушница сдернула маску и из уст всех присутствующих разом вырвался одновременно изумленный и испуганный вздох.

Сняв маску Лена разительно изменилась — выросла, раздалась в плечах и бедрах, а кожа стала иссиня-черной. Полные губы раздвинулись в ухмылке, обнажив заточенные зубы. Кавар шарахнулся в сторону, но недостаточно быстро — мускулистая рука обхватила его шею и воительница привлекла его к себе, впиалась в губы мужчины жадным поцелуем. В уши ударил истошный визг и Амола отстранилась с видом сытой львицы, держа в зубах ключья окровавленной плоти — откушенные язык и губы Кавара. Девамандец постарался руками остановить текущую из раны кровь, и тут же осознал свою ошибку. Смуглая рука метнулась к поясу, но вместо эфеса ощутила лишь пустоту. Амола же, завладев его саблей, полоснула лезвием по горлу росковца. Не давая никому опомниться, амазонка перебросила саблю в другую руку и вогнала клинок в грудь Кавара.

Каскар соскочил с кресла и кинулся к потайному выходу у камина. Рука чернокожей амазонки метнулась к волосам и у ее губ оказалась костяная трубочка. Почти выскочивший за дверь Каскар почувствовал укол в правую руку и тут же с ужасом осознал, что ноги его не слушаются. Покачнувшись, он рухнул на пол.

Застывшая словно соляной столп Элия почувствовала, как ее хлопают по плечу и, обернувшись, увидела девушку в точной копии диковинной маски. Вот незнакомка сняла ее — и перед послушницей оказалась улыбающаяся Лена.

— Сюрприз! — широко улыбнулась она. Элия не успела ничего сказать, когда несостоявшаяся жертва впечатала ей в подбородок основание ладони.

Искушенная в интригах и магии, к простому рукоприкладству лируссийская баронесса оказалась не приспособлена: клацнув зубами, она закатила глаза и упала на пол.

Амола одобритительно кивнула Лене.

— С сучкой поговорим позже, — сказала она, — для начала я разберусь с этим куском сала. Дай сюда мой нож.

Она подошла к Каскару. Действие яда проходило, купец уже двигал ногами.

— Поднимайся, — сказала чернокожая амазонка и Каскар, не смея послушаться, стал вставать. Это было нелегко сделать, так как правая рука все еще висела плетью. Когда же Каскар, наконец, встал, Амола заломила ему здоровую руку и легонько ткнула в спину

ножом.

— Идем, — повторила она.

— Куда? — испуганно спросил Каскар.

— Сейчас узнаешь, — заверила его Амола. — Ну, пошел! А ты, — обратилась она к Лене, — дожидайся здесь.

Амазонка шла позади, время от времени покалывая торговца в спину, чтобы двигался быстрее. Каскар не был трусом, но и большим храбрецом тоже: он хорошо помнил, кем была эта черная пантера и понимал, что ничего не сможет ей противопоставить с одной здоровой рукой, да еще и без оружия. Ему оставалось лишь униженно просить:

— Госпожа, прошу вас, отпустите.

— Шагай-шагай, — усмехнулась Амола.

— Госпожа, я же вам ничего не сделал, — канючил Каскар, — а эта девка — вы видели, что она сделала со мной? Разве мужчины вашей родины спустили бы с рук такое оскорбление?

— Наши мужчины не допустили бы, чтобы их секли на площади собственные рабыни, — фыркнула негритянка, — и, тем более, не стали бы мстить столь трусливо. Иди, давай.

— У меня есть деньги, — выложил свой последний довод работоровец.

— Что правда? — притворно удивилась Амола и пошарила у Каскара за пазухой. Довольно усмехнулась, вытащив увесистый кошель, и деловито сунула его в сумку на бедре. — Ну иди-иди...

Она снова кольнула в жирный бок.

Так они и пришли на здешнюю кухню — большое продымленное помещение, где на множестве печей и очагов стояли большие котлы и сковороды, в которых что-то бурлило и скворчало, испуская невыносимо аппетитные запахи. Столы были завалены тушами овец и свиней, тут же лежали ощипанные фазаны, еще трепещущая рыба, крабы и омары, груды овощей, стояли бутылки с приправами и соусами. Возле всех этих яств хлопотало с десятков служанок, но все они исчезли, едва негритянка повела бровью.

Амола широким жестом смахнула все с ближайшего стола и коротко бросила:

— Ложись!

— Нет, госпожа, прошу вас, — заскулил торговец.

Амола не стала спорить — один взмах клинка и шелковые шаровары упали на пол, распавшись на две половины. В следующий миг амазонка просунула руку меж дрожащих волосатых ляжек, ухватив мужские достоинства Каскара и резко потянула.

— Госпожа-а-а-а!!! — вопль девамандца сорвался на сдавленный визг.

Амола, не обращая внимания, продолжала тянуть его вверх, ни на миг не ослабляя хватки, заставляя торговца приподниматься на цыпочках. Резко хлопнув его второй рукой по спине, негритянка заставила грузную тушу рухнуть на жалобно скрипнувший стол, явно не рассчитанный на такой вес. Амола даже подумала, что мебель сейчас развалится под тяжестью купца, однако, все обошлось. Каскар молил отпустить его — лишь прикосновение холодной стали к гениталиям заставило его замолчать. Теперь он только тяжело и прерывисто дышал, иногда поскуливая.

— Ты знаешь, я много подонков встречала в жизни, — медленно говорила Амола, — тех, кто убивает женщин и насилует детей, тех, кому нравится сжигать людей заживо и сдирать с них кожу, травить собаками и скармливать акулам, — острое ножа вошло еще

глубже в плоть, по зазубренному лезвию стекла струйка крови. — И не скажу, чтобы я со всеми не ладила: иные, наверное, до сих пор считают себя моими друзьями. Но кое-что я не собираюсь терпеть, — Амола медленно вырисовывала кровавые узоры по дрожащим в ее руках гениталиям, — когда жирная скотина вроде тебя забывает свое место. Госпоже Кайре следовало не платить тебе выкуп, а сразу позволить мне сотворить с тобой то, что я собираюсь сделать сейчас.

Кровь ударила струей, когда Амола дернула ножом, пропахивая кровавую борозду и вскидывая руку с окровавленным куском плоти. Насмешливо глянув на корчившегося перед ней, завывающего от боли мужчину, амазонка вонзила зубы в свой жуткий трофей, с наслаждением раскусывая волосатое яичко.

— Но главная твоя вина в том — с набитым ртом произнесла Амола, — что я безумно соскучилась по настоящей пище.

Она схватила со стола самый большой тесак и рывком перевернула Каскара на спину. Глаза торговца расширились от ужаса, он истошно завизжал, когда острая боль пронзила его запястье. С глухим стуком упала на пол отрубленная рука и следующий удар тесака вскрыл жирную грудь. Последнее, что почувствовал в своей жизни работоровец, как сильные пальцы проникают ему под ребра, вырывая еще трепещущее сердце.

Заставший амазонку за этим занятием повар, звероподобный мужик, в белом переднике, заляпанном пятнами жира, взбудораженный рассказами служанок, ворвался в кухню с мясницким топором. Однако вид Амолы разом охладил его пыл, особенно когда она показала ему черную бляху с белым трискелем.

— Не из-за чего подымать шум, — подмигнула ему Амола, — от таких клиентов как этот все равно одни проблемы. Я победила его в честном бою и могу сделать с его телом все что захочу — такие обычаи у меня на родине.

Она сидела возле большой сковороды, где курились парком аппетитные куски мяса, покрытые поджаристой корочкой, и с аппетитом уплетала их за обе щеки.

— Сердце и печень врага, — с набитым ртом сказала негритянка, — лучшее блюдо для воина.

Она разрежала очередной кусок и на кончике ножа отправила его в рот. По подбородку стекали струйки жира вперемишку с кровью — мясо было не очень хорошо прожарено.

Доев все, что было на сковороде и, вытерев руки и лицо подвернувшимся полотенцем, она подошла к повару, ошеломленно рассматривавшему то, что лежало на столе. Чернокожая красавица поморщилась.

— Да не бери ты в голову!

Она хлопнула мужчину по плечу, вручая ему большой кусок мяса, напоминающий вырезку.

— Гляди, если пригостишь с чесноком и травами, как кабаньей бок, я в долгу не останусь. На, держи, — она сунула ему в руку несколько монет из кошелька Каскара, — и смотри, я жду сегодня отличный ужин. Ты же из Росковии, как я вижу, а там умеют готовить такое мясо. Отнесешь госпоже Кайре — ты же знаешь, где она остановилась? Сам понимаешь, чего стоит благодарность диаконессы Храма.

— Все сделаю, госпожа.

Повар склонился в низком поклоне. Амола, блеснув белыми зубами, сунула ему в карман передника еще одну монету и вышла из кухни.

Еще на подходе к залу Амола услышала звуки хлестких пощечин.

— В вашей. Чертовой. Богадельне. Есть. Хоть. Одна. Нормальная?!

Разъярённая Лена наступала на сжавшуюся в углу Элию, растрепанную, в разорванном платье. Послушница пыталась отбиваться, но без успеха — Лена была и выше, и сильнее, не говоря уже о знании боевых искусств. Вошедшая в раж Елена уже готовилась непоправимо попортить красоту Элии, когда Амола сильно сдавила ее запястье.

— Успокойся!

— Пусти! — Лена дернулась, пытаясь вырваться, но Амола держала крепко.

— Остынь, — сказала она, — а лучше выйди отсюда.

— С чего это вдруг? — с гонором спросила Лена.

— С того, что так хочет Кайра, — веско сказала Амола, — она ждет тебя в Зале Моря. С этой подругой я разберусь сама.

Упоминание о наставнице живо охладило ярость Лены.

— И где этот зал?

— Тебя проводят, — сказала Амола, глядя куда-то поверх головы девушки.

Лена обернулась, и увидела на входе улыбавшуюся Катю-Кэт.

Когда девушки вышли из зала, Амола повернулась к Элии, безуспешно пытавшейся прикрыться обрывками платья.

— Ты же понимаешь, что твои фокусы тебе даром не пройдут? — спросила амазонка.

— Я не сделала ничего, что бы не делали остальные, — храбрясь, ответила Элия, — ты не можешь не знать.

— Да, — кивнула Амола, — но и ты не можешь не знать, что бывает с теми, кто попался на горячем. А уж тем более — с теми, кто пытается копать под диаконесс.

— Я могу загладить вину.

— И как же? — насмешливо спросила негритянка.

— Мой отец — барон Лируссии. Если я подам ему весточку...

— Ты так ничему и не научилась, — с сожалением покачала головой Амола, — все еще надеешься на влиятельного папочку. Нет, дорогая, здесь каждый отвечает сам за себя — и расплачивается тоже. Я не дала Лене избить тебя лишь потому, что не дело послушниц наказывать за такие проступки. Я с удовольствием сделаю это сама.

— Ты не посмеешь! Я дочь...

— Раздевайся, — перебила Амола.

— Да как ты...

Хлоп! Чернокожая красавица отвесила оглушительную пощечину, разом уложившую послушницу на пол. Амола обошла скорчившуюся девушку и, хмыкнув, пнула ее в бок.

— Вставай!

Всхлипывая, блондинка поднялась на ноги.

— Раздевайся, — жестко сказала Амола, — или я раздену тебя сама.

Дрожащими руками Элия принялась стягивать порванное платье, испуганно глядя на чернокожую воительницу. Амола с удовольствием рассматривала чистую белую кожу, золотистые волосы, круглые груди, дрожащие стройные ноги. Проследив взгляд Йемайи, девушка зарделась и попыталась прикрыться руками.

— Даже не думай, — угрожающе произнесла чернокожая амазонка. — Ну-ка, повернись!

Послушница повиновалась и негритянка, ухватив ее за шею, заставила Элию нагнуться, облокотившись о перевернутое кресло.

— Мой отец, барон...

Тяжелая рука Амола с громким хлопком опустилась на зад Элии, заставив ее взвизгнуть от боли. На атласно-белой коже наливался багровым светом отпечаток пятерни. Девушка попыталась вскочить, но сильная рука легко вернула ее на место.

— Кто из послушниц еще участвовал в заговоре? — спокойно спросила амазонка.

— Отпусти меня!!!

Хлоп! Еще один удар, гораздо сильнее предыдущего, обрушился на алеющую задницу.

— Так кто? — повторила негритянка.

— Ты за это...

Очередной удар прервал ее слова. Раз за разом Амола опускала ладонь на зад послушницы. Можно ручаться, что та никогда в жизни не получала такой трепки. Элия кричала, грозила, молила, это оставило равнодушным негритянку, размеренно бившую свою жертву. Иногда она останавливалась перед новым ударом, чтобы задать вопрос и, не дожидаясь ответа, с оттягом шлепала по многострадальной попке. Элия уже не кричала, только умоляюще скулила, как побитая собака. Каждый новый удар выбивал из нее аристократку, преисполненную родовой спеси, а на ее место приходила покорная рабыня, красивая игрушка для жестоких забав ее черной хозяйки.

Наконец, после очередного удара и последовавшего за ним вопроса, Элия, задрав заплаканное лицо, провыла:

— Только я-а-а-а!!! Это придумала только я-а-а, больше никто-о-о! Не бейте меня больше, пожалуста-а-а!!!

Амола ухватила ее за волосы, заглянув в напуганные и заплаканные голубые глаза.

— Если это правда — ты должна понести наказание. Согласна, дрянь?!

— Да-а-а...

Новый шлепок.

— Да — кто, шлюха?

— Да, госпожа жрица, — всхлипывая и запинаясь проблеяла Элия.

— Можно просто госпожа, — хмыкнула Амола.

Она шагнула на несколько шагов назад, сбрасывая одежду, и скомандовала Элии:

— Повернись!

Блондинка повиновалась и ее глаза удивленно расширились, с алых губок сорвался невольный вздох — настолько прекрасным в своей первозданно-животной красоте предстало тело Амола. С невольным благоговением Элия рассматривала покрытые татуировками широкие плечи, черные шары округлых грудей, мощные бедра и мускулистые ноги. Словно жестокая зверобогиня вышла из древних джунглей к своей раболепной почитательнице. Элия и сама не заметила, как опустилась сначала на колени, а потом и вовсе легла на живот, чтобы коснуться губами эбеновых ступней.

— Надменной шлюшке вроде тебя, не хватало как раз такого, — насмешливо произнесла Амола, глядя как послушница покрывает поцелуями ее ноги, — чтобы нашелся кто-то, указывающий ее настоящее место. И твое место — у моих ног, не так ли, сучка?

— Дааа, Госпожа, — подобострастно выдохнула Элия.

— Тогда продолжим твое воспитание, — Амола поставила нормально кресло и развалилась в нем, вальяжно раздвигая бедра, — давай красотка, поработай язычком.

Элия, подползла на четвереньках, заискивающе поглядывая в глаза Амола, затем высунула язык и робко лизнула солоноватую плоть. Потом еще и еще...

— Давай, баронесса, старайся — зажмуришься от удовольствия, сказала негритянка, — вздумаешь халтурить — выпорю по новой.

Устрашенная этой угрозой Элия старательно облизывала и обсасывала каждую складочку влажной сокровищницы Амола. Умелые губки и язычок сделали свое дело: черные бедра конвульсивно сжались вокруг головы Элии, почти утонувшей в этой обильной плоти. Амола, похоже, не замечала, что еще чуть-чуть — и ее могучие ляжки просто раздавят голову послушницы: содрогаясь в сладострастных конвульсиях, негритянка с громким рыком кончала, изливаясь в рот блондинки своими выделениями.

— Уффф, а ты хороша, сука, — удовлетворенно произнесла амазонка, выпуская почти задохшуюся Элию из своих тисков, — отдохни пока.

С этими словами она подошла к грудке одежды, сброшенной ею на пол и, порывшись, достала мешочек из черной кожи. То, что она вытащила оттуда, заставило Элию испуганно шарахнуться: Амола держала широкий ремень с застежкой из черной меди. К ремню крепился огромный мумифицированный фаллос, при жизни принадлежавший явно не человеку: ребристый ствол покрывали мелкие чешуйки, а головка напоминала трехгранную пирамидку, размером с кулак взрослого мужчины. Казалось, что чудовищный фаллос вырастает прямо из ремня — по крайней мере, Элия не заметила, чтобы он чем-то крепился к нему. С изнанки ремня, как своеобразное продолжение, торчал еще один член — человеческий, но тоже весьма внушительный, пусть и сильно уступавший чешуйчатому монстру.

Амола довольно оскалилась при виде явного страха Элии.

— Хорошо чудище? — усмехнулась она, — я кое-что прихватила с родных земель. Ты уже видела мои Маски Обмена — я взяла их при разграблении храма Бога-Обезьяны в Алмаре, поимев всех его жриц — светловолосых шлюх вроде тебя. Ни одна из них не устояла перед этой штучкой — гри-гри, один из самых сильных амулетов Джериги, шаманки нашего клана. Я расскажу тебе, как он делается — такой магии вас не научат наставницы. Для начала нужно найти в джунглях дерево Кулайо, точнее, здоровенный куст с длинными ветвями и колючками длиной в палец. Свои ветки Кулайо разбрасывает по земле, пряча в траве, и стоит человеку или зверю наступить на них, как остальные ветки оплетают жертву, протыкают колючками и высасывают всю кровь. Мне приходилось видеть парочку людей, которых схватила эта погань — то еще зрелище. Что мне пришлось сделать, чтобы добыть эту ветку — рассказывать не буду, ты и так трясешься. Но ветку я достала, насадив на ремень из шкуры морского питона. После этого мне пришлось раздобыть член молодого болотного дракона, которого я подстерегла и убила сама. Отрезанный член я отдала Джериге, которая и насадила его на большой шип Кулайо. Сухожилиями того же дракона она пришила лоскуты его кожи к ремню.

Амола любовно погладила устрашающий фетиш.

— Второй член достать было проще — я лично выбирала среди пленников воина с самыми большими причиндалами. Им оказался один воин из враждебного клана — могучий как носорог, с огромными ручищами. Я отрезала ему член и прикрепила на оставшийся свободным шип. Знахарка смазала оба члена колдовскими мазями, окропила тайным зельем и ворожила, чтобы вдохнуть в фетиш жизнь. Джериге понадобился ряд ингредиентов, за которыми я уходила в джунгли, порой на целую луну. Желчь гиены-зомби, яд морской мамбы, сок «Яблок Мвене Путо», измельченные усы леопарда-оборотня, вода из Мертвых Болот, и моя собственная менструальная кровь. Но последним ингредиентом, после

которого гри-гри обрел собственный дух, стала кровь девственницы — пленницы одного из прибрежных племен. Я имела ее всю ночь, пока на рассвете она не отдала душу Мвене Путо.

Амола, посмотрела на побелевшую от ужаса Элию и расхохоталась.

— Не трусь шлюшка! Гри-гри требует жизнь жертвы только раз, когда в нем зарождается его дух. Потом он уже не такой кровожадный — все белые девки, которым пришлось раздвинуть ножки перед моим другом, остались живы... Почти все. Многие мои белые подружки даже остались довольны.

Амола надела ремень, аккуратно введя в истекавшую влагой вагину мужской член, застегнула пряжку и стала энергично растирать рукой член дракона, бормоча что-то себе под нос. Словно откликаясь, исполинский орган пришел в движение: будто живительная сила разливалась по мумифицированной плоти, наполняя его пугающей мощью.

Взметнувшись, словно голова исполинской змеи, член закачался, гипнотизируя девушку. На конце появились капли слизи, а чешуя заблестела, словно смазанная маслом.

Покачивая бедрами, негритянка подошла к кровати.

— Когда имеешь кого-то этим, — она потрогала орган, — ощущения намного сильнее и острее, чем у любого мужика с его жалким отростком. Ты сама это почувствуешь.

— Нет! Не хочу-у-у! — взвыла послушница, но черная амазонка уже ухватила ее за тонкие лодыжки и притянула к себе, закидывая стройные ноги на плечи. Удерживая Элию за бедра, она принялась медленно вводить чудовищный фетиш меж нежных губок.

— Нееееет!!! — завизжала неудачливая интриганка, — Он порвет меня! О-о-о! Он так глубоко!

— Глубоко? — презрительно произнесла негритянка, — Да я и наполовину не ввела.

Голубые глаза блондинки округлились от ужаса, но прежде чем она успела произнести хоть слово, как Амола безжалостно сказала:

— Вот это глубоко! — ухватив Элию за бедра, она вогнула фетиш на полную длину. Молодая аристократка заливалась слезами, что-то лепетала, моля о пощаде, но чернокожая красавица не обращала на это никакого внимания, раз за разом вонзая свой инструмент в узкую щелку Элии. Амола чувствовала член дракона так же хорошо, как и собственную плоть, что в сочетании с движениями второго члена в ее собственном влагище, дарило ей непредставимое, ни с чем не сравнимое наслаждение. Ощущая себя одновременно насильницей и насилуемой, она чувствовала, как волны магической энергии растекаются по их телам, заставляя каждую из женщин ощущать то же, что и другая.

Амола видела, как гримаса боли на лице девушки сменяется совсем иным выражением, как приоткрывается ее рот и послушница заходится в вопле безумной страсти. Белое тело выгнулось дугой и бессильно опало на кровати. Амола отодвинулась и жуткий член выскользнул с хлюпающим звуком, словно недовольный, что его оторвали от добычи. Амазонка посмотрела на распростертую перед ней блондинку: в кровь искусанные губы, на лице застыла счастливая улыбка, в глазах — радостное удивление. Даже жаль, что ей недолго осталось наслаждаться покоем.

— За ошибки и самонадеянность надо платить, — сказала амазонка, нависнув над белой девушкой, — сейчас с тобой рассчиталась только я, но у диаконессы Кайры припасено для тебя особое наказание.

И хищно улыбнулась в наполнившиеся ужасом глаза Элии.

Наказание и перерождение

— А ты здесь откуда?

— Тебя тут головой не били? — фыркнула Кэт. — Ты сама отправила меня с посланием к черной бой-бабе. А та перенаправила меня к Госпоже Кайре.

Лена отметила, с каким благоговейным придыханием произнесла мертвая девушка имя диаконессы, видимо, лоркнийка быстро внушила должное почтение Катерине.

— Они быстро смекнули, что к чему, — продолжала Кэт, — скоро ты узнаешь сама, если поторопишься.

С этими словами она метнулась вперед по коридору, отделанному светло-синим мрамором с фиолетовыми разводами. Лена поспешила за ней.

«Зал моря» оправдывал свое название — стены были окрашены в перламутрово-ультрамариновые тона, повсюду виднелись резные фрески с сюжетами, запомнившимися Лене еще по тоемскому храму Скиллы. Озаренный светящимися кристаллами, зал напоминал внутренность морской раковины. А посреди большого бассейна в центре зала, своеобразным островком возвышалось нечто, напоминающее раковину исполинского рапана и одновременно — застывшую в камне вульву. На входе в розовато-алый грот восседала голая Кайра Моррикан, небрежно поигрывавшая змеиным кнутом. Едва в зал вошла Лена, как диаконесса небрежно взмахнула рукой и плетка щелкнула над головой испуганно присевшей девушки. Лишь когда за спиной Лены раздался пронзительный вопль, она сообразила, что гнев Кайры вызвала вовсе не она.

Позади нее на стене, висел распятый мужчина, издававший глухие стоны. Обнаженное тело покрывали кровавые шрамы, оставленные змеиными зубами, налитые кровью глаза бездумно смотрели на жестокую госпожу. Но, несмотря на эти жуткие шрамы, Лена сразу узнала истязаемого, хотя и видела его лишь несколько раз за жизнь.

— Рейнвильф?

— Удивлена? — усмехнулась Кайра. — Я тоже. Он казался таким преданным — впрочем, как раз против меня он не интриговал. Может, конечно, я слишком многого требую от наемника, но в своем окружении я не потерплю тех, кто берет деньги со стороны.

— Ему заплатил Каскар?

— Именно, — змеиный кнут вновь хлестнул над головой Лены, исторгнув у наемника очередной вопль боли. — Он, оказывается, знал барона Рейнгарда, правителя Лируссии, и его дочь тоже. Они общались — если это можно так назвать...

— То есть они...

— Трахались, да, — кивнула Кайра. — Ему было лестно поиметь дворянскую дочку, а Элии был нужен кто-то, приближенный ко мне. Рейнвильф свел ее с Каскаром — тот иногда бывает в здешних лупанариях, и втроем они придумали, как с тобой расправиться. Каскар не мог простить ту плеть, а Элия...

— Решила избавиться от соперницы, — зло бросила Лена, — вот сучка. А что Икария?

— Насколько я понимаю, здесь она не при делах, — пожалала плечами диаконесса, — впрочем, я не уверена — она любит действовать чужими руками. Но связь с Каскаром и предательство Рейнвильфа, скорей всего, работа только Элии.

— Все так, госпожа, — раздался голос от входа и, обернувшись, Лена увидела обнаженную Амолу. В руке она держала серебряную цепочку, другой конец которой

крепился к собачьему ошейнику, охватывающему шею такой же голой Элии.

— Сучка должна выглядеть, как и положено сучке, — не то хихикнул, не то мяукнул кто-то рядом.

Обернувшись, Лена увидела Кэт, а за ее спиной — по-идиотски оскалившегося Рому, поджавшего лягушачьи лапы.

— Ты, я смотрю, нашла новых друзей, — усмехнулась Кайра. — Я знала, что не ошиблась в тебе. Но об этом мы поговорим позже, сначала разберемся с этой дешевкой. У тебя должен быть мешочек с одним зельем — дай его Амоле.

Лена кинула Амоле мешочек с секретией гиены. Негритянка, ловко поймав его, придавила ногой конец цепи и принялась снимать со стены глухо стонавшего Рейнвульфа. Когда он бессильно распластался на краю бассейна, Амола, подтащив поближе Элию, заставила ее оседлать обнаженные бедра наемника.

— Давай! — сказала она, высыпав себе на ладонь крупички порошка, — вдыхай.

Элия отшатнулась, но Амола дернула на себя цепь, и когда послушница откинула голову, приложила к ее лицу ладонь. Остаток зелья амазонка высыпала в лицо Рейнвульфу и отступила, любуясь проделанной работой. Секретия подействовала быстро: очень скоро зал наполнился порывистыми вздохами и стонами. Запрокинув голову, Элия скакала на мужском теле, лаская пальцами набухшие груди и мотая золотистой гривой. Наемник, вцепившись пальцами в ее бедра, с глухим рыком насаживал девушку на свой член, забыв о собственных ранах и боли. Лена, замороженная соитием двух прекрасных, смертельно опасных зверей, на минуту даже забыла обо всем, что происходило вокруг. Вспомнила лишь когда рядом послышались слова на незнакомом языке — молитва или заклинание. Обернувшись, Лена увидела, что это говорит Кайра, простерев руки к внезапно взволновавшейся воде. Амола и Кэт предусмотрительно отошли к стенам, и Лена, на всякий случай, последовала их примеру. Одни Рейнвульф и Элия, ничего не видя и не слыша, упоенно продолжали совокупление, оглашая воздух громкими стонами. Они не остановились даже когда из бурлящей воды вознеслась исполинская масса слизисто-серой плоти, состоявшая, казалось, из одних только извивающихся щупалец и похотливо поблескивающих глаз. С влажным чавканьем разверзся исполинский провал и вытянувшиеся трубочкой полные губы втянули невольных любовников, словно коктейль. Упоенные зельем, они даже сейчас оказались не в силах остановиться: переплетенные тела продолжали ритмично двигаться, даже когда черный зев сомкнулся, поглотив неудачливых заговорщиков. Затем мерзкая тварь погрузилась обратно.

— Это еще не конец, — загадочно улыбаясь, произнесла Кайра, — правосудие в Никтополе идет разными путями. Предатели наказаны — настало время праздновать!

Вода вновь взволновалась, и из нее появились русалки — изящные создания с рыбьими хвостами и красивыми хищными лицами. Красоту их портили лишь острые зубы, обнажавшиеся при улыбке. Одни из них держали в руках бутылки с вином, другие — расписные блюда с устрицами, мидиями, гребешками и небольшими, еще извивающимися осьминогами. Кайра ухватила одного из них и, разом откусив ему голову, забросила в рот лакомство. Затем Кайра откупорила одну из амфор, сделав большой глоток и тут же закусила, высосав раскрытую устрицу.

— Ну, что же вы, — усмехнулась она, — присоединяйтесь к торжеству. Во славу Скилакагеты, Скиллы и Мании.

Амола, Лена, Кэт, и мявшийся неподалеку Ромка скользнув в воду, поплыли к гроту-

раковине, чтобы присоединиться к пиршеству. Вскоре к морепродуктам добавилось кое-что более весомое: у входа в зал кто-то положил серебряное блюдо, не смея войти внутрь. Амола, вышедшая из воды, вернулась в бассейн с увесистым куском мяса, поджаренного с травами и чесноком. Вкушение вина и яств скоро перешло в утоление иного голода — и Кайра, откинувшись на спину, громко стонала, пока Лена, скользнув между ее ног, с наслаждением вдыхала солоноватую свежесть моря, которой истекала розовая раковина лоркнийки. Одновременно еще две русалки присосались к грудям диаконессы. В следующий миг Лена почувствовала, как извивающийся язык проскользнул в ее собственную увлажнившуюся вагину, а несколько прохладных рук нежно гладят ее тело. Краем глаза Лена видела, как Амола мощно сношает Кэт чем-то, напоминающим покрытый чешуей strapon, а мертвая девка орет, словно мартовская кошка, от боли и удовольствия. Рядом с ней находился и жуткий ее отпрыск, корчившийся в сладострастных объятьях очередной русалки, ниже пояса которой начинался не рыбий хвост, а восемь толстых щупалец, бесцеремонно шаривших по всему его телу.

В самый разгар причудливой оргии воды бассейна вновь всколыхнулись и на поверхности появилось чудовище с извивающимися щупальцами и жадно выпученными глазами. Лена не успела ни испугаться, ни даже удивиться, когда тварь, с громким звуком оторгнув что-то на каменный пол, вновь исчезла под водой.

— Это мое создание, — довольно произнесла Кайра, — одно из лучших. Посмотри, я же говорила, что мы увидим их снова.

Лена перевела взгляд на берег бассейна и изумленно ойкнула. Перед ней неуверенно поднималось на ноги странное и прекрасное существо — с гривой золотистых волос, голубыми глазами и длинными сильными ногами. Полные груди и округлые бедра говорили о принадлежности этого существа к женскому полу, но широкие плечи и перекачивающиеся под гладкой кожей мускулы придавали ему и мужские черты, также, как и вздымающийся между ног внушительный член. Что же до лица, то в нем на удивление органично сочеталась твердость мужских и нежность женских черт, знакомых Лене.

— Да, это они, — ответила Кайра на молчаливый вопрос Лены, — сплавленные в одно существо, одинаково умелое на поле боя и любовном ристалище. Первое, я надеюсь, проверить в скором времени, а второе — прямо сейчас. Иди сюда, мое создание.

Существо, образованное из сплава Элии и Рейнвульфа, скользнуло мимо растерянных гостей и Кайра, подавшись вперед всем телом, обхватила ногами тонкую талию, сливаясь в страстном поцелуе со своим созданием. Лена тоже недолго оставалась наблюдателем: ее тело уже оплели нежные руки и, обернувшись, Лена с готовностью откликнулась на поцелуй ближайшей русалки.

Когда разнузданное празднование подошло к концу, Кайра вновь обратилась к Лене.

— Ты прошла свои первые испытания в Монастыре. Дальше я сама займусь твоим наставлением и, надеюсь, ты и дальше будешь держаться столь же достойно, чтобы, в конце концов, получить вот это!

Она вскинула руку и змеиные головы ее кнута издали оглушительное шипение, словно подтверждая слова диаконессы.

Еще один старый знакомый

— Ты убита!

— Еще нет!

В последний момент Лена успела уклониться от летящего ей в грудь клинка: выгнувшись, «мостиком» и одновременно отбивая снизу выпад соперницы. Выпрямившись, словно расправленная пружина, она вновь перешла в наступление, вращая перед собой мечом с затупленным концом: на учебных поединках боевого оружия послушницам не давали, только тренировочные клинки. Сейчас Лена носила лишь кожаный нагрудник, укрепленный бронзовыми бляшками, короткую юбку из кожаных ремешков и легкие сандалии на высокой шнуровке. Такой же наряд имела и кружившая напротив нее Икария. Из всех послушниц, что участвовали сегодня в состязаниях, остались только они — остальные, давно выбывшие, сейчас громкими криками подбадривали соперниц.

Икария попыталась повторить свой выпад, но на этот раз Лена была готова: пропустив вражеский клинок вдоль локтя, ответным ударом она выбила его из рук соперницы и поразив ее под левую грудь. Икария вскрикнула, прижав ладонь к уже наливавшемуся большому синяку.

— Бой окончен, — громко сказала следившая за поединком Амола, — победила Елена. А теперь все мыться.

Икария скривила недовольную гримасу, но послушно отдала жрице-воительнице свой меч, как и Лена. Коротко поклонившись друг другу, девушки разошлись по разным концам арены — утоптанной площадке, окруженной рядами каменных скамеек. Наскоро собрав нехитрые пожитки, послушницы проследовали в купальню — находящуюся на открытом воздухе композицию из больших и малых фонтанов. Холодная и даже горячая, выходящая из неких подземных источников вода била из мраморных скульптур, изображавших огромных рыб, дельфинов, разных морских чудовищ и русалок, державших в руках кувшины. Смеясь и перешучиваясь, девушки ступили в пенящуюся воду, распугивая метавшихся в ней алых и золотых рыбок. Лена пристроилась под статуей из зеленоватого камня, изображавшей морского змея. Из пасти его лился поток воды, под которым девушка вольготно разлеглась. Вокруг тут же сгрудилось несколько послушниц, старательно растиравших Лену губками, смывая с нее пот и грязь.

— Еще пара таких схваток и Икария побоится выходить против тебя на арену, — восхищённо произнесла Марти.

— Не побоится, — усмехнулась Лена, — я ведь уже проигрывала ей.

— Потому что у нее больше опыта, — вмешалась Лайга, светловолосая лируссийка с голубыми глазами, — но ты быстро учишься.

Лайга являлась членом своеобразного «фанклуба» Лены, стихийно образовавшегося после ее возвращения из Никтополя. Марти активно распространяла слухи, резко поднявшие авторитет Лены в глазах послушниц, особенно молодых, страдавших от высокомерия и придирок старших девушек. Лайга не была исключением — несмотря на то, что она приходилась Элии двоюродной сестрой, весть об исчезновении кухни совсем не преисполнила ее неприязню к Лене, как та опасалась. Из чего Лена сделала вывод, что отношения в семье баронов Лируссии далеки от идеальных.

— Если так и дальше пойдет — ты будешь лучшей на фехтовании! — продолжала

Лайга, нежными ладонями массируя плечи Лены.

— Лучшая проявится лишь на поле боя, — послышался негромкий голос и девушки спешно расступились, уступая дорогу подошедшей Амоле.

Мускулистая обнаженная негритянка напоминала ожившую статую из черного мрамора.

— Архидиаконесса хочет тебя видеть, — сказала она, — заканчивай с этими вертихвостками и собирайся. Она, вместе с Кайрой, ждет тебя на Алой Террасе.

С этими словами она отошла, оставив девушек с распахнутыми от изумления ртами смотреть на послушницу, которую хочет видеть сама архидиаконесса. Лена криво усмехнулась, подумав, что ее авторитет сейчас поднялся еще выше. Впрочем, она была совсем не уверена, что желает новой встречи с Саломеей. Лена мельком бросила взгляд на Икарию — та, вместе с несколькими своими приспешницами, плескалась у фонтана в виде огромного кракена, где вода лилась из присосок щупалец. В сторону Лены члены «Нереи» демонстративно не смотрели, что девушку более чем устраивало.

Алая Терраса полностью оправдывала свое название: вырубленная в скале и отделанная кровавым мрамором, с узорчатой крышей, оплетенной виноградными лозами с рубиново-красными гроздьями. С нависшей над скалой террасы открывался великолепный вид на Никтополь, мерцавший множеством огней в сумерках Черного Солнца. Террасу же освещали светильники из красного стекла, внутри которых, словно свеча на ветру, трепетало яркое пламя. Это место посвящалось Эмпусе — о чем говорили и оскаленные личины богини, вырезанные на всех четырех столбах опоры.

Кайра и Саломея восседали в удобных креслах, устланных шкурами песчаных кошек из Амдуата. Лоркнийка носила платье в сине-зеленых тонах, тогда как архидиаконесса — черную тунику с красной окантовкой. Из украшений обе имели лишь перстни с печаткой-трискелем. В ногах Саломеи лежал большой черный пес, внимательно наблюдавший за движениями Лены и Амолы. Амазонка, спокойно, но, не выпуская зверя из виду, подошла к небольшому столику из черного дерева где стоял хрустальный кувшин с красным вином и три бокала. Черная воительница разлила спиртное по бокалам, после чего встала у входа, подтолкнув вперед Лену. Та неуверенно сделала шаг и застыла в ожидании, вопросительно глядя на женщин.

— На, выпей! — Кайра взяла со стола бокал и протянула Лене, — только не все.

Лена чуть пригубила вина и поставила бокал обратно на стол.

— Рассказывай, — негромко произнесла Саломея.

— О чем? — вскинула глаза Лена.

— О книге.

Лена даже не сразу поняла, о чем речь — события недавних месяцев уже вытеснили из ее памяти тот алхимический трактат. Но стоило Саломее напомнить, и видение, вызванное прочтением, встало в ее памяти с ужасающей ясностью. Несмотря на то, что само воспоминание вновь наполнило ее ужасом, Лена постаралась как нельзя подробнее рассказать о нем обоим жрицам.

Она так и не поняла, что думают обо всем этом Кайра и Саломея, обе диаконессы не проронили ни слова, даже не изменились в лице, слушая рассказ Лены. Лишь когда она закончила, женщины переглянулись, причем так, что у Лены возникло впечатление, что между ними произошел некий короткий молчаливый разговор.

— Вот и все, — сказала Лена, нарушая неловкую паузу, — и что все это значит?

Пес заворчал, словно негодуя, что Лена сама обратилась к архидиаконессе, Кайра

бросила на нее предостерегающий взгляд, однако сама Саломея осталась спокойной.

— Может и ничего, — пожалала плечами она, — эти книги таят в себе множество сюрпризов для тех, кто сунул нос без спросу.

— Я...

— То, что ты рассказала весьма любопытно, — кивнула архдиаконисса, — я подумаю, что это может значить. А тебе я дам один совет — поумерь свою прыть.

— То есть...

— То, как ты себя ведешь с остальными, — напомнила Саломея. — У нас уже пропали две послушницы за то время, что ты здесь.

— Но это же не я!

— Не ты, — согласилась Саломея, — но из-за тебя. Я знаю, что они сами напросились, поэтому тебя не будут наказывать, но тем не менее...

— И что же мне делать?

— Просто будь аккуратнее, — Саломея лениво потянулась, — мы с тобой еще вернемся к разговору о той книге, когда ты будешь готова. Пока же оставляю тебя с наставницей — вам есть о чем поговорить.

Она протянула тонкую длань, которую по очереди поцеловали Кайра, Амола и Лена. После этого Саломея покинула Алую Террасу, напоследок кликнув пса.

— Она тобой довольна, — удовлетворенно кивнула Кайра, когда они остались вдвоем, — иначе все это не сошло бы тебе с рук. Но ты и вправду будь осторожней.

— Я стараюсь, — вздохнула Лена, — но они же сами лезут.

— Понимаю, — усмехнулась Кайра, — сама была послушницей. Но все же, постарайся не задиаться с Икарией. Фарсина и Элия — чужеземки, но семья Икарии одна из самых влиятельных в Некрарии и у нее тесные связи с семьей Саломеи.

— Разве диакониса не отрекается от своего рода, принимая сан?

— Отрекается, — замялась Кайра, — но есть... как бы это сказать.

— Нюансы, — Лена сморщила гримасу, — я понимаю.

— В общем, не лезь на рожон, — сказала Кайра, — но и не давай никому спуску. Еще будет время проявить себя с лучшей стороны — особенно учитывая, что завтра начнется новый этап твоего обучения.

— Что за этап? — заинтересовалась Лена.

— Ранее ты показывала, свое умение подчиняться, — пояснила Кайра, — теперь посмотрим, сможешь ли ты повелевать. Завтра ты, вместе с другими послушницами, выберешь себе раба — и через год мы оценим, как ты его воспитала.

— Надеюсь, я смогу вас удивить, — плотоядно улыбнулась Лена.

Впрочем, «новый этап» начался не сразу — утром продолжились обычные для Монастыря обучения. Новые занятия нравились Лене больше — после месяцев монотонного заучивания разных заклинаний и обрядов, они, наконец, перешли к практике. Ничего серьезного, Впрочем, она пока не освоила — создать иллюзию человека, зверя или демона, ослепить вспышкой яркого света или заставить светиться тот или иной кристалл. Под руководством Кайры, как и прочие наставницы, дававшей своей подопечной уроки индивидуального обучения, Лена училась управлять водяными созданиями. Уже после занятий она сидела у многочисленных прудов, разбросанных в монастырских садах, пытаясь проникнуть в мозги тамошней живности. И чем дальше, тем больше у нее получалось, и тогда перед ней выползали крупные лягушки, водяные ужи и неповоротливые черепахи, чьи

панцири походили на полукруглые мокрые камни. А пресноводные серо-синие крабы, слушаясь взмаха ее руки, выстраивались в линии и шеренги, словно военные на параде. Рыбы, подплывавшие к берегу, запрыгивали в руки Лены и лежали там, судорожно шевеля жабрами, пока, повинувшись ее же приказу, не спрыгивали назад в родную стихию.

Но в этот день таким занятиям досталось не слишком много времени — к вечеру Лена, вместе с десятком послушниц, считавшихся лучшими, собрались в небольшом храме, укрытом в толще скалы. Все здесь было выполнено в странных тонах — стены отделаны черным мрамором, нежно-розовыми потеками истекли бесчисленные свечи — почему-то здесь не признавали светящихся кристаллов. Розовый воск выглядел неприятно, напоминая вывороченные человеческие внутренности.

Посреди зала высилась статуя из розового мрамора, в два человеческих роста, Блудница, самая молодая ипостась Скилакагеты. У ног изваяния, скорчившись в три погибели, стояли на коленях с десятков мужчин, точнее молодых парней, скованных по рукам и ногам. На спинах некоторых Лена заметила свежие кровоточащие полосы — следы от кнута или плети. Откуда они взялись, гадать не пришлось — рядом с ними, играя змеиной плеткой, стояла диаконесса Лактения — одной из ее обязанностей как раз был отбор невольников для будущих жриц. О том, что в Монастыре существовало множество рабов-мужчин, Лена знала давно, но до сих пор почти с ними не пересекалась.

— Ну что же вы, — усмехнулась Лактения, — кто выберет первой?

Никто не возражал, когда вперед шагнула Икария, в очередной раз подтвердив свое особое положение. Пройдя несколько раз вдоль стоявших на коленях рабов, она резко остановилась и, указав на одного из парней, коротко бросила:

— Покажите!

— Хороший выбор! — довольно кивнула Лактения, — вставай, тварь!

Она хлестнула плетью, и мускулистый черный раб поднялся на ноги. В полный рост негр оказался на две головы выше Икарии. Некрийка ощупала могучие мускулы, постучала по бугрящемуся прессу, потом опустила ниже, взвесив в ладони внушительные гениталии. Плотно улыбнувшись, Икария проверила негру зубы, для чего ей пришлось приподняться на носках, после чего, довольная, кивнула.

— Я выбрала. Как его зовут?

— Абрафо, но ты можешь дать ему любое имя. Он из Лонголо.

С черного раба сняли цепи и одели стальной ошейник с торчащими шипами. От закрепленного на нем кольца тянулась тонкая цепочка, конец которой и взяла Икария. В другую руку Лактения вложила ей плетку — не змеиную, разумеется, но по-своему эффектную — с семью ремешками, сшитыми в них свинцовыми бляшками.

— Не забывай, зачем его дарят тебе, — негромко сказала диаконесса.

— Не забуду, — усмехнулась послушница, — идем, скот.

Дернув за цепь, Икария вышла из комнаты, ведя за собой покорно следовавшего невольника. Лактения перевела взгляд на оставшихся послушниц и ее губы искривила слабая улыбка, когда она встретилась глазами с Кайрой.

— Следующей выбирает... Елена из Залесья.

Лена подошла к опустившим глаза пленникам и внимательно осмотрела. Молодые, крепкие тела, — черные, белые, смуглые, — стриженные головы, покорно склоненные перед будущими хозяйками. Что-то знакомое почудилось девушке в крайнем справа невольнике — где-то она уже видела это тело, пусть и прикрытое одеждой. Она молча

указала Лактении и та, хлестнув молодого человека по спине, заставила его посмотреть на опешившую Лену. Вот уж кого-кого, а его она не ожидала увидеть снова.

— Звенко? — не веря своим глазам, спросила Елена.

Конец первой части.

Продолжение следует.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Интерлюдия

— Не понимаю, почему тебя так тревожит эта девка?

Высокая женщина с красивым надменным лицом лениво взяла со столика черного дерева золотой кубок с янтарно-золотистым вином. Золотым был не только цвет напитка — искусники-виноделы Кариона добавляли в него золотые хлопья. Всюду преобладали две краски: пышное тело женщины облегало золотисто-черное одеяние, уложенные в замысловатую прическу черные волосы венчала золотая диадема с черными опалами, а стены роскошного зала обрамляли пластинки эбенового дерева и чистого золота.

На фоне этой неброской роскоши гость выглядел донельзя блекло — неприметное серо-бурое одеяние, редкие бесцветные волосы, столь же бесцветные глаза и совершенно заурядное, сразу же выскальзывающее из памяти лицо. Под стать внешности был и голос — тихий, вкрадчивый, с подчеркнутым подобострастием.

— Она опаснее чем, кажется, госпожа Артемисия, — сказал мужчина, — ее выдают за уроженку Росковии — но это ложь, мы это точно знаем. Есть люди, которые ...

— «Мы» — это кто? — оборвала его женщина.

— Люди, которые устроили эту встречу, — ответил мужчина.

— О встрече меня попросил господин Бархашир, — прищурилась Артемисия, — но так и не объяснил зачем ему это нужно. Какое дело столь видному сатрапу до обычной послушницы в Никтополийском монастыре?

— Его племянница, Фарсина была в нем послушницей. И там же Фарсина погибла...

— Это случается, — заметила женщина, — и в Деваманде знают, что может ждать их дочерей в Никтополе. Не припомню, чтобы кого-то это сильно волновало.

— Здесь особый случай, — возразил гость, — в смерти Фарсины как-то замешана эта девка — об этом рассказала одна из послушниц, нынче тоже бесследно исчезнувшая. Но перед этим она связалась с Каскаром, купцом из Демавенда, а тот рассказал все Бархашиму, своему давнему партнеру. Сам Каскар сгинул в Никтополе, но то, что он узнал, донеслось до кого нужно. То, что говорят про эту Елену, на самом деле ложь — она не княжна из Росковии, а обычная беглая рабыня.

— Как тогда она попала в Никтополь? — недоуменно спросила его собеседница.

— Об этом лучше спросить у Кайры Моррикан, ее наставницы, — пожал плечами ее гость, — а также у самой Саломеи, которая покрывает их обоих.

— Настраиваешь меня против архидиаконессы? — Артемисия заломила бровь.

— Она может ошибаться, — торопливо сказал мужчина, — и в ваших силах помочь ей исправить ошибку. Кроме того, насколько мне известно, у этой Лены определенные... трения с Икарией.

Женщина сдвинула точеные брови и ее собеседник понял, что попал в точку.

— Что за трения? — резко спросила она.

— Я так понимаю, — сказал мужчина, — положение Икарии, как лучшей ученицы сейчас... не столь уверенно как раньше.

— Тебе откуда знать? — покривила губы Артемисия, — кто из жриц будет откровенничать с таким как ты?

— Вы можете это проверить и сами, — произнес ее собеседник, — уверен, что верховная жрица Лаверны в Карион, найдет способ связаться со своей старшей дочерью. А

что до моего интереса...я представляю интересы дома Фарсан.

— Хочешь сказать, что у вас зуб на эту девку?

— Скажем так: то, что она все еще живет нам представляется...неправильным.

— Это я уже поняла, — усмехнулась жрица, — а что нужно от меня?

Тень улыбки легла на тонкие губы мужчины.

— Никтополь — не Карион, — произнес он, — и наши люди лишены там возможностей, что они имеют в других городах Некрарии. Каскар вон попытался действовать по старому — и где сейчас Каскар? Чтобы не повторить его ошибок, нам нужен свой человек в самом монастыре. От вас требуется только пара-тройка рекомендательных писем. Поверьте, мы сумеем подобрать кандидатуру, что не вызовет подозрений даже у Саломеи.

Артемисия какое-то время сверлила взглядом своего собеседника, потом, усмехнувшись, согласно кивнула. Достав откуда-то второй кубок, она налила вина и гостю. Тот, низко поклонившись, принял из рук хозяйки этот символ благоволения, одновременно торопливо пряча некстати вывалившийся из-за пазухи золотой кругляшок с изображением солнца с расходящимися лучами.

Воспитание и укрощение

Лена проснулась от влажных прикосновений к босой ступне. Сладко потянувшись, девушка открыла глаза и увидела Звенко, стоявшего на коленях возле ложа. Молодой раб, в короткой белой тунике, нежно вылизывал ее ногу, деликатно напоминая послушнице, что ей пора просыпаться. За его спиной мерцал хрустальный шар, оставленный Леной еще с вечера и сейчас заливавший комнату мягким зеленоватым светом.

— Спасибо, милый, — Лена потрепала светлые вихры, — пойдем купаться!

Она натянула свою тунику — черную с синей вышивкой, — и, поманив Звенко, выскочила за дверь. Спустившись по лестнице, они оказались в одном из садов, разбитом на небольшой террасе у подножья отвесной скалы. С нее стекало множество ручейков, скапливавшихся в большой каменной чаше, обрамленной густыми зарослями. Переливаясь через край, вода текла дальше, наполняя простершийся внизу круглый пруд. Отдаленное журчание справа и слева, напоминало, что за завесой ползучего плюща и лиан, усыпанных ярко-синими цветами, скрываются такие же чаши, где проводили омовение другие послушницы.

Скинув тунику, Лена, поежившись, встала под обжигающе-холодные струи, тщательно протирая все тело вырванной с корнем мыльнянкой. Ополоснувшись, девушка принялась мыть голову, костяным гребнем расчесывая золотисто-рыжие волосы. Звенко стоял рядом, держа в руках два полотенца — одно красивое, из черного шелка, с замысловатой красной вышивкой, вроде той, что украшала Ленину тунику. Второе полотенце, представляло собой обычную белую тряпку, пусть и довольно чистую.

Закончив, Лена вышла из-под импровизированного душа и, приняв от Звенко шелковое полотенце, тщательно вытерлась.

— Давай теперь ты, — она небрежно кивнула в сторону стекавших со скалы струй, — пошевеливайся, мне нужно успеть на службу до рассвета.

Лена с трудом сдержала смех, при виде нетерпеливого предвкушения на лице юноши. Поспешно раздевшись, он залез под холодные струи и Лена, вырвав очередной пучок мыльнянки, принялась тщательно мыть Звенко. Ее пальцы почти любовно оглаживали его кожу, особо задерживаясь на пролегших на спине и ягодицах алых шрамах. С еще большим вниманием Лена обмывала его гениталии, с трудом развязав стягивавший яички черный шнурок. К рабу она проявляла такую же заботу, какую она выказывала бы и к какому-нибудь домашнему животному — лошади или собаке: Устав Монастыря предписывал послушницам бережно относиться ко всякому храмовому имуществу — в том числе и живому. Что, среди прочего, подразумевало и содержание данного имущества в чистоте и вообще в хорошем состоянии.

Закончив, Лена вывела дрожащего, покрытого гусиной кожей, Звенко из-под ледяных струй и тщательно растерла его белой тряпкой. Выдернула из волос черную ленточку и перетянула ею сморщившиеся от холода яички.

— Одевайся, — она шлепнула его по заду, — и приберись в келье. Я отпросила тебя на вечер, так что в загон для рабов можешь сегодня не возвращаться.

И снова усмехнулась при виде откровенного счастья на лице молодого человека: кто бы мог подумать, что совсем недавно он был не так уж и доволен своей участью.

После того как Лена взяла Звенко, — Кайра мимолетно поморщилась от такого

выбора, — наставница позволила им подняться в келью. Вообще рабы, даже выделенные той или иной послушнице, все равно содержались в общем загоне, лишь по мере надобности вызываясь к хозяйке. Но в то же время послушницам дозволялось проводить с рабами столько времени, сколько они считали нужным — лишь бы не в ущерб, собственно, послушанию. Понятное дело, что и Лена и Икаррия и все остальные спешили, как следует познакомиться с новыми игрушками.

Впрочем, сам Звенко поначалу слабо осознавал свой новый статус: едва они оказались в комнате Лены, как он повернулся к ней с сияющими от радости глазами.

— Я думал, что уже никогда не увижу тебя! — пылко произнес он, — сам Вельзевул соединил наши судьбы, раз мы снова вместе!

— «Мы» — Лена иронично заломила бровь, — какой прыткий мальчик. Как ты вообще оказался в рабах?

Звенко насупился.

— Как-как, — с недовольством произнес он, — из-за тебя опять же.

— Мое сердечко плачет, — усмехнулась Лена, — думаешь, я забыла, как ты меня называл там, на болотах? Давай рассказывай — при чем тут я?

Оказалось, что не так уж и не причем, хотя основная вина лежала на уже полузабытом Леной Марко Басарваке. Именно он на одном из застолий похвалялся, как поймел красивую рабыню из Росковии — и не раз.

— Горячая девка, — прихлебывая самогон, гоготал Марко, — ночь не слазил. Там где Звенко языком шурудил, я вот этим поработал.

Упившись до изумления, Марко приспустив штаны, наглядно показывая — чем именно он «орудовал», демонстративно помахивая им перед лицом красного как рак Звенко, под гогот «старших товарищей». Марко, Впрочем, не стал развивать тему — он даже дружески хлопнул парня по плечу, показав, что это всего лишь шутка. Однако Звенко уже чувствовал себя смертельно оскорбленным. Улучшив момент, когда Марко выйдет облегчиться, Звенко выскочил за ним во двор и, нащупав за поясом рукоять ножа, попытался вогнать его в спину атамана. К несчастью для себя, юноша и сам изрядно выпил, так что нож, направленный неверной рукой, только царапнул по спине Марко. В следующий момент Звенко обнаружил себя на земле — а над ним, ругаясь и осыпая его побоями, навис командир. Басарвак, без сомнения, забил бы Звенко насмерть, если бы убежавшие из корчмы товарищи не оттащили разъяренного атамана.

Свои внутренние разборки пограничные стражники решали сами — после короткого круга было решено, что попытке убить атамана, да еще и в спину, не может быть оправдания. Виновный заслуживает казни, худшей чем смерть: Звенко, вместе с очередными пленницами из Топи, вывезли на невольничий рынок, — на острове с говорящим названием Рват, — где и продали покупателям с Храма.

— Я бы в жизни не подумал, что увижу тебя в Некрарии, — произнес Звенко, — Марко, собачий сын, говорил, что продал тебя торговцу из Деваманда.

— Так и было, — кивнула Лена, — продал. Вот только что дальше было, видать рассказывать не захотел. Ладно, пес с ним. Ты сам-то как?

— Теперь отлично! — обрадовано произнес Звенко, — могу бежать, хоть через всю Некрарию.

— Бежать? Куда?

— Ничего не изменилось, — пожал плечами юноша, — в Росковию. Меня привезли в

Карион — это город такой, на востоке — а там купцы из твоей страны частые гости. Нам бы только до них добраться, а уж там они нас вывезут. Надо бы только одну-другую золотую побрякушку здесь стянуть, чтобы расплатиться с ними.

Лена мысленно застонала, поражаясь про себя наивной глупости парня.

— Звенко, — мягко сказала она, — во-первых, если ты попытаешься здесь что-то украсть, то тебя живьем скормят собакам. Во-вторых, я никуда не побегу.

— Как так? — парень недоуменно хлопнул глазами, — ты не хочешь домой!

— Мой дом здесь, — отрезала Лена, — в гробу я видела эту вашу Росковию. Мне нравится здесь, и я собираюсь учиться дальше. Хочешь быть со мной — то только как мой раб.

Недоумение на лице парня сменилось разочарованием, а затем и натуральной злостью. Лена даже несколько пожалела о своих словах — до тех пор пока Звенко, раздосадованный внезапным крахом своих надежд, не выпалил того, о чем, наверное, сразу пожалел.

— Так вот ты какая, — пробурчал он, — почуяла власть, значит? Только я тебе рабом не буду. И молчать не буду — пусть здешнее начальство знает, как и где мы тебя подобрала. Вот тогда и посмотрим, кто тут раб, а кто нет.

Он шагнул к двери.

— Стой! — Лена ухватила его за руку.

Парень, не глядя, раздраженно отмахнулся, но Лена, заломив ему руку, толкнула строптивного раба обратно. Звенко, вскрикнув от боли, попытался вырваться, когда Лена ловкой подсечкой сбила его на пол. Звенко тут же вскочил на ноги, но послушница быстро произнесла заклинание — и голову Звенко опутал шар, напоминающий клуб черного дыма. Относительно безвредное колдовство оказывало мощное деморализующее действие: человек словно оказывался в кромешной тьме, не в силах ни сбросить, ни рассеять шар. Звенко, оторопев от неожиданности, слепо кинулся, надеясь выбежать из тьмы, но ударился пахом об приоткрытую Леной дверь. Пока он, корчась от боли, пытался подняться, Лена сдернула с пояса врученный ей кнут и с оттягом хлестнула по спине непокорного юношу. Первый же удар разорвал ветхую тунику, следующие пролегли по его коже длинными кровоточащими полосами. Не давая парню опомниться, Лена, входя в раж, все с большим остервенением хлестала его, буквально прибывая его к полу, не давая подняться.

В итоге бунт был подавлен — уж что-что, а пороть Лена умела. Может, не окажись Звенко дезориентирован налипшим на голову шаром тьмы, он бы и оказал какое сопротивление, а так ему оставалось лишь прорыдать с пола.

— Хватит! Я понял...я все понял.

Лена произнесла заклятие и тьма рассеялась, открывая залитое слезами лицо юноши. Девушка присела рядом и нежно погладила окровавленное тело.

— Дурачок, — улыбнулась она, — что ты думаешь, произошло бы, если бы ты рассказал все? Может, меня и выгнали, но ты остался бы рабом — ведь ты принадлежишь не мне, а моей наставнице Кайре. Она просто переуступила тебя, чтобы я училась дальше. Как ты думаешь — что диакониса Скиллы сделала бы с рабом, из-за которого ей пришлось расстаться с лучшей ученицей? Тебе бы пришлось молиться всем своим Архонтам, чтобы дело закончилось всего лишь псарней.

Она промолчала, ожидая, чтобы сказанное ею, как следует, дошло до Звенко.

— Ты...ты могла бы сказать сразу, — выдавил он, потирая оставленные кнутом шрамы, — без этого вот всего.

— Могла бы, — уже без улыбки произнесла Лена, — но ты слишком нагло себя вел. Кроме того — мне нужно, чтобы ты боялся не только диаконесс, но и меня. Ладно, поднимайся и пойдём в сад — я уже знаю, сок каких трав помогает заживлять такие раны. И запомни — теперь ты делаешь только то, что говорю я.

Чтобы Звенко лучше проникся своим новым положением, Лена, вскоре после лечения, отправила его в загон для рабов и не забирала несколько дней. Общение с братьями по несчастью благотворно подействовало на строптивного невольника — вернувшись, он уже и не мыслил о том, чтобы взбунтоваться. Оставленные кнутом следы почти зажили — и Лена порадовалась тому, что внимательно слушала диаконессу Гиацею, наставлявшую послушниц в знании трав и приготовляемых из них зелий и снадобий.

Гиацея вещала им и сейчас — миниатюрная симпатичная женщина на вид лет тридцати (то есть пятидесяти-шестидесяти реально) с спускавшимися до пояса густыми черными волосами и огромными зелеными глазами. Она носила черное с зеленым одеяние — символ жриц Ламии, — указательный палец охватывало кольцо в виде кусавшей себя за хвост змейки, выточенной из зеленой яшмы.

— Шесть богинь избрала Триморфа помогать ей управлять миром, — размеренно произносила Гиацея, — и каждой Скилакегета дала отдала власть над одной из материй. Стено правит над камнем, Скилла над морем, ну а Ламия — над травами и всем, что растёт на земле и всеми созданиями, что живут в зарослях. Как змея ползущая в траве, ведает все, что происходит у корней трав, так и жрица Скилакагеты должна глубоко проникнуть в суть всех трав земных, дабы раскрыть все их свойства.

Она внимательно осмотрела девушек, жадно ловящих каждое ее слово. Слабая улыбка искривила пунцовые губы, когда женщина произнесла слова очередного гимна.

*— Рос асфодел, завивались душистые «женские кудри»,
Мята росла, и камыш, и чабрец, и цветы анемонов,
С ними божественный цвел кикламен, распускалась лаванда,
Ирис и дикий пион, — и раскинула пышные листья,
Их осенив, мандрагора и стебли сплелися диктамна.
Свой аромат источал кардамон и шафран; но возрастали
Там и другие растенья: вьюнка колючая заросль,
Черные маки, волчец, аконит, ядовитые клубни,
Множество гибельных злаков, землей порождаемых в недрах.
Корень, подобный куску кровавого мяса и полный
Сока (похож он на сок темноцветный горного дуба).
Сок собирала для чар в ракушку дракийскую дева,
Семь раз омывши себя водой, неустанно текущей,
Семь раз призвавши Бримо подземную, ночью что бродит,
Мрачную ночью призвав, одетая в темное платье.*

— Завтра вы на целый день отправитесь во Внешние сады, — сказала Гиацея, — каждая получит свой сбор трав Скилакагеты, который должна будет найти дозаката. Посмотрим, насколько у вас в голове задержались мои поучения.

— Звенко, не отставай, — нетерпеливо бросила Лена, продираясь сквозь переплетения очередных лиан. Приказание было отдано больше «для порядка» — Лена и так знала, что раб не отстанет ни на шаг. Сказать по правде, он куда лучше ориентировался во всей этой непролазной чаще, неоднократно находя дорогу там, где Лена вставала в тупик. Что и

неудивительно — у себя в Ктыреве Звенко считался одним из лучших следопытов, умевшим находить путь даже в самых глухих лесах и гиблых болотах. Это умение ему досталось от отца-лируссийца, — жители северного баронства считались прирожденными лесовиками, — и именно за это парня и взяли в Пограничную стражу, закрыв глаза на довольно таки средние бойцовские качества. Также Звенко неплохо знал травы и даже порывался помочь Лене, но та запретила подсказывать — поручение диаконессы должна выполнить именно она и никак иначе — тем более, что жриц имелись способы проверить ее знания. С раба хватит и того, что он помогал ей находить дорогу.

С утра послушницы разбрелись по Внешним садам — россыпи обширных парков и рощ с запада и с юга окаймлявших скалу на которой стоял Монастырь. «Садами» все это растительное великолепие именовалось чисто символически — по сути это был полноценный лесной массив, поделенный отчасти небольшими речками, отчасти проложенными меж деревьев дорогами. Каждой девушке выделили свой, как бы выразились в мире Лены, сектор, где послушница искала назначенный ей сбор трав. Все они действовали самостоятельно, без оглядки друг на дружку, однако послушницам разрешалось взять одного раба — у кого таковые имелись, конечно. Разумеется, Лена с радостью ухватилась за эту возможность.

Сейчас Звенко сменил рабскую тунику на более привычный наряд — легкую куртку из стеганой шерсти, штаны и высокие башмаки. В руках он держал медный сосуд, наподобие кувшина с ручкой — туда Лена складывала найденные травы. Сама девушка нарядилась примерно в тот же облачение — в этих лесах трудно было пробираться в одеянии послушницы. Кроме того, девушка прихватила и плотный черный платок, чтобы укрыть свои роскошные волосы. Из-за пояса торчал медный серп, которым она и срезала нужные ей травы. Руки ее прикрывали перчатки из тонко выделанной оленьей кожи — не все из того, что ей поручили найти, безопасно было брать голыми руками. Также она поводок, который натягивал уродливый пес черно-желтой масти, похожий на помесь таксы и шакала. Длинный нос находился в непрерывном движении, улавливая доносящиеся отовсюду запахи, то и дело заставлявшие пса отвлекаться на шмыгающую по кустам лесную живность. Лене стоило немалых трудов призвать собаку к порядку и направить в нужном направлении. К тому же, пес, оказавшийся еще и на редкость вздорным пустобрехом, то и дело раздражался визгливым лаем на Звенко. С Леной он вел себя спокойней: девушка еще в своем мире легко находила общий язык с собаками, а месяцы проведенные на монастырских псарнях, еще больше закрепили это умение.

Тем временем, медный сосуд, который нес Звенко, немного потяжелел — в нем уже лежали цветы аконита и черного мака, кора тиса и дуба, несколько головок дикого чеснока, а также несколько с пяток срезанных грибов — по одному от каждой разновидности. Оставался один, самый важный ингредиент, с обретением которого задание Гиацие можно было считать выполненным.

Лена нашла желаемое, когда вокруг уже сгустились сумерки, делавшие трудноразличимыми окружающие предметы — при том, что Черное Солнце только начало клониться к земле. Искомое растение обнаружилось на небольшой полянке, рядом с лесным озерцом, затерянное среди других трав — небольшой кустик, с широкими зелеными листьями и оранжевыми ягодами, напоминавшими маленькие яблоки.

Лена пошарила в небольшой кожаной сумке у себя на поясе и достала несколько шариков воска, которыми она тщательно залепила уши.

— Возьми, — сказала она подошедшему Звенко, — залепи уши и встань вон там.

Когда раб исполнил ее приказание, Лена сняла с пояса медный нож и принялась старательно окапывать растение, одновременно шепча заклятия-призывы к Триморфе. Когда же корень достаточно обнажился, Лена обвязала вокруг него поводок и, указав рукой на Звенко, громко крикнула:

— Взять!

Она не услышала своих слов — также как и яростного лая, с которым собака кинулась к машинально отшатнувшемуся Звенко. Но даже сквозь воск она вздрогнула от громкого вопля пронесшегося по лесу. Звук этот, столь громкий, сколь и мерзкий, буквально оглушил ее, чуть не сбив с ног — отняв ладони от произвольно зажатых ушей, она увидела на них следы крови. Однако уродливому псу пришлось гораздо хуже — не добежав до Звенко пары шагов, он повалился на бок, конвульсивно подергивая лапами, и тут же издох. А из вывороченной земли торчал большой корень, общими очертаниями напоминавший маленького человека. Лена торжествующе улыбнулась — ее сегодняшние поиски, наконец, подошли к концу.

Жестом она показала Звенко вынуть воск из ушей и, когда он исполнил ее приказание, бросила ему нож.

— Похорони песика, — сказала она, — там же где мы мандрагору выкопали. Я сейчас.

Одной рукой взяв у Звенко сосуд, а второй ухватив вырванное растение, Лена понесла его к озерцу где, срезав серпом корень, тщательно промыла его в воде. Затем она бережно положила корень в сосуд, заодно ссыпав в него ягоды. Закупорив сосуд массивной просмоленной пробкой, послушница вернулась к Звенко. Тот уже стоял рядом с небольшим холмиком, обозначавшем место упокоения несчастного животного.

— Ты сегодня хорошо поработал, — кивнула Лена, — и заслужил награду. Снимай штаны!

Звенко немедленно повиновался, торопливо стягивая штаны. Лена, забрав у него нож, осторожно поддела лезвием тугую бечевку, стягивавшую яички парня. В следующий момент Лена ухватила раба за член и потянула вниз, заставляя его опуститься на колени перед собачьей могилкой. Все это время она размеренно двигала рукой по мигмом затвердевшему члену, то обнажая, то пряча скользкую от смазки головку. Страдавший от долгого воздержания Звенко недолго держался, вскоре разрядившись на рыхлую землю тягучими белыми струями. От возбуждения он даже не удержался на ногах, едва успев подставить руки, чтобы не угодить, в буквальном смысле, лицом в грязь. Однако его влажный член все же окунулся в землю — со стороны это выглядело так, будто Звенко пытался совокупиться с собачьей могилой. Лена усмехнулась и небрежно вытерла заляпанную семенем руку о волосы Звенко.

— Пойди подмойся, — она кивнула в сторону озера, — и давай собираться — нам нужно выбраться отсюда до заката.

— Как скажете, Госпожа, — раб послушно склонил голову, чтобы Лена могла надеть на него оставшийся бесхозным собачий ошейник.

— Ну что, уже решили, чем вы можете меня удивить?

Тонко улыбаясь, Гиацея стояла у изголовья мраморного алтаря, на котором лежал труп мужчины лет тридцати. Из широко распахнутого рта торчали зеленые стебли, также как из широкой раны на горле. При каких обстоятельствах умер этот человек, Лена не хотела и думать. Она, также как и еще пара десятков послушниц, из числа побывавших в Садах, стояла у стены зала, живо напомиравшем избушку Стрыги. Те же чучела, травы и зелья — разве что все сосуды сплошь стеклянные: колбы, реторты, банки. В самых больших сосудах, напоминавших аквариумы, плавали части человеческих тел.

Ну и, конечно, этот зал был намного больше — в нем бы уместилась не только избушка Стрыги, но и, пожалуй, половина храма Вельзевула в Ктыреве. Да и «экспонатов» было намного больше — сарлонской знахарке не стоило и мечтать о подобном инвентаре.

Помимо Гиацеи в зале находилась еще одна диаконесса: молодая зеленоглазая брюнетка в черно-красном одеянии жрицы Эмпусы. Именно служительницы этой богини заведовали в Никтополе всем, что касалось человеческой плоти и крови. Клыкастые лики божественной кровопийцы скалились со стен, насмешливо наблюдая за девушками.

— Ну, кто будет первой? — нетерпеливо повторила Гиацея.

Лена, оглянувшись на девушек, шагнула вперед, держа склянку с темно-зеленым содержимым. Это зелье, изготовленное из собранных ею трав, являлось, своего рода, знаком качества проделанной работы. Лена подошла к трупу, морщась от запаха — убитый, похоже, мертв уже несколько дней, — и, откупорив пробку, старательно окропила тело.

Несмотря на то, что зелье делалось, согласно всем рекомендациям наставниц, Лена невольно отшатнулась, когда мертвец вдруг вздрогнул, словно пронзенный током, руки слепо зашарили, задергались и ноги, словно покойник пытался встать. Кожа мертвеца, там где упали капли зелья, стала лопаться, а из образывавшихся пор устремились ядовито-зеленые побеги. Голова трупа покрылась зеленым мхом, а вместо вытекавших глаз распустились фиолетовые цветы, по которым ползали крупные черви. Рот трупа оскалился острыми зубами, когда он рывком уселся на мраморном алтаре.

— Достаточно! — кивнула Гиацея, — Икария! Твое зелье!

Черноволосая девушка шагнула вперед, срывая пробку со своего сосуда и выплескивая твари в лицо дурно пахнущую жидкость. В тот же миг мох почернел и осыпался засохшей трухой, также пожухли и опали побеги, а цветы провалились внутрь глазниц. Мертвец тяжело осел на мрамор, продолжая стремительно разлагаться. Спустя мгновение на алтаре уже лежал скелет в луже вонючей черной жижи.

Вторая жрица хлопнула в ладони и в зал вошли два странных существа: выше любого из людей, мускулистые, с кожей цвета сырого мяса, острыми ушами и оскаленными пастями хищников. Из одежды они носили лишь набедренные повязки, почти не прикрывавшие могучие чресла. Один из них сгреб в охапку кости, второй насухо вытер алтарь мокрой тряпкой. Поклонившись диаконессам, страшилища вышли из зала.

— В вас двоих я не сомневалась, — Гиацея улыбнулась, — посмотрим, что у остальных.

Одна за другой подходили послушницы, демонстрируя снадобья, изготовленные из собранных в Садах трав. Чтобы проверить их действие все те же краснокожие рабы, вводили в зал подопытных — как животных, так и людей. Зелья действовали сильно по-разному:

кого-то убивали на месте, кого делали необычайно вялым или наоборот приводя в сильное возбуждение. Были и иные реакции, заставлявшие Лену морщиться от отвращения — ей стоило некоторых трудов не отвернуться. Гиacea внимательно наблюдала за действием зелий: то довольно кивая, то морщась, кривясь и всячески выражая свое неудовольствие. Из двадцати девушек диаконесса одобрила только восемь — причем, как с неудовольствием отметила Лена, в число «одобренных» вошли почти все, кто состоял в «Нерее». Из ее же собственных сторонниц одобрение, — и то довольно сдержанное, — получила лишь Марти. Елена поймала торжествующий взгляд Икарии и кисло улыбнулась ей в ответ.

— Ну, а как ты думала, — лениво произнесла Кайра, — «Нерея» — это нечто большее, чем сборище хитрых интриганок.

Послушница и ее наставница сидели на так называемой Морской Террасе — просторной беседке, вырезанной в скалах на северной стороне монастыря. Пол здесь был отделан плитками синего мрамора с белыми и фиолетовыми прожилками, также как и массивные колонны. Потолок украшала искусная мозаика с изображениями рыб, спрутов, русалок и морских змеев. Колонны, в свою очередь, покрывал причудливый орнамент — переплетения не то змеиных тел, не то щупалец, обвивавших мощные столпы. На каждой из колонн красовался лик Скиллы, окруженный извивающимися щупальцами. С террасы открывался прекрасный вид на море — Черное Солнце стояло в зените и все вокруг выглядело как умеренно пасмурный день в мире Лены.

Между Кайрой и Леной находился стол из черного дерева с синим отливом. На нем стояла пузатая бутылка с ромом и блюдо с запеченными миногами и жареной барабулькой.

— Теперь, когда вас начали всерьез учить магии, — продолжала диаконесса, — в «Нерее» начали объединять свои силы — и тем самым помогать друг другу.

— Разве это не запрещено? — вскинула бровь Лена, — ведь каждая послушница должна создать свое зелье самостоятельно.

— Создавать да, — кивнула Кайра, — но безупречно подобрать все ингредиенты — лишь полдела. Важны еще и заклятия, что читают над зельями. Никакие правила не запрещают «Нерее» провести ритуал, чтобы разом усилить творение каждой из подружек Икарии.

— Как это? — недоуменно помотала головой Лена.

— Вступление в «Нерею» обставлено особыми ритуалами, — снисходительно пояснила Кайра, — посвящение в тайное общество создает особые узы — обретающие все большие силы, в процессе постижения послушницами тайн магии. И никто не запретит Лактении, наставнице Икарии или ее матери, Артемисии, верховной жрице Лаверны в Карионе, тайком подсказать твоей сопернице обряд, что поможет им объединить силы.

— Эти узы сохраняются на всю жизнь? — спросила Лена. Кайра покачала головой.

— Только до посвящения в жрицы. После этого появляются новые узы — уже не между несколькими хитроумными послушницами, решившими возвыситься над остальными, но между всеми служительницами Триморфы. Однако до посвящения доживают не все.

— Знаю, — буркнула Лена, — поэтому меня так и не приняли в «Нерею»?

— Соображаешь, — одобрительно кивнула Кайра, — пока там заправляет Икария, она костями ляжет, чтобы не делиться общей силой с той, кого она считает своей главной соперницей. И никто не может заставить ее — диаконессы не вмешиваются в неуставные отношения между послушницами.

— Ты не можешь заставить послушницу сделать то, что хочешь? — недоверчиво

спросила Лена.

— Не могу, — покачала головой диаконесса, — у каждой послушницы — своя наставница. И если я начну кого-то принуждать — об этом тут же узнают остальные.

— И что тогда?

— В монастыре... тоже не все любят друг друга.

— Ну, а мне что теперь делать? — спросила Елена, — они же нас сожрут поодиночке.

Кайра задумчиво посмотрела на море.

— Когда я жила в Лоркни, — вдруг сказала она, — у меня была сестра. Она и сейчас есть, просто я очень давно ее не видела. Не сказать, чтобы мы враждовали, но и особой дружбы не было — ну ты понимаешь, как оно бывает в детстве. В нашей семье издавна отмечали Обручение с Океаном: очень древний праздник, еще со времен мерков. Центральное место на празднике у Невесты — и так получилось, что несколько лет подряд ею становилась моя сестра Элта. Она всегда наряжалась в платье из кожи слепых морских змей, а волосы украшала изумрудной жемчужиной из раковины моллюска, что живет в пещерах под нашим островом. Эту раковину ей подарил наш дядя по матери — и всякий раз Элта с гордостью выносила ее на праздник. Но однажды Жребий Невесты пал на меня. Я, разумеется, обрадовалась, а Элта надулась и не захотела одолжить мне жемчужину. Я не стала с ней спорить: в ночь накануне Обручения, я отправилась к морю — во время отлива те самые пещеры открываются и туда можно пробраться. Я едва успела выбраться до прилива — но нашла нужную раковину, а вместе с ней — и такую же жемчужину, как и у моей сестры. На празднике я была великолепной.

Она замолчала, отпив из кубка и искоса глянув на Лену. Послушница, понимающе кивнув в ответ, потянулась за своим кубком, улыбаясь внезапно пришедшей ей в голову мысли.

— Ты же не всерьез? Как ты можешь думать о таком?

Удивление и неподдельный страх потеснили в душе Марти обычное подобострастие. Этой ночью послушница, как они и условились, пришла в келью Лены (Звенко, не обращая внимания на его жалобный скулеж, хозяйка отправила в загон рабов) — и чуть ли не с порога была ошарашена тем, что озвучила ее странная подруга.

— Мы разозлим «Нерею» как никогда раньше, — взволнованно говорила Марти, — и может не только их, но и самих наставниц.

— Наставницам все равно, — сказала Елена, — ну, может не всем, но наказания не будет — никаких правил мы не нарушаем, я узнавала.

Лена лежала в своей койке совершенно голая — и Марти, пытаясь ее переубедить, все же нет-нет, да косилась на Ленины прелести. Сама послушница явилась в шелковой ночной сорочке, которую одним движением руки можно было задрать до шеи — что Лена неоднократно и проделывала, к вящему удовольствию обеих. Сейчас Мартильда тоже явилась в келью в надежде на веселую ночку и все еще не могла перенастроиться, чтобы убедить подругу отказаться от ее безумного плана.

— Ты представляешь, как они все взбесятся, когда узнают? — жалобно протянула Марти, — Икария и все остальные. Так мы еще могли надеяться, что они возьмут нас...

— Куда возьмут? — хмыкнула Лена, — все еще надеешься, что тебя примут в «Нерею»? Забудь — после смерти Фарсины у тебя там черная метка.

— Что?

— Неважно, — махнула рукой Лена, — в общем, Икария тебе уже не поверит. Меня же

она и подавно не примет — зачем ей соперница в «Нерее»?

— Но это значит война?

— Лучше так, чем просто сдаться без боя. Если и дальше будем вести себя как овцы, эти волчицы нас сожрут. Меня дважды пытались убить — думаю и третий раз не заставит долго ждать. А потом и тебе не поздоровиться и остальным девчонкам — Икария не простит вам. Хочешь, чтобы тебя уважали — поучись защищаться.

— Ты думаешь...у нас получится?

— Все будет нормально, — произнесла Лена, — кончай трепаться, принцесса. Убеждать это не твое — давай попробуем найти твоему рту более привычное применение.

Больше слов не понадобилось — Мартильда, сгорая от похоти, скользнула на кровать и Лена призывно раздвинула ноги, приоткрывая гладкую промежность, эпилированную медовым воском. Тюргонка тут же хищно впиалась в истекавший влагой розовый цветок. Лена издала протяжный стон, выгнувшись всем телом от охватившего ее острого наслаждения. Издавая чмокающие звуки, Марти губами и языком ласкала влажную плоть, бросая на старшую послушницу замутненные похотью взгляды. Сам вид веснушчатого личика заключенного в кольцо сильных бедер, невероятно возбуждал Лену — вскоре она с громким стоном кончила, одновременно вдавив в себя Марти с такой силой, что та практически утонула в ее мускулистой плоти. Но даже тогда тюргонка, лишённая возможности видеть и даже дышать, не переставала вылизывать Лену, сквиртуящую послушнице прямо в рот. Наконец тиски бедер разжались, выпуская растрепанную, мало не задыхнувшуюся Марти. Не давая девушке опомниться, Лена опрокинула ее на спину — и теперь уже рыжеволосая послушница вскрикивала и стонала, пока Лена целовала и кусала небольшие острые груди. Целуя плоский живот, она спускалась все ниже, пока не зарылась лицом в рыжеватые волосы женского лона. Протяжный стон сорвался с распухших губ Марти и ее острые ногти конвульсивно впились в двигавшуюся у нее между ног светловолосую шевелюру.

Уже позже они расслабленно лежали в кровати, обмениваясь ленивыми поцелуями.

— Ну, так что? — Лена приподнялась на локте, заглядывая в глаза Марти, — ты со мной?

— Не знаю, чем закончится эта твоя затея, — ответила тюргонка, — но я с тобой! Вот только, что скажут остальные?

— Я сама с ними поговорю, — сказала Лена, — может даже сегодня утром, перед службой.

— Так скоро?

— С этим делом медлить не стоит.

Лена рассчитывала переговорить со своими сторонницами в небольшом храме, где проходила утренняя служба — не раскрывая всего просто попросить их собраться вечером у нее в келье. Обычно диаконессы приходили на службу позже, так что Лена рассчитывала, что у нее будет время перекинуться словечком-другим с послушницами.

Однако в этот раз все было иначе.

Войдя в храм, Лена увидела Лактению перед статуей Скилакагеты. Рядом с ней стояли четыре девушки в необычных нарядах: по ним Лена поняла, что девушки прибыли в монастырь совсем недавно, раз даже не получили еще туник послушниц.

— Сегодня необычный день, — вместо приветствия сказала архдиаконесса, — в наш монастырь прибыли четыре благородные девы. Идя разными путями, они явились в

Никтополь почти одновременно, а поскольку четыре, также как три и семь — священное число Триморфы, то я и решила представить вам их еще до службы.

Она хлопнул в ладони и вперед, коротко поклонившись, шагнула девушка в длинной юбке из темно-красного бархата и зеленой безрукавке поверх белой блузки. Безрукавку и юбку украшали шнуры, с нанизанными на них бусинами и небольшими серебряными колокольчиками, издающими негромкий звон при каждом движении девушки.

— Княжна Вайорика из Дракии.

Ну, это понятно — черные волосы, слегка смуглая кожа, нос с небольшой горбинкой, темно-синие глаза, да еще и на руке наколка с сильно стилизованным луком. Лена уже знала, что это символ Лерайе, Архонта-Лучника, культ которого во всей Империи, наибольшей популярностью пользовался именно в Дракийских Княжествах. После присоединения Дракии к Империи, несколько веков назад, оттуда и переселились в Некрарию жрицы Скилакагеты. В монастыре считали, что Триморфа и подвластные ей богини по сей день правят Дракийскими Княжествами под видом Астарота и младших архонтов Гремори и Лерайе, нередко принимающих женское обличье. По сей день не меньше половины всех послушниц из Империи — уроженки Дракии.

— Княжна Найда из Сарлонии.

Тоже легко узнать — белая вышиванка, расшитая черными мухами; черная юбка, расшитая белыми мухами; черевички из тончайшей выделки кожи и венки из оранжевых и фиолетовых цветов в черных волосах. Полные груди, крутые бедра, круглое лицо — чем-то эта девушка напомнила Лене молодую Наташу Королеву, разве что посимпатичнее. Радостная улыбка на все лицо, в черных глазах — наивная радость деревенской дурочки, впервые выбравшейся в большой город. А поскольку дурочек в Монастырь не брали, значит с этой простушкой стоит держать ухо особенно остро.

— Редкая гостья — Иоко из Йамто. Не припомню, чтобы в Некрарии хоть раз появлялись послушницы из столь дальних краев.

О «дальних краях» Лена ничего не знала, но даже если бы Лактения не произнесла имени, и так понятно аналогом какой страны в ее собственном мире являлась эта самая Йамто. Черные волосы, уложенные в замысловатую прическу, высокие скулы и узкие глаза, черное кимоно вышитое красными хризантемами. Тонкую талию перехватывает широкий пояс, из-за которого торчит рукоять небольшого кинжала. Лицо — словно безупречная фарфоровая маска, умело скрывавшая любые эмоции девушки.

— И, наконец, боярышня Темнозара из Пятиградья. Из Росковии у нас раньше тоже никого не было ..., -Лактения бросила быстрый взгляд на Лену, — но теперь она не первая.

Почудилось ли Лене или в голосе Лактении и впрямь прозвучала насмешка? Кто знает, что сочла нужным сообщить Саломея диаконессе, больше всех работающей с послушницами? Сама Темнозара не повела и глазом. Что и говорить, выглядела она эффектно: высокая голубоглазая красавица с золотистыми косами, выбивавшимися из-под двурогой шапки, усыпанной жемчугом. На черном сарафане красная вышивка, изображающая дерущихся волков, медведей и хищных птиц. С головного убора у висков свисают серебряные подвески, на груди красуется причудливое ожерелье, где окованные серебром звериные клыки и когти сочетаются с золотыми и янтарными бусами.

Темнозара никак не показала своего интереса к «землячке» и все же Лена внутренне напряглась, когда жрица упомянула о ней — сумеет ли она теперь сохранить свою легенду? Хотя Пятиградье — богатая вечерная республика на юго-западе Росковии, а Залесье —

северо-восточная глухомань и все же...вряд ли они настолько чужды друг другу, чтобы не распознать самозванку.

— Уверена, что вы все, — Лактения особенно подчеркнула слово «все», — поможете новеньким влиться в ряды Сестер. Ну, а пока же возблагодарим Триморфу за новые души, что она привела в Никтополь. Новенькие, вы пока просто запоминайте.

Жрица развернулась к статуе и все послушницы послушно подхватили гимн, воздавая славу Трехликой Богине. Лена перехватила встревоженный взгляд Марти и ободряюще улыбнулась ей — что же, значит, придется немного отложить разговор.

Одержимость как метод самопознания

После общей службы, новеньких, как и других, недавно поступивших послушниц, отправили на разные работы, а более старших девушек развели по залам. Лена оказалась в той же группе, что и Икария и все прочие члены «Нереи» — все, кто отличился при сборе трав во Внешних Садах. Из сторонниц Лены с ней оказалась только Марти.

— Я успела переброситься парой слов с Лайгой и Кмерой, — шепнула тюргонка, — они передадут остальным.

— Молодец, — Лена с невольным уважением посмотрела на свою спутницу, не терявшую времени даром. Неохотно она призналась себе, что появление «землячки» слишком выбило ее из колеи — раз она даже не вспомнила, на что ей пришлось столь старательно уговаривать Марти. Нужно взять себя в руки — с расшатанными нервами не стоит и думать о том, чтобы претворять в жизнь свои замыслы.

— Кажется, мы еще не были в этом крыле, — заметила Лена, желая отвлечься от тревожных мыслей. Сейчас послушницы шли по уходящему вниз коридору, столь узкому, что девушки могли идти только по двое. Стены, отделанные черным мрамором, прерывались небольшими нишами, где тускло мерцали фиолетовые кристаллы. Мрамор покрывали причудливые барельефы, изображавшие разного рода чудовищ. Вскоре коридор кончился и девушки оказались перед двустворчатой дверью из черного дерева. Над ней красовался фиолетовый лик очередной богини — с высунутым языком и, будто слепыми, смолянисто-черными глазами.

— Мания! — шепнула Мартильда и Лена кивнула, тоже узнав богиню безумия. Невольно ей вспомнился праздник, посвященный этой богине, чуть не закончившийся для попаданки весьма печально. Однако думать об этом было некогда — двери вдруг распахнулись сами собой и послушницы вошли в очередной зал, как и коридор снаружи, отделанный черным мрамором с фиолетовыми прожилками. Именно эти цвета — черный с фиолетовым, — доминировали в небольшом зале, что казался еще меньше из-за расставленных всюду статуй из черного мрамора. Вместо глаз у них мерцали все те же фиолетовые кристаллы. Лене бросилась в глаза уродливое изваяние, изображавшее неясного пола существо, с бородой и женской грудью, острыми ушами, змеями в волосах и острым клювом стервятника. Чуть поодаль стоял демон с волчьей головой и короткими козлиными рогами, еще дальше угадывался голый старик со сложенными на спине перепончатыми крыльями и с чем-то вроде молота в когтистой лапе.

Посреди же зала возвышался черный куб, на котором неподвижно застыло нечто, что Лена приняла за очередную статую. На черной коже поблескивают мелкие чешуйки; на голове торчат большие, будто бы медные, рога; фиолетовый, слегка светящийся лик, напоминает о жуткой маске встречавшей девушек на входе. Перед изваянием стояло бронзовое блюдо, а на нем, среди раскаленных углей тлело нечто, напоминавшее ком сухой травы. Она распространяла по залу едкий дурманящий запах, от которого кружилась голова и слегка подкашивались ноги.

Лена чуть не отшатнулась, когда веки «статуи» дрогнули и приподнялись, обнажая уродливые бельма без зрачков, но вовсе не казавшиеся слепыми. Теперь она видела, что сидевшая перед ними женщина одета в обтягивающий костюм, сшитый из кожи какой-то рептилии. Ее же «рога» — рыжие волосы, уложенные в причудливую прическу, залитой чем-

то вроде лака. На шее женщины красовалось ожерелье из черепов, вырезанных из кости столь старательно, что если бы не их размер, то можно было подумать, что они и вправду принадлежат живым людям — только очень маленьким.

«Может, так оно и есть?» — мелькнуло в голове Лены.

Выкрашенные черным губы раздвинулись в ухмылке, обнажившей острые зубы.

— Мое почтение будущим диаконессам, — она издала издевательский смешок, — я Фебрия, жрица Мании. Сегодня вас обучаю я — и поверьте, вам будет что вспомнить.

Она обвела опешивших послушниц «слепым» взглядом и вдруг разразилась хохотом, больше подобающим гиене, чем существу, рожденному на свет женщиной. Медленно она подняла руку и в фиолетовые отблески отразились на стальных когтях украсивших кожаную перчатку на левой руке Фербрии.

— Триморфа учит, что мир вокруг нас полон демонов, — произнесла она, — каждая травинка, каждая песчинка, каждая капля в дожде может иметь своего демона. В человеке тоже обитают демоны — может даже больше, чем где бы то ни было.

Говоря все это, Фебрия быстро расхаживала по залу, отчаянно жестикулируя. Лена не представляла себе, как диаконесса раньше могла сидеть неподвижно — сейчас, казалось, что она не способна остановиться и на секунду. Каблуки черных сапог из той же чешуйчатой кожи, мерно цокали по полу словно копыта. На поясе висел кнут, на котором с шипением поднимались змеиные головы, окидывая холодным взглядом послушниц.

— Власть над демонами — одно из важнейших умений будущей жрицы, а уж тем более диаконессы. Но нельзя надеяться повелевать демонами внешними, не ознакомившись как следует с духами, что пребывают в тебе от рождения.

Фебрия повернулась к девушкам, оскалившись в хищной улыбке — и в тот же миг ее слепые бельма вдруг окрасились в маслянисто-черный цвет.

— Демоны, что владеют вами, одновременно являются и частью вашей сущности, — произнесла она, — отпустим же их на волю, чтобы я поняла, с кем имею дело. Пусть каждая сядет возле одной из статуй — первая, что попадется на глаза. Это изваяния могущественных демонов, в присутствии которых мелочь вроде вас не посмеет скрывать свою подлинную суть.

Слова эти сопровождал дикий хохот и девушки, несколько оробев, поспешно расселись возле статуй. Лене досталось некое существо, напоминавшее помесь волка и огромного кота, но с оскаленной демонической мордой. Диаконесса тем временем сгребла когтистой перчаткой с благодараскаленные угли и резко сдула на девушек тончайшую белую пыль. Одновременно она выкрикнула слова некоего заклятия — и в тот же миг фиолетовые глаза статуй вспыхнули ослепительно ярким светом. Пыль тут же превратилась в обжигающий белый туман, заволокший все вокруг, и из этого белесого марева продолжали доноситься слова заклинания, перемежавшиеся взрывами безумного хохота. В следующий миг белесое марево обернулось маслянисто-черным дымом, — Лена вспомнилось, как менялись глаза Фебрии, — в котором, словно фиолетовые звезды, мерцали глаза демонов. В уши вновь ударил пронзительный хохот, в ответ которому, на разные голоса ответил еще более жуткий смех, который, как сразу поняла Лена, не мог принадлежать человеку. Непроглядная тьма, клубящаяся вокруг Лены, взбурлила мощным потоком, захлестывая ее черными волнами, увлекая на дно маслянисто-черного водоворота.

Совершенно голая она стояла посреди огромной пещеры, стены и пол в которой состояли из черного стекловидного камня. Этот камень трескался и вздымался

вулканическими кратерами, выпускавшими языки алого пламени и клубы черного дыма — и вместе с ними возносились полупрозрачные фигуры, напоминавшие людей, но с длинными черными крыльями. С воплями, стонами, демоническим хохотом они носились вокруг Лены — но она почему-то не чувствовала от этого ни малейшего страха. Наоборот, молодая женщина ощущала невероятный прилив сил, мощнейший поток энергии, казалось, переполнявший каждую ее клеточку. В руках ее вилась змеей кнут — и она упоенно стегала им бушевавшую вокруг нее призрачную вьюгу, в которую слились подземные призраки. Сгоняемая ударами кнута, все эта стонущая, хохочущая, жалобно кричавшая, подобно перелетным птицам, стая в конце концов образовала нечто вроде огромного смерча, уподобившегося исполинскому змею, чья голова исчезала во мраке наверху. В следующий миг Лена оказалась внутри этого смерча с невероятной быстротой понесшего ее вверх. Внезапно сверху в глаза ей ударил нестерпимо яркий свет — лишь спустя удар сердца она поняла, что это солнце: сколь болезненным его сияние оказалось для глаз, уже привыкшим к вечным сумеркам. Вскрикнув от боли, она вскинула руку и, уже не думая, что делает, хлестнула по направлению к пышущему жаром светилу. Безобразный черный рубец пролегал сквозь солнечный диск и в тот же миг нестерпимое сияние померкло, словно подернувшись невидимой пеленой. Свирепые ветра, сквозь рев которых слышалось все те же вопли и хохот, возносили Лену кверху и чем выше она поднималась, тем сильнее замутнялось темной пеленой золотистое светило, превращаясь в нечто иное, завораживающее своей непроглядной чернотой.

Внезапно все кончилось — трясясь, словно в лихорадке, Лена лежала на холодном полу, съездившись у подножья выбранной ею статуи. Туника на ней была разорвана в клочья, тело покрывали синяки и кровоточащие ссадины.

Внезапно перед ней появилось лицо Фебрии вновь изменившей цвет глаз — с жутких белым на вполне живые, ярко-зеленые очи. Да и жуткий фиолетовый лик сменился лицом красивой девушки с алебастрово-белой кожей и кроваво-красными губами.

— Как тебя зовут, милочка? — почти нормальным голосом спросила диаконесса.

— Елена...Лена...

— Ты из Росковии? — получив утвердительный ответ, жрица довольно кивнула, — кажется, я уже слышала о тебе. Напомни, кто твоя наставница, дорогуша?

— Кайра...Кайра Моррикан.

— Серьезно? — Лена аж шарахнулась от очередного взрыва безумного хохота, — надо же, лоркнийка сноваменя удивила. Что же, наконец-то, появился повод с ней побеседовать.

— О чем?

— Не все сразу, милашка! — Фебрия небрежно погладила ее по волосам, затем опустила руку Лене на затылок и привлекла к себе, взасос целуя девичью губу. В следующий миг Лена отпрянула с криком боли — острые зубы прикусили ей губу.

— Привет для твоей наставницы, — произнесла Фебрия, слизывая кровь с уголков губ — поговорим об этом после занятий.

Она обернулась к остальным девушкам, что сейчас, лежа в самых неудобных позах, со стоном приходили в себя.

— Теперь я вижу всех вас насквозь, грязные сучки, — весело крикнула она, — все то, что ваши демоны скрывали от вас самих. Давайте, скорее очухивайтесь и приготовьтесь слушать и запоминать — дальше учеба пойдет веселее.

Полный шкаф скелетов

*Когда решатся боги света,
Покинуть проклятый наш мир.
И в виде огненной кометы,
Уйдут в космический эфир.
Когда исчезнет солнце с небосклона,
И засияет Черное Светило.
Когда война, болезни, похоть, голод,
Откроют в человеке зверя рыло.
И с человеком зверь сношаться будет,
И порождать потомство омерзенья.
И сотни тварей диких вдруг из леса выйдут,
Чтобы людям отомстить за все мученья.
И Древний Змий совет свое кольцо
Удавкой вокруг хилой шеи мира.
И люди отдадут своих детей.
Для украшения владыкиного пира.
На алтарях пролита будет кровь,
Последних человеческих вождей.
И Боги Мрака снизойдут на землю вновь,
*И кончится презренный Век Людей.**

Все это велеречивое, с выражением, чтение Фебрия сопровождала отчаянной жестикуляцией, словно переигрывающая актриса на сцене третьеразрядного театра. Закончив декламацию, она нарочито громко захлопнула книжицу в черном переплете с серебряным тиснением и посмотрела на Кайру. Та пожала плечами.

— Такая себе поэзия. Кто это написал?

— Некрон Тотенштайн, семнадцатый принц Брокгарта, — произнесла жрица Мании, — слышала о таком?

— Краем уха, — ответила Кайра, — Тотенштайны — это ведь боковая ветвь Рокшгайнов?

— Да, хотя в императорской семье не очень любят вспоминать об этих родичах. Эта ветвь угасла полтора века назад — и последним в роду как раз был Некрон. Считается, что он приходится нынешнему императору Фрэгу двоюродным пра-пра-пра-пра-дедом, хотя Икоан Лушганг, старший магистр Геральдической коллегии, считает, что степень родства во многом фиктивная, а значит...

— Перестань! — поморщилась Кайра, — мне не нужны хитросплетения имперских родословных. В Никтополийском монастыре мало кому интересны геральдические штудии Брокгартского университета.

— Когда-то это интересовало тебя куда больше, — рассмеялась Фебрия, — может, ты припомнишь, где и как мы познакомились? Хотя где там — ты, наверное, уже забыла о самом моем существовании не то, что об обстоятельствах начала нашей... дружбы.

— Не пытайся обвинить во всем меня одну, — раздраженно бросила Кайра, — я тоже ничего не забыла. Лучше скажи — причем тут этот твой пра-пра-прадед? И причем тут

она, — она кивнула на скромно стоявшую в углу Лену.

Этот разговор происходил во всей той же черно-фиолетовой комнате. Фебрия снова оседлала черный куб, тогда как Кайра присела на одну из статуй — очередного демона, стоявшего на рыбьем хвосте, с покрытым чешуей торсом и оскаленной львиной мордой. Лена стояла чуть поодаль стараясь не вмешиваться в спор между диаконессами, в отношениях которых, как выяснилось, имелось нечто глубоко личное.

— Если ты не хочешь говорить о нас, — протянула Фебрия, — что же, Некрон считался одним из лучших полководцев Империи. Это он отразил Великое вторжение, разбив при Эргене флот варваров из Тульхейма. Стихотворчество, которым он баловался на досуге, его прославило меньше — за всю жизнь он издал только вот этот сборник

Она потрясла книжечкой перед Кайрой.

— И что? — поморщилась та, — причем все это к Елене?

— Ты же знаешь, что когда демоны овладевают послушницами, они одновременно овладевают и мной, — сказала жрица, — только их видения для меня предстают по-своему. А явился мне как раз этот стих — в виде черной тьмы, в которой вспыхивали огненные буквы. Стихотворение называется «Завершение» — и он считается самым загадочным во всем творчестве Некрона Тотенштайна.

— А что говорил он сам об этом? — спросила Кайра.

— В том-то и дело, что ничего! — воскликнула Фебрия, — он исчез вскоре после издания сборника. На родовом кладбище нет его могилы и самые искусные некроманты не смогли вызвать его дух. Некрон, как я уже говорила, был последним в роду, прямая связь между живыми и мертвыми Тотенштайнами оказалась потеряна. Жрецы Плутоса, правда, сумели вызвать кой-кого из его предполагаемых предков, но все они говорили, что Некрон так и не объявился в Лимбе.

— Загадочно, — пробормотала Кайра, — как, кстати, называется тот сборник.

— «Черный феникс», — произнесла Фебрия и, заметив как изменилось лицо Кайры, торжествующе усмехнулось, — что, эти сведения стоили встречи со мной?

— Тебе нужно рассказать все это архидиаконессе, — сказала лоркнийка, проигнорировав последний вопрос, — она также интересуется этим делом.

— Саломеи нет в Монастыре, — ехидно улыбнулась Фебрия, — ей пришлось отбыть в Селенос — какие-то раздоры между Правящими Семьями. Так что это придется это решать нам.

— «Нам»? — вскинула бровь Кайра, — Лена — моя подопечная.

— На нее я не претендую, — Фебрии скупой улыбнулась, — ты же знаешь, что наставничество, это не мое. Я просто хочу помочь тебе.

— И что взамен?

— Да ничего, — пожала плечами Фебрия, — я рада уже и тому, что буду чаще видеться со старой подругой.

Кайра подозрительно посмотрела на жрицу Мании, затем неохотно кивнула.

— Ладно, раз ты и так знаешь так много, — не убивать же тебя теперь.

— Как бы тебе этого хотелось, — рассмеялась Фебрия.

— Иной раз бывало, — кивнула Кайра, — но сейчас речь не об этом. Раз такое дело — нам нужно как можно больше узнать об этом вашем... Тотенштайне.

— Здесь мы много не узнаем, — пожала плечами Фебрия, — даже в библиотеке — вряд ли что будет помимо этого сборника.

— Значит, надо послать письмо в Брокгарт, — сказала Кайра, — у тебя же осталась там родня.

— В доме Мортенберг вряд ли обрадуются своей потерянной дочери, — Кайра нахмурилась и Фебрия поспешно добавила, — ладно, разберемся. Свяжусь и с семьей и с университетом — есть и там кой-какие знакомые.

— Хорошо, — кивнула Кайра, — теперь поговорим о другом. Мы тут с Леной кое-что задумали — и, возможно, нам понадобится твоя помощь.

Фиолетовое пламя горело на черном алтаре, в то время как Фебрия, монотонно произнося заклинания, кружила вокруг костра. Ее глаза, вновь налившиеся крошечной чернотой, влажно поблескивали в отблесках пламени — словно два озера, наполненных густой смолой. Времена жрица Мании подбрасывала в огонь нечто, от чего пламя, горевшее на камне, то взметалось до потолка, то растекалось по алтарю слабо мерцавшими огоньками.

— А это все разрешено? — шепотом поинтересовалась Лена.

— Скажем так, не запрещено, — ответила Кайра, — диаконессы могут следить за послушницами, хотя вмешиваться имеют право только при явном нарушении Устава. Но, у Икарии, сдастся мне, всегда найдется что-то такое...

Лена кивнула и перевела взгляд на Фебрию. Та уже закончила танец и теперь восседала прямо на алтаре, охваченная языками фиолетового пламени. Глаза ее вновь обернулись белыми бельмами, с губ срывались слова очередного заклятия. Внезапно пламя обернулось фиолетовым туманом, растекаясь по полу обжигающими клубами. И в этом мареве, бурлящем между алтарем и Кайрой с Леной, начали появляться видения.

— Во имя Трех и Шести, да станет эта дева частью нашего сестринства!

— Да будет так!

— Пусть кровь ее будет течь в наших жилах!

— Да свершится сие!

Икария, — обнаженная, с распущенными волосами, — танцевала перед большим костром, разожженным на берегу небольшого озера. Лена не знала этого места, но на вид местность походила на очередной укромный уголок в монастырских садах. Позади нее, едва различимые в тени деревьев, стояли остальные девушки из «Нереи», монотонно отвечавшие на выкрики Икарии. Между костром и берегом озера застыла и еще одна девушка — стройная, с черными волосами и голубыми глазами. Лена чуть не задохнулась от возмущения, когда узнала ее.

— Пусть сила ее сольется с нашей, сделав нас всех сильнее!

— Пусть! — эхом откликнулось из тени деревьев.

В руке Икарии блеснуло лезвие тонкого ножа и она, скользнув к девушке, кольнула ее в алый сосок. Grimаса боли, промелькнувшая на лице послушницы, сменилась удовольствием, когда Икарии припала к ее груди, высасывая кровь. Это длилось всего миг — после чего Икария отступила к деревьям, а ее место заняла высокая пышногрудая Анаста, некрыйка знатного рода. Она быстро слизнула капельки крови с груди девушки и тоже скользнула в сторону, уступая место другой соратнице. Так одна за другой менялись девушки — вкушая кровь и отступая во мрак. Наконец, новообращенная осталась одна, стоя перед костром и словно чего-то ожидая.

Из темноты раздался голос Икарии:

— Пусть Дщерь приготовится встретить Привратника!

При звуке этих слов девушка опустилась на четвереньки и тут же за ее спиной послышался громкий всплеск. На кромке воды и земли вырос безобразный силуэт — Лена невольно ойкнула, увидев вышедшее из воды создание. Оно напоминало чудовищ, что она видела в храме Эмпузы — рослая мускулистая тварь, с сизой кожей и семью рогами на остроконечной голове. Мощные руки имели шесть пальцев с острыми когтями, на мерзкой роже похотливо поблескивали черные глаза, лишенные век. Через всю голову, подобно вагине, вертикально зияла пасть, полная острых как иглы зубов. Меж мощных бедер вздымался исполинский член, увенчанный головкой, размером с детский кулак.

Когтистые лапы легли на плечи девушки, мощные бедра качнулись вперед — и глаза посвящаемой чуть ли не вылезли из орбит, а рот распахнулся в невольном вопле. Перед костром мелькнуло обнаженное тело — Икария, вынырнув из тени, закрыла рот посвящаемой собственным влагалищем. Посвящаемая впилась губами в истекавшую влагой вагину, пока могучий монстр неумолимо терзал ее лоно чудовищным членом. Икарию сменила другая девушка, за ней третья, четвертая — все они на миг вставали перед посвящаемой, подставляя под ее рот кто промежность, кто зад. Новенькая послушно отлизала всей «Нерее», пока ее саму сзади трахал вышедший из озера монстр. Наконец, он, издав громкий рык, вышел из своей жертвы и струя густого семени оросила спину и ноги упавшей у костра девушки. Великан развернулся и растворился во мраке, тогда как Икария и ее соратницы скользнули к бессильно распростертой послушнице, жадно слизывая с ее тела сперму чудовища. В следующий миг фиолетовый туман заколебался и жуткое виденье исчезло.

— Вот так посвящают в «Нерею», — Кайра искоса посмотрела на Лену, — что, еще жалеешь, что не вступила в нее?

— Уже нет, — Лена передернулась от омерзения, — и что, нам тоже придется... вот так?

— Может так, а может и иначе, — отозвалась с черного куба Фебрия, — это уже как получится. У Икарии есть и силы и связи, чтобы привести Стража для посвящения.

— Разве это не запрещено? — перебила ее Лена.

— Да нет. Хотя решится на это не каждая.

— А на то, чтобы принимать новеньких? — спросила Лена, — эта... Вайорика, она же всего несколько дней в монастыре.

— Наверное, в самой «Нерее» запрещено такое, — пожалала плечами Кайра, — но нарушение правил ихнего сестринства не нарушает Устава Монастыря, а значит наказывать ее не за что. Если только сама «Нерея» предъявят Икарии претензии, но вряд ли там найдется такая смелая. Вайорика — из древнего дракийского рода, к тому же, перед тем, как попасть в Никтополь, она с год служила при храме Герцога Гремори. Для «Нереи» она ценное приобретение вне зависимости от времени пребывания в Монастыре. Если бы хотели — тебя бы давно приняли тоже, наплевав на любые правила.

— Уже не больно то и хотелось, — Лена передернулась, вспомнив рогатое чудовище, сношавшее девушку, — у нас все будет по-другому.

— Можно и по-другому, — кивнула Кайра, — но сопоставимое по силе. Иначе, можешь забыть о том, чтобы тягаться с Икарией, а я... сильно разочаруюсь в тебе.

Лена вскинула голову, посмотрев на безмятежно улыбнувшуюся ей наставницу и в тот же миг, Фебрия разразилась взрывом безумного смеха, обхватив колени руками и раскачиваясь на алтаре.

— Ты ведь давно знаешь ее? — заметила Лена, когда они с Кайрой вышли из покоев Фебрии.

— Да, — неохотно кивнула диаконесса, — с Брокгарта.

— И она к тебе неравнодушна, — продолжала Лена, — что у вас произошло?

Не успели эти слова сорваться с ее губ, как Елена сразу же пожалела о них: Кайра рывком обернулась и попаданка невольно отшатнулась при виде гримасы нечеловеческой злобы исказившей лицо наставницы. На миг ей показалось, что сам Триморфа обернулась своим гневным ликом.

— Не лезь не в свое дело! — не слова, а прямо змеиное шипение, — помни свое место!

— Я только...

— На колени!!!

С наставницей, пришедшей в такое состояние, спорить не хотелось и Елена рухнула на колени, сжавшись в ожидании неминуемой расправы. Глаза ее смотрели в пол, зато остальные чувства приобрели почти сверхъестественную остроту — и Лене не нужно было смотреть на диаконессу, чтобы понять, что она снимает с пояса кнут. Над склоненной головой Лены послышалось злобное шипение — и все семь голов живой плети наотмашь хлестнули, оплетая все ее тело. Лена дико взвыла — змеиные зубы впились ей разом в спину, живот, соски и промежность, пронзив ее невообразимой болью.

Кайра присела рядом и, ухватив корчившуюся на полу Лену за волосы, вздернула ее голову, взглянув в заплаканные глаза.

— Не смей спрашивать меня об этом, — сквозь зубы произнесла она, — если мне и захочется тебе что-то рассказать, я это решу сама. Ты все поняла?

— Да! — выдавила Лена.

— Хорошо, — Кайра выпрямилась, — пойдём ко мне. В моей комнате есть кой-какие травы — приготовишь мазь, чтобы залечить свои раны. А вместе с мазью возьмешь кое-что еще — пригодится для твоей задумки.

— Что это?

— Увидишь. Давай, пошевеливайся.

С этими словами Кайра двинулась вверх по коридору. Следом, потирая ушибленные места, шла ее подопечная, сверля спину наставницы обиженно-злобными взглядами.

Долго, впрочем, Лена не дулась — не по доброте душевной, разумеется, а от осознания полной бесполезности таких обид. Лена понимала, что Кайра, по-своему, хочет ей добра, но при этом не позволит своей подопечной сократить дистанцию. Что же до боли...если Кайра перестанет помогать Лене, ее ожидает здесь нечто куда худшее.

Так или иначе, когда они добрались до покоев Кайры та уже отошла от ошеломившей Лену вспышки ярости. Диаконесса старательно смазала все раны и ссадины послушницы очередной чудодейственной мазью, а также вручила ей несколько мешочков с травами и засушенными грибами.

— Помнишь, что надо делать? — Кайра внимательно посмотрела на Лену. Та молча кивнула и диаконесса добродушно потрепала ее по щеке.

— Молодец. Держи, это тебе и подружкам, — она вручила ей бутылку с вином и еще один мешочек с засахаренными фруктами и орехами.

— А то, что я тебе сказала, все же не забывай, — уже совсем другим тоном сказала она и Лена, невольно съезжившись, послушно кивнула.

В тот же вечер послушницы собрались в келье у Лены: помимо Марти и лируссийки Лайги явились еще две девушки, в свое время признавшие лидерство попаданки. Одну из ее сторонниц звали Кмерой: пышногрудая крутобедрая красотка, с каштановыми волосами и серо-кариими глазами, была родом из Вальдонского Епископства — теократического княжества, основанного жрецами Астарота. Вторая девушка — сероглазая и рыжеволосая Дарла, — явилась в Никтополь из Эргена — вольного города в составе Тевманской Империи, расположенного на одноименном острове. Прихлебывая вино из небольших чарок и закусывая его фруктами, они со страхом, но в то же время и жгучим любопытством слушали свою неформальную лидершу.

Для начала Лена рассказала всем о новом пополнении в «Нерее» — не уточняя источника своих сведений. Впрочем, ей поверили и так — от Икарии в этой компании заранее не ждали ничего хорошего.

— Эта сука перешла все грани! — выругалась Марти, — мне она отказывала под самыми нелепыми предлогами, а эту дракийку...

— Ей просто некуда деваться, — Дарла, рожденная в семье крупного торговца, обладала поистине купеческой сметкой, схватывая все на лету. — За несколько месяцев «Нерея» потеряла двух девушек. Неудивительно, что Икария хочет любой ценой возместить утрату — вот и взяла к себе эту Вайорику. Вряд ли от нее будет много толку.

— А вот тут ты ошибаешься, — покачала головой Лена, — Икария действует весьма умно. Мало того, что Вайорика явилась сюда не неумелой соплюхой, как большинство из вас, она опасна не сколько сама по себе — а тем, что усиливает «Нерею» в целом.

Она вкратце рассказала девушкам то, что услышала от Кайры, опустив некоторые подробности. По враз помрачневшим лицам соратниц Лена поняла, что до них дошло.

— И что нам делать? — спросила Кмера, с наивной надеждой смотря на Лену, — если их больше и они лучше обучены.

— Времени у нас немного, — кивнула Лена, — эти сучки и ранее были сведущи в магии, пусть и самой простенькой. Сейчас же, когда нас стали учить всерьез — они могут еще сильнее уйти в отрыв. Из-за них никто из нас может не получить кнута диаконессы.

Она обвела взглядом понурившихся послушниц и весело подмигнула.

— Не расстраивайтесь так, — рассмеялась она, — один выход все же есть.

— Какой? — в один голос спросили девушки, кроме Марти, уже знакомой с планами Лены.

— Поскольку Икария никогда не пустит кого-нибудь из нас в Нерею, — медленно, выдерживая каждое слово, произнесла Лена, — мы должны создать свое «сестринство».

На лицах девушек почти одновременно отразились испуг и недоверие.

— Свое? — неуверенно спросила Лайга, — а так можно?

— Никто не запрещает, — улыбнулась ей Лена, — я узнавала у наставницы. Просто «Нерея» так долго была единственным тайным обществом у послушниц, все так отчаянно стремились в нее, что никто и помыслить не мог о таком простом решении. А, между прочим, в других местах это давно используется — в том же Брокгартском Университете с десятком таких студенческих обществ.

— Все так, — кивнула Кмера, — у меня там дядя учился, рассказывал.

— Ну, вот видишь, — сказала Лена, обрадованная неожиданным примером, — чем мы

хуже? Наставницы не будут против — им все равно, кто из нас победит. Мы объединим силы — и бросим вызов Икарии.

— А получится ли? — засомневалась Мартильда, — даже если мы сделаем все как ты сказала — «Нерея» все равно останется сильнее.

— Ты права, Марти, — сказала Лена, — но я кое-что придумала — у нас будут козыри, что помогут сравнять счет.

Она поманила к себе девушек и, когда те сдвинули головы, начала вполголоса рассказывать им подробности. И постепенно на лицах соратниц недоверие и испуг сменились сначала удивлением, а потом и хитрыми усмешками.

В этот раз они не занимались любовью, чем часто заканчивались подобные посиделки: обговорив все, девушки разошлись по кельям, чтобы как следует выпасться перед очередными занятиями.

Следующим вечером, сразу после занятий, Лена поднялась в свою келью. Готовясь к предстоящему действию, она перебирала свою коллекцию холодного оружия — медный серп для срезания трав, такой же медный нож и еще один нож — на этот раз костяной, подаренный ей Амолой. Это оружие, не раз ее выручавшее, Лена и выбрала, засунув за пояс. После этого она обернулась к застывшему у нее за спиной Звенко.

— На сегодня можешь остаться тут на ночь, — разрешила она, — я все равно вернусь лишь к утру. Спать будешь на коврике, но не вздумай лечь в кровать — узнаю и шкуру спущу!

— Да ладно, я что не понимаю? — обиженно протянул Звенко, — ты уверена, что мне не стоит пойти с тобой? Вдруг пригожусь, как там в Садах.

— Нет, Звенко, — покачала головой Лена, — мужчинам там не место. Даже рабам.

Раб обиженно надулся, но промолчал. Лена продолжала перебирать разложенные на столе принадлежности, выбирая травы и прочие ингредиенты, чтогодились бы ей в действе. Она уже закончила, сложив все, что нужно в кожаную сумку у пояса, когда в дверь осторожно постучали. Открыв дверь, Лена увидела Марти и Кмеру.

— Лайга и Дарла ждут нас у подъемника, — сказала Мартильда, — ну что, идем?

Лена кивнула и трое девушек быстрым шагом двинулись по коридору. Звенко проводил их тоскливым взглядом, потом прикрыл дверь и принялся моститься на коврике.

— Ты уверена, что стоит делать это здесь? — уже в пятый раз спрашивала Марти, пока они спускались по узкому сырому туннелю. Обступивший их мрак рассеивал лишь светящийся голубой кристалл в руке Лены.

— Абсолютно! — не оборачиваясь, бросила девушка.

— Помнится, в прошлый раз, мы едва унесли отсюда ноги, — напомнила Мартильда.

— Я бы на твоём месте поменьше вспоминала о том, — процедила Лена, — и это только ты с тех пор здесь не появлялась. А я спускалась еще не раз.

— Зачем?

— Надо было, — буркнула Лена, — помолчи, ты меня отвлекаешь.

Марти послушно замолчала — как молчали и остальные девушки, идущие след в след за лидером. Кроме Марти и Лены, все они были в этих подземельях впервые — и сейчас настороженно переглядывались, шепча охранительные заклятия и чертя в воздухе знаки-обереги. Предосторожности выглядели не лишними — в боковых проходах мелькали смутные тени, вспыхивали и гасли чьи-то светящиеся глаза, слышались странные звуки.

— А если придут тельхины? — все же рискнула спросить Марти.

— Кэт говорила, что в это время года они не появляются, — мимоходом бросила Лена.

Это несколько успокоило остальных — со слов наставниц послушницы уже знали о том, кто такие тельхины и чем опасны для молодых девушек.

Вскоре коридор кончился и перед ними открылась небольшая, наполовину затопленная пещера. В воде, шевеля щупальцами, плавали существа, напоминающие полупрозрачных каракатиц в ладонь величиной. От их голубоватых внутренностей исходило мерцание, освещавшее всю пещеру светом, схожим с тем, что испускал кристалл.

В центре пещеры из воды поднимался небольшой островок, точнее груда скал, среди которых выделялся черный камень, на удивление правильной прямоугольной формы. На нем, поджав ноги, сидела бледная девушка, с водорослями в волосах и трупными пятнами по всему телу. В ее ногах копошилось некое существо, на редкость изящного сложения.

— Все в порядке, — бросила Лена, — это свои. Кэт, я же предупреждала тебя о посторонних.

— Да все в порядке, Ленок, — утопленница ласково потрепала по холке своего питомца, — Ромка с братиками далеко отсюда. А Васса — кошечка.

«Кошечка» посмотрела на девушек огромными зелеными глазами и неторопливо зевнула, показывая острые зубы. Из всего кошачьего потомства Кати Вассы выглядела наиболее безобидно — такая миниатюрная пантера, чуть больше обыкновенной кошки, с гладкой черной кожей, блестящей, словно смазанной маслом.

— Ладно, — махнула рукой Лена, — пусть остается. Будет вместо талисмана!

— А что... она тоже с нами? — Марти неприязненно покосилась на землячку Лены.

— Нет, она же не послушница, — усмехнулась Лена, — просто будет помогать. Воспринимай ее как одну из принадлежностей для ритуала.

Кэт оскалилась в хищной улыбке.

— Раздевайтесь! — бросила Лена и, сама подавая пример стянула тунику. Поставив кристалл на пол и сунув в сумку нож, она подняла сумку над головой и ступила в воду, сразу погрузившись до пояса. Поежилась от холодных прикосновений щупалец к ее коже.

— Эй, смелее, — весело крикнула она, — они не кусаются!

Про себя она усмехнулась — девушки, пришедшие сюда, были на самом деле не робкого десятка — трусихам нечего делать в Монастыре. Однако на всякую многолапую мелочь реагировали немногим лучше, чем сверстницы в ее мире на медузу или паука. Но, тем не менее, все они зашли в воду, когда Лена уже выходила на берег, становясь рядом с Кэт.

— Оставайтесь в воде, пока не позову, — громко сказала она, копошась в своей сумке. Наконец она вытряхнула несколько комков темного липкого вещества — смесь из нескольких трав, грибов и редкого вида водорослей, что Лене дала Кайра. Один комочек девушка отправила в рот, другие бережно разложила на камне.

— Все отлично! — крикнула она, — Марти, идя сюда.

Неуверенно оглянувшись, тюргонка вышла на берег. Лена указала ей на камень, согнав с него Кэт, и Марти, послушно улеглась на ее место. Попаданка поманила сомокошку-Вассу и та, ловко перескочив через камень, куснула левый сосок послушницы. Сидевшая рядом Кэт тут же прильнула к девичьей груди, жадно высасывая кровь из раны. Лена костяным ножом кольнула себя в сосок, сунула один из травяных комочков в рот Марти и впихнула следом свою окровавленную грудь. Кэт к тому времени уже сливалась в поцелуе с Леной, переливая ей в рот высосанную кровь Марти.

— Именем Матери-Триморфы — произнесла Лена, когда мертвая девушка отстранилась от ее губ. — Пусть кровь, текущая в наших жилах, соединит нас воедино! Пусть

мертвое свяжет живое и возродит нас к новому рождению в едином сестринстве.

Она посмотрела на тюргонку. Та уже «плыла» — глаза подернула мечтательная пелена, окровавленные губы призывно приоткрылись, обнаженная грудь возбужденно вздымалась. Лена удовлетворенно кивнула — взятое ею зелье считалось одним из сильнейших афродизиаков. Она обернулась к остальным девушкам.

— Лайга — ко мне!

Лируссийка, выйдя на берег, получила свой укус от Вассы и Кэт, выпив крови с ее груди, также поделилась с Леной. Подползшая к ним Марти, вложила в губы подруги травно-грибную смесь и впиалась жадным поцелуем в ее грудь. Испив крови, она вложила собственный окровавленный сосок в рот Лайги. Так же делились кровью и остальные послушницы, по очереди выкликаемые Леной. Все больше на них действовало и возбуждающее средств: голые, перемазанные кровью, они жадно лобзали друг дружку, сливаясь в всхлипывающий и стонущий похотливый клубок, наполнявший пещеру сосущими и чмокающими звуками.

Лена, захваченная всем этим не меньше самих послушниц, вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Выпрямившись, она увидела на берегу неподвижную черную фигуру. Похотливо улыбнувшись, Лена сделала приглашающий жест.

— Прошу вас, жрица Амола!

Черная воительница усмехнулась и ступила в озерцо. Даже в самом глубоком месте вода едва доставала до массивных бедер, давая возможность рассмотреть охвативший ее талию широкий кожаный пояс, с крепящимся к нему членом дракона. Чешуйчатый монстр гордо вздымался, словно морской змей рассекая водную гладь. И даже послушницы отвлеклись друг от друга, похотливо рассматривая выходявшую из воды амазонку.

Амола оглядела послушниц и полные губы искривила понимающая усмешка.

— Среди них есть девственница? — спросила она.

— Что? — Лена непонимающе уставилась на нее. Впрочем, Амоле уже не требовались разъяснения: крепившийся к ее бедрам монстр, вдруг зашевелился, наливаясь силой. Трехгранная головка качнулась, нацелившись на Лайгу. Та встретила взглядом с Амолой и опустила на колени, протягивая руки к черной стражнице.

— Да, это я, — всхлипнула она, — я ласкала мужчин руками и ртом, но никто так и не забрал мою невинность. Сделай меня женщиной, Амола!

— Как скажешь, малышка, — Амола бросила торжествующий взгляд на Лену, — видишь, я сходу выяснила о твоих крошках кое-что новое. Кровь девственницы — может ли быть лучшая жертва для твоего начинания?

Она схватила Лайгу за волосы и рывком подняла ее на ноги. В следующий момент Амола ухватила лируссийку за бедра и, приподняв, опустила сладострастно застонавшую девушку на свое чешуйчатое чудовище. Почувствовав как рвется девственная плева, Лайга завизжала, откидываясь на спину и закатив глаза — лишь громадность негритянского фетиша удержала ее словно попавшую на крючок рыбу, не давая упасть. Поддерживая Лайгу за бедра, Амола размеренно терзала ее лоно чудовищным органом — но и лируссийка, возбужденная сверх меры, подавалась бедрами вперед, оглашая пещеру истошными криками. Амола, в лоно которой проникал второй конец ее «двучлена» получала сейчас не меньшее удовольствие, упруго и мощно раздвигая чешуйчатой головкой влажные стеночки влагалища послушницы. Остальные девушки уже ползали перед черной великаншей, похотливо оглаживая ее ноги и шарообразные ягодицы.

Очередной толчок мощных бедер и Лайга, закатив глаза, издала столь громкий вопль, что несколько сталактитов рухнули в воду. Амола разжала руки и лирусийка бессильно упала на камень. Ноги ее были широко раскинуты, из влагалища сочилась тонкая струйка крови, но на лице блуждала счастливая улыбка.

Амола развернулась к остальным и обнажила острые зубы в широкой улыбке.

— Жертва принята! — сказала она, — кто готов последовать за своей сестрой!

Она могла и не спрашивать — возбужденные сверх всякой меры, как афродизиак, так и самим зрелищем, послушницы отталкивали друг друга, чтобы прорваться к черной амазонке. Марти и Дарла уже сновали языками по могучему фетишу, слизывая с него женскую влагу и девственную кровь Лайги. Кмера же пристроилась сзади, с трудом раздвинув массивные ягодицы и вылизывая колечко ануса. Какое-то время Амола просто стояла, наслаждаясь этими ласками, потом, отстранившись, улеглась на камне, подхватывая Марти и насаживая ее на могучий ствол. Тюргонка продержалась подольше девственной подружки, но и она, в конце концов, рухнула на камень еле живая. Ее место заняла Дарла, за ней Кмера — чтобы затем отвалиться, лишившись сил. Меж тем Лена, простершись на камне, страстно лизалась с Кэт, выгибаясь всем телом и подставляя упругие груди под укусы острых зубов. Одновременно она чувствовала движение скользкого тела у себя между ног — урчавшая, словно небольшая машинка Васса вылизывала ее влагалище не по-кошачьи мягким, совсем не шершавым языком.

Амола, казалось, была неистощима — когда послушницы уже не могли удовлетворять похоть ее чудовищного фетиша, она шагнула к Лене, бесцеремонно вырывая ее из рук Кэт. Лена почувствовала, как могучие руки ставят ее раком, раздвигая ей бедра и тут же чешуйчатый монстр ворвался в истекавшую влагой щель. Лена подумала, что сейчас ее разорвет на части, но не испугалась, а еще больше возбудилась от этой мысли. Только сейчас она узнала, что чувствуют взятые жутким фетишем — любое сладострастие, что испытывала она ранее, оказалось лишь слабой тенью той поистине животной похоти, что разом затопила все ее существо. Лена двигала задом, упоенно насаживая себя на жуткий член, ощущая себя не человеком, но одной из тех чешуйчатых гадин, что ползали в джунглях и болотах Матазулу, пожирая и порождая себе подобных.

Какая-то часть ее существа осознавала, что рядом продолжается все та же оргия: пришедшие в себя Кмера и Марти уже вовсю лизались, лаская друг дружке груди и половые губы. Рядом с ними возлежала Кэт — и между ног зажмурившийся от удовольствия утопленницы, ритмично двигалась рыжая голова. Сама же эргенка, приподняв округлый зад, подставляла свое текущее влагалище под слюнявую пасть Вассы, ласкавшую Дарлу не только языком, но и длинными склизкими усами, извивавшимися не хуже щупалец. Сама сомокошка, вскинув хвост, подставляла собственные, пахнувшие рыбой гениталии, под губы пришедшей в себя Лайги.

Над ухом Лены послышался гортанный рык, сильные руки стиснули ее грудь, вскидывая на дыбы, словно норовистую кобылку и потянув на себя с такой силой, что молодой женщине показалось, что член дракона сейчас пронзит ее насквозь. Тело Лены затряслось, как в падучей, она вскинула голову, откинув на спину волосы и заорала от избытка эмоций так, что сотряслись стены. Еще два сталактита рухнули рядом с любовницами, но Лену уже это не беспокоило — она и так уже не числила себя в живых, почти желая умереть от сотрясавшего ее тело сокрушительного оргазма. Кончала и Амола — Лена чувствовала, как дрожат поддерживавшие ее на весу руки, как медленно разжимаются стиснувшие ее груди

пальцы и черная амазонка медленно оседает на камень, тяжело дыша, словно загнанная лошадь. Лена же бессильно рухнула на камни, чувствуя как медленно утихает в ней бешеная пульсация жуткого фетиша, неохотно выпускавшего свою добычу.

Чуть позже, Амола осторожно вытащила жуткий девайс и поманила к себе Лену. Молодая женщина подползла к ней, сначала дочиста вылизав фетиш, а потом, когда Амола отстегнула его и положила в сторону, еще и вылизала ее влагалище, высосав каждую каплю. Закончив с этим, Лена подхватила с камней костяной нож и с поклоном протянула его черной амазонке.

— Обряд посвящения еще не закончен, — напомнила она, — мы договорились.

Амола усмехнулась, принимая нож — вот ведь хитрая девчонка! Никто из диаконесс не мог взять общество послушниц под покровительство — хотя бы потому, что этим задевались интересы наставниц тех девушек, кто в это общество не входил. Но стражницы — иное дело: пусть они и приравнивались к жрицам, но все же считались ниже по статусу, нежели диаконессы и, разумеется, никогда не становились наставницами. Все это официально закреплялось в Уставе Монастыря и сейчас играло на руку Лене — раз Амола не могла быть наставницей, значит, соответствующие правила на нее не распространялись. А для только что созданного сестринства и покровительство командира монастырской стражи было редкой удачей.

Амола, конечно, понимала, что ее используют и все же не могла удержаться от удовольствия, как следует отыметь сразу шесть белых девок — а Лена, зная об этой ее слабости, не преминула ею воспользоваться.

— Во имя Мвене-Путо, пусть его нож и моя кровь соединят нас незримыми узами, — произнесла Амола, вскрывая себе вену на предплечье. Лена тут же припала к ней, жадно глотая горячую солоноватую жидкость. За ее спиной уже теснились остальные участницы нового сестринства Монастыря, нетерпеливо ожидая своей очереди.

Свет убивающий

— Клянусь Триморфой, я не могла больше ждать! — пылко воскликнула черноволосая девушка с синими глазами. Простецкое платье из коричневой ткани не могло скрыть благородной бледности кожи и утонченных черт, подобающих лишь знати.

— Не стоило так рисковать ради меня, — мягко сказал сидевший рядом юноша лет двадцати, — ты же понимаешь, что будет, если остальные узнают.

В отличие от девушки наряд ее собеседника выглядел довольно изысканно: чернокрасная тога, наброшенная поверх такой же туники, расшитой нитями серебра и белого золота. Черные волосы украшал серебряный венок, с крупным синим сапфиром посередине.

А вокруг молодых людей простирался некрополь — всюду, куда не кинь взор, высились склепы из черного мрамора, увенчанные статуями демонов и духов — охранителей мертвых. Меж мраморных склепов были разбросаны клумбы с анемонами и черными маками, а также аллеи плакучих ив и кипарисов. На ветвях деревьев сидели вороны, с явным неодобрением рассматривавшие парочку ступеньках одного из склепов. Обычно запечатанная заклетью дверь, была распахнута настежь и в нее был виден открытый саркофаг, устланный иссохшими ветвями кипариса.

— Через десять дней все равно начались бы поминальные дни, — произнес молодой человек, ласково погладив волосы девушки, — и ты смогла бы прийти сюда, когда все охранные заклятия сняты, вместе с семьей...

— Разве моя семья дала бы нам побыть вдвоем, — девушка упрямо вскинула голову, — что бы подумали родные, если бы я стала уделять особое внимание именно твоей могиле. К тому же через пять дней отец уезжает в Империю и берет меня с собой — хочет познакомить с сыном князя Секеи, которого он прочит мне в мужья. Кто знает, как долго бы мы еще не виделись? Поэтому я выкрала из комнаты отца фамильную книгу мертвых, оделась в наряд служанки... и пришла сюда.

— Я вижу, что мой род и по сей день не срамит своего имени, раз у меня родилась столь отважная правнучка, — рассмеялся молодой человек, привлекая девушку к себе и целуя алые губы. Свободной рукой он уже распускал завязки платья, обнажая цветущее молодое тело. Девушка также не оставалась безучастной — ее руки уже бесцеремонно сновали под тогой любовника, касаясь холодной, будто выточенной изо льда, плоти. Наконец, молодой человек, совершенно освободив девушку от остатков одежды, подхватил ее на руки и понес вглубь склепа. Одежания обоих девушка держала в руках, чтобы затем бросить на дно саркофага. Уложив свою любовницу на мягкую ткань, мертвец склонился над ней и девушка увидела, что его глаза в полумраке склепа светятся желтым. Однако это не отвратило ее — ее руки обвили шею любовника, привлекая его к себе, тогда пока мужчина целовал упругие груди, играя длинным языком с затвердевшими от холода сосками. Вот он спустился ниже, лаская дырочку пупка, потом опустился еще ниже, быстрыми дразнящими движениями касаясь влажных лепестков. Тело девушки выгнулось дугой, она, вскрикнув, впицась руками в черные волосы — и в тот же миг острые зубы пронзили нежную кожу с внутренней стороны бедра. Девушка корчилась и вскрикивала от пронзавшего ее невыносимо острого наслаждения, пока припавший к ее бедру мертвец с жадным чавканьем сосал кровь, смешанную с истекавшей из влагилица терпкой влагой.

С довольным стоном насытившийся вриколакс отвалился от девичьего тела, все еще

трепетавшего в истоме наслаждения. Поднявшись выше, мертвец поцеловал в губы любовницу, с наслаждением распробовавшую на вкус свою кровь и женские соки.

— Это было великолепно, — томно улыбнулась она.

— Я же говорила, что мы найдем ее тут! — послышался вдруг сзади насмешливый голос.

Девушка взвилась как ужаленная с ужасом смотря на появившуюся на входе парочку. Мужчину, — неприметного человечка, в неказистом серо-буром одеянии, — она не знала, но зато хорошо знала его спутницу — статную черноволосую женщину, в золотисто-черном одеянии. Она смотрела на девушку взглядом, в котором переплелись насмешка, презрение и отвращение.

— Благородная Каллиодора, младшая дочь дома Карос, — она покачала головой, — что бы сказал твой отец, увидев тебя здесь? А вы, благородный Кратиад — разве вы не знаете, в какие дни вам стоит возвращаться из Лимба?

— Кто ты такая, чтобы упрекать меня в собственном доме, — холодно ответил мужчина.

— Это семейное кладбище, — воскликнула девушка, — вам тут нечего делать.

— Ошибаешься, милая, — сказала женщина, — мне есть до этого дело куда большее, чем ты думаешь. Посмотрим, что скажет твой отец, когда я донесу до Совета, чем занимается его дочь. Вот это, — она ухватила лежащую на полу книгу, — я забираю с собой. Если твой отец хочет вернуть ее — пусть обращается в Храм Лаверны.

— Ты не смеешь! — Кратиад метнулся вперед, оскалив зубы, но Артемисия, выставив руку, прошептала заклятие — и молодой человек, отброшенный неведомой силой, со стоном рухнул в саркофаг. Легкий румянец, было тронувший его щеки, вновь уступил место мертвенной бледности. Девушка, побледневшая от злости, шагнула вперед — но ее остановил блеск стали в руках спутника жрицы. Та презрительно усмехнулась.

— Идем отсюда, — сказала она, выходя из склепа. Ее спутник поспешил за ней. Каллиодора обернулась на любовника, на лице которого лежала печать невероятной горечи.

— Что теперь будет? — дрожащим голосом спросила она. Мертвец покачал головой.

— Позор, позор всему роду, — сокрушенно произнес он, — а может, что и похуже.

Его слова прервал крик удивления и боли снаружи. Девушка выбежала из склепа — и увидела, что Артемисия лежит посреди аллеи, бессильно раскинув руки. На ее одеянии, чуть пониже правой груди, расплывалось большое алое пятно. Ее спутник, вытерев окровавленный кинжал, поднял выпавшую из ее рук книгу и пролистав, открыл почти в конце. Каллиодора поняла, что именно он читает и острый страх пронзил ее сердце.

— Нет! — крикнула она, но мужчина уже начал читать — длинную замысловатую литанию, которую не должен был знать никто не из рода Карос. Он читал — и с шипением таяли магические печати, рассеивались охранные заклятия и со всех сторон раздавался многоголосый вопль мертвых, возмущенных насильственным возвращением в свои тела. Одна за другой распахивались двери склепов и из них выходили покойники — мужчины и женщины, молодые и старые, — облаченные в богатые погребальные наряды, все они с гневом смотрели на чужака, осмелившегося пробудить их. Глаза мертвецов светились, как у волков, бледные губы раздвигались, обнажая острые клыки и пальцы с острыми когтями уже тянулись, чтобы растерзать дерзкого. Весь род Карос, во всей своей давней и славной истории, поднялся из Лимба, чтобы обрушиться на осквернителя, когда мужчина вдруг отбросил книгу и, скинув прежние одежды, оказался в ослепительно-белой накидке,

украшенной изображением золотого солнца с множеством лучей. На его пальце блеснул золотой перстень с печаткой в виде двойного стекла, между которым плескалась некая жидкость. Мужчина поднял руку к Черному Солнцу, выкрикнув несколько слов, и в тот же миг с его перстня ударили ослепительно яркие лучи, ослепившие подходивших к нему мертвецов. Ужасающие крики слились в один оглушительный вопль ярости и боли, когда тела предков рода Карос вдруг вспыхнули ярко-золотым пламенем. Одно за другим этот огонь пожирал мертвые тела, осыпавшиеся черным пеплом на порогах своих склепов. Мужчина, переводя лучи света с одного мертвеца на другого, торжествующе улыбался, слушая стенания душ, навсегда отлетающих в Лимб.

Вскоре все было кончено — все мертвецы превратились в пепел, рассыпанный по кладбищу. Мужчина, улыбнувшись, нагнулся за брошенной на камни книгой, но тут, вспомнив, что-то, обернулся к склепу Кратиада. Перед ним не было пепелища — и мужчина, мигом согнав с лица улыбку победителя, поспешно взбежал по ступенькам, торопясь закончить начатое. Однако, когда он вошел в склеп ни девушки, ни ее далекого предка уже не было в усыпальнице.

Лена проснулась от зябкого холода — уже началась местная осень и по ночам было довольно свежо. Зато ступни ее охватывала приятное тепло — это Звенко, свернувшись калачиком на краю постели, грел ее ноги своим телом. Лена, мимолетно умилившись от этой сцены, сладко потянулась и бесцеремонно пнула парня в бок.

— Подъем! — весело крикнула она, — хорош дрыхнуть, Звенко! Идем купаться!

Вода в здешних водопадах оказалась подстать утренней прохладе — Лена, привычная к подобным процедурам, еще терпела, зато парень, мывшийся до этого исключительно в сарлонских банях, покрылся «гусиной кожей» и мелко дрожал. Совершив положенные омовения, Лена накинула одеяние послушницы и, сопровождаемая стучавшим зубами от холода Звенко, вновь поднялась к себе.

— Приберешься в келье, соберешь осенние травы в нижних садах, — давала она инструкции застывшему в ожидании Звенко, — а ближе к вечеру, наловишь красной форели. Потом возьмешь блюдо и отнесешь к Круглому Пруду. Там вызовешь Кэт — помнишь как?

— Мне нужно пролить своей крови, — заученно сказал Звенко.

— Молодец, — Лена небрежно потрепала его по волосам, — за рыбу он обещала мне с десяток сиреневых жемчужин. Прольешь и сразу уходи — к тебе Кэт все равно не выйдет. Я вечером приду сама. Если все сделаешь как надо... можешь остаться на ночь.

Лицо Звенко озарилось столь неподдельной радостью, что Лена уже не первый раз задумалась, что же такого происходит в загоне рабов, что Звенко так не хочет туда возвращаться? Впрочем, эти мысли быстро вылетели у нее из головы — нужно было спешить на занятия, куда Лена и так почти опаздывала.

— Смотри, новенькая с нас глаз не сводит, — шепнула на завтраке Лене Мартильда. Лена проследила за взглядом соратницы и увидела сарлонскую послушницу. Поняв, что ее заметили, «Наташа Королева» притворно потупилась, однако успела послать заинтересованный взгляд из-под густых черных ресниц. Лена усмехнулась и махнула рукой, приглашая девушку к себе. Та не заставила себя долго ждать: ухватив свой поднос, она проворно уселась за стол к Лене и Марти.

— Тебя ведь Найдой зовут? — спросила Лена.

— Да, — кивнула девушка, — а ты Олена?

— Вопросы здесь задаю я, — усмехнулась Лена, — да, меня так зовут. Ты что-то хотела от меня или от Марти?

Найда настороженно осмотрелась, потом перегнулась через стол, — Лена невольно мазнула взглядом по натянувшим тонкую материю круглым грудям, — и шепнула.

— Я хочу к вам?

— Куда к нам? — приподняла бровь Лена.

— Ну, к вам, — замялась Найда, — в «Доминацию».

Придумывая название для новообразованного общества, Лена особо не заморачивалась, взяв самое яркое впечатление из своей прошлой жизни. Создание «Доминании» не то, чтобы скрывалось, но и не особо афишировалось, так что для новенькой такие познания были несколько необычны.

— Откуда ты знаешь про Доминацию? — спросила Лена.

— Подслушала как она, — сарлонка указала на Марти, — говорила с подругой.

Лена даже прибалдела от такой непосредственности.

— Подслушала, значит? — недобро усмехнулась она.

— Ну да, — жизнерадостно кивнула Найда, — я сначала в «Нерею» хотела — Вайорику же взяли, а мы с ней одновременно сюда явились. Но Икария сказала, что туда новичков не берут — как будто эта дракийка не новичок. А потом, когда я уже уходила, я слышала, как одна из ее подружек говорила, что-то вроде, что «как бы не свалила в ту же шайку, куда подалась Марти». Икария только отмахнулась, а я решила подслушать твою подружку.

— Мы об этом на людях не говорили, — Мартильда неприязненно взглянула на сарлонку, — и уж точно не стали бы болтать при тебе.

— Да, — радостно кивнула Найда, — но у меня есть кому слушать.

Она снова оглянулась и осторожно вытянула перед собой зажатую в кулак руку. Разжав ее, она продемонстрировала странное существо — размером с большого шмеля, покрытого черной шерстью и с полупрозрачными мушиными крыльшками. На Лену глянули большие фасеточные глаза и в тот же миг существо, словно вывернулось наизнанку. Вместо диковинной твари на девушек теперь смотрело большое мохнатое ухо.

— Эт-то что еще такое? — спросила Лена.

— Мой «дружка», — пояснила Найда, — домашний бес. Моя жрица-наставница его вызвала и подарила, прежде чем отправить сюда. Чтобы облечь его плотью мне пришлось дать пару капель крови, поэтому все, что он слышит и я слышутеже.

— Занятно, — Лена быстро переглянулась с Марти, — напомни, откуда ты?

— Из Вилоцка, — сказала Найда, вновь пряча в кулаке беса, — мой отец — двоюродный брат князя Сарлонского.

— Даже так? — вскинула бровь Лена, — кроме вызова этого беса ты что-то умеешь?

— Могу отводить глаза, правда, плохо. Умею заклинать мух и комаров, могу видеть и слышать русалок, знаю некоторые травы.

— Ясно, — кивнула Лена, — ну, что же, может, ты и не будешь путаться под ногами. Ты знаешь, что и в «Нерею» и в «Доминации» весьма... откровенные посвящения.

— Это ничего, — бодро заверила ее Найда, — дома мы с подругами часто играли в «Слизня и росянку».

— Я уже вижу, что мы сработаемся, — усмехнулась Лена. Про себя она подумала, что на посвящении Найде придется нелегко — и это правильно, нечего подслушивать. Но приобретение удачное — возможно, «Доминации» стоит присмотреться к другим новеньким — пока «Нерея», замкнувшись в своем снобизме, будет высокомерно отвергать тех, кто может оказаться весьма полезен.

— Ты общаешься с другими новенькими? — спросила Лена.

— Только с Темнозарой, — покачала головой Найда, — и немного с Вайорикой и другими дракийками. Эта, с востока, почти не говорит по-нашему, как и амдуатки, а некрийки и девамандки слишком задирают нос.

— Ты попробуй поговорить с ними еще, — сказала Лена, — может кого-то и получится привлечь. Считай, что это твое первое задание, еще до посвящения.

— Все сделаю, — с горящими от энтузиазма глазами кивнула Найда.

На этом разговор и закончился, как и завтрак. Начинались очередные занятия, проходившие в огромном зале, облицованном иссиня-черным камнем, на котором мерцали золотые и серебряные искорки. Здесь послушницам читали «звездоведение» — причудливую смесь теологии, астрономии и астрологии, одну из самых важных наук для будущих жриц.

Наверное, поэтому диаконесса Астерия, читавшая им сегодня, служила не подручным богиням, а самой Триморфе. Это была высокая женщина, с бледным красивым лицом, на котором неестественно ярко смотрелись алые губы и светящиеся серебристым светом светло-серые глаза. Копна столь же серебристых волос спускалась до самой талии. Волосы и лицо были единственными яркими пятнами в этой женщине, облаченной в просторный балахон такого же цвета, что и стены зала. Временами Астерия даже терялась на их фоне, растворяясь в царившем в зале полумраке, и тогда ее голос звучал одновременно отовсюду и ниоткуда.

— Звездное небо над нашей головой позволяет нам увидеть богов и богинь собственными глазами, — говорила Астерия, — Черное Солнце, коего в Тевмании почитают за высшего бога, есть лик Сабатиса, супруга Триморфы. Каждую ночь Псы Скилакагеты разрывают его на части, но наутро Триморфа воскрешает Сабатиса, чтобы даровать нам день. Однако сама она царит ночью — и тогда же светит нам ее грозный лик, Луна, Солнце Волков. Вновь и вновь озаряет она нас своим светом, каждый раз напоминая миру о величии и неодолимости богини.

Лена невольно зажмурилась от ударившего ей в глаза света — это на черном потолке вдруг появилась полная Луна, разом озарившая весь зал. В льющемся в зал призрачном свете фигура Астерии словно стала выше и стройнее, осененной, как нимбом, ореолом серебристых волос.

— Все богини находят свое воплощение в наднебесной выси, — продолжала Астерия, — все эти звезды не просто точки на небе, но огромные шары жидкого огня или же глыбы камня и льда, лишь иногда согреваемые изнутри внутренним огнем, подобным тем, что выплескиваются на поверхность во время извержений вулканов. На духовном же уровне — все это есть средоточия мощи богинь, направляющих их движения по небу, управляя тем самым судьбой всего сущего. Марга, красная планета, воплощает жажду крови Эмпусы, Вешгара, зеленая планета, воплощает сладострастие и плодородие Ламии, тогда как стремительная Геркурия, что быстрее всех проносится по ночному небу, воплощает хитроумие Лаверны. Из сочетания этих светил ткется и наша с вами судьба и ткань всего мироздания.

Словно подтверждая ее слова, над головами изумленных послушниц сменяли друг друга причудливые видения. Лене, как человеку знакомому с голливудской космофантастикой, были не так уж в диковинку разноцветные планеты со всеми их спутниками, кольцами и причудливыми очертаниями материков. Остальные же послушницы смотрели на все это разинув рот — даже такие, казалось бы, опытные как Икария и ее подручницы.

— Большое повторяет себя в малом, ничтожное — в великом, — продолжала Астерия. — Движение звезд повторяет все сущее в подлунном мире, но сами планеты есть лишь отражение грандиозных созвездий, находящихся в Великой Пустоте. В тех созвездиях не десятки, не сотни, но тысячи миров, подобных тем, что предстают сейчас перед нами. Звезда Большого Пса есть отражение великой Скиллы, а алая звезда Гуль, являет собой воплощение Стено. Что же до созвездий Плейоны, то через него на нас изливается на нас воля всех Семерых, объединенных волей Скилакагеты.

Над головами девушек вспыхивали вспыхивали звезды, окруженные огненными коронами и протуберанцами. Одни светила выглядели, как Черное Солнце — черный диск, окруженный белым ободком, другие же излучали зловещее багровое или фиолетовое свечение. Непроницаемым мраком зияли черные дыры, чертили огненные следы кометы.

Прекрасное, но и пугающее своей необъятностью зрелище, заставляло задуматься о ничтожестве человека перед ужасающим величием Бесконечности.

— Можно вопрос, — вдруг вскинула руку Лена, поймав удивленные и осуждающие взгляды послушниц. Астерия удивленно вскинула бровь, но все же кивнула.

— Эти звезды и миры, — начала послушница, — может ли в них на них быть жизнь, подобная нашей? Или какая-то иная, но все же жизнь?

— Хороший вопрос, — кивнула Астерия, — то о чем ты говоришь, есть предмет рассуждения многих великих умов — и в нашем Монастыре и в Брокгартском университете и в Великой Пирамиде Амдуата. В своем величии Триморфа может заселить те миры разными существами — есть несколько толстых трудов в которых расписано, как особенности того или иного мира, будь он населен, могут отразиться на понимании тамошними жителями наших божеств. Впрочем, это все лишь отвлеченные рассуждения, не имеющие практического применения — в отличие от того, чему я буду учить вас сейчас. Итак запоминайте: Вештара в доме Мантикоры означает...

Когда занятия закончились Лена украдкой выбравшись из монастыря спустилась в Нижние Сады. Прокравшись через заросли лиан, покрытых остро пахнущими цветами, девушка оказалась на краю круглого, словно чаша, озерца, укрывшегося меж густых зарослей. Над озерцом возвышался очередной склон горы, с вершины которой в озеро с шумом падал небольшой водопад. Здесь же стояло и то самое блюдо, со свежей, еще трепещущей под струями форелью — Звенко выполнил поручение Госпожи. Кэт запаздывала — что для нее было обычным делом. Лена, вздохнув, уселась у водопада и приготовилась ждать.

Негромкий плеск, явно отличающийся от звуков потоков водопада, заставил Лену бросить взгляд на озеро. В тот же миг она увидела увидев две расходящиеся полосы на воде, отмечающих приближение к ней под водой некоего крупного тела. Девушка едва успела отпрянуть к скале, когда из воды выметнулось нечто, щёлкнувшее исполинской пастью перед самым ее носом. Лена, наскоро сотворив заклинание, пустила шар тьмы в морду твари, но та, чавкнув пастью, просто пожрала его. Ничего другого Лена уже сделать не успевала — даже убежать тоже. Путь к отступлению ей преграждала исполинская тварь, напоминавшая черную ящерицу, метров пять в длину, но вместо чешуи у нее была бородавчатая слизистая кожа. В огромной пасти виднелись мелкие, но острые зубы. Лена, ухватив ближайший камень, швырнула его в тварь, но оно лишь разозлило чудовище. По ногам ударил огромный хвост и Лена, не удержавшись, рухнула прямо в воду, опрокидывая блюдо. На камнях забились рыбы, сверкая алой чешуей и соскальзывая в пруд. Чудовище же не обращало на них внимания — огромная пасть нависла над Леной, пахнув запахом гниющей рыбы и водорослей.

Отчаянный мяукающий вой вознесся над озерцом — и вылетевшее откуда-то сбоку гибкое тело, впилось когтями и зубами в слизистый бок. Черная тварь беспокойно задергалась, пытаясь сбросить неожиданного врага, но тот не отставал — более того, еще несколько подобных существ, выпрыгнуло из воды, царапая и кусая чудовище. Не выдержав этого напора, тварь развернулась обратно в озеро. Вскоре она, преследуемая Лениными спасителями, вынырнула у берега и шустро, несмотря на размеры, устремилась сквозь заросли. Спустя миг Лена услышала громкий плеск и поняла, что тварь нырнула в находившееся ярусом ниже, более крупное озеро.

— Ты как? — над Леной появилось лицо Кэт. Тут же рядом с ней появилось ее

потомство — водяные коты, столь вовремя явившиеся на помощь. Лена лишь слабо кивнула в ответ, чувствуя, как ее колотит крупная дрожь.

— Вот же мерзость, всю рыбу разбросала, — спросила Кэт, помогая Лене встать, — что это вообще за тварь?

— Не знаю, — покачала головой девушка, — но, похоже, она ждала здесь именно меня.

Испытание и награда

— Ты думаешь, что эта тварь ждала тебя? Чтобы убить?

В покоях, выложенных сине-фиолетовым мрамором, Кайра расспрашивала свою подопечную. Здесь же, стараясь держаться подальше от мерцавших темно-синим светом хрустальных шаров, стояла и Кэт. Узнав о нападении на Лену, Кайра сняла ее с занятий на весь день, закрыв в своих покоях, после чего отлучилась на некоторое время. Вернулась она уже с Кэт, после чего вновь приступила к расспросам.

— Я уверена! — уже, наверное, в десятый раз повторила Лена, — случайно эта тварь не забралась бы так высоко. К тому же в столь небольшом водоеме ей нечего жрать: форель Звенко ловил в Голубом ручье, а он метров на сто ниже Круглого пруда.

— А ты, — Кайра повернулась к Кэт, — видела уже ее в наших подземельях? Или в море?

— Я, конечно, не знаю всех здешних тварей, — пожала плечами Кэт, — особенно в море. Но я лично ничего такого не видела.

— Говоришь, она похожа на ящерицу?

— Скорей на огромного тритона, — пояснила Лена, — боюсь, теперь мне будет трудно заставлять себе приходиться к водопадам для омовений.

— Я не могу обещать, что такого больше не повторится, — усмехнулась Кайра, — но сейчас в прудах этого тритона-переростка уже нет. Есть способы выяснить быстро.

— И где тогда это чудище?

— А вот этого я не знаю, — покачала головой Кайра, — кто говоришь, мог знать, что ты пойдешь к Круглому пруду.

— Только Звенко, — пожала плечами Лена, — даже Кэт не знала куда ее вызовут.

— Значит, придется побеседовать с твоим рабом, — Кайра искоса глянула на поскучневшую Лену, — точнее моим. Если он к этому как-то причастен...

— Я так не думаю, — покачала головой Лена.

— Ты, похоже, слишком доверилась этому Звенко — недовольно протянула диаконесса, — мой тебе совет — не привязывайся к рабам больше чем они того заслуживают.

— Звенко не виноват, — упрямо мотнула головой Лена.

— Ты не можешь этого знать, — хмыкнула Кайра, — если он невиновен, то это скоро выяснится. И на твоём месте я бы особо не хорохорилась. Вокруг тебя с самого начала творится что-то непонятное и это, похоже, перетекает и в сам Монастырь. А если выяснится, что все это как-то связано с тем, что произошло в Карионе...

— А что там произошло? — спросила Лена.

— То, из-за чего, Саломея до сих пор не вернулась, — сказала Кайра, — и то, что может вылиться в, самое малое, гражданскую войну по всей Некрарии.

— Даже так?

— И это в лучшем случае. А теперь оставьте меня. Обе!

Она небрежно взмахнула рукой и девушки покинули покои.

— А ты и вправду беспокоишься за нее, — послышался из-за ее спины негромкий голос. Кайра, пожав плечами, откинулась на спинку кресла, сцепив тонкие пальцы на приподнятом колене.

— Есть вести из Брокгарта? — негромко спросила она.

— Есть, — произнесла Фебрия, — только сдается мне, они еще больше запутывают дело.

— То есть?

— Мой запрос в университет перенаправили.

— Куда?

— В тайную имперскую канцелярию, — произнесла Фебрия, — Кайра, что, пожри их всех Керберос, тут происходит?!

Ее ладони легли на плечи архдиаконессы, но та раздраженно сбросила руки бывшей подруги, резко вставая с кресла.

— Даже и не думай, — сказала она, — и займись, наконец, делом. У Монастыря есть связи с вашей охранкой — так что может и к лучшему, если все выйдет на этот уровень. Тебе, во всяком случае, это будет знакомо.

— Никак не можешь мне простить? — сказала Фебрия напряженно глядя в глаза лоркнийки. Кайра отвела взгляд.

— Займись этим рабом, — глухо сказала она, — если он связан с этим покушением, то мы должны выяснить это как можно скорее.

— Ты так волнуешься об этой девчонке, — фыркнула Фебрия, — может, она и вправду тебе нравится?

— Ею заинтересовалась сама Саломея, — сказала Кайра, — думаю, когда она вернется, то захочет узнать, как мы справлялись тут без нее. Так что ты уж постарайся.

— Наш разговор еще не закончен, — напомнила диаконесса.

— Как скажешь, — ответила Кайра, — но это потом. Сейчас есть дела поважнее.

С этими словами она вышла за дверь. Фебрия пожалала плечами и, шагнув к стене, словно слилась с ней, растворяясь в черно-фиолетовом камне. Вскоре покои опустели.

Звенко вновь дрожал — не только от холода, словно ледяными иглами, пронзавшими его обнаженное тело, — но и от страха. Вокруг высились изваяния каменных чудовищ, словно вышедших из ночных кошмаров: расправлявших крылья, скаливших острые зубы, тянувшиеся к нему когтистыми лапами. Никто не связывал раба — лучше любых пут его сковывал страх, волнами исходивший от окруживших его статуй. В неуместном приступе стыда пряча съездившиеся гениталии, скорчившийся у стены Звенко в ужасе смотрел на выросшую перед ним фигуру затянутую в черную кожу — словно одна из статуйожила и теперь, крадущимися движениями хищника, подходила к пленнику. Слепые бельма уставились в лицо Звенко и в тот же миг дрогнули алые губы, словно скороговорку выплюнув заклинание. В чашах из черепов, стоявших по бокам от молодого человека, вспыхнуло ярко-зеленое пламя, озарившее все вокруг призрачным светом. Над головой дрожащего пленника за клубился черный дым и из этого дыма вдруг высунулась рука — покрытая черной чешуей, с острыми когтями на толстых пальцах.

Фебрия, вставшая напротив пленника, хищно улыбнулась и, подняв собственную руку, и медленно опустила ее вниз. Повторяя ее движения, так сделала и соткавшаяся из дыма черная лапа — и Звенко ужасно закричал, когда когтистые пальцы, не встречая ни сопротивления, вошли в его голову, словно в воду. Его тело мелко затряслось, из прокушенной губы потекла струйка крови, пока Фебрия, скрючив пальцы, сосредоточенно шарила ими по воздуху, словно что-то ощупывая и разминая. Повторяя ее движения, точно также копалась в мозгу молодого человека и черная длань, выискивая все, что он мог утаить

от жестоких хозяек.

— Она же убивает его! — наблюдавшая за всем этим Лена кинулась на помощь, но стоявшая рядом Кайра с неожиданной силой ухватила ее за плечо, удерживая на месте.

— Ничего с ним не будет! И да, тебя совсем не волнует, что, возможно, он хотел тебя убить? Стой спокойно!

Лена повиновалась — хотя и сердце ее обливалось кровью от ужасных криков Звенко, от гримас мучительной боли, искажавших его лицо. Фебрия же, казалось, не замечала его страданий, целиком погруженная в свою жуткую работу.

— Ха! — выдохнула она, вскинув руку, зажатую в кулак. В тот же миг жуткая лапа вышла из головы Звенко. Тот обмяк и свалился на пол, все еще сотрясаемый судорогами. Черный дым над его головой заколебался и пропал, вместе с жуткой лапой.

— Это не он, — сказала Фебрия, поворачиваясь к Кайре и Лене, — у этого паренька есть всякие тайные мыслишки, но они никому, кроме него не опасны. К нападению на Лену он уж точно не причастен — он скорее отрубить себе руку, чем причинит ей вред. И, — она подошла к Лене, — он такое думает о тебе, что я сама возбудилась. Возможно, нам с тобой стоит свести более плотное знакомство.

Прильнув на миг к Лене, диаконессе задрала бесцеремонно задрала ей подол и погладила девушку по ягодицам. Поймав негодующий взгляд Кайры, Фебрия расхохоталась и вышла из комнату, пока сама Лена кинулась к начавшему приходить в себя Звенко.

— Я была права, — уже позже говорила Лена Кайре, — это не он.

— Не он, — кивнула диаконесса, — теперь мы выяснили это точно. И что? У тебя такой тон, будто я перед тобой в чем-то виновата.

Лена невольно отвела взгляд — в очередной раз знакомиться со змеиной плетью она не собиралась. Кайра, усмехнувшись, ухватила пальцами ее подбородок и вздернула ее голову, заставив взглянуть на себя.

— Во-первых, — сказала она, — твой Звенко — это мой раб, моя вещь. Я могу сделать с ним и не такое — и буду в своем праве.

— А что здесь нужно еще и во-вторых? — набравшись смелости, спросила Лена.

— Не умничай, — строго сказала Кайра, — и да, во-вторых, то же самое я бы сделала не только с рабом, но и с любым свободным — будь то храмовый страж, послушница или даже жрица. Даже диаконесса! Если предчувствие меня не обманывает и это покушение связано с тем, что происходит в Карионе, значит ставки куда выше, чем жизнь одного человека. Тем более жизнь раба.

Лена подавленно кивнула, осознавая правоту слов Кайры.

— Есть и в третьих, — лоркнийка отпустила подбородок Лены и неожиданно погладила ее по волосам, — мне бы не хотелось, чтобы тебя сожрала еще одна такая тварь.

Лена вскинула удивленный взгляд и Кайра, внезапно смутившись, отвернулась.

— Я понимаю, что у тебя были причины так поступить со Звенко, — сказала Лена, — но...он и так настрадался. Разве не будет справедливо, если его жизнь станет чуточку легче.

— Жалость не доведет тебя до добра, — поморщилась Кайра, — ладно, чего ты хочешь?

— Пусть больше его не отправляют в загон для рабов, — сказала Лена, — разреши ему жить в моей келье. И ему легче и мне удобнее — всегда под рукой.

Кайра с брезгливой жалостью глянула на Лену, но все же неохотно кивнула.

— Вот так тебе намного лучше!

Пальцы Лены щелкнули застежкой и она отступила, любуясь своим творением. Звенко

стоял перед ней совершенно голый, вымытый и выбритый, с кожей умащенной благовониями. Изрядно отросшие светлые волосы, спускались до плеч, также вымытые и расчесанные. Голубые глаза казались еще больше, подведенные выпрошенной у Кайры местной косметикой. Тонкую шею охватывал кожаный ошейник с золотой цепочкой и украшенный сиреневыми жемчужинами, мерцающими в свете горящих свечей. Толстый шнурок, посыпанный позолотой, туго перетягивал гениталии.

— Нравится? — Лена дала Звенко зеркальце и раб, внимательно рассмотрев себя, неуверенно кивнул в ответ.

— Отпразднуем твоё новоселье, — сказала Лена, ставя на столик возле кровати бутылку вина и блюдо с устрицами, — щас я буду тебя кормить. Ну-ка, открой рот.

Она поднесла к губам Звенко собственноручно открытую ею устрицу, выдавливая её содержимое в покорно подставленные губы. Лакомство раб запил вином, также поданным с рук Хозяйки. Та тоже отдавала должное сегодняшнему ужину, уминая устриц и запивая их вином.

— У меня есть для тебя ещё одно угощение, — наконец сказала Лена, откидываясь на кровать и задирая подол, — вот оно, твоё главное блюдо.

Звенко бухнулся на колени, сразу прильнув к истекающему влагой бутону. С тех самых пор как Звенко поступил в её распоряжение, Лена впервые позволила рабу делать ей куни и тот, весь истомившись в ожидании, немедля припал к её влагалищу. Лена, положив руку на его голову, негромко направляла раба, время от времени охаживая его плеткой, когда она считала, что раб недостаточно усерден. Впрочем, делать ей приходилось нечасто: некоторая неопытность Звенко, компенсировалось старательностью с какой он ласкал её влажное сокровище. Наконец, его старания увенчались успехом: Лена вскрикнула и, стиснув ноги вокруг головы раба, затряслась всем телом, изливаясь в рот Звенко. Когда она, наконец, разжала ноги, выпустив полузадушенного парня, он старательно подлизал все что осталось, доставив Лене ещё несколько минут удовольствия.

Уже позже Лена лежала на кровати, расслабленно ероша волосы стоявшего у изголовья Звенко и размышляя вслух.

— Кто-то все-таки узнал, что я буду у Круглого пруда вечером, — говорила она — но не пойму как. Мы же были только вдвоем — откуда бы кто-то мог знать.

— Может кто-то подслушал, — наморщив лоб, сказал раб, — не знаю как, но...

— Звенко ты гений! — обрадованно вскрикнула Лена, — и как я сразу не догадалась!

Она хищно улыбнулась.

— Кое-кто поспешил выдать мне все свои тайны!

Охота на охотников

Неказистая повозка тащи́лась по горной дороге, медленно подбираясь к перевалу. На козлах, лениво нахлестывая костлявую клячу, сидел черноволосый парень в кожаной безрукавке. В самой повозке, среди тыкв и баклажанов, лежал грузный мужик, заросший черной бородищей, уже посеребренной сединой. В руке мужчина держал глиняный кувшин с отбитым краем, то и дело прикладываясь к горлышку.

Неожиданно телега дернулась и остановилась, да так резко мужчина повалился на дно телеги, расплескивая по груди остро пахнувшее пойло.

— Ты чего, с ума съехал!?! — рявкнул он, — руки тебе бы выдернуть за такую езду!

— Смотри! — парень вытянул руку, показывая на что-то перед собой. Мужик, уже поднявшийся на ноги, проследил за его рукой, да так и застыл на месте.

Черное солнце уже клонилось к закату, озаряя горы своим тусклым светом. Но даже в этом свете было ясно видно, что дорога не пустовала: перед повозкой, прямо в дорожной пыли сидела женщина. Сквозь окутавшее ее всю черные волосы белело обнаженное девичье тело. Даже в сгущавшихся сумерках было видно, что эта девушка молода и красива, сильно отличаясь от женщин, что обычно видели мужики в своих деревнях. Саму повозку незнакомка, казалось, вовсе не замечала: обхватив руками стройные ноги и уткнувшись лбом в колени, она раскачивалась на месте, издавая нечто похожее на приглушенное рыдание.

— Это еще что за диво? — весело, но в то же время с опаской, произнес старший мужчина, — ты откуда взялась, красавица?

— Из благородных будет, дядька Таки, — хмыкнул парень, — может ехала из города, а кто-то из наших ее родных порешил, а саму приголубил как следует?

— Что-то я не вижу кого бы здесь порешили, — бегло оглянулся мужчина, — даже крови нет. Да и не бросили бы на дороге, того, кто в городе рассказать все может — сам знаешь, у благородных с нашим братом разговор короткий. Эй, девка, так и будешь молчать? Давай, говори: кто такая, откуда?

Девушка, словно только сейчас увидев мужчин, вскинула голову — и ошеломленный Таки увидел широченную улыбку на красивом лице. Он не успел даже удивиться, когда позади него послышался шелест кожаных крыльев и телега вдруг сильно качнулась под новым весом. Тут же мужчина почувствовал страшную боль, пронзившую его шею. Таки еще услышал крик племянника и ржание напуганной лошади, но в следующий миг его сознание провалилось во тьму, под чавканье неведомой твари жадно высасывавшей кровь.

Утащить с дороги двух крестьян для благородного Кратида не составляло особого труда — как и всякий восставший из мертвых он обладал нечеловеческой силой. Сейчас, в одной из пещер, усеявших здешние горы, горел костер, на котором поджаривались куски лошадиного мяса. Тут же сидела благородная Каллиодора, жадно обгладывавшая лошадиное ребро. Сидевший рядом с ней мужчина, выглядел менее голодным: легкий румянец на щеках и пунцово-красные губы ясно говорили, что он сыт сегодня. За стенами пещеры слышался вой и рычание — высосав кровь из обоих мужчин, Кратида выкинул их тела из пещеры на поживу волкам и шакалам.

— Скоро придется уходить и отсюда, — озабоченно сказал вриколакс, — еще немного и эти пропажи приметят. Не ровен час, еще явится кто-то из Храма.

— Я готова прятаться всю жизнь, — сказала Каллиодора, — лишь бы быть рядом с

тобой.

— Знаю, — лик вампира исказила гримаса сожаления, — но так не должно быть. Твое место — в доме твоего отца, а мое — на кладбище.

— Ты же помнишь, что случилось с кладбищем, — возразила девушка, — оно уже не может быть ничьим домом. Что же до меня...наверняка отец уже знает, что все это случилось по моей вине. Я украла нашу книгу и мне больше нет места в доме Карос, после такого. Отец будет вправе меня убить, если увидит — и я уверена, что он так и сделает.

— Не думаю, что он захочет еще больше ослаблять свой род, — пробормотал Кратиад.

— Напротив, он может даже усилить его, — возразила Кайра, — если принесет меня в жертву Мании, это частично, но возместит гибель кладбища. И я бы согласилась, если бы знала, что это приблизит меня к тебе, но в Лимбе мы уже никогда не будем вместе.

Кратиад мрачно кивнула в ответ.

— Мы можем вечно скитаться по лесам и горам, — продолжала Каллиодора, — тебе осталось сделать совсем немного. Всего один укус...в горло. Я готова отдать тебе всю себя, всю свою кровь — чтобы вечно быть вместе.

Она обнажила шею, подставляя ее мужчине, но тот поспешно отвернулся

— Не спеши, — сказал он, — и не думай, что это решит все. Став такой как я ты все равно будешь принадлежать Лимбу — и поверь, там знают как забрать свое даже с земли.

— Что бы это ни было, — сказала девушка, — я разделю с тобой любую участь.

Она потянулась к не-мертвому и тот, не в силах больше сдерживаться, припал к ее губам. Одежды оба не носили и два обнаженных тела сплелись в сладострастных объятьях. Каменные стены эхом отражали похотливые стоны, разносившиеся далеко за пределы пещеры...давая знать охотнику что он уже близок к цели.

Черное Солнце уже вставало над горами, когда уставшая Каллиодора, уснула на ворохе из сухой травы. Не нуждавшийся во сне Кратиад сел у входа в пещеру, невольно щурясь — его глаза были более чувствительны к тусклому свету черному светилу, чем у живых людей. Постоянное пребывание в их мире давалось ему нелегко — он уже чувствовал, как под кожей вновь растекается смертельный яд разложения, даже несмотря на выпитую недавно кровь двух человек. Чтобы окончательно восстановиться, ему нужно было вернуться в Лимб, оставив тело в безопасном месте — однако, после разрушения кладбища, такого места для него как раз и не было.

Странный звук, донесшийся из подступавших к самой скале зарослей, прервал его невеселые мысли. Неискушенному человеку было легко спутать эти звуки с обычным шумом пробуждающегося леса, но более тонкий, чем у людей, слух вриколакса, разом отличил посторонние шумы. Осторожно он потряс за плечо спавшую девушку.

— Что такое? — вскинулась Каллиодора.

— Надо уходить отсюда, — торопливо сказал Кратиад, — быстро.

— Почему? — ответила Каллиодора, но тут со стороны леса послышался треск ветвей и воинственные крики. К пещере бежало с пару десятков людей, одетых в разное живописное тряпье. В руках они сжимали заостренные колья, вилы и топоры, а несколько человек даже имели копыя и ржавые мечи.

— Оставайся здесь! — крикнул Кратиад, шагая вперед. Полы его, изрядно прохуdivшегося, плаща распахнулись и в небо взмыло крылатое создание, напоминающее исполинскую летучую мышь. Оскалив острые зубы Кратиад с устрашающим воем ринулся на людей. Те метнулись врассыпную, но вриколакс оказался быстрее: словно акула,

ворвавшаяся в косяк сельди, он сходу растерзал двух человек. Еще один мужик замахнулся на Кратиада топором, однако тот, с неуловимой быстротой ускользнул в сторону, и в следующий миг могучие челюсти отхватили крестьянину голову. Однако остальные нападавшие, опомнившись от первоначального испуга, вновь бросились на вриколакса, что есть сил пытаясь поразить его всем своим неказистым оружием.

— Каллиодора беги! — крикнул Кратиад, заметив вышедшую из пещеры девушку. В тот же миг сразу двое мужчин метнулись к правнучке вриколакса. Похоже, они пытались взять ее живьем — за что и поплатились: ловко увернувшись от одного из нападавших, девушка выхватила кинжал, по рукоять вонзив его в грудь крестьянина. В тот же миг девушка почувствовала, как что-то сильно дернуло ее за волосы — это второй мужик, ухватив беглянку, сбил ее с ног. Прижав к земле руку с ножом, он навалился сверху, задирая ей платье и жадно шаря заскорузлыми лапами по девичьему телу.

— Помоги!!! — крикнула Каллиодора.

Мужик расхохотался, дохнув смрадным дыханием, смешавшем вонь гнилых зубов, чеснока и перегара. Но глумливая улыбка пропала с его лица, его глаза выпучились, а изо рта, прямо в лицо Каллиодоры, плеснуло кровью. За его спиной тут же выросла черная фигура — Кратиад пришел на помощь правнучке-любовнице.

И в тот же миг его распахнутые крылья охватило золотистое пламя.

Каллиодора расширенными от ужаса глазами смотрела, как бьется на земле охваченный огнем возлюбленный. Она пыталась сбить огонь, но лишь обожгла руки и подпалила волосы. Она затравленно оглянулась — и увидела, как на одном из скальных обломков выросла фигура знакомого врага — мужчины в белом одеянии, украшенном золотым солнцем с множеством лучей. На пальце блестел золотой перстень, с которого били ослепительные лучи сжигавшие тело живого мертвеца.

И вдруг пламя погасло.

Торжествующая улыбка мужчины сменилась недоумением, он поднял взгляд к небу — и его лицо исказил страх при виде черной тучи, неведомо откуда взявшейся на доселе безоблачном небе. Туча закрыла солнце — и словно отсекала врага от источника его жуткой силы. Следом послышался громкий лай и из леса вырвались огромные псы с иссиня-черной шерстью и светящимися глазами. Несколько мужиков были мигом растерзаны огромными клыками, остальные с громкими криками устремились в бегство.

Мужчина с солнечным перстнем не смотрел на псов — вместо этого он полными ненависти глазами смотрел на выросшую на опушке леса стройную фигуру в черном одеянии и столь же черными волосами. Чело женщины венчала серебряная диадема в виде лунного серпа, украшенного семью рубинами. Фиолетовые глаза смотрели на мужчину в одеянии с солнцем. Тот же, судя по всему, не испытывал никаких иллюзий по поводу своей участи — сорвав с пальца перстень, он силой приложил его о камень, так что осколки стекла брызнули в разные стороны. Женщина что-то крикнула и сразу несколько псов, двигаясь огромными прыжками, кинулись к скале. Они запоздали совсем чуть-чуть — ухватив самый крупный осколок, мужчина вонзил его себе в шею, разом вскрыв артерию. Хлещущая струей кровь залила и камень и одежды мужчины и подскочивших к нему псов.

Вышедшая из лесу женщина, взбежала по скальным обломкам, однако мужчина уже был мертв. Незнакомка вполголоса выругалась, и, наклонившись, взяла что-то из складок одеяния. После этого она спустилась к молодым людям. Каллиодора тем временем изо всех сил пыталась облегчить боль своего возлюбленного, сдирая остатки одеяния, с покрытого

страшными ожогами тела. Лишь когда их спасительница, сопровождая сворой адских псов, встала над ними, девушка подняла к ней залитое слезами лицо.

— Знаешь, кто я? — спросила женщина у Каллиодоры.

— Да...благодарю...вы спасли нас архидиаконесса.

— Это точно, — усмехнулась Саломея, — не волнуйся твой предок скоро поправится.

Пусть только подкрепится кровью кого-то из этого мужичья — это поможет ему подлечиться и восстановить силы. Они ему понадобятся, когда мы отправимся в путь.

— Отправимся куда? — выдохнул обгоревшими губами Кратиат.

— Туда где вы оба будете в безопасности, — улыбнулась Саломея, — и где я смогу вам задать все вопросы — а у меня их очень много. Лишь после этого я верну Дому Карос вот это.

И она показала изумленно распахнувшей глаза Каллиодоре фамильную книгу мертвых.

Посвящение в анатомичке

— Так интересно, — Найда слишком старательно хлопала большими ресницами, чтобы это выглядело натурально — не думала, что мой путь в «Доминацию» начнется отсюда.

Место было и впрямь колоритным — что-то среднее между большим моргом и анатомическим театром. Вдоль облицованных белым мрамором стен зала тянулись столы, где под белыми, местами пропитанными кровью, саванами лежали трупы. На других столах, в стеклянных банках заполненных прозрачной жидкостью, плавали внутренние органы и конечности людей, а также младенцы-уроды и иные, не менее мерзкие диковины. Рядом лежали длинные стилеты, острые иглы, мотки суровых ниток. Именно здесь послушницы, под руководством служительниц Эмпусы, — клыкастые лики которой скалились со всех стен, — постигали тайны жизни и смерти. В холодном воздухе стоял удушливый запах мертвечины.

— Сюда ведь запрещено заходить? — шепотом спросила сарлонка.

— Конечно, — ответила Лена, — но именно в этом и состоит прелесть «Доминании» — принимать новых сестер в месте, что запретно.

— Понимаю, — кивнула Найда, — мы так в детстве пробирались тайком в часовню Набериуса. Ох и досталось бы нам, если бы поймали! А где остальные?

— Не спеши, — сказала Лена, — перед посвящением поговорим наедине.

Из сумки на поясе она достала хрустальный шар, поставив его на мраморный постамент между двумя столами. Шепнула несколько слов и тут вспыхнул призрачно-зеленый свет, превративший лицо Лены в мертвенно-бледную маску. Она улыбнулась и Найда невольно поежилась от этой ухмылки, похожей на хищный оскал.

— Здесь, — продолжала Лена, — я, наконец, смогу спросить — зачем ты отправила свою тварь подслушивать, о чем мы говорили со Звенко?

Найда соображала быстро: пунцово-алые губы выплюнули короткую команду и из рукава ее одеяния выпорхнуло крошечное существо, с быстротой молнии метнувшееся к лицу Лены. Та выкрикнула ответное заклинание — и соткавшийся перед ней шар тьмы объял незадачливого беса. Послышалось истошное верещание и черный сгусток взмыл к потолку, увлекая за собой мелкую тварь. Найда попятилась — Лена сама не заметила, как в ее руках оказался острый стилет, ухваченный со стола. Найда попыталась метнуться к двери, но Лена, ухватив ее за горло, качественно приложила сарлонку о стену. В следующий миг холодное лезвие скользнуло по щеке вероломной девки.

— Ну так что, — нетерпеливо сказала Лена, — кто тебе велел это сделать?

— Нннее, понимаю о чем ты, — выдавила Найда и Лена, вздохнув, снова приложила сарлонку о камень, так что у девушки лязгнули зубы.

— Значит, по-хорошему не хочешь, — хмыкнула Лена, — ну, я могу и по-плохому.

— Отпусти меня, ты, сумасшедшая!

— Все здесь немного такие, — усмехнулась Лена, — и ты в том числе. Я могла бы начать тебя резать на лоскуты, чтобы ты заговорила, но есть задумка поинтереснее.

Найда еще раз попыталась вырваться, но Лена еще раз стукнула ее о стену, да так, что оглушенная девушка бессильно сползла на пол. Оставив Найду приходить в себя, Лена достала из сумки небольшой сосуд из темно-синего стекла. Откупорив его, лидер «Доминании» влила по паре глотков в рты мертвецов, лежащих на соседних столиках и,

отступив, выкрикнула слова заклęcia. Уже очухавшаяся и кое-как поднявшаяся на ноги Найда, увидела как мертвецы, трясаясь словно в падучей, покрываются мерзкого вида стеблями и цветами, прораставшими сквозь мертвую плоть. Лена, произнеся еще несколько слов, громко хлопнула в ладони и два мертвеца, похожие на поросшие ползучими лианами бревна, сползли со своих лежанок и двинулись на обмершую от страха Найду. Покрытые мхом длани впились ей в плечи, прижимая к стене, и перед лицом сарлонки раскрылись оскаленные пасти, полные острых как иглы зубов, дышавшие запахом плесени и мертвецкой гнили. Найда жалобно заскулила и Лена торопливо заткнула ей рот ладонью — еще не хватало, чтобы явились жрицы.

— У меня осталось немного, — Лена покачала перед носом девушки сосудом, — как раз хватит, чтобы залить в твою лживую пасть. Сквозь живое оно прорастает также хорошо, как и сквозь мертвое — но трупу все равно, а вот ты будешь чувствовать все! Будешь совсем как эти двое — она кивнула на крепко державших Найду тварей.

Сарлонка, похоже, обладала достаточным воображением, чтобы представить свою участь: лицо ее стало блее мела, мало что не вылезшие из орбит глаза умоляющее уставились на Лену. Найда тряслась как осиновый лист и Лена, почуяв характерный запах, брезгливо отстранилась, глядя как стекают по стройным ногам струйки мочи.

— Ну что, — сказала Лена, убрав руку, — будешь говорить?

Найда торопливо закивала.

— Кто велел тебе это сделать? — спросила Лена.

— Икария, — выдавила Найда, — она сказала, что если мне удастся подслушать, то...

— То она примет тебя в «Нерею»? — спросила Лена.

— Да, но уже потом, — сказала Найда, — а пока я должна была вступить в «Доминацию». Чтобы следить за тобой...

— Следить за мной? — вскинула бровь Лена, — зачем? Если она в тот же день устроила покушение. Кстати, что это была за тварь?

— Покушение? — брови Найды взлетели вверх, — тварь?

— Опять дурочку строишь? — нахмурилась Лена — может все-таки напоить тебя зельем?

— Я...я правда не понимаю, — пролепетала сарлонка.

Лена от души залепила ей пощечину.

— Ты у меня допросишься! Икария хотела меня убить! Она натравила на меня чудовище, что чуть не сожрало меня у Круглого Пруда!

— Я ничего не знаю об этом, — заикаясь от страха, выдавила Найда, — мне она велела только узнать откуда ты берешь сиреневый жемчуг. А потом вступить в «Доминацию» и сообщать, что тут у вас происходит. Я ничего не знаю о покушении.

Странно, но у Лены создалось впечатление, что девушка ей не вралась — в таком состоянии послушница была просто неспособна говорить неправду. И все равно, прощать Найде двурушничество она не собиралась.

— Могла бы придумать и не столь жалкое вранье, — для подтверждения своих слов, Лена отвесила Найде еще одну пощечину, — думаешь, я поверю, что Икария стала бы подсылать ко мне шпионку, не желая при этом меня убить? И что ты ничего не знала?

— Это правда! — почти взвыла Найда, — я ничего не знаю ни про какие покушения. Речь шла только о жемчуге! И о «Доминании»!!!

Лена сделала вид, что задумалась, искоса поглядывая на трясущуюся от страха Найду,

поминутно оглядывающуюся на окруживших ее чудовищ.

— Может, ты и не врешь, — с деланным сомнением протянула она.

— Конечно не вру! — воскликнула Найда, — я...

Лена приложила палец к ее губам, заставив замолчать.

— Даже если ты и не знала про покушение, — веско сказала она, — ты все равно мне врала в глаза. Что там полагается за шпионаж по законам Империи?

Наполненные ужасом глаза взглянули на Лену.

— Пожалуйста, — всхлипнула Найда.

Лена махнула рукой, одновременно произнеся заклинание и заросшие травой мертвецы отошли в сторону, растворившись в полумраке зале. Лена придирчиво осмотрела стоявшую перед ней девушку и, удовлетворенно кивнув, бросила:

— Раздевайся!

— За...зачем?

Очередная пощечина заставила ее замолчать.

— Не зли меня, — сказала Лена.

Всхлипывая и бросая на попаданку испуганные взгляды, девушка начала стаскивать одеяние послушницы. Когда оно опало к ее ногам, Найда послушно положила руки на бедра. Лена с удовольствием рассматривала молочно-белую кожу, плоский живот, округлые холмы груди. Насмотревшись на девичью красу Лена начала раздеваться сама. Когда собственное одеяние упало на пол, она подошла к Найде так, что затвердевшие от холода соски не коснулись сосков сарлонки. Лицо девушек сблизилось настолько, что их отделяли какие-то несколько сантиметров.

— Я прощаю тебя, — шепнула Лена, — и даже позволю выполнить поручение Икарии.

— Как это?

— Я принимаю тебя в Доминацию, — сказала Лена и требовательным, хищным поцелуем впилась в губы Найды. Их языки сплелись и Найда невольно дернулась, когда белые как жемчуг зубы прокусили ее нижнюю губу. Издевательски улыбаясь, Лена отстранилась, вытирая со рта чужую кровь.

— Я приму тебя, — повторила она, — но клятву ты будешь приносить лично мне.

С этими словами Лена, вынув из сумки два липких комочка, втокнула один в рот Найде. Второй же она опустила себе между ног, старательно растирая вязкую массу по всей промежности. Затем она достала еще один комок, отличавшийся от прежнего цветом и формой. Эту вязкую желеобразную массу она растерла у себя по груди. Наконец, достав костяной нож, она проколола им оба соска, а затем сделала небольшой надрез на внутренней стороне бедра. Сделав все это, Лена уложила крепкую ладонь на затылок Найды, приближая ее к себе и смачно целуя в губы.

— Повторяй за мной, — сказала Лена, — отрекаюсь от первых слов, произнесенных матерью, ради благословенных уст Госпожи, что дарует новый смысл моей жизни.

Найда, послушно повторила, после чего Лена заставила ее опуститься ниже, прильнув к полной груди попаданки. От растертой мази исходил терпкий запах, горячивший кровь и туманивший сознание Найды, наполняя его сладострастными видениями.

— Отрекаюсь от молока, которым кормила меня мать, питаюсь от благословенной груди моей Госпожи.

— Отрекаюсь, — повторила Найда, слизывая с сосков Лены смесь ее крови и остро пахнущей мази. Когда она слизала все, Лена толкнула ее голову ниже — и Найда послушно

принялась целовать плоский живот, спускаясь к промежности. Сама Лена также опустилась на пол, облокотившись о стену и запустив руку в волосы сарлонки.

— Отрекаюсь от лона, породившего меня, — выдавила Найда, — чтобы родиться заново вечной служгой Госпожи Елены.

С этими словами Найда жадно впиалась в разошедшиеся, налитые кровью, половые губы, истступленно вылизывая истекавшую влагой щель. Смесь странной мази и женских выделений, дурманила ей голову, еще больше помутив рассудок, вызывая причудливые видения. Перед глазами Найды все будто плыло, странно искажаясь, представляя в необычном виде. В какой-то миг девушке показалось, что сжимавшие ее голову бедра Лены, вдруг чудовищно выросли, став подобными высоким холмам, меж которых истекала влагой пульсирующая пещера. Странно, но потоки солоноватой влаги словно текли внутрь исполинской вульвы, увлекая за собой ставшую вдруг очень маленькой Найду. А затем огромное влагалище превратилось в огромный рот с большими губами и высунувшийся оттуда раздвоенный язык, обвил Найду, увлекая ее в ритмично сокращавшуюся розоватую пещеру.

Найда очнулась на полу, тяжело дыша, словно собака в жару и корчившись в спазмах бессмысленной похоти, непрерывно лаская себя внизу. Все тело девушки покрывала влага собственных выделений и крови.

Над корчившейся в сладострастных судорогах Найдой нависла Лена, все еще не озаботившаяся прикрыть чем-то свое роскошное тело. В ее глазах читались одновременно насмешка и чувство собственного превосходства

— Лживая девка умерла, — с пафосом сказала она, — и родилась рабыня Найда.

— Да будет так, — выдохнула девушка. Лена поднесла голую ступню к губам сарлонки и та истово поцеловала ногу новой госпожи.

— Ты все поняла, что мне от тебя надо? — уже позже спросила Лена, когда обе девушки покинули место посвящения.

— Я сделаю, как ты сказала, — кивнула Найда, полными обожания глазами смотря на Лену, — Икария будет думать, что я шпионю за тобой в Доминании, а на самом деле я буду шпионить за ней для тебя.

— Умничка, — рассмеялась Лена, целуя девушку в губы, — а теперь ступай.

Свои слова она сопроводила увесистым шлепком по пышному заду и сарлонка, хихикнув, устремилась вперед по коридору. В тот же миг позади Лены послышались негромкие хлопки и, обернувшись, попаданка увидела прислонившуюся к стене Амолу, насмешливо глядевшую на свою подопечную.

— Что, думала, я не справлюсь сама? — с некоторым вызовом сказала Лена.

— Скорей никак не могла простить, что я так и не присоединилась к веселью, — оскалилась негритянка, — такая сочная сучка. Все прошло нормально?

— Более чем, — кивнула Лена, — твои снадобья сработали лучше некуда.

— Наши шаманки знают многое, — усмехнулась Амола, — и я многому у них научилась, а ты у меня. Смешать порошок зомби с приворотным зельем — это, положим, я делала и сама, но вот соединить еще его и с жидкостями своего тела.

— У меня тоже хорошие наставницы, — сказала Лена, — ты пришла похвалить меня за хорошую работу или попрекать тем, что я не дала тебе развлечься с этой шлюшкой?

— Я бы с удовольствием развлеклась сейчас с тобой, — рассмеялась Амола, — как плата за то, что я открыла тебе кой-какие секреты Матазулу. Но у меня сейчас нет времени:

только что в Монастырь вернулась Саломея и сразу же затребовала к себе Кайру. А она велела мне найти тебя и привести к ней.

Угрозы скрытые и явные

Амола проводила Лену в покои, где они впервые встретились с Саломеей — убранной черно-красными занавесями комнате. Архидиаконесса, в своем черно-бело-красном одеянии, сидела на троне под серебряной статуей Триморфы. У ее ног на этот раз сидел не пес — Лена несколько опешила при виде твари, напоминающей помесь свиньи и крокодила: с острыми клыками, бочкообразным туловищем, покрытым мелкой чешуей, когтистыми жирными лапами и длинным хвостом с зазубренным гребнем.

Кроме Саломеи в покоях находились также Кайра и Фебрия, в своих жреческих одеяниях, а также незнакомая девушка в черной тунике, с белым узором по подолу и серебряными серьгами в виде черепов. Она явно чувствовала себя здесь неуютно, опасаясь встретиться взглядом со жрицами — даже на Лену она смотрела с изрядной долей робости.

Сама Лена почти не смотрела на нее — ее внимание захватил большой гроб из черного дерева, стоявший на мраморном постаменте посреди комнаты. На этот же гроб с непонятым беспокойством посматривала и незнакомка.

— Спасибо, Амола, — кивнула Саломея, — останься, тебя это тоже касается..

Черная амазонка молча склонила голову. Саломея повернулась к попаданке.

— Знакомься, — она кивнула на девушку, — Каллиодора Карос, дочь Алкидиона Кароса, главы этого дома...и моя племянница.

— Очень приятно, — пробормотала Лена.

— Дом Карос недавно понес ужасающую утрату, — продолжила Саломея, — и эта катастрофа могла бы стать необратимой — если бы не тот, кто лежит в этом гробу. Виной этому бедствию — твои старые друзья.

— Как...какие друзья? — спросила Лена. Саломея усмехнулась.

— Сейчас тебе все расскажут. Но сначала, — архидиаконесса щелкнула пальцами, — я хочу познакомить тебя еще кое с кем.

Она произнесла несколько слов — и в тот же миг крышка стоявшего в покоях гроба отлетела в сторону. Ошарашенная Лена смотрела, как в гроб усаживается молодой человек в черно-красной тоге и серебряной диадемой с синим сапфиром. Лишь необычайная бледность и легкий, почти неуловимый, трупный запах, выдавали истинную природу этого существа. В остальном молодой человек мог быть воплощением эротических фантазий фанаток какого-нибудь готического аниме, может, даже Лены, соответствующий период ее жизни. Длинные черные волосы, большие синие глаза, утонченные, явно аристократические черты лица, которых почти не портили слабые, едва заметные следы недавних ожогов. Саломея протянула ему взятый с соседнего столика серебряный кубок и молодой человек жадно припал к нему, проливая на одежды темно-красную жидкость.

— Заметила сходство? — спросила Саломея и Лена, переведя взгляд на Каллиодору, согласно кивнула — схожесть черт выглядела очевидно.

— Вы брат и сестра? — спросила она. Все рассмеялись — в том числе и восставший из гроба, — и даже на лице девушки появилась слабая улыбка.

— Благородный Кратиад, — прадед Каллиодоры, — пояснила Саломея, — и он же — единственный кто сохранился в мире живых из всего родового кладбища дома Карос. Кратиад, Каллиодора — расскажите жрицам и послушнице все то, что вы говорили мне.

Со смесью страха и удивления, Лена слушала рассказ странной парочки — ко всему

прочему оказавшейся еще и любовниками, — обо всем, что происходило со времен событий на кладбище Карос и до встречи с Саломеей. Бросив беглый взгляд на Фебрию и Кайру послушница поняла, что диаконессы удивлены немногим меньше нее.

— С кладбища мы сбежали через Лимб, — рассказывал Кратиад, — но ни я в своем земном теле, ни тем более живая Дора не могли там долго находиться. Поэтому мы и вышли из него, как только представилась возможность — и оказались в горах Аркатии. Кто бы мог подумать, что этот выродок найдет нас и там.

— Вам повезло, что я вас нашла почти одновременно с ним, — усмехнулась Саломея, — второй раз он бы вас в Лимб не отпустил.

— Но кто, заведи его Ферсу, он такой!? — воскликнула Фебрия.

— Не знаю, — покачала головой Саломея, — после того как он покончил с собой, я пыталась вызвать душу, но... у меня не получилось.

Даже Лена испугалась при виде того как изменились лица всех ее трех собеседниц. Как она поняла их больше поразило даже не то, что у Саломеи что-то не получилось, а то, что она в этом призналась жрицам, стоявшим ниже нее в храмовой иерархии.

— Я поговорила с теми, кто пришел с ним, — продолжала архидиаконесса, — кой-кого удалось даже захватить живьем. Крестьяне рассказали, что этот человек пришел к ним в деревню, представившись странствующим магом. Он же сказал, что за умеренную плату поможет разобраться с парочкой вриколаксов, терроризирующих всю округу.

— Двух! — фыркнула Каллиодора, — хорош же он врать.

— Сложно его за это винить, — заметила Саломея, — ты как могла старалась не отстать от своего предка.

— Моя кровь, — самодовольно произнес Кратиад, — наш род.

— Думаю, он врал не только в этом, — заметила Кайра.

— Да, — кивнула Саломея, — никакой он не странствующий маг. Я вызвала из Лимба дух Артемисии и она мне рассказала все, что знала. По ее словам, этот незнакомец представился ей посланцем Деваманда, а если точнее — сатрапа Бархашира, дальнего родственника царя-бога. Кстати, послушница Фарсина, которую сожрали тельхины — его племянница, да и торговец Каскар был его человеком. Амола, дорогая, — обратилась она к амазонке, — твоя тоска по домашней пище порой дорого нам обходится.

Амазонка усмехнулась, оскалив подпиленные зубы.

— Среди прочего, он говорил, что ему нужна ты, — Саломея взглянула на Лену, — якобы это месть за Фарсину и Каскара. Но я думаю, что это вранье — наш злоумышленник, кем бы он ни был, личность более загадочная, чем обычный шпион Деваманда.

— Почему ты так думаешь? — спросила Кайра.

— Во-первых, это самое солнце, как символ, — сказала Саломея, — очень уж похоже на то, что рассказывала нам Лена об этом... как его.

— Толик, — кивнула попаданка, — думаете, это одна компашка?

— Уверена, — кивнула Саломея, — и наверняка их там больше, чем двое. Потом его колдовство — как я поняла, он как-то преломлял солнечные лучи через перстень с увеличительным стеклом. Я внимательно осмотрела то, что осталось от перстня — стекло самое обычное, но вот металл — золото с незнакомым сплавом. Так или иначе, перстень совмещенный с какими-то заклятиями, превращает лучи Черного Солнца в оружие, сжигающее тела живых мертвецов. Так и было уничтожено все кладбище Карос.

— Отец меня убьет, — сокрушенно покачала головой Каллиодора.

— Не волнуйся, — усмехнулась Саломея, — здесь тебе ничего не грозит. Я свяжусь с твоей матерью — к сестре-архидиаконессе она прислушается, а значит и твой отец тоже. Я верну Алкидиону вашу книгу мертвых — а также единственного предка, с которого семья Карос может начать восстановление родового кладбища.

— Но все же роду Карос нанесен серьезный урон, — заметила Фебрия.

— Как и роду Гелос, — напомнила Саломея, — они потеряли свою жрицу в храме Лаверны. Два дома — богатых, влиятельных...и очень друг друга не любящих. У обоих есть все основания обвинить друг друга в своих бедствиях. И тогда...

— Гражданская война, — закончила Кайра.

— Именно так, — кивнула Саломея, — повод более чем весомый. Другие дома не останутся в стороне — одни поддержат Каросов, а другие Гелосов. Думаю, во всем этом замешан и Деваманд — ему давно поперек горла сближение Некрарии с Империей. Я может, и сумею притушить конфликт, но это будет сложно — особенно, когда у нас появились новые враги, с пока еще непонятными мне целями.

— Может это все-таки агенты Деваманда? — спросила Фебрия.

— Не думаю, — покачала головой Саломея, — колдовство с солнечными лучами очень странное — никогда не слышала, чтобы девамандские жрецы практиковали что-то подобное. Впрочем, я свяжусь с нашими сестрами из Храма Лилиту — может они что-то знают. Пока же мне кажется, что девамандцев просто используют — также как использовали соперничество между Гелосами и Каросами. К тому же уничтожать родовые кладбища слишком подло даже для Деваманда.

— Да что такого в этих кладбищах, что вы переполошились? — не выдержала Лена, — нет, печально, конечно, но...

— Тебе, что не рассказывали? — вскинула бровь Саломея, — а ну да, это как бы все и так знают. В твоём же мире мертвые лежат смирно?

— Ну так, — осторожно протянула Лена, вспомнив Кэт, — большей частью.

— У нас все иначе, — покачала головой Саломея, — ты и сама, наверное, поняла. Те, кто правят Лимбом не особо приглядывают за своими подопечными и те могут восстать из могилы в любой момент. Правда, это возможно лишь если труп, в который может вселиться дух умершего, останется более-менее невредимым. А поскольку от неуспокоенных мертвецов всегда хватало проблем, их стараются уничтожить или хотя бы связать — есть много способов. Ты, может, видела знак Эмпусы на трупах в наших хранилищах — это отпугивает духов от вселений в свои тела.

Лена припомнила недавнюю «анатомичку» и странный символ, вырезанный прямо на коже трупов: что-то вроде стилизованной клыкастой пасти, точнее даже нескольких пастей, наложенных друг на друга, образуя неправильный многоугольник.

— Но для тех, кто способен должным образом ухаживать за могилами предков, — продолжала Саломея, — тех кто строит богатые склепы и усыпальницы, приносит кровавые жертвы как самим предкам, так и владыкам Лимба, кто обладает достаточным арсеналом фамильных заклинаний, талисманов и оберегов, — для них кладбище становится дополнительным источником могущества. Мертвые не покидают такие семьи совсем, навсегда исчезая в Лимбе, но как бы живут рядом, помогая своим потомкам.

— Только дано это не каждому, — подала голос Фебрия.

— Да, — кивнула Саломея, — в основном родовыми кладбищами владеет лишь знать. Это началось слишком давно и сейчас уже никто не помнит — аристократия стала

использовать кладбища, чтобы преумножить свои силы или как раз благодаря этим силам, эти семьи и стали считаться благородными.

— Некоторые зажиточные крестьяне или богатые купцы, тоже заводят себе такие кладбища, — дополнила Кайра, — но они куда скромнее, чем у знати. И сил дают меньше.

— Потому что родом не вышли, — усмехнулась архидиаконесса, — в семейных преданиях аристократов хватает историй о богах и демонах, что стояли у истоков той или иной фамилии. В Тевмании, например, дворяне уверяют, что ведут род от того или иного архонта, а самые знатные — так и вовсе от кого-то из Семерых. Императорская фамилия, например, считает, что их прародитель — сам Белиал. Схожие легенды хранят и великие дома Некрарии: есть предания об их происхождении от Ламии, Эмпусы и прочих.

— Мой народ происходит от мерков, — заметила Кайра, — причем наибольшая концентрация их крови как раз у знати. А мерки себя считали детьми Кнакера, Владыки Пучины.

— У вас родство прослеживается лучше, чем у других, — усмехнулась Саломея, — мало кто сомневается, что эти легенды, хотя бы частично правдивы, но слишком многое забылось за давностью лет. Со временем унаследованная от божеств кровь слабела, многократно растворяясь в смертной примеси и сейчас уже мало кто из аристократов демонстрирует божественные качества — хотя бывают исключения. Однако это у живых — а смерть во многом возвращает их к корням и мертвые сами становятся как полубоги. Чем древнее семья, тем больше у нее предков, приближенных к божественному прародителю, тем существеннее оказываемая ими помощь — и тем сильнее становится род.

— Теперь понятно отчего вы так перепугались, — воскликнула Лена, — уничтожение этого кладбища — это ведь сокрушительный удар по всей вашей системе.

— Не такой уж и сокрушительный, — поморщилась Саломея, — всего одна семья, да и все же один предок у нее остался. Вообще, нельзя сказать, что такого никогда не бывало, хотя это и считается одним из тягчайших преступлений. Существует негласный уговор между знатными семьями, действующий и в отношениях между государствами: даже при самых жестоких войнах стараться не трогать кладбища. Потому что стоит одному это сделать — и последует такой же ответ, а за ним еще, что в конечном итоге ослабит всех. Впрочем, желающих трогать кладбища найдется немного — мертвые умеют себя защищать.

— Вот только эти ребята с солнцем нашли способ обойти эту защиту, — заметила Кайра, — поэтому они и вызывают... некоторую обеспокоенность.

— Можно сказать и так, — кивнула Саломея, — но, что характерно, они еще явно равнодушны к Лене. Если мы узнаем, что им от нее надо — мы сможем лучше их понимать, а там — глядишь и сообразим, как с ними расправиться.

— Знать бы еще кто эти самые «они», — пожалала плечами Фебрия, — пока мы ничего о них не знаем. Если их не доищешься даже в Лимбе...

— Задача не из легких, — согласилась Саломея, — дело усложняет то, что все эти тайны наложились на наши внутренние игрища и враг умело использует эти противоречия. Уж на что Артемисия была опытной интриганкой, но ведь и она, в конце концов, позволила этому... «странствующему магу» заполучить книгу мертвых дома Карос.

— Что с ней будет? — спросила Каллиодора.

— На твоём месте я бы интересовалась собственной судьбой, — усмехнулась Саломея, — твой отец ведь и впрямь может принести тебя в жертву, чтобы положить начало новому кладбищу — его теперь придется восстанавливать несколько поколений. Ничего, раз

Кратиад цел — значит, он и станет основой возрождения.

— А что же я? — жалобно подала голос Каллиодора.

— Не позволю же я принести в жертву любимую племянницу, — усмехнулась Саломея, — в тебе кровь не только Каросов, но и Нерисов, моего дома. Но о Кратиаде забудь — единственное место, где я могу тебя приютить это Монастырь. Станешь очередной послушницей.

Каллиодора тяжело вздохнула, но возражать могущественной тетке не стала.

— А что будет со мной? — подала голос Лена, — ты говоришь, им нужна я.

— С тобой я еще не решила, — сказала Саломея, — многое пока непонятно. Не думаю, что здесь тебе что-то угрожает — Монастырь хорошо защищен от гостей извне.

— У Круглого Пруда мне показалось иначе, — буркнула Лена.

— Я знаю, — кивнула Саломея, — но, как я понимаю, это была случайность?

— Случайностью, как же, — фыркнула Лена, — не верю я в такие случаи. Тем более, когда Икария подсылает ко мне шпионок.

— О чем ты? — вскинула бровь Саломея и Лена, поколебавшись, выложила ей все, что узнала от Найды.

— Не впутывай меня в ваши дразги, — поморщилась Саломея, — я так понимаю, твоя новая подружка так и не признала, что это Икария задумала покушение?

— Нет, — неохотно ответила Лена.

— Значит, и говорить пока не о чем, — пожала плечами Саломея, — приходи, когда будут более серьезные доказательства. Икария — дочка Артемисии и самый вероятный претендент на ее место в карионском храме Лаверны. Пока она в Монастыре — у нас есть рычаги влияния на дом Гелос, чтобы удержать его и союзные ему дома от глупостей. С ними и без того много хлопот — я потому и вызвала только Кайру и Фебрию, что они не имеют отношения к змеиному кублу Некрарии. А ты учти еще вот что — если Икария умрет, у нас появится столько проблем, что мне уже будет не до того — жива и здорова некая послушница без роду и племени. Надеюсь, я ясно выразилась?

Сидевший у ее ног зверь широко зевнул, обнажая исполинские клыки и звучно клацнул пастью. Лена посмотрела на него, потом перевела взгляд на Саломею и неохотно кивнула.

— Так говоришь, она тебе поверила? — спросила Лена

Она сидела в тени статуи изображавшей могучего бородача оседлавшего чудище, напоминавшее помесь дельфина и акулы. В одной руке бородач держал трезубец, во второй огромную раковину. Из нее, также как и из пасти чудовища били струи морской воды — один из множества фонтанов, окруживших обширный бассейн, где отдыхали послушницы. Сбросив одежды, девушки беззаботно дурачились: с визгом ныряли со статуй, устраивали догонялки или играли во что-то вроде водного поло, используя деревянный шар, обтянутый кожей. Подобные состязания требовали не только неплохой физической формы, но и хорошего глазомера — пропущенный «мяч» мог кончиться, самое меньшее, фингалом под глазом, а то и свороченной челюстью.

Девушке постарше такими забавами не интересовались — смыв пот и пыль они разбились по стайкам, шушукавшимися между собой. Как-то сами собой образовались два полюса — одни послушницы старались держаться поближе к Икарии, другие терлись вокруг Лены. Ближе всех сидела Найда, преданно заглядывавшая в глаза главе «Доминации». Другие члены Лениной команды, особенно Марти, красноречиво поглядывали на новую фаворитку: Ленапока не собиралась им рассказывать, что Найда — «двойной агент».

— Я убедила ее, что втерлась к тебе в доверие, — самодовольно сказала Найда, — и рассказываю Икарии все как ты и говоришь.

— Молодец, — Лена небрежно потрепала ее по голове, бросая косые взгляды на упомянутую послушницу. Та же, старательно игнорируя соперницу, вполголоса беседовала с пышной красоткой с кудрявыми черными волосами и смуглой кожей. После того, как пропала Элия, послушница Дарина стала ближайшей соратницей Икарии и ее правой рукой в «Нерее». Чуть выше, присев у статуи рыбы из черного фарфора, сидела узкоглазая Йоко, затянутая в застегнутое под самым подбородком белое одеяние: обнажаться прилюдно ей мешали обычаи далекой родины. Время от времени Дарина перебрасывалась парой слов с чужеземкой, после чего возвращалась к разговору с Икарией.

— Не знала, что в Деваманде знают йамтийский, — заметила Лена.

— Дарина не из Деваманда, а из Имара, — пояснила Найда, — а у них через проли Ракшаратра. Многие в Имаре поклоняются Яммаре, богу смерти и, соответственно, знают ракшайский язык. Дарина, похоже, как раз из таких — я видела у нее цепочку с фигуркой многорукого бога. А Йамто — с другой стороны от Ракшаратры и купцы оттуда частые гости в Закатной Империи.

Лена кивнула, с невольным уважением посмотрев на Найду — основам здешней географии ее научили еще в Сарлонии. Лена еще раз посмотрела на Йоко — воплощенная невозмутимость, бесстрастная набеленная маска. Однако Лена не обманывалась этим спокойствием — она уже видела, как эта хрупкая девушка, во время учебного боя, ударом ноги выбила глаз здоровенному рабу, а потом пальцами вырвала ему кадык. Наверняка у нее имелись и другие умения — и не зря, видимо, Икария подбирается к ней, вновь нарушив правила собственного сестринства: не принимать новеньких.

«Но я ее все-таки обошла» — самодовольно подумала Лена еще раз взглянув на свое новое приобретение. Найда оказалась хорошей шпионкой, благодаря которой Лена же начала малость понимать свою соперницу. Конечно, Икария далеко не все доверяла своей

наушнице, — в частности, Найде пока не удалось ничего выяснить о причастности главы «Нереи» к покушению. Однако Лена не теряла надежды так или иначе вывести Икарию на чистую воду или хотя бы как следует сбить с нее спесь.

Одна мысль на эту тему как раз пришла в ее голову и Лена уже готова была поделиться ею, как вдруг обнаружила, что Найда уже смотрит не на хозяйку, а куда-то за ее плечо. На ее лице отразилось одновременно восхищенное и похотливое выражение — у сарлонки только что слюни не текли от вожделения. Досадливо поморщившись, Лена развернулась, уже зная, кого она увидит

От бассейна вверх по склону шли мраморные ступени, заканчивающиеся у входа в очередное храмовое здание. Сейчас же по этим ступеням спускалась Амола в сопровождении еще нескольких молодых женщин, — столь же высоких и мускулистых, как и сама негритянка. Лена признала в них Стражниц, соратниц Амола.

Найда смотрела на Амолу столь влюбленным взглядом, так что Лена даже приревновала свою рабыню. Когда сарлонку посвящали в «Доминацию», Лена, чувствуя угрызения совести, предоставила черной амазонке новую рабыню в единоличное пользование на всю ночь. Амола не преминула воспользоваться этой щедростью: Лена не вдавалась в подробности, что стражница вытворяла с Найдой, но подозревала, что использовались все те же тайны знахарок Матазулу, что позволили и ей самой поработить послушницу. Теперь рабыня делила свою верность между двумя хозяйками, что порой вызывало у Лены законное раздражение.

Сама же Амола даже не взглянув на сарлонку, встала на краю бассейна, окинув послушниц пренебрежительным взглядом.

— Радуйтесь, мокрощелки! — она плотоядно осклабилась, — завтра вы, наконец, прочувствуете, почему жриц Триморфы боятся мужчины от Фуркана до Иктлана. Поди надоело киснуть в Монастыре? Завтра вы все отправитесь с нами в Лунный Лес — ничто так не закаляет воительниц Скилакагеты, как Грязная Охота.

Оглушительный вой взорвал воздух и, из-под нависших над поляной ветвей, хлынула свора мохнатых чудовищ. Похотливо-злобные взгляды звериных глаз жадно шарили по телам девушек, сбившихся в центре поляны с оружием в руках.

— Держаться вместе! — крикнула Амола, — не давайте им разъединить вас!

Сразу два рогатых, козлоногих чудовища метнулось к ней, хищно скрючив когтистые пальцы. Взметнулась и опустилась дубинка, утыканная осколками камня, и оба сатира рухнули с разможжёнными головами. Однако чудовища не отступали — с рычанием, воем и оглушительным бляением мохнатые твари обрушились на послушниц. У них не было оружия, но зато имелось в избытке рогов и когтистых лап. Казалось, что вот-вот и лавина мохнатых тел сомнет, опрокинет, погребет под собой отчаянных амазонок.

Меч Лены рассек воздух и кинувшийся на нее сатир с оглушительным визгом повалился на землю, зажимая страшную рану из которой вываливались внутренности. Рядом с ней Дарина выпустила несколько шаров тьмы, окутавших ближайших к ней сатиров и те, ослепленные внезапным мраком, шарахнулись в разные стороны. Один из них в панике ринулся прямо на Амолу которая одним ударом снесла ему голову.

— Сдохни, тварь! — рявкнула Амола, — вперед! Загоним в Лимб козлиное отродье!

Лена, также захваченная яростью боя, невольно осклабилась, одним ударом разрубая череп очередной твари. Рядом билась златовласая Темнозара — ее клинки-акинаки летали с быстротой, за которой было невозможно уследить простому глазу. Метнувшиеся к ней два

косматых сатира почти сразу же рухнули на землю: первому акинак росковки пронзил глазницу, второму — выпустил кишки. Здесь же сражалась и Йоко — ее длинный узкий меч, порхая с невероятной быстротой, оставлял на земле разрубленные головы, выпущенные внутренности и разрубленные пополам тела. Не менее смертоносным оказалось и ее тело — вот очередной сатир, воспользовавшись, что йамтийский клинок на миг увяз в груди мертвой плоти, с воплем метнулся к девушке. Удар ногой в пах заставил тварь скорчиться на месте, а навстречу горлу уже летело ребро узкой ладони. На землю сатир упало уже мертвым. По бокам от Йоко пускали стрелы из луков Мартильда и Лукия, — еще одна девушка из «Нереи», сейчас отчаянно билась плечом к плечу с соперницами.

Толкаясь, мешая друг другу, то, кидаясь вперед то, пугливо отпрыгивая сатиры, пытались достать девушек, но всюду их встречали острые клинки. Последнее, что они видели в своей жизни был кровожадный кураж в глазах послушниц Триморфы. Иные, впрочем, не видели и этого — ослепленные шарами тьмы, они, отчаянно вопя, умирали во мраке, лишь чувствуя, как им выпускает кишки смертоносная сталь. Амола могла гордиться своими ученицами — ее уроки боя не прошли стороной. Впрочем, в этом мире знатные девушки могли получать навыки боя и в собственной семье — недаром ведь, каждая взяла на охоту то оружие, какое было в ходу на родине, благо в богатых арсеналах Монастыря хранилось оружие буквально со всего света.

В конце концов, сатиры дрогнули: испуганно бляя, мохнатая толпа устремилась в бегство. Передние обрушились на все еще напиравших сзади собратьев, мешающих им спастись. Паника, овладевшая рогатыми монстрами, подстегивалась и тем, что сзади их продолжали убивать. Огромными прыжками косматые рогачи убегали от беспощадных фурий, почуявших запах крови. Теперь уже они были охотницами, а это разбегающееся, блеющее, трусливое стадо — их добычей.

Впереди мчалась Амола: три преследуемых ею твари, видя, что не успевают скрыться в лесу, решили дать ей бой. Первому черная амазонка сразу размозжила голову, второму вонзила меч в живот, однако третье чудовище, — уже не сатир, а скорей минотавр, с бычьей головой и не уступавший ростом самой Амоле, — обрушился на нее всем телом, заставив выпустить меч из рук. Амола повалилась на землю, увлекая за собой рогатое чудовище. В поднявшейся пыли долго нельзя было разобрать, кто одерживает верх. Неожиданно раздался истошный рев и черная амазонка поднялась на ноги. Даже Лена, уже знавшая на что способна воительница, не верила своим глазам — удерживая тварь одной рукой за горло, а второй за гениталии Амолы, напрягая могучие мышцы, рывком вскинула над головой обнаглевшего бычару. С кровожадным рычанием негритянка вцепилась зубами в волосатое ухо, отрывая его напрочь, после чего, с нечеловеческой силой швырнула корчившееся тело на ближайшее дерево. С влажным хрустом переломился позвоночник и Амола, поставив ногу на поверженного противника, издала воинственный клич своего племени. Остальные девушки тоже смотрели на черную амазонку с благоговейным ужасом, как на неистовую богиню войны, явившуюся им на помощь. Что же до остальных сатиров, то лишь отдаленный треск ломающихся веток, знаменовал их паническое бегство. Только с десятков тяжело раненных тварей еще корчился на земле, со страхом и ненавистью смотря на подходивших к ним девушек.

— Вы знаете, что надо брать, — усмехнулась Амола, — шкуры их никому не нужны, а вот кое-что другое может пригодиться.

— Эти твари вроде наших саггатланов? — сказала Темнозара, — я видела, что привозят

иные охотники из восточных лесов. Все в Росковии знают, на что пригодны их тела — и здесь вряд ли дело обстоит иначе.

С этими словами она склонилась над ближайшим сатиrom, который даже с подрубленными сухожилиями, жалобно бляя, пытался отползти от девушки. Блеснула сталь и отчаянный вой чудовища сменился торжествующим криком, когда Темнозара выпрямилась, держа в руках мохнатые гениталии. Вся холодная отстраненность росковской боярышни куда-то исчезла — голубые глаза светились кровожадным огнем, золотые волосы растрепались, алые губы кривились в хищной улыбке. Лена усмехнувшись, присела над телом мертвого сатира, вырезая пахучие железы. Рядом с ней, Амола, достав из сумки на поясе что-то вроде ножовки, спиливала рога с черепа своей добычи. Следом она распилила и сам череп, вынимая мозг. Рядом с черной воительницей Йоко сноровисто потрошила свои жертвы, вырезая глазные яблоки, почки и селезенку. Все эти омерзительные трофеи будут доставлены в Монастырь, где пойдут на изготовление разных снадобий, амулетов и украшений.

Еще пару дней назад у Лены вызывала отвращение сама идея столь откровенной охоты на, пусть и примитивных, но, безусловно, разумных существ. Сейчас же, успев наслушаться и насмотреться на то, что творят сатиры в людских деревнях, — особенно с женщинами и юными мальчиками, — Лена уже не испытывала ни малейших угрызений совести касаясь своих сегодняшних действий.

— Пошевеливайтесь, — сказала Амола, — нам нужно успеть до рассвета.

Сказать это было проще, чем сделать — работы у девушек хватало. Грязная Охота полностью оправдывала свое название и поляна, где послушницы собирали трофеи, выглядела, мягко говоря, неприглядно: залитая кровью, заваленная расчлененными телами и теми органами, что послушницы сочли не заслуживающими внимания. Меж окружающих поляну высоких деревьев то и дело вспыхивали чьи-то глаза, под кронами сновали смутные тени. На ветвях деревьев тем временем рассаживались ночные птицы и еще какие-то странные существа, с крыльями летучих мышей и мордочками, больше всего напоминающими сморщенные лица злобных старух. Сегодня у всех ночных падальщиков Лунного Леса ожидался знатный пир.

Наконец, девушки собрались и, под водительством Амолы двинулись к протекавшей неподалеку речке, там, где их отряд разбил лагерь.

Речной ужас

— Для новеньких твои девчонки неплохо дрались.

Дарина, нарочито замедлив шаг, поравнялась с Леной. Попаданка бросила на нее косою взгляд, но все же кивнула — сложно открыто выказывать неприязнь к человеку, который только что прикрывал тебе спину в жестоком бою.

— Спасибо, — сказала она, — ты тоже.

— Для меня это не впервой, — усмехнулась Дарина, — я второй раз на Грязной Охоте. А для Икарии — даже третья. Но и ты хорошо держалась... для новенькой. Особо, впрочем, не задавайся — следующая добыча будет посерьезней.

— Я готова, — сказала Лена.

— Ну-ну, — улыбнулась Дарина — и на этот раз нахмурившаяся Лена услышала в ее голосе издевательские нотки. Она уже была готова ответить какой-то колкостью, но девушка уже отошла к Лукии. Лена проводила ее мрачным взглядом и подозвала к себе Марти.

— Смотри за ними в оба, — сказала она.

Темнозара и Йоко замыкали шествие, не общаясь с остальными, как и друг с другом. На лице «японки» по-прежнему ничего не отражалось, однако роскошка порой бросала на Лену странные взгляды, весьма нервующие попаданку — также как и появлявшаяся время от времени на губах златовласой красавицы странная улыбка.

Конечно, Лена предпочла бы видеть в команде соратниц по «Доминации», но, к сожалению, охотничьи отряды набирались по жребию. Хорошо еще, что Амола имела достаточно полномочий, чтобы закрепить за собой отряд, в который попала Лена — черная воительница неукоснительно следовала поручению Кайры, по возможности опекая ее подопечную. Так или иначе, было сформированы десять команд, отправившиеся в лесной массив, примерно в дне пути от Монастыря. Этот лес производил впечатление — особенно могучие деревья, похожие на кипарисы, но объемом стволов не уступавшие самым большим дубам. Под ногами стелился папоротник, по деревьям вился ползучий плющ и дикий виноград. Тут и там слышалось журчание ручьев и небольших речек, стекавших из расположенных далее к северу невысоких гор.

Из этих гор и явились сатиры. Обычно козлоногие твари, жившие поодиночке или небольшими стадами, доставляли немного хлопот. Но проблема была в том, что у сатиров не имелось собственных самок — это неудобство они возмещали совокуплениями с козами или с человеческими женщинами, неизменно дававшими рогатое и косматое потомство. Обычно, сатиры обходились козами или же уворованными женщинами, а порой даже теми, что сходились с ними по доброй воле — считалось, что понести от сатира угодно иным лесным богам. Однако весной у козлоногих что-то переменяло — и сатиры, с примыкавшими к ним минотаврами, сбивались в огромные стада, разорявшими деревни, сопровождая это многочисленными убийствами и изнасилованиями. В этот раз подобное нашествие пришлось недалеко от Монастыря — поэтому жрицы-наставницы и решили убить сразу нескольких зайцев: как следует проредить неуправляемое похотливое стадо, проверить навыки своих подопечных и разжиться нужными ингредиентами.

Лес, тем временем, кончился и девушки вышли к широкой реке. На одном ее берегу вздымалась стена леса, на другом тянулась гряда острых скал. В нескольких местах они прерывалась ущельями, из которых вытекали быстрые ручьи. Напротив же и расположился

лагерь — разбитый на небольшом мысу, выдающемся в реку и огражденным кольями. На них торчали трофеи — головы сатиров и минотавров, рядом на воткнутых в землю шестах были растянуты шкуры добытых на охоте зверей: несколько волков, парочка медведей, даже один лев. Здесь же лежала и освежеванная туша рогатого вепря. Далее виднелось несколько шатров из конских шкур, меж которых слабо дымился потухший костер. Рядом с ним лежали, положив на лапы острые морды, огромные черные псы. В сегодняшнем бою они бы, конечно, пригодились, но Амола оставила их на охране — в пылу битвы эти звери могли изрядно попортить охотничьи трофеи послушниц Скилакагеты. Не по-собачьи смысленные, псы, владеющие, судя по обмолвкам Амола, зачатками некоей магии, были непревзойденными стражами, на которых вполне можно было оставить лагерь.

— Особо не расслабляйтесь! — предупредила Амола, — много времени для отдыха у вас не будет. Нашу главную добычу мы возьмем прямо здесь!

И в этот миг взошло Черное Солнце.

Как уже знала Лена, от здешних деревьев поднимались некие испарения, делавшие воздух над чащей необычайно прозрачным — так что даже днем всегда было видно Луну. Здесь она почему-то выглядела всегда полной: окрашенная в странный зеленоватый цвет, Луна сияла почти столь же сильно, как и дневное светило. Создавалось впечатление, что над Лесом светят два солнца — одно черное, другое зеленое, — вместе озарявшие окрестности на редкость причудливым сиянием. Именно поэтому лес получил свое название и потому же он считался особенно священным для жриц Триморфы. Отсюда и свирепая расправа с сатирами — воплощавшие мужское начало в его самом неприглядном варианте, они оскверняли священное место самим своим присутствием.

Однако и «эндемичная фауна» Лунного Леса являлась не менее опасной.

Девушки едва успели уложить трофеи, когда с противоположного берега послышалось громкое шипение и что-то огромное вынырнуло из самого большого ущелья. Блеснула красная как кровь, чешуя и огромная змея рухнула в реку. Спустя миг над водой поднялась треугольная голова, увенчанная высоким гребнем. Из зубастой пасти снова вырвалось шипение и тварь, извиваясь всем телом, устремила к послушницам.

— Приготовьтесь! — крикнула Амола, — сейчас начнется!

Не доплыв до берега метров десять, змея нырнула. Послушницы, сжимая в руках оружие, встревожено переглядывались

— Испугалась? — неуверенно спросила Марти.

Словно в ответ ей послышалось громкий плеск — и в тот же миг из воды взметнулось ярко-красное тело. Оказавшийся слишком близко пес был схвачен зубастой пастью и тут же перекушен пополам. Остальные собаки, не растерявшись, с громким лаем кинулись на водяного гада, огромными клыками разрывая плотную чешую. Немедля на помощь своим стражам кинулись и девушки.

Лена успела первой, опередив даже Амолу — с отчаянным криком, она рубанула тварь мечом и тут же отскочила, когда оскаленная пасть метнулась к ней. В попытке достать наглую послушницу, тварь неосмотрительно подставилась — и подскочившие Темнозара и Дарина, с двух сторон обрушили клинки на чешуйчатую шею. Отрубленная голова, злобно клацая пастью, упала на землю — и хлещущая из нее кровь, словно застыла, затем вытянулась, на глазах покрываясь блестящими чешуйками. Миг — и еще одна огромная змея извивалась на песке, бросаясь на метавшихся вокруг нее девушек и громко лающих собак. У первой же змеи на месте обрубка тут же выросла новая голова — и уже две ползучие твари,

громко шипя, атаковали врагов. Еще несколько клинков обрушились на змею, разрубив ее на несколько частей — и каждый обрубок превратился в отдельную извивающуюся тварь. Одну из них сгоряча тоже порубили на куски — и они тоже сразу превратились в огромных змей.

— Не рубите им головы! — крикнула Амола, — мозжите их!

Сама она тут же подала пример, ударом палицы расколотив голову ближайшей твари. На счастье берег усеивали скальные обломки и Лена, ухватив один из них, размозжила голову кинувшейся на нее змее. Вслед за ней и остальные послушницы принялись хватать палки и камни. Помогали и псы — вгрызаясь в тела чудовищ, они сковывали их движения, пока жрицы разбивали им головы. В воздухе возникали шары тьмы, окутывавшие головы змей, начинавших бестолково метаться на песке.

Нескольких собак змеи все же растерзали в клочья. Не остались без потерь и послушницы — Марти, в азарте боя, не заметила, как очередной обрубок превратился в живого гада прямо под ее ногами. Острые зубы впились ей в лодыжку. Подоспевшие псы разорвали змею в клочья, а Лена, ухватив большой камень, что есть силы опустила его на змеиную голову все еще висевшую на ноге тюргонки.

— Ай! — крикнула Марти, — больно же!

— Заживет! — усмехнулась Лена, бросаясь к новой твари. Меж тем Амола, размахивая палицей, прорвалась к самой крупной змее. Кроваво-красная молния метнулась к негритянке, но Амола, виртуозно уклонившись, швырнула в змею, нечто вроде сети, увешанной свинцовыми грузиками. Эта ловушка, обмотав змее голову, заставила ее опасть на землю, где стражница прикончила гадину своей дубиной. Другие твари, оставшись без жоака, с громким шипением устремились обратно в реку.

— Марти, ты в порядке? — Лена кинулась к девушке, что сидела на песке, зажимая пораненную лодыжку. Через силу тюргонка улыбнулась Лене, хотя ее лицо уже покрывала смертельная бледность. Лена чуть ли не силой оторвала ее руку от места укуса и увидела на белой коже высыпавшие, словно сыпь, алые чешуйки.

— Яд будет действовать пока жив хоть один из гадов, — сказала Амола, — придется отправиться на тот берег и завершить охоту. Это не обсуждается, — строго добавила она, заметив недовольные взгляды послушниц, — на охоте мы все стоим друг за друга

Задержались ненадолго — лишь на то время, понадобившееся, чтобы собрать в одну кучу убитых змей. Амола принялась сдирать с них кожу — по словам стражницы, поделки из нее весьма ценились в Никтополе. Также она разрешила Марти ногу в месте укуса и, слив, сколько могла, отравленной крови, в небольшую склянку.

— Это единственный способ сейчас достать яд гидры, — ответила амазонка на молчаливый вопрос Лены, — по-хорошему надо бы захватить одну из змей живой, но теперь уже не получится. Чтобы твоя подруга не превратилась в чудовище, нужно перебить их всех.

Сама Амола осталась присматривать за Марти, пока остальные девушки начали переправляться через реку по давно примеченному броду. Поскольку змеи расползлись по разным ущельям, послушницы в охотничьем азарте разбежались по скальному лабиринту, быстро потеряв друг друга из виду.

Лена двинулась вверх по течению одного из ручьев, осторожно ступая по скользким камням и внимательно всматриваясь — не мелькнет ли знакомая алая чешуя. Мысли о Марти, пораженной неведомой хворью, придавали девушке мотивации — все-таки тюргонка была ее первой сподвижницей и попаданка успела к ней привязаться.

Змея нашлась примерно через полчаса — в виде полупереваренных, явно отрыгнутых

останков. Предварительно чьи-то могучие челюсти разжевали, буквально размололи, голову твари, лишив ее всяческих возможностей к возрождению. Переливчатая красная шкурка была сильно испорчена, однако Лена, преодолевая брезгливость, все же уложила останки гада в ременную сумку. Сделав это, она уже собиралась поискать дорогу обратно — благо все ручьи текли в одном направлении, — когда внимание попаданки привлек странный плеск и еще более странный звук, донесшийся из бокового прохода. Стиснув пальцы на рукояти меча, Лена осторожно двинулась на звук.

Проход, которым шла девушка, закончился возле небольшого озерца, скорей даже исполинской лужи, куда сразу с трех сторон стекали очередные ручьи. И в их струях, мелодично напевая что-то на незнакомом языке, нежились, облокотившись на поросший водорослями камень и зажмурив глаза от удовольствия, совершенно голая Йоко. Лена впервые увидела ее такой и невольно засмотрелась, как вода стекает по худеньким плечам и маленькой острой груди, наполняя ямочку пупка и струясь по длинным ногам.

Было что-то в этой сцене что-то необъяснимо притягательное, но в то же время и донельзя неправильное и эта неправильность пугала — прежде всего, тем, что Лена не могла ее себе объяснить. Даже с учетом своей обычной отстраненности Йоко вела себя странно — и это внушало невольный трепет.

— Йоко? — с невольной робостью прошептала Лена, но тут девушка перевернулась на другой бок и попаданка вскрикнула от неожиданной догадки.

На смуглой коже, прямо на четко проступавших ребрами, тянулись длинные шрамы... *те, которые могли бы оставить острые кошачьи когти.*

В тот же миг Йоко открыла глаза — и Лена невольно шарахнулась, увидев выпуклые, как у огромной лягушки, черные гляделки. Распахнулся стремительно разраставшийся рот, ощеренный мелкими острыми зубами, мелькнул и исчез черно-красный язык.

— Твою жешь мать! — только и успела выдавить Лена, ошеломленно смотря на существо, доселе ей известное как Йоко, послушница из Империи Йамто. Секундная оторопь чуть не стоила ей жизни, когда мерзкое создание, меняясь на ходу, ринулось к Лене. Та вскинула меч, но уже понимала, что не успевает занести его — огромная, иссиня-черная саламандра, распахнув огромную пасть, готовилась сожрать девушку.

Внезапно раздался громкий крик и чья-то гибкая фигурка, с развевающимися золотыми волосами, прыгнула со скалы на спину твари. Блеснули два клинка и чудовище взвыло, когда из глубоких ран ударило фонтаны дурно пахнущей крови. Тварь развернулась, пытаясь ухватить пастью нового врага, но тут уже Лена, ухватив меч поудобнее, вонзила его в глотку чудовища. Вонючий поток окропил ее с ног до головы, но девушка продолжала колоть и рубить, увертываясь от пасти и длинного хвоста, молотившего по черным скалам. Меж тем неожиданная помощница, опасно балансируя на скользкой коже, вонзила клинок в один из выпученных глаз. От боли тварь забилась с такой силой, что девушка все же не удержалась, плюхнувшись в озеро. Чудовище шустро развернулось к ней, готовясь сожрать, но, поворачиваясь среди камней, на миг показало белое брюхо.

Да сдохни же ты, наконец, гребаная сука!!! — с этим криком Лена по рукоять вогнала меч в живот саламандры. В следующий миг она упала на камни и прокатилась в сторону, увертываясь от конвульсий бившегося в агонии чудовища.

Когда дергания твари затихли, Лена подошла к своей неожиданной спасительнице и, протянув руку, помогла ей подняться.

— Спасибо, — сказала она, — без тебя меня бы сожрали.

— Пустяки, — усмехнулась Темнозара, откидывая прядь волос и морщась от боли в боку, — разве земляки не должны помогать друг другу? — она рассмеялась, глядя на миглом насторожившуюся Лену, — не бойся, я никому не скажу, что ты ни с какого не Залесья.

— С чего ты это взяла? — спросила Лена, — Пятиградье далекоовато от Залесья.

— Младшая жена моего отца оттуда, — пояснила Темнозара, — так что я знаю, как выглядят и ведут себя залесцы. Ты на них совсем не похожа. Да и ругательства, что ты сейчас кричала — этот язык похож, но все же не наш.

— В любом случае, — медленно произнесла Лена, — я у тебя в долгу.

— Обсудим это, когда вернемся в Монастырь, — рассмеялась Темнозара, — а сейчас давай возвращаться. Может, заодно, ты объяснишь мне, что это за тварь.

— Если бы я знала, — задумчиво произнесла Лена, смотря на издыхавшую саламандру, ожидая, что она вот-вот превратится в мертвую Йоко. Однако этого не происходило и девушка, пожав плечами, двинулась за новой подругой. Тревога, подспудно глодавшая ее сейчас, несколько рассеялась, когда, вернувшись в лагерь, Лена увидела, развешенных на щитах нескольких новых змей, а также махавшую ей рукой все еще бледную, хромавшую, но уже бодрую и веселую Марти. Рядом стояла Амола, покровительственно положившая руку на плечо тюргонки и одобрительно смотря на возвращавшихся девушек.

Последнее предупреждение

— Значит, вот ЭТО пыталось тебя убить?

Архидиаконесса Саломея подошла к туше огромной саламандры, словно не замечая омерзительного смрада. Разложение уже тронуло труп твари — как-никак, на то, чтобы доставить ее в Монастырь ушло почти три дня. Могло бы уйти куда больше, если бы Амола, едва узнав о том, что произошло в горах, не велела девушкам немедленно начать вывоз главного трофея охоты.

Черная амазонка строго-настрого запретила Лене рассказывать, что в саламандру превратилась Йоко — известие о том, что под видом послушницы среди них ходило неведомое чудище могло выбить из колеи даже столь смелых девушек. Лена быстро поняла, сколь уместен был этот приказ — Темнозара, явившаяся на помощь, когда Йоко уже обернулась в саламандру и не видевшая самого превращения, побелела как смерть, узнав, что помогла убить ту, кого считала одной из соратниц. Приказав ей молчать, Амола велела объявить, что Йоко сожрало подобное же чудище. В это объяснение более-менее поверили, но все равно девушки изрядно намучились, едва дотацив тварь до лагеря. После Амола послала гонцов вниз по реке, в находившуюся там деревню. Туда, к тому времени, пришел еще один охотничий отряд. Конфисковав у местных несколько лодок, послушницы доставили необычный трофей в Никтополь. Саломея, уже знавшая о том, что случилось, выслала навстречу несколько краснокожих тварей, что помогли отнести мертвую, уже изрядно завонявшуюся, падаль в очередную здешнюю «анатомичку».

Лена, поднявшаяся в свою келью, едва успела привести себя в порядок, когда ее вызвали к архидиаконессе. В покоях Саломеи также явились Амола и Кайра.

— Все еще не представляю, чем ты насолела нашим общим друзьям, — усмехнулась архидиаконесса, — но взялись они за тебя крепко.

— Так что это за тварь!? — спросила Лена.

— Исполинская саламандра, — пояснила Саломея, — такие твари обитают в горных реках Йамто. Не такие большие, правда, ну так, на то оно и оборотень.

— Йоко превращалась в эту саламандру? — спросила Кайра, — тогда почему она не превратилась обратно после смерти?

— Потому что на востоке все не так как здесь, — усмехнулась архидиаконесса, — это у нас оборотень — это человек, который превращается в зверя. А в Йамто и прочих восточных государствах животные превращаются в людей.

— То есть, — ошеломленно спросила Лена, — это с самого начала была эта тварь? Но она была среди нас, говорила, вела себя как человек...ну такой, правда, странный.

— Да уж, они умеют маскироваться, — хмыкнула Саломея.

— Она же не могла прийти сама, — заметила Кайра, — как же тогда...

— Я же сказала, — ее сюда протащили те же ребята, что разорили кладбище и охотятся за тобой. С помощью Артемисии — это она написала рекомендательное письмо Лактении, с просьбой пристроить Йоко в Монастырь. Тут есть и моя вина — когда я вызывала дух Артемисии, то не спрашивала, засылала ли она к нам шпионов — я просто не могла представить, что верховная жрица Карионского Храма зашла столь так далеко. Мертвые не могут лгать, но они могут о чем-то умалчивать — и эта сука воспользовалась этим. Конечно, я ее вызвала ее дух снова и спросила напрямую — и Артемисия рассказала мне все. Они

охотились за Леной — и поэтому прислали за ней эту тварь. Сначала она хотела тебя убить здесь, но после того, как тебя отбила эта мертвая девушка, тварь залегла на дно, в ожидании более удобного момента. И дождалась — на Грязной Охоте.

— А почему она полезла в ручей? — спросила Кайра, — вместо охоты за Леной.

— После того, как кошки мертвой девушки попортили ей шкуру, — пояснила Саломея, — Йоко избегала появляться перед другими обнаженной. Значит, и купаться ей приходилось с большей осторожностью — Амола говорила, что она даже возле фонтанов сидела одетой. А это все-таки водная тварь и на суше она страдала — поэтому, как только она попала в среду, где она привыкла жить, так, не сдержавшись, полезла в эти горные ручьи. И вспомнила, на кого ей нужно охотиться, только когда добыча сама выскочила на нее.

Лена передернула плечами, еще раз бросив взгляд на мертвую тварь.

— Она не могла действовать в одиночку, — заметила Кайра.

— С ней общалась Дарина, — вспомнила Лена, — и Икария, она пыталась затащить ее в свою шайку. Они что — знали?

— Артемисия уверяет, что далеко не все, — кивнула Саломея, — что она побоялась раскрывать своей дочери подлинную суть твари, да и Дарина не могла этого знать. Для них она была лишь помощницей, которую прислала любящая мамочка, чтобы помочь укрепить свои позиции. Но все равно — с ними придется провести разъяснительную беседу. Кайра, — архидiakонисса обернулась к лоркнийке, — зови свою брокгартскую подружку. Нам весьма пригодятся ее таланты для разговора по душам.

Очередной дикий крик огласил зал и обнаженная девушка, скорчившаяся меж уродливых статуй, бессильно обмякла, уронив на грудь копну черных волос. Тело ее тряслось мелкой дрожью, из прокушенной губы текла струйка крови. Иных видимых повреждений на ней не было, но на лице читался панический ужас, ясно свидетельствующий о том, что ей довелось пережить. Над девушкой, сжимая и разжимая когтистые пальцы, медленно таяла призрачная черная рука, только что убравшаяся из головы жертвы.

— Все в порядке, — произнесла Мания, совершая странный жест, словно стряхивая что-то с пальцев, — она сказала все, что знает.

— Хорошо, — небрежно кивнула Саломея и, уже не обращая внимания на потерявшую сознание Дарину, повернулась к съежившейся у стены Икарии. Хлесткая пощечина обожгла щеку послушницы, причем с силой, какой никак нельзя было ожидать в столь хрупком теле. Икария со всхлипом осела на пол, держась за щеку.

— С меня довольно! — чуть ли не прошипела архидiakонисса, — только из уважения к твоему дому, тебя еще не высекли при всех и не вышвырнули из Монастыря! Но, клянусь Трехликой, если в следующий раз что-то подобное повторится — я так и сделаю. А то и что похуже — если все-таки выяснится, что ты влезла в крайне серьезные дела.

На Икарию было жалко смотреть — даже Лена, тихо стоявшая в сторонке невольно испытала что-то похожее на сочувствие, при виде некогда гордой, уверенной в себе главы «Нереи», а ныне — не более, чем испуганной девчонки, трепещущей перед верховной жрицей. Впрочем, сочувствие Лены быстро испарилось, когда она вспомнила, соучастницей чего Икария могла быть. И даже то, что она, как выяснилось, не знала и половины заговора, не прибавляло у Лены особых симпатий.

— Я оставлю тебя в Монастыре, — продолжала Саломея, — и твою подружку тоже... после должного наказания. Но если я узнаю, что вы продолжили свою нелепую вражду..., -

она замолчала, но лицо ее приобрело выражение, ставшее красноречивей всех слов.

— Можете убираться, — бросила Саломея, — обе. Кайра, проводи их отсюда.

Диаконесса кивнула и жестом показала послушницам следовать за ней. Уже выходя, Лена услышала обращенные к Дарине слова Саломеи.

— А с тобой дорогуша, мы еще не закончили.

Последовавший за этими словам отчаянный вопль ужаса и боли, заставил Лену облиться холодным потом и она чуть ли не бегом припустила по коридору.

— Икаррия будет сидеть тихо: чтобы никто не припомнил ей эту историю. Теперь Саломея крепко держит дом Гелос за жабры — если она обнародует среди других Домов, во что втянула Артемисия дочку, мало никому не покажется. Но и ты особо не злорадствуй — требование прекратить соперничество относилось и к вашей компании. Сосредоточься, лучше, на более полезных занятиях... дааааххх, вот таааак!!!

Последние слова Кайра сопроводила протяжным стоном, приподнимая бедра навстречу умелому языку Лены, старательно вылизывавшую истекавшую влагой щель. Делала она это с неподдельным удовольствием, обхватив губами чувствительный клитор, Лена упоенно чертила языком волнующие восьмерки на нежной плоти. Одновременно, пропустив руку между ног, Лена отчаянно мастурбировала, едва сдерживаясь от того, чтобы не кончить одновременно с диаконессой.

Кайра сидела на широкой скамье в изящной беседке из синего мрамора, расположенной на очередной террасе, нависшей над морем. Из одежды Кайра имела лишь красные сапоги — Амола не преминула подарить любимой Госпоже трофейную обувь из кожи гидры. Язык и губы Лены сейчас заменяли архидиаконессе собственные пальцы, пока лоркнийка замутненными от похоти глазами смотрела на обнаженные тела, ритмично двигавшиеся на входе в беседку. Сегодня расслаблялась не только Кайра, но и ее верная соратница: Амола, оглашая воздух громкими криками, оседлала могучего минотавра. Огромный, поистине бычий член, с хлюпаньем вонзался во влагалище стражницы, чьи огромные ягодицы тряслись с такой силой, что, казалось, они вот-вот оторвутся и укатятся, словно два черных шара. Грозный рев чудовища уже сменился жалобным мычанием — вот уже более часа ненасытная Амола, беззастенчиво использовала его для своего сексуального насыщения. Но и этого ей было мало: на стоявшем перед черной амазонкой столике восседал сатир — с гордо вздымавшимся членом, необычайно большим для столь тщедушного тела. Амола увлеченно сосала этот, во всех отношениях, выдающийся орган: то щекоча языком увесистую головку, то разом забирая гениталии в рот вместе с яйцами.

Возвращаясь в Никтополь, отряд Амолы, объединившись еще с несколькими охотничьими командами, наткнулся на шайку сатиров и минотавров — один из осколков огромного стада, разбитого в Лунном лесу. Чудовищ решили взять живьем — остаток дороги пленники провели со связанными руками и ногами: с темной повязкой на глазах, они лежали, уткнувшись лбами в бревна плота. В Монастыре им спилили рога, заклеямили, вставили кольца в носы, после чего распределили между жрицами. Парочку взяла себе и Кайра — как подарок своей верной сподвижнице. Амола же опоила сатира и минотавра очередным своим зельем, одновременно начисто лишаящим воли и вызывающим неконтролируемое сексуальное влечение.

Все трое кончили одновременно: бедра Кайры конвульсивно стиснули голову Лены, ее влажная плоть запульсировала, изливаясь в рот попаданки, пока она сама отчаянно теребила собственное влагалище, сотрясаясь в судорогах сокрушительного оргазма. Но даже с

зажатыми ушами, она слышала ударивший по ушам отчаянный визг, уже знакомый ей по бою в Лунном лесу. Ноги Кайры раздвинулись, выпуская Лену, и та, обернувшись, увидела, как сатир падает на пол, нелепо дрыгая ногами, тогда как Амоладержит в зубах комок плоти, капающий кровью и спермой. В тот же миг негритянка одним движением переместилась с бедер минотавра на его морду, снова возбуждаясь от панических дерганий могучего тела, лишенного воздуха.

— Ладно, подлиза, — Кайра, расслабленно потянувшись, взяла с ближайшего столика некий предмет и подала его Лене, — беги, твоя сучка, поди, уже извелась в ожидании.

Лена, вылизав промежность Кайры, напоследок чмокнула носок сапога, после чего, ухватив подарок, выскользнула из беседки. Диаконесса же, развалившись на скамье, лениво мастурбировала, глядя как Амола, самозабвенно двигая бедрами, растирает свои выделения по морде не то задохнувшегося, не то захлебнувшегося чудовища.

— Снимай эти тряпки, — скомандовала Лена и Темнозара, понятливо улыбнувшись, через голову стянула одеяние послушницы. Обнаженной боярышня походила на саму Елену — высокая, длинноногая, с золотыми волосами и голубыми глазами. Округлые формы не могли скрыть перекатывающиеся под кожей сильные мускулы. Неудивительно, что никто в Некрарии, кроме самой Темнозары не усомнился в роскошном происхождении Лены. Также как и сама Лена не усомнилась в том, что новая «боевая подруга» достойна вступления в «Доминацию».

Церемония посвящения проходила во Внешних Садах, на берегу небольшого озера. В черной воде, за спинами Темнозары и Лены, с негромким плеском двигалась некая тень, с мерцавшими в ночи зелеными глазами.

Лена разделась и, достав нож Амолы, подошла к девушке. Костяное острие прокололо нежные соски и Лена припала к одному из них, высасывая кровь. Тут же из темноты вынырнула Кэт, впившаяся холодными губами во вторую грудь роскошки.

— Именем Матери-Триморфы — торжественно произнесла Лена, — Пусть кровь, текущая в наших жилах, свяжет живое и мертвое, возродив нас к новому рождению.

— Пусть будет так, — эхом прошелестела обступившая их тьма.

С неохотой отстранившись, Лена проколола уже собственный сосок — и теперь уже Темнозара припала к нему словно голодный вриколакс. Тут же отстранилась и Кэт — а на ее место скользнула Мартильда. Одна за другой из темноты появлялись обнаженные послушницы «Доминации» — Лайга, Кмера, Найда, поочередно припадали к грудям своей новой сестры. Лена же, отступив, склонилась над брошенной на землю одеждой. Когда же она выпрямилась, в ее руках уже был подарок Кайры — выточенный из цельной кости неведомого зверя искусственный член, покрытый затейливой резьбой. С обеих сторон причудливый девайс оканчивался закругленными черепами диковинных тварей, напоминавших одновременно кашалотов и морских змеев. Поскольку Амола сегодня была занята с Кайрой, а ее устрашающий фетиш «работал» только в ее руках, Лена выпросила у наставницы одну из любимых игрушек лоркнийской аристократии.

С похотливым смешком, Лена толкнула роскошную боярышню на траву, навалившись сверху и впиваясь в губы жадным поцелуем. Обнаженное тело затрепетало, одновременно от страха и предвкушения, когда Лена, разведя стройные ноги, ввела в уже хлюпающее влагалище костяной фаллос. Вторую «голову» она направила в собственную вульву резким движением бедер, насадив на жутковатый девайс сразу обоих. Обнаженные тела ритмично двигались, доставляя друг другу невероятное наслаждение, в то время как обступившие их

«сестры» изощренно ласкали Лену и Темнозару.

Стыдный секрет

Морская вода взбурлила, закручиваясь воронкой, вздулись и лопнули несколько больших пузырей — и все успокоилось. Лена в сердцах выругалась, сердито смотря на простилавшуюся перед ней гладь.

— Не трать слова на ругань, — спокойно произнесла Кайра, — попробуй еще раз.

Лена вместе с наставницей стояли на берегу небольшой бухты, с трех сторон взятой в кольцо зубьями черных скал. Каменные глыбы нависали над водой так, что сюда почти не проникали солнечные лучи: чуть ли не единственным источником света оказался небольшой костер из плавника и сухих водорослей, разоженный на плоской, напоминавшей наковальню, скале. На камне, углем и мелом, была начерчена причудливая фигура, напоминавшая звезды с множеством коротких и длинных лучей. У коротких лучей виднелись буквы Морского Алфавита, а у длинных — причудливые символы. Здесь же лежали, истекая кровью, и тушки семи чаек, с отрезанными крыльями и свернутыми головами. Кровоточил и длинный надрез на руке Лены — буквы и символы на магическом узоре она чертила собственной кровью.

— Давай, — уже строже сказала Кайра, — сосредоточься!

Лена глубоко вздохнула, отгоняя посторонние мысли. Ее сознание раздвоилось — одновременно она понимала, что стоит на берегу и в тот же миг она словно с разбегу нырнула в море. Над ее головой сомкнулись волны и все вокруг обступила кромешная мгла — в которой послушница, впрочем, быстро стала видеть. Перед ее глазами мелькнуло каменистое дно, чаща высоких водорослей, стайка рыбок, пронесшихся у нее над головой, чьи-то черные щупальца, извивавшиеся в трещине...рассекшей странную группу скал, слишком правильных очертаний, чтобы быть порождением природы.

Вот оно!

С губ Лены сорвалось заклинание и в тот же миг вокруг нее все закружилось в исполинском водовороте. Послушницу резко выбросило на берег — и она с радостным испугом уставилась на клокочущую перед ней воду. В уши ударил утробный рев — и в следующий миг из бухты вынырнуло чудовище. Больше всего оно напоминало исполинского, размером с быка, краба — вот только там где у обычного краба были глаза и рот, по пояс выросло тело могучего мужчины, примерно в полтора раза больше обычного человека. В черной бороде запутались водоросли и ползали мелкие морские твари. Правая рука чудища, выглядела почти человеческой — если не считать перепонок между когтистыми пальцами, — зато слева угрожающе щелкала крабья клешня.

Налитые кровью глаза уставились на Лену.

— Чего тебе нужно, человек? — пророкотал нечеловеческий голос, напоминающий удары волн о прибрежные скалы. Лена пожала плечами, скрывая невольную дрожь.

— Просто познакомиться, — сказала она.

Изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, девушка произнесла второе заклинание. Огромный рот оскалился острыми, как у акулы, зубами, — Лена предпочла думать, что это одобрение, — и чудовище погрузилось в воду.

— Что же неплохо, — кивнула наблюдавшая за всем этим Кайра, — с третьей попытки у тебя получилось. Но и работать есть над чем — так что через два дня мы придем сюда снова. Только на этот раз попробуешь вызвать кого-нибудь более серьезного.

Лена кивнула без особого энтузиазма, — сказать по правде ей и сегодняшнего демона вполне хватило. Но ничего не поделаешь — она уже вышла на тот, заключительный, этап обучения, когда на смену групповым занятиям пришли индивидуальные, с наставницей. И Кайра относилась к этим занятиям со всей возможной серьезностью.

— Сегодня можешь отдохнуть, — сказала Кайра, — но особенно не расслабляйся. До жреческого посвящения осталось меньше месяца — и я хочу, чтобы моя ученица приняла сан, как лучшая из лучших.

Лена грустно вздохнула, представив, чтобудет с нее требовать жрица, чтобы добиться подобного результата.

— Налей еще, — Марти выразительно перевернула пустой бокал и, не глядя, ткнула им куда-то вбок, — и шевелись, недоумок!

Звенко молча принял сосуд, наполняя его вином из большой черной бутылки. Лена, привстав, небрежно шлепнула Марти по губам. Та обиженно обернулась:

— За что?!

— Этот раб — мой! Оскорблять и приказывать ему могу только я.

Сказать по правде, это было не совсем так: Звенко принадлежал не Лене, а Кайре, одновременно являясь и собственностью Монастыря и Мартильда, как послушница, вполне могла повышать на него голос. Однако лидеру Доминации тюргонка перечить на стала, даже пробормотала что-то похожее на извинение. Остальные девушки сделали вид, что не заметили инцидента.

— Звенко, налей всем, у кого бокал пуст! — скомандовала Лена, — а потом — помассируй всем ноги. Начни с меня, а потом уже по очереди.

В подтверждение своих слов, она скинула сандалию и выразительно пошевелила пальцами босой ноги. Звенко, обойдя всех, присел рядом с хозяйкой, разминая ее ступню своими пальцами, — слишком длинными и нежными для крестьянского сына. Временами раб прерывал это занятие, что коснуться женской ножки губами. Щурясь от удовольствия, Лена подняла бокал, призывая остальных к вниманию.

— За Доминацию! За узы крови, что связали нас навечно!

В ответ послышался смех и звон бокалов, когда девушки принялись чокаяться друг с другом. Марти даже исхитрилась выпить с Леной «на брудершафт»: в жизни не слыша такого слова, она, тем не менее, уловила, что подобный жест загладит неловкость недавнего конфуза. А заодно и подчеркнет особую близость Марти к лидеру «Доминации», в пику «выскочкам» Найде и Темнозаре. Лена тоже не стала усугублять конфликт: Марти получит жреческое посвящение вскоре после Лены, а лишняя союзница среди жриц ей не мешает.

Девушки сидели на живописной лужайке рядом с небольшим озерцом, усеянным красными кувшинками. С ближайшей скалы в озеро ниспадал небольшой водопад, осененный облаком пара и брызг. После Грязной Охоты девушкам выдали по пять золотых монет и теперь, разжившись вином и снедью в одной из монастырских лавок, послушницы отмечали начало индивидуального обучения Лены и Мартильды. Здесь же Лена, под большим секретом, рассказала соратницам о недавнем разговоре в покоях Саломеи — не вдаваясь в подробности, которых девушкам знать не стоило. По ее словам просто вышло так, что архидиаконесса, разгневанная действиями «Нереи» устроила Икарии жесткий разнос, надолго сбив с нее спесь.

— Значит, вражде конец? — спросила Марти, блаженно вытягивая ноги под руки Звенко, — раз уж сама архидиаконисса вмешалась — «Нерея» не станет больше строить

козни?

— Икария просто так не отступит, — покачала головой Найда, — я уже ее немного знаю, она не спустит Лене такой обиды.

— До посвящения она ничего не делает, — сказала Лена, — побоится. Но вот когда она станет жрицей... все может быть.

— Скорей всего, она не останется в Никтополе, — сказала Марти, — если Артемисия мертва, то храм Лаверны в Карионе возглавит ее дочь.

— Мне не кажется, что Икария хочет покинуть Монастырь, — упрямо возразила Марти.

— Не говори чушь! — с презрением произнесла тюргонка, — чего ей делать здесь, когда она может стать у руля своего дома. Не пытайся умничать о том чего не знаешь!.

— Я общалась с ней побольше чем ты, — запальчиво сказала Найда и тут же осеклась, поняв, что сказала лишнее. Марти хотела что-то возразить, когда вмешалась Лена.

— Девочки, не ссорьтесь, — сказала она, — сегодня у нас праздник и я не хочу больше ничего слышать об Икарии.

— Как скажешь, — пробурчала Марти, вновь пригубливая из бокала.

Больше споров не возникало — остаток вечера девушки провели в безобидных разговорах, так что и Марти с Найдой в конце концов стали улыбаться друг другу. Закончилось же все это небольшой оргией, когда подвыпившие девушки ласкали друг друга на мягкой траве и под струями водопада. Никто из них не стеснялся обнажаться при Звенко, что сидел в тени деревьев, стараясь не привлекать внимания и даже лишний раз смотреть на голых послушниц.

Уже стемнело, когда послушницы разошлись по своим кельям — всем им, кроме Марти и Лены, завтра предстояло снова идти на групповые занятия. Поднялась к себе и Лена, захватив с собой недопитую бутылку, сочную гроздь винограда и раба Звенко.

— Послезавтра тебе придется вернуться в загон, — говорила Лена, допивая вино и вновь подставив ноги под умелые пальцы раба, — в Монастыре что-то вроде хозяйственной переписи и нужно, чтобы все рабы были на пересчет. Не волнуйся, Кайра говорит, что это займет не больше пары дней. А когда я стану жрицей, то заберу тебя насовсем — Кайра уже сказала, что не возражает.

— Благодарю вас госпожа, — склонившийся в три погибели Звенко коснулся лбом ее ступней. Лена небрежно пнула его ногой.

— Не расслабляйся раньше времени. Тебе еще предстоит доказать, что ты достоин моей щедрости — не каждому, надо сказать, рабу выпадает такая милость.

— Я знаю, Госпожа, — раб снова склонился в униженном поклоне, — я уже сейчас могу вам рассказать кое-что об Икарии.

— Об Икарии? Что ты можешь знать о ней?

— Я хороший следопыт, вы же знаете, — сказал Звенко, не поднимая глаз, — и вы сами часто посылали меня в Сады. Недавно я наткнулся там на кое-что интересное. Если вы хотите, то уже завтра увидите, что я имел в виду.

Лена бросила на Звенко быстрый взгляд и кивнула.

Об этом месте Лена не знала — в Монастырских садах имелось столько укромных уголков, что, чтобы обойти их все понадобился бы не один год. Высокие пальмы, оплетенные зелеными лианами, меж которых оранжевыми пятнами красуются большие плоды, вроде апельсинов, только размером с дыню. Под пальмами — густые кусты, покрытые алыми цветами, испускающими дурманящий запах, от которого идет кругом

голова и наливалась сладкой тяжестью низ живота — недаром вытяжка из этих цветов одно из лучших приворотных зелий. Меж ветвей пальм замысловатые кружева плетут огромные пауки: ярко-зеленые, сливающиеся с окружающей листвой. Их сети столь прочны, что в них попадают не только мухи и бабочки: Лена заметила трепыхавшуюся тварь — вроде и птица, покрытая синими и зелеными перьями, но с необычайно длинным хвостом, когтистыми пальцами на сгибах крыльев и головой, напоминающей голову ящерицы. Зубастая пасть бессильно клала, пытаясь достать засевшего у края ловушки паука, терпеливо ожидавшего пока добыча выбьется из сил. Меж ветвей скользят смертельно ядовитые змеи, с телами расписанными красными, желтыми и черными полосами.

Все это чертовски напоминало тропики — да ими и являлось: все растения, равно как и живность, привезены из здешней «Африки», именуемой тут «Черными Королевствами». Из одного из них явилась и Амола, а также множество черных рабов, на которых, как и в известные времена покинутого Леной мира, имелся спрос в здешней «Европе». Один из таких невольников — рослый мускулистый негр, по имени Абрафо, сейчас находился здесь, выглядя на редкость органично в «тропическом» антураже. Черная кожа блестела от пота, сильные пальцы впились в белые бедра, оставляя на них красные пятна, пока черный член, длинный и толстый, как у коня, размеренно входил в хлюпающую от влаги щель. А под черным великаном, издавая громкие стоны, извивалась, забросив ноги на широкие плечи, никто иная, как Икария.

Лена, притаившаяся в кустах, с неподдельным интересом наблюдала за сценой, которой и в подметки не годилось самое горячее «межрасовое» порно ее родного мира. Колоритный Абрафо, покрытый татуировками и с подпиленными зубами, выглядел настоящим дикарем из джунглей, ну, а Икария, с ее белоснежной кожей и соблазнительными округлыми формами дала бы фору любой порноактрисе. К тому же любовники ничуть не играли, отдаваясь своему занятию с неподдельной страстью, оглашая воздух громкими стонами. Все это подействовало и на Лену — лишь в последний момент она, опомнившись, отдернула пальцы, уже залезшие под кожаные штаны. Рядом, припав к земле, тяжело дышал Звенко, тоже опустив руку к паху. Лена, высвободив руку, дала ему увесистый подзатыльник: больше для порядка, чем из опасения, что их услышат забывшие обо всем кроме друг друга любовники

— Достаточно, — шепнула она, — отходим.

Они отползли метров на двести, остановившись лишь на берегу небольшой речушки. Здесь Лена, все еще находившаяся под впечатлением от увиденного, а также под действием возбуждающих испарений, прислонилась к ближайшему дереву, приспустив штаны. Звенко послушно встал перед ней на колени, и Лена, запустив руку во взлохмаченные волосы, направила его губы и язык в свою влажную сокровищницу.

Такие забавы между рабами и послушницами разрешались Уставом Монастыря — в отличие от утех, которым предавались Икария и Абрафо. Это жрицы могли позволить себе сношаться с кем угодно — грань отделявшая их от простых смертных была слишком велика, чтобы ее могли поколебать подобные шалости. Однако с послушницами дело обстояло иначе — считалось, что их, не до конца порвавших с миром, близость с мужчиной могла сбить с пути. Послушницам дозволялись лишь игры друг с другом, на худой конец, ласки, вроде тех, которыми баловались Лена и Звенко, но ни в коем случае не секс с проникновением. Икария не могла об этом не знать, но, в преддверии жреческого посвящения, похоже, изрядно расслабилась, решив, что «правила существуют, чтобы их нарушать». Что же — теперь эта

беспечность выйдет ей боком.

Бедра Лены конвульсивно сжались вокруг головы Звенко, с губ сорвался протяжный стон, и попаданка блаженно осела на землю, медленно разводя ноги и выпуская полузадохшегося раба.

— Ты молодец, — она ласково погладила нижнего по голове, — признаюсь, я не ожидала, что от тебя будет столько пользы. Теперь я могу на законных основаниях прижучить Икарию — а она сейчас и так в немилости у Саломеи. Если она и получит свое посвящение, хотя уже и это под вопросом, — в Монастыре она точно не останется! А взамен — может я добьюсь, чтобы тебя перевели из рабов в монастырские егеря.

Она снова потрепала взлохмаченные волосы и Звенко, вскинув преданные глаза, благодарно лизнул ее руку.

Месть и милосердие

Оглушительное карканье огласило воздух и сидевший на скале демон, — волк с крыльями ворона и с человеческой головой, — словно взорвался, разлетевшись множеством птиц. Спустя миг призрачное воронье растаяло в тусклых лучах Черного Солнца. Лена перевела торжествующий взгляд на посмеивавшуюся Кайру.

— Неплохо для первого раза, — сказала диаконесса, — что же, на сегодня хватит. Следующая наша встреча — через пару дней.

— Хотелось бы пораньше, — сказала Лена и, увидев вскинутые брови Кайры, быстро добавила, — мне нужно тебе кое-что рассказать. Кое-что важное.

— Говори сейчас.

— Сейчас не могу, — замялась Лена, — нужно дождаться Звенко...

— Ты слишком носишься с этим рабом, — привычно поморщилась наставница, — причем он к нашему разговору?

— Если ты позволишь нам встретиться, то все поймешь, — сказала Лена, — поверь, оно стоит того. Да и Саломее было бы нелишним знать это...но я же не могу обратиться напрямую к архидиаконессе.

— Ты меня заинтересовала, — усмехнулась Кайра, — ладно, вечером подходи в мои покои, со своим рабом.

С этими словами она развернулась и спустилась по узкой тропинке, петлявшей меж острых скал, где проходили занятия. Следом, довольно улыбаясь, спустилась и Лена, торопясь в свою келью — Звенко уже давно должен вернуться.

— Кто это сделал?

Голос Лены звучал почти спокойно, пока она рассматривала стоявшего перед ней Звенко. Под глазом его расплывался большой синяк, губы совсем недавно разбитые в кровь, покрывали бугристые шрамы. Ухоженные светлые волосы, сейчас свалились и свисали уродливыми сосульками, характерного цвета и запаха — впрочем, от раба вообще несло так, что Лена едва удержалась, чтобы не зажать нос. Сам Звенко стоял, опустив голову, так что Лене пришлось, преодолев брезгливость, ухватить его за подбородок и заставить приподнять голову. То, что она увидела в глазах сарлонца, не понравилось ей больше чем все шрамы — одновременно испуганное и какое-то потухшее выражение, как у побитой собаки... хотя и у собак Лена не видела таких глаз.

— Кто? — с нажимом повторила Лена, — скажи мне, Звенко.

— Абрафо, — произнес Звенко.

— Он бил тебя? — настойчиво спросила Лена, — что случилось?

По-прежнему отводя глаза в сторону, Звенко начал рассказывать — и чем больше он говорил, тем сильнее внутри Лены разгоралось холодное бешенство. Все происходило как она и предполагала — в рабском загоне Звенко, не отличающегося особой статью, часто обижали более сильные рабы. После же того, как Звенко покинул загон, поселившись в келье Лены, пренебрежение сменилось откровенной завистью — и когда Звенко вернулся, обидчики не преминули напомнить удачливому собрату о прежнем статусе. Особенно старался Абрафо — здоровенный негр, у которого презрение к «слабаку» наслаивалось на расовые предрассудки, с особым удовольствием «доставал» выходца из Сарлонии. Сам же Звенко, что называется, «потеряв нюх», и набравшись смелости после общения с Леной,

отвечал куда смелее, нежели раньше — так что некоторые из его бывших преследователей, несколько обескураженные такой переменой в поведении, отстали. Однако Абрафо, ходивший в фаворитах у столь же успешной послушницы, не стал изменять себе, твердо вознамерившись за эти два дня превратить жизнь Звенко в ад. Его поведение стало настолько невыносимым, что молодой «следопыт», не выдержав, намекнул задире, что ему известно о его забавах с «хозяйкой». Будь Абрафо более умен, возможно, такие угрозы заставили бы его призадуматься, но привыкший действовать силой, разъярённый словами Звенко негр решил раз и навсегда указать сарлонцу на его место.

О том, что происходило дальше Звенко говорил особо скупое, с глазами «на мокром месте». Но Лене уже и не требовалось много слов, чтобы представить общую картину. Сказать по правде, она предстала у нее перед глазами столь ясно, будто она лично присутствовала при мерзком действе.

Абрафо, отловив Звенко у местной уборной, сначала избил его, — не так уж и сильно, поскольку знал, что за повреждение монастырского имущества может прилететь и ему, — после чего, запихнув Звенко головой в выгребную яму, задрал ему подол туники. Звенко почняв, что с ним сейчас сделают, заорал, пытаясь вырваться, но Абрафо оглушил его ударом по голове. В голове у Звенко помутилось, пока чувствовал жадные руки, похотливо щупающие его бедра и ягодицы. А следующий миг его задний проход пронзила мучительная боль, когда Абрафо вдавил свой член меж ягодиц раба. Звенко не знал, сколько длился этот кошмар, когда черный зверь, сопровождая свои действия глумливым смехом и издевательскими шуточками, терзал его зад своим конским органом, пока Звенко не потерял сознание. Очнулся он уже лежа возле уборной, грязный и вонючий, — похоже, Абрафо еще и помочился на него, — с кровоточащим задом. Кое-как натянув одеяние Звенко вышел из уборной — как раз, когда явился надсмотрщик, сообщив, что перепись окончена и он может возвращаться к Лене.

— Покажи, — с каменным лицом произнесла Лена и Звенко, после некоторых колебаний, все же развернулся. Одного взгляда хватило Лене, чтобы понять, что Звенко говорил правду — что тут говорить, в своей «прошлой жизни» она и сама поступала с некоторыми мужчинами схожим образом, пусть и не в столь изуверской форме.

— Спустись к водопаду и помойся, — велела Лена, — потом соберешь травы, — сам знаешь, какие нужны для заживления ран. Прийду — сделаю мазь.

— Ты уходишь? — испуганно вскинулся Звенко.

— Не волнуйся, — заверила его Лена, — я ненадолго.

Абрафо она нашла быстро — он, вместе еще с несколькими рабами, расчищал небольшой засор в одном из монастырских прудов. При виде Лены на его лице на миг появилась похотливая улыбка, тут же, впрочем, сменившаяся маской услужливой покорности. Как и остальные рабы, он поклонился послушнице.

— Госпожа?

— Знаешь зачем яздешь? — спросила Лена и, не дожидаясь ответа ударила раба в лицо кулаком. Негр, вытерев кровь с разбитых губ, одновременно и ненавистью и удивлением посмотрел на девушку.

— Ну давай, обезьяна — Лена поманила его, — забудь, что я послушница, веди себя как ты обычно ведешь себя со слабыми. Ты у нас крутой — попробуй со мной, как со Звенко.

Абрафо, вряд ли понял все, что она говорила, но интонация ее говорила сама за себя — да и Лена, чтобы ему лучше думалось, лягнула лонгольца по голени — благо сегодня она

одела не обычные сандалии, а сапоги. Пока негр кривился от боли, она еще и зарядила ему в нос основанием ладони. Взревев от боли, Абрафо кинулся на девушку, заноса кулак, что мог бы размозжить Лене череп. Легко уклонившись, попаданка нанесла еще несколько быстрых ударов — не опасных, но довольно болезненных. Скривившись от боли и ревя, как бешеный бык, Абрафо метался из стороны в сторону, пытаясь достать необычайно верткую послушницу, однако всякий раз похожие на кувалды кулаки встречали лишь пустоту. Удары же самой Лены всегда достигали цели — сжав губы, с прищуренными от ярости глазами, Лена медленно, но верно превращала черного раба в груды беснующегося окровавленного мяса.

— Что здесь происходит? — даже в пылу битвы Лена услышала строгий голос позади.

Узнав его, она обернулась, краем глаза отметив как другие рабы, доселе с насмешкой наблюдавшие за дракой, спешно расходятся. Однако увидеть ту, кто к ней обращался, Лена не успела — Абрафо, увидев свой шанс, с рыком метнулся к послушнице. Отпрянув, девушка не удержалась на ногах и рухнула в пруд. В последний момент, она успела перевернуться на живот, подставляя руки, когда на нее навалилось мужское тело. Жадные руки прошарились по ее телу, срывая одежду, потом стиснули ребра и Лена почувствовала, что сейчас это чудовище раздавит ей грудную клетку. В отчаянии Лена что есть силы, врезала головой в подбородок негра. От неожиданности негр ослабил хватку — и Лена, выскользнув из его рук, исчезла в мутной воде. Проскользнув между ног Абрафо, Лена вынырнула за его спиной, выхватывая из сапога костяной нож Амолы. Негр не успел сообразить, где его обидчица, когда девушка, вложив в удар все силы, вонзила его меж черных ягодиц, рельефно облепленных мокрой набедренной повязкой. Острое как бритва лезвие распороло шелковую ткань и глубоко вошло в податливую плоть, пока Лена проворачивала его, словно штопор в пробке, а потом вдруг резко рванула вниз. Оглушительный визг разорвал воздух и обезумевший от боли негр, повернулся — как раз, чтобы Лена с силой полоснула его еще и по животу. На черной коже словно прорезался огромный красный рот, из которого жирными змеями вывалились кишки. Абрафо, ухватился за них, будто пытаясь запихнуть свои внутренности обратно и, покачнувшись, рухнул в окровавленную воду.

Лена медленно поднялась на ноги, морщась от боли в сдавленных ребрах. Первое что она увидела — это стоявшая в двух шагах бассейна диаконесса Лактения, со странным выражением смотрящая на попаданку. Та вызывающе глянула на жрицу в ответ, после чего, демонстративно вернув нож на место, ушла с поля боя.

Войдя в келью, Лена увидела Звенко съездившегося на коврике перед кроватью. Заслышав стук двери, раб вскинулся и его глаза испуганно расширились при виде залитой кровью Лены. Та же, устало опустилась на лежанку, стягивая сапоги и опускаясь на спину.

— Звенко, — негромко сказала она, — подойди.

Вставший на ноги Звенко подошел к кровати, когда Лена внезапно усевшись, обхватила его шею, потянув за собой. Не ожидавший этого Звенко испуганно дернулся, пытаясь вырваться.

— Дурачок, — усмехнулась Лена, — я не собираюсь с тобой спать. Просто полежи рядом.

Звенко затих, перестав вырваться, пока Лена, обняв его плечи, просто лежала рядом, внимательно глядя в расширенные глаза своего невольника. Только сейчас она заметила какой они полны яркой, прямо такие небесной голубизной.

— Ничего не бойся, дурашка, — Лена сглотнула внезапный ком в горле, — я никому не

позволю причинить тебе вред.

Веки Звенко задрожали, дрогнули и губы, но ничего сказать он уже не успел — хлопнула дверь и на пороге кельи появилась Кайра. При виде прижавшейся друг к другу парочке ее глаза изумленно расширились, на ее лице поочередно отразились сожаление, горечь, гнев.

— Саломея хочет видеть тебя, — сухо сказала диаконесса, — немедленно.

— Ну и что это было? — спросила архидиаконесса.

Небрежный, какой-то ленивый тон, которым был задан вопрос не мог никого обмануть — и Лена, уловив мелькнувшее в глазах Саломеи выражение, напряглась в предчувствии чего-то непоправимого. Это предчувствие читалось и в глазах Кайры, сидевшей по левую руку от архидиаконессы с окаменевшим лицом. Кроме нее, в покоях Саломеи сидела и диаконесса Лактения, на лице которой читались злорадство и охотничий азарт.

— Это совершенно недопустимо! — воскликнула она, — безобразная драка, да еще и с рабом! Да и плевать бы на него — вы бы видели, как она на меня посмотрела! Я думала, что она кинется на меня, — Лактения с нескрываемой злобой уставилась на Лену, — если бы ты это сделала, то потом бы позавидовала участи того черномазого.

— Давай без этого, — поморщилась Саломея, — не опускайся до ругани с послушницей. Елена, я повторяю свой вопрос — зачем ты его убила?

Лена вскинула голову, посмотрев прямо в глаза архидиаконессе.

— Потому что такая мразь не должна жить, — отчеканила она.

Она подробно рассказала обо всем, что подвигло ее на сегодняшнюю драку, но Саломея лишь недоуменно пожала плечами.

— И ради этого ты рисковала жизнью? Ради раба?

— Она сумасшедшая! — вскинулась Лактения, — я это давно подозревала. Кто в здравом уме станет вмешиваться в рабские разборки.

— Она права, — Саломея снова повернулась к Лене, — то о чем ты рассказала — обычное дело среди рабов. На это обращают внимание только когда они убивают или калечат друг друга — но здесь, как я поняла, ничего такого не произошло?

— Все равно, — мотнула головой Лена, — это мой раб — и наказывать его могу только я.

— Ты много о себе возомнила, — заметила Саломея, — раб не твой, а монастырский. И, если он тебе так дорог, — как же ты собиралась приносить его в жертву?

— Как...какую еще жертву?! — выдохнула Лена, расширенными глазами уставившись на Саломею. Та, в свою очередь, недоуменно вскинув бровь, повернулась к Кайре.

— Ты ей не сказала?

— Не думала, что это станет проблемой, — по-прежнему не глядя на Лену, сказала лоркнийка. Лицо же Лактении озарилось неподдельной радостью.

— Девочка, — вкрадчиво спросила Саломея, — как ты думаешь, для чего тебе дали раба?

— Чтобы я показала, как умею с ними управляться, — пробормотала Лена, — как я умею их дрессировать, воспитывать и все такое.

— Верно, — кивнула Саломея, — и все это ты должна была показать на посвящении. А в конце приносишь этого раба в жертву — как и все прочие послушницы. Так ты показываешь, что подлинно отреклась от прежней жизни, которую как раз символизирует раб.

— Икария теперь не сможет сделать, — раздраженно сказала Лактения, — ее лишили посвящения.

— Ваша Икария трахалась с этим самым Абрафо! — выпалила Лена.

— Это ложь! — воскликнула Лактения, — чтобы наследница дома Гелос, с этой обезьяной...

— Сейчас мы говорим не об Икарии, — приподняла руку Саломея, — а о тебе. Ты испортила своей сестре ее посвящение, хотя я и говорила, чтобы вы прекратили свою глупую вражду. Можешь ли ты сказать, глядя мне в глаза, что ты выполнила мой приказ?

Она так взглянула на Лену, что та сразу поняла, что врать не стоит — темно-синие глаза смотрели так, будто насквозь видели любую ложь.

— Нет! — чуть слышно произнесла она.

— Я так и поняла, — сказала Саломея, — впрочем, ладно, можно стать жрицей и без жертвоприношения. Но ты сама — готова перерезать Звенко горло на алтаре Триморфы?

Ледяным холодом повеяло на Лену от взгляда Саломеи. Послушница беспомощно оглянулась — Кайра смотрела на нее с выражением, которого она у нее никогда не видела — в этом взгляде причудливо смешались сочувствие, беспомощность и досада. Лактения же наоборот смотрела с радостным предкушением.

— Я не слышу ответа, — повторила Саломея, — так ты сделаешь это?

— Нет, — чуть слышно произнесла Лена, — я не могу.

Саломея, шумно выдохнув, откинулась на спинку трона.

— Ты меня очень разочаровала, Елена, — процедила она, — а ведь я действительно надеялась на тебя. Мне нелегко это говорить — но в Монастыре нет места слабым.

— Мне уже собирать вещи? — Лена исподлобья глянула на архидиаконессу. На Кайру она старалась и вовсе не смотреть.

— Не так быстро, — покривила губы Саломея, — ты совершила проступок — и за него последует наказание. Ты все же явишься на посвящение, — пусть и не свое, — и там же понесешь свою кару.

Расплата еще не конец

Она не думала, что это будет ТАК тяжело.

Ступени из кровавого мрамора, словно лестница на эшафот — пусть казнь сегодня предстоит и не ей. В рогатых чашах пляшут языки зеленого пламени, но Елена не чувствует жара — напротив по ее спине стекает холодный пот и все тело морозит лютая стужа, похуже метелей заметающих пустоши Северного Тульхейма. Впрочем, возможно, это лишь игра воображения, вызванная ледяным презрением в глазах застывших у стен послушниц и жриц. Даже те, на кого она еще несколько дней назад могла положиться как на саму себя, — Мартильда, Лайга, Кмера, вся «Доминация» сейчас смотрит на нее с брезгливой жалостью — и что самое паскудное, Лена понимает, что вполне заслужила ее. Да она виновата — но не могла поступить иначе.

Слабая. Трусливая. Недостойная.

Эти и еще более хлесткие оскорбления она читает в обращенных на нее взглядах — и они режут не хуже лезвий клинков, причиняя почти физическую боль. Последние ступени даются особенно трудно, когда она подходит к месту своего позора — черному алтарю у ног исполинской статуи. Словно отражение ликом Триморфы вокруг алтаря стоят три жрицы — и печаль во взгляде Кайры ранит даже больше, чем холодное равнодушие Саломеи, злорадство Лактении и откровенное презрение в глазах сестер.

Отверженная.

Из небольшой двери за статуей, пригнувшись, чтобы не задеть головой косяк возникает Истязатель. Почти три метра слепой злобы и ярости, с кожей цвета сырого мяса и огромными мускулами. Клыкастая пасть скалится в похотливой улыбке и багряные глаза жадно рассматривают опускающуюся на четвереньки Лену. Когтистая лапа срывает с одеяние и тут же чешуйчатými кольцами свивается живая плеть. Кнут взлетает над послушницей и она с трудом сдерживается, чтобы не зажмуриться — не стоит усугублять свой позор новым, не менее тяжким.

Плеть со свистом ложится меж ее лопаток, оставляя багровый рубец, сочащийся кровью. Удар следует за ударом — красные полосы сливаются в причудливый узор и алые капли влажно поблескивают в свете зеленого пламени. Соленый фонтанчик взрывается в ее рту, но Лена даже не чувствует боли в прокушенной губе — столь незначительной она кажется в сравнении с нечеловеческой мукой гуляющей по всему телу. Каждый удар почти вбивает ее в пол, пригибает к ногам уродливого палача — и унижение заставляет ее страдать еще сильнее, чем сама боль.

Мягкотелая. Ничтожная. Жалкая.

Эти слова звучат в ее сознании с каждым новым ударом, вбивающим чувство новой вины. У Лены уже нет сил встать — и она лежит, чувствуя, как тело терзает живая плеть. Змеиный яд растекается по жилам, словно жидкий огонь, сжигающий ее изнутри. Но вот слышен звон гонга — и экзекуция прекращается. Лена поднимет голову, но на ее лице нет облегчения — тягостное предчувствие говорит, что главная пытка впереди.

Великан с плеткой отходит во мрак и жрицы расступаются пропуская к алтарю две невысокие фигуры. Одна, закутана в черное с головы до ног, но под бархатным одеянием угадываются соблазнительные очертания женского тела. Вторая фигурка — тщедушная, белокожая, кажущаяся еще более хрупкой из-за своей наготы. Расширенные от ужаса глаза

Звенко смотрят на хозяйку с отчаянной надеждой и Лена, позабыв на минуту про боль, пытается произнести слова утешения. Однако новый удар плети сбивает ее с ног, заставляя поперхнуться кровью, загоняющей еще не произнесенные слова обратно в глотку. Лена падает, но еще успевает увидеть, как гаснет надежда в обращенных на нее глазах, сменяясь слепой покорностью судьбе.

Спутница Звенко, — Лена узнала ее сразу, несмотря на надвинутый на лицо капюшон, — подводит раба к алтарю, хватая за волосы и заставляя задрать голову. В вознесшейся руке блеснула сталь — и лезвие ножа перечеркивает покорно подставленное горло. С жутким предсмертным хрипом Звенко падает, корчась в предсмертных судорогах, но она с чувством неизбежной вины ловит гаснущий взгляд, полный немого укора. Капюшон падает с головы Икарии и она, с поистине адским торжеством, смотрят в искаженное бессильной злобой лицо соперницы.

Кайра так и не вышла к бывшей подопечной — после окончания церемонии лоркнийка исчезла где-то в недрах Монастыря. Саломея смотрела на Лену как на пустое место, а бывшие соратницы сторонились ее словно прокаженной — разве что в глазах у Найды мелькало что-то похожее на грусть. Впрочем, вскоре Лену избавили от этих укоризненных взглядов: прямо с алтаря ее отвели в один из местных лазаретов, где жрицы Ламии смазали ее истерзанное тело целебными мазями и оставили на ночь.

Утром, когда раны от кнута почти зажили, Лену обрядили в платье небогатой горожанки и передали Стражницам. Лена надеялась увидеть Амолу, но чернокожая жрица так и не появилась — как не было ее и во время церемонии. Стражницы отвели попаданку к тем самым воротам, которыми она некогда явилась в Монастырь. Угрюмая женщина с бритой наголо головой, сунула ей в руку небольшую сумочку и молча указала на дорогу, спускавшуюся к Никтополю. Спустя миг ворота захлопнулись и Лена осталась одна на дороге. Черное Солнце только вставало из-за западных гор и землю еще окутывала тьма — впрочем, за время жизни в этом мире глаза Лены уже привыкли к вечному полумраку. Позади нее высилась громада Монастыря — давящая масса крошечного мрака, лишь кое-где прерываемого мерцающими огоньками в окнах. Лена отвернулась, и зашагала вниз по склону, не в силах больше смотреть — только сейчас она осознала, сколь значимое место в ее жизни заняло это строение. Сейчас этот, столь насыщенный событиями, отрезок ее жизни был «с мясом» вырван из сердца, оставив щемящую боль.

Лишь спустя время она успокоилась настолько, что могла мыслить более-менее здраво. Остановившись и присев на первый попавшийся камень, Лена ознакомилась с содержимым выданной ей сумки. Особой щедрости Монастырь не проявил, но все же совсем с пустыми руками ее не выбросили: краюха черного хлеба, несколько кусков вяленого мяса, небольшая фляга и пригоршня серебряных монет. Лена откупорила флягу — в ней оказалось вино, пусть и не из лучших, но вполне приличное. Сейчас, когда ее немного отпустило от переживаний, Лена почувствовала, как она оголодала. Залпом осушив флягу и закусив нехитрой снедью, она несколько успокоилась, обретя что-то вроде плана. Пересчитала деньги: немного, но хватит на место на торговом судне, отправляющемся в Сарлонию. Конечно, есть риск, что ее снова попытаются взять в рабство, а то и что похуже, но, как-никак, знания, полученные в Монастыре, остались при ней, так что Лена надеялась, что ей удастся произвести должное впечатление на здешних морячков. Ну, а там уже своим ходом добраться до Топи, где Лена рассчитывала, с помощью все тех же умений, найти Курганье и снова попытаться вернуться в родной мир. За время обучения в Монастыре, она почти уже забыла о прошлом,

захваченная множеством впечатлений. Но раз уж этот мир ее отторгает, Лене не остается ничего иного, кроме как в очередной раз попытаться вернуться домой. Зыбкая надежда, прямо скажем, но ничего лучше все равно не придумывалось.

Странное дуновение ветерка отвлекло ее от невеселых раздумий: Лена внезапно поняла, что она уже не одна на дороге.

— Так торопишься наскокинуть? — послышался за ее спиной знакомый язвительный голос, — погоди, красотка, кое-кто давно жаждет встречи с тобой.

Не веря своим ушам, Лена обернулась, но увидеть собеседника уже не успела: перед ее глазами внезапно сгустился кромешный мрак. Не успела она произнести заклятие, развевающее шар тьмы, как что-то с силой ударило ее по голове, перед глазами словно полыхнула яркая вспышка и Лена потеряла сознание.

Сознание возвращалось медленно — очнувшись Лена осознала, что оказалась в какой-то повозке, неторопливо движущейся по довольно ровной дороге, без ям и ухабов. Большого она узнать не могла при всем желании: связанная по рукам и ногам, с кляпом во рту и мешком на голове, она лежала на дне повозки, приваленная какими-то тюками. В мешке, кстати, судя по запаху, раньше хранили что-то на редкость вонючее — так что вскоре девушка снова потеряла сознание.

Очнуться второй раз ей помогли струи воды и чьи-то грубые руки бесцеремонно растиравшие ее тело, нескромно трогая в самых укромных местах.

— Какого черта?! — вскинулась Лена, но тут широкая ладонь, опустившись ей на макушку, погрузила ее в воду с головой. Фыркая и отплевываясь, Лена вынырнула, ошалело оглядываясь. Она находилась в полутемном помещении, освещенном лишь тусклым светом, пробивавшимся из окошка над потолком. Большую часть комнаты занимала обширная ванна или, скорей, небольшой бассейн, до краев наполненный морской водой. На стене, напротив девушки, торчала мраморная львиная голова, из пасти которой и выливался поток, наполнявший купальню.

Помимо самой Лены в купальне находилось еще несколько человек — все до одного мужчины, — купавших пленницу с неторопливым усердием крестьянина, мывшего лошадь или иную животину. Лена попыталась рассмотреть лица новых обидчиков, но в окружавшем полумраке это было почти невозможно.

— Кто вы? — спросила она, — что вам от меня надо?

Вместо ответа чья-то мозолистая ладонь легла Лене на грудь и она, не собираясь сдерживаться, засадила охальнику ребром ладони по горлу. Послышался сдавленный стон, что-то смачно хрустнуло, но тут на лицо Лены легло нечто мягкое и влажное, испускавшее резкий запах — и девушка, в очередной раз потеряв сознание, бессильно осела в воду.

Третий раз она очнулась уже на свежем воздухе — совершенно голая, лежащая на мраморной плите в форме неправильного пятиугольника. Руки и ноги девушки сковывали тяжелые цепи, крепящиеся к вделанным в плиту массивным железным кольцам. На каждом из углов покоились большие чаши из позеленевшей меди. Сама же плита венчала мраморное возвышение, в полтора человеческих роста, выполненное в форме трехступенчатой пирамиды. Громоздкое сооружение стояло посреди небольшого двора, окруженного высокими стенами из черного камня. Из-за стен доносился негромкий рокот близкого моря.

Посреди каждой стены красовался ставший уже ненавистным символ: золотое солнце с расходящимися лучами. Миниатюрные копии этого знака — золотые монеты с выгравированным солнцем, — на тонких шнурках свисали и с шей обступивших Лену мужчин. Все они носили белоснежные одеяния, также украшенные символом солнца, вышитым на груди золотыми нитями. Особенно выделялся один мужчина — высокий тощий, с узким лицом и редкими черными волосами. С его шеи, на золотой цепочке, свисала уже не монета, а увесистый диск, размером с чайное блюдце. Посреди него красовался не то драгоценный камень, не то искусная поделка из желтого стекла. Подобный же камень украшал и золотой перстень на указательном пальце незнакомца.

— Очнулась, наконец, — худое лицо озарилось елейной и одновременно ехидной улыбкой, — я уже начал бояться, что столь долгожданная встреча так и не состоится.

— Кто вы? — выдавила Лена, — что вам нужно от меня?

— Уверена, что хочешь знать правду? — мужчина покривил тонкие губы, — хотя...это уже ничего не изменит. Даже зная все, ты не причинишь вреда нашему делу.

— Я никому и не собиралась вредить, — выпалила Лена, — это вы желаете мне зла. Что я вам сделала, что вы так преследуете меня? Еще там, на Щучьих Зубах...этот ваш «Толик».

— Брат Толиас, — снисходительно кивнул мужчина, — решил покончить со всем разом.

— «Со всем» — это со мной? — уточнила Лена.

— Именно так, — кивнул мужчина, — брат Толиас знал о тебе достаточно, как и брат Парал — тот самый, которого сгубила проклятая ведьма.

Лена поняла, что сейчас незнакомец говорит о том загадочном колдуне, от которого спасла незадачливых любовников архидиаконисса Саломея.

— Брат Толиас пал от твоей руки, — продолжал мужчина, — он и Парал, понимали насколько ты опасна. Возможно, Отец-Солнце не даровал им победы, потому что они собирались просто убить тебя, тогда как я сообразил, как обратить твою смерть нам на благо.

Он опустил руку к поясу и Лена невольно дернулась, когда увидела клинок с золотой рукоятью и драгоценным камнем в навершии рукояти. На лезвие было выгравировано все то же Солнце — такой же нож имел и «Толик», оказавшийся «братом» Толиасом.

— Зачем тебе моя смерть!?! — Лена рванулась, бессильно загремев цепями, — я не собиралась делать вам ничего плохого. Я просто хочу вернуться домой — помоги мне и я никогда...

— Если ты рассчитываешь на счастливый конец, то ты невнимательно слушала, — осклабился «брат», — выбор не стоит между твоей жизнью или смертью. Решается лишь то, как тебе умереть, чтобы с наибольшей пользой послужить нашему делу.

— Да что это за чертово дело-то такое?! — воскликнула Лена. Она понимала, что затягивание времени ее не спасет, но делала это из чистого инстинкта самосохранения. К тому же, ей почему-то показалось особенно обидным умереть, даже не узнав за что.

— Мы — «Дети Рассвета», — глаза мужчины засветились фанатичным блеском, — единственные кто Помнит. Помнит, что некогда с востока всходило Истинное Солнце — благословенный Лик Единого Творца, озаряющий весь мир ярким светом. Те, кто знает — Истинный Бог еще вернется. Он изгонит кровожадных демонов, которым поклоняются забывшие Его люди, истребит всю нечисть и нежить, покарает жестоких властителей и сотворит лучший мир, избавленный от угнетения и несправедливости. Твоя смерть поможет приблизить это благословенное время, потому что ты...

— Хватит болтать, Аполлодий, — послышался знакомый голос, — даже мертвым не стоит знать слишком много.

Лена, исхитрившись, повернула голову и с ее губ сорвалось изумленное восклицание: к алтарю неспешно поднималась Лактения, в полном жреческом облачении. Вместе с Лактенией шествовали еще две жрицы, тоже знакомые Лене — хранительница Библиотеки, Дукесия и смуглая черноволосая Эшмадохт из Деваманда.

— Что ты тут делаешь?! — воскликнула Лена.

— Это мой дом, вообще-то, — презрительно покривила губы Лактения, — ты не знала, что многие жрицы имеют резиденции в Никтополе? Я нечасто бываю на своей вилле, но сейчас, надо признать, она пришлась как нельзя кстати.

— Это ты сдала меня им?!

— Так уж вышло, что наши интересы совпадают, — усмехнулась Лактения, — я помогаю «Детям Рассвета», а они помогут мне достичь желаемого.

— Госпожа, — перебил жрицу мужчина, — вы принесли, то о чем мы говорили?

Пренебрежительная улыбка искривила губы Лактении и ее рука нырнула в складки одеяния. Спустя миг она появилась вновь, держа большой кристалл — что-то вроде ограненного янтаря, наполненного изнутри золотистым сиянием.

— Чего только не найдешь в монастырских тайниках, — сказала она, протягивая кристалл Аполлодию, — не стоит медлить. Чем скорей ты покончишь с этой девкой, тем быстрее, мы приступим к Главному Делу.

— Ждать осталось недолго, — почтительно кивнул «брат», но Лена заметила в его глазах отблеск тщательно скрываемой ненависти, — когда кровь женщины, рожденной под Истинным Солнцем, напитает кристалл, он станет талисманом великой силы, способным совершить небывалое и тогда...

— Ты снова много болтаешь, — оборвала его Лактения, — начинай уже.

Аполлодий снова кивнул и, уложив камень чуть ниже груди Лены, затянул торжественную песню, тут же подхваченную остальными братьями. Голоса певцов крепили, становясь все громче: на самой высокой ноте Аполлодий вскинул нож и лучи Черного Солнца отразились одновременно от драгоценного камня на эфесе клинка и золотого перстня на пальце «брата». В тот же миг чаши по углам плиты вдруг вспыхнули ярким золотистым пламенем. Солнечный зайчик ударил в глаза девушки, зажмурившейся в ожидании неминуемой смерти. Тут же Лена почувствовала в груди, там, где лежал кристалл, болезненное жжение, становящееся сильнее с каждой секундой.

«Интересно, — мелькнула в голове нелепая мысль, — я попаду в Лимб или в Ад?»

Внезапная развязка

«Гром среди ясного неба», — не избитая метафора, а самая, что ни на есть реальность, — как и полагается, прозвучал совершенно неожиданно. Лена, так и не дождавшись смертоносного прикосновения холодной стали, осторожно приоткрыла глаза — и увидела, как доселе ясное небо заволакивают неведомо откуда взявшиеся тучи. словно разом наступила ночь — и ночную тьму, подобно удару исполинской плети, рассекли ослепительно-белые молнии. Лена еще не успела понять, что это ей напоминает, — все вокруг опять погрузилось во тьму, потом очередной раскат и семь огненных плетей располозовавших тучи. В свете молний Лена увидела на стене неподвижную фигуру, державшую плетку с извивающимися змеиными телами.

— Саломея! — полный страха и ненависти крик перекрыл даже очередной раскат грома, — что же ты стоишь, болван?!

Лактения, с искаженным от страха и ненависти лицом, кричала на Аполлодия. Тот, похоже, тоже изрядно стухнул, но все же не потерял голову.

— Ко мне братья! — громко крикнул он, — пусть отродья демонов знают, что и во тьме есть свет Единого! Да оградит он нас от Мрака!

На его груди уже полыхал солнечным светом талисман — и словно подключаясь от него, начали светиться и золотые монеты его собратьев. Сам Аполлодий сорвал с груди Лены кристалл и, вскинув его над головой, прокричал что-то на незнакомом языке. Фигура на стене тоже выкрикнула несколько слов — и во двор, словно из воздуха, хлынули орды невыразимо уродливых созданий. В тот же миг стене, рядом с первой «гостьей», появилось еще несколько фигур. Две из них держали все те же змеехвостые плети, свивавшиеся кольцами над их головами.

Вызванные архидиаконессой твари уже неслись по ступеням пирамиды, когда перед оскаленными мордами вдруг выросла полупрозрачная золотистая стена. В мгновение ока она накрыла стоявших у алтаря «Детей Рассвета» и мятежных диаконесс полупрозрачным светящимся куполом, оказавшимся непреодолимым для тварей Бездны. Аполлодий отпустил кристалл и тот не упал, но завис над головой «брата», мерцая золотистым светом. Сам же Аполлодий, взявшись за руки ближайших «братьев», затянул некую молитву, тут же подхваченную остальными фанатиками. Взявшись за руки вокруг алтаря, образовав, своего рода, «живую цепь», Дети Рассвета создали преграду, сквозь которую не могли пробиться беснующиеся чудовища.

О Лене уже никто не вспоминал — «Дети Рассвета» держали золотистую завесу, тогда как три диаконессы-изменницы, судя по звучавшему за спиной Лены бормотанию, пытались заклинаниями очистить небо. Временами им это удавалось: меж туч появлялись прорехи и завеса вокруг алтаря росла и крепла. Но вскоре тучи сгущались вновь — и демонические твари с удвоенной яростью кидались на золотистую преграду.

Саломея прокричала еще один приказ — и стоявшие рядом с ней фигуры слетели со стены, вливаясь в общую драку. Одна из этих фигур выделялась уродливой прической, напоминавшей два рога цвета засохшей крови. За спиной же второй струились пепельного цвета волосы. Рядом, оседлав зверя, похожего одновременно на сома и кота, мчалась бледная как смерть девушка, с развевавшимися на ветру светлыми волосами и горящими зелеными глазами. Такие же глаза мерцали и у мелькавших у нее за спиной гибких теней. Лене даже

показалось, что очередная вспышка молнии высветила чью-то подбадривающую улыбку. Сразу воодушевившись Лена, решила и сама что-то сделать для своего спасения. Скованной, конечно, это было затруднительно, но все же цепи были натянуты не так уж и туго, — сковывали наспех, торопились, — так что попаданка могла хотя бы согнуть ногу в колене. Что она и проделала, пнув одну из пылающих чаш. Медный сосуд покотился по камню, а золотисто-алое пламя охватило одеяние одного из «Детей Рассвета». Тот заметался с истошным криком, сбивая с себя огонь и, конечно же, разорвал круг. В завесе появилась брешь, в которую с визгом, рыком и хохотом устремились демонические твари.

Несколько «братьев» были растерзаны в мгновение ока, однако остальные, сплотившись вокруг Аполлодия, еще пытались отбиваться. Их воодушевлял предводитель, держащий в одной руке кристалл, а в другой — кинжал с изображением Солнца. С двух сторон на него кинулись кошкосомы — но глава «Детей Рассвета» вскинул перед ними руку с кристаллом и твари с жалобным воем сгинули во вспышке ярко-золотистого пламени. Кэт, с отчаянным визгом, в котором смешались ненависть и горе, метнулась к Аполлодию, метя ему в горло окровавленными когтями. «Брат» уже собирался спалить и ожившую утопленницу, но сверху ударил змеиный хлыст, выбивший кристалл из его рук. Кэт, сбив Аполлодия с ног, уже готова была вцепиться ему в глотку, но тут же с диким воем отпрянула, корчась на земле и зажимая страшную рану внизу живота, хлещущей потоками смрадного гноя. Аполлодий поднялся, держа в руке окровавленный нож — тот самый, с солнцем на лезвие и драгоценным камнем в рукояти, — и, дико озираясь, вдруг вонзил его себе в горло. Труп тут же растерзала бесовская свора. Другие «братья» еще сражались — пока в их толпу не ворвалось, оглашая воздух безумным хохотом, некое существо: вроде женщины с кожей цвета крови, перепончатыми крыльями, козлиными рогами и скорпионьим хвостом. Несколько человек были разорваны в клочья, остальные кинулись наутек — в лапы заполонивших двор чудовищ. Сама демоница подлетела к Лене. На мгновение попаданка испугалась уставившихся на нее глаз, — ярко-оранжевых, с вертикальным, «кошачьим» зрачком. Один из этих глаз подмигнул Лене и та успокоилась, увидев в руках неожиданной спасительницы хлыст со змеиными головами.

— Ты всегда умела подбирать компанию! — оскалила белые зубы демоница.

Она схватилась за одну из цепей — и стальные кольца лопнули в ее пальцах, а потом и вовсе рассыпались ржавой пылью. Демоница взялась за вторую цепь, когда за ее спиной вдруг возникла Лактения, державшая в одной руке «солнечный кристалл», а во второй — брошенный кем-то их братьев «нож». Лена предостерегающе крикнула, но опоздала — с полыхавшими ненавистью глазами Лактения вонзила нож в спину бывшей соратницы. Удар был нанесен с такой силой, что острое лезвие пробило тело насквозь, выйдя чуть выше правой груди. Из клыкастого рта выплеснулась кровь и демоница с жалобным воем рухнула рядом с Леной. Тут же она обернулась молодой женщиной, с нелепой прической, напоминавшей большие рога. Лактения же вновь вскинула нож — уже над Леной.

— Фебрия!!! Нет!!!

Не крик, а отчаянный вой, полный ярости и горя ударил по ушам — и к пирамиде метнулось нечто невообразимое — существо, казалось, сплошь состоявшее из щупалец, змеиных шей и щелкающих зубами акульих пастей. Только сейчас Лена услышала, как грохочет за стенами разбушевавшееся море — но и его буйство бледнело перед яростью служительницы Скиллы. Несколько «Детей Рассвета», имевших глупость оказаться у нее на пути, в доли секунды были растерзаны в клочья. В следующий миг длинные щупальца

метнулись к Лактении, выкручивая нож из рук диаконессы. Клацнула акуля пасть — и Лактении истошно завизжала, когда увидела аккуратный срез, по локоть, фонтанирующий кровью. Клацнула еще одна пасть — и уже на месте ступни заалел новый обрубок, с сахарно белеющей костью. Прочие щупальца схватили Дукецию и Эшмадохт. Казалось, еще миг — и трех мятежниц тоже порвут на части, но тут возле уродливой твари вдруг появилась стройная фигурка в черном.

— Хватит, Кайра, — губы Саломеи искривились в легкой улыбке, — твоя подружка выживет, если ты поспешишь ей на помощь. Но и эти трое мне нужны живыми.

В многочисленных глазах чудовища мелькнуло нечто похожее на разочарование, но все же щупальца его резко распрямились, отбрасывая покалеченных жриц. В следующий миг морское чудовище обернулось пепельноволосой диаконессой, метнувшейся к слабо шевелившейся Фебрии. Саломея, шагнув к Лене, коснулась ее оков, прошептала несколько заклятий — и цепи превратились в пыль. Лена, косясь на диаконессу, поднялась на ноги, созерцая двор виллы, превратившейся в поле боя. Собственно бой закончился: у стены стояло трое чудом уцелевших «Детей рассвета», под присмотром рогатых демонов, с волчьими головами и черно-красной кожей. Остальной двор был залит кровью, завален растерзанными телами, которые пожирала разные твари. Лена раньше не замечала, что здесь собралось столько народу — должно быть, когда все началось, остальные фанатики, находившиеся на вилле, выбежали во дворе, чтобы защитить своих «братьев».

В небе еще клубились тучи, сверкали молнии, лился дождь, с шипением гасивший все еще плясавшее в чашах золотистое пламя. Лена подставила руку и почти не удивилась, когда по ней пробежали алые ручейки — что удивительного, что даже небо здесь плачет кровью? Она еще раз посмотрела на Кайру, хлопотавшую возле Фебрии, потом перевела взгляд на Кэт — как не странно, мертвая девушка все еще шевелилась, — и, наконец, вопросительно взглянула на Саломею. Лицо архидиаконессы по-прежнему ничего не выражало — лишь в уголках рта таилась легкая насмешка.

— Надеюсь, ты не думаешь, что все это началось из-за тебя? — усмехнулась она.

— Не думаю, — мотнула головой Лена, — невелика птица.

— Все-таки ты не совсем дура, — довольно кивнула Саломея, — хотя недавно я в этом и сомневалась. Твое наказание никто не отменял, но чтобы получить ответы хотя бы на часть вопросов — придется вернуться в Монастырь. Может, хоть там мы сумеем разобраться, что за каша заварилась вокруг тебя.

— Предательство — не самый серьезный твой проступок.

Хрустальный шар, светящийся изнутри зеленым светом, озарял стены мрачного подземелья и терялся в казавшейся бездонной расщелине. Из нее доносился шум невидимого подземного потока. У края пропасти стояла Саломея, с безгловым сожалением рассматривая скорчившуюся у ее ног жалкую фигуру. Мало кто узнал бы сейчас в этом изуродованном голом существе, покрытом коркой из грязи и засохшей крови, холеную и надменную диакониссу.

— Я не сержусь на то, что ты копала под меня, — продолжала Саломея, — да, сестры должны держаться друг друга, но я давно поняла, что зависть и жажда власти толкают людей на разные безумства. В чем-то ты достойна уважения — не каждая рискнет бросить вызов архидиаконессе. Возможно, я бы отнеслась к тебе снисходительней — если бы ты подобрала иных союзников. Увы, ты оказалась не столь умна, как я считала раньше.

Лактения не отвечала, хотя Саломея оставила пленнице язык — и бывшая диаконесса еще недавно была очень разговорчивой. Но сейчас она молча пялилась на Саломею полубезумными глазами. Из приоткрытого рта ее стекала струйка кровавой слюны, некогда роскошные черные волосы превратились в свалявшиеся космы.

— Ты разочаровала меня Лактения, — покачала головой Саломея, — по глупости ты могла погубить не только меня, но и всех сестер, включая себя, ввергнуть всю Некрарию в невообразимую доселе бойню. И все потому, что ты так до конца и не поняла, с кем связалась. То, что ты задумала хуже чем преступление — это ошибка, которую мне удалось исправить чуть ли не в последний момент.

Саломея подняла руку со светящимся шаром, поднося его к лицу изменницы.

— Ты совершила глупость, Лактения, — сказала она, — столь большую, что вряд ли теперь можешь считаться разумным существом. Тебе сейчас подходит совсем иное обличье.

Глаза Лактении округлились от ужаса, когда она осознала смысл сказанного. Жрица дернулась, желая отвернуться, но Саломея выкрикнула заклятие и диаконесса замерла, уставившись на шар. В тот же миг изумрудных глубинах которого появилась черная точка. Она росла, вытягиваясь в высоту, пока не превратилась в вертикальный зрачок, превративший шар в подобие огромного глаза. Зеленое око так и вперилось в Лактению, а та, словно замороженная, тоже уставилась на него. В призрачном свете лицо диаконессы странно менялось, искажаясь, словно отражение в кривом зеркале. Темные глаза выпучились, почти вылезая из орбит; нос провалился, превратившись в две дыры, рот, напротив расширился, лишившись губ и оскалившись острыми зубами. Менялось и тело диаконессы: оно съеживалось, иссыхало, становясь все меньше и тоньше.

Спустя миг все было кончено — на месте Лактении теперь извивалось существо, длиной примерно в метр, напоминавшее помесь рыбы и змеи: с выпученными глазами, зубастым ртом и гибким телом, покрытым блестящей чешуей. Вдоль шеи твари трепетали жабры, ниже их шевелились два маленьких плавника.

Носком сапога Саломея поддела извивающееся тело и безгловым сбросила его в подземную реку.

— С главной тварью покончено, — усмехнулась она, — теперь займемся вами.

Она дружелюбно улыбнулась окаменевшим от ужаса Эшмдохт и Дукеции, прикованным

к стенам рядом с пропастью.

— Мне, конечно, известно не все, — говорила Саломея, — но достаточно, чтобы понять: такого заговора еще не было. Ни в Некрарии, ни где-либо еще.

Архидиаконесса восседала в своих покоях, поглаживая холку очередного стража — могучего зверя, напоминавшего помесь волка и гиены, с черной шерстью и мощными челюстями. Желтые глаза внимательно смотрели на сидевшую в углу Лену. Кроме нее в покоях Саломеи находились Кайра, Амола и диаконесса Астерия.

— Ты, наверное, гадаешь, как мы так быстро тебя нашли, — спросила Саломея. Попаданка настороженно кивнула. Саломея, усмехнувшись, подала знак Амоле, а та, сняла с пояса потрепанную кожаную сумку, — Лена признала ту, что ей выдали перед изгнанием, — и небрежно вытряхнула на стол. Вывалившееся на него мохнатое существо заметалось, оглашая вздох тонким писком, пока Амола не схватила тварь, зажав ее в кулаке.

— Узнаешь? — усмехнулась Саломея, — на время «Доминацию» взяла под крыло Амола. Она же одолжила эту тварюшку у твоей сарлонской подружки.

Лена как можно равнодушнее пожала плечами, хотя ее и неприятно царапнуло то, как легко Найда перешла к новой Госпоже.

— Это было спланировано? — спросила она, — изгнание и все остальное?

— Не совсем, — сказала Саломея, — многое решалось «на ходу». Лактению я начала подозревать после того она скрыла рекомендательное письмо от Артемисии, из-за которого в Монастырь и попала тварь из Йамто. Хотя Лактения и не обязана была мне сообщать и клялась, что ничего не знала, я уже поняла, что с ней нечисто. Тогда же стало ясно, что кто-то охотится за Леной. А когда Лактения прибежала ко мне, возмущенно рассказывая о твоей драке с рабом, я сообразила на какую наживку поймать эту рыбку.

— А Звенко стал наживкой для меня? — Лена в упор посмотрела на Саломею. Кайра бросила на бывшую подопечную раздраженный взгляд, но архидиаконисса лишь спокойно кивнула.

— Да, а что тебя удивляет? Звенко был не жилец при любом раскладе. А так его смерть, как и твое наказание, придали этому спектаклю должную правдоподобность. Речь шла о заговоре, который, в случае успеха, обернулся для Некрарии невообразимыми бедствиями. Если для того, чтобы избежать их, мне пришлось пустить под нож всех рабов Монастыря, я без колебания сделала бы это. Да что рабы — тебя бы тоже запероли насмерть, если бы это помогло делу.

Лена невольно опустила глаза под холодным взглядом архидиаконессы.

— Как я и рассчитывала, — продолжала Саломея, — ловушка сработала на славу. Лактения, после посвящения Икарии, сразу же отпросилась в свое поместье. Одновременно под благовидным предлогом, Монастырь покинули и Дукесия с Эшмадохт. Поскольку мы уже следили за тобой, то вычислить, куда тебя отвезли было не сложно. Остальное ты видела. Лактения, как и ее подельницы уже наказаны, но перед этим они рассказали немало — также как и пленные «Дети Рассвета». К тому же мне удалось вызвать из Лимба кое-кого из тех, кого покрошили в поместье Лактении.

— И Аполлодия тоже? — спросила Лена.

— Его нет, — помрачнела архидиаконесса, — та же история, что и с тем мерзавцем в горах. Не знаю, куда они отправились, но точно не в Лимб.

— Возможно, если мы исследуем кристалл, — заметила Астерия, — мы проясним и этот вопрос. Если камень и впрямь подпитывается от светила.

— Займись этим, — кивнула Саломея, — я распорядюсь, чтобы тебе передали кристалл. Именно из-за него «Дети рассвета» пошли на союз с Лактенией. Они пообещали, что превратят кристалл в могучее оружие, что поможет ей свергнуть меня.

— Лактения хотела занять ваше место? — спросила Кайра.

— Именно так, — сказала архидиаконесса, — кстати, после моего устранения они собирались избавиться и от вас обеих и от Фебрии, а также еще десятка жриц и диаконесс. Остальных собирались просто поставить перед фактом. Дукция помогла Лактении найти кристалл: как хранительница Библиотеки, она больше других знала, что хранится в подземельях Монастыря. Эшмадохт же обеспечивала связь с Девамандом — там многим не нравится сближение Некрарии с Империей и они хотели более лояльную архидиаконессу. Кстати, ту саламандру помогли доставить именно купцы из Деваманда. Но и они, и Лактения, просчитались, связавшись с теми, кого они считали простыми исполнителями.

— Вы о Детях Рассвета? — спросила Астерия, — кто они вообще такие?

— Что-то вроде тайного общества и одновременной секты, — покачала головой Саломея, — предельно враждебной любой из ныне существующих религий — и тевманской «Вере семидесяти двух» и девамандскому Ажи-Дахаке и нашей Триморфе. Всем им «Дети Рассвета» противопоставляют Единого Бога, воплощенного в образе Солнца Сияющего которым, якобы, раньше было Черное Солнце. Они проповедуют, что мир должен быть очищен путем истребления власть имущих, в первую очередь аристократии и ее родовых кладбищ. Это распечатает силы Рассвета и установит на планете «Золотой Век» где все будут равны, не будет богатых и бедных, знатных и простолюдинов, а единственным богом станет Солнце, которое взойдет с Востока.

— Бред! — фыркнула Астерия.

— И бред опасный, — заметила Кайра, — тем более, если я правильно поняла, эти сектанты пытаются возмущать народ.

— Да, — кивнула Саломея, — тот самый, «брат Парал», что пытался уничтожить Кратиада с Каллидорой, проповедовал свое учение тамошним крестьянам.

— Если они ненавидят нас всех, — заметила Кайра, — значит, они обманывали и Лактению.

— Скорее они все обманывали друг друга, — усмехнулась Саломея, — тот еще змеиный клубок. Лактения собиралась использовать их, чтобы расчистить себе путь к власти, а потом истребить случайных союзников. Проблема в том, что для того, чтобы избавиться от меня, Лактении пришлось бы впустить «Детей» в Монастырь — чтобы сделать грязную работу их руками. Аполлодий убедил ее, что без кристалла, — они зовут его Солнечный Камень, — у них ничего не получится, а чтобы усилить Камень его нужно окропить кровью «рожденной под истинным солнцем».

— О чем речь? — недоуменно вскинула бровь Астерия.

— Я потом объясню, — сказала Саломея, — возможно, это учение таит в себе больше, чем они пытаются показать. Как-то ведь они превращают в оружие против мертвецов лучи Черного Солнца, также как и ножи, помеченные их символом. Солнечный Камень таил еще большие силы, — и с его помощью, после моего убийства, «Дети Рассвета» собирались расправиться и с Лактенией и всеми жрицами, до кого бы им удалось дотянуться. Но главная их цель — Монастырский Некрополь. Уничтожив один из источников нашей силы, затем они ввергли бы Некрарию в жестокую гражданскую войну, которую ослабленный Храм уже не смог бы сдержать. Именно ради этого сеялась и рознь между благородными Домами. В

войну вмешались бы Империя и Деваманд и «Дети Рассвета» использовали бы это, чтобы спровоцировать войны уже в этих странах.

— Обширный план, — покачала головой Кайра.

— Мне одно непонятно, — подала голос Амола, — если эта секта столь опасна, почему мы ни разу не слышали о ней? Я проделала путь от Матазулу до Некрарии, видела бандитов, колдунов и фанатиков самых разных богов, но никогда не слышала об этой шайке.

— Хороший вопрос для Стражницы, — сказала Саломея, — они хорошо прятались. Очень долго — сами они говорят, что тысячелетия, — «Дети Рассвета», вопреки своему названию, держались в тени, ни во что, не вмешиваясь, лишь наблюдая и копя силы. Но недавно они зашевелились — и догадайся с одного раза, кто стал тому виной?

Взгляды четырех жриц устремились на оробевшую Лену.

— Я ничего не знаю, — проямлила она, — может, это ошибка?

— С тремя покушениями? — бросила Кайра, — какие уж тут ошибки.

— Ты говорила, что они по-разному смотрели на твое убийство, — заметила Саломея, — Аполлодий хотел, пролив твою кровь, наполнить кристалл силой, но других, судя по всему, устраивала любая смерть. А значит дело не в Солнечном Камне, а именно в тебе.

— А что говорят они сами? — спросила Астерия.

— Те, кого удалось расспросить, о Лене знают мало, — покачала головой Саломея, — только то, что ее нужно убить любой ценой. Аполлодий знал куда больше, но он — непонятно где. Кстати, как проникать в иные миры эти ребята — и живые и мертвые, — тоже ничего не знают, так что тебе придется еще задержаться у нас.

— Меня же изгнали, — напомнила Лена, — или это тоже было «понарошку»?

— Ни в коем случае, — покачала головой Саломея, — какие бы игры не крутились вокруг, ты была наказана за дело и я не собираюсь отменять его — да и не смогла бы, по Уставу. Но в Монастыре ты останешься, пока я не решу, что с тобой делать дальше. Пока же...можешь быть свободна. Амола, ты не проводишь ее?

— Конечно, — кивнула негритянка, вставая из-за стола, — пойдём.

Лена послушно последовала зачерной воительницей. Уже выходя, она услышала, как жрицы возобновили обсуждение.

Крытый внутренний двор в загородной резиденции Кайры Моррикан как две капли воды походил на «Зал Моря» в достопамятных «Семи искушениях». Те же стены в перламутрово-ультрамариновых тонах; резные фрески, изображавшие русалок и морских чудовищ; сине-зеленые кристаллы, мерцавшие мягким светом на мраморных колоннах. Большую часть помещения занимал исполинский бассейн, со стенками выложенными плитками сине-зеленого камня и большими раковинами. В морской воде сновали диковинного вида рыбы и небольшие, примерно в метр, змеи с переливчатой чешуей.

Посреди бассейна высился островок из темно-красного камня. Большой грот делал красную скалу похожей на раковину исполинского рапана и одновременно — застывшую в камне вульву. У входа в грот лежал полуразложившийся труп молодой девушки. Некогда роскошные волосы превратились в грязные лохмотья, почти черное лицо скалилось в уродливой гримасе, а внизу живота зияла страшная рана, покрытая коркой засохшего гноя. Самое страшное, что мертвячка все еще как-то жила — руки и ноги подрагивали, словно существо пыталось встать, ошметки губ шевелились и меж черных зубов пытался просунуться черный язык. От трупа исходил невыносимый смрад. Рядом с мертвой девушкой металась бесшерстная черная кошка: не обращая внимания на жуткую вонь, она то робко трогала лицо лапой с втянутыми когтями, то начинала слизывать сочившуюся из глаз жидкость, мяукая столь громко и жалобно, будто хотела что-то сказать.

С противоположного берега за этой душераздирающей сценой наблюдали Кайра и Лена. — Большого я не могу для нее сделать, — с сожалением покачала головой диаконесса, — ты сама видишь, во что она превратилась. Этот нож опасен даже для живых, — помнишь, ты рассказывала, что случилось с тобой от одной царпины.

Лена мрачно кивнула: воспоминания о том, как ее, объятую горячкой, везли через Топь, а потом лечили в храме Вельзевула, все еще были живы в ней.

— Фебрии пришлось куда хуже, — продолжала Кайра, — тебя просто полоснули, а ее проткнули насквозь. Конечно, наши врачеватели куда искусней, чем сарлонские знахарки, но все равно — может пройти месяц, прежде чем она полностью оправится.

Неподдельная скорбь звучала в голосе диаконессы и Лена, несмотря всю печальность момента, хмыкнула про себя: что бы там не произошло между Кайрой и Фебрией, как бы не была обижена лоркнийка на свою ветреную подружку, это не уничтожило ее чувства. Никому не доверив лечение, Кайра доставила раненную Фебрию на свою виллу, где несколько дней не отходила от кровати подруги. Но свои мысли Лена предпочла держать при себе — она хорошо помнила, как отреагировала Кайра, когда попаданка осмелилась поинтересоваться прошлым двух диаконесс.

— Но на мертвых эта дрянь действует куда сильнее, — продолжала Кайра, — этот нож, ну ты видишь. Самые мои сильные заклинания едва удерживают душу в этом теле, а разложение и вовсе не в силах остановить. Остается или отпустить ее в Лимб или...

— В Лимб она всегда успеет, — упрямо сказала Лена, — может, попробуем иначе?

— Ну хорошо, — Кайра вдруг улыбнулась, — мне и самой интересно, что получится.

Она вскинула руку, произнося заклинание, и вода в бассейне взбурлила, распугивая рыб и змей и из воды появилось чудовище, словно вышедшее из ночного кошмара. Кольшущуюся медузообразную плоть усеивало множество огоньков голубого и зеленого цветов, мерцавших

подобно множеству голодных глаз. Среди них особенно выделялось нечто, напоминавшее большой изумруд, переливавшийся оттенками зеленого на условной «макушке» твари. Длинные щупальца разом оплеля Кэт и кошку Вассу, отправили обоих в открывшийся в белесо-слизистой массе огромный провал. Поглотив своих жертв, тварь опустилась в воду и вскоре исчезла с глаз долой.

— Теперь нам остается ждать, — сказала Кайра, усаживаясь на краю бассейна, — сказать по правде, я сама не знаю, что получится. С мертвыми я ни разу не пробовала.

Лена лишь вздохнула в ответ — она и сама понимала, что цеплялась за соломинку в попытке спасти землячку-утопленницу. Вообще попаданка слабо представляла на что способны отродья Кайры — своих чудовищ та создавала с большой фантазией, скрещивая разных морских тварей и морских же демонов, сопровождая это заклятиями и кровавыми ритуалами, мерзкими даже по меркам этого мира. Судя по иным намекам, Кайра использовала не только здешние умения, но и наработки Брокгартского Университета, а также кой-какие родовые умения лоркнийской аристократии. Чудовище, призванное ею сейчас, Кайра считала одним из лучших среди всех своих тварей — и поэтому с нетерпением ожидала результатов сегодняшнего опыта.

— Садись рядом, — сказала диаконесса, похлопав по камню, — в ногах правды нет. Все это надолго — так что у нас еще есть время.

— Время на что? — усаживаясь, спросила Лена. Кайра, усмехнувшись, открыла стоявший рядом с ней небольшой сундучок. Лена не веря своим глазам уставилась на небольшой жезл, сантиметров сорок в длину, покрытый мелкими чешуйками.

— Что застыла? — усмехнулась Кайра, — бери.

— Но я же не могу, — промямлила Лена, — я не прошла посвящения.

— Верно, — кивнула Кайра, — и все же эта плеть твоя по праву. Саломея, может, со мной не согласится, но я все равно считаю, что ты достойна кнута жрицы. Уж точно не менее достойна чем Икария.

— Она ведь теперь жрица? — Лена помрачнела, вспомнив соперницу.

— Да, в этом она тебя обошла, — кивнула Кайра, — но особо ей не завидуй. После того, как ее так подставила наставница, а еще раньше — собственная мать, Саломея взяла Икарию на очень короткий поводок. Одного ее слова хватит, чтобы ввергнуть в опалу весь дом Гелос — доказательств достаточно, — так что теперь архдиаконисса владеет им со всеми потрохами. Но хватит о ней — бери, наконец, свой подарок.

Лена с опаской взяла жезл и, осторожно, взмахнула им. В тот же миг, над головой его взлетело гибкая плеть, тут же распавшееся на семь змеиных тел, угрожающе шипевших. Кайра, лениво поднявшись на ноги, сняла с пояса собственный хлыст, также вмиг распавшийся на несколько змеиных тел.

— Ты чего? — спросила Лена, испуганно смотря на жутковатый девайс. Вместо ответа, Кайра наотмашь хлестнула ее — и Лена вскрикнула, обожженная знакомой болью.

— А ну, докажи, что я не ошиблась в тебе! — оскалилась Кайра, — докажи нам всем!

Она снова занесла плеть — и змеиные головы метнулись вперед, готовясь впиться в Лену истекающими ядом зубами. Но и попаданка уже не стояла столбом, мигом вспомнив былые навыки. Лена сейчас не просто владела кнутом: она *чувствовала* его, ощущала как продолжение собственной руки, ставшей ее смертоносной ядовитой дланью. Разум попаданки также слился с сознанием семи змей, направляя и понукая примитивные хищные разумы. Раскрутив плеть, Лена швырнула ее навстречу змеям Кайры — и ядовитые твари

сплелись в шипящий, извивающийся клубок. Кайра отдернула руку, пытаясь расплести его, когда Лена, отдав мысленный приказ, заставила плеть удлиниться раза в три. Вскинув руку, Лена перебросила змей через голову Кайры, только и успевшую проследить за промелькнувшими над ней извивающимися телами. Она все-таки сумела высвободить свою плеть, но воспользоваться ею не успела — Лена, захлестнув сзади ноги Кайры, дернула кнут на себя. Застигнутая врасплах диаконесса упала на спину, едва успев подставить руки, чтобы не удариться о камень затылком. При этом ей пришлось выпустить кнут — и змеи Лениной плетки мигом оплели руки диаконессы. Еще одна змея, вцепившись в жреческое одеяние, мощным рывком сорвала ее с Кайры. Лена злорадно ощерилась при виде голой наставницы: как никогда остро ей припомнилась экзекуция в храме Скиллы на Тоеме. Лоркнийка же насмеялась — похоже, Кайру забавляло, что ее подопечная «одержала верх». Лена послала новую команду и змеи устремились к ней, вбираясь обратно в кнутовище и таща за собой диаконессу. Совершенно непочтительно протащив лоркнийку по полу, Лена навалилась на Кайру, вдруг показавшуюся столь же маленькой и юной, как и в первый день их встречи.

— Попалась! — выдохнула она, глядя в смеющиеся глаза Кайры.

Отведя упавшие на лицо лоркнийки пепельные локоны, Лена впиалась в ее губы жадным поцелуем. Одновременно Лена запустила руку между ног Кайры, с удовлетворением отметив обилие влаги. Пальцы Лены нащупали горошину клитора, умело массируя скользкий бугорок. С громким криком Кайра выгнулась дугой, толкая бедра навстречу терзающим ее пальцам. Спустя миг внутренний двор уже оглашали томные стоны и всхлипы жриц, самозабвенно занимающихся любовью.

Казалось, ничто не могло оторвать Кайру и Лену от наслаждения друг другом — и все же, они невольно прервались, заслышав позади себя громкий плеск. Обернувшись, девушки увидели, как из бассейна поднимается гора белесой плоти, окруженной множеством извивающихся щупалец. Распахнулся исполинский рот, выплевывая на берег чье-то тело и в тот же миг чудовище вновь исчезло под водой.

Не веря своим глазам, Кайра и Лена смотрели как с пола, неуверенно, словно ребенок учащийся ходить, встает странное и прекрасное существо. Смуглое тело сочетало кошачью гибкость с округлой прелестью женских форм. Тонкие пальцы оканчивались острыми коготками, а из копны спадавших до талии иссиня-черных волос выглядывали милые кошачьи ушки. И что самое главное — это существо было, безусловно, живым: трупные пятна, как и шрам, равно как и запах разложения, исчезли без следа.

Синие глаза с вертикальным зрачком посмотрели на двух девушек и полные губы раздвинулись в улыбке, чью прелесть не портили даже острые клыки.

— Мурррр, — пронеслось над бассейном и обновленная Кэт скользнула вперед, без колебаний вливаясь в любовную игру своих создательниц.

... За все это время, Лена почти не была в Монастыре — после совещания у Саломеи, Кайра забрала ее на свою виллу, где она выхаживала Фебрию. Не видела Лена и архидиакониссу — пока, спустя несколько дней после перерождения Кэт, та сама не явилась на виллу, в сопровождении пары десятков Стражниц и очередной жуткой зверюги, напоминавшей помесь пса и черного медведя. Всю эту гвардию Саломея оставила в одном из внутренних дворов, а сама проследовала в гостинную, выполненной все в том же «морском стиле», что и вся вилла. Вместе с Кайрой гостью встречала и Лена. Смуглые рабыни подали в комнату красное вино, запеченных крабиков и маринованных креветок, после чего оставили трех жриц наедине.

— Фебрия передает свои извинения, — сказала Кайра, — она все еще не может спуститься. Но, в скором времени, она надеется вернуться в Монастырь.

— Пусть поправляется, — махнула рукой архидиаконесса, — пока нет ничего, чтобы требовало ее присутствия. Даже ее переписку с Имперской тайной полицией я взяла на себя — кстати, я отправила в Брокгарт всю известную нам информацию о «Детях Рассвета» — сдается мне, в Империи, их будет побольше, чем в нашем захолустье.

— Это точно, — хмыкнула Кайра, — в тамошнем кубле им всяко свободней, чем тут.

— Кстати, имперцы кое о чем меня попросили, — небрежно продолжала Саломея, — совсем невинная просьба, в удовлетворении которой я не вижу смысла отказывать.

— Что за просьба? — спросила Кайра и Лена почему-то напряглась от ее тона.

— Я же говорю, пустяк, — хмыкнула Саломея, — один мой хороший друг в Империи, хочет встретиться с Леной. В Брокгарте.

Лена ошеломленно посмотрела на Кайру — но и ту, казалось, поразила эта новость.

— Разумеется, я не нашла повода для отказа, — протянула Саломея, — так что дело решено. Пару дней тебе на прощание — а потом я пришлю повозку. В Миосе уже предупреждены, так что проблем с тем, чтобы найти судно, идущее в Дракию у тебя не будет.

— Это опасно! — воскликнула Кайра, — ей же придется ехать через всю Империю!

— Вы с Фебрией в свое время проделали этот путь, — напомнила Саломея, — а ведь тогда вы еще не учились у жриц Триморфы. Лена и сама сможет себя защитить.

— Она там будет совсем чужая, — сказала Кайра, — кто-то ее должен сопровождать. Кто-то из тех, кто хорошо знает Тевманию.

— Лучше всех в Монастыре Империю знают Фебрия и ты, — заметила Саломея, — но Фебрия еще не оправилась, а ты нужна мне здесь. Если ты не забыла, Монастырь потерял трех диаконесс. Неизвестно еще, сколько в Некрарии затаилось «Детей Рассвета» — нам придется основательно почистить страну от этой заразы. Так что ты остаешься. Лене может сопровождать ее подруга — кстати, поздравляю с очередным удачным экспериментом. Ничего не имею против такой спутницы для нее.

Кайра хотела возразить что-то еще, но Саломея уже повернулась к Лене.

— Я уже говорила, что не могу вернуть тебя в Монастырь, — сказала она, — очевидно, что твоя судьба не здесь. Тот, с кем я общалась в Империи, тоже так считает. Кстати, он отправил для тебя небольшой подарок — тот самый стих Некрона Тотенштайна, написанный самим автором. Так сказать, оригинал. Мой собеседник сказал, что увидев этот раритет, ты сама захочешь отправиться в Брокгарт.

Она протянула Лене некий предмет — трубку из светлого металла, показавшегося странно знакомым. Один из ее концов закупоривала печать из чего-то, напоминавшего окаменевший воск — по нему Лена поняла, что «раритет» и вправду очень стар. Она попыталась его открыть — бесполезно, пробка намертво срослась с металлом.

— Попробуй это, — сказала Саломея, протягивая Лене нож, который девушка уже и не чаяла увидеть снова — клинок своего отца. Ничуть не затупившееся лезвие срезало пробку столь легко, что Лена сама чуть не поранилась. Из трубки ей на колени вывалился листок и Лена оцепенело уставилась на до боли знакомые строчки.

Когда решатся боги света,

Покинуть проклятый наш мир.

И в виде огненной кометы,

Уйдут в космический эфир...

Эти слова, на пожелтевшем от времени прямоугольном листе бумаги, *были напечатаны шрифтом «Times New Roman», без сомнения нанесенным на чьем-то компьютере и распечатанном на обычном принтере!*

Лена не успела осознать этот ошеломляющий факт, когда ветхий листок рассыпался в ее руках, осев на пол горсткой невесомой пыли.

Конец второй части

Часть третья: ИГРА

Кромешный мрак царил в этом покое: узкие окна, забранные плотными занавесями, не пропускали лунного света, а внутри комнаты не горело ни свечей, ни иных светильников. Единственное, что отчасти рассеивало тьму — светящийся узор, испещрявший поверхность большого стола из черного дерева. Расставленные тут и там фигурки придавали столу сходство с большой шахматной доской, хотя клеточек тут имелось куда больше, чем в обычных шахматах. Причем клеточки-квадраты чередовались с иными геометрическими фигурами — треугольниками, кружками, ромбиками. Все они были раскрашены в разные цвета: к привычной черно-белой гамме добавлялись красные, синие, зеленые и желтые клеточки. Все цвета наносились без какой-либо привязки к конкретной форме — красными, черными или зелеными могли быть как квадраты, так и треугольники или кружки. И, тем не менее, все это цветочное и геометрическое многообразие как-то укладывалось в единый сложный узор.

Царившую в покое тишину нарушал лишь доносившийся из-за окна мерный рокот океанских волн.

Двое стояло у «шахматной доски» напротив друг друга. Один, судя по угадывавшимся во мраке очертаниям, был рослым мужчиной с косматой бородой и широкими плечами. О втором «игроке» нельзя было сказать ничего определенного — само его присутствие угадывалось лишь по скользящим движениям чего-то невнятного, а также по мерцавшим во тьме алым углям глаз.

— Что же, эта партия сыграна., - прозвучало из мрака, — начнем новую?

— Как скажешь, — бородач, передернул широкими плечами и смахнул с доски золотой кругляшок, с вытесненным солнцем, — кажется, это больше не понадобится?

Во тьме послышался короткий смешок и над столом мелькнуло нечто, напоминавшее сгусток черного тумана. С глухим стуком по «доске» прокатилось еще с полдюжины же монет. Все они, остановившись, легли на одни и те же клетки — в виде белых кругов. Лишь одна золотая монета, встав на ребро, остановилась на грани красного треугольника и черного квадрата.

— Любопытный расклад, — усмехнулся широкоплечий бородач, — сдастся мне, эта партия будет поинтереснее предыдущий.

— Может и так, — мужчина скорей почувствовал, нежели увидел в темноте насмешливый кивок, — что же, твой ход.

— Хожу! — на алом квадрате появилась золотая фигурка, изображавшая льва. Могучий зверь, стоя на задних лапах, угрожающе поднимал переднюю с выпущенными когтями, грозно скалил клыки. Вокруг пышной гривы плясали язычки золотистого пламени. В тот же миг второй игрок поставил на такую же алую клетку фигурку волка из гагата, с вздыбленным загривком и зубастой пастью.

— Ожидаемо, — кивнул мужчина, — а если вот так?

Одна за другой на доске появлялись новые фигурки: синий бык, угрожающе вскинувший острые рога; расправивший крылья орел из кроваво-красного коралла; морской змей, кусающий себя за хвост; гарпия, леопард, пес. Между покрывавшими доску фигурками мерцали золотистым сиянием монеты — «солнышки».

— Это затянется не на одну партию, — заметил широкоплечий игрок, озирая стол-

доску, — но Черный Феникс уже в игре.

Посреди доски, на черный кружок, окаймленный тонким белым обводом, встала очередная фигурка — обнаженная женщина, выточенная из чистого мрамора, но с головой черной птицы на изящных плечах. Вокруг стройного тела вились тонкие змейки, стягивавшие тонкие, вскинутые над головой руки. Широкоплечий мужчина что-то прошептал — и над хохолком из перьев заплясали язычки пламени: тоже черные, с белыми обводами по краям.

— Не рановато ли? — тьма издала очередной снисходительный смешок, — ведь ей придется пройти через это?

Послышался звук, похожий на щелчок пальцев и в тот же миг вокруг Феникса сами собой сдвинулись несколько фигурок, окружившие его плотным кольцом. Высокий мужчина вгляделся в фигуры, затем усмехнулся в густую бороду.

— Что же, — сказал он, — пусть будет так. Пожалуй, хватит на сегодня — вот-вот рассветет. До скорой встречи, старый друг.

— До встречи, — эхом прошелестело в темноте и в тот же миг в комнате остался только один игрок. Одновременно снаружи раздался звон храмового колокола. Мужчина отдернул занавеску и его рыжую бороду осветили пока еще слабые лучи Черного Солнца, поднимающегося из океанской глади, озаряя просыпавшийся великий город.

«Чем больше кошку гладишь, тем выше она хвост задирает...»

— Вот мы и на месте, — чернявый капитан, явно нервничал, обращаясь к столь важной гостье, — бывали уже в Торговище?

Елена покачала головой, внимательно рассматривая приближающийся город. На некийца она даже не взглянула — и тот воспринимал это пренебрежение как должное. Разумеется, капитан Теол не знал, что Лене так и не дали жреческого сана — владельцу десятка рыбацких посудин, пусть и регулярно поставляющему дары моря на столы знатных персон, ни к чему такие подробности. Просьба переправить Лену через море пришла из Монастыря — для капитана это было достаточно, чтобы выполнить поручение со всем возможным усердием. Владение Лены магией, ее странная спутница, наконец, притороченный к поясу змеиный кнут внушили некийцу еще большее почтение к пассажирке, ну а та не торопилась разубеждать Теола в своем статусе.

— Пойду, соберу вещи, — сказала она, — спасибо за хороший прием.

— О чем речь, госпожа диаконесса? — Теол расплылся в подобострастной улыбке, но Лена уже спускалась в каюту. Еще на пороге она застыла, сморщив нос от резкого рыбьего запаха: ну да, на таком судне, да не разжиться любимым кошачьим лакомством. Войдя в каюту, — небольшое, но уютное помещение, со столиком, двумя стульями и даже небольшим окошком, — Лена увидела на полу пустую бутылку из-под вина, кучу чешуи и рыбьих костей, а также обглоданный рыбий хвост. Виновница этого беспорядка, грациозно изогнулась на широком ложе, сбросив на пол цветастое покрывало. За вычетом покрывавшей ее с ног до головы черной шерстки, в остальном тело выглядело вполне женским — и весьма соблазнительным, — разве что ступни оканчивались пальцами с мягкими подушечками, а кисти рук — острыми когтями. Ну и еще с округлых, бесстыдно выпяченных ягодич, ниспадал черный хвост. Что же до лица — да это и лицом нельзя было назвать, обычная кошачья морда. Когда Лена вошла, кошководка как раз сладко потягивалась, обнажив в долгом зевке острые клыки.

— Все дрыхнешь! — укоризненно сказала Лена, придавив свесившийся на пол хвост носком сапога, — приплыли уже. И прими нормальный вид, а то люди увидят.

— Шли бы эти люди, — буркнула Кэт, приоткрыв зеленый глаз, — дай поспать, будь человеком

— Сама будь, — Лена придавила хвост сильнее, — ночью спать надо, кошка ты драная.

— Мрряуу!!! — негодница обиженно выдернула хвост, — нашла, чем попрекать. Кто драл-то?

— Вставай по-хорошему, — грозно сказала Лена, — а не то...

Она положила руку на кнут, делая вид, что готова пустить его в дело. Кэт испуганно мякнула, по ее телу прошла сильная дрожь... и она вдруг обернулась симпатичной девушкой с милым личиком. Кошачья шерсть втянулась в кожу, как и когти, а задние лапы обернулись босыми ногами. О недавнем облике Кэт напоминали лишь кошачьи ушки, которые она легко прятала под густыми волосами да вертикальные зрачки в глазах, сменивших цвет с зеленого на синий.

— Одевайся, — Лена швырнула ей валявшуюся на полу одежду, — пора на берег.

Вскоре Лена и Кэт уже стояли на носу судна, глядя на приближающийся город. В глазах

рябило от толкавшихся в порту барок, шхун, галер и лодок, непрестанно причаливающих и отчаливающих, разгружающих разный товар — амфоры с некрийским вином, благовония и пряности с востока, груды мехов и мед из Росковии, изящные ювелирные украшения. В свою очередь, на торговые суда загружались товары с Запада — выюки кож, искуснойковки посуда, оружие, медная и серебряная руда, даже могучие кони западных рыцарей. Наособицу от прочих судов стояло несколько боевых галер — главный торговый город Дракии считался лакомым кусочком для всех пиратов Змеиного моря и здешние князья не скупились на флот, делая заказы на лучших верфях Брокгарта. В ушах звенело от криков, споров, грязной ругани и визгливого смеха проституток.

Торговище лежал в уютной долине, где в Дракийский залив впадала река Ицкра. С юга, севера и запада город зажимали Кардопские горы, что тянулись через все Дракийские княжества от северной Гроскании до юго-западной Сарлонии. Несмотря на все сложности пути через горы, здесь пролегал кратчайший путь от Некрарии в центральные области Тевманской империи — поэтому никогда не прекращался поток товаров в обе стороны, а сам город считался крупнейшим не только в Дракии, но и в остальных горных княжествах. Торговище не находилось под владычеством какого-либо феодала, как другие города, находясь под прямым управлением Великого Князя Дракии, от которого назначался наместник. Резиденцию последнего было хорошо видно с моря — большой замок на высокой горе к северу от города. Сам же князь, как уже знала Лена, обитал в замке на горе, под которой стоял Стрегойкавар, столица Дракии. Остальная знать обитала в подобных строениях на вершинах гор, у подножия которых лежали деревни и небольшие города. К северу от Дракии лежали княжества Альбия и Тисон, к югу — Влакия и Борат, а у западных отрогов Кардопских гор, на границе с Гросканией, протянулось княжество Секея. Там начинался равнинный участок торгового тракта, шедший по реке Мерте вплоть до ее впадения в Рензу — великую реку, протекавшую через всю Империю. В месте слияния рек, в Вальдонском Епископстве, находился город Мюнберг, где собиралась крупнейшая ярмарка Тевмании. Именно туда держал путь торговец, с которым собирались ехать Лена и Кэт. Путь же от Мюнберга до Брокгарта девушкам предстояло проделать уже в одиночку.

Впрочем, пока Лена не уносилась мыслями столь далеко — для начала нужно выбраться хотя бы из Тарговище. К счастью, Кайра дала подробные инструкции, куда и к кому ей обратиться. Желаящих угодить Храму здесь хватало — хотя Дракия и считалась частью Тевманской Империи, государственной религией которой было почитание Архонтов, почитатели Триморфы также чувствовали себя вольготно в Тарговище. Еще с моря Лена заметила возвышавшийся над жилыми домами и рыночными площадями большой храм с колоннами из черного, белого и красного мрамора. Под пирамидальной крышей красовался хорошо знакомый символ — в черном круге серебряный трискель.

— Кэт, не отставай, — бросила Лена и, перекинув через плечо дорожную сумку, спрыгнула на причал. За ее спиной послышалось негромкое урчание и краем глаза Лена увидела скользнувшую за ней гибкую тень. Сходя на берег, кошкодевушка надела черную рубаху, штаны для верховой езды, сработанные из оленьей кожи тончайшей выделки, а также высокие, до колен, сапоги. Похоже оделась и Лена — разве что ее черную рубаху украшала белая и красная вышивка, а талию охватывал кожаный пояс, с массивной серебряной бляхой с вытесненным черным трискелем. Символика Храма, как и притороченный к поясу змеиный кнут оказались весьма к месту: несколько криминальных типов, из тех, которыми кишит любой порт, попытались сунуться к девушкам, но мигом поскущели и постарались

затеряться в толпе, поняв, с кем имеют дело. Впрочем, Лена и без кнута могла дать отпор здешнему отребью — с пояса ее свисал отцовский клинок, а в сапоге таился костяной нож Амолы. Кэт же носила на поясе короткий некрийский меч-клифос. Да и городская стража, пусть и не такая многочисленная, как в Тоеме или в Никтополе, бдительно следила за порядком в Торговище. Так или иначе, до храма Триморфы девушки добрались без приключений.

— Разумеется, я исполню волю Храма.

Диаконесса Агалия, — стройная зеленоглазая женщина, в черно-красном одеянии служительниц Эмпузы и диадемой в виде лунного серпа на каштановых волосах, — встретила посланниц Монастыря без особой радости, но и ни в чем им не прекословя. Судя по всему, до нее еще не донеслись слухи о заговоре в Никтополе — Саломея не торопилась вносить сумятицу в заграничные обители. Так что Агалия вела себя спокойно: разве что в беглом взгляде, брошенном на скучающую Кэт, скользнула тень тревоги. Впрочем, жрица быстро овладела собой, вновь повернувшись к Елене.

— Виноторговец Михач, верный почитатель Богини, завтра поведет караван через горы, — продолжала Агалия. — он везет свой товар в Мюнберг и, конечно же, не откажется оказать небольшую услугу Храму.

Они разговаривали во внутреннем дворе храма, у статуи Скилакагеты. Она сильно отличалась от тех скульптур, что Елена видела в Некрарии: через плечо одетой как амазонка Богини, был переброшен лук, — символ архонта Лерайе, — а пес, скаливший зубы у ее ног, раскрывал перепончатые крылья. Крылатая собака — символ и обличье Гласилаболаса, еще одного архонта, весьма почитаемого в Дракии.

— Должна предупредить: чем дальше к западу, тем меньше людей, которым внушает почтение имя Триморфы, — сказала Агалия, — в здешних горах всегда беспокойно. Дикае звери, разбойники, спесивые магнаты...и много чего похуже.

— Как-нибудь прорвемся, — легкомысленно сказала Елена, — нам не привыкать к опасностям.

— Могу пожелать, чтобы богиня и впредь не оставила вас своим благоволением, — сказала жрица, — завтра придет Михач — он всегда приносит жертвы богине перед долгой дорогой. До его прихода вы можете разместиться в одной из келий. Вас проводят и принесут еды ... и вина, если пожелаете.

— Пожелаем, — кивнула Елена, — благодарю, Агалия. Диаконесса Кайра придает большое значение нашей миссии и не оставит вниманием всех, кто помог нам.

Агалия кивнула и поманила стоящую в углу послушницу. Склонив голову в почтительном поклоне, девушка провела Кэт и Елену узким коридором, освещенным пылающими факелами. Остановившись перед узкой дверью, послушница открыла ее и, вновь поклонившись, исчезла в хитросплетении коридоров.

— Почеммяуу?!?! — обиженно взывала Кэт, — загрызи тебя Скилла, Ленка!!! Если тебе охота торчать до утра в четырех стенах, не мешай веселиться другим!!!

— Нам нельзя привлекать внимание, — наставительно сказала Лена, — Кайра считает, что наши друзья, — те, что ходят под солнышком, — могут оказаться и здесь. Или ты забыла, что с тобой случилось в Никтополе?

Кэт легкомысленно передернула плечами, вызвав у Лены досадливый вздох. Сказать по правде, «второе рождение» сильно изменило бывшую утопленницу. Не то, чтобы кошкодевка совсем забыла, кто она и откуда, но все происходившее с ней раньше, — особенно в их

родном мире, — Катя-Кэт воспринимала как-то...отстранено. Словно вся прежняя жизнь была не то сном, не то недавно просмотренным фильмом с нелепой главной героиней. Слившись со своей питомицей, Кэт переняла и многие кошачьи черты. О детях, погибших при штурме поместья Лактении, Кэт печалилась не дольше, чем обычная кошка об утопленных хозяевами котятках. Днем она предпочитала дрыхнуть или есть, тогда как ночью становилась необыкновенно активной, то и дело норовя сбежать на поиски приключений. Ко всему прочему, после трансформации она получила способности к оборотничеству и теперь ее облик колебался от почти человеческого до полностью кошачьего. Кошкой она и собиралась сегодня гулять по крышам Торговище — вот только величиной эта «кошечка» была со здоровенную пантеру, так что нетрудно догадаться какой переполох вызвала бы подобная зверюга в городе.

— Я буду осторожной, — упрямо мотнула головой Кэт, — никто и не заметит. А хочешь — идем со мной!

— Вот делать мне нечего, — пожалала плечами Лена, — нам с утра долгий путь.

— Трусиха, — презрительно фыркнула Кэт, — ну и сиди здесь. А я хочу гулять.

Ее шерсть на загривке вздыбилась, задние лапы напряглись и она метнулась к распахнутому настежь окну. Лена взмахнула кнутом и с шипением расплетшиеся змеи вцепились в кошачий хвост, остановив беглянку в шаге от свободы. Лена дернула рукой и Кэт с обиженным мявом отлетела в угол кельи. В тот же миг Ленин сапог опустил ей на грудь, придавив к полу.

— Пусти!!! — взвизгнула Кэт, пытаясь выбраться, — что ты о себе возомнила, коза дранная!!!

Лена молча поднесла кнут и Кэт осеклась при виде семи змеиных голов, раскачивавшихся перед ней, чуть ли не касаясь кошачьей морды раздвоенными языками.

— Хочешь развлечься? — усмехнулась попаданка, — что же, эту ночь ты запомнишь надолго.

— Пусти!!! — проскулила кошкодевка и Лена, послушавшись, убрала ногу — чтобы тут же ухватить Кэт за шкуру. В своем полукошачьем облике она была куда меньше и легче — так что Лена просто швырнула пушистую строптивицу на кровать. Ударившись грудью о лежанку, Кэт на миг задохнулась и, пока она пыталась восстановить дыхание, Лена заломила ей руку за спину, вызвав новый протестующий вопль.

— Больнооо!!!

— А будет больнее, — пообещала Лена, задирая кошачий хвост, обнажив пушистые округлости. Придавив Кэт коленом, Лена от души хлопнула ее по задку. Кэт отчаянно задергалась, пытаясь вырваться, однако Лена отметила мелькнувшую в зеленых глазах озорную искорку. Усмехнувшись, попаданка отвесила еще несколько увесистых шлепков, потом встала с кровати и занесла кнут.

— Аййййй!!!! — заверещала Кэт, когда змеиные зубы впились ей в ягодицы. Она попыталась вскочить с кровати, но новый удар плети швырнул ее обратно. Раз за разом семихвостая плетка опускалась на ее задницу, оставляя кровавые полосы, видные даже под черным мехом. Последний, впрочем, быстро исчезал — с каждым новым ударом Кэт вновь менялась, стремительно теряя кошачье обличье. Вскоре на кровати, прижимая руки к исполосованному задку, лежала плачущая от боли синеглазая девушка. На минуту Лену грызнула совесть, однако она решительно отогнала неуместную жалость — этот урок пойдет упрямой девчонке только на пользу.

— Руки убрала! — скомандовала Лена и Кэт, всхлипывая, повиновалась, не смея подняться с кровати. Лена быстро скинула с себя одежду и отошла к небольшому столику, где лежала принесенная послушницами снедь. Выбрав кусок топленого масла, Лена обильно смазала им набалдашник кнутовища в виде головки демона. Обвернув змеиный кнут вокруг пояса, она заправила противоположный конец себе во влагалище и, прихватив оставшийся кусок масла, подошла к всхлипывающей Кэт. Та напряглась, когда пальцы Лены скользнули ей меж ягодиц, щедро смазывая тугую дырочку.

— Нет, — вскрикнула Кэт, почувствовав как увесистая головка втиснулась меж ее ягодиц, — пожалуйстааа, не туда!!!

— Плохих кисок имеют не в киску, — скаламбурила Лена, — скажи спасибо, что не на сухую.

— Сучкаааа!!! — взвизгнула Кэт, когда импровизированный член, продавившись сквозь колечко ануса, ворвался в тесный туннель. Глаза Кэт вылезли на лоб и она истошно заорала, пытаясь соскочить, но Лена, намотав черные волосы на руку, дернула ее обратно, безжалостно терзая непослушную задницу. Другой конец кнутовища двигался во влагалище Лены — магическая плеть, улавливая желание своей хозяйки, умело массирует набухший от вожделения клитор. Потоки женской влаги стекали по рукояти кнута, образуя на полу небольшую лужицу, пока Лена с неослабевающей энергией наказывала кошкодевку. Та, опомнившись от первого шока, постепенно втянулась в процесс: крики боли сменились стонами наслаждения и Кэт уже энергично подмахивала, насаживаясь задом на таранящий ее член. Стон разочарования сорвался с ее губ, когда змеиный кнут покинул зияющий, словно кратер анус, но тут Лена, перевернув Кэт на спину, забросила ее ноги себе на плечи и с размаху вошла в истекавшее женскими соками влагалище. Снова и снова она атаковала хлюпающую вульву, с каждым проникновением чувствуя, как и ее влажные стеночки раздвигает, проталкиваясь все глубже, чешуйчатый жезл. Она сама была на грани, когда Кэт, наконец, сдалась: выгнувшись дугой, она издала совершенно дикий крик, и бессильно рухнула на кровать, содрогаясь в сладостных судорогах. Лена, в последний раз толкнув бедрами, на полную глубину насадилась на рукоять кнута и, почувствовав, что тоже кончает, рухнула на распластанное перед ней тело, рассыпая по лицу Кэт свои золотистые волосы и целуя заплаканные, но счастливые синие глаза.

Уже позже, голая Лена расслабленно лежала на кровати, прихлебывая храмовое вино прямо из кувшина и лениво глядя голову Кэт, вновь принявшую полукошачий облик. Впрочем, изменения не затронули ее язык — не шершавый, как у обычных кошек, но мягкий и теплый, сейчас он, словно лакая молочко из миски, старательно подчищал Лену между ног. Время от времени Кэт заискивающе заглядывала в глаза Лены — былой гонор покинул укрощенную кошкодевку и теперь она всячески старалась угодить своей спутнице. Впрочем, Лена не обманывалась этой угодливостью, хорошо зная, как быстро эта демонстративная покорность сменяется новой строптивостью.

Утомленные любовными утехами, девушки так и не увидели, что с потолка, над самым окном, за ними наблюдают чьи-то недобрые глаза. Уже стемнело и комната, в которой никто так и не удосужился зажечь свечу, медленно погружалась во мрак. В темноте никто не заметил, как в окно выскользнуло маленькое черное тельце и, хлопая кургузыми крылышками, растворилось в сгущавшихся сумерках.

«Вихри враждебные веют над нами...»

— Далеко еще до деревни? — спросила Лена, прикрывая глаза от бьющего в лицо ветра. Михач, — плотный, среднего роста мужчина, с вислыми черными усами и черными же глазами, — неопределенно пожал плечами.

— Если ветер не стихнет, придется заночевать в горах, — сказал он, — странно, обычно в это время года такого ненастья не бывает.

Последние слова заглушил очередной порыв ветра, хлестнувший в лицо мелким дождем и градом. Кутаясь в темно-серый плащ, подбитый куньим мехом, торговец пришпорил коня, направляя его к бесчисленным возам, где лежали амфоры с некрійским вином. Лена перевела взгляд на караван, растянувшийся вдоль горной дороги. Справа от нее вздымалась отвесная скала, вершину которой задевали темно-синие тучи. Слева же гора обрывалась глубокой пропастью, на дне которой текла Ицкра, ставшая особенно бурной в здешних ущельях. За рекой виднелись угрюмые, поросшие лесом горы. На вершине одной из них виднелось высокое каменное строение — не то храм, не то замок кого-то из местных магнатов.

Ветер становился все сильнее и холоднее, в то время как заволочшие небо тучи то и дело раздражались градом и проливным дождем. Конь Лены, оглашая воздух испуганным ржанием, топтался на месте, также как и остальные лошади, опасно сгрудившиеся на дороге — помощники купца с трудом удерживали животных. Вокруг каравана сгущался полумрак: Черное Солнце, не сильно светившее даже в ясную погоду, сейчас скрылось за тучами, после чего стало темно почти как ночью.

— Там что-то есть, — раздался голос рядом с Леной. Та обернулась — к ней, с трудом удерживаясь в седле, подъезжала Кэт. Еще в Торговище ей подобрали самую смирную кобылу из всех, что нашлась для никогда не ездившей верхом девушки. В обычное время эта животина, явно чувствующая, что с Кэт что-то не то, лишь терпела неумелую наездницу, однако сейчас, напуганная всем происходящим, лошадь стояла смирно, мелко дрожа. Кэт, тоже крайне обеспокоенная, внимательно вглядывалась в черное небо и Лена вспомнила, что ее подружка видит в темноте не хуже обычных кошек.

— Что ты говоришь?! — крикнула Лена, перекрывая шум ветра и испуганное ржание лошадей. Кэт повернулась и Лена еще больше встревожилась от явного испуга в мерцающих зеленых глазах.

— В тучах что-то есть, — повторила кошкодевка, — какая-то тварь.

Лена, вспомнив кое-какие уроки Монастыря, быстро произнесла нужное заклятие — теперь она видела в темноте не хуже Кэт. Широко распахнув глаза, она смотрела, как высоко в небе, то ныряя в тучи, то вновь появляясь, вместе с дождем и ветром, несло чудовище. Лена видела огромные перепончатые крылья, длинный хвост, словно плетью стегавший тучи, три змеиные головы на длинных шеях.

— Что там? — вынырнувший рядом Михач встревоженно посмотрел на девушек, вглядывавшихся в небо. Истовый почитатель Триморфы, он хорошо знал, на что способны ее жрицы — и теперь надеялся на их помощь.

— Летит, — Лена указала на клубящиеся тучи, — что-то вроде дракона.

Кровь разом отлила от лица Михача.

— Баларкань! — выдохнул он, — вот же послал Вельзевул, на мою голову. Сколько у

него голов? Есть ли кто-то на спине?

— Голов три, — ответила Лена, — а на спине...да вроде никого.

— Может, еще отобьемся! — выдохнул Михач, — где бы только пересидеть до заката.

— До заката?

— Да, — кивнул купец, — эта тварь не терпит лунного света. Лишь бы найти убежище!

Прижимаясь к скале, караван полз под ударами ветра, проливным дождем и градом. По склонам лились дождевые потоки, делавшие движение еще более опасным — пара лошадей, не удержавшись, сорвались в пропасть вместе со всадниками. Душераздирающие крики еще не стихли, когда из туч к упавшим вылетели какие-то твари: хвостатые, с черной шерстью и перепончатыми крыльями. Одно из этих отродий пронеслось рядом с Леной и ошарашенная девушка с оторопью заметила в животе твари, лишённой спереди кожи и мышц, внутренности, как в распотрошённой туше. Все эти твари неслись, не проронив ни звука, поскольку вместо лиц у них было лишь блеклое пятно. Зато несшиеся рядом черные птицы не молчали, оглашая воздух мерзкими криками. Временами они перекидывались в распатланных голых женщин, парящих на расставленных руках. Красные глаза мерцали голодным блеском, полные губы кривились в злобных усмешках, обнажая тонкие как иглы зубы.

— Что это? — крикнула Лена, перекрывая шум ветра.

— Стриги! — крикнул в ответ Михач, — и вихревые бесы. Ты же жрица, сделай что-нибудь!

Лена не успела ответить — горная дорога вышла к узкому ущелью, разрезавшему гору, словно нож головку сыра. По дну ущелья несся бурный поток, ниспадавший в пропасть грохочущим водопадом. Через ручей был переброшен каменный мост — в обычное время, наверное, крепкий и надежный, но сейчас почти скрывшийся под разлившейся водой. Лена в отчаянии огляделась и вдруг увидела в стене ущелья, над берегом большую черную дыру. Михач тоже увидел ее и крикнул, выбросив руку:

— Быстрее! Туда!!!

Смутные подозрения мелькнули в голове Лены, но времени на раздумья не оставалось — все больше крылатых тварей выныривало из дождя и града. Вместе со стригами и вихревыми бесами высывались одутловатые лица с остекленевшими глазами и вывалившимися языками, белые тела, порубленные оружием, раздавленные камнями, истерзанные клыками и когтями диких зверей. Тощие, мертвенно-бледные руки тянулись к перепуганным караванщикам, скрюченные пальцы с острыми когтями, норовили вцепиться в тела людей и лошадей, растерзать их, стащить с тропы в пропасть. Лена, выхватив кнут, наотмашь хлестнула по завывающей своре — и жуткие твари испуганно отшатнулись. Рядом сверкнул меч Кэт — пока она сдерживалась, чтобы не принять кошачий облик, отбиваясь сталью, а не клыками и когтями. Остальные люди, увидев, что нечисти дают отпор, также взяли за оружие — даже лошади, зубами и копытами отгоняли хищную стаю. Но тут над головами послышалось громкое шипение — и трехглавый змей, дыша ветром и градом, обрушился на караван. Прибодрившаяся нечисть также кинулась в атаку — и даже змеиный кнут уже не мог остановить ее. Еще несколько людей и лошадей с воплями свалились вниз, разрываемые на лету острыми зубами и когтями. Одного из караванщиков змеиные пасти сожрали вместе с лошадьёю. Но остальные уже заводили в пещеру лошадей и забегали сами. Лена хлестнула кнутом по сунувшейся за ними змеиной морде и трехглавое чудовище, обиженно зашипев, отпрянуло. Одновременно попаданка, выхватив из сапога костяной нож,

воткнула его в слишком наглого мертвяка, тут же осевшего грудой разложившейся плоти. Остальные твари шарахнулись назад, и Лена, воспользовавшись секундной передышкой, провела кнутовищем черту перед входом в пещеру, произнося слова, которым научила ее Кайра. Снаружи бушевали ветер и дождь, бесновались жуткие отродья, но даже трехглавый змей, злобно шипя и хлопая крыльями, не осмелился сунуться внутрь.

Убедившись, что заклятие образует надежную преграду, Лена, наконец, смогла оглядеться. Они находились в обширной пещере, — столь большой, что в ней поместились не только люди, но и животные со всей поклажей. Несколько охранников, присев на полу, щелкали огнивом, пытаясь разжечь костер из обрывков ткани и найденного в пещере сора. Михач же, вместе с несколькими помощниками, подсчитывал ущерб, причитая и ругаясь над каждой разбитой бутылкой. Впрочем, большая часть товара сохранилась, так что он все еще мог рассчитывать на барыши — если выберется живым. Что, разумеется, оставалось пока под вопросом.

— Хватит ныть, — наконец прервала жалобы Лена, — радуйся, что живой.

Взяв с воза пузатую бутылку, она скovyрнула сургучную пробку и, сделав большой проток, протянула бутылку Кэт, тут же оказавшуюся рядом. Михач угрюмо посмотрел на нахальных девок, но, понятное дело, возражать не стал.

— Пока живой, — пробурчал он, — а вот как дальше будет — кто знает. Скоро ночь.

— Ты же говорил, что ночью эта тварь уберется, — Лена махнула головой в сторону выхода, у которого, все еще завывал ветер и лил дождь. Временами оттуда высывалась чья-то оскаленная морда, но, уткнувшись в незримую преграду, исчезала.

— Уберется, — проворчал купец, — но может явиться, кто и похуже.

— Кто, например? — вмешалась в разговор Кэт.

Михач снисходительно усмехнулся.

— Первый раз в Кардопских горах? Баларкани, они ведь разные бывают. Те, что с одной головой просто летают и жрут, всех кто попадет. Погодой не управляют, свиты нет — даже одинокий воин может отбиться. С тремя головами, вроде этого, уже похуже, сильный маг нужен, чтобы их отвадить. Но и от них можно избавиться — они ведь сами по себе летают, без всадников.

— А что, бывают и всадники? — поинтересовалась Лена.

— Бывают, — мрачно кивнул Михач, — у трехголовых редко, зато у шестиглавых почти всегда на спине колдун-ветренник. Такой змей слеп, как крот, но колдун его направляет, а уж бурю может поднять такую, что эта, по сравнению с ней, так, ветерок. И свита у него куда больше и твари страшнее. Змей о двенадцати головах еще хуже — его может оседлать не колдун, а только морой или кто похуже. Иной мертвый князь, кого живая родня в склепе не удержала, такого змея седлает и потом целые села, а то и города кровавой данью облагает. Кто с ним встретится, в его свите и окажется, в вечном рабстве.

— Весело тут у вас, — хмыкнула Лена, еще раз покосившись в сторону входа, — тот, что двенадцатью головами — это самый страшный? Или есть кто похуже?

— Бывает баларкань о тринадцати головах, — пояснил купец, — ее еще Шархалой кличут, это самка. Но она одна такая и седлает ее сам архонт Лерайе, когда во главе мертвых всадников является в мир людей. Происходит это дважды в год — на День мертвых и в Ночь Костров. Ему-то нет дела до простых караванщиков — если Лерайе разгневется, так своими стрелами может на всю Дракию, на все княжества мор напустить.

— Я поняла, что нам повезло, — усмехнулась Лена, — не соскучишься тут у вас.

Ничего, до ночи подождем, а там я что-нибудь да придумаю. Знаешь ведь: Луна — Волчье Солнце, Лик Триморфы, она дает силы своим служительницам.

Михач с надеждой посмотрел на Лену, хотя та и не чувствовала уверенности, с которой произносила эти слова. Сказанное было, конечно, правдой, вот только касалась она лишь посвященных жриц и диаконесс. Распространяется ли данное правило и на попаданку — вопрос открытый. Скоро, впрочем, это прояснится — Черное Солнце уже садилось за горы, а с ним уходило и ненастье. Поглядывая на выход, Лена видела, что небо потихоньку расчищается. В воздухе, правда, еще летали огромные птицы, но остальная нечисть вроде попряталась. Попробовать, что ли сунуться наружу?

— Я бы вышел, — угадал ее мысли Михач, — еще неизвестно, где хуже. Не нравится мне тут.

— Мне ваши горы вообще не нравятся, — буркнула Лена, внимательно осматривая пещеру. Разожженные костры освещали лишь малую часть, тогда как дальние своды терялись во мраке. В темноте, словно огромные клыки, белели острия сталагмитов и сталактитов, меж которых с писком проносились летучие мыши. Где-то во тьме журчали невидимые ручьи.

— Он прав, — вмешалась в разговор Кэт, — плохое место.

— Что, хуже, чем снаружи? — язвительно спросила Лена.

— Может, теперь и хуже, — кивнула кошкодевка, чьи глаза уже открыто светились в темноте, — ты что, не чуешь этой вони?

— Ничего я не... — Лена осеклась, потому что и вправду почувствовала сочащийся, казалось, со всех щелей, тошнотворный смрад могилы. Ей разом вспомнились все жуткие истории о Кардопских пещерах. Самые причудливые легенды ходили вокруг горы, где стоял замок Драгулти. В глубоких пещерах, испещрявших скалы, словно дыры в сыре, располагались склепы великих князей Дракии. С самой же большой пещеры в протекавшую под замком реку вытекал огромный водопад. По ночам, четыре раза в год, этот поток начинал течь кровью и восставшие мертвецы, в облике огромных летучих мышей, слетались к нему напиться живительной влаги.

— Но ведь здесь же нет усыпальниц...- спохватившись, Лена поняла, что произнесла эти мысли вслух. Все взоры устремились к ней и во внезапно наступившей тишине послышался скрежет отодвигаемых каменных плит, клацанье зубов и негромкое рычание. Тут же во тьме вспыхнуло множество желтых глаз.

— Уходим!!! — крикнула Елена, когда тьма вдруг ожила — множество плотов разразились отрывистым лаем и уродливые тени метнулись к испуганным людям и животным. В уши Лены ударил яростный вопль и, обернувшись, она увидела, как рядом взметнулось в воздух гибкое тело: Кэт, наконец, сбросив человеческое обличье, обернулась огромной кошкой. К ней с грозным рыком кинулось сразу две твари — одна вроде человека, поросшего черной шерстью, с уродливым лицом и длинными когтистыми лапами. Но на затылке гротескной твари клацала зубами натуральная собачья морда. Вторая тварь выглядела не менее жутко — уродливая образина, словно разделенная пополам незримой линией: правая половина человеческая, левая — какого-то зверя, вроде огромного барсука или росомахи. Оскалив желтые клыки, тварь метнулась к Кэт, но та, увернувшись от клацавшей перед ней пасти, запрыгнула на спину чудища и, вцепившись ему в холку, разом перекусила позвоночник. Одновременно когтистая лапа огрела второе чудовище, расплосовав его человеческий лик. Взвыв, монстр развернулся к Кэт собачьей мордой,

готовой схватить кошку за горло, когда его шею вдруг захлестнула петля лениного кнута. Тварь захрипела, пытаясь стряхнуть смертельную удавку, и этого замешательства хватило огромной кошке, чтобы выпустить псиглавцу кишки.

Но в следующий миг толпа подобных тварей, словно смрадный поток, хлынула из глубин пещеры, растащив Лену и Кэт по разным сторонам. Вместе с ними выползали и мертвецы — бледные, с разбухшими от крови телами и пухлыми губами, из-под которых выглядывали клыки. За их спинами раскрывались перепончатые крылья и упыри, именуемые тут мороями, взметались к потолку, чтобы обрушиться на людей. Несколько таких тварей выхватили Михача, вонзая клыки ему в шею и с жадным чавканьем высасывая кровь. В считанные секунды отчаянно вопивший торговец был буквально выпит — на землю упала синюшное, высосанное досуха тело. Похоже помирали и остальные караванщики, хотя те, у кого имелось оружие, пытались дать отпор, порой даже сражая кого-то из тварей. Однако орда, славшая все новые полчища из пахнувшей могильной гнилью пещеры, казалась неиссякаемой.

Лена сдерживала наседавших тварей, хлестая кнутом направо и налево. Змеиные пасти впрыскивали яд и вырывали глаза у живых, в то время, как мертвецы, коих касалась плеть Триморфы, оседали грудями разлагающейся плоти, теперь уже полностью и бесповоротно мертвой. На миг ошарашенные твари отпрянули и Лена, воспользовавшись минутной передышкой, вскочила в седло одной из панически метавшихся лошадей, направляя ее к выходу. Вдруг лошадь заржала, чуть не споткнувшись от страха и, обернувшись, Лена увидела, как на конский круп запрыгнул черный зверь. Тут же Кэт приняла свой получеловеческий облик, с трудом удерживаясь на брыкающейся лошади. В какой-то момент кошкодевка чуть не слетела в тянувшиеся со всех сторон когтистые лапы, но в последний момент Лена захлестнула ее руку кнутом и затащила Кэт обратно.

— Спасибо! — выдохнула кошкодевка.

— Держись крепче! — крикнула Лена и тут они выскочили из пещеры. Позади них, словно грязная, черно-серая волна, поднималась пещерная орда. На тех, кто еще пытался дать отпор, чудовища бросались сразу кучей, в мгновение ока разрывая людей в окровавленные лохмотья. Снаружи поджидали и новые опасности — змей, правда, действительно исчез с наступлением ночи, но никуда не делась его крылатая свита. На тех, кому удалось вырваться из пещеры, с мерзкими криками кидались стриги, метя в лицо острыми когтями. Рядом, в своем жутком молчании, металась вихревые бесы. С десятков их кинулось и на Кэт с Леной. Обезумевшая от боли и страха, несчастная лошадь в отчаянии кинулась в поток, бежавший по дну ущелья. Лена, сразу же промокнув насквозь, поднялась в седле, вновь и вновь хлеща налетающих со всех сторон мороев, бесов и стриг. Вой, хохот, клеткот наполнили воздух, пока девушка из последних сил отбивалась от могильной нежити.

— Ленкаааа!!! — жалобный визг ударил ей в уши и, обернувшись, попаданка увидела, как Кэт взлетает в воздух, царапаясь и вырываясь из лап вихревых бесов. Лена вскинула плеть, но с берега уже прыгнул огромный зверь, напоминающий черную собаку с белой грудью. Лошадь, окончательно ошалев от ужаса, слепо метнулась в сторону и, с жалобным криком полетела в пропасть, вместе со зверем, так глубоко вонзившим когти, что не успел соскочить со своей последней добычи. Лена, в отличие от него, успела спрыгнуть, но ее нога подвернулась на скользком камне и девушка, увлекаемая бурным потоком, тоже рухнула с ужасающей высоты.

«На краю обрыва, за которым вечность...»

В первый миг Лене показалось, что она с размаху нырнула в воду — бурный поток разом заключил ее в свои ледяные объятия, так что она чуть не захлебнулась. Девушка вслепую ударила кнутом — раз, другой, — в отчаянии она хлестала плетью по скалам, когда ее руку вдруг резко дернуло, чуть не вывихнув из сустава, и падение остановилось. На миг у нее захолонуло в груди, когда скользкое от воды кнутовище почти выскочило из ее рук. Лену спасли мелкие чешуйки на рукоятки, разодравшие кожу до крови, но все же замедлившие скольжение. Вцепившись в кнут обеими руками, она пролетела сквозь поток, едва успев подставить ноги, чтобы смягчить удар о камень. И все равно все тело Лены сотряслось — лишь намертво вцепившись в кнут, она смогла удержаться. В лицо стекали холодные струи, но все же Лена, задрав голову, смогла рассмотреть, что ее спасло. Слева от водопада чернел большой разлом, куда водой нанесло достаточно земли и ила, чтобы выросло низкорослое дерево или скорей большой куст, пустивший корни в скальные трещины. Именно в это растение вцепились все семь голов змеиной плетки. Сейчас эти змеи, словно закрепляя успех, обвивались вокруг ветвей все новыми кольцами, медленно подтягивая свою хозяйку. Лена, стараясь не смотреть вниз, упиралась сапогами в каждую трещину, каждый уступ, подтягивалась, помогая змеям тянуть ее к спасению. Несколько раз нога соскальзывала с камня или он рушился под ее тяжестью и Лена повисала над пропастью с бешено колотящимся сердцем, ожидая, что что-то не выдержит — или дерево или плеть, — и казавшееся близким спасение буквально выскользнет из ее рук. Однако дерево слишком глубоко пустило корни, а змеиные кольца, казалось, обрели крепость стали — и Лена, переведя дух, вновь осторожно карабкалась вверх. Вскоре она, грязная и ободранная, перевалилась через край разлома и забилась внутрь скалы так глубоко, как только могла.

Сверху раздались громкие крики, в воздухе мелькнула уродливая тень и Лена испуганно шарахнулась, вспомнив, кого она оставила наверху. На ее счастье, она поднималась с «изнанки» водопада, скрытая потоком от хищных взглядов. К тому же изрядно стемнело — хотя Лена не была уверена, что это представляло проблему для кружащих над ней тварей. На всякий случай она прочитала заклинание, отводящее глаза, хотя и помнила разъяснения Кайры, что помогает это далеко не всегда. Тем временем сверху, перекрывая шум воды, доносилось чавканье, хохот и злобное рычание — мори, стриги и прочая нечисть пировали на человеческом и конском мясе. Внизу тоже угадывалось какое-то шевеление — видимо другие твари, терзавшие трупы тех, кто сорвался в пропасть. Время от времени раздавалось хлопанье крыльев и очередная крылатая тень взмывала в небо, мелькнув безобразным силуэтом на фоне Луны. Меж тем Лена, забившись как можно дальше в свое убежище, думала, как ей выбираться. Спускаться был точно не вариант: только глянув вниз «кошачьим глазом», Лена почувствовала головокружение — в этой пропасти легко бы встал десятиэтажный дом и еще место осталось. Путь наверх казался легче — во-первых, он был, по меньшей мере, втрое короче, во-вторых, туда тянулись широкие трещины, из которых вытекали мелкие ручейки. Приглядевшись, Лена заметила и скальные уступы за которые можно было зацепиться кнутом. Про себя она вознесла горячую молитву Триморфе за встречу с Кайрой и подаренный ею, в нарушение Устава, кнут — если Лена и переживет эту ночь, то лишь благодаря змеиной плетке. Та и сейчас жила собственной жизнью: змеиные кольца медленно двигались, обвивая запястье Лену, холодные глаза поблескивали в лунном

свете, мелькали раздвоенные языки. И Лена, как и большинство людей, раньше недолюбливавшая змей, сейчас даже обрадовалась, почувствовав себя не столь одинокой.

— Мы еще выберемся из этой задницы, — негромко сказала она. Вновь посмотрела наверх и тут заметила, что крылатых теней, то и дело соскальзывавших со скалы, чтобы раствориться в ночном мраке, уже не видно. Она прислушалась — нет, сверху и вправду не слышно звуков, свидетельствующих, что жуткое пиршество продолжается. Выждав для верности, но так и не услышав ничего настораживающего, Лена начала медленно подниматься. Ее ноги скользили в грязи, пальцы вскоре оказались расцарапаны в крови об острые камни, но Лена, цепляясь то руками, то змеиными петлями упорно лезла наверх. В лицо по-прежнему попадали струи шумевшего рядом водопада, так что порой она поднималась чуть ли не вслепую, положившись только на чутье змей: все семь голов легко находили подходящие выступы, обвиваясь и подтягивая Лену. Плетка превратилась в продолжение ее руки, которую девушка чувствовала как собственную плоть и которой передалось ее отчаянное желание выбраться отсюда. Вот змеиные тела, вытянувшись чуть ли не на два метра, обвились вокруг чего-то, более устойчивого нежели каменные уступы. В следующий миг Лену вдруг с силой повлекло вверх, чуть не вырвав рукоять кнута из рук. Вцепившись в кнутовище, девушка едва успела задержать дыхание, когда ее вновь затянуло в холодную воду. Преодолевая сильное течение, ее тянуло кверху, и, когда, ее легкие уже лопались от недостатка воздуха, голова Лены вдруг оказалась над водой.

Оглянувшись, Лена поняла, что находится под мостом через ручей. Она уже хотела выбираться, когда сверху донеслись звуки, заставившие ее вновь застыть на месте.

Голоса. Без сомнения человеческие голоса.

— Что, второй так и не нашли? — спросил мужской голос, — князь говорил, что девок две.

— Да найдешь тут кого, — раздался в ответ похожий голос, — в этом месиве...

Они говорили на тевманском с уже знакомым Лене дракийским акцентом.

— Жрицы Трехликой живучие, — хмыкнул кто-то, — просто так не убьешь.

— Живучая эта девка, которую бесы в замок уволокли — усмехнулся уже третий голос, — или кошка, сам Вельзевул ее не разберет.

— Думаешь, вторая мертва?

— Спроси у змея, — хмыкнул первый голос, — или у стриг. Против такой своры мало кто выстоит. Нет, думаю, что в живых осталась только та кошка ...да и то ненадолго.

— А она красивая, — причмокнул губами кто-то, — что князь с ней сделает?

— Чтобы не сделал не твоего то ума дело, — сказал первый голос, — ладно, хорош болтать. Забираем вино, золотишко, вообще, все, что найдем, — и валим отсюда, пока дракийцы не заявили. До рассвета нужно перейти границу.

Вразнобой зазвучало сразу множество голосов, потом послышался лязг металла и звон бутылок. Чуть позже, над собой, Лена услышала цокот множества копыт, ступавших по мосту, и скрип колес повозок. Лена продолжала сидеть смирно, обдумывая услышанное. Без сомнения это люди, но люди, действовавшие в союзе со всей этой нечистью — тварям доставалось мясо и кровь, а здешним разбойникам — купеческое добро. И еще она уяснила для себя две вещи — во-первых, Кэт все еще жива. А во-вторых, в Кардопских горах только шесть человек могли именоваться княжеским титулом. Учитывая то, что дорога, которой шел караван, проходила по границе Дракии и Бората список подозреваемых сильно сужался — возможно, до одного человека. И к нему у Лены уже появился немалый счет.

Банда все еще переправлялась через мост, под смешки и негромкие разговоры. Лена, дрожа под мостом, закусилась свою же руку, чтобы не стучать зубами от холода — долгое пребывание в горном потоке не проходило для нее даром. Если бандиты не уберутся быстро, о попаданке им больше не придется беспокоиться — она просто замерзнет насмерть под этим чертовым мостом. Все это шествие казалось бесконечным — Лене, показалось даже, что она на миг впала в забытие. Колоссальным усилием воли ей удалось вернуть себя в сознание — как раз когда перестук копыт, наконец, стих, также как и все остальные звуки. Лена для верности подождала еще немного, после чего, с трудом двигая окоченевшими руками, цепляясь за камни и преодолевая напор течения, начала выбираться из воды.

Хлюпая носом и стуча зубами от холода, Лена взобралась на мост, настороженно оглядываясь по сторонам. Вокруг и вправду не наблюдалось ни людей, ни нечисти, ни даже живых мертвецов. Зато «неживых» было хоть завались — точнее того, что от них осталось. Лена передернулась при виде разбросанных по берегам ручья людских и лошадиных костей, обглоданных до последнего сухожилия; груд черепов, колеблемых течением каких-то окровавленных опметков.

Впрочем, Лена недолго ужасалась этому зрелищу — караванщикам уже ничем не помочь, а вот самой себе — еще можно. Сейчас она была совсем одна, посреди Кардопских гор, мокрая и замерзшая. Если до нее не доберется очередная тварь, она просто помрет от воспаления легких — тем более, что вновь поднявшийся ветер, пронизывал ее до костей. У нее имелся только один выход — неприятный, но неизбежный.

Решившись, Лена принялась стягивать мокрую одежду, облепившую ее словно вторая кожа. Раздевшись, она встала на мосту, ежась от прикосновения холодного камня к босым ступням и, занеся над головой плетку, стучащими от холода зубами, начала произносить заклинание. Раздалось громкое шипение — все семь змей извивались вокруг нее, становясь все длиннее и толще. Когда их головы коснулись земли, Лена, не переставая читать заклинание, начала медленно поворачиваться — а за ней следовали и змеи, одна за другой обвивая тело Лены. Чешуйчатые тела скользили по спине и животу, треугольные головы тыкались меж грудей, раздвоенные языки ласкали затвердевшие от холода соски, раздвигали нежные складочки влагилица. Вертясь все быстрее, Лена вскинула голову, уставившись на выступившую из туч Луну и выкрикнула завершающие слова заклинания. Тут же все тело пронзила жгучая боль — словно жидкий огонь пролился по ее жилам, когда семь змеиных пастей одновременно впились в ее плоть. Острые зубы пронзили ее соски и Лена, вскрикнув от боли, выгнулась всем телом, пока змеи терзали ее, разливая по венам обжигающий яд. Но вместе с ним по всему телу растекалось тепло, даже жар, безжалостно выжигавший всю хворь. Лена терпела, сколько могла — лишь почувствовав, что вот-вот потеряет сознание от дикой боли, она из последних сил выкрикнула несколько слов — и змеи неохотно разжали зубы, втягиваясь обратно в кнут. Девушка без сил осела на мост, переводя дух и пытаясь унять сотрясавшие ее судороги.

Немного придя в себя, она принялась одеваться: мокрая одежда по-прежнему липла к ее телу, но холода попаданка почти не чувствовала. Перестали стучать зубы, нос уже не хлюпал так, что на него, казалось, должны сбегаться все местные твари, да и в целом, она чувствовала себя так, будто залпом выпила кружку глинтвейна или некийского подогретого вина с пряностями. Хоть эта проблема решена.

Чего нельзя сказать о других проблемах.

Лена покосилась на разбросанные тут и там останки, но так и не смогла заставить себя

подойти к ним, чтобы поискать чего-то полезное. Впрочем, скорее всего эти поиски оказались бы тщетными — что-то подсказывало девушке, что все съестное сожрали здешние твари, а мало-мальски ценное — забрали люди. Сама Лена также оказалась не без потерь: дорожная, сумка, что собрала ей в дорогу Кайра, упала в пропасть, пока она пыталась зацепиться за скалы. Еще раньше она потеряла костяной нож Амолы — а вот отцовский нож с Черным Фениксом оставался при ней. Ну и плеть, разумеется, уже несколько раз за сегодня спасшая ее от смерти.

Не так уж и мало. У многих, прошедших через эти горы, не было и такой защиты.

Бросив последний взгляд на останки недавних спутников, Лена прочла короткую поминальную молитву, которой научила ее Кайра, после чего, развернувшись, зашагала по дороге. Где-то впереди, находилась большая деревня, где Лена рассчитывала найти хоть какое-то пристанище. О том, что там могут оказаться пособники тех, кто поживился с разграбленного каравана, девушка старалась не думать. Впрочем, особого выбора, кроме как идти вперед, у нее все равно не имелось — попаданка хорошо помнила, сколько времени прошло с тех пор как они вышли из Торговище.

Пройдя, примерно, километр, Лена оказалась на перевале, на котором дальнейший путь раздваивался. Одна дорога уводила в сторону, уходя в открывшееся слева глубокое ущелье. По дну его бежал родник и Лена невольно вздрогнула, увидев в топкой грязи следы от колес и конских копыт. Без сомнения именно здесь прошли — и не так уж давно, — те, кто разграбил караван. Вторая же дорога, более широкая и ровная, уходила вниз, теряясь в начинавшихся в ста шагах от перевала густых лесах. С того места где стояла Лена было видно, что эти леса обрываются на берегу Ицкры и еще какой-то впадавшей в нее речушки и что именно там расположена искомая деревня. Решившись, Лена отправилась туда, хотя она и сомневалась в том, как встретят ее селяне.

Кроны могучих дубов и буков сомкнулись над ней, почти скрыв ночное небо. К счастью заклятие, позволяющее ей видеть в темноте, все еще действовало и Лена уверенно шла по дороге. Ветер вокруг нее шелестел ветвями, меж которых слышались разные шорохи, вспыхивали и гасли чьи-то глаза, мелькали смутные тени. Однако к Лене никто не сошелся — и девушка надеялась, что так будет и дальше, что кнут, притороченный к поясу, внушает здешней нечисти почтение к служительнице Триморфы.

Оказывается, надеялась зря.

Оглушительный хохот ударил ей в уши и Лена невольно отпрянула, когда из-под ветвей стоявшего у дороги дуба сверкнули два зеленых глаза. В следующий миг Лена увидела лежавшую на дубовой ветви большую рысь, с ярко-рыжим, прямо-таки огненным мехом. В ее взгляде читался злой, не людской разум. Вот рысь раскрыла пасть, обнажив огромные клыки, и по лесу пронесся раскат безумного смеха. В тот же миг за спиной Лены послышалось рычание и, обернувшись, девушка увидела, как на дорогу выходят большие волки. Лена не считала себя знатоком зоологии, но из прочитанных в детстве книг она смутно помнила, что волки не ладят с рысями. Однако эти звери были странными — передние их лапы казались сильно короче задних, почему им приходилось двигаться дергаными прыжками. Вздыбленная холка, делавшая их похожими на гиен, топорщилась седым волосом. Желтые глаза плотоядно рассматривали Лену, верхние губы приподнимались, обнажая острые клыки. Позади послышался смешок и, обернувшись, Лена встретила с взглядом рыси и содрогнулась — на миг звериная морда исчезла, обернувшись ехидным, почти человеческим лицом. Тут же Лена почувствовала за спиной некое движение

и, обернувшись как раз вовремя, чтобы увидеть взвившееся в воздух уродливое тело. Грозный рык сменился жалобным визгом, когда плеть Лены хлестнула зверя, вырвав кусок мяса из морды. Следующий удар расплосовал волку спину, заставив его с жалобным воем отпрянуть в кусты. Но остальная стая не собиралась разбежаться — зло ворча, звери все еще держась на расстоянии, медленно окружали Лену.

— Пошли вон! — крикнула девушка, — шавки драные, ну! Пошли!

Она щелкнула кнутом, но ближайший зверь, уже будучи настороже, с неожиданным проворством уклонился от змеиных зубов. Стремительно обернувшись, Лена хлестнула другую оскаленную морду и зверь с визгом отпрянул. Но остальные сжимали кольцо и Лена поняла, что если волки сейчас кинутся разом, ей не поможет даже кнут. Позади вновь послышался издевательский смех бесовской рыси.

И вдруг все изменилось. Волки, уже готовые прыгнуть, вдруг застыли на месте, поворачивая головы и настороженно поднимая уши. Голодная злоба в их глазах сменилась тревогой — и тут Лена услышала цокот копыт и негромкие голоса. Волки в тот же миг серыми тенями растворились в лесу. Лена обернулась к рыси — но и той уже не было.

Звуки становились все громче — вот на дороге замаячили конные силуэты, не меньше трех десятков, замерцали огни. Завидев Лену, всадники стали замедлять коней, беря девушку в кольцо. Выглядели они как типичные дракийцы — черноволосые, смуглые, с пышными черными усами и темно-синими глазами. Все они носили темно-серые рубахи, овчинные безрукавки и синие шаровары. С пояса каждого свисал широкий, слегка изогнутый клинок и короткая, но увесистая палица, а из-за спины выглядывал небольшой лук. Несколько человек держали в руках зажженные факелы.

Впереди, на черном коне, ехал мужчина, несколько отличавшийся от своих спутников. Еще молодой, — от силы года на два старше Лены, — высокий широкоплечий воин, с лихо подкрученными усами и небольшой ухоженной бородкой. Он носил черный кафтан, украшенный красными узорами и подбитый лисьим мехом, такой же черный плащ и штаны из тонко выделанной кожи. Голову прикрывал черный колпак с красным верхом. На поясе висел меч в ножнах, украшенных золотом и серебром, тогда как на эфесе блестел синий сапфир. Подобный же камень украшал массивный перстень на пальце мужчины и золотую серьгу в правом ухе. С шеи его свисала серебряная цепь, а на ней — небольшой медальон: печать из черной меди, с вытесненным на ней изображением обнаженной женщины, восседавшей на диковинном звере, вроде верблюда. Рисунок окаймлял серебряный круг с черными, похожими на уродливых паучков, буквами.

Судя по всему, к Лене выехал кто-то из знати: черное и красное в Дракии носили только благородные — также как и драгоценности. Да и только знатную особу могла сопровождать столь внушительная свита. Не зная правил здешнего этикета, Лена, не зная, как начать разговор, а всадник тоже не спешил прийти ей на помощь, рассматривая девушку с неммым вопросом в глазах. Молчание явно затянулось — и Лена откашлявшись, решила первой проявить инициативу.

— Не знаю, как и благодарить, — сказала она, — еще немного и ...

— Приколичи редко собираются стаяй, — проронил мужчина, — если только не готовятся встретить кого-то... — он осекся, заметив кнут, — это то, что я думаю?

Лена молча подняла плеть, на которой извивались змеи, издавая негромкое шипение. Среди воинов послышался беспокойный шепот и сам мужчина изменился в лице.

— Посланницы Храма всегда желанные гости в Дракии, — всадник склонил голову в

легком поклоне, — я Раду, боярин Чорнивари, буду рад принять вас в моем замке.

Он испытующе посмотрел на Лену и той ничего не оставалось, как кивнуть в ответ.

«Бесплатный сыр только в мышеловке...»

В деревне, куда так стремилась Лена, они не задержались: Раду, бесцеремонно постучав в первый попавшийся дом, потребовал от разбуженных среди ночи крестьян поделиться с гостьей одеждой. Пожилая селянка хотела дать наряды старшей дочери, но Лена попросила что-то более подходящее для верховой езды — к тому времени один из спутников магната уступил ей своего коня, пересев к товарищу. Когда они выехали из деревни, девушка отошла в лес и, с сожалением сбросив свою мокрую, грязную и рваную одежду, одела шерстяные штаны и темно-серую рубашу, подпоясав ее чудом уцелевшим поясом с триксемом. Сапоги, пусть и тоже мокрые насквозь, она все же оставила — крестьянские башмаки из грубо выделанной свиной кожи ей показались слишком неказистыми и к тому же сильно натирали ноги.

— В моем замке у меня найдется наряд более подходящий вашему сану, — сказал Раду, когда Лена вышла в обновке, — ну, а пока придется побыть простолюдинкой.

— Ничего, — сказала девушка и, не удержавшись, добавила, — не платье красит человека.

Раду вскинул тонкую бровь, но промолчал. Вообще, за время их знакомства, боярин только раз или два обратился к ней. Лена тоже решила помалкивать — мало ли, что положено по здешнему этикету. Надо будет — сам все спросит.

Они ехали по широкому ущелью, вверх по течению Ицкры. Постепенно светало — на западе вершины гор уже озаряло бледное свечение здешнего рассвета. По дороге встретилось еще несколько деревень, в одной из которых они разжились большим куском овечьего сыра, который проголодавшаяся Лена сжевала почти сразу. За деревней началась еще одна речка, впадавшая в Ицкру с севера. Переехав через каменный мост, всадники начали подниматься в гору. Узкую дорогу обступал густой лес, живо напоминавший Лене ее недавнее приключение. Она облегченно вздохнула, когда деревья расступились и перед ними предстал замок Чорнивари: величественное строение в форме неправильного пятиугольника, с массивными стенами из черного камня и крепостными башнями, увенчанными треугольными крышами. Над самой высокой из башен развевалось знамя — голова черного вепря на светло-зеленом фоне. Замок стоял на скалистом утесе, куда вела лишь одна дорога — та, которой они ехали. С других сторон крепость окружали лишь отвесные склоны, с одного из которых спадал водопад.

На стенах сразу увидели процессию: наверху засуетились, кто-то выкрикивал приказы, после чего массивные ворота со скрипом отворились. К Раду, спрыгнувшему с коня, тут же подбежало за распоряжениями несколько слуг. Затем к ним приблизилась черноволосая девушка в темно-синем платье. На руках она держала сладко сопящего малыша. Она бросила на гостью взгляд, в котором смешались неприязнь и любопытство, потом поднесла ребенка Раду. Боярин поцеловал ребенка и обернулся к Лене.

— Это мой сын, Мирчо, — пояснил он. Лена вежливо улыбнулась, не зная, что еще сказать. Впрочем, похоже, Раду и не ждал особых восторгов с ее стороны — отдав ребенка девушке, он что-то шепнул ей на ухо и повернулся к Лене.

— Вам уже готовят покои, где вы сможете отдохнуть с дороги и переодеться, — сказал он, — а потом я жду вас за обедом.

Гостеприимный хозяин не скупился на изъявления своего расположения: после

крепкого сна на широкой кровати с алым балдахинном, проснувшись Лена увидела рядом роскошное платье из красного шелка. Глубокий вырез кокетливо прикрывали черные кружева, вдоль бедра тянулся длинный разрез. Не поскупился боярин и на украшения: рядом с платьем лежали серебряные серьги и золотое кольцо с синими сапфирами. Быстро одев все это и, крутанувшись перед стоявшим у стены большим зеркалом, Лена довольно кивнула — наряд пришелся как нельзя впору. Также как и стоявшие у кровати черные сапоги, выше колена и на высоком каблуке — в чем-то здешняя мода мало чем отличалась от ее мира. В один из сапог Лена, недолго думая, спрятала отцовский нож — не то, чтобы она не доверяла человеку, который мог уже сто раз прикончить ее спящей, но все же осторожность не помешает. Также она прихватила кнут, для чего ей пришлось, скрепя сердце, подпоясаться. Это вносило некоторую дисгармонию в ее наряд, но Лена решила, что лишний раз указать на свой статус не повредит.

Негромко скрипнула дверь и на пороге появилась та же девушка, что встречала их внизу. Он носила синее платье, причем вырез, как заметила Лена, был куда больше чем у нее — чуть ли не до пупа и без всяких кружев, почти не скрывая полные груди.

— Боярин ждет вас в церемониальной трапезной, — сказала девушка, вновь не удержавшись от неприязненного взгляда. Про себя Лена криво усмехнулась — ревнивые жены еще не вставали на ее пути в этом странном мире.

— Веди, раз ждет, — бросила она.

В трапезной замка легко поместилась бы небольшая армейская часть — причем бойцам хватило места и за огромным столом, занимавшим большую часть помещения. На одной стене висело оружие — мечи, кинжалы, топоры, булавы. Напротив красовались охотничьи трофеи: головы медведей, волков, зубров, кабанов. Иные из звериных голов Лена не смогла опознать, предпочитая даже не думать, что за чудовища носили их на плечах. В узких нишах высились статуи, изображавшие суровых воинов, в доспехах или богатых одеяниях, опиравшиеся на меч, топор или булаву. Их лица походили на черты хозяина замка и Лена поняла, что это предки молодого боярина. Между нишами зияли черные провалы — судя по остаткам золы и углей, здешние камины.

Сам Раду сидел во главе стола, ломившегося от яств, испускавших невыносимо аппетитные запахи. Здесь был суп из нескольких сортов мяса, заправленный смесью сливок, чесночной подливой, яиц и лимонного сока; куски оленины, нанизанные на вертел, вперемешку с грибами, беконом и луковицами; нежнейшая форель в изысканном соусе; вареные яйца, фаршированные смесью щучьей икры и раковых шеек; белый хлеб и черные оливки. В центре стола, на золотом блюде, лежал жареный лебедь, фаршированный мелкими колбасками и обложенный тушками мелких птиц, в которых Лена с некоторой оторопью признала ошипанных воробьев. Здесь же стояли и несколько бутылок с вином, а также кувшин с темно-красным гранатовым соком.

Все это изобилие Лена распробовала позже — сейчас она просто застыла, несколько опарашенная таким изобилием всего для двух человек. Раду, верно истолковав замешательство гостыи, махнул рукой, приглашая ее за стол.

— Ваша жена к нам не присоединится? — спросила Лена, усаживаясь рядом с хозяином.

— Жена? — Раду приподнял бровь, — а, вы о Таре? Она кормилица для сына и моя наложница. Моя супруга умерла полгода назад.

— Мне очень жаль, — сказала Лена. Раду пожал плечами.

— Женщины часто умирают при родах, — сказал он, — главное, что сын выжил. Но что же вы, угощайтесь. Не для каждого благородного накрывают здесь такой стол.

Лену хоть и покорило как спокойно боярин говорит о смерти жены, все же она последовала его совету, накинувшись на еду. Все было и впрямь невероятно вкусно, так что она старалась попробовать всего по чуть-чуть — даже не побрезговала съесть парочку воробьев, разгрызая мелкие косточки и брызжа горячим соком. Все яства она запивала отменным вином, чувствуя как по телу разливается блаженное тепло и сытость. Не отставал и Раду — Лене оставалось только догадываться как ему удается сохранять стройную фигуру, при таком любви к чревоугодию. Вокруг бесшумными тенями сновали смазливые служанки, убирая опустевшие блюда и объедки.

— Спасибо, но я больше не могу, — Лена в изнеможении откинулась на спинку стула, — с Никтополя не ела ничего вкуснее.

Раду кивнул и, подозвав служанку, молча указал ей глазами на стол. Пока она убирала остатки пиршества, он налил себе еще вина и пригубил, внимательно рассматривая Лену.

— Говорите, из Никтополя, — сказал он, — это Храм направил вас? К князю?

— В Дракии мы проездом, — покачала головой Лена, — наш караван шел в Мюнберг.

По лицу Раду пробежала тень досады, будто он ожидал иного ответа.

— На вас напали? — Лена молча кивнула, — кто?

Лена начала рассказывать и лицо Раду становилось все более мрачным.

— Влайку, — выругался он, — вот же выродок.

— Что? — спросила Лена.

— Влайку, князь Бората, — пояснил Раду, — это он, больше некому.

По словам Раду, князь Бората вступил на престол семь лет назад, в возрасте семнадцати лет и, до поры до времени, не причинял никому беспокойства. Как князь, он считался выше любых бояр, но сам Борат считался вассалом Дракии, поэтому самые богатые и родовитые из дракийских бояр, считали себя почти равней князьям Бората, Влакии, Секеи, Альбии и Тисона. Втихомолку таким себя считал и Раду, хотя при редких встречах с соседом, неизменно оказывал положенное его титулу уважение. Самого Влайку, вроде бы, тоже устраивало привычное положение дел.

С год назад все изменилось. С некоторых пор у горной гряды, разделяющей Дракию и Борат, стали пропадать люди — сначала поодиночке, потом уже целыми караванами. В основном жертвами становились торговцы, идущие через горы. Это весьма обеспокоило Раду, доходы которого, среди прочего, складывались и из пошлин с той части караванного пути, что проходила по его владениям. Михач, например, должен был заплатить положенную дань в той самой деревне, куда его караван так и не дошел. Взамен Раду гарантировал купцам безопасность, так что пропажи били не только по его кошельку, но и по репутации. Сначала грешили на разбойников, потом поняли, что дело серьезнее — ни одна банда не могла так долго подчистую истреблять караваны. Таинственные пропажи совпали с небывалым разгулом местной нечисти, — морои, приколичи и стриги вели себя нагло как никогда, причем привычные средства изгнания помогали все меньше. Поговаривали, что кто-то забрал власть и над неуспокоенными мертвецами — убитыми, сгинувшими без вести, погребенными под лавиной камней или растерзанными хищниками, — всеми, кого согласно писанным и неписанным законам, полагалось сжигать на месте, чтобы не тревожили живых. Потом стало ясно, что мертвецами и прочей нечистью управляет баларкань, с которым в горы явились и вихревые бесы. Местные колдуньи

выяснили, что бок о бок с нечистью действует какая-то шайка, собирающая все добро с растерзанных людей. Поскольку подобный союз не мог сложиться естественным путем — слишком уж враждебны были иные разновидности этой нечисти и к людям и друг к другу, — поползли слухи, что за этими нападениями стоит один зачинщик. И все чаще, обсуждая неведомую напасть, в разговорах поминалось имя князя Бората. Говорили, что в замке Дэкиени — родовом замке Влайку, собирается разбойный сброд, что не раз видели вожаков горных банд, что-то обсуждающих с князем Бората.

— Я выставил свои отряды для охраны тракта — сказал Раду, — но ведь не расставишь дозорных по всем горам. Вот и сегодня, не уследили — будто знает нечисть, где ударить, чтобы не напороться на отпор. Теперь придется со всеми соседями договариваться, об охране всего пути от Торговище и до самой Секеи.

— Если вы соберете войско, — спросила Лена, — что мешает вам разбить этого выродка в собственном логове и навсегда решить эту проблему.

— Он князь, — пожал плечами Раду, — у него свои вассалы — наверняка и им что-то перепадает от его добычи. Если мы самовольно станем воевать с Влайку — во Влакии и Секее тут же потребуют ответа у Великого князя Яножа — по какому праву его бояре нападают на их собрата:

— А великий князь не должен навести тут порядок?

— Вообще-то должен, — кивнул Раду, — но старый князь совсем уже плох — говорят, и месяца не пройдет прежде чем Плутос приберет его к себе. Его дочь, Кларина, — совсем девчонка, ей и пятнадцати нет. Большинство бояр думают о том, кто станет регентом, а там, глядишь, и в князи пролезет, если удастся жениться на княжне. Им точно не до разбойников на здешних перевалах. И мне, так или иначе, придется в этих играх участвовать. Воевать с Боратом, когда непонятно, что творится на севере... — он покачал головой, — не ко времени все это. К тому же у Влайку есть покровители — его жена, Марозия, дочь герцога Тускулата, одного из самых могущественных вельмож Гроскании. Поговаривают, что с ее подачи, Влайку и обрел такую силу — Тускулат славится своими познаниями в черной магии и наверняка сумел многому обучить свою дочь. С такой поддержкой, Влайку может не бояться князя.

— А императора!?! — воскликнула Лена, — можно ведь обратиться и к нему?

— Фрэг слишком молод, — пожал плечами Раду, — и у него хватает иных проблем, чтобы вмешиваться еще и в дела отдаленных вассалов. Разбираться с которыми, по правде сказать, должен Великий князь Дракии. За руку Влайку никто не ловил, веских доказательств против него нет, а значит, нет повода и для вмешательства. Мы можем обезопасить торговые пути, пресечь разбой и разогнать нечисть по норам, но никто не захочет воевать с Боратом, когда решается вопрос, кто будет править Дракией.

— Но что будет с Кэт?! — воскликнула Лена, — она, возможно, еще жива.

— Это ненадолго, — заверил ее Раду, — забудь о подруге, ты ей уже ничем не поможешь. Подумай лучше о себе. Что ты собираешься делать дальше?

Лена внимательно посмотрела на Раду — переход на «ты» был слишком внезапен, чтобы она оставила это без внимания. Похоже, боярин не так уж и почитает посланниц Храма.

— Если ты не хочешь мне помогать, — чеканя каждое слово, произнесла Лена, — значит, и я не стану больше злоупотреблять твоим гостеприимством. Сегодня же я покину замок...

— Не торопись, — усмехнулся Раду, — до Секеи путь не близкий. К тому же, по твоим словам, грабители знали, что ты в том караване, а значит, они попытаются достать тебя снова. В замке ты в безопасности, но на тракте я не смогу тебя защитить.

Лена, подумав, неохотно кивнула. Она не знала, зачем понадобилась Влайку и как он вообще узнал о ее существовании, но подслушанный ею под мостом разговор не оставлял сомнений — искали именно ее. Если напавшие на караван узнают, что она жива...

— Я дам людей, что проводят тебя до границ Секеи, — продолжал Раду, — их клинки из заговоренной стали, с насечками, что отпугивают мелкую нечисть. Вряд ли Влайку станет преследовать тебя так далеко. Но за эту помощь придется заплатить.

— У меня нет денег, — Лена исподлобья глянула на боярина. Тот не спеша допил вино и поднялся из-за стола.

— От посланницы Храма я жду не золота, — сказал он, — пойдем, я кое что покажу.

Лена увидела на входе в трапезную Тару. Попаданке очень не понравилось выражение ее лица — слишком явное на нем читалось злорадство. Однако отступить было поздно и Лена, кивнув, встала из-за стола, направляясь вслед за боярином.

— Это фамильное святилище, — сказал Раду, открывая дверь и впуская жрицу.

— Нууу...такое, — пробормотала Лена, осматривая помещение. Ей, видевшей Никтополийский Монастырь, дракийское святилище показалось довольно скромным: небольшой зал в подземелье замка, освещенный горящими по углам факелами. Черный камень, с розовыми прожилками, которым были выложены стены и пол, напомнил Лене храм Триморфы в ипостаси Блудницы — том самом, где ей отдали в рабы Звенко. Впрочем, розовое с черным считалось и цветами Эмпусы, а в империи — самого Астарота. Об Эмпусе напоминали и раскрашенные фрески на стенах — кривляющиеся обнаженные демоницы, черные бесы, живо напомнившие Лене безликих вихревых чудовищ, мускулистые рогатые демоны с кожей сырого мяса. Все они обступили обнаженную женщину, что ехала на черном верблюде, распустив тоже черные, как смоль волосы.

— Знаешь, кто это? — спросил стоявший сзади Раду.

— Да. Архонт Гомори.

В Никтополе, впрочем, считали, что Гомори не более, чем образ Мормо, ближайшего помощника Эмпусы, с незапамятных времен облюбовавшей эти края. Лена, после знакомства со здешней фауной, вполне в это верила — Кардопские горы самое место для кровожадного подручника властительницы вампиров. Еще одно изображение архонта красовалось у дальней стены, где над алтарем из черного камня висела большая картина. На ней изображалась пещера, посреди которой, на огромном валуне, восседал угрюмый мужчина в косматой шубе и высокой овчинной шапке. Даже всколоченная черная борода не могла скрыть его сходства с человеком, стоявшим рядом с Леной. На коленях угрюмого бородача, обнимая его за шею, восседал голый архонт в обличье развратной женщины. В руках она держала кубок с чем-то красным — и такими же красными были губы Гомори, когда она тянулась с поцелуями к своему спутнику. Станным образом, краски, которым рисовали архонта, не выцвели и не потускнели — Гомори выглядела нарисованной только вчера, в отличие от всего остального, изображенного на картине. За спиной бородача угадывались силуэты примерно десятка женщин, робко жавшихся к стене. Лиц их Лена не разглядела, но почему-то она была уверена, что они смотрят на парочку на переднем плане без всякого восторга.

— Это Черный Мирчо, — сказал Раду, — родоначальник самых знатных семей Дракии,

в том числе и княжеской. Хотя сам он не был ни князем, ни боярином — в его времена в Дракии вообще не имелось благородных. Мирчо был разбойником и дикарем, что тогда во множестве обитали в горах. Добычу он собирал в пещере, там же он держал и пленниц, которых он брал в жены. Но ни одна не могла принести ему сына — только дочерей. И тогда Мирчо, заколол на алтаре Гомори еще одну новорожденную дочь — и архонт явился ему в том самом обличе, что ты видишь сейчас. Десять ночей Гомори приходил к нему женщиной и десять раз Мирчо излил семя в ее чрево. После этого Гомори исчез — а еще через год, всякий раз, когда Черный Мирчо возвращался из очередного набега, десять ночей подряд на алтаре его встречал плачем младенец-мальчик. Когда сыновья Черного Мирчо подросли, то взяли в жены его дочерей и от них пошли самые старые и самые знатные боярские роды. От старшего сына, Кровавого Яножа, — того, кто появился в первую ночь, — пошел род великих князей Дракии.

— Впечатляющая история, — сказала Лена, — но причем тут я?

— Мне нужно благословение Гомори, — сказал Раду, — как защита от нечисти, что разгулялась в горах. Влайко ведет свой род от Гласиа-Лаболаса и, похоже, он сумел призвать архонта на помощь, прежде чем начал свои бесчинства. Мне тоже нужна поддержка от основателя рода, но я не маг и не жрец, чтобы общаться с архонтами. Ты, другое дело, ты посвященная жрица — а ведь раньше в здешних краях все почитали Скилакагету. Мне нужно, чтобы ты осталась на ночь — и воззвала к Гомори, как служительница Храма. Лишь после этого, наутро, я выполню свои обещания.

— Наутро? — Лена вскинула бровь, — подожди.

Она слишком поздно обернулась — Раду, сделав быстрый шаг назад, захлопнув за собой дверь. В следующий миг послышался звук задвигаемого засова.

— Открой!!! — Лена заколотила кулаками о запертую дверь, — что за дурацкие шутки!

— Открою, — послышался голос снаружи, — утром. Постарайся провести время с пользой — от этого будет лучше всем. И не пытайся открыть дверь — засов заговорен.

— Вот мудак! — выругалась Лена, напоследок стукнув по двери и поворачиваясь к алтарю. Только сейчас она заметила, что черный камень не пустовал: на нем стояло несколько черных, красных и белых свечей, мел, жаровня, связка высушенных трав, кинжал с рукояткой из слоновой кости и серебряный кубок с красным вином. Похоже, боярин всерьез подготовился, чтобы Лена ни в чем не нуждалась для проведения обряда.

— Все предусмотрел, да ублюдок? — усмехнулась Лена, рассматривая лежащие в кадилнице травы: полынь, аконит, болиголов, еще несколько растений. Этот травяной сбор и подсказал Лене, какой именно обряд боярин ждет от нее. Ничего особенного, этому ритуалу обучают всех послушниц, готовящихся к посвящению. Ритуал даровал тому или иному месту, — обычно храму или дворцу, — надежную защиту от вампиров, ночных призраков и прочих созданий из свиты богинь — наместниц Трехликой. Видимо, и Раду хочет укрепить свой замок — понятное желание, учитывая, кто сейчас резвится на перевале. На своих жрецов, видимо, боярин не надеется: у Влайку, наверняка такие же — вот Раду и ухватился за жрицу Триморфы. Понятно, кстати, почему и князь Бората пытался ее убить — не хотел, чтобы посланница Храма помогала сопернику.

В принципе, ничего сложного — разве, что Лену сильно разозлила манера, с которой это было исполнено: заманить ее обманом в это подземелье, запереть на ночь, принудить к исполнению обряда. Конечно, здешние магнаты привычны не держать ни перед кем указ, но ведь и Лена не какая-нибудь местная девка, вроде той же Тары. Про себя попаданка

подумала, что хоть и исполнит обряд, но потом найдет способ заставить Раду, как минимум, извиниться за свое поведение.

Успокоив себя таким образом, Лена принялась за дело: зажгла свечи от горевших в подземелье факелов, начертила на алтаре мелом круг, вписав в него все должные знаки, подождала и бросила на жаровню травы. Дождавшись, когда по комнате растечется едкий удушливый запах, она принялась нараспев читать заклинание.

К Богине Тройной, я взываю,

владычице Фурий и Теней!

Той, что ведает, как усмирить неотступную муку

души, что блуждает по этой земле

или спит под землей.

Вокруг нее засвистел ветер, которому неоткуда было взяться в замкнутой комнате. Что-то мягкое вкрадчиво коснулось ее волос, потом скользнуло по шее, обжигая ледяным холодом. Зашелестели невидимые крылья, причудливые тени заплясали на стенах.

Тень ночи должна пройти сквозь мой дух;

Откройте врата Силы для этого дитя колдовского пламени;

Своей кровью я окропляю эти первые огоньки;

Которые горят во имя Темной Богини.

Она потянулась к ножу на алтаре, но тут же отдернула руку — ни к чему оставлять свою кровь на чужом оружии: Лена уже знала, насколько опасно такое в этом мире. Достав из сапога отцовский клинок, она полоснула себя по пальцу, проливая алые капли на пламя свечей. В тот же миг порыв ледяного ветра задул свечи и факелы, погрузив зал во мрак. По комнате прокатился злорадный хохот и змеиные головы на плети взвились, с тревожным шипением сплетаясь вокруг руки девушки.

В крошечном мраке забрезжило багровое свечение. Оно становилось все ярче, постепенно превращаясь в костер. Его языки плясали на красных углях, бросая причудливые тени на стены пещеры.

Пещеры!?

Лена ошеломленно оглядывалась, не веря глазам. Подземное святилище куда-то исчезло — вместо него девушка очутилась в обширной пещере. Рядом с костром, на большой медвежьей шкуре, храпел, задрав вверх черную бороду, могучий мужик, совершенно голый. От него несло потом, прогорклым жиром и вином — по валявшимся рядом пустым амфорам было ясно, что проснется бородач нескоро. У стены, возле которой спал мужчина, стояли какие-то тюки, мешки, коробки, все те же амфоры и прочее добро — несмотря на неказистость жилища, его хозяин явно не бедствовал. В расположенных в стене нишах красовались отрубленные головы или голые черепа — охотничьи трофеи предков Раду сильно отличались от его собственных.

Позади Лены послышался негромкий смешок и попаданка обернулась, положив руку на кнут. Однако увиденное вовсе не оказалось пугающим — скорей наоборот.

Посреди пещеры лежала еще одна шкура — точнее целый ворох небрежно разбросанных мехов. Меж них томно простерлись обнаженные женщины — и молоденькие девушки, почти девчонки, и зрелые «милфы» с пышными формами — не меньше десятка очаровательных созданий самозабвенно ласкали друг друга. Тонкие пальцы касались набухших сосков, искусанные губы сливались в долгих поцелуях или же, медленно спускаясь по нежной коже, касались сначала нежных животов, а потом погружались в истекающую влагой нежную

плоть, вызывая громкие стоны и порывистые вздохи.

Посреди этой лесбийской оргии, словно большая ленивая кошка, простерлась молодая женщина, выглядевшая ровесницей Лены. Слегка вьющиеся черные волосы спускались на округлые груди, которые нежно целовали две развратницы — одна стройная девушка, с голубыми глазами и пшеничными волосами, вторая — лет на десять старше, с широкими бедрами и большой грудью. Еще одна женщина, стоя на четвереньках спиной к Лене и вздернув округлый зад, ритмично двигала рыжей головой меж раскинутых стройных ног. Ублажаемая всеми ими женщина, расслабленно лежала посреди мехов, рассеяно блуждая взглядом по сторонам. Вот кошачьи, слегка раскосые, глаза остановились на Лене и довольная улыбка искривила кроваво-красные губы. Небрежно отстранив своих любовниц, женщина встала и Лена ошеломленно уставилась на то, что гордо вздымалось у нее между ног. Незнакомка, довольная произведенным впечатлением, оглушительно расхохоталась. Ее глаза вдруг вспыхнули алым, меж оскаленных острых зубов мелькнул раздвоенный язык. Костер вдруг ярко полыхнул, на миг ослепив зажмурившуюся Лену, а когда она вновь открыла глаза — ни пещеры, ни ее обитателей вокруг уже не было. Лена оказалась в том же зале, где и начинала свой обряд. Первое, что ей бросилось в глаза — это висевшая над алтарем картина. Краски на ней выглядели такими же выцветшими и тусклыми, однако два ярких пятна здесь выбивались из общей серости — костер, полыхавший посреди пещеры, и сам архонт Гомори. Белоснежное, идеально сложенное тело, будто мерцало изнутри собственным светом, освещая комнату, алые губы кривились в уже знакомой Лене саркастической ухмылке.

Спину Лены вдруг обдало порывом холодного ветра и, обернувшись, девушка увидела, что дверь святилища распахнута настежь. Довольная улыбка искривила губы Лены, когда до нее, наконец, дошло, что она видела только что. Похоже, ей не придется ждать утра, чтобы поквитаться с Раду Чорновари.

«Только черному коту и не везет...»

Кэт заорала от страха, когда скалы, ручей и Лена вдруг стали стремительно уноситься куда-то вниз. В мгновение ока кошкодевка оказалась на головокружительной высоте, с невероятной скоростью несясь меж черных туч. Цепкие лапы крепко сжимали ее, не давая пошевелиться — впрочем, Кэт особо и не дергалась: при одном взгляде вниз у нее кружилась голова. Поначалу она еще кричала, но вихревые бесы тут же принимались ее щекотать с изощренно-мучительной лаской, так что Кэт, быстро поняла урок и замолкла. Она и не заметила, как приняла человеческий облик, ощутив это лишь когда нахальные лапы принялись ощупывать ее в самых нескромных местах. В ответ Кэт могла лишь жалобное мяукать, словно кошка забравшаяся на слишком высокое дерево.

Внизу проносились высокие пики и скальные гряды, густые леса и бурные реки, бежавшие по дну глубоких ущелий. Широко раскрытыми глазами Кэт смотрела на мчавшиеся по горам тени с горящими глазами — стаи волков, обычных и подобных тварям, напавшим на них у ручья, оглушительным воем приветствовали крылатых тварей. Однако сами вихревые бесы неслись по небу в неизменном молчании.

Временами внизу мелькал одинокий замок, как правило, стоявший на высоком утесе, к подножию которого жались убогие деревушки. Кэт сообразила, что они уже в Борате — к югу от тракта поселения имелись только в этом княжестве. Девушка-кошка еще успела подумать, что безумный полет близок к завершению, когда внизу разверзлась очередная пропасть, много больше и глубже, чем те, что она видела до сих пор. На дне ее грохотала, выбрасывая пенные валы, горная река. Из бурного потока вздымалась исполинская скала, чья вершина находилась почти вровень с пропастью. На скале стоял высокий замок, с зубчатыми крепостными стенами и квадратными башнями. Сложенный из того же камня, что и горы, он почти сливался со скалой и Кэт заметила бы его гораздо позже, если бы не реющее над замковым донжоном знамя — на черном фоне красный зверь, напоминающий помесь волка с драконом. От замка, через пропасть, в обе стороны тянулись подвесные мосты, входы и выходы с которых охранялись массивными башнями.

На башнях застыли жуткие изваяния, которые Кэт поначалу приняла за статуи — пока одна из них не подняла голову, расправляя перепончатые крылья. Сразу несколько тварей взвились в воздух — подобия чудовища, изображенного на знамени: четырехлапые драконы с волчьими головами и поросшие косматой шерстью. Они подлетели так близко, что Кэт могла видеть оскаленные пасти, капающие желтой слюной, когтистые лапы и полыхающие алым огнем глаза. Монстры с грозным рычанием кружили вокруг вихревых бесов, а те, застыв на одном месте, бешено махали крыльями. У Кэт создалось впечатление, что между крылатыми тварями произошел незримый диалог: неожиданно волкодраконы расступились и вихревые бесы вновь устремились к замку. Они пронеслись над широким внутренним двором, где слонялось множество вооруженных людей и, взлетев на широкий балкон, понеслись по длинному коридору. Перед глазами Кэт мелькнули алые шпалеры, чьи-то портреты в золоченых рамах, застывшие на пьедесталах статуи. Наконец, вихревые бесы ворвались в большой зал и, бесцеремонно швырнув кошкодевку на пол, тут же вылетели в распахнутые окна. Кэт, повинувшись уже появившемуся инстинкту, сменила облик, уже в падении, опустившись на мягкие лапы и настороженно оглядываясь по сторонам.

Огромное помещение, также как и коридор, было убрано черно-красными занавесями,

заставлено мраморными статуями и увешано разными картинами. Самой большой была картина, висевшая на противоположной от Кэт стене: полная Луна восходила над горной долиной, освещая разоренную деревню. Меж неказистых домишек валялись изуродованные трупы, над которыми в отчаянии воздевали руки перепуганные крестьяне. А на фоне ночного светила летел зверь, напоминавший пса с перепончатыми крыльями и драконьим хвостом. В получеловеческих лапах монстр держал кричащую девушку в разодранных одеяниях. Крылатый зверь подлетал к бурной реке, из которой возносилась скала — и Кэт сразу признала гору, на которой стоял замок.

Под картиной стояли два трона из черного дерева, обитого мягкой тканью. На одном восседал коренастый парень, лет двадцати пяти, с широкими плечами и длинными руками. На коротких толстых пальцах странно смотрелись ухоженные, как у женщины, острые ногти, выкрашенные ярко-красным. Несмотря на молодость, лицо мужчины покрывала обильная растительность — не только окладистая борода и вислые усы, но и густые бакенбарды. Из одежды он носил черно-красный кафтан, расшитый серебром, а поверх него — плащ из волчьей шкуры. На пальце левой руки красовался перстень с печаткой в виде золотой мухи с маленькими рубинами вместо глаз, тогда как правую руку охватывал кожаный гайтан, со связкой волчьих клыков, окованных серебром. С могучей шеи на золотой цепочке свисала фигурка крылатой собаки, искусно вырезанная из небольшого куса зеленого нефрита

На втором троне восседала красивая женщина, лет тридцати, в красном платье с глубоким вырезом. Лицо, с резкими «орлиными» чертами, выразительные черные глаза и нос с изящной горбинкой, выдавали принадлежность к иному народу, нежели дракийцы. В голове Кэт невольно всплыло полузабытое определение из прошлой жизни — «южная внешность». Густые черные волосы охватывал серебряный обруч, тогда как включенные космы ее сопровителя украшала золотая корона с алыми рубинами по окружности. Изящную шею женщины охватывало серебряное ожерелье с синими сапфирами, сапфиры же украшали и золотые серьги в ее ушах. Кроме этих двоих у стен зала замерло с десятков солдат в кольчугах и в шлемах в виде собачьих голов, вооруженные мечами и алебардами. Перед самым тронном стоял высокий худой мужчина в темно-сером одеянии, украшенным белым изображением все того же крылатого пса. Лицо мужчины скрывал надвинутый на глаза капюшон. В правой руке он держал сучковатый посох, увенчанный темно-желтым шаром, в янтарной глубине которого чернело некое насекомое. Левая же рука удерживала цепь, на которой сидел огромный черный волк, злобно смотревший на девушку-кошку.

Желтые глаза мужчины, сидевшего на троне, встретились с глазами Кэт и тонкие губы тронула усмешка, обнажив мелкие острые зубы.

— Интересное отродье, да Марозия? — обратился он женщине, — чего только не придумают эти сучки из Монастыря. Напрасно вы с подружкой сунулись в наши горы — в Борате Храм уже не властен.

Кэт молча посмотрела на него и демонстративно отвернулась. Послышался мелодичный смех Марозии.

— Какая своенравная киска! Влайку, ты подарил мне целую свору гончих, но в Гроскании все знатные дамы заводят домашних кошечек. Может, такая получится из нашей гостыи?

— Думаю, мы найдем ей более интересное применение, — усмехнулся мужчина и громко прикрикнул, — эй, киска, посмотри на меня! Прояви больше уважение перед лицом князя, если не хочешь ближе познакомиться с Орфом.

Черный волк издал грозное рычание и, глянув на него, Кэт увидела, что глаза зверя полыхают адским огнем, а в оскаленной пасти пляшут язычки пламени. Она перевела взгляд на троны и торопливо кивнула. Мужчина довольно усмехнулся.

— Так то лучше. Знаешь, кто я?

— Она называла тебя Влайку, — кивнула Кэт на женщину, — значит, ты князь Бората. Я слышала, как о тебе говорили в Монастыре.

Лицо Влайку расплылось в довольном оскале.

— Значит, обо мне знают в Никтополе? — спросил он, — и что говорили?

— Да ничего, — пожалала плечами Кэт, — просто упомянули, что есть такой князь.

Улыбка на лице князя несколько увяла, зато женщина снова рассмеялась.

— Не волнуйся, дорогой, скоро у них появится много поводов говорить о тебе, — она повернулась к Кэт, — так кто же ты, милашка?

Кэт замаялась, не зная, как объяснить то, что она и сама толком не понимала.

— Я...

— Да мало ли чего у них там не водится в Монастыре, — перебил ее Влайку, — какая разница, кто она? Давай лучше придумаем, что с ней сделать?

Черный зверь у трона громко и злобно взлаял.

— Вот и Орф согласен со мной, — сказал князь, — а ты что скажешь, Дирканей? На что сгодится эта кошка?

Молчавший доселе мужчина в сером одеянии сбросил капюшон, обнажая лысую голову и узкое костистое лицо. Кэт содрогнулась, увидев его глаза — вернее гноящиеся глазницы вокруг которых ползали белые опарыши.

— Как вода не сходится с огнем, — гулко произнес он, — как лед не терпит солнца, так и собака не потерпит рядом с собой кошку. В день, когда мы отдаем почести архонту, твой предок возрадуется, получив столь необычный дар.

— И впрямь необычный, — капризно протянула Марозия, — может архонт обойдется чем-то более привычным? Обидно, если такую занятую зверушку просто разорвут собаки.

— Поэтому, это будут не просто псы, — Влайко осклабился в совершенно мерзкой улыбке, — я решил отдать ее збураторам.

Недовольство на лице Марозии сменилось живым интересом, а губы безглазого жреца искривились в подобии довольной усмешки. Князь посмотрел на недоуменно смотрящую на него кошкодевку и снисходительно усмехнулся.

— Не понимаешь, о чем речь? Видишь это? — он указал на картину позади тронов, — много веков назад Гласеа-Лаболас, разгневанный тем, что крестьяне мало чтили его жертвами, сам ворвался в одну из деревень. Архонт растерзал множество крестьян, но пощадил дочь старейшины, Дэкиену за ее красоту. Он унес ее на вершину скалы, среди бурного потока, а спустя девять месяцев она явилась в деревню, с новорожденным сыном на руках. От этого ребенка и пошли князья Бората — и с тех пор, раз в четыре года, в нашем роду отдают долг архонту. За то, что Гласеа-Лаболас тогда не убил Дэкиену, выбирают молодую девушку, которую растерзают священные псы. Но столь символический дар, как ты, заслуживает чего-то большего, чем простая свора. Ты видела збураторов, псов-драконов, на стенах моей крепости? Кровь Крылатого Пса течет в жилах князей Бората и после смерти они возвращаются к своим корням в новом обличье. В них много от архонта — но немало и от обычных псов, так что им будет прия...

Негодующий мяукающий вой оборвал его на полуслове — это Кэт, приняв кошачий

облик, взметнулась ввысь, целя острыми когтями в горло князю. Тот не успел схватиться за меч, — также как и солдаты, даже жуткий пес, казалось, растерялся. Вжавшаяся в трон Марозия, белая от ужаса, широко распахнутыми глазами смотрела на огромную кошку. Не растерялся лишь жрец Дирканей: с быстротой молнии мелькнул жезл и Кэт с диким воем повалилась на пол — ее словно ударило током. Вновь приняв человеческий облик, скорчившись на полу, парализованная, она, как сквозь туман, увидела нависшие над ней лица княжеской четы и между ними — оскаленную пасть огнедышащего пса.

— А с ней нужен глаз да глаз, — усмехнулся Влайку, — ну ничего, несколько дней в подземелье собьют с нее спесь.

— У меня идея! — воскликнула Марозия, — ведь збураторы уже здесь — так почему бы не отдать им какую-нибудь служанку? Они получают дополнительную жертву, а наша гостья сможет полюбоваться на то, что ее ждет совсем скоро.

— Отличная идея, — Влайко вновь осклабился, обнажив острые зубы, — вот прямо сейчас и займемся. Только свяжите ее получше, пока она не очухалась. И пусть кто-нибудь поищет подходящую девку в замке.

Пара солдат выбежали из зала, выполнять чудовищное приказание, другие же подошли к Кэт, сноровисто связывая ей руки и ноги кожаными ремнями. Закончив, солдаты подхватили ее за руки и вынесли во двор. Рядом с ними шел Орф — явно раздосадованный, что не он предотвратил смертоносный бросок, сейчас черный волк всем видом демонстрировал готовность не оплошать во второй раз.

Солдаты во дворе дисциплинированно отошли к стенам, освобождая пространство во дворе. Посреди него корчилась связанная девушка — обнаженная, с растрепанными темными волосами. В синих глазах читался неподдельный ужас, с которым она смотрела на вышедших на балкон Влайку, Марозию и Дирканея. Заметив, что Кэт уже вынесли во двор, жрец вскинул руки нараспев произнося заклинания. В тот же миг сверху послышался шелест крыльев и Кэт, подняв голову, увидела, как с замковых башен пикируют уже знакомые ей волкодраконы. Самый большой успел первым: подхватив с землю девушку, монстр взмыл в небо, на лету срывая с кричащей пленницы путы. В полете чудовище менялось — его тело вытянулось, задние лапы выпрямились и удлинились, став похожими на человеческие ноги. Вскоре монстр уже напоминал огромного, заросшего шерстью, человека, но с волчьей головой и перепончатыми крыльями. Непрестанно махая ими, збуратор прижал девушку к стене ближайшей башни и, раздвинув ей ноги, грубо ворвался в ее лоно. Жалобный крик заглушил дикий вой чудовищ, рассеявшихся по остальным башням, приняв все то же получеловеческое обличье. Кэт невольно обратила внимание на торчащие у них между ног ярко-красные эрегированные члены. Глаза тварей горели скотским вожделением, длинные языки неперестанно облизывали острые морды. Вожак стаи, меж тем, продолжал насиловать несчастную девушку, сопровождая ее крики и плач издевательским полухохотом-полурыком. Вот он закинул голову, издал совершенно безумный вой, выгнув спину и, судя по всему, разряжаясь в девичье лоно своим семенем. В следующий миг он метнулся вверх, выпустив девушку из лап. До земли она не долетела — другой збуратор, с быстротой молнии метнувшийся с башни, мгновенно подхватил жертву и взмыл над замком, насилуя несчастную прямо в воздухе. Закончив, он также швырнул девушку на землю — чтобы ее подхватил следующий монстр. Одна за другой сменяли друг друга жуткие твари, на лету утоляя свою звериную похоть. Девушка уже не кричала — ее голова бессильно повисла, дергаясь, как и все тело, болтавшееся, словно сломанная кукла в такт движениям

насилльников. Вот и последний монстр выпустил девушку из когтистых лап — и в тот же миг вся стая кинулась на несчастную. Та все же нашла в себе силы для последнего отчаянного крика, когда над внутренним двором закружился жуткий хоровод из перепончатых крыльев, мохнатых тел и когтистых лап. Истошный крик оборвался, когда збураторы вновь взмыли ввысь, на лету пожирая куски окровавленной плоти. В следующий миг мохнатые твари растаяли в сумрачном небе.

Кэт перевела взгляд на хозяев замка: по лицу безглазого жреца ничего нельзя было определить, на губах князя играла лишь легкая улыбка, зато Марозия явно наслаждалась кровавым зрелищем. Полная грудь княгини Бората возбужденно вздымалась, язык облизывал полные губы, темные глаза лихорадочно поблескивали.

Кэт невольно вспомнила кровавые оргии в подземелье тельхинов — похоже, оба берега Дракийского пролива и по сей день связывало куда больше ниточек, чем обычно принято считать. Но обдумать эту мысль, как и то, что ее ждет всего через несколько дней кошкодевущка уже не успела: воины Влайко подхватили ее под руки и грубо поволокли в обещанное ей подземелье.

«Бей меня, бей, если хочешь любви...»

Эта часть замка, похоже, редко посещалась людьми: блуждая по подземелью, Лена наткнулась только на трех стражников, которым она легко отвела глаза. Но уже на выходе из подвалов, Лена столкнулась с Тарой. Наложница князя шла с кувшином вина в руках. На округлой груди, вываливающейся из глубокого выреза, виднелся алый след от засоса. Усмехнувшись, Лена сняла заклятие, отводящее глаза и Тара испуганно шарахнулась, когда перед ней вдруг появилась гостья замка.

— Ти-хо! — Лена приложила палец к губам, второй рукой поднимая плеть. Взвившиеся змеи с шипением оплелись вокруг тела девушки, с ног до головы проскользнув по ней чешуйчатыми кольцами, и столь же быстро втянулись обратно. Лена, засунув кнут за пояс, взяла из рук перепуганной наложницы кувшин и сделала большой глоток. Мимолетно поморщилась — напиток оказался крепленным.

— Надо бы закусить, — пробормотала она, высвобождая из выреза большую грудь и впиваясь губами в темный сосок. Тара была хорошей кормилицей — сжав несколько раз упругую плоть, в награду Лена получила струйку молока, которую она с удовольствием и проглотила. Одновременно Лена запустила руку в вырез на бедре, нахально щупая Тару между ног. С губ драки сорвался протяжный стон, когда бесстыдные пальцы проникли в истекавшую влагой расщелину.

— Тихо, я сказала! — Тара испуганно подскочила, когда вырвавшаяся из кнута змея цапнула ее за упругую ягодицу. Лена же, продолжая «доить» служанку, сделала еще несколько глотков из бутылки, запивая вино молоком кормилицы. Одновременно ее пальцы умело ласкали податливую плоть, пока тяжело дышавшая Тара вдруг не вскрикнула, дернувшись всем телом и обмякла, чуть ли не сползая по стене. Рассмеявшись, Лена вынула руку и облизала испачканные пальцы.

— Вкусная, — сказала она, — это ведь вино для Раду?

Тара слабо кивнула.

— Проводи меня к нему, — Лена рывком развернула девушку спиной к себе и звонко шлепнула по заду, — и побыстрее.

Они поднялись по винтовой лестнице, оказавшись перед большой дверью из мореного дуба. Над дверью висел череп огромного кабана — символ рода Чорнавари.

— Это здесь, — сказала Тара, опасливо косясь на жрицу.

— Сама вижу, — фыркнула Лена, — а ну, поддержи.

Она стянула через голову платье, сбрасывая мятый ворох на руки ошеломленной служанки. Спустя миг к нему добавилось и драгоценное кольцо.

— И это возьми, — сказала Лена, отцепляя серьги и небрежно высыпая их за пазуху Тары, — а теперь отдохни немного.

Она надавила пальцами на сонную артерию княжеской наложницы и та, жалобно пискнув, сползла вниз по стенке. Подхватив потерявшую сознание Тару, Лена аккуратно уложила ее на пол. Оставшаяся в одних сапогах и поясе, Лена поправила змеиную плетку и пинком распахнула дверь.

Для боярских покоев это была сравнительно небольшая, но уютная комната: с горящим камином, над которым висела оскаленная голова медведя и изящным столиком из красного дерева. На нем стоял золотой подсвечник с четырьмя горящими свечами, пустая бутылка из-

под вина и усыпанный драгоценными камнями золотой кубок. Из распахнутого окна слышался шум недалекого водопада.

Раду, совершенно голый, лежал на огромном ложе, занявшем чуть ли не половину комнаты. Заслышав грохот двери, он удивленно вскинул брови.

— Тара, ты где... Ты?!!!

— Тара занята, — усмехнулась Лена, ставя на пол кувшин с вином, — я за нее.

Ее появление, конечно, удивило Раду, но не насторожило: выпитое вино и ощущение полной безопасности в своем замке, изрядно расслабило боярина. Он даже окинул откровенным взглядом обнаженную девушку и на его лице расплылась широкая улыбка. Лена, ничуть не смутившись, так же откровенно осмотрела поджарого, мускулистого мужчину и, оставшись довольной увиденным, невольно облизнулась. Судя по ставшей еще шире улыбке, молодому боярину польстила такая реакция.

— Как я уже говорил, — Раду рывком поднялся с ложа, — я всегда испытывал должное почтение к посланницам Хра...

Договорить он не успел: Лена, не меняясь в лице, с силой пнула его по яйцам. Раду, с шумом выдохнув воздух, согнулся в три погибели, выпучив глаза и держась между ног. Лена поставила сапог на подставленный лоб и толчком опрокинула боярина на ложе.

— Не торопись, — улыбнулась Лена.

Раду оказался крепким малым: быстро преодолев боль, он вскочил с перекошенным от злости лицом.

— Наглая сука! — крикнул он, — за это я прикажу...

Лена снова не дала ему договорить: сорвав с пояса кнут, она наотмашь хлестнула разъяренного мужчину и тут же вскинула руку, отводя плеть в сторону. Раду, мыча от унижения и бессильной злобы, качнулся следом: две змеиные пасти впились в его соски, еще две держали его за язык и за нос. Оставшиеся три головы вцепились в гениталии боярина, сжимая зубы при малейшей попытке Раду дернуться.

— Стоит мне отдать приказ, — сказала Лена, безмятежно любуясь своим пленником, — и эти змейки вырвут с мясом, все, что они схватили. Или впрыснут смертельный яд — но перед смертью тебе будет очень, **ОЧЕНЬ** больно.

В глазах Раду мелькнул неподдельный испуг.

— Или же, — продолжала Лена, — ты будешь хорошим мальчиком и мы сможем договориться. Что же ты решишь?

Раду промычал нечто уже не столь грозное и Лена, уловив готовность идти на компромисс, легонько качнула рукой. Две змеи выпустили язык и нос Раду, продолжая, раскачиваться перед его лицом, угрожающе шипя.

— Что ты хочешь? — вымолвил Раду, с трудом ворочая распухшим языком.

— Совсем другой разговор, — улыбнулась Лена, — для начала, я хочу повеселиться.

Она потянула плеть и Раду невольно вскрикнул, когда змеиные пасти до боли потянули его соски и член. В следующий миг змеи выпустили Раду, но порадоваться этому он не успел — Лена захлестнула молодого боярина обжигающими плетями, оставляя на мускулистом теле семь багровых рубцов. Не давая Раду опомниться, Лена обрушила на него град ударов, умело выбирая места, чтобы причинить наибольшую боль. Какое-то время боярин еще пытался наброситься на Лену, вступить с ней в схватку, но та, виртуоза плетью, сплела в воздухе настоящую сеть из обжигающе-ядовитых хлыстов, не дала боярину ни единого шанса. Попаданка то лупила его что есть силы, то, вздернув истерзанную плоть на крючки

змеиных зубов, заставляла Раду вставать на цыпочки, дергаясь перед ней, словно марионетка на ниточках спятившего кукольника.

Наконец, измученный мужчина вновь выдавил надрывный вскрик:

— Чего же ты хочешь?!

Лена оскалилась в хищной улыбке и, потянув плеть, словно рыбак, вытаскивающий из воды выбившуюся из сил рыбу, привлекла Раду к себе и шепнула ему на ухо.

— Тебя!

Змеиные плети расплелись, выпуская мужское тело, и тут же Лена с силой ударила Раду в грудь. От неожиданности боярин потерял равновесие, усаживаясь на ложе, а девушка, положив ладонь ему на лицо, плавно уложила мужчину на спину. Запрыгнув на кровать, Лена уселась Раду на грудь, выставив ягодицы прямо перед его лицом. Одновременно ее пальцы ухватили измученный член, умело лаская истерзанные гениталии

— Сделаем друг другу приятно, — томно прошептала она. Раду, впрочем, вряд ли это услышал, когда женские бедра стиснули ему голову. Темная влажная пещера поглотила протестующий стон, пока Лена, энергично протиралась влагалищем по губам, глазам и носу боярина, размазывая по ним свои женские соки.

— Высунул язык! — скомандовала она, приподняв бедра, чтобы Раду мог вздохнуть, — и начал лизать, быстро!! Я сказала быстро, сучонок!!!

Чтобы подтвердить свое требование, она стиснула в кулаке мужские яйца и довольно простонала, ощутив во влагалище неопытный, но старательный язык. Лена опустила голову и ее губы сомкнулись на мужской плоти. Лена сосала умело и жадно: то забирая член по самые гланды, то играя кончиком языка на налитой кровью головке. Мужчина, вдохновленный этим переходом от мучений к изощренным ласкам, принялся лизать с удвоенным усердием — и Лена отблагодарила его нежным поцелуем оголенного кончика «нефритового стержня». Оральные ласки заставили измученный орган восстать, наливаясь упругой силой в кольцо умелых губ.

Язык Раду, вытянувшись на пределе мышечных связок, совершил совершенно невероятное круговое движение и Лена, стиснув его голову своими ляжками, со стоном кончила в жадно подставленный рот. Одновременно, почувствовав близость кульминации, она выпустила член Раду из рта и, сорвав с ближайшего покрывала один из обрамлявших его шнурков быстро перетянула мужские гениталии.

— Тебе пока рано, — сказала она, игриво шлепнув по разбухшим от спермы яйцам. Почувствовав под собой отчаянное копошение, она, спохватившись, приподняла бедра и тут же услышала судорожное, со свистом, дыхание: это Раду, наконец, получивший возможность дышать, с шумом втягивал и выдыхал воздух.

Лена, соскользнув с ложа, вновь взялась за плеть, — в глазах Раду мелькнула тревога, но он уже был настолько измучен всей этой экзекуцией, что у него не имелось уже никаких сил на сопротивление. Лена же, захлестнув плеть вокруг талии, привычно ввела конец рукояти кнута во влагалище. Вновь залезая на ложе, она встала на колени рядом с головой Раду и требовательно ткнула рукояткой кнута ему в губы.

— Соси!

Миниатюрное демоническое личико на набалдашнике кнутовища ехидно улыбнулось ошарашенному боярину и впилося маленькими губами в его губы. В следующий момент, Лена с силой протолкнула кнут в рот Раду.

— Смачивай слюной лучше, — посоветовала Лена, положив руку ему на голову и

размеренно двигая тазом, — тебе же лучше будет.

Раду, видимо догадавшись, что последует дальше, внял ее совету — и вскоре Лена, вытащив из его рта обильно смазанное слюной кнутовище, соскочила с кровати. Ухватив Раду за бедра, она задрала его ноги вверх и тут же импровизированный член ворвался в мужской анус. Тот заорал так, что чуть не сорвал себе горло, однако Лена лишь посмеивалась, трахая молодого боярина в зад.

— Только не прикидывайся целкой, Раду, — говорила она, — я же чувствую, что не первая в твоей заднице. Тебе это на роду написано — когда я закончу, я расскажу кое-что из истории твоего семейства, все, что я узнала в вашем святилище...

Раду не слышал, что она говорит — все его мысли и чувства, казалось, сосредоточились в раздраемом от страшной боли заднем проходе. Лена, во влагиалище которой ритмично двигался другой конец кнута-члена, все больше входила в раж, хлопая бедрами о мужские ягодицы, ожесточенно долбя боярина. Она видела, что налитый кровью член казалось, вот-вот взорвется, что сам мужчина уже сам делает бедрами встречные движения, а крики боли все чаще сменяются стонами наслаждения. Природа брала свое — и Раду прислушиваясь к своему телу, с испугом ощущал, как по нему расплывается блаженная истома. Его яйца, казалось, вот-вот лопнут, от напряжения, когда Лена, не переставая терзать мужскую задницу, выхватила из сапога отцовский нож и, поддев им стягивающий гениталии шнурок, разом перерезала его. Одновременно она задрала ноги мужчины так высоко, как только могла, направляя торчащий колом член прямо в лицо Раду. Долго сдерживаемый поток семени залил глаза, ноздри и распахнутый в вопле наслаждения мужской рот. В тот же миг Лена почувствовала, что снова кончила.

Она не сразу услышала негромкий стук, а когда обернулась, то увидела стоявшую в дверях Тару, переводящую ошалелый взгляд с посланницы Храма на своего измученного, залитого собственной спермой господина.

— Ты вовремя, — усмехнулась Лена. Она медленно потянулась бедрами и ее искусственный член, с хлопаньем покинул задницу Раду, заставив того сморщиться от боли. Лена же, так и не удосужившись снять кнут, подняла бутылку вина и, бесстыдно поводя бедрами, подошла к замершей в дверях кормилице. Та не сопротивлялась, когда Лена, положив ей руку на голову, заставила Тару опуститься на колени. Девушка невольно вздрогнула, увидев ухмыляющееся личико демона, но, тем не менее покорно открыла рот. Ее губы и язык старательно чистили орудие экзекуции, в то время как Лена, прихлебывая из бутылки, самодовольно созерцала «поле боя».

— Ладно, хорош, — она легонько шлепнула Тару по щеке, вынимая кнут, — помоги хозяину.

Робко оглядываясь на Лену, Тара забралась на кровать и, склонившись над Раду, принялась слизывать с его лица смесь собственной спермы, женских выделений Лены и невольных слез, лившихся градом во время экзекуции. Лена же, присев на колени перед кроватью, снова взяла в рот член Раду и сосала до тех пор, пока не почувствовала, что мужской орган вновь пробудился, готовый к бою.

— А ну, брысь отсюда, — сказала она, вставая на ноги, — позову, когда будешь нужна.

Тару словно ветром сдуло за дверь. Лена же, широко расставив ноги, встала над Раду и, раздвинув свои половые губы, медленно опустила на торчащий колом член. Протяжный стон сорвался с ее губ и попаданка, упершись руками в плечи боярина и вдавив его в ложе, принялась энергично двигать тазом, насаживаясь на его жезлы. Мужчина стонал и рычал,

вцепившись руками в ее бедра, пока ногти Лены чертили кровоточащие борозды на его груди. Почувствовав близость кульминации, попаданка соскользнула на пол, вновь беря в рот мужской член, тут же излившийся в ее горло струей. Забравшись на кровать, Лена взасос поцеловала Раду в губы, переливая ему в рот его собственное семя.

Уже позже Лена и Раду без сил лежали меж шелковых покрывал и мехов. Молодая женщина лениво водила рукой по плоскому животу мужчины.

— Тебе понравилось? — томно спросила Лена.

— Думаешь, такое может понравиться? — буркнул Раду, отворачиваясь, чтобы не показать залившего щеки предательского румянца.

— Обманщик! — рассмеялась Лена. Ее рука скользнула ниже, на миг сжав дернувшийся в ее пальцах член.

— Ну, я же говорю, — продолжала она, — не понравилось ему. Что мешало кликнуть стражу, если тебе было так противно?

— Мне стало их жалко, — усмехнулся Раду.

— Это правильно, — самодовольно кивнула Лена. Она подняла плеть и пустила змеек вдоль тела Раду, — тот был настолько изнеможен, что даже не отодвинулся. Чешуйчатые тела скользили по его животу и раздвоенные языки ласкали измученные мужские гениталии.

— Тебе же нравится это, верно? — прошептала Лена, лизнув Раду в ухо, — я таких как ты определяю с первого взгляда. В этом нет ничего плохого — сильный мужчина не боится уступить сильной женщине. Особенно, если вспомнить то, что я узнала о том, как на самом деле начинался твой род.

— Ты о чем? — Раду повернул голову с недоумением уставившись на Лену. Та подробно рассказала ему о своем видении в святилище.

— Ваша семейная легенда верна лишь наполовину, — сказала она, — ваш род, как и прочие рода Дракии, и впрямь ведут начало от архонта Гомори. Но вот только Черный Мирчо не мог оплодотворить его чрево — и не только потому, что валялся пьяным посреди пещеры. Дело в том, что ему нечем было зачать потомство — я видела его междуножье, там все вырезано под корень — и яйца и член. Знаешь, в Некрарии иные поклонники Триморфы, чтобы добиться особых милостей от Богини, добровольно кастрируют себя, отдавая Ей свое мужское начало. Тем самым они уподобляются Сабатису, супругу Скилакагеты. Мирчо не мог зачать наследника и поэтому решил на эту жертву.

— Но мой род...

— Ведет свое начало от Гомори, а также жен и дочерей Черного Мирчо, — кивнула Лена, — архонт Гомори, как и некий Мормо, может не только менять пол, но и на женском теле выращивать мужские гениталии и наоборот. В ту ночь архонт оплодотворил всех жен Мирчо и от зачатого им потомства пошли все боярские рода Дракии.

— Но если это правда...

— Хочешь, поклянусь? — Лена приподнялась на локте, вскинув руку над головой с плетью. Змеи лениво вились в воздухе, касаясь ее кожи раздвоенными языками.

— Пусть Богиня поразит меня на месте, если я вру! — произнесла Лена, — пусть символ ее власти, что дает мне силу, отравит меня смертельным ядом и пусть змеи Стено вечно жалят меня во мраке Лимба, если я соврала!

Сказать по правде, Лена не была уверена, что это проклятие имеет какую-то силу — хотя бы потому, что и придумала его только что. Но Раду, с явным напряжением смотревший на спокойно ползавших змей, похоже, поверил посланнице Храма. И правильно, ведь Лена

говорила сейчас истинную правду.

— Но...если Мирчо-прародитель...

— Он вам не прародитель, — рассмеялась Лена, — эту легенду придумали, чтобы обосновать право Яножа на княжеский престол. Не было младенцев, таинственно появляющихся на алтаре — были лишь дети Гомори. А значит, нет никакого права первородства — оно имеет значение лишь для мужчин, основателей родов, а не для архонтов. Все потомство тех жен несут кровь Гомори и все боярские рода достойны княжеского трона. В том числе и ты.

— Сказать так открыто, значит начать войну, — покачал головой Раду.

— Само собой, — кивнула Лена, — я рассказала эту историю, прежде всего для тебя самого, чтобы ты не сомневался в своем праве. Но ты можешь жениться на дочери князя Яножа и закрепить за своим потомством княжеский титул.

— Таких желающих много, — криво усмехнулся Раду, — почти каждый решит, что достоин не меньше меня и...

— Они все заткнутся, — перебила его Лена, — если перед ними предстанет не просто боярин, один из многих, а сокрушитель чудовищ, терроризирующих торговый тракт, разоблачитель козней князя Бората — и победитель его!

Раду вскинул на нее взгляд, в котором смешались ирония и надежда.

— Все еще надеешься спасти свою подружку?

— Должна же и я получить хоть что-то от этой затеи, — пожала плечами Лена, — жизнь Кэт — не такая уж и большая плата за княжеский престол для тебя.

— Осталась самая малость, — усмехнулся Раду, — взять замок Влайку. Даже если не вспоминать всю нечисть, что с ним заодно, — хотя вспоминать придется, — крепость Дэкиени не то место, что легко взять штурмом. Или ты знаешь, как это сделать?

Лена пожала плечами.

— Пока не знаю, — сказала она, — придется пораскинуть мозгами.

«Глубоко тебя зарыли, до свиданья, милый, милый...»

Все хищники в западне ведут себя схоже и Кэт не стала исключением. С громким мяуканьем, временами переходящим в злобное рычание, огромная кошка мерила шагами свое узилище. Она редко принимала человеческий облик: в животном обличье как-то меньше осознавалась ее предстоящая участь. Все существо молодого, полного сил, зверя отказывалось смиряться с неизбежной смертью: в любом обличье Кэт мучительно искала пути побега или хотя бы мести обидчикам.

Искала — и не находила.

Темницы Дэкиени располагались в самой толще скалы, на которой стоял замок: бывшие некогда естественными пещерами, позже они были расширены и расчищены князьями Бората. Вдоль узких коридоров тянулись входы в камеры, закрытые железными решетками. Кое-где на стенах чадили тусклые, то и дело гаснувшие факелы, редко проверявшиеся молчаливыми тюремщиками. Впрочем, Кэт, с ее кошачьим зрением, света особо и не требовалось — она прекрасно видела в темноте и увиденное помогло ей осознать, что выбраться отсюда, мягко говоря, непросто. Ее собственная камера находилась в самом конце коридора, оснащенная особо крепкими решетками. Имелись тут и иные узники: время от времени, дальше по коридору Кэт слышала чьи-то стоны, плач и проклятия. Доносились до нее и иные, еще более жуткие, звуки, об источнике которых она предпочитала не думать.

Напротив нее находилась всего одна камера — с такими же крепкими решетками. За ними Кэт разглядела некую фигуру, скорчившуюся у стены. Все попытки Кэт как-то привлечь внимание этого узника оказались напрасными и вскоре кошководушка оставила это занятие, вновь сосредоточившись на возможности побега. Увы, бесполезно, — ее прутья, прочные сами по себе, были, похоже, еще и заговорены. Что для Кэт, практически не владеющей магией, являлось почти непреодолимым препятствием.

В какой-то момент сверху послышались голоса, затем звуки шагов и по стенам коридоров заплясало пламя множества факелов. Кэт, уже привыкшая к здешнему освещению, отпрянула в самый темный угол, пряча глаза от сильного света.

— Ну и как тебе здесь, моя киска?

Перед ней стояла Марозия — супруга князя сменила парадное платье на куртку из тонко выделанной кожи, замшевые штаны для верховой езды, туго обтягивающие широкие бедра и высокие сапоги до колен. В руках она вертела тонкий хлыст, которым погоняют лошадей. За спиной княгини стояло с десятков вооруженных мужчин с факелами.

— Ну, что молчишь?! — Марозия, нахмурившись, стегнула хлыстом решетку, — кошка откусила себе язык?

Черной молнией взметнулась гибкая тень и когтистая лапа, проникнув сквозь прутья решетки, махнула по воздуху, пытаясь вцепиться в лицо боратской княгини. Марозия сама не успевала отшатнуться — ее спас воин, в последний миг оттащивший женщину в сторону. Но, спасая свою госпожу, стражник не сумел уберечься сам, невольно подставив щеку, которую тут же располосовал удар когтистой лапы. В следующий миг Кэт отпрянула в угол, злобно шипя и уклоняясь от длинных копий, которыми стражники тыкали сквозь прутья.

— Оставить! — скомандовала Марозия, быстро придя в себя, — какая шустрая киска.

— А ты дура! — фыркнула Кэт, принимая получеловеческий облик, — если не поняла с

первого раза. Может, отпустишь своих мальчиков погулять, чтобы девочки познакомились поближе? Я ведь видела наверху, как ты пялилась на меня.

Кэт по-кошачьи гибко выгнула спину, вскинув хвост и выпятив зад, открывая на всеобщее обозрение пушистые прелести. Обернулась через плечо, подмигнув Марозии, потом высунула язык, лизнув воздух.

— Нравится? — игриво спросила Кэт, — никогда не лизала киску киске?

— Скоро ты будешь так красоваться перед збураторами, — процедила Марозия, явно задетая поведением кошкодевки, — может, они оценят.

— Они да, а вот ты — нет, — рассмеялась Кэт, — не твоя, вот и бесишься. Чего вообще явилась — напомнить, что меня ждет? Так я уже знаю. Страшнее, чем то, что я видела наверху, у тебя уже не получится.

— С чего ты взяла, что я пришла к тебе? — сказала Марозия и, повернувшись к своим людям, приказала, — откройте камеру!

Один из ее спутников подошел к камере напротив Кэт и начал возиться с замком. Наконец, что-то лязгнуло и дверь со скрипом отворилась. Марозия зашла внутрь, на ходу копаясь в небольшой сумке на поясе. Пленник, проснувшись от лязга засовов, поднял голову, заслоняя глаза от света факелов, и вдруг резко отшатнулся.

— Привет дорогой, — голос Марозии буквально сочился медом, — скучал по мне?

— Когда же вы, наконец, прикончите меня? — послышался невероятно усталый голос, — тебе не надоело мучить меня, проклятое отродье.

Камеру огласил звук пощечины.

— Это за отродье, — голос Марозии звучал все также безмятежно, — где твои манеры, дорогой? Сегодня тебя не будут пытаться. Всего лишь немного крови.

Она кивнула стражникам и те, заученным движением, прижали узника к полу. Марозия, усевшись рядом, достала тонкий ланцет и небольшой серебряный кувшинчик. Умело вскрыв мужчине вену, она подставила под алую струю изящный сосуд. Когда кувшин наполнился, Марозия достала из сумки полоску чистой ткани и наложила на руку пленнику тугой жгут. Наклонилась и, преодолев сопротивление невольно шарахнувшегося мужчины, подарила ему долгий поцелуй.

— Не бойся, — с неподдельной нежностью сказала она, оторвавшись от губ мужчины, — скоро все закончится, — она бросила быстрый взгляд на Кэт, — как и для тебя. Самое время вам познакомиться — ведь вы встретите свою судьбу вместе.

Злобно расхохотавшись, Марозия вышла из камеры. Вслед за ней ушли и стражники, забрав с собой факелы. Узник же, поднявшись на ноги, подошел к решетке и уставился ей вслед с бессильной ненавистью во взгляде.

— Эй, — окликнула его Кэт, внимательно следившая за этой сценой, — эй, ты кто такой? Почему эта сука зовет тебя «дорогой».

Мужчина поднял голову и Кэт невольно отшатнулась, раскрыв рот от удивления. Лицо узника оказалось донельзя знакомым — также как и обильная растительность, пусть грязная и всколоченная, а не ухоженная, как та, что она видела раньше. И все же сходство было поразительным — вплоть до длинных ногтей и острых зубов пленника.

— А ты кто? — настороженно спросил он.

— Та, кого они собираются убить вместе с тобой, — нетерпеливо ответила Кэт, — не слышал разве? Так кто же ты?

— Я Влайку, князь Бората, — неохотно ответил узник и невольно отшатнулся при виде

широко распахнутых глаз Кэт, мерцавших в темноте, словно два зеленых огня.

— Тогда кто же сидит на троне наверху? — удивленно воскликнула Кэт. Лицо «настоящего князя» исказилось дикой злобой.

— Отродье, которому я сам дал жизнь, — сплюнул он, — мерзкая тварь, что забрала у меня замок, жену, имя, титул, внешность — а скоро заберет еще и жизнь.

С детства Влайку Дэкиени считал себя обделенным судьбой. Когда ему было пять лет, умерла его мать, а еще через семь лет — старший брат, оставив подростка наедине с суровым, ядовитым на язык отцом, не особо любившим своего единственного наследника. Неудивительно, что Влайку с нетерпением ждал смерти родителя, чтобы занять престол Бората. Глубокой ночью, перед алтарем Крылатого Пса, Влайку истово молился, чтобы Гласиа-Лаболас как можно скорей прибрал в Лимб старого князя. И архонт услышал его молитвы — когда Влайку исполнилось семнадцать лет, во время охоты отцовский конь оступился на горной тропе и рухнул в пропасть вместе с всадником. И хотя тело удалось найти, оно оказалось столь изуродовано, что никак не могло быть помещено в фамильную усыпальницу. Что Влайку только порадовало — ему вовсе не улыбалась перспектива, что старик и дальше будет обитать рядом. Останки были сожжены, пепел Влайку самолично развеял со стен замка, после чего поспешил вступить в полноправное владение княжеством Борат.

Но после того как отшумели торжества по поводу его вокняжения, Влайку с грустью осознал, что реальность оказалась далекой от его мечтаний. Ему досталось самое бедное из Дракийских княжеств, с растроченной еще отцом казной, оставившего кучу долгов ростовщикам Торговище. Богатые и родовитые бояре соседней Дракии, несмотря на более низкий титул, смотрели на захудалого князька с плохо скрываемым пренебрежением. Да что там дракийцы — даже вожди горных кланов, в своих укрепленных твердынях, не выказывали должного уважения «мальчишке в короне». Власть ускользала из его рук — обнаглевшие вассалы все чаще сговаривались с расплодившимся в горах бандами, а то и сами возглавляли их, разбойничая по всему Борату. Все наглее вела себя и горная нечисть, особенно после того, как оползень, разрушивший могильник давно пресекшегося рода, ослабил и охранные чары, высвободив из гробниц сотни мороев. Загнать их обратно Влайку не мог и вампиры разбрелись по горам, внося еще большую сумятицу в творившийся хаос.

Все изменилось, когда полтора года назад в замок явился Дирканей.

— Он из Озаренных — рассказывал Влайку, — слышала, может, о слепых отшельниках, посвятивших себя Вельзевулу? Они отдают свои глаза на съедение опарышам, чтобы обрести особую силу. В Борате ведь, не в пример, другим Дракийским Княжествам, Властелина Мух чтят больше, чем остальных Семерых — ведь Гласеа-Лаболас из свиты Вельзевула, а не Астарота, как Гомори и Лерайе.

Влайку, отчаявшийся навести порядок самолично, охотно взял сильного колдуна себе на службу. И не прогадал: Дирканей вновь наложил чары на разоренный могильник, загнав мороев обратно в их склепы. Приструнил он и прочую нечисть, а внезапная смерть парочки особо наглых вождей кланов, сбила спесь и с остальных вассалов, теперь относившихся к князю со всем должным почтением.

Тогда же Дирканей и подал идею, что круто изменила всю жизнь Влайку.

— Даже моя сила имеет пределы, — сказал отшельник, — и я не могу сотворить груды золота из ничего. Но я могу создать помощника, что позволит тебе озолотиться!

— И что же это за помощник! — с горящими от жадности глазами спросил Влайку.

— Я призову его, — сказал Дирканей, — если ты позволишь мне войти в вашу усыпальницу

Тогда Влайку впервые заподозрил неладное — слишком уж большой могла стать плата за допуск к родовым склепам постороннего колдуна. Однако жадность и жажда власти пересилила — и Влайку отдал Дирканею фамильную книгу мертвых. Жрец удалился в родовые катакомбы в пещерах Куркурэша — самой высокой горы Бората, — и провел там семь дней и семь ночей. На восьмой день Дирканей объявился на пороге спальни Влайку, держа в руках, что-то похожее на куриное яйцо.

— И что? — недоуменно спросил Влайку.

— Носи его под мышкой три дня, — сказал Дирканей, — и вскоре получишь обещанное.

Вновь смутные подозрения мелькнули в голове Влайку: обрывки недобрых преданий, рассказывающих о чем-то похожем. Однако он все еще верил Дирканею и потому послушно выполнил его совет. Три дня и три ночи князь Бората бережно вынашивал яйцо, стараясь не раздавить его. Все это время ему пришлось соблюдать множество странных, а порой и прямо нелепых запретов, изрядно его раздражавших. Наконец, на четвертую ночь Влайку проснулся от того, что что-то мокрое и живое отчаянно копошилось у него под мышкой, стараясь выползти наружу. Молодой князь ошалело вскочил с постели, со смесью страха и брезгливости, смотря на диковинную тварь, что лежала на кровати в лужице воды, издавая мерзкие звуки.

— Ты должен кормить его своей кровью, — сказал Дирканей, когда Влайку вызвал его к себе, — и вскоре змок отблагодарит тебя.

Влайку зашел слишком далеко, чтобы остановиться сейчас — несколько дней он выкармливал тварь собственной кровью — и маленькое чудовище росло и крепло. Вскоре оно могло само выбираться из комнаты и свободно летать в поисках пищи. Сначала змок пожирал всякую мелкую живность, потом скот, а под конец — и людей. Все это тварь старалась делать подальше от замка и поэтому оставалась почти незамеченной — мало ли почему пропадают люди в Кардопских горах?

Все окупилось когда, однажды утром, Влайку проснулся и увидел на полу перед кроватью гору золотых монет.

— Я же говорил, — сказал Дирканей, — и это только начало.

Тогда он не соврал: крылатая тварь, — к тому времени научившаяся менять и обличье и размеры, — приносила в замок все больше золота, серебра и драгоценных камней. Добывала она и иные трофеи — кувшины с изысканными винами, дорогие ткани, редкие пряности и изысканные восточные сладости. Вскоре Влайку узнал о грабежах караванов, и он, наконец, сообразил, откуда берется богатство. Но к тому времени он настолько привык к красивой жизни, что не пошевелил и пальцем, чтобы прекратить все это. Кто бы догадался, что трехглавый змей, повелевающий ветром и градом, связан с князем Бората? Кто мог представить, что разошедшаяся в горах нечисть, — морой, стриги, приколичи, — направляется тварью, свившей гнездо в замке Дэкиени.

В скором времени змок раскрылся еще с одной стороны — пожалуй, самой приятной для молодого князя. Крылатый змей и раньше приносил пленниц, — девушек и женщин, — для любовных утех. Однако забавы с плачущими пленницами, скоро наскучили Влайку — ему, не злomu по природе, претило брать женщин силой. Он поделился своими мыслями с Дирканеем и впервые увидел на губах безглазого отшельника слабую улыбку.

— Не волнуйся, князь, — сказал он, — этой ночью все будет иначе.

В ту же ночь, войдя в спальню, Влайку недоуменно вскинул брови — перед ним, на расстеленной кровати, лежала самая красивая девушка, которую он когда-либо видел. Золотые волосы разметались по ложу, алые губы маняще приоткрылись, а округлые формы, казалось, не имели ни малейшего изъяна.

— А...а ты кто? — глупо произнес Влайку, не сводя взгляд с обнаженной красавицы.

— Разве это важно? — соблазнительно улыбнулась ночная гостья. Изыщно встав с ложа, она потянулась к завязкам штанов князя, похотливо смотря на него снизу вверх. В следующий миг мужская гордость Влайку оказалась в кольце умелых губ и он сразу забыл обо всех подозрениях. Эта ночь оказалась поистине незабываемой — лишь наутро Влайку, утомившийся от любовных утех, наконец, заснул, а когда проснулся — прекрасной незнакомки уже не было, а на подушке лежала горсть крупных самоцветов.

— Так и есть, — кивнул Дирканей, когда Влайку поделился с ним впечатлениями, — змок может быть лучшей женщиной для любого мужчины и лучшим мужчиной для любой женщины. Или для мужчины, если князь захочет...

— Пока не стоит, — мотнул головой Влайку, — женщины меня вполне устроят. Скажи, а он может принять...иной облик?

— Любой, какой князь пожелает.

Следующей ночью Влайку обнаружил в спальне смуглую красавицу с черными как ночь волосами и глазами блестящими, словно черные алмазы. Третьей оказалась рыжеволосая и сероглазая девушка с белоснежной, чуть ли не прозрачной кожей — множество невероятных красавиц проходили сквозь постель Влайку и он, забыв обо всем, наслаждался жизнью, пользуясь всеми благами, приносимыми баларканем. Сундуки князя ломились от золота, он пил лучшие вина и носил самые красивые одежды. У него появился вкус к путешествиям — он начал делать визиты в соседние княжества, часто появляясь на приемах в Стрегойкаваре. Там он свел знакомство с выходцами и из других областей Империи. Вскоре он совершил визит в Гросканию, где, на приеме у короля Оrsa, познакомился с Марозией, дочерью герцога Тускулата. Томная красавица легко вскружила голову молодому князю, ну а Марозию впечатлило то с какой легкостью Влайку разбрасывался золотом. После приема князь оказался в спальне Марозии, где пылкая гросканка доказала, что ничем не уступает самым развратным красавицам, в которых превращался баларкань. После нескольких дней постельных безумств, Влайку попросил у Тускулата руки его дочери и герцог, на удивление легко, согласился на этот брак. После пышной свадьбы, молодожены отправились в Борат, где князь радовал супругу всеми богатствами, какие ему приносил баларкань. Сама же Марозия ублажала супруга, используя не только свое женское обаяние, но и знание любовного колдовства.

И вот тогда Влайку, разнежившись после очередной ночи, открыл Марозии свой секрет.

— Говоришь, может принять любой облик? — гросканка с жадным любопытством посмотрела на князя, — что и красивее меня?

— О нет, с тобой никто не сравнится, — заверил ее Влайку, — с тех пор как я встретил тебя, я ни разу не звал в постель это создание.

— Ну и зря, — рассмеялась Марозия, — я не ревнива. Давай, зови — посмотрим, кто лучше.

Уже привыкший выполнять прихоти жены, Влайку подчинился и сейчас. С тех пор баларкань приходил к ним в спальню то в мужском, то в женском обличье — неизменно прекрасном, — приводя Марозию в полный восторг. Со временем она узнала роль змея в

свалившемся на Влайку богатстве — и это знание стало для князя роковым.

Однажды, проснувшись после особенно бурной ночи, Влайку услышал негромкие смешки и звуки жарких поцелуев. Открыв глаза, он увидел Марозию, а рядом с ней — человека, которого до сих пор видел только в зеркале. Лже-Влайку стоял рядом с обнаженной княгиней, обнимая ее за талию и что-то шепча ей на ухо, от чего она жеманно хихикала.

— Что? — Влайку вскочил как ужаленный, — Марозия, что это значит!?

— Это значит, что ты больше не нужен, — послышался голос от двери и, обернувшись, Влайку увидел Дирканея, — Боратом будет править тот, кто и вправду этого достоин.

— Да как ты смеешь! Я законный князь!

Сжав кулаки, Влайку метнулся к Дирканею, но из-за спины жреца взметнулся посох с янтарем и молодой князь рухнул, скрученный жуткой болью.

— Прости дорогой, — Марозия издевательски улыбнулась, — с тобой было весело, но такая женщина как я...слишком хороша для тебя. Эй, стража!

В комнату вошло несколько стражников — те, кого она привезла с собой из Гроскании, — и поволокли парализованного Влайку в подземелье. За его спиной вновь раздались похотливые смешки и звуки поцелуев.

— С тех пор я и сижу в подземелье собственного замка, — с горечью добавил князь, — Марозия часто приходит сюда. Ее люди пытаются меня, пока она рассказывает, как весело проводит время с самозванцем.

— Что, так никто и не догадался, — недоуменно спросила Кэт, — а как же слуги? Вассалы?

— Эта тварь не просто так питалась моей кровью, — зло сказал Влайку, — она переняла от меня слишком много, чтобы обмануть даже близких мне людей. Моих вассалов он осыпает золотом, поит лучшими винами, делает дорогие подарки — к чему им сомневаться в таком князе? Некоторые все же что-то заподозрили и их доставили в мою камеру — выпотрошенных и расчлененных, словно свиные туши. Меня тогда не кормили целую неделю — Марозия сказала, что мне и так достаточно еды.

— И ты ел? — изумленно расширила глаза Кэт.

— Ну, а что делать? — пожал плечами Влайку, — ничего другого ведь не было. Кэт внутренне передернулась от омерзения, но промолчала. Вообще, ничего удивительного — если вспомнить, кто стоял у истоков этого рода.

— С тех пор он, — а на самом деле Дирканей, — заправляет в Борате. Он подчинил себе всю нечисть гор, даже мороев из разоренных могильников, прикормил главарей банд — а тех, кто не захотел подчиниться, убил и поднял из мертвых — новыми мороями.

— А ты откуда все это знаешь? — спросила Кэт.

— Они спускаются ко мне время от времени, — горько усмехнулся Влайку, — Марозия и он. Ему нужна моя кровь, чтобы не просто поддерживать сходство, но и убедительно выдавать меня за себя. Иногда он сосет ее сам, иногда, когда он слишком занят, — за ней приходит Марозия.

Только сейчас в глаза Кэт бросились многочисленные шрамы не только на руках, но и на шее князя — следы кровавых трапез его двойника.

— Я сразу поняла, что твоя женушка та еще сука, — сплюнула Кэт, — ну хорошо, а зачем им тебя убивать? И почему они не сделали это сразу — только из-за крови?

— Они ждали этой ночи, — сказал Влайку, — какая бывает только раз в четыре года. На

рассвете самозванец принесет меня в жертву предкам — каюсь, я не всегда оказывал им должное уважение, а вот он, похоже, не повторяет этой ошибки. В нем достаточно моей крови, — и они чувствуют это, — но чтобы окончательно стать для них своим, он должен разделить мою плоть на трапезе со збураторами.

— Я видела твоих предков, — Кэт передернула плечами, — эти твари нашли друг друга. Она рассказала о том, что видела наверху.

— В них стало слишком много от зверя, — досадливо поморщился Влайку, — самозванец, не скупясь, кормит их человечинной. Все они, пока были живы, хорошо знали, что в каждом из рода Дэкиени таится зверь, что обретает особую силу после смерти. Отдавая им должные почести, князя Бората всегда старались держать в узде мертвых предков. Мой двойник же нарушил все законы, людской кровью и плотью, распаяя в них звериную суть. Он играет с огнем — хотя, может быть, Дирканей и знает, что делает. Они распалили их жажду крови — и им же придется немало постараться, чтобы утолить ее.

— А зачем ему я? — спросила Кэт.

— Ты? А причем тут ты?

Кэт пересказала Влайку разговор в тронном зале и князь Бората понимающе кивнул.

— Да, теперь я припоминаю. Два дня назад самозванец приходил сюда с Марозией — им нравится сходиться прямо здесь, причиняя мне еще большие муки. Тогда он обмолвился, что высмотрел в Торговище двух жриц Триморфы, что станут особым развлечением на предстоящем торжестве.

— Он бывает в Торговище?

— Он много где бывает, — хмыкнул Влайку, — и не всегда в обличье человека. Иногда цмок принимает вид твари, что вылупилась из яйца, которое я носил под мышкой — свое истинное обличье. В нем ему особенно удобно вынюхивать нужные сведения — когда баларкань еще делал вид, что слушался меня, он был отличным лазутчиком. Теперь лже-Влайку использовал это обличье, чтобы высмотреть особенных пленниц для жертвоприношения и сделать свое торжество еще более изысканным.

— Посмотрим, кому будет веселее, — буркнула Кэт, — один раз я уже напугала эту парочку. Змей он или нет, но, надеюсь, что и у него есть кишки, которые я смогу выпустить.

Влайку криво усмехнулся, но спорить не стал. Утомившись от потери крови, он отошел к грязной лежанке и вскоре заснул. Кэт продолжила осматривать свою камеру, хотя уже поняла, что выбраться отсюда не получится. В конце концов, она свернулась в комочек на куче соломы в углу и провалилась в глубокий сон без сновидений.

В узилище они провели два или три дня — в мрачном подземелье, куда не проникал свет ни Луны, ни Черного Солнца, нельзя было сказать точнее. Единственное, что позволяло Кэт отмерять время — это терзавшее ее чувство голода. Тюремщики кормить ее не собирались, не приносили даже воды. Впрочем, в последнем как раз и не было особой нужды: на стенах, видимо из-за близости реки, обильно выступала влага и Кэт, слизывая с камней крупные капли, легко утоляла жажду.

Из очередного сна-забытья ее вырвал лязг засовов и бьющий в глаза свет. Когда ее глаза привыкли к факелам, Кэт увидела в коридоре множество вооруженных мужчин. Впереди них стоял Дирканей, с огнедышащим псом Орфом на цепи и с посохом в руке. Несколько тюремщиков открывали дверь напротив, вытаскивая из камеры свергнутого владыку Бората, подслеповато щурившегося на факелы.

— Время вышло, — сказал жрец, — готовься к встрече с предками, князь Влайку.

«На каждого мудреца довольно красоты...»

— Думаю, будет символично, если я явлюсь на церемонию в красном!

Марозия, облаченная в полупрозрачное одеяние из алого шелка, раскинулась на ложе, приняв свою самую соблазнительную позу. Черные волосы охватывала золотая диадема с алыми рубинами, такие же рубины украшали и ожерелье на изящной шее. Она подняла бокал из алого стекла, наполненный до краев красным же вином и, пригубив немного, томно посмотрела на своего любовника. Тот, приняв вид высокого красавца, с черными волосами и синими глазами, лег рядом с княгиней Бората, заключая ее в кольцо мускулистых рук.

— Ты моя Алая Женщина, — прошептал ей на ухо оборотень. Гросканка простонала, когда пальцы лже-князя проникли в ее увлажнившееся междуножье.

— Аааааа, — Марозия развернулась, впиваясь в губы любовника жадным поцелуем, — я не могу больше ждать. Жертвоприношение подождет — возьми меня прямо здесь.

— Тебе не стоит сейчас менять обличье князя, — послышался негромкий голос от двери, — в замке слишком много посторонних. Они не готовы пока знать правду.

Недовольная Марозия вскинула очаровательную головку, гневно смотря на стоявшего в дверях Дирканея.

— Пришли трое вождей кланов, — продолжал жрец, — они хотят видеть князя.

— Пусть подождут, — раздраженно сказала Марозия, — не видишь, князь занят?

— К сожалению, это не может ждать, — лже-Влайку встал с кровати, вновь принимая облик князя, — не волнуйся дорогая, на церемонии у нас будет масса времени, чтобы насладиться друг другом. Пойдем, Дирканей.

Он улыбнулся надувшейся супруге и вышел из спальни вместе со жрецом.

— Я так понимаю, что никаких вождей? — спросил лже-князь, шагая рядом с отшельником, — тебе нужно было поговорить со мной наедине?

— Ты быстро учишься, — одобрительно кивнул Дирканей, — да, хотел. Марозия не должна слышать этот разговор, хотя бы потому, что речь пойдет о ней.

— О моей жене, — вскинул брови оборотень, — а что с ней не так?

— Ее легкомыслие опасно, — покачал головой отшельник, — и она слишком много мнит о себе. Думаю, женщина выполнила свою роль.

— Считаешь, от нее пора избавляться? — оборотень искоса глянул на отшельника.

— Уверен, — кивнул Дирканей, — сейчас она только мешает. Будет лучше, если ты совершишь не двойное, а тройное жертвоприношение. Она мнит себя Алой Женщиной — что же, в Гроскании такие часто заканчивали жизнь на алтарях Асмодея.

— А как же Таскулат? — спросил лже-Влайку.

— У герцога хватает других проблем, — пожал плечами Дирканей, — к тому же Марозия никогда не была его любимой дочерью. Если мы придумаем правдивую причину ее смерти, заодно пообещав Таскулату, что все наши договоренности останутся в силе... думаю, он не будет искать мести. К императору он точно не сунется — слишком многое может вскрыться, что в Гроскании хотели бы сохранить в тайне.

— Сказать по правде, — самозванец вдруг широко улыбнулся, — мне и самому уже наскучила эта сучка. Может и правда пора заменить ее на более покладистую любовницу.

— Думаю, ты недолго останешься в одиночестве, — усмехнулся Дирканей, — пусть княгиня последует в Лимб вместе с супругом, как в старые времена.

— Так и будет, — кивнул лже-князь, — уже сегодня ночью.

Дирканей молча кивнул в ответ, пряча довольную улыбку. Жрец, считавший себя подлинным создателем баларканя, не мог допустить, чтобы кто бы то ни было оспаривал его власть над крылатым змеем — а значит и над всем Боратом. Хотя он, в свое время и содействовал заключению этого брака, сейчас он считал, что зря подпустил эту развратную девку так близко к власти. Избавившись от Марозии, слугитель Вельзевула станет единственным владыкой княжества.

Голаскайра возвышалась над Боратом, видная из любой точки горного княжества — как незыблемый символ власти ее правителей. Это была даже не одна, а несколько скалистых вершин, окруживших небольшое плато. Подобраться к нему постороннему человеку считалось невозможным — слишком крутыми были скалистые склоны, обрывавшиеся в глубокие пропасти, на дне которых шумели бурные реки. Лишь несколько тайных проходов, защищенных множеством заклятий, вели сквозь пещеры, пронизывавшие величайшую вершину Бората, словно огромные червоточины. В этих пещерах пребывали и усыпальницы прежних князей, что и сейчас ворочались в своих склепах, мучимые вечным голодом. Однако путь на плато пролегал в стороне от этих гробниц — владыки Бората слишком хорошо знали, чего можно ждать от своих мертвых предков и старались лишней раз не пересекаться с ними.

Однако сейчас в священном месте собрались те, кто не боялся князей-збураторов, но напротив — отчаянно жаждал встречи с ними. В центре плато стоял идол — Крылатый Пес, изваянный из глыбы зеленого камня, в три человеческих роста. Перед изваянием стоял алтарь — черный камень, изрезанный магическими знаками и желобками для стока крови. С трех сторон вокруг алтаря полыхали костры сине-зеленого пламени, вырывавшегося прямо из трещин в камне. Они горели без дров или иного видимого топлива. На самом же алтаре извивалась, отчаянно пытаясь вырваться из пут, голая Кэт. Сейчас она пребывала в своем «истинном» обличье, почти человеческом — если не считать кошачьих ушей, заостренных зубов и вертикальных зрачков. Как не старалась кошкодевка, ей так и не удавалось сейчас превратиться в огромную кошку.

— Даже не пытайся, — сказал Дирканей, повернув голову, словно его пустые глазницы, облепленные опарышами, могли хоть что-то видеть. «Озаренный» носил длинное одеяние из черного шелка, расшитое изображениями белых мух и бабочек «мертвая голова». В руке он держал неизменный посох.

— На этом алтаре древние чары, — продолжал жрец, — в здешних горах, как ты знаешь, много разных существ, способных менять обличье. Однако на этом алтаре любой оборотень принимает свой подлинный вид.

Похоже он говорил правду: Кэт заметила, как стоявший рядом лже-Влайко держится подальше от алтаря, явно опасаясь выдать свою истинную природу. Самозванец носил тот же наряд, в котором Кэт видела в тронном зале — разве что сейчас к его облачению добавился и длинный, слегка изогнутый клинок, заточенный с одной стороны. Лезвие покрывала насечка из магических знаков, а рукоять была выполнена в виде оскаленной морды волка. Рядом, обняв князя за талию, стояла Марозия, в полупрозрачном алом одеянии. Обнаженные части ее тела лоснились, словно смазанные маслом, и Кэт догадалась, что grosканка натерлась одной из тех мазей, что используют ведьмы, чтобы не мерзнуть. Что было весьма кстати — сама Кэт, даже несмотря на близость полыхающих костров, невольно ежилась от гулявшего по плато ледяного ветра.

Кроме этой троицы на плато находился еще только один человек — настоящий Влайку, связанный, с мешком на голове, лежал между лапами каменного пса. Других людей тут не имелось — надо полагать, пока самозванец не был готов открыться даже ближайшим подручным. Однако плато не пустовало — на скалистых утесах и даже на голове Крылатого Пса, неспешно рассаживались совы-стриги, зыркавшие вокруг желтыми глазами. Время от времени вместо огромной совы на скале оказывалась голая ведьма с седыми космами. В воздухе, словно огромные мотыльки, молча метались вихревые бесы. А вокруг алтаря, скаля острые клыки, стояли самые верные сподвижники самозванца — оборотни-приколичи, с одной человеческой и одной звериной половинами тел. Здесь же скалил зубы и огнедышащий пес Орфо.

Тишину вдруг нарушил удар колокола — один, затем второй, третий, — это подавал о себе знать небольшой храм Ваала, у подножия Голаскайры. И в этот момент над горами тускло забрезжило Черное Солнце. Дирканей переглянулся с лже-Влайку и тот энергично кивнул.

— Пора!

Жрец вскинул над головой жезл и начал читать заклинание.

— Именем Повелителя Мух и всех архонтов и духов поднебесья, кровью Крылатого Посланника, что течет в жилах его потомков, я призываю вас проснуться в могильной тиши, чтобы наследник княжьего рода мог приветствовать славных предков...

По мере произнесения этих слов янтарь в навершии посоха мерцал все сильнее, наливаясь темно-желтым светом. Камень словно потек, превращаясь в язык живого огня и было видно, как черная тварь внутри вдруг зашевелилась, словно пытаясь вырваться наружу. Жрец продолжал читать заклинания, пока в ответ не раздался громкий вой и из пещер, окруживших плато, один за другим не стали выходить чудовища, похожие на помесь волков и драконов. Уродливые морды, заросшие густой шерстью, показались Кэт знакомыми — как грубая, звероподобная пародия на лица самого Влайку и его двойника. Расправив огромные перепончатые крылья, збураторы взмывали в небо, опускаясь рядом с алтарем. Прочая нечисть почтительно расступалась, уступая место хозяевам плато. Находясь в человеческом обличье, Кэт в полной мере осознавала, что ее ждет и сейчас, дрожала от страха, смотря на скалящиеся вокруг клыкастые пасти. Вот сейчас она пожалела о том, что брезговала справлять естественные надобности в камере: от холода и страха ее мочевой пузырь не выдержал и кошкодевка обмочилась прямо на алтаре. Марозия, заметив растекшуюся по камню лужу, расплылась в садистской улыбке.

— Уже не такая дерзкая! — нарочито громко шепнула она. Збураторам шутка явно пришлась по вкусу — они вздергивали верхнюю губу, показывая острые клыки, в насмешливом оскале. Дирканей раздраженно махнул рукой и самозванец шагнул вперед.

— Сегодняшний рассвет, — начал он, — не просто начало нового дня. Это рассвет для Бората, начало его возрождения. Его я собирался отметить двойным жертвоприношением, но теперь я вижу, — он повысил голос, — что этого мало. Чтобы возвысить Борат — не только среди Дракийских княжеств, но и по всей империи, — я должен отсечь все, что мешает и мне быть твердым и решительным в достижении этой цели. Гласиа-Лаболас, крылатый архонт, мой великий предок, поддержи меня в моем стремлении...

С этими словами лже-князь потянул с пояса острый меч и тонкие губы Дирканея расплылись в довольной улыбке: Озаренный будто видел все, что делает его создание. Он все еще улыбался, когда самозванец, взмахнув клинком, одним ударом снес голову безглазому

жрецу. Она покатила по земле, разбрызгивая кровь и разбрасывая извивающихся опарышей, когда Влайку пинком сбросил ее в одну из огнедышащих трещин. Следом отправился и посох Дирканея. Самозванец взмахнул рукой и приколича, с глухим рычанием вцепились в обезглавленное тело, разрывая его на части. Вместе с ними бывшего хозяина жадно пожирал и Орф.

Самозванец обнял за плечи ошеломленную Марозию и привлек к себе, целуя алые губы.

— Этот предатель, — громко сказал он, — подговаривал меня убить собственную жену! Он хотел поссорить Борат с Гросканией, а затем собирался убить и меня, чтобы вокняжиться самому. Я спрашиваю вас, мои великие предки — достоин ли я был зваться князем Бората, если бы не пресек его гнусные планы?

Одобрительный вой и рычание были ему ответом — похоже, волкоподобные твари, несмотря на благородное происхождение, не отличались умом и не уразумели то, что поняла даже Кэт. Чудовище, прикинувшееся князем, больше не нуждалось в соучастниках, знавших истинную природу лже-Влайку. Дирканея подвела чрезмерная самоуверенность — привыкнув считать змока своим послушным орудием, жрец просмотрел тот миг, когда его создание решило обратиться против него.

Впрочем, об этом Кэт долго не думала: все случившееся ничего не меняло в ее собственной судьбе.

— Я обещал тройную жертву, — продолжал лже-князь, — но я слишком уважаю своих предков, чтобы угощать их куском червивой тухлятины. Вас ждет более нежное мясо — одновременно девушки и кошки, которую я берег для сегодняшнего празднества.

Послышалось утробное рычание и крылатые твари начали медленно подходить к испуганной Кэт, облизываясь и капая слюной. Лже-Влайку, по-прежнему державшийся подальше от алтаря, обнимался со злорадно смеявшейся Марозией, уже предвкушавшей, как наглуую кошкодевку разорвут на части.

Кольцо оскаленных пастей нависло над Кэт и та, поняв, что проживает последние мгновения жизни, издала громкий мяукающий вой. На миг збураторы отшатнулись, словно обычные псы перед шипящей на них кошкой, — и в тут сверху раздался ответный яростный крик. Збураторы вскинули головы, послышалось грозное рычание и чудовища разом взмыли вверх. Кэт посмотрела на княжескую парочку, но та, забыв о пленнице, тоже ошеломленно уставилась в небо. Кошкодевка проследила за их взглядом и невольно заорала от восторга, увидев летящее над плато невообразимое создание. На нем восседала хорошо знакомая ей фигура, с семью извивающимися змеями в руках.

«Вот что значит настоящий верный друг...»

«Дракийское море» впечатляло — если бы не угадывавшиеся в туманной дымке горы, окаймлявшие западный берег озера Лематон, то Лена легко бы представила, что и впрямь находится на морском побережье. Воздух пропитывал запах гниющих водорослей, налетавший с гор ветер гнал на берег волны с барашками пены, а над ними громко кричали белые чайки. Особенно много их носилось над небольшим островком, примерно в километре от берега. Меж темных скал угадывалось небольшое строение, похожее на храм, с высокими колоннами и плоской крышей.

— Там точно никого нет? — спросила Лена.

— Не должно, — пожал плечами Раду Чорнивари. Боярин, одетый также, как и во время их первой встречи, стоял справа от Лены. Слева же от нее стоял высокий худощавый дракиец, в черном одеянии с изображением розового полумесяца на груди и спине — спереди рогами вверх, а на спине — вниз. В ухе мужчина носил серебряную серьгу с розовым бриллиантом, а на руке — серебряный браслет в виде двух леопардов, кусающих друг друга за хвосты. По меркам здешней знати, эти украшения выглядели довольно скромно, но Эмилион и не считал себя ровней дракийскому боярству — слово епископа местного храма Астарота в Дракии значило немногим меньше слова Великого Князя. Впрочем, с Раду Чорнивари, на землях которого и стоял храм, у Эмилиона сложились вполне равноправные, почти дружеские отношения — поэтому священнослужитель и согласился участвовать во всей этой затее.

— Иные купцы, особенно с Ферранских островов, оставляют там приношения, — пояснил епископ, — собственно, на их пожертвования и построен этот храм. Еще туда приходят паломники из храма Левиафана в Торговище. Иногда в храме служу и я — священник моего ранга должен знать хотя бы начальные обряды всех Семерых, а не только того Архонта, которому служит. Но постоянного жречества так и не сложилось.

— Что же, тем лучше, — хмыкнула Лена, — значит, мне никто не помешает.

Раду и Эмилион переглянулись.

— Я так понял, что тебя не ждать на берегу? — спросил боярин.

— Нет, — мотнула головой Лена, — веди войско прямо к этой...как ее, Голаскайре. Если все пойдет как надо, то я подоспею туда раньше вас.

— А если нет? — негромко спросил Эмилион.

— Пойдет, — произнесла Лена, с уверенностью, которой она вовсе не чувствовала, — Храм не спустит с рук оскорбление своей посланницы.

Мужчины не стали спорить — еще раз переглянувшись, Раду и Эмилион согласно кивнули и направились к своим лошадям, стоявших на недалеком пригорке. Там их поджидали с пару десятков вооруженных всадников, в кольчугах и шлемах — стража епископа и дружинники боярина. Сама же Лена подошла к покачивавшейся на волнах лодке с одним веслом. Взяв его в руки и оттолкнувшись от илистого дна, Лена, преодолевая сопротивление волн, направила небольшое суденышко к острову.

Храм начинался у самой воды — оставив лодку возле массивного мола, Лена с первого же шага оказалась в святилище. Семь колонн из серо-зеленого камня покрывал замысловатый узор похожий на змеиную чешую, на потолке также красовалось изображение огромного змея кусающего свой хвост. Прямо под ним в полу виднелось круглое отверстие, в

котором плескалась вода. Лена, встав над этим колодцем, достала из сапога нож и, надрезав палец, пролила в воду несколько капель крови, шепча молитву Скилле. Усевшись на пол, она привычно выбросила из головы посторонние мысли, сосредоточившись только на колодце. Достигнув должного отрешения, Лена произнесла еще одно заклинание и вода тут же успокоилась, став гладкой, словно, зеркало. На его поверхности начало что-то проявляться — сначала смутное, словно движение рыбы в мутной воде, затем все более отчетливое. Перед Леной появлялись знакомые черты: безупречно красивое лицо, огромные сине-зеленые глаза, пепельные волосы.

— Привет, Кайра, — сказала Лена, — как дела в Никтополе? Как Фебрия?

Алые губы раздвинулись в легкой усмешке.

— Фебрия поправляется, — сказала диаконесса, — а в Монастыре, как и по всей Некрарии — полно хлопот. Надеюсь, ты оторвала меня от них не ради пустяка.

— Разве хочешь увидеть тебя, — это пустяк? — улыбнулась Лена.

— Ты спросила про монастырь и Фебрию, — усмехнулась лоркнийка, — но так и не спросила как дела у меня? Не жди, что я поверю, что ты просто соскучилась.

— Прости, — покаянно склонила голову Лена, — но я и вправду рада тебя видеть. Только сейчас я понимаю, что Монастырь был одним из самых безопасных мест...

— Ты тратишь мое время, — перебила ее Кайра, но так и не смогла сдержать улыбки, — так что там у тебя?

Лена быстро поведала наставнице о своих злоключениях. Кайра слушала, не перебивая, но, когда Лена закончила, лишь пожала плечами.

— И чего ты хочешь от меня?

— Мне нужна одна из твоих тварей, — сказала Лена, — та, что летает. Помнишь, перед нашим расставанием, ты показывала на своей вилле...

Брови Кайры взлетели вверх.

— Ты слишком много просишь, — недовольно сказала она, — это существо нельзя одолжить, как лошадь или раба. Я и так немало сделала для тебя и твоей подружки.

— Я делаю это не только ради нас с Кэт, — сказала Лена, — но и ради Храма. Я не все тебе сказала — прячась под мостом, я слышала разговор тех бандитов. Они ждали нас с Кэт, понимаешь, они знали, что мы из Храма! И все равно напали! Пусть я и не прошла посвящения, но ведь здесь этого никто не знает. Получается, что на жрицу Триморфы можно напасть, ограбить, убить? И ничего за это не будет? Что подумают в Дракии — что Храм ослабел и не может постоять за себя? Сначала этот Влайку, потом кто-то еще...

Кайра тонко улыбнулась.

— Поздравляю, — сказала она, — ты начинаешь понимать, как устроен этот мир. Ладно, помогу тебе еще раз. Запоминай заклинание.

— Запоминаю! — Лена, вновь прикрыла глаза, вновь отбрасывая все, что мешало ей полностью, до последней буквы, впитать, впечатать в мозг заклятие.

Когда Лена открыла глаза, диаконесса исчезла — перед несостоявшейся жрицей вновь плескалась вода. Лена сделала глубокий вздох, с трудом вставая: оказывается, за время сидения у нее затекли ноги. Молодая женщина сделала несколько шагов, разгоняя кровь, и вышла из храма. Ветер уже стих и перед ней простерлась водная гладь, заволакиваемая сползающим с гор туманом. Уже темнело и кое-где зажигались огоньки в окнах редких домов на склонах гор. Куда больше огней горело в огромном здании, стоявшем на вершине нависшей над озером скалы — храме Астарота.

Лена перевела взгляд на озеро, потом вытянула руку и, снова полоснув ножом, начала произносить слова заклинания.

— Именем Скилакагеты Триморфы, именем Скиллы и всех духов и демонов Пучины, я призываю тебя из глубин Вечного Моря...

Вода перед ней вдруг взволновалась, взбурлила огромными пузырями. Почему-то они не лопались, но раздувались все больше, громоздясь один на другой. На глазах Лены из озера поднималось совершенно невообразимое отродье — аморфная блестящая масса из множества больших и малых пузырей. Чем-то это отродье напоминало гору мыльной пены, только не белой, а переливавшейся всеми оттенками фиолетового, синего и зеленого цветов. Среди них особенно выделялось с десяток огненно-красных глаз, под которыми открывался огромный провал, истекавший слизью. Пузыри раздувались все сильнее, выплескивая из себя воду и взамен жадно всасывая воздух через множество пульсирующих отверстий, тут же затягивающихся прозрачной пленкой. Все это помогало твари разрастаться все больше, постепенно вздымаясь из воды. Вот на поверхности появилась бахрома извивающихся щупалец, покрытых жадно сокращающимися присосками. А в следующий миг чудовище оторвалось от воды, медленно, с некоторым даже достоинством поднимаясь в воздух. Подлетев к застывшей в изумлении Лене, чудовище выпростало на камни длинное щупальце, ставшее вдруг плоским, словно гладильная доска. Опасно балансируя и размахивая руками, чтобы не упасть, Лена быстро взбежала на трясущуюся, словно студень тушу. Медузообразная плоть пружинила под ее ногами, выскальзывая из-под сапог.

— Вот черт! — вскрикнула Лена, все-таки упав на трясущееся желе. Округлые пузыри перекатывались под руками, то и дело выскальзывая, не давая ей подняться. Лена, выругавшись, сорвала с пояса плетку и в отчаянии хлестнула по пузырящейся массе. Тут же чудовище изменилось: его поверхность стала более плотной и упругой, так что Лена, цепляясь за выраставшие перед ней холмы упругой плоти, смогла встать. Но не успела она порадоваться этому, как под ногами словно прошли большие волны и она упала снова.

— Да твою жешь мать!!! — выругалась Лена, но тут же замолчала, удивленно оглядываясь. Упала она на редкость удачно, угодив своей пятой точкой прямо в сложившееся за ее спиной подобие сиденья, где спинкой и подлокотниками стали пузыри разных размеров. Лена осторожно поерзала, усаживаясь, и почувствовала себя удобнее, чем в самом мягком кресле. Резинообразная масса с готовностью обтекала ее спину и ноги, принимая наиболее удобную для своего седока форму. Довольная Лена подняла плетку и еще раз стегнула исполинскую тварь.

— Давай! — прикрикнула она, — вперед!!!

Чудовище взмыло в небо, поднимаясь над озером и горами. Лена отдала еще команду и тварь с невообразимой быстротой понеслась в сторону Голаскайры.

То, что она подоспела вовремя, Лена поняла, едва перевалив через скалистые вершины, ограждавшие священное плато. Первое, что ей бросилось в глаза — это тоненькая фигурка, корчившаяся на большом черном камне и толпа чудовищ, обступивших ее. Однако тут же Лене стало не до подружки — со всех сторон на нее кинулись вихревые бесы. Множество тонких пальцев забегали по ее телу, терзая мучительной щекоткой.

— Пошли вон!!! — Лена взмахнула кнутом и сразу несколько тварей забились в агонии, отравленные ядовитыми зубами. Попаданка вскочила, — ее сапоги тут же охватили мягкие, но твердые тиски, — и ударила снова. С десяток бесов со сломанными крыльями рухнуло вниз, после чего остальные старались держаться подальше от змей.

— Получили ублюдки?! — зло крикнула Лена. В отвел послышался оглушительный визг и грязная ругань: это на помощь бесам подоспели стриги, — кто в человеческом, кто в свином обличье. Нападать, наученные судьбой бесов, ведьмы так и не решались — вместо этого они выкрикивали вредоносные заклятья. Особого вреда Лене это пока не причиняло: обученная приемам защиты, она пока отражала эти магические атаки. Окруженная крылатыми тварями, словно роем пчел, огромная тварь медленно спускалась к идолу Крылатого Пса.

Но навстречу чудовищу уже неслись збураторы — оглашая воздух жутким воем, потомки крылатого архонта с яростью кинулись на создание Кайры Моррикан. Лена даже не успела испугаться, когда со скопищем пузырей произошла очередная метаморфоза: по полупрозрачной поверхности прошла сильная дрожь и множество округлых шаров, словно вывернулись наизнанку, вытягиваясь подобием шей или толстых щупалец, заканчивающихся пульсирующими присосками. Словно атакующая змея, они схватили сразу несколько крылатых псов, втягивая их внутрь трясущегося, словно студень, тела. Грозный рык сменился жалобным воем, тут же оборвавшимся, когда бесформенная масса поглотила збураторов. Одновременно длинные щупальца, бахромой окружившие медузообразную тварь, схватили с пару десятков бесов и стриг, молниеносно втянув их в огромную пасть. Студенистая масса под Леной затряслась еще сильнее, словно пораженная конвульсиями, и, бросив взгляд вниз, попаданка увидела, что плененные твари, оказавшиеся внутри пузырей, отчаянно пытаются прорвать эластичную, но прочную стенку. Внутренность каждого такого шара «с начинкой» быстро тускнела, словно замутняясь обилием впрыснутой жидкости. Дерганья чудовищ становились все слабее, их очертания — все более смутными, будто растворяясь в студенистой массе. В считанные минуты вся нечисть исчезла, поглощенная жуткой тварью, что разрослась еще больше, напоминая огромную грозовую тучу. Еще два збуратора попытались атаковать чудовище сверху — одного стегнула плетью Лена, заставив его с громким воем отлететь, хлестая кровью из рассеченной морды. Второму повезло еще меньше — длинные щупальца оплели его, втянув в огромную пасть, с чавканьем поглотившую крылатое отродье. После этого нечисть уже не рисковала приближаться к чудовищу. Волкодраконы оказались напуганы даже не своей второй смертью, — такое иногда случалось и с ними, — сколько тем, с какой быстротой и легкостью неведомая тварь справилась с сородичами в их собственных владениях.

И тут взвыли ледяные ветра, на небо набежали невесть откуда взявшиеся тучи, мигом разразившиеся градом и проливным дождем. И из этих туч на Лену и ее «скакуна» с шипением и клетотом обрушился трехглавый змей.

Лже-Влайку с растущей тревогой смотрел, как терпит поражение его воинство и, в конце концов, не выдержал: обернувшись баларканем, он взмыл в небо и устремился на неведомую тварь. Он терзал исполинскую тушу когтями и зубами, лишь изредка огрызаясь на Лену, хлеставшую крылатое чудовище змеиной плеткой. Из разорванных пузырей потоками хлестала едкая слизь и со свистом выходил вонючий воздух, заставляя тварь постепенно снижаться. Чудище пыталось пожрать и змея, но он оказался слишком велик и быстр, легко вырываясь из цепких щупалец. Глядя на эту схватку, приободрились и остальные твари, снова набросившись на Лену. А под ними всеми, с громким воем и лаем, метались приколичи: приняв волчий облик, они прыгали вверх, изо всех сил пытаясь достать до врага.

Оставшаяся одна у алтаря, Марозия напряженно смотрела на небо, переживая за своего

«супруга». Рядом с ней захлебывался громким лаем пес Орф. Обоих настолько поглотило развернувшееся в воздухе сражение, что они почти забыли о пленнице. И напрасно — извивавшаяся Кэт, все же исхитрилась измочалить свои путы о камень. Вложив все силы в один могучий рывок, кошкодевка скатилась с алтаря, пытаясь сбросить веревки, все еще стягивавшие задние лапы. Но тут же на нее обратила внимание и Марозия, наконец сообразившая, что пленницу рано списывать со счетов.

— Орф! Взять ее!

С грозным рычанием черный пес перепрыгнул через алтарь и кинулся на Кэт, уже успевшую принять животный облик. Из клыкастой пасти пахло жаром, опалившим кошачьи усы. Однако дохнуть огнем в полную силу Орф не успел: огромная кошка, извернувшись, вцепилась зубами в его горло. Пес взвился на дыбы, пытаясь сбросить удушающую тяжесть, и его метания помогли кошкодевке сбросить последние путы. Ее задняя лапа согнулась в колене и резко распрямилась, вспарывая острыми когтями собачье брюхо. В уши ударил жуткий вой и Кэт едва успела отскочить от хлынувшего на нее потока обжигающей, черно-красной крови.

Встав над издыхающим псом, Кэт недобро посмотрела на пятившуюся Марозию. Шерсть на ее загривке встала дыбом, а из пасти вырвалось сердитое урчание.

— Влайку!!! — закричала Марозия. Отреагировали сразу двое ее мужей — связанный князь, дернулся с такой силой, что с его головы слетел мешок. Крылатый же змей обернулся и его глаза полыхнули алым огнем. Все три пасти разом открылись и на Кэт обрушился порыв ледяного ветра, отбросивший ее к идолу. Чудовище вновь открыло пасти, но тут сразу несколько щупалец оплели его лапы, подтягивая к жадно чавкающей пасти. Лена, сотворив несколько шаров темноты, на миг ослепила кидавшихся на нее стриг и збураторов, одновременно, что есть силы, хлестнув баларканя. Все семь пар змеиных зубов вцепились в кожистую перепонку, разрывая перепончатое крыло и впрыскивая самый сильный яд, на который были способны. От дикой боли змей забился и, совершив ужасный рывок, все же вырвался из щупалец. Хлопая разорванным крылом, баларкань устремился вниз, оглашая воздух жалобным шипением. Кэт и Марозия едва успели отскочить, когда баларкань рухнул прямо на черный камень. В следующий миг послышался писклявый вой и кошкодевка неверяще уставилась на несуразное существо, копошившееся на алтаре. Крылатый змей исчез — вместо него появился мокрый черный цыпленок с непомерно длинной шеей, перебитым крылышком и огромными светлыми глазами. Цмок попытался спрыгнуть с алтаря, но Кэт оказалась быстрее — огромным прыжком преодолев разделяющее их расстояние, она вскочила на камень. Даже в человеческом обличье у кошкодевки оставались острые зубы, которые она и вонзила в тщедушное тельце. Черный цыпленок не успел и пискнуть, когда кошачьи клыки перекусили ему шею, разом оторвав голову. Кэт соскочила с алтаря и, приняв облик огромной кошки, запрыгнула на идола Крылатого Пса, с довольным урчанием пожирая цыплячью тушку.

Увидев гибель владыки Бората, — а также его подлинное обличье, — стриги и вихревые бесы тут же разлетелись, приколичи кинулись к пещерам, а збураторы — к своим гробницам. Лишившись противников, пузырястая тварь устремилось к земле. Дыры, оставленные когтями змея, постепенно затягивались слизистой пленкой. Когда чудовище, наконец, опустилось, Лена соскочила на землю. Рядом с идола спрыгнула огромная кошка, тут же обернувшаяся в свое получеловеческое обличье.

— Ну, как ты тут? — Лена потрепала спутницу по холке, — скучала по мне?

— Мурррр, — Кэт боднула лбом ее руку, — почему так долго, мряуу?!

— Были дела, — усмехнулась Лена, — так, а это еще кто?

Она посмотрела на Марозию, что так и замерла на месте, переводя испуганный взгляд с Лены на тварь за ее спиной.

— Это, — Кэт пренебрежительно махнула лапой, — просто шлюха из Гроскании. А вон тот чудик, — она кивнула на Влайку, — ее муженек. Настоящий князь Бората.

— Вот как? — вскинула бровь Лена, — а что, есть еще и ненастоящий?

— Был, — кивнула Кэт, — им притворялась та пташка, которой я только что перекусила. Они меня не кормили, ну я и не удержалась...

— Тянешь в рот всякую дрянь, — усмехнулась Лена, — значит, подменишь и устроил все это?

— Вроде того, — кивнула Кэт, — хотя началось все еще с настоящего.

— Я знаю одного боярина, которому будет интересно послушать все это, — сказала Лена.

Вынув нож из кармана, она шагнула к Влайку и, разрезав путы, рывком заставила его встать на ноги.

— Кэт говорит правду? — сказала она, — ты и вправду князь Бората?

— Да, — кивнул Влайку и хотел сказать что-то еще, но тут его взор осекся и он уставился на что-то за спиной Лены. Раздалось негромкое рычание и Лена рывком обернулась, готовясь встретить нового врага.

В двадцати шагах от них стояли жутковатые создания: вроде поросших шерстью людей, но с волчьими головами и перепончатыми крыльями. Желтые глаза с опаской смотрели на пузырящуюся массу, вздымавшуюся над алтарем. Красные глаза монстра столь же недобро смотрели на збураторов. Лена подняла руку, собираясь отдать команду.

— Подожди! — Влайку перехватил ее руку, — это все-таки мои предки. Позволь, я улажу.

Лена недоверчиво посмотрела на него и пожала плечами.

— Смотри только, как бы не пришлось потом скормить тебя вместе с остальными, — предупредила она, — договаривайся быстрее.

Влайку кивнул и, обернувшись к жене, ухватил ее за волосы, привлекая к себе. Марозия испуганно вскрикнула.

— Влайку, милый, что ты делаешь!? Я же твоя жена, помнишь?! Эта тварь просто околдовала меня, заставила мучить тебя.

— Заткнись, шлюха! — с презрением сказал Влайку и, обернувшись к мохнатым тварям, крикнул, — помнится, вам была обещана жертва!

— Ты пожалеешь об этом! Мой отец...

— Мне больше нет дела до твоего отца, — сплюнул князь, — слышите, предки?! Я долгое время был скуп на подношения, но сейчас я исправлю свою вину. Я, Влайку, князь Бората и потомок Гласиа-Лаболаса, даю вам женщину, что была моей женой.

— Не стоит, — Кэт положила руку на плечо Лене, шагнувшей было вперед, — поверь, она это заслужила.

Лена еще колебалась, но Влайку уже толкнул Марозию прямо в когтистые лапы. С кричащей и вырывавшейся гросканки мигом сорвали красные одеяния, грубо шаря по ее обнаженному телу. Острые когти прочертили на смуглой коже кровоточащие раны, к которым тут же припали длинные языки. Эти ласки становились все грубее и похотливее,

пока одна из тварей не ухватила рыдающую Марозию, силой насаживая ее на ярко-красный член. Женщина страшно закричала, по ее ляжкам заструилась кровь. Разом хлопнули огромные крылья и все твари взмыли в небо, прямо в воздухе терзая и насилуя истощенно вопившую Марозию. Вскоре все они скрылась в одной из пещер окруживших плато. Лена тяжелым взглядом посмотрела на Влайку и Кэт.

— Потом все объясните, — процедила она, — пока же... залезайте в такси.

Река у подножья Голскайры текла кровью — от берега до берега поток перекрывали мертвые тела. Судя по обрывкам одежды и редким доспехам среди них было немного воинов, но зато полным-полно разбойников, что от века кошмарили эти горы. В живых остались немногие — группа угрюмых мужчин в дорогих одеждах и украшениях, что стояли посреди реки, со связанными за спиной руками и окруженные вооруженными людьми. С берега на них надменно смотрели всадники, одетых схоже с пленниками, но в отличие от них вооруженные. Впереди, на вороном коне, восседал боярин Раду Чорнивари, рядом с ним, на палевой кобыле сидел жрец Астарота Эмилион.

Радость торжества нарушили испуганные крики: это воины, уставившись вверх, тыкая пальцами и хватаясь за оружие. Раду поднял голову и тоже схватился за меч, увидев спускающееся к ним исполинское чудовище.

— Убери руку, — посоветовала Лена, спрыгивая со спины твари, — меч тебе не поможет. Ну что, я же говорила, что не подведу.

— Я тоже не подвел, — кивнул Раду, изо всех сил стараясь казаться невозмутимым, — как мы и предполагали, войско Влайку встало лагерем под Голаскайрой. Мы перебили бандитов и взяли в плен вождей горных кланов, его вассалов.

— Можешь добавить к ним и самого Влайку, — Лена кивнула и Кэт подтолкнула вперед князя Бората со связанными руками, — думаю, он заплатит тебе любой вы...

Измученный вздох, прокатившийся по союзному воинству, прервал ее на полуслове. Все взгляды, как по команде, обратились за что-то за ее спиной. Лена обернулась — как раз, чтобы увидеть, как исполинская тварь тает, словно медуза, вынесенная на солнце. Один за другим лопались пузыри, стекая в воду потоками вонючей слизи, тут же уносимой течением. В воздухе разливался невыносимый смрад. В мгновение ока жуткая тварь буквально растворилась в воде.

— И что это значит? — шепнула Кэт.

— Что Кайра забрала назад свой подарок, — столь же тихо ответила Лена и добавила уже громче, — может, хватит стоять посреди реки!? Я, например, хочу уже, наконец, увидеть этот чертов Дэкиени.

С вассальной присягой затягивать не стали: Влайку Дэкиени присягнул Раду Чорнивари, встав на колени прямо в воде. Его клятву верности засвидетельствовал священник Астарота, а также жрецы Гомори, Лерайе и Гласеа-Лаболаса, которых Раду взял в этот поход. Вслед за Влайку присягнули и вожди горных кланов, после чего князю Бората и его вассалам предоставили лошадей и недавние противники вместе тронулись в сторону замка. Позади, слегка отстав от остальных, ехали Лена и Кэт. Им также дали лошадей, хотя кобыла, на которой ехала кошкодевушка, явно нервничала от такого седока. Не по себе было и людям — все слишком хорошо знали символом чего является змеиный хлыст Лены, а кошачьи глаза ее спутницы добавляли еще большего напряжения. Сами девушки демонстративно не замечали испуганных взглядов, негромко беседуя между собой. Попаданка вкратце рассказала своей подопечной, кто их союзники, а также обо всех своих

злоключениях с тех пор как подруги вынуждено расстались.

— Как ты поняла, где меня искать? — спросила Кэт.

— Я не знала наверняка, — рассмеялась Лена, — но мне сказали, что ближайшая ночь — наиболее почитаемый праздник в Борате, когда его князя приносят жертвы предкам. У Эмилиона немало шпионов среди местных жрецов — многие из них давно подозревали, что с князем что-то не так. Они и рассказали, что вожди горных кланов и главари шаек собираются под Голаскайрой. Также они пересказали слухи, что князь собирается преподнести збураторам «особое блюдо». Тогда я и поняла, что речь идет о тебе.

— Не совсем, — поправила ее Кэт.

— Да, здесь я ошиблась, — кивнула Лена, — ты была не главным блюдом, а лишь приправой к нему. Как я понимаю, лже-Влайку собирался предстать перед вассалами уже после жертвоприношения, в сопровождении збураторов — чтобы уже никто не усомнился, что он настоящий князь. А то те же жрецы, недовольные тем, какую власть забрал Дирканей, исподволь распространяли слухи о самозванце...

— Тебе повезло, что этот петушок сам справился с безглазым уродом, — заметила кошкодевка, — против двоих ты могла и не выстоять.

— Нельзя предусмотреть все, — пожала плечами Лена, — даже Раду с Эмилионом не знали и половины — чего же говорить о чужачке в этих горах. Мы рисковали — и все равно победили! Раду собрал своих вассалов, а Эмилион уговорил присоединиться еще нескольких дракийских бояр. Они разбили войско Влайку, пока мы с тобой расправлялись с подменным. Кажется, здешний князь тебе изрядно задолжал — как не крути, это ведь ты отомстила за его унижения и вернула ему трон.

— Мррряуу! — усмехнулась Кэт, — и я знаю, как Влайку сможет меня отблагодарить.

Лена с интересом посмотрела на сморщившую нос Кэт и, усмехнувшись, пришпорила коня. Впереди уже слышался шум реки на дне пропасти, из-за скал выступали башни замка Дэкиени и кони союзников уже ступали на мост.

— А еще говорят, что кошка с собакой не могут подружиться, — шепнула Лена на ухо Раду, — глянь, еще как дружат!

Боярин согласно усмехнулся, смакуя некрійское вино — то самое, что головорезы лже-Влайку взяли в караване Михача. Он сидел, развалившись в мягком кресле, почти голый, а стоявшая рядом Лена, одетая лишь в сапоги и пояс, с заткнутой за него плеткой, небрежно ерошила его волосы. Вот уже несколько дней они праздновали счастливое избавление князя Бората, давшего роскошный пир своему новому сюзеру. На четвертый день, устав от шумных торжеств, князь пригласил гостей в свою спальню, чтобы продолжить празднование в более интимной обстановке. Сейчас на княжеском ложе, в своем получеловеческом облике извивалась Кэт, громко мурлыча от наслаждения. Зарывшись лицом меж ее пушистых ляжек, потомок Крылатого Пса старательно вылизывал истекавшую влагой розовую раковину.

— Все идет как нельзя лучше, — Владу отхлебнул еще вина, — не часто боярину становится вассалом целый князь. Он заплатил мне изрядный выкуп с награбленного добра, а я во всеуслышанье объявил, что поделюсь со всеми, кто вышел со мной в этот поход, а также сделаю большой дар в храм Астарота. Так что теперь у меня хватает сторонников, что поддержат мои притязания на руку молодой княжны.

— Вот видишь, — усмехнулась Лена, — я держу свое слово. Но как насчет моей награды?

— Твоей? — Владу вскинул голову, — ну, престиж Храма в Дракии укрепился как

никогда...

— Саломея, без сомнения, этому порадует, — хмыкнула Лена, — но мне бы хотелось получить что-то и для себя.

Она отобрала у боярина бокал, поставив его на ближайший столик, и одним неуловимым движением уселась ему на бедра. Обхватив ногами мужскую талию, Лена захлестнула шею Раду змеиной плеткой, чувственно изгибаясь всем телом и насаживаясь на уже пришедший в боевую готовность член.

— Так...что...ты хочешь...в награду!?! — выдавил из себя Раду. Лена потянула плетку, привлекая к себе боярина, и слилась с ним в долгом поцелуе.

— Прежде чем начнешь делиться, — сказала она, оторвавшись от мужских губ, — ты позволишь мне и Кэт выбрать из добычи все, что приглянется. Не волнуйся, много не возьмем. Но нам предстоит долгий путь и понадобятся деньги.

— Хор...хорошо, — выдохнул Раду и в тот же миг кресло, все это время угрожающе раскачивавшееся, с грохотом опрокинулось. Раду охнул, чувствительно приложившись затылком, пусть мягкая обивка кресла и смягчила удар. На его либидо, впрочем, это не повлияло: навалившаяся сверху Лена почувствовала, как мужская плоть пульсирует внутри нее, изливаясь теплой вязкой жидкостью.

— Ты кончил в меня! — возмущенно воскликнула Лена.

— Ну, — боярин попытался пожать плечами, — может, все еще обойдется.

— Конечно, обойдется, — оскорбленно сказала Лена, — за кого ты меня принимаешь? В Монастыре меня хорошо обучили, как предотвращать нежелательную беременность — и я приняла все меры, какие нужны. Проблема в другом — ты кончил, а я нет! Как-то несправедливо, тебе не кажется?

— Допустим, — буркнул Владу, — и что теперь?

Лена быстро оглянулась: даже грохот упавшего кресла не оторвал Кэт и Влайку от любовных игр на княжеском ложе.

— Есть один способ, — сказала она, выпрямляясь и усаживаясь на груди Раду, — которым сейчас забавляются наш друзья. Заодно и почищишь все, что напакостил.

— Это...какой-то позор, — Раду попытался отвернуться от неумолимо приближавшейся к его лицу вагины, сочившейся его собственной спермой.

— И еще какой, — рассмеялась Лена, — но зато будет чему поучить супругу.

Петля змеиного кнута вновь захлестнула шею Раду и Лена подтянула его к себе, мостясь поудобнее на лице боярина. Сладострастный стон разнесся по княжеской спальне, когда будущий князь Дракии, уткнувшись носом в сочное, капающее спермой и женскими соками, влагалище, со всем усердием благодарил за помощь посланницу Храма.

«Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной...»

Она проснулась от удушья, сдавившего ее грудь железными тисками. В панике она вскинулась на ложе, жадно глотая ртом воздух и ошарашено озираясь. Роскошная спальня исчезла — вместо нее девушку окружало туманно-льдистое марево, окутанное россыпью зеленых искр, столь ярких, что становилось больно глазам. Но и сомкнуть веки она не могла, вынужденная беспомощно наблюдать, как сплетаются причудливые узоры, подобные тем, что создает мороз на стекле, — только не белые, а изумрудно-зеленые, словно густой лес, собранный из множества мельчайших кристаллов. Зеленые снежинки не морозили, как подобает нормальному льду, и не ранили, несмотря на топорщившиеся всюду иглы и острые грани, но каждое их прикосновение к девичьей плоти заставляло ее корчиться в мучительно-сладостных судорогах, захлестывавших ее и без того находящийся в полном смятении разум. Узоры из зеленого льда разрастались ввысь и вширь, превращаясь в подобие причудливой паутины, зиявшей множеством пор и отверстий, в которые девушка проваливалась снова и снова. Она уже не понимала — падала она или же возносилась, стремительно проносясь меж мерцавших всюду огней зеленого ада, раскрыв рот в беззвучном крике и чувствуя, как острые грани пронзают ее пароксизмами бесконечной боли и наслаждения.

— Кажется, это Мерта!

Лена остановила коня на берегу небольшой речки, с веселым журчанием бежавшей по дну глубокого ущелья. По обеим берегам вздымались высокие скалы, поросшие мхом и прочей зеленью, обильно произраставшей среди окружавшей сырости. Из трещин в скалах выбивались небольшие ручейки, также стекавшие в реку. А над всем этим нависали горы, поросшие густым лесом.

За спиной попаданки послышался стук копыт, негромкое чертыхание и рядом с Леной появилась вторая лошадь, на спине которой сидела взъерошенная и раздраженная Кэт. В черных волосах застряли мелкие листья и хвойные иголки, на щеке виднелось несколько свежих царапин.

— Если эта тварь и дальше будет тупить, — кошкодевка зло посмотрела на лошадь, — то на ужин у меня будет конина.

Лошадь смерила презрительным взглядом свою наездницу и демонстративно отвернулась, захрустев молодыми побегами. Кэт недовольно посмотрела на Лену.

— А, в самом деле, зачем мне эта кляча? — продолжала она, — в кошачьем облике я смогу двигаться так же быстро.

— Во-первых, не так, — покачала головой Лена, — помнится, мы уже проверяли и выяснили, что ты у нас не гепард и лошадь ну никак не догонишь. Во-вторых, безлошадная путница будет выглядеть странно в этих краях.

— Это лошадь тут выглядит странно, — огрызнулась Кэт, задрав руку и что-то выискивая в подмышке зубами, — в глуши, где одно зверье да лесная нечисть.

— Здесь да, — кивнула Лена, — но мы вышли к Мерте, а ниже по течению должны начаться деревни. И там нам лучше не привлекать лишнего внимания.

— С твоим кнутом это все равно не получится, — хмыкнула Кэт, — кстати, с чего ты взяла, что это Мерта? Как по мне — речка как речка, ничем не отличается от остальных.

Лена молча указала ей на огромную скалу на противоположном берегу. Кэт

пригляделась и увидела под слоем плесени и мха вырезанное в камне огромное лицо с широко распахнутыми глазами и зубастым ртом.

— Дух-хранитель Мерты, — пояснила попаданка, — Раду рассказывал мне об этом барельефе — по его словам, в верховьях реки много таких. Так что мы вышли как раз куда надо — и куда быстрее, чем если бы мы пошли с караваном.

— С караваном было бы удобнее, — фыркнула Кэт, но не могла не признать правоту Лены. Дракийский боярин подробно разъяснил им, как выйти короткой дорогой к истокам Мерты, преодолев путь, что у купеческих караванов занимал вдвое больше времени. В целом Раду достойно отблагодарил девушек: дал им лошадей из собственной конюшни, щедро снабдил деньгами и припасами на дорогу. Князь Влайку же позволил им как следует покопаться в оружейной Бората — Лена к своей радости нашла там костяной нож Амолы, который уже полагала утерянным. Наверное, во время нападения на переправе, она выронила его в реку, а кто-то из грабителей подобрал и зачем-то отдал самозванцу — видимо, тот понял, что нож непростой. Также Лена выбрала, небольшую, но увесистую булаву, а также странное оружие — что-то вроде короткого ружья с прикладом из черного дерева. Вместо ствола имелся цилиндр из мутно-зеленого стекла, а в казенной части — серебристые шары, чуть меньше куриного яйца.

— Я не знаю, что это такое, — покачал головой Раду.

— В Гроскании, — вспомнил Влайку, — я что-то слышал о подобном оружии. Но как им пользоваться — понятия не имею. И где только самозванец его выкопал?

— Ничего, — пробормотала Лена, — разберемся. Так, курок вроде есть.

Она вскинула ружье на плечо, прицеливаясь.

— Эй, направь его в другую сторону, — нервно сказала Кэт, — и отойди подальше.

— Не бойся, — фыркнула Лена, но все же сместила угол прицела, — я умею с этим обращаться.

Она нажала курок, раздался грохот, похожий на раскат грома, и стоявший неподалеку вяз исчез во вспышке ярко-зеленого пламени. Дерево сгорело за какие-то минуты — к счастью, оно стояло наособицу от остального леса и пожара не случилось.

— Полезная вещичка, — невозмутимо сказала Лена, оглянувшись на оторопелых Раду и Влайку, — пожалуй, на этом и остановимся.

Кэт особо не вооружалась — считала, что когти и зубы защитят ее не хуже любого оружия. Но все же она взяла меч-клифос с насечкой защитных рун на лезвии и небольшой топорик с перламутровой ручкой. Экипировавшись таким образом, девушки распрощались с Раду и Влайку, после чего переправились на лодке через Лематон и углубились в горы. К границам Секеи они вышли уже на третий день пути.

— Надо бы почтить стража, — Лена порылась в изрядно похудевшей сумке с припасами. Достала кусок почерствевшего хлеба и ломоть солонины, положила на камень у берега, прямо напротив изваяния. Кэт, достав флягу с вином, пролила немного в реку.

— Ну что, пойдём? — сказала Лена, направляя коня вниз по течению. Кэт, с трудом оторвав свою лошадь от поедания побегов и отчаянно шипя ей что-то на ухо, направилась за подругой. Чем дальше они шли, тем шире становилось ущелье, как и текущая в нем река, вбиравшая все новые ручейки. Вскоре обе девушки уже шли по достаточно утопанной дороге, где на влажной грязи то и дело попадались следы лошадиных копыт и тележных колес, а также кучки лошадиного навоза. Лес все чаще сменялся большими полянами на которых паслись тощие козы, охраняемые пастушьими собаками и, иногда, мальчишками-

пастухами. Все они сопровождали путниц удивленно-настороженными взглядами, но на контакт идти не спешили — да Лене с Кэт не больно-то и хотелось. Затем пошли скудные поля, а там уже и первые деревушки — по паре десятков глинобитных домишек с хлипкой изгородью, оплетенной виноградной лозой. Лена на всякий случай выставила напоказ плеть, хотя и помнила предупреждение Раду, что в Секее Храм знают не так хорошо, как в остальных Дракийских княжествах. Впрочем, пока это работало — так огромный пес, с серой шерстью, как у волка, кинулся было на девушек с громким лаем, но, увидев плеть, сначала застыл как вкопанный, а потом заскулил и убрался под изгородь. Похоже реагировали и другие собаки, а их примеру последовали и люди, не желавшие лишних неприятностей с никого вроде не трогавшими незнакомками. Тем более, что обе носили дворянские одежды, — Раду, расстаравшись, выдал им лучшие наряды для верховой езды из гардероба покойной супруги, — что еще больше отбивало у здешнего простонародья желание лезть к благородным.

В общем, путь проходил спокойно и Лена расслабилась, погрузившись в воспоминания. За все время, проведенное ею в мире Черного Солнца, попаданка так и не узнала, как ей вернуться домой, — но, покопавшись в себе, Елена с удивлением обнаружила, что ее не больно и тянет в родной мир. Не то, чтобы ее там никто не ждал, — Степан Романович, например, вряд ли найдет лучшего журналиста в «Алую зарю», а вице-губернатор Антон Ящичко, — столь же красивую и умелую «Госпожу». Однако Елену их чувства мало волновали, — открывшийся перед ней мир предоставлял ей больше возможностей как в плане карьерного роста, так и в поиске острых сексуальных ощущений. Конечно, ей не хватало многих технических достижений собственного мира, однако отчасти их компенсировали полученные здесь магические умения, — и то, что кроме нее они были доступны сравнительно немногим, грело Лене душу приятным ощущением собственной «особенности». В общем, жить можно — если бы не непонятные игры, продолжавшиеся вокруг и каким-то образом связанные с покинутым ею миром. Что-то подсказывало Лене, что разгадка этой тайны ей не понравится, однако перспектива и дальше оставаться в неведении, устраивала ее еще меньше.

«Когда решатся Боги Света...»

Лена передернулась, вспомнив чертов листок, рассыпавшийся у нее в руках. Похоже, не только в этом, но и в ее родном мире творится многое, остающееся тайной для простых обывателей. Остается надеяться, что хоть какие-то ответы она получит в Брокгарте.

— Темнеет, — оторвал ее от раздумий Кэт, — может, подумаем о ночлеге?

— Да надо бы, — задумчиво кивнула Лена, глянув на пасмурное небо, — как назло ничего похожего на постоялый двор.

Как-то незаметно они вышли на большую дорогу, — здешний торговый тракт, — идущий над берегом Мерты. Сейчас он пустовал — видимо все торговцы уже разбрелись по разным ночлежкам.

— Раньше тебя это не больно тревожило, — усмехнулась Кэт, — лечь можно и в лесу, полой укрыться, — она хитро прищурилась, — залезть кое-кому под бочок, для сугреву.

— Уж больно места пошли людные, — покачала головой попаданка, — в лесах, наверняка, полно разбойников. К тому же, раз уж тут какая-никакая, но цивилизация — хочется, наконец, заночевать под крышей. Тем более, что деньги есть.

— Ну, ищи свой постоялый двор, — усмехнулась Кэт, — пока я чего-то не наблюдаю...

Она замолчала, когда они, свернув на очередном повороте, вдруг выехали на край

горного склона. Под ними простиралось большое озеро, зажатое меж лесистых гор. В озеро впадала Мерта. А на ближайшем берегу лежал город, мерцавший редкими огнями в сгущавшихся сумерках.

— Беру свои слова обратно, — покрутила головой Кэт, — похоже, в лесу ночевать не придется. Не знаешь, что это за город?

— В Секее только один город, — усмехнулась Лена, — ее столица, Клут. Здесь сходятся караванные пути и мы, если повезет, сможем прибиться к каким-нибудь торговцам, из тех, кто уважает Храм. Здесь могут быть купцы даже из Некрарии.

— Ленка, ты такая умная, — не то с уважением, не то с насмешкой сказала Кэт, — может, знаешь еще, что это за домина?

Она указала на противоположный берег, зубрившийся горными вершинами. С одной из них ниспадал водопад, переливавшийся на вершине облаком водяного пара. Метрах в ста ниже, на одном из утесов, жался к скале большой замок из странного камня, отливавшего зеленым в лучах Черного Солнца. Замок выглядел довольно мило — изящные башни из такого же зеленого камня, балюстрада с небольшими террасами, увитые зеленым плющом, высокие шпили, увенчанные некими фигурками. На самом высоком шпиле колыхалось знамя, но на таком расстоянии Лена так и не смогла разглядеть, что на нем изображено.

— Знаю, — кивнула попаданка, — это Чейтен, замок князя Секеи. В данном случае — княгини. Мне Раду говорил, как ее зовут, но я не запомнила. Впрочем, нам это и не нужно — встречаться с княгиней нам не к чему. Ну что, будем стоять здесь или начнем, наконец, спускаться?

Въехав в город, они оказались на вымощенной булыжником мостовой, ведущей меж каменных домов. Мужчина, к которому обратилась Лена, ответил, что ближайший постоялый двор — «Хромой волк» через десять кварталов. Вскоре обнаружилось искомое заведение — добротное двухэтажное строение, с несколькими светящимися окнами и большой вывеской изображавшей зверя, давшего название гостинице. Оставив лошадей в здешней конюшне, Лена и Кэт вошли в саму гостиницу.

Внутри открылся небольшой зал, где за узкими столиками сидело несколько человек, поглощавших какое-то местное пойло. При виде незнакомок они заметно оживились: меж столов пронесся быстрый шепот, послышались смешки и похабные шутки. Лена, усмехнувшись, выставила плеть и несколько змеиных голов с шипением обвилились вокруг ее руки. Шутки сразу же стихли.

Еще раз усмехнувшись Лена спрятала плеть и подошла к стойке.

— Что угодно госпоже? — вперед выступил толстый мужчина, нервно вытиравший руки о засаленный фартук. Заискивающая улыбка обнажала мелкие острые зубы, придававшие ему сходство с огромной крысой.

— Ты хозяин? — спросила Лена, — могут ли две госпожи с деньгами рассчитывать на сухую комнату для двоих и хороший ужин?

— К сожалению, ужинают тут раньше, — произнес хозяин, — но я попробую что-то найти. Комнату получите прямо сейчас.

— Хорошо, — сказала Лена, — показывай.

— Идите за мной.

Лена и Кэт поднялись по лестнице на второй этаж, где хозяин «Хромового волка» показал им номер. Лена довольно кивнула — просторная, сухая комната, с широким топчаном на котором лежал матрас, набитый соломой, без всяких признаков паразитов. Для

здешних мест вполне прилично.

— Годится, — кивнула Лена, — сколько с нас?

— Четыре серебряные монеты, — ответил хозяин, — с каждой.

— За одну ночь восемь серебряных?! — влезла Кэт, — ты что, совсем за лохов нас держишь?

— Пять серебряных за ночлег и ужин, — твердо сказала Лена, — большего эта дыра не стоит.

Хозяин горестно вздохнул, но без возражений принял пять серебряников. Спустя некоторое время пришла служанка, принесла тарелку с холодной говядиной, буханку черного хлеба и кувшин вина. Кэт тут же выхватила его из рук девки, сделала большой глоток и довольно осклабилась.

— Не так уж плохо, — сказала она, протягивая кувшин Лене.

— Посмотрим, что тут со жратвой, — усмехнулась попаданка. Как не странно, и еда оказалась вполне сносной.

Утолив голод, девушки, сытые и пьяные, повалились на топчан. Точнее легла только Лена, уже успевшая скинуть походную одежду. Кэт, усевшись на ее бедра, также быстро стянула с себя одежду. Она наклонилась, подставляя груди под губы Лены, которая тут же засосала набухший сосок. Спустя миг комната наполнилась стонами и похотливыми вздохами, сопровождавшими ритмичные движения обнаженных женских тел. Никто из любовниц не обратил внимания, как за неплотно прикрытой дверью мелькнул чей-то глаз, внимательно рассматривавший девушек.

Наутро Лена дала хозяину еще одну серебряную монету, за что они с Кэт получили помиске жирного гуляша и сыр из козьего молока. Пока они утоляли голод, дверь внезапно распахнулась и в таверну вошли новые люди. Остальные постояльцы как-то пожухли, стараясь быть незаметнее, а хозяин спешно кинулся навстречу, рассыпаясь в любезностях.

— Ваша милость... такая честь... чем могу быть...

Лена, прищурившись, посмотрела на вошедших. Впереди, брезгливо глядя на лебезящего хозяина, стояла стройная девушка, старше Кэт, но моложе Лены. На незнакомке был мужской костюм для верховой езды. Лицо вошедшей невольно притягивало взгляд — аристократически бледная кожа; изящный с небольшой горбинкой нос, алые губы. Из украшений она носила перстень из красной меди с крупным изумрудом и серебряные серьги с изумрудами поменьше. Огненно-рыжие волосы прикрывала остроконечная шапка, украшенная перьями фазана. За девушкой шли черноусые воины, в шерстяных кафтанах и кожаных штанах, перехваченных поясами из железных пластин. С пояса каждого воина свисала острая сабля, некоторые имели за спиной еще и луки.

— Ростбиф в темном соусе, жареного судака, лепешки с сыром вон за тот столик, — она кивнула в сторону девушек, — и кувшин «Бычьей крови». Если мне не понравится хоть что-то — я заберу деньги.

Небрежным жестом она швырнула на пол несколько золотых монет и хозяин таверны плюхнулся на колени, дрожащими пальцами собирая желтые кругляки.

— Все что пожелает, ваша милость, — он неуклюже поднялся на ноги и, поминутно кланяясь, метнулся на кухню. Тут же послышался яростный шепот, которым он отдавал распоряжения служанкам. Не обращая на него внимания, девушка подсела к Лене и Кэт.

— В Клуте редко увидишь посланниц Храма, — дружелюбно произнесла она, — так что я не могла пройти мимо, не познакомившись со столь интересными гостями.

Зеленые глаза пылливо пробежались по девушкам, особенно задержавшись на вертикальных зрачках Кэт. Губы раздвинулись в легкой усмешке.

— Позвольте представиться, — продолжала она, — Эржет Буйтари, княгиня Секеи. Возможно, вы слышали обо мне?

— Слышали, — кивнула Лена, стараясь не выдать, что слышала она о здешней властительнице очень мало. Раду вроде говорил, что она родом из Вальдонии: в свое время ее выдали замуж за здешнего князя, который скончался лет пять назад. У князя осталась дочка от первого брака, регентом при которой и стала эта красотка.

— В любом случае, — продолжала княгиня, — я не могу отпустить вас, не пригласив в мой замок. Вести из Некрарии приходят к нам редко, а я... весьма любопытна.

Лена пожала плечами.

— Вообще-то мы торопимся, — сказала она.

— Уверена, что один день не сыграет роли, — быстро ответила княгиня, — зато отдохнете в месте, подобающим вашему сану, а не среди грязного мужичья. Это будет оскорбление всей Секеи, если вы предпочтете эту дыру настоящему замку.

Последнее прозвучало с определенным намеком — черт бы побрал этих благородных, с их родовой спесью. Похоже, отклонить предложение не получится — оскорбленная в лучших чувствах Эржет не оставит обиду без ответа. Не то, чтобы Лена так уж боялась княгини, но, в конце концов, статус посланницы Храма, выручавший ее уже не раз, подразумевал не только права, но и обязанности — в том числе и неизбежное общение с сильными мира сего. Впрочем, никакие сроки их все равно не поджимали, а погостить день-другой в замке и впрямь куда лучше, чем ютиться на постоялом дворе.

Кэт, похоже, думала также: Лена перехватила ее умоляющий взгляд, потом посмотрела на Эржет и, улыбнувшись, кивнула.

— Вот и отлично! — обрадовалась княгиня, — доедайте быстрее — и на коней!

Из города в замок вела только одна дорога: узкая, жавшаяся к скале, на которой стоял Чейтен. Рядом шумел водопад и от его брызг веяло освежающей прохладой. Время от времени дорогу преграждали посты, где стражники почтительно пропускали княгиню, меряя любопытными взглядами ее спутниц. Под ними же простиралось озеро и вытекавшая из него Мерта, исчезающая в ущелье между двумя высоченными скалами.

— Дальше река уже другая, — пояснила Эржет, ехавшая рядом с Леной, — начиная с озера, Мерта становится судоходной. Купцы, прибывающие сюда, должны заплатить мне пошлину, чтобы пройти дальше в Дракию. На этих доходах трудами многих поколений секейских князей и построен Чейтен.

Названный замок меж тем становился все ближе, вырастая над головами темно-зеленой глыбой. Теперь Лена ясно видела реющее над ним знамя: звериная челюсть с тремя клыками, обвитая огромным змеем. Обратила она внимание и на то, что замок сложен из блоков разных оттенков зеленого цвета — от салатового до почти черного.

— Что это за камень? — невольно заинтересовалась Лена.

— Зеленый мрамор, яшма, жадеит, — пояснила Эржет, — чтобы построить Чейтен камень везли отовсюду, даже из Тсата. Обходилось это недешево, но князя Секеи не экономили на родовом гнезде. Ну и я постаралась быть достойной предшественников.

Дорога сделала очередной поворот и процессия оказалась перед массивными воротами из дубовых досок, окованных широкими полосами позеленевшей от времени меди. Медными были и фигурки на шпильях, изображавшие распахнувших крылья грифонов. Другие звери

встречали хозяйку замка у ворот — в виде огромных, в человеческий рост, статуй леопардов из светло-зеленого камня. Рассыпанные по нему темные вкрапления создавали эффект пятнистой шкуры. Вместо глаз у каменных хищников мерцали большие самоцветы — тоже зеленые, разумеется.

— Это же? — взгляд Лены невольно остановился на перстне княгини.

— Да, — снисходительно кивнула Эржет, — это изумруды.

Лена попыталась прикинуть, сколько стоят такие камушки, но тут сверху протрубил рог и ворота медленно распахнулись, впуская княгиню и ее гостей.

«У беды глаза зеленые...»

— Второй раз в жизни я встречаю жриц Триморфы, — призналась Эржет.

Серебряным ножом княгиня отрезала ярко-красный ломоть от кабаньего окорока, запеченного с травами, и положила в рот, смакуя сочное мясо с кровью.

— Еще в Вальдони, когда я была девчонкой, — продолжала она, — к князю-епископу приезжала делегация из Некрарии. Тогда я впервые увидела эти плетки.

Она протянула руку, желая коснуться кнута на поясе Лены и змеиные головы с шипением взвились, готовясь к броску. Эржет невольно отшатнулась, на красивом лице отразился испуг, тут же сменившийся смущенной гримасой.

— Прошу прощения, княгиня, — сказала Лена, — мне стоило предупредить. Эти змеи слишком хорошо знают своих хозяек — и не терпят прикосновений чужаков.

— Вам не за что извиняться, — княгиня быстро восстановила самообладание, — это мне стоило понять к чему, можно тянуть руки. Прошу вас, угощайтесь.

Лена не могла не последовать этому совету — резной стол из красного дерева ломился от явств. Сидевшая рядом Кэт уже с чавканьем пожирала нежнейшую форель, выловленную, как заверяла княгиня, прямо в озере. Перед самой же Леной выложили столько всего, что та невольно растерялась, не зная за что взяться первым.

— Позвольте, я помогу, — княгиня тонко улыбнулась, отрезая еще один кроваво-красный ломоть от кабаньего бока и укладывая его на тарелку Лены. Туда же она уложила и горку желтых грибков, напоминающих маслята, несколько охотничьих колбасок, наштигованных перцем, а также и ложку острой приправы, напоминающей аджику. Укладывая все это, Эржет как бы нечаянно коснулась руки Лены, послав ей томный взгляд из-под ухоженных ресниц. Лена смущенно хмыкнула, перехватив возмущенный взгляд Кэт из-за плеча княгини. Сама хозяйка замка, казалось, и вовсе не замечала кошкодевку, чем бесила ее еще больше.

— Предлагаю выпить за встречу, — княгиня подняла золотой кубок с темно-красным вином, — надеюсь, она запомнится вам так же хорошо, как и мне — я уже говорила, как редко нас посещают посланницы Храма.

— Выпьем, чтобы их было больше, — в тон ей ответила Лена, про себя недоумевая — и с чего бы Эржет так распинаться перед залетной гостьей? Сидя на перекрестке торговых путей, она вряд ли испытывала такой уж недостаток в новых лицах. Впрочем, интересу княгини имелось очень простое объяснение — весьма лестное для Лены и порядком бесящее Кэт, то и дело бросавшую хмурые взгляды на хозяйку Чейтена.

— Давай так, — непринужденно перешла на «ты» Эржет и ее рука переплелась с Лениной на «брудершафт» — пусть здесь и не знали этого названия, сам прием оказался знаком. Не отводя друг от друга кокетливых взглядов, девушки пили вино, оказавшееся крепче, чем казалось на первый взгляд — Лена чувствовала, как хмель ударяет ей в голову. Кэт нарочито громко фыркнула и тоже демонстративно осушила кубок.

На столе появилось новое блюдо — дышащий раскаленным паром горячий суп, усыпанный золотистыми кружочками жира и крупинками специй. В центре серебряной супницы, словно остров, покоился кусок какого-то жирного мяса.

— Тора, глупая девка, зачем здесь это? — с неожиданным раздражением сказала Эржет, — разве ты не видишь, уже поздно для первого. Унеси его!

Служанка — стройная девушка в длинной хламиде темно-зеленого цвета, — молча убрала со стола супницу. Лена еще успела подумать, что брать столь горячую посуду голыми руками было бы неосмотрительно — и действительно пальцы все девушки вздулись волдырями от ужасных ожогов. Однако на лице служанки не дрогнул ни один мускул, когда она, ухватив супницу, — даже не за ручки, а прямо за округлые бока, — спокойно вышла с куском раскаленного металла в руках. Ее сменило еще несколько девушек, собравших со стола опустевшую посуду. Лица их выглядели столь же невыразительными, что и у первой служанки, в пустых глазах не угадывалось не единой мысли.

— Я смотрю, у вас вышколенные служанки, — заметила Лена.

— Это не служанки, — усмехнулась княгиня, — время от времени я беру в горничные дочерей своих вассалов. В некотором смысле они мои воспитанницы.

«Воспитанницы»? Лена недоуменно вскинула бровь: иные девушки выглядели старше самой княгини. Но, похоже, Эржет не лгала — черты лиц и стройное телосложение выдавали благородное происхождение горничных, также как и пальцы — пусть и изрядно подпорченные работой, но по-аристократически тонкие и длинные. Но тогда это выглядело странно — даже у мелких дворянчиков Дракии обычно все в порядке с родовой спесью. Впрочем, обдумать эту странность Лена не успела — Эржет вновь наполнила бокалы и протянула один из них гостю.

— Почему-то мне кажется, что мы уже давно знакомы, — розовый язык облизнул алые губы, зеленые глаза заволокола томная паволока, — выпьем за старых подруг.

Лена, с трудом сдерживаясь от смеха, уже поняла, что ее беззастенчиво спаивают: ну что же, почему бы и не поддаться такому милому флирту. Она уже хотела опрокинуть залпом кубок, но поймала раздраженный взгляд Кэти лишь чуть пригубила.

— У вас очень красивая столовая, — решила сменить тему Лена, — никогда не видела такой росписи. Это тоже работа ваших предшественников.

— Частично, — кивнула Эржет, — этому камню уже лет двести.

— Красиво, — протянула Лена, разглядывая просторную комнату. Стены здесь были отделаны незнакомым камнем — ярко-зеленым, словно весенняя листва. Сходство усиливалось тем, что камень испещрял тончайший узор, весьма схожий с листьями. Это не могло быть игрой природы и все же у Лены не создавалось впечатления, что над стенами работал резец каменщика — скорее это походило на то, что сама древесная листва окаменела, сохранив свой насыщенный цвет. В зеленом буйстве проступали темные линии, будто ветви и древесные стволы, усиливавшие ощущение густой чащи, обступившей столовую. Окна с зелеными витражами были распахнуты настежь, открывая изумительный вид на озеро и стоявший на противоположном берегу город, уже начавший зажигаться редкими огнями. Сама же комната освещалась белыми свечами, которые, одна за другой, зажигали бесшумные «воспитанницы». Они продолжали упорно молчать, так что Лена с невольным содроганием подумала, не вырезает ли Эржет им языки?

А потом Лена посмотрела вверх — и замерла, восхищенная прекрасным произведением искусства. На потолке, верхом на крылатом многоголовом змее, неслась среди густой чащи красивая обнаженная женщина. Неизвестный художник немало постарался, чтобы подчеркнуть каждую черточку сильного тела, прикрытого лишь черными волосами. В руках женщина сжимала лук, из которого она, развернувшись, целилась в гнавшееся за ней чудовище — с телом мускулистого мужчины, также голого, но на широких плечах скалилась морда леопарда, а за спиной развевались огромные крылья.

— А вот картину разместили по моему указанию, — сказала Эржет, — я поставила ее в память о Вальдонии. У меня на родине тоже чтят лучника Лерайе, причем куда чаще, чем здесь, представляют его в женском обличье. В Секее же, как и в прочей Дракии, верят, что Лерайе лишь однажды менял пол, чтобы им овладел архонт Ситри — один из приближенных Астарота — и от этой связи родился основатель княжеского рода Секеи. Так архонты собственным примером напоминают нам о том, что нет ничего невозможного для жаждущей плоти.

Говоря это, Эржет легонько гладила руку Лены — от локтя до запястья. Попаданка не возражала — эти вкрадчиво-нежные прикосновения были приятны. Кэт же демонстративно похрустывала косточками перепелок в меду, запивая их вином и упорно игнорируя обеих женщин. Лена усмехнулась и деликатно отстранилась от княгини.

— Ваше общество мне очень приятно, — сказала она, вставая из-за стола — но мы с подругой устали — да еще и это вино клонит в сон. Можем ли мы немного отдохнуть?

— Конечно, — неожиданно согласилась княгиня, — Тора проводит вас в комнату для гостей. Но мы еще встретимся вечером — я хочу устроить прием в вашу честь.

— Я буду рада продолжить общение, — улыбнулась Лена, — пойдем, Кэт.

— Я не особо и устала, — буркнула кошкодевка, но все же поднялась из-за стола.

Сопровождаемые молчаливой служанкой «посланницы Храма» вышли из гостиной. Эржет смотрела им вслед и на ее алых губах играла странная улыбка.

— Что же ты не осталась? — язвительно произнесла Кэт, плюхаясь в ближайшее кресло, — эта княгиня слюни до пола распустила — так хотела затащить тебя в койку.

— Ну не осталась же, — пожалала плечами Лена, — видишь, я с тобой.

Выделенная им комната отличалась не меньшей красотой, чем столовая: пол был отделан зеленой яшмой с черными прожилками, а стены и потолок — голубовато-зеленым акваарином. На потолке красовалось мозаичное изображение леопарда с зелеными самоцветами вместо глаз. Посреди комнаты размещалось широкое ложе, устланное покрывалами из черного шелка, рядом стояло несколько мягких кресел.

— Вы расстались до вечера, — уточнила Кэт, — совсем ненадолго. А уж на своей вечеринке она своего не упустит — да и вряд ли ты станешь возражать.

— Перестань, — поморщилась попаданка, — выглядишь совсем тупо.

Про себя, однако, Лена не могла не признать, что ухаживания княгини ей понравились — как и сама княгиня, если совсем честно. Ревность же Кэт начала раздражать попаданку — в конце концов, у нее не было никаких оснований хранить верность кошкодевке. Но и ссориться Лена не хотела — особенно сейчас, когда Кэт развалилась в кресле, даже в этой небрежной позе умудряясь выглядеть воплощением кошачьей грации и изящества. Она уже сменила дорожную одежду на тот наряд, что принесли служанки — черный шелковый халат с золотистыми узорами. Задравшийся короткий подол приоткрывал точеные бедра, пробуждая у Лены игривые мысли: хоть ее и заинтересовала рыжеволосая княгиня, но и бьющая в глаза животная чувственность кошкодевки вызывала у попаданки, — как и у почти любого человека, — неизменное влечение.

Кэт проследила за взглядом напарницы и досадливо сморщила носик.

— Нечего пялиться, — с вызовом сказала она, — облизывайся на свою княгиню. Только отдохни хорошенько — ты же так устала, бедняжка. А я хочу гулять!

Лена не успела ничего сделать, когда Кэт, сбросив с плеч халат, метнулась к распахнутому настежь окну, на ходу принимая кошачий облик. Лена сдернула с пояса кнут,

но запоздала на какие-то секунды — Кэт уже соскочила на нижнюю террасу, а оттуда перепрыгнула на вершину одной из нижних башенок.

— Кэт! — крикнула Лена, — вернись немедленно!

Черный зверь развернулся, уставившись на Лену зелеными глазами и оскалив острые клыки. Кэт уже знала предельную длину змеиной плети и предусмотрительно держалась на безопасном расстоянии. Из пасти вырвалось насмешливое мяуканье и большая кошка одним прыжком скрылась в сгущавшихся сумерках.

— Глупая кошка! — выругалась Лена, — только попробуй вернуться — шкуру спущу!

Рассерженная девушка закрыла витражные окна и принялась разбирать вещи. Дорожную сумку она поставила у изголовья, предварительно вынув и положив рядом ножи — у нее уже возникла привычка держать оружие под рукой. Благо у здешней аристократии это было в порядке вещей и вряд ли удивило княгиню. Вспомнив об Эржет, Лена с сожалением подумала, что поспешила расстаться с ней — после того, что выкинула Кэт, у попаданки чесались руки отомстить капризной попутчице. Но сначала отдых — дорога до замка и впрямь изрядно утомила девушку, а выпитое вино еще больше клонило в сон. Быстро раздевшись, Лена повалилась на ложе и скоро заснула.

Проснувшись она от странного ощущения — от обращенного на нее внимательного и недоброго взгляда. Лена открыла глаза — и тут же зажмурилась от растекавшегося по комнате ярко-зеленого света. Прищурившись и прикрывая лицо рукой, девушка посмотрела на потолок и невольно вскрикнула от представшего перед ней невероятного и жуткого зрелища.

Нарисованный леопард оживал — зверь лениво потягивался, играя мышцами под пятнистой шкурой, зевал, обнажая острые клыки. Глаза-изумруды полыхали зеленым пламенем, становясь все ярче и больше. Оскаленная морда стремительно увеличивалась, пока от нее не остались только глаза — словно две зеленых луны, завораживающие своим ритмичным мерцанием. Лена застыла, очарованная странной красотой этих светил — они притягивали, манили ее к себе. Изумруды посылали навстречу ей волны жара, который не доставлял боли, но подчинял и обездвиживал тело. И такое же сияние распространялось и от стен — всю комнату словно охватило зеленое пламя, не обжигающее, но ласкающее девушку приятным теплом. Зеленые языки лизали ее тело, не избегая и самых укромных мест. Яркие огоньки вспыхивали на ее сосках, и Лена вздрогнула от внезапного наслаждения пронзившего ее лоно. В следующий миг она уже извивалась в сладострастных судорогах, тербя свою увлажнившуюся плоть. Рядом с шипением извивались змеи — безошибочно угадывая чувства хозяйки, чешуйчатые твари ласкали женское тело раздвоенными языками. Неудержимая волна словно вырывала девушку из телесной оболочки, увлекая навстречу зеленому пламени, чтобы Лена могла слиться, раствориться в вечном пламени похоти и свободы.

Резкая боль пронзила ее бедро и Лена вскрикнула, выныривая из омута зеленого наваждения. Она провела рукой по ноге, ощупывая длинный кровотокающий разрез, потом ее рука наткнулась на что-то твердое, с острым лезвием.

Нож. Отцовский нож.

Леденящий душу рык разнесся по комнате. Лена посмотрела вверх (или вперед? она сама не понимала — все еще лежит или уже стоит) леопард уже выглядел совсем как живой. Длинный хвост бил по бокам, задние лапы напряглись для могучего прыжка.

И тут Лена вдруг поняла, что ей напоминает все это зеленое безумие.

Большая кошка прыгнула — и Лена, выхватив из сумки трофейное «ружье», пальнула вверх. В уши ударило злобное рычание, тут же сменившееся оглушительным грохотом и комнату озарила невыносимо яркая вспышка. Лена зажмурилась, уверенная, что сгорит дотла в этом взрыве. Когда же этого не произошло, она осторожно открыла глаза.

Изображения леопарда больше не было — вместо него чернело безобразное пятно оплавленного камня. По потолку разбегались широкие трещины, сыпалась пыль и каменное крошево. Прежде чем Лена осознала, чем это ей грозит, увесистый обломок рухнул, угодив ей прямо на голову. Но прежде чем провалиться в беспамятство Лена успела заметить, как осторожно приоткрылась дверь в комнату.

«Я, Кошка, брожу, где вздумается, и гуляю сама по себе...»

Старый рыбак из деревушки, расположенной между городом и замком, потянул сеть, заброшенную с утра. Снасть пошла неожиданно легко и рыбак, вытянув ее, разразился проклятиями: сети оказались разорваны в трех местах и без всякой рыбы.

Большая кошка, притаившаяся неподалеку, неспешно умывалась, слизывая с усов рыбью кровь и остатки чешуи. Услышав проклятия рыбака, зверь рассмеялся про себя и бесшумно скрылся в густом лесу. Впервые за долгие дни, Кэт наслаждалась полной свободой — даже когда они шли по лесам с Леной, попаданка не давала кошкодевке отходить далеко, опасаясь диких зверей и лесной нечисти. Что уж говорить о деревнях и городах, где Лена и вовсе запрещала Кэт оборачиваться кошкой, опасаясь шумихи.

Обида и ревность, наложенные на постоянное стеснение свободы, и вылились в сегодняшний бунт. Сейчас Кэт наслаждалась своей дикой волей: без труда покинув замок, — его башни и террасы были для большой кошки все равно, что торной дорогой, — оборотень растворился в лесах, покрывавших окрестные горы. Кошкодевка безуспешно поохотилась за разной лесной живностью, потом, приняв на время человеческий облик, вытянула на берег сетку с рыбой, которой с удовольствием полакомилась. Узкими тропами, на которых остереглись бы ступать и горные козлы, Кэт пробралась к водопаду, что спадал в озеро неподалеку от Чейтена. Сейчас кошкодевка сидела рядом с ревушим потоком, лакая обжигающе-холодную воду и ежась от попадавших на ее шкуру брызг.

Напившись, Кэт решила обследовать горный склон, изрезанный множеством пещер. Сунувшись в один из входов, большая кошка сморщила нос от омерзения — из зиявшей мраком дыры на нее пахло нестерпимым трупным смрадом. Она уже хотела поискать другую пещеру, когда ее взгляд упал на полосу ила и песка, нанесенного стекавшими отовсюду ручьями. На влажной поверхности виднелись следы — весьма схожие со следами самой Кэт, но раза в три больше. В этом кошкодевка легко убедилась, приложив рядом свою лапу и сравнив полученные отпечатки. Встреча с подобным зверем могла кончиться плохо, но все же любопытство победило осторожность: поколебавшись, Кэт все равно тронулась по следам, благо кошачьи глаза легко видели в кромешной тьме. Смрад вокруг становился все сильнее — а вскоре появился и его источник: человеческие скелеты и черепа, покрытые опметками гниющей плоти. Все кости были страшно изуродованы — Кэт так и не попалося ни одного целого скелета, — и все же, внимательно осмотрев останки, Кэт не заметила, чтобы убитых людей ели. Их убивали не ради пищи — и это, если вдуматься, выглядело не менее зловеще, что эта находка, сама по себе.

Вскоре у нее появилось еще один повод для беспокойства. Она вдруг поняла, что ил давно кончился — в эту часть пещеры не проникали ручьи и Кэт давно шла по обычному камню. Однако на нем по-прежнему, хоть и слабо, но весьма явственно проступали следы огромного зверя. Кэт снова приложила рядом лапу, надавила — камень остался нетронутым. Холодные мурашки проступали у нее по хребту, при мысли о том, что за чудовище могло оказаться столь тяжелым, чтобы оставлять следы даже на камне.

Ее мысли прервал отдаленный грохот наверху и Кэт, забыв о своих страхах, метнулась вперед. Перед ее глазами мелькнуло ночное небо, с сиявшей в нем Луной и Кэт вдруг выскочила на поверхность. Вход в пещеру находился на склоне того же утеса, на котором

стоял и Чейтен — метров на тридцать выше ворот. Кошкодевка посмотрела на замок и увидела черный дым, жирными клубами поднимавшийся над одной из башен. Обратню не понадобилось много времени, чтобы узнать ту самую башню, где ей и Кэт предоставили покои. Кошкодевка уже хотела метнуться на помощь подруге, когда краем глаза отметила сбоку некое движение. В уши ударил грозный рык и Кэт, похолодев от ужаса, увидела, как светятся изумрудные глаза у каменных леопардов, охранявших врата Чейтена. Огромные звери потягивались, словно разминая каменные мышцы, протяжно зевали, открывая пасти с острыми зубами. Светящиеся зеленые глаза с холодной злобой смотрели на ошеломленную кошкодевку.

Минутное оцепенение едва не стоило ей жизни: с проворством, которого она никак не ожидала от ожившей статуи, один из каменных леопардов прыгнул вверх, разом преодолев расстояние, отделявшее его от Кэт. Та лишь в последний момент успела увернуться от взметнувшейся над ней каменной лапы. Черное тело взмыло вверх, изогнувшись в немыслимом кульбите, и тут же по скалам хлестнул каменный хвост. Удар пришелся в какой-то паре сантиметров от головы Кэт, с треском расколов большой валун.

Второй леопард, со злобным рычанием метался вниз, явно намереваясь отсечь Кэт все пути к бегству. Выше вздымалась почти отвесная скала и у Кэт не было времени высматривать на ней удобные тропы — первый леопард, рыча и хлеща себя по бокам каменным хвостом, уже готовился к новому прыжку. Оставался только один путь к бегству и испуганная Кэт, сломя голову, метнулась в ту самую пещеру, из которой только что вышла на свет. Спустя миг позади послышался мерный топот и, обернувшись, кошкодевка увидела два зеленых огня — светящиеся изумруды в глазах леопарда. Как назло во всей пещере не нашлось никаких боковых ходов, где можно было бы запутать след — только несколько узких, явно тупиковых ответвлений. Она чуть было не попала, метнувшись в одно из них, но вовремя заметила груды костей усеивавших пол — останки каких-то бедолаг, понадеявшихся найти тут укрытие и оказавшихся в ловушке перед каменным чудовищем. Выскочив обратно Кэт чуть не столкнулась нос к носу со зверем — огромные челюсти щелкнули прямо перед кошачьей мордой, едва не схватив Кэт. Кошкодевка лишь чудом увернулась и, делая огромные прыжки, вновь кинулась вниз.

Вскоре впереди послышался шум водопада — Кэт поднажала и вдруг вылетела на площадку прямо перед реющим потоком, едва успев притормозить, чтобы не свалиться. В тот же миг она услышала грозное рычание — по тропе, которой Кэт ранее поднималась к пещере, неспешно шел второй леопард. Изумрудные глаза неотрывно уставились на Кэт, в пасти, словно каменные осколки, торчали острые зубы, каменный хвост бил по бокам. Вновь раздался раскатистый рык, напоминающий грохот падающих камней, и в ответ такое же рычание послышалось из глубин пещеры. Кэт в панике оглянулась — преследовавший ее каменный зверь тоже выходил к водопаду. Оба монстра не спешили — Кэт оказалась в ловушке, с отрезанными путями к отступлению, всеми... кроме одного.

Под ее ногами дрогнула земля: это леопард оттолкнулся от земли, взвиваясь в новом прыжке. Зеленые глаза горели кровожадным предвкушением как чужая кошка, из плоти и крови, превратится в кровавую кашу, размазанную по скале. Однако Кэт не стала дожидаться, когда ее останки смешаются с костями других жертв стражей Чейтена. Каменные лапы встретили такой же камень: за секунду до того, как ожившая статуя обрушилась на склон, Кэт прыгнула прямо в водопад.

«Возьми мое сердце, возьми мою душу...»

Вокруг нее кружились изумрудные протуберанцы обжигающе-холодного пламени, иглы из зеленого льда пронзали ее плоть одновременно мучительной болью и сладостным наслаждением. Вот пляшущие языки зеленого огня слились воедино, обернувшись мордой огромного леопарда, оскалившего острые клыки в глумливой усмешке. В следующий миг перед ее глазами полыхнул беззвучный взрыв, поглотивший девушку во вспышке ослепительно-зеленого пламени.

Шершавый, словно терка, язык лизнул щеку Лены, чуть не содрал с нее кожу. В лицо пахло запахом гнилого мяса. Попаданка открыла глаза и чуть не закричала, даже наяву увидев перед собой клыкастую пасть большой кошки.

— Место, Барон! — слышался знакомый голос, — она нам еще пригодится.

Огромный леопард заворчал, но все же неохотно отошел от Лены. Молодая женщина поднялась на руках: она лежала на полу в небольшом зале, отделанном яшмой и малахитом. На стенах, в равных промежутках, мерцали гнилушечным светом полусферы из ярко-зеленого стекла, размером с мужской кулак.

Эржет восседала на малахитовом троне, установленном на небольшом возвышении посреди зала. Из одежды княгиня носила лишь халат из зеленого шелка, расписанного красными узорами, производившими неприятное впечатление — словно кровь на зеленой траве. У ног княгини развалились две большие кошки: леопард Барон, — обычный леопард, с золотистой шкурой усыпанной черными пятнами, — и оставшаяся пока безымянной черная пантера. Рядом с ними, словно и не замечая свирепых хищников, стояли «воспитанницы» княгини, — совершенно голые, если не считать украшений. Лена случайно встретилась глазами с одной из девушек и по ее спине невольно пробежали мурашки от этого совершенно пустого взгляда. Кроме девушек в зале находились и несколько усатых стражей, нацелившие на попаданку заряженные арбалеты.

А позади княгини возвышалась скульптурная композиция из зеленого мрамора — демон с мордой леопарда и орлиными крыльями монструозным мужским достоинством терзал лоно обнаженной женщины. Женщина выглядела почти обычно — если не считать небольших рожек выступавших из спутанных волос, а также тонкого хвоста со стреловидным наконечником. Судя по лежащему рядом луку с разбросанными стрелами, композиция представляла собой завершение сюжета, виденного Леной раньше — о преследовании архонтом Ситри архонта Лерайе.

— Интересные вещи ты носишь с собой, — сказала княгиня. Она щелкнула пальцами и к ней шагнул один из стражников, держа в руках то самое «ружье» со стеклянным стволом.

— Я знаю, где делают такие штуки, — Эржет внимательно осмотрела диковинное оружие, — но вряд ли в Некрарии сумели бы повторить этот шедевр ...по крайней мере не так быстро. Где ты его взяла?

Лена даже лежа исхитрилась пожать плечами.

— Почему я должна тебе отвечать?

— Потому что ты у меня в плену, — Эржет повертела оружие и осторожно отложила в сторону, — довольно глупо было таскать это в сумке, а уже тем более стрелять из него. Не нужно противиться неизбежному — иначе оно получится слишком грязным.

— О чем ты? — спросила Лена. Эржет загадочно усмехнулась и поманила одну из

служанок. Усадив ее себе на колени, она принялась лениво поглаживать и ощупывать девушку, воспринимавшую эти ласки все с тем же непоколебимым спокойствием.

— Правда, они прелестны? — сказала Эржет. Цепкими пальцами она ухватила девушку за подбородок, заставив ее вздернуть голову, — я выбираю в воспитанницы, лишь самых красивых и юных. После того, как они побывают у меня — еще и самых послушных.

Она кивнула другому стражнику и тот с поклоном передал ей нож — Лена дернулась, узнав отцовское наследие. Эржет взялась за грудь девушки, взвешивая ее в руке, потом сильно оттянула, — на лице служанки не дрогнул не один мускул, — и вдруг с силой полоснула по мягкой плоти. Хлынувшая кровь разом залила и трон и Эржет и саму рабыню, но та, словно и, не заметив своего увечья, спокойно наблюдая, как Эржет сосредоточенно отпиливала ей грудь. Наконец, в руке княгини оказался окровавленный кусок плоти и Эржет небрежно швырнула его на пол, прямо перед ошарашенной Леной.

— Фу, ты меня запачкала! — скорчив гримасу, княгиня столкнула свою воспитанницу с колен. Девушка упала на пол, но подняться уже не успела: обе большие кошки, словно получив неслышную команду, со свирепым рычанием кинулись на несчастную. Но даже, когда леопарды рвали ее на части, она не проронила ни звука — и это, пожалуй, было самым жутким в этой омерзительной сцене.

— Не думаю, что ты сможешь выдержать это столь же спокойно, — Эржет посмотрела на пораженную Лену, — так что лучше отвечай. Итак, откуда у тебя это ружье?

— Из Бората, — послушно ответила Лена.

— Я так и думала, — кивнула Эржет, — князь Влайку дал его тебе добровольно...

— Это был не князь, — сказала Лена и тут же осеклась.

— Я знаю, — кивнула Эржет, — цмок прилетал ко мне с месяц назад. Даже не представляю, — ее губы скривились в похотливой улыбке, — что пришлось тебе сделать, чтобы...

— Я ничего не делала, — усмехнулась Лена, — если честно, мы с самозванцем так и не виделись. Подарок мне сделал настоящий князь, который сейчас и правит Боратом.

— Влайку?! — Лена с удовольствием увидела, что ей удалось по-настоящему встревожить Эржет, — а что с цмоком?

— Мертв, — с еще большим удовольствием ответила Лена.

— Ты убила его?

— Не я, — сказала Лена, — так уж получилось, что змееныш ненадолго приобрел свой исходный облик и моя кошка не упустила удобного случая.

— Кстати, где она? — спросила Эржет, — в твоей комнате ее не было.

— Я не знаю, — пожала плечами Лена, — она любит гулять сама по себе. Мы с ней поссорились и она ушла бродить по окрестностям.

— Ну и дура, — к Эржет вернулось хорошее настроение, — этой ночи она не переживет. Ну и хватит о ней. Поговорим лучше о тебе. Тебе, наверное, хочется знать, что все это значит, — княгиня широким жестом обвела рукой.

— Хотелось бы, — осторожно сказала Лена.

— Я тебе покажу, — Эржет вскочила с трона и подошла к стене. Приложила руку к одному из стеклянных полусфер, что-то негромко прошептала — и в тот же миг сфера ярко вспыхнула, озарив весь зал. Лена невольно дернулась, вспомнив, к чему привело такое же сияние наверху, однако Эржет, вела себя как обычно. Сощуриив глаза, Лена увидела, как внутри зеленой сферы появилась черная точка, вскоре превратившаяся в миниатюрную

человеческую фигурку — женскую насколько могла разглядеть Лена. Смутные догадки зароились в голове попаданки, но, прежде чем она успела облечь их в связные мысли, Эржет поманила одну из девушек. Когда воспитанница подошла к княгине, та ухватила девушку за волосы и заставила коснуться губами мерцавшей зеленой сферы.

Новая вспышка, столь яркая, что Лене показалось, что по комнате все же полыхнул очередной взрыв. Она отвернулась — и тут же услышала громкие рыдания, пополам с мольбами и проклятиями.

— Убей меня, наконец, проклятое отродье и покончим с этим! Лимб, даже без связи с предками все же лучше, чем то, что ты творишь со мной! Безумная тварь, я проклинаю и плюю на тебя, кровожадная старуха!!!

Не веря своим глазам, Лена повернулась и увидела, как бьется в руках стражников «воспитанница». Сейчас она уже не была столь безучастной ко всему — ее глаза горели такой безумной злобой, что даже Лене, уже много чего навидавшейся в этом странном мире, стало не по себе. Эржет, отойдя к трону, с ехидной улыбкой слушала все, что выкрикивала девушка, явно наслаждаясь происходящим. В руках княгиня крутила шар из зеленого стекла — сфера, вынутая из стены, выглядела именно так. Однако Эржет крутила ее не просто так: Лена заметила, что Эржет как лупой пытается поймать зеленый свет, исходивший от других сфер. Наконец ей это удалось и княгиня направила получившийся «солнечный зайчик» на девушку. Державшие пленницу стражники тут же отпустили ее и «воспитанница», выкрикивая бессвязные ругательства, кинулась к княгине. Зеленый «зайчик» плясал на ее лице, делая его подобным трупной маске.

Лена несколько раз мигнула, думая, что ей мерещится — только что воспитанница виделась ей высокой девушкой, чуть ли не на голову выше княгини. Сейчас же она едва доставала ей макушкой до груди — нет, уже до пояса, до колен!!! Эржет рассмеялась, глядя как стремительно уменьшается девичья фигура, охваченная зеленым сиянием. Девушка, наконец, сообразила, чем ей все это грозит и пыталась убежать — тщетно, зеленый луч, поймав добычу, не собирался ее выпускать — и становящаяся все меньше воспитанница, словно притягиваемая магнитом, бежала к графине. Когда она стала размером с жука, Эржет шагнула вперед и ее сапог опустился на маленькое тельце, размазывая его по полу в кровавую кашу. В тот же миг сфера в руках княгини ярко вспыхнула и погасла, превратившись в кусок мутного темно-зеленого стекла, похожего на бутылочный осколок, отполированный морскими волнами.

Эржет посмотрела на ошеломленную Лену, злобно рассмеялась и уселась на трон. Остальные воспитанницы дисциплинированно встали рядом с княгиней, словно и не заметив, что случилось с несчастной девушкой.

— Я много старше, чем я выгляжу, — сказала Эржет, — не буду говорить, сколько мне лет, но поверь, что это не тот возраст, которому рады женщины. Не мне тебе объяснять, что значит долгая молодость и красота — в Храме, как известно, Триморфа превозносит этот дар своим жрицам. Увы, в молодости я была слишком беспечной, чтобы решиться на путешествие в Некрарию, а когда поняла свою ошибку, то уже вышла из возраста, в котором берут послушниц в Никтополийский Монастырь. Но мне подсказали иной путь.

Она повела рукой вокруг себя.

— В этом стекле заключены пленные души тех девушек, которых я брала в воспитанницы. Перед тем, как лишиться души, каждая из них провела ночь в той комнате, где была и ты. Тела моих воспитанниц не умирают, но становятся, лишенными воли и чувств

куклами, вроде тех, что ты видишь перед собой. Души же их заключенные в стеклянную темницу, пребывают на вечной грани между болью и похотью, а страдания этой неувядающей юности вливают в меня новые силы и новую молодость.

— И то же самое ты хочешь проделать и со мной? — спросила Лена. Она даже не успела испугаться — настолько дикой, совершенно бредовой показалась ей вся эта история. И, тем не менее, попаданка не сомневалась, что Эржет говорит правду.

— Я еще не решила, — лукаво улыбнулась Эржет, — ты слишком необычная гостя. В конце концов, я всегда могу восполнить потерю этих двух сучек какими-нибудь крестьянками. Тебе же я, возможно, придумаю иное применение...если ты будешь послушной.

Княгиня повела плечами и сбросила халат, обнажив безупречное тело. Щелкнула пальцами и сразу две девушки послушно присосались к ее грудям, посасывая и покусывая крупные соски. Еще одна воспитанница рухнула на колени, старательно, но несколько монотонно покрывая поцелуями ноги княгини. Эржет недовольно поморщилась.

— Они стараются, — пояснила она, — но это скучно — ведь они делают все без души — как и положено бездушным куклам. У меня, конечно, хватает любовников — мужчин и иных...созданий, но иной раз охота себя побаловать свежей девчатинкой. У вас в Монастыре, говорят, те еще затейницы — вдруг ты сумеешь меня чем-то удивить.

Эржет медленно развела стройные ноги и похлопала себя по промежности.

— Ну, давай, — она развела пальцами половые губы, — сделай приятно мамочке.

Лена затравленно обернулась — в нее вновь целились из арбалетов, да еще и клятые леопарды, глухо рыча, подходили с двух сторон. Голая, безоружная, в зале полным врагов... Даже магия вряд ли поможет — стоит ей начать читать заклинание, как звери растерзают ее. Она посмотрела на Эржет — та издевательски улыбалась, уверенная, что деваться пленнице некуда.

Внезапно в зал вбежал еще один стражник, сломя голову кинувшийся к трону. Склонившись над ухом Эржет, он прошептал ей несколько слов, от которых княгиня моментально переменялась в лице.

— Игры придется отложить, — сказала она, оттолкнув девушек и вставая с трона, — поместите пленницу в Нефритовую Темницу. Я займусь ею, когда закончу дела.

На ходу запахивая халат, Эржет вышла из зала в сопровождении своих леопардов и того стражника, что прибежал с вестью. Следом за ними молчаливыми тенями выскользнули и бездушные «воспитанницы».

«Тебя там встретит огнегривый лев...»

Водопад, низвергавшийся в озеро с высоты чуть ли не в двадцать метров, подхватил Кэт, неся ее словно щепку в могучем потоке. Она успела задержать дыхание, но сделать новый вздох никак не могла — всякий раз, когда она пыталась вынырнуть, ее накрывали все новые волны. Кэт в панике заметалась, пытаясь глотнуть хотя бы немного воздуха и вдруг почувствовала сильную резь на шее. На ней словно открылись сквозные раны, сквозь которые проходит и выливается вода и, странное дело, — Кэт вовсе не чувствовала от этого неудобства. Наоборот, она словно научилась дышать под водой.

Жабры!

Кэт даже не успела удивиться своему преобразению: она наконец-то рухнула в озеро, уйдя под воду сразу на несколько метров. Удар чуть не вышиб из нее дух — она отчаянно забила лапами, пытаясь всплыть и тут же поняла, что передвигаться в воде ей стало необычайно легко. Совсем как в недавней жизни, большая часть которой проводилась или в самой воде или рядом с ней. Похоже, что эта жизнь ушла не так уж безвозвратно, как полагала Кэт, пробудившись в ней в самый подходящий момент.

Предчувствие опасности заставило ее вскинуть голову — прямо над ней стремительно разрасталось, приближаясь, черное пятно. Кэт едва успела отпрянуть, когда в воду, подняв тучу брызг, обрушился каменный леопард. Зеленые глаза сверкали бешеным огнем, он махал лапами и щелкал зубами, пытаясь дотянуться до Кэт. Однако камень, даже волшебным образом ожив, оставался камнем — собственная сила тяжести увлекала чудовище на дно. Кэт, поняв, что опасность миновала, даже играючи сделала вокруг окруженного ореолом пузырей монстра пару кругов и вновь поразила той легкости, с которой она теперь плавала. Кошкодевка изогнулась, пытаясь осмотреть себя — помимо прорезавшихся в шее жабр, ее тело покрылось блестящей серебристой чешуей, а уплощенный хвост теперь оканчивался высоким плавником. Еще один плавник, поменьше, украшал ее спину. Кэт поднесла лапу к глазам — между когтистыми пальцами виднелись большие перепонки.

С трудом оторвавшись от своего нового облика, — изящного, быстрого, гибкого, — Кэт перевела взгляд на каменного леопарда, стремительно растворявшегося в темных глубинах. Но во мраке еще мерцал отблеск зеленых огней и поэтому кошкодевка решила не опускаться на глубину — вряд ли каменному монстру требовался воздух для дыхания и на дне, он мог быть столь же опасен, как и на берегу. Куда, кстати, Кэт тоже опасалась вылезать: второй леопард, судя по всему, избежал участи собрата, удержавшись на краю обрыва, а значит все еще мог подстергать Кэт.

Решение пришло быстро — рядом спускалась все та же скала, с которой и падал водопад. Пористый камень, поросший водорослями и ракушками, покрывали черные дыр пещер — видимо продолжение тех, что Кэт видела наверху. Недолго думая, кошкодевка, — точнее уже кошкорыбка, — нырнула в самую большую пещеру.

Ход был тесноват, но Кэт, прижав лапы к бокам, на манер выдры, работая хвостом и извиваясь всем телом, быстро двигалась вперед. Кошачье зрение не изменило ей и тут — она прекрасно видела в темноте. В морду ударяли струи течения — видимо какие — то ответвления горных потоков, пробившиеся сквозь скалы. Проход то сужался, то расширялся так, что порой она не видела стен, оказавшись в подводной пещере или гроте. В одной из таких пещер и выяснилось, кто Кэт тут не единственное живое существо: когда из широкой

расщелины на нее вдруг ринулось нечто жуткое, с множеством глаз, клешней и суставчатых ног. Уклонившись в последний момент, Кэт ринулась вверх — и ее голова вдруг оказалась над водой: эту пещеру затопило лишь наполовину. Чувствуя внизу волнения, Кэт одним прыжком выпрыгнула на берег. Тут же она почувствовала резь в жабрах, по ее телу прошла сильная дрожь и Кэт сильно закашлялась, стоя на четвереньках и выплевывая воду из легких. Она посмотрела на свои лапы — точнее уже обычные человеческие руки, поскольку на воздухе она приняла человеческий облик. Посмотрела на плескавшуюся внизу воду — судя по ряби на ней, подводная тварь не собиралась уходить, а значит, путь назад для нее закрыт.

— Ну и ладно! — пожалала плечами Кэт. Оглянулась — вверх уходил очередной ход, в котором даже имелось что-то вроде ступеней. В следующий миг кошкодевка, снова приняв вид черной пантеры, уже поднималась по ним, стараясь не думать о том, что ее ждет наверху.

Что не ждет ничего хорошего, Кэт поняла, увидев впереди тусклое зеленое свечение. Уже усвоив, что здесь ничего хорошего это не предвещает, Кэт хотела повернуть обратно и поискать иную дорогу, когда до ее ушей донесся отчаянный вопль — даже не вопль, а рев, полный боли и гнева. Следом послышался грубый хохот и несколько слов, смысла которых Кэт не разобрала, но почувствовала содержащуюся в них злую насмешку. Не то, чтобы Кэт удивили пытки в стенах этого проклятого замка, но, все же, повинувшись внезапному капризу, она двинулась вперед.

Вокруг появлялось все больше свидетельств, что Кэт уже в Чейтене: скальная порода сменилась зелеными блоками, явно не здешнего происхождения. Зеленая плитка покрывала и ступени, хотя выглядело все не особо ухоженным — то тут, то там в стенах зияли глубокие трещины, иные плиты еле держались, ступени оказались выщерблены, а статуи, стоявшие в неглубоких нишах, и барельефы на стенах стерлись настолько, что Кэт даже не пыталась угадать, что они ранее изображали.

Вскоре обнаружился и источник свечения — большая прореха в стене, образованная несколькими выпавшими камнями. Кэт осторожно пролезла в эту дыру и оказалась рядом с некоей статуей — от нее Кэт разглядела только когтистые лапы, — стоявшей под потолком большой комнаты, выложенной темно-зеленым камнем. В центре ее из пола, словно уродливые сосульки, поднимались стекловидные сталагмиты, светящиеся изнутри бледно-зеленым светом. На их остриях корчилося странное существо — удивленная Кэт даже несколько раз моргнула, пытаясь понять, кого именно она его видит. Рычащее и сыпящее проклятиями существо все время менялось: иногда оно казалось великолепно сложенным мужчиной лет тридцати с полыхавшими гневом желто-зелеными глазами. Но уже миг спустя существо принимало облик огромного льва с короткой гривой и желто-серой шерстью. Вокруг оборотня, хохоча и обмениваясь глумливыми шутками, стояло десяток мужчин, облачением и общим обликом напомиравших стражников, что явились с Эржет в таверну, где остановились Лена с Кэт. Они держали пики: нагревая их в горевшей рядом жаровне, они то и дело прикладывали раскаленный металл к телу странного существа, раздражаясь хохотом после очередного рева зверя. Однако, Кэт показалось, что наибольшую боль у пленника вызывают не эти примитивные пытки, а острые «сталагмиты» пронзавшие его конечности. Их мерцание постоянно менялось — от почти белого до ядовито-зеленого и каждое изменение цвета, сопровождалось сильной дрожью, проходившей по телу оборотня, вызывая у него жалобное рычание и стоны.

Наскоро прикинув свои шансы, Кэт решила ретироваться. Она сделала шаг назад...и тут

камень в кладке, судя по всему и без того еле державшийся выскользнул у нее из под лапы, с шумом обрушившись вниз. Кэт метнулась назад, но было поздно — едва скрепленные раскрошившимся раствором, другие блоки посыпались следом. Один из камней упал на голову одному из стражей, разом вышибив ему мозги, а следом, оглашая воздух жалобным мяуканьем, рухнула и сама Кэт.

Вышколены здешние стражники оказались на совесть: быстро опомнившись от первого испуга, они выстроились полукругом, ограждая пленника и выставив пики в сторону кошкодевки. Один даже метнул оружие, — промазал со страху, но и остальные стражники явно готовились последовать его примеру. Поняв, что счет идет на секунды Кэт решила сменить тактику — отпрянув в дальний угол, она сжалась в комок, по ее телу прошла сильная дрожь, вместе с которой черная шерсть втянулась под кожу. Звериные черты смазались, словно растворяясь в проступавшей сквозь них человеческой личине.

— Эй, ребята, все хорошо! — очаровательная девушка осторожно встала с пола, поднимая руки, — видите, я сдаюсь!

Стражники, сбитые с толку такой переменой, откровенно пялились на голую кошкодевку, впрочем, опускать пики и не подумали. Сама Кэт бросила беглый взгляд на пленника — даже он, казалось, забыл о своей боли, удивленно смотря на новую гостью.

— Ты кто такая? — настороженно спросил один из стражников.

— Я...я тут случайно, — пролепетала Кэт, — заблудилась в замке. Простите, что так вышло с вашим другом, — она кивнула на окровавленное тело, — я правда не хотела.

— А я тебя знаю, — вдруг сказал стражник, — ты же та самая девка, что была с этой... жрицей. не думал, что ты еще жива.

— Сейчас исправим это, — другой стражник, сплюнув, поднял пику.

— Стойте! — в отчаянии крикнула Кэт, — разве ваша княгиня не захочет все узнать сама? Почему я жива, как я здесь оказалась? Вряд ли она обрадуется, если вы лишите ее возможности допросить меня самолично.

Последнюю фразу Кэт выкрикнула наугад, но, похоже, попала в точку: судя по быстро переглянувшимся стражам, здешняя властительница любила сама допрашивать пленных. Один из стражников, в замешательстве, опустил оружие — и Кэт этим тут же воспользовалась: так быстро, что за этим было невозможно уследить, она метнулась вперед, на ходу принимая полукошачий облик. Проскочив меж сдвинувшихся пик, она прыгнула на заранее отмеченного ею стражника, вгрызаясь ему в горло и вырывая кадык. Сорвав с его пояса увесистую дубинку, кошкодевка прыгнула прямо к пленнику. Действуя по наитию, Кэт что есть силы ударила сразу по нескольким сталагмитам. Послышался громкий звон, как от разбитого стекла, в воздух ударили струи зеленого пара и с десятков зеленых «сосулеч» растаяли в воздухе. Моментально высвободившаяся львиная лапа снесла лицо ближайшему стражнику. Другому стражу, который попытался ударить пикой, монстр вцепился в голову, жутко хрустнувшую под огромными клыками. Кэт снова ударила по сталагмитам, сокрушив еще несколько и освободившийся, наконец, оборотень с оглушительным рыком ринулся на стражников. Следом, вновь приняв свой кошачий облик, устремилась и Кэт. Двое стражников оказались растерзанны сразу, остальные, окончательно впавшие в панику, кинулись бежать. Огромные кошки догоняли и сшибали их с ног, ломая шейные позвонки, перегрызая глотки и выпуская кишки огромными когтями. Лишь один стражник, напоследок метнувший пику и заставивший отпрянуть огромного льва, успел выскочить за дверь. Кэт, перепрыгнув через неожиданного союзника, выскочила следом, но увидела лишь узкий

коридор и захлопывающуюся в конце железную дверь.

Разочарованная кошкодевка вернулась назад, где и увидела сидевшего на полу голого мужчину, что чертыхаясь, вынимал из руки и ног осколки сталагмитов.

— Готов? — спросил он, не отрываясь от своего занятия. Кошкодевку разочарованно покачала головой.

— Плохо, — оборотень зашипел от боли, выдергивая особенно крупный осколок, — они все доложат Эржет. Надо уходить, пока сюда не сбежится вся стража Чейтена.

— Это я и так поняла, — хмыкнула Кэт, смерив спасенного ею мужчину откровенным взглядом, — а ты сам-то кто такой?

— Это так важно сейчас? — он пожал плечами, — впрочем, ладно. Вулрех фон Ловенвальд, барон Ловенвальда, великий магистр Ордена Львов.

— Ага, — кивнула кошкодевка, — а ты можешь называть меня Кэт.

Снаружи уже слышались крики и топот ног. Вулрех задвинул засов на массивной двери и повернулся к Кэт.

— Ты ведь как-то пришла сюда?

— Вот так! — Кэт показала на дыру в стене, почти не заметную под статуей рогатого и крылатого чудовища. Приняв животный облик, она совершила могучий прыжок и, с трудом удержавшись на шаткой, осыпающейся под ее лапами кладке, скользнула в потаенный ход. Человек-лев задержался, чтобы перевернуть жаровню с углями, поджигая дверь, после чего и прыгнул следом. Из оскаленной пасти вырвался громкий рев, когда оборотень ухватился израненными лапами. И все же он, преодолевая боль, сумел удержаться на краю, с помощью помогавшей ему Кэт, протиснувшись в существенно расширившуюся дыру. В полыхавшую дверь ломались стражники, но беглецы уже мчались вниз по тому коридору, которым Кэт явилась в Чейтен.

Уже внизу, пока беглецы, выбравшись на берег подземного озера, искали другой путь в замок, новый спутник Кэт рассказал ей свою историю.

Ловенвальд — небольшое владение в лесистых горах между Гросканией, Тюргонией и Вальдонией, — управлялся баронами, ведущими свой род от архонтов-близнецов, Пурсона и Марбаса. Бароны Ловенвальда покровительствовали и Львиному Монастырю, где суровые жрецы в львиных шкурах и львиных же масках обучали молодых людей, стекавшихся со всей Тевмании. Чуть ли не с первых дней воспитанники распределялись по двое, уподобляясь самим покровителям Монастыря, после чего их дальнейшее обучение проходило уже в паре. Однако обучались юноши сильно по-разному — один из напарников, более подходящий по психологическим характеристикам, посвящался воинственному архонту Пурсону, обучаясь владению всеми видами оружия, а также началам боевой магии. Для отпрысков же самого баронского рода, к коим относился и молодой Вулрех предусматривалось обучение особому умению — превращению в пещерного льва, родового зверя баронов Ловенвальд.

Второму напарнику, посвященному архонту Морбасу предназначалась иная судьба: его обучали основам механики, обращению с взрывчатыми веществами и разными хитроумными приспособлениями, которых хватало в Тевманской армии, а также и алхимии и медицине, также сильно замешанной на магии. Считалось, что оба напарника, обученных столь по-разному, будут дополнять друг друга, образуя отдельную боевую единицу, способную выполнять боевые задачи, как в составе армии, так и самостоятельно. Напарником Вулреха стал Маттено Борца — отпрыск знатного гросканского рода, с детства выказавший незаурядные таланты в механике. Вместе Улрех и Маттено прошли обучение в Львином

Монастыре, после чего поступили на службу: сначала в армию, затем в Имперскую тайную полицию. Несколько лет они выполняли задания, как в самой Империи, так и за ее пределами — в Асталии, Деваманде, Амдуате. Однажды, вместе с торговым караваном совершили долгое и опасное путешествие в затерянный среди Великой Топи зловещий город Тсат и дальше — в княжества Росковии.

Три года назад скончался старый барон, после чего Вулрех оставил службу, вступив в родовое владение. Но новоявленный барон все еще поддерживал связь с Маттено, который еще какое-то время оставался на военной службе. Затем он вернулся в родную Гросканию, где, судя по редким письмам, стал работать на местных аристократов.

— Полтора года назад я получил очередное письмо, — рассказывал Вулрех, — Маттено писал, захлебываясь от восторга, о невероятно интересном деле, над которым он сейчас работает. На подробности он был скуповат, но я так понял, что он связался с кем-то очень влиятельным из Гроскании. Он писал, что сожалеет, что не может мне сейчас все рассказать, но говорил, что это работа принесет ему огромную славу и богатство. Тогда я не придал большого значения тому письму и уж точно не мог предположить, что оно окажется последним — с полгода назад я почувствовал, что Маттено умер.

— В смысле почувствовал? — недоуменно спросила Кэт.

— Между воспитанниками Львиного Монастыря устанавливается... очень тесная связь.

— Связь? — Кэт иронично заломила бровь, — вы с ним трахались что ли?

— Ну да, — кивнул Вулрех, — а что такого? Шлюх в монастырь пускают только по большим праздникам, а в остальное время послушники развлекаются между собой — причем строго с теми, кого им назначили ему в пару. Считается, что это укрепляет связи между напарниками и помогает им действовать более эффективно. В нашей семейной легенде в свое время хитроумный Марбас отрастил себе женские органы, чтобы забеременеть от Пурсона — от этой связи и пошел мой род. Не знаю, правда, это или нет, но когда мы с Маттено проходили инициацию в Львиной пещере, мне пришлось буквально изнасиловать напарника — причем в львином обличье,

— А он был человеком? — уточнила Кэт.

— Конечно. Оборотничество это только наше умение.

У Кэт крутилась на языке шутка про «боевых педерастов», но, вспомнив клыки и когти огромного льва, она решила промолчать.

— Но связь, о которой я говорю, — продолжал Вулрех, — иного рода. Из тех, что чувствуешь на расстоянии. И хотя мы редко виделись в последние годы, я не мог оставить без внимания смерть моего собрата по Монастырю. Сначала я нанял одного некроманта вызвать дух Маттено, но тот так и не нашел его в Лимбе.

— Так может он и не мертв.

— Он мертв, — покачал головой Вулрех, — я не мог ошибиться. Бывает, что иные души не попадают в Лимб, хотя и редко — Плутос не любит когда у него воруют подданных. Так или иначе, я начал искать другие пути. В последнем письме Маттено вскользь упомянул что «отбывает в Дракийские горы». Я навел справки в Гроскании и выяснил, что перед исчезновением Маттено видели с людьми из Секеи. Тогда я и напросился в гости к Эржет Буйтари. Она встретила меня необычайно любезно и не стала отрицать, что Маттено был у нее — хотя и довольно скупно рассказывала, чем он тут занимался. По ее словам, он закончил работу три месяца назад и отправился домой. Я сделал вид, что поверил ей. Княгиня, кстати, выказала ко мне явный интерес, чем я и решил воспользоваться, решив, что ночью приму

львиный облик и вытрясу из Эржет правду.

— Кажется, я знаю, что было дальше, — усмехнулась Кэт, — ты завалился к княгине, а рядом с ней оказалось пара оживших статуй леопардов.

— Как ты...

— Неважно. И что дальше?

— Эти твари могли разорвать меня в клочья, но Эржет приказала брать живым. Клыки и когти живого льва — плохая защита от камня. Один из этих проклятых леопардов оглушил меня лапой, а когда я очнулся — очутился в той проклятой дыре, где ты меня нашла.

— Но что это за место? И те чертовы шипы.

— Как мне объяснила Эржет — это как раз работа Маттено. Те проклятые сталагмиты, на которых меня насадили, словно червя на крючок — это его творение, как и многое здесь. Он всегда любил работать со стеклом и кристаллами, — стеклянные шары со взрывчаткой внутри, очень сильные линзы, — но тут просто превзошел сам себя. Не знаю, как он это сделал, но боль и кровь истязаемых — то, что питает этот чертов замок, точнее то, что принес в него Маттено. Когда меня поместили в ту комнату, там нельзя было ногу поставить от этих проклятых шипов, где корчились такие же бедняги, как и я. Когда человек выпускает дух, шипы уносят — тоже не знаю, куда и зачем. Я продержался дольше всех, но рано или поздно со мной бы случилось то же, что и со всеми.

— И всю эту хрень создал твой...собрат? — уточнила Кэт.

— Да. Хотя он и упоминал, что в Гроскании работает с кем-то еще, но здесь, как я понял, он был один. Ну и стал первой жертвой — мне показали его кости все в той же проклятой комнате. Эржет сказала, что он тоже долго держался, как и подобает воспитаннику Львиного Монастыря, хотя и меньше чем я.

Кэт невольно подумала, что ей совсем не жалко человечка, придумавшего всю эту жуть. Однако эти мысли она также предпочла придержать при себе.

— Ну вот, я тебе все вроде рассказал, — сказал Вулрех, — теперь твоя очередь. Кто ты такая?

— Из Некрарии, — рассказала Кэт, — то есть не совсем оттуда, но именно там меня сделали...такой. Как именно — не спрашивай, я и сама этого не понимаю. Сюда я прибыла с...напарницей, она жрица Храма.

Кэт рассказала Вулреху все события последних дней, вплоть до своей ссоры с Леной и взрыва в башне.

— Скорей всего твоя подруга мертва, — пожал плечами Вулрех, — хотя...кто знает. Наша хозяйка очень любит разные игрушки.

— Не проверим, не узнаем, — сказала Кэт, — я хочу узнать, что с подругой, а ты отомстить за смерть...напарника. Не против объединиться против этой рыжей суки?

— Согласен, — кивнул Вулрех.

К тому времени они, блуждая по подземельям, нашли еще один проход в замок. Приняв звериный облик, огромные кошки устремились наверх, — причем, как заметила Кэт, Вулрех двигался быстро, даже несмотря на израненные лапы. Видимо, в своем зверином обличье на оборотне заживало все быстрее, чем в обычном.

В конце концов, оборотни вышли на одну из террас, нависавших над озером. С этой стороны не могло быть нападения, так что дежурил тут только один стражник, рассеяно глазевший на живописный вид. Он чуть не обделался от страха, когда услышал за спиной глухой рык и, обернувшись, увидел две клыкастые пасти

— Быстро рассказывай, где посланница Храма? — сказала Кэт, приняв полукошачий облик и приблизив к лицу стражника оскаленные клыки, — и не вздумай орать, а не то...

— Ггг...госпожа княгиня приказала ее доставить в Нефритовую Темницу, — выдавил стучащий зубами стражник. Большого он сказать уже не успел — просунувшийся вперед лев, вдруг прыгнул, сбивая стражника с ног. Спустя миг он поднял окровавленную морду, пережевывая вырванную у человека печень.

— Вулрех! — воскликнула Кэт, — он мог провести нас!

— Ни к чему, — сказал оборотень, вновь становясь человеком, — я знаю, где это. Но нужно поспешить — даже если твоя подружка еще и жива, то это ненадолго.

«Заведи мою плоть — мне ладонь протяни, ты меня разбуди — заведи, заведи!»

Своему названию Нефритовая Темница, — большая комната почти идеально кубической формы, — соответствовала лишь отчасти. Конечно, нефрита тут хватало, но все же куда меньше чем малахита, зеленого мрамора и, особенно много, — странного камня, напоминавшего черно-зеленое стекло. Его отполированные плиты, наподобие причудливых зеркал, были врезаны в оправу из других пород камня и Лена, припомнив уроки о свойствах минералов в Монастыре, решила, что это разновидность обсидиана. Судя по трещинам, покрывавшим пол, данную комнату сработали задолго до Эржет.

Зато иное украшение явно было новшеством от княгини — среди комнаты стоял постамент из зеленого мрамора, примерно по пояс Лене. На нем, в небольшом углублении торчал полупрозрачный столбик зеленого нефрита, чуть менее фута в длину. Верх его был закруглен и Лена не сразу поняла, что ей это напоминает, а когда поняла, то презрительно фыркнула — извращенность мышления Эржет, похоже, не знала предела. От камня исходило нежное зеленоватое свечение, освещавшее комнату — так что название Темницы это помещение тоже явно не оправдывало.

В глубине камня, словно муха в янтаре, застыла миниатюрная девушка: точеное, лишенное изъянов, тело напоминало безупречную статуэтку работы гениального мастера. Кожа ее белизной напоминала алебастр, что особо подчеркивали иссиня-черные волосы, будто раздуваемые ветром. Широко распахнутые глаза смотрели прямо на Лену и та поежилась от внезапного осознания, что девушка видит ее. Столь невыразимая тоска и боль читались в этих очах, что Лену невольно пробрало от страданий девушки. Она подошла поближе, внимательно рассматривая кристалл, одновременно желая помочь несчастной и в то же время, опасаясь касаться явно магического предмета в этом проклятом замке. Решившись, Лена все же протянула руку, как вдруг за ее спиной послышался громкий шорох. Девушка резко обернулась, машинально потянувшись рукой к отсутствующему ножу на отсутствующей одежде.

Шорох доносился из дальнего угла и, приглядевшись, Лена увидела, как из небольшой трещины, кольцо за кольцом, возникает гибкое тело, покрытое блестящей чешуей. Вот черная змея выползла перед Леной и вдруг, неуловимо изменившись, распалась на семь извивающихся частей. Обрадованная девушка тут же подхватила змеиную плеть.

— Так и думала, что ты не дашься этой стерве, — сказала попаданка, поднимая кнут. Змеи, с обрадованным шипением, обвили вокруг ее руки. Лена не стала гадать, как порождение Монастыря добралось до хозяйки — куда больше ее сейчас интересовало, сможет ли оно помочь ей выбраться отсюда. Девушка внимательно осмотрела дверь — как и ворота, ее склотили из толстых дубовых досок, обитых медными листами. Лена приложила к ним руку и попыталась припомнить нужное заклинание.

Змеи в ее руке вдруг взвились с испуганным шипением и тут зеленое сияние, озарявшие комнату стало в разы сильнее. Лена обернулась — «нефритовый жезл» среди комнаты, теперь мерцал столь ярко, что становилось больно глазам. Девушка внутри него также пришла в движение — сейчас извиваясь всем телом, она самозабвенно ласкала себя между ног. Зеленые глаза заволокло сладострастной поволокой, розовый язык похотливо облизывал влажные губы. Похоть, словно обретя физическое воплощение, незримыми, но ясно

ощутимыми волнами расходилась по залу. Лена почувствовала, как эти волны подхватывают ее, увлекая навстречу разгоравшемуся все сильнее дьявольскому камню. Светился не только он — «зеркала» зеленого обсидиана также замерцали пока слабым, но разгоравшимся свечением. В изумрудных глубинах Лене привиделись смутные силуэты, также корчившиеся в сладострастных судорогах. Множеством голосов вливался в ее уши сладострастный шепот, говоривший вещи, от которых у попаданки подкашивались ноги, а тело горело в неугасимом пламени желания.

Шаг за шагом Лена приближалась к ярко светившемуся жезлу, на глазах становившемуся все больше и больше. Вот она уже стояла рядом с постаментом, изнывая от похоти и протягивая руки к нефритовому фаллосу. Лена коснулась его и предметы вокруг нее вдруг исказились и чудовищно разрослись. Мгновение — и Лена уже стояла перед исполинской нефритовой колонной, испускавшей невыносимо яркий свет. И в нем был четко виден силуэт плененной девушки, сгоравшей в пламени сладострастия, пока со всех сторон неся соблазняющий шепот. Но в нем Лена расслышала и некую иную ноту — слабый, но упорный огонек сопротивления. Кто-то боролся с накатывающимися от нефритового фаллоса волнами похоти — и Лена, глянув на девушку, вдруг поняла, что именно она ведет неравную борьбу с этим адовым колдовством. В устремленных на Лену глазах читалась не только мука, но и отчаянная, безумная надежда — и это придало сил попаданке, внезапно понявшей, что нужно делать. Из последних сил она послала мысленный приказ — и ее руку пронзила жгучая боль, растекшаяся по ее жилам пылающим ядом. Змеиный укус стянул наваждение, однако Лена понимала, что это ненадолго и сладострастный морок вскоре овладеет ее снова. Шепот, на мгновение стихший, вновь становился все сильнее, мерцающий зеленый свет полыхал так ярко, что ничего вокруг не было видно. В последнем проблеске сознания Лена увидела перед собой полные боли глаза незнакомки и отчаянным броском швырнула навстречу ей свою плеть. Змеиные кольца обвились стройную талию и Лена, что есть силы, рванула плеть на себя. Зеленое свечение полыхнуло беззвучным взрывом и тут же сбитая с ног Лена покатила по полу в обнимку с чем-то... точнее с кем-то еще. Тонкие пальцы бесстыдно шарили по телу ошарашенной попаданки, полные губы жадно искали ее губы, а стройная нога нахально проталкивалась между ее ног.

— Мы должны, — ее ухо обожгло жарким шепотом, — иначе никак. Это наваждение, даже свободная я не могу удержаться... Чтобы избавиться от него, мы должны... прямо сейчас

Лихорадочный шепот был прерван Леной, впившейся в подставленные губы сладострастным поцелуем. Не выпуская девушку из своих объятий, она перевернулась так, чтобы ее бедра оказались над лицом незнакомки. В следующий миг Лена жадно впиалась губами в истекавшее влагище, играя языком на дрожащем от возбуждения клиторе. Одновременно она почувствовала девичий язык в своей промежности и судорожно стиснула бедрами голову незнакомки. Язык Лены господствовал над влажными тайнами, пока ее пальцы сжимали округлые ягодицы, а ее тело корчилось в сладострастных судорогах, истекая на лицо незнакомки своей женской влагой. Изнывая от похоти, девушки упоенно вылизывали друг друга, а вокруг них с шипением извивались змеи, чьи раздвоенные языки изошренно ласкали любовниц поневоле. Обе девушки не останавливались, пока оргазмические конвульсии, сотрясшие два переплетенных тела, не ознаменовали, наконец, спад с недавнего их желания.

Пошатываясь, Лена поднялась на ноги, дико озираясь вокруг. Не глядя, протянула руку — и змеи быстро обвились вокруг нее. Лена не сразу поняла, что изменилось — зеленое свечение почти погасло, лишь «нефритовый жезл», все еще стоявший на постаменте слабо светился, не давая комнате погрузиться во мрак.

— Не знаю, кто из архонтов надоумил эту стерву заключить здесь тебя, — слышался слабый голос, — но он явно присматривает за мной. Помоги мне подняться.

Лена протянула руку и девушка, пошатываясь, встала перед ней, оказавшись примерно на голову ниже попопанки

— Ты из Храма, — девушка бросила взгляд на плеть, — я слышала, что такие носят жрицы Триморфы. Думаю, мне стоит вознести молитвы ей.

— Стоит, — усмехнулась Лена, — ты вообще кто такая?

— Мартаска Буйтари, — девушка гордо вскинула голову, — княгиня Секеи.

— Таак, — протянула Лена, быстро припомнив все, что слышала про Секею от Раду, — а эта рыжая сучка надо полагать, твоя опекунша?

— И мачеха, — Мартаска выругалась словами, какими по мнению Лены, никак нельзя знать юным княгиням, — проклятая змея.

Когда Эржет впервые появилась в Чейтене, двенадцатилетняя Мартаска отреагировала на нее с понятным недоверием — как обычно лишившиеся матери дети реагируют на новых жен отцов. Но новая супруга князя Секеи оказалась такой красивой и обаятельной, носила столь элегантные платья и украшения, знала так много разных историй — в том числе и всякие сплетни императорского двора. Для девчонки из диковатого горного княжества все эти рассказы оказалось окном в другой мир, так что холодок в отношениях мачехи и падчерицы быстро растаял. Несмотря на то, что Эржет была намного старше Мартаски, — тогда она и выглядела намного старше, чем сейчас, — у женщин быстро нашлось множество общих тем и общих занятий. Эржет учила Мартаску ездить верхом, основам этикета и умению обращаться с косметикой, рассказывала как держать себя с сыновьями отцовских вассалов, нет-нет, да и заглядывавшим в Чейтен, а также показывала падчерице кой-какие приемы домашней магии.

Нет, конечно, уже тогда Мартаска кой о чем задумывалась. Например, о том, что слишком часто она заставляла Эржет, беседующую о чем-то со стражниками Чейтена — обычно дракийские князья не снисходили до столь тесного общения со слугами. Причем, при появлении Мартаски, мачеха обычно прекращала этот разговор, переключая все внимание на падчерицу. Разговор со стражниками она оправдывала более-менее убедительным предлогом и девочка обычно удовлетворялась им — хотя и сохраняла некоторое недоумение. Не укрылась от Мартаски и искренняя любовь стражников к новой княгине, которой они подчинялись чуть ли не с большей охотой, чем старому князю. Были еще и ночные прогулки Эржет, которые Мартаска порой примечала из окна и после которых ее отец, почему-то необычайно поздно вставал. В такие же ночи Эржет слышала шорох больших крыльев над башнями замка и видела странные тени у окна мачехи. А были еще и странные оговорки княгини и приходящие ей издалека письма — Эржет говорила, что из дома, но однажды Эржет увидела на одном из писем печать с львом и саламандрой — гербом Гроскании. Да и имя ее мачехи, обычное для Дракийских княжеств, навряд ли пользовалось таким же распространением в Вальдонии. Таких непонятностей было много, но Мартаска была еще слишком мала, чтобы облечь свои смутные подозрения в конкретные мысли, а уж тем более — пойти с ними к отцу. Да и Эржет была все так же неизменно мила

с девочкой и той было просто совестно доносить на такую ласковую и красивую женщину.

А потом умер отец.

В его смерти не было ничего необычного — во время охоты чем-то испуганная лошадь вдруг понесла и прыгнула в водопад, прежде чем князь успел соскочить. Его тело так и не нашли — и подозрения Мартаски ожили с новой силой, когда она поняла, что отец не окажется в фамильном склепе. Однако предъявить Эржет было нечего — она даже не участвовала в охоте, сказавшись больной, — так что она стала править Секеей как регент от имени несовершеннолетней княгини. Как вдова она вела себя безукоризненно — носила месячный траур, положенный в тех случаях, когда труп не попадает в фамильный склеп, проливала горькие слезы по усопшему супругу и неизменно оставалась заботливой мамочкой для юной княгини. Но вся замковая стража слушалась Эржет, как псы, а все попытки Мартаски проявить характер воспринимали с плохо скрытым пренебрежением. Вассалы Мартаски также предпочитали иметь дело с ее мачехой, умело ограждавшей падчерицу от чрезмерного погружения в дела княжества. Вместо этого Эржет старалась завлечь Мартаску разными женскими радостями — позволяла ей одевать собственные украшения и наряды из дорогих заморских тканей, давала ей самые изысканные вина и иные зелья, дурманящие разум и дарившие величайшее удовольствие. Когда девочке исполнилось четырнадцать, Эржет впервые легла рядом с ней в постель — и потом у Мартаски весь день кружилась голова при воспоминании о необычайном наслаждении, что подарила ей мачеха. Все подозрения, что роились у нее раньше, показались ей сейчас смешными и постыдными за то, что она вообще усомнилась в Эржет.

За этими беззаботными занятиями Мартаска уже не встревожили начавшиеся в замке ремонтные работы.

— Все это задумал еще твой отец, — сказала Эржет, — он хотел обновить замок, сделать его одним из величайших чудес не только в Дракии, но во всей империи. К сожалению, он не успел воплотить эту задумку в жизнь, но в память о нем я исполню эту мечту. Разумеется, если ты дашь свое согласие... все-таки это твой замок.

— Если такова была его воля! — воскликнула Мартаска, — то, я, конечно же, согласна.

Вскоре в замок стали прибывать разные грузы: множество пород камня, стекла и иных строительных материалов. Тогда же в Чейтен явился и grosканец Маттено, — приятный молодой человек с черными волосами и тонкими пальцами, по словам Эржет — искусный механик и алхимик. Под его руководством работа закипела — потускневшие от времени стены зазеленели яркими красками новых материалов, их покрыли дивной красоты инсталляции из стекла и изумрудов. Тогда же появились и статуи леопардов у врат Чейтена и разные хитроумные приспособления обеспечивающие замок светом и водой, — Лена невольно вспомнила удобства собственного мира, не так уж сильно и превосходящие достижения здешних умельцев. Словом, замок преображался на глазах — и Мартаска не могла нарадоваться на окружающую ее красоту.

Меж тем приближалось совершеннолетие юной княгини — и Эржет как могла, готовилась, к этому дню. Она подарила палчерице платье из ямтийского шелка и дорогое кольцо из изумрудов. Они поужинали нежнейшим паштетом из оленины, с соусом из соловьиных язычков и сладкими трюфелями на закуску, запивая все это изысканными винами из Некрарии. А затем Эржет отвела ее в одну из комнат, перестроенную до неузнаваемости — ту самую, с изумрудноглазым леопардом на потолке. И там мачеха, загадочно улыбаясь, показала своей падчерице забавную штуку из нефрита.

— Это мне привезли из Тсата, — улыбаясь, она подошла к девушке и принялась нежно раздевать ее, — говорят, что магия, заключенная в нем удваивает удовольствие. Ты уже совсем большая девочка и тебе нужны взрослые игрушки.

Говоря все это, Эржет не спеша освободила свою подопечную от одежды и мягко уложила ее на кровать.

— Я же сгорю от нетерпения, — прошептала Мартаска, разводя ноги и обнажая влажные лепестки, — скорее уже.

— Я тебя оставлю дорогая, — улыбнулась Эржет, — эта ночь только твоя и вся твоя сладость

С этими словам наклонилась вперед, закрывая падчерице рот поцелуем и одновременно вводя ей между ног нефритовый фаллос. Мартаска вздрогнула от пронзившего ее внезапного наслаждения и, вцепившись в жезл, энергично задвигала им между ног. Она даже не заметила, как Эржет вышла из комнаты: оглашая воздух громкими стонами, Мартаска увлеченно сношала себя нефритовой статуэткой. Запрокинув голову, она видела, как над ней полыхают зеленым пламенем глаза леопарда и как исходящее оттуда свечение медленно растекается по всей комнате. Вот оно охватило юную княгиню — и тут Мартаску накрыл столь сокрушительный оргазм, что она, огласив воздух диким воплем, потеряла сознание.

Очнулась она уже заточенной в том самом нефритовом жезле, что подарила своей падчерице коварная Эржет.

— И ты там провела, — ошарашенно спросила Лена, — сколько ты говоришь?

— Я не знаю, — пожалала плечами Мартаска, — в этом чертовом камне время словно останавливается. Иногда Эржет извлекала меня — только лишь тело, оставив душу в нефрите. Я скулила от злобы и страха внутри этого нефритового члена, а мое тело уводили из комнаты — не знаю зачем и куда.

Лена подумала, что таким образом Эржет временно превращала Мартаску в одну из своих марионеток — чтобы показывать ее к вассалам и всем прочим, кто мог поинтересоваться — куда делась настоящая княгиня? Самое удивительное — что Мартаска до сих пор не свихнулась в этом странном плену. Впрочем, судя по рассказам юной княгини, внутри жезла она все время пребывала в одном из двух состояний — или в странном оцепенении, полусне-полуобмороке, наполненном обманчивыми видениями, или же, когда Эржет хотела поразвлечься — изнывала от непрестанной похоти. И это, безусловно нездоровое состояние, тем не менее, мешало Мартаске осознать весь ужас своего положения и помогло кое-как сохранить ей рассудок.

— И как же она с тобой развлекалась? — спросила Лена.

— А ты не поняла? — Мартаску передернуло от омерзения, — или ты не видишь, на что похожа эта нефритовая штучка? Я же рассказала, зачем Эржет подарила ее мне — как ты думаешь, для чего она использовала сама?

— И ты была внутри? — уточнила Лена.

— Именно так, — губы Мартаски дрогнули от с трудом сдерживаемого бешенства. Определенно у этой девки крепкие нервы, если она уже думает о мести.

— Почему она держала тебя тут? — спросила Лена, — почему не там, где и остальных воспитанниц?

— Кого? — недоуменно спросила Мартаска и Лена поняла, что девушка не в курсе новшеств узурпаторши. Вкратце попаданка объяснила в чем дело и Мартаска кивнула.

— Значит, мне не показалось, что она сильно помолодела с того проклятого дня. А

почему меня разместили именно здесь, так все просто.

Она указала на «зеркала» зеленого обсидиана в стенах зала. Они еще мерцали тусклым, едва заметным свечением и, приглядевшись, Лена увидела внутри стекловидного камня некое подобие человеческой фигуры.

— Мои благородные предки, — пояснила Мартаска, — их тела покоятся в фамильном склепе, в самом сердце скалы, на которой стоит Чейтен. Стены склепа, также как и сами саркофаги изваяны из этого камня — мы называем его «слезы Лерайе». По легенде, эти слезы падали из глаз архонта, когда Ситри...

— Я уже поняла, — поморщилась Лена, которую начало уже подташнивать от семейных легенд дракийской аристократии, — так ты тут причем?

— Вся скала, также как и камни из которых сложен замок, пронизан «Слезам Лерайе», как фаршированный осетр креветками. Именно поэтому Чейтен строился из зеленого камня, чтобы «Слезы» никому особо не бросались в глаза. Этот камень обладает особыми свойствами: по ним души предков могли выходить из своих гробов, чтобы проникать сквозь скалу, подобно тому, как подземные источники проникают сквозь землю. В этой зале мы беседовали с ними, не беспокоя без надобности мертвецов в саркофагах. Видимо, Маттено умел работать с этим камнем, а я...наверное с моей помощью Эржет как-то воздействовала на наших мертвых.

— И на живых тоже, — пробормотала Лена, вспомнив комнату с пленными душами воспитанниц, — этот поганец изрядно постарался. Интересно было бы встретиться с этим Маттено.

— Не знаю что с ним, — пожала плечами Мартаска, — сюда никто не проходил, кроме самой Эржет и пары-тройки ее стражей.

— Кстати, о стражах, — вспомнила Лена, — они ведь служили еще твоему отцу. Почему они так быстро подчинились узурпаторше, почему предали свою законную княгиню?

Мартаска хотела что-то ответить, когда лязгнул засов и в Нефритовую Темницу ввалилось с десятков вооруженных стражников. Впереди стояла Эржет, держа в руках «ружье» с зеленым стволом, направляя его на двух девушек.

— А ты опаснее, чем я думала, — сказала узурпаторка, с невольным уважением глянув на Лену — даже жаль, что Храм потеряет такую жрицу.

«ЭТО ПЛЕТЫ СВИСТЯТ, ЭТО ЧЬИ-ТО КОСТИ ХРУСТЯТ...»

— Жаль, что я сразу не сожгла эту плетку, — продолжала Эржет, — подумала, может, получится приспособить ее к чему-то полезному, а она, оказывается, умеет ползать.

— Храм бережет своих посланниц, — ответила Лена.

— По тебе не скажешь, — хмыкнула Эржет, — ты начала колдовать, верно? И это пробудило защитные силы Темницы, частью которых была и наша прелестная Мартаска.

Княгиня Секеи от души выругалась, высказав все, что она думает о мачехе.

— Я тоже тебя люблю, дорогая падчерица, — издевательски улыбнулась Эржет, — так или иначе, вы обе должны были оказаться внутри жезла — а вместо этого очутились на свободе. Как это получилось?

— Ты же такая умная, — усмехнулась Лена, — придумай что-нибудь сама.

— Придумывать не понадобится, — Эржет, похоже, твердо решила победить в импровизированном состязании «кто милее улыбнется», — очень скоро ты сама мне все расскажешь. И не только расскажешь, но и сделаешь.

Она вскинула «ружье», направляя его на девушек.

— Это тоже работа Маттено, — заметил она, — Мартаска, наверное, уже рассказала.

— Кое-что, — кивнула Лена, — и это «кое-что» многое объясняет.

— Об этом ты мне тоже расскажешь, — заверила ее Эржет, — что ты там себе объяснила. Ну, а пока — бросай кнут!

— А то что? — прищурилась Лена, — выстрелишь? Маттено, может, придумал и забавную шутку, но здесь она разнесет пол-комнаты — вместе с этим нефритовым жезлом. И, кстати, всеми зеркалами — и как ты будешь управляться с мертвецами Чейтена? Подчинятся ли они чужачке, если законная княгиня умрет?

Лицо Эржет перекосила странная гримаса — одновременно гнева и злорадства.

— Дура! — выплюнула она, — и ты Мартаска тоже, если до сих пор не поняла. Я законная княгиня Секеи! Я — Буйтари!

— Это фамилия отца, — процедила Мартаска.

— А папочка не рассказывал тебе, как он заполучил этот трон? — прошипела Эржет, — не рассказывал, как погиб старый князь и что поначалу претендент был другой?

— О чем это ты?

— У князя Стегана, твоего деда, — начала Эржет, — было двое детей: сын Ишкан, твой отец, и дочь Изелла. Изелла была старше брата на десять лет и рассчитывала, что княжеский трон займет она — и Ишкан никогда не оспаривал ее прав. Они вообще жили с сестрой душа в душу — еще и потому, что, несмотря на разницу в возрасте, они стали любовниками едва Ишкану исполнилось пятнадцать. Отец не одобрял этой связи, — он и сам, время от времени, приходил в спальню Изеллы, — поэтому брату и сестре приходилось скрывать свою любовь. Тогда у Изеллы и возник план — убить старого князя, самой взойти на трон и, приблизив к себе брата, уже без помех наслаждаться его любовью. Они решили, что Изелла отравит Стегана, когда он явится к ней, после чего тело уничтожат, чтобы оно не попало в фамильный склеп, а Изелла взойдет на трон.

— Но что-то пошло не так, верно? — спросила Лена, — твой будущий муженек возымел собственные амбиции?

— Да, — кивнула Эржет, — труп Стегана еще не успел остыть, а Ишкан уже во

всеуслышание обвинил Изеллу в убийстве отца. У него не хватило духу взглянуть сестре в глаза после предательства — и он приказал засунуть ее в большой мешок и кинуть в вольтер с леопардами. Однако у Изеллы оставались сторонники среди стражей — один из них замотал в мешок служанку и бросил ее хищникам, а саму Изеллу тайными ходами вывел из замка. Изелле удалось вынести немного драгоценностей и заплатить торговцам, чтобы вместе с ними покинуть Секею. Под чужим именем она добралась до Вальдонии, где, спустя некоторое время, она попала на глаза князю-епископу. Тот недавно овдовел и искал новую супругу — и Изелла, придумавшая себе убедительную легенду и чье благородное происхождение всем было очевидно, пришлась ему по душе. Спустя год после женитьбы Изелла разродилась девочкой, которой беглянка дала имя в честь своей бабки, могущественной княжны Секейской...

— Эржет, — прошептала Мартаска, — значит ты моя...

— Кузина, — улыбнулась Эржет, — познакомимся заново, дорогая родственница? Ты родилась на семнадцать лет позже меня и вряд ли отец тебе рассказывал о скелетах в своем шкафу. Но так или иначе, я вернулась за тем, что принадлежит мне по праву и никто не помешает... А это еще что?

Из коридора вдруг послышалось грозное рычание, потом визг боли и в толпу стражников, царапаясь и кусаясь, ворвался леопард. Пятнистую шкуру покрывали кровоточащие раны, передняя лапа была перекушена, так что зверь скакал на трех оставшихся.

— Барон!!! — закричала Эржет, — кто посмел????!!!

Она развернулась к двери, в гневе даже на миг забыв о пленницах. Что оказалось большой ошибкой — ведь Лена так и не выпустила кнута. С громким шипением семь змей метнулись к княгине, мигом оплетая ее чешуйчатыми кольцами. Лена с силой дернула, подтащив к себе Эржет и вырывая из ее рук «ружье» Маттено.

— Ленкааа!!! — послышался знакомый голос, — с тобой все в порядке!

— Отойди от двери!!! — заорала попаданка, — быстро, мать твою!!!

Тут же она вскинула ружье и пальнула в ошеломленных стражников. Ослепительно полыхнула ярко-зеленая вспышка и грохот взрыва сотряс «темницу». Сверху посыпалась пыль, по полу и стенам пробежали новые трещины, но ни одно из обсидиановых зеркал не пострадало. Стражникам пришлось намного хуже — когда развеялись пыль и дым, глазам Лены, Эржет и Мартаски, предстала выжженная дыра на месте двери и разорванные в клочья, разбросанные повсюду, людские внутренности и забрызгавшая даже потолок кровь. Несколько стражников все же успели выскочить — и тут же из коридора послышалось рычание, крики ужаса, а потом — довольное урчание и хруст костей.

— Кэт! — крикнула Лена, — ты в порядке?

В проеме появилась ухмыляющаяся мордочка кошкодевки.

— В полном! — сказала она, — никто не ушел!

— Отлично, — Лена указала ружьем на появившуюся рядом с Кэт незнакомую мужскую физиономию, — а это еще кто?

— Это друг, — заверила Кэт, — такой же узник, как и мы. А это что за девчонка?

— Познакомься, — усмехнулась Лена, — Мартаска, законная княгиня Секеи.

— Вот как? — улыбка Кэт напоминала голодный оскал, — а эта сучка...

Эржет, бессильно дергавшаяся в змеиных путах, бросила на Кэт ненавидящий взгляд.

— Скажем так, — пожалала плечами Лена, — это менее законная. А уж после всех своих

фокусов — вообще поставившая себя вне всяких законов.

— Кроме закона джунглей, — Кэт рыкнула, принимая кошачий облик, — двум княгиням, как по мне, будет тесно в этом чертовом замке. Не возражаешь, если мы с моим новым другом, исправим это по-своему.

К удивлению Лены, спутник Кэт тоже опустился на четвереньки, стремительно обрастая шерстью. Блеснули острые клыки и исполинский лев, издав грозный рык, устоялся на плененную лже-княгиню. Лена восхищенно выругалась.

— Ладно, потом расскажешь, — сказала она, — но с завтраком вам придется обождать. Мне пока есть о чем поговорить с нашей пленницей.

Змеиная петля оплела шею узурпаторки, притягивая ее к Лене и попаданка, мило улыбнувшись в испуганные глаза Эржет, медленно провела языком по ее щеке.

— Честно говоря, я бы не отказалась посмотреть, как моя киска с ее лохматым новым другом превратили бы тебя в кошачий корм. За все твои пакости — именно то, что надо.

Лена неторопливо расхаживала по пыточной комнате, постукивая по ладони рукояткой змеиного кнута. Как и предполагала попаданка, застенки Чейтена оказались на высшем уровне: еще первые секейские князья отвели под них комнату в подземельях замка, а Эржет распространила труды предшественников на еще десяток помещений. Само собой, самозваная княгиня никак не предполагала, что сама окажется на месте истязаемых пленников — голая и с кляпом во рту, привязанная к большому кресту в форме буквы «X». Видимых повреждений у нее пока не имелось, но рядом с крестом уже горела жаровня, на которой наливались алым зловещего вида железки. Над потолком тускло мерцали кристаллы «Слез Лерайе» и их зеленоватое свечение озаряло замысловатые приспособления, плод извращенной фантазии многих поколений палачей.

— В такую бы камеру, да вице-губера, — невольно подумала вслух Лена, — извини, отвлеклась. В общем, мне предложили несколько вариантов для тебя, причем самая богатая фантазия оказалась у твоей кузины. Однако мне пришлось отказать им — как я и сказала, нам есть о чем поговорить. Все эти фокусы — загадочные стеклышки, солнечные «зайчики» и все остальное, — я уже видела кое-что похожее. Как и загадочное исчезновение душ из Лимба — барон Вулрех рассказал, что его некромант так и не сумел вызвать душу Маттено. В общем, разговор может получиться долгим — и я надеюсь, ты расскажешь мне все без утайки. Договорились?

Она выдернула кляп изо рта Эржет и та немедленно плюнула в лицо Лене.

— И не надейся, некрыйская приبلуда, — прошипела княгиня, яростно сверкнув глазами, — я не стану говорить с какой-то...

— Я надеялась, что ты скажешь именно это, — перебила ее попаданка, — куда хуже если бы начала говорить сразу — разбирайся потом, где правда, а где ты врешь, чтобы спасти свою шкуру. Но раз ты решила строить из себя Корсмодемьянскую...

Лена подошла к Эржет, на ходу притягивая к себе несколько свисавших с потолка цепочек, оканчивавшихся зловещего вида крючками. Низвергнутая княгиня обожгла ее злобным взглядом, когда попаданка любовно погладила округлые груди, особенно задержавшись на алых, словно ягоды, сосках. Эржет до крови прокусила губу, чтобы не закричать, когда острые крючки вонзились в ее нежную плоть, выйдя остриями прямо из сосков. Еще парой крючков Лена подцепила кожу на животе и потянула за цепочки, заставив самозванку выгнуться дугой от боли.

— Не скажу, что все это мне вовсе не доставляет удовольствия, — пожалала плечами

попаданка, — но, прежде всего — это моя работа. Как говорится — ничего личного.

Она взмахнула кнутом и Эржет все же не удержалась от дикого вопля, когда в нее вонзилось семь пар ядовитых зубов. Снова и снова взметался кнут, покрывая белую кожу кровоточащими ранами, по которым, словно жидкий огонь, растекался змеиный яд. Попаданка хорошо знала свое дело: вскоре Эржет уже корчилась в пароксизмах одновременно боли и наслаждения, то, рыдая, то, безумно хохоча, то, умоляя Лену прекратить. Однако попаданка продолжала пороть Эржет, особое внимание уделяя гениталиям и иным нежным местечкам. Лишь через час после экзекуции Лена начала задавать свои вопросы сорвавшей голос от крика самозваной княгине.

— В целом, она знает меньше, чем я думала, — уже позже рассказывала Лена, — с тем парнем, Маттено разговор получился бы интереснее. Ну да, он раньше работал на Тускулата из Гроскании — но непонятно, прибыл он сюда по его поручению или сам подался на заработки в Секею.

Все это Лена говорила в том самом зале, где Эржет размещала свои «плененные души». Их тела тоже находились здесь — Мартаска, что пользуясь всеобщим замешательством, объявила себя законной княгиней, одним из первых указов повелела собрать всех «воспитанниц». Также перед малахитовым тронем стояли Кэт и барон Вулрех.

— Похоже, этот Тускулат глубоко запустил лапу в здешние дела, — продолжала Лена, — сначала Борат, потом Секея. Это ружье — изделие Маттено, которое он подарил лже-Влайку — и вряд ли это произошло без ведома его покровителя.

— А может и без ведома, — подал голос Вулрех, — Маттено всегда был себе на уме и мало ли, что ему мог пообещать князь Бората. Не за это ли его и убили?

— Эржет говорит — за то, что слишком много болтал, — пожала плечами Лена, — и я ей верю. Кстати, по словам Эржет, в Гроскании Маттено работал не один — там был некто, о ком он отзывался с огромным уважением. Маттено называл его «Учителем» и подчеркивал, что многое из его работ сделано по подсказкам этого человека. Эржет подозревала, что Маттено как-то связывался со своим «Учителем» прямо из Чейтена, с помощью магии или еще как-то. Имени этого Учителя Маттено так и не назвал — Вулрех, у тебя есть соображения, кто бы это мог быть?

— Никаких, — мотнул лохматой головой оборотень.

— Ладно, отложим до Брокгарта эти вопросы, — пожала плечами Лена, — надеюсь, там будет кому ответить. Сейчас у нас есть иные задачи.

Она достала из складок одеяния «нефритовый жезл» («нефритовый хрен» как непочтительно называла его Кэт).

— Уверена, что это правильно? — Мартаска беспокойно поерзала на своем малахитовом престоле, — Эржет могла и наврать.

— Сомневаюсь, — усмехнулась Лена, — да и что делать? Не оставлять же их так.

Нефрит в ее руке уже светился зеленоватым свечением. Лена произнесла первое слово — и так же засияли изумрудные шары, впаянные в стены. Лена начала читать заклинание — свечение в зале становилось все ярче. Последнее слово Лена почти выкрикнула — и тут послышался громкий хлопок. Все шары вдруг разом выпали из своих гнезд, со звоном разбившись о пол. От осколков поднялся туман, принявший очертания человеческих фигур. Вот они метнулись к неподвижным «воспитанницам», на миг скрыв их полупрозрачной дымкой. Когда она развеялась, зал наполнился множеством звуков — одни «воспитанницы» рыдали от счастья, другие истерически хохотали, некоторые торопливо ощупывали себя, не

веря, что это не сон. Лена торжественно посмотрела на Мартаску.

— Она была не в том состоянии, чтобы врать, — сказала она, — ну что же, теперь тебе будет что рассказать вассалам, когда они вернутся за дочерьми. Заодно направь послание Эмилиану, дракийскому жрецу Астарота — сдастся мне, в Чейтене осталось немало поганых сюрпризов, с которыми может разобраться только сильный маг.

Чуть позже Лена снова спустилась в пыточную. Вертя в руках тусклый шар из зеленого обсидиана, она испытующе смотрела на окровавленную измученную Эржет.

— Ты сказала правду, — сказала Лена, — и все твои «воспитанницы» вновь обрели души. Мартаска предлагает отдать тебя им — и мне эта идея кажется справедливой. А Кэт и Вулрех все еще не теряют надежды разобраться с тобой по-своему — и это тоже обоснованное требование. А ты сама — что думаешь? Какой судьбы заслуживаешь?

Эржет исподлобья посмотрела на Лену.

— Какой смысл об этом говорить, — она сплюнула кровавый сгусток, — все равно решаешь здесь ты, а не Мартаска или Вулрех.

— Ты преувеличиваешь мое влияние здесь, — рассмеялась Лена, — но да, кой-какой авторитет у меня появился. Также как и мысли насчет тебя. Думаю, ты мне еще пригодишься живой — хотя и не знаю насколько тебе понравится такая жизнь.

Она шагнула вперед, выставляя вперед «нефритовый жезл». Эржет вскрикнула, когда Лена грубо раздвинула ей ноги и ввела талисман в опухшее и покрасневшее влагалище. Самозванная княгиня судорожно стиснула бедра, но было уже поздно — непристойный амулет вошел в нее чуть ли не на всю длину. Магия жезла уже начала действовать — зеленый камень светился нежным зеленоватым светом и Лена почти чувствовала волны похоти и непристойности, растекавшиеся по телу бывшей княгини. Лена провела пальцами по трепещущей плоти и со смехом отняла руку, слизывая с пальцев терпкую женскую влагу. Лена подняла свой шар, ловя им отблески «обсидиановых светильников». Поймав его она направила луч на корчившуюся от сладострастия Эржет — и та закричала, когда свечение нефрита стало в разы ярче, окутав ее с головы до ног. В этом сиянии фигура Эржет стремительно съеживалась, будто растворяясь в зеленом мареве.

Мелкая живность разбежалась, не чуя ног, убираясь с пути большой черной кошки, что бесшумно мчалась по ночному лесу. За ней по пятам мчался огромный лев с серо-желтой шкурой. Могучий зверь, привычный к лесистым горам у себя на родине, и здесь чувствовал себя как дома — как не старалась беглянка, расстояние между ней и львом неуклонно сокращалось. В последний момент она попыталась запрыгнуть на высокий дуб, но лев сбил ее в прыжке и оба зверя покатались по земле, рыча и отчаянно борясь друг с другом. Предсказуемо лев оказался сильнее — вскоре уже кошка лежала, притиснутая к земле немалым весом ее могучего преследователя. Мощные челюсти сжимали взерошенный загривок кошки, что могла только жалобно мяукать. Сам лев с глухим рычанием раздвигал своей пленнице задние ноги собственными лапами, пристраиваясь подобнее. Наконец, ему это удалось — и ночной лес огласил протестующий вопль, когда шипастый член ворвался в горячее мокрое влагалище. Лев, игнорируя напускное негодование партнерши, с утробным рыком терзал кошачье лоно своим устрашающим органом. Вот лев издал особенно громкий рев, распугав всю живность на километр вокруг, сжал передними лапами черные бока и стал извергать свое семя. Распластанная под ним кошка уже не мяукала, но совсем по-человечьи постанывала, в такт движениям покрытого шипами органа.

Чуть позже, Кэт и Вулрех, приняв человеческое обличье, усталые и довольные

развалились на измятой траве. Кошкодевка, уложив голову на живот барона, старательно вылизывала обмякший орган, внушающий почтение даже в людском обличье.

— Смотри не съешь, — усмехнулся Вулрех, взъерошив черные волосы, — что, там откуда ты родом, не водится таких мужчин.

— Нет, — ответила Кэт, — таких больших нет! И вправду бы съела!

Вылизав до блеска огромный ствол, она взяла в рот налитую кровью головку и принялась нежно посасывать, чувствуя, как львиная плоть вновь пробуждается под ее ласками.

— Думаю, я не первая, кто насладился им в этом замке, — сказала она, на миг, выпустив баронский член, — княгиня Эржет, сдастся мне, знает его не хуже.

— Только в человеческом обличье, — рассмеялся Вулрех. — жаль, я не успел отыметь ее львом. А как ты догадалась, что у нас что-то было?

— Как только ты сказал, — Кэт лукаво посмотрела на него, — что знаешь, где Нефритовая Темница. Сдастся мне, Эржет не просто так пригласила тебя туда — и что именно там она умудрилась пленить тебя, а вовсе не в спальне. И каменные леопарды тут не причем. Скажи уж прямо — наша княгиня захотела отыметь тебя своим нефритовым жезлом, а ты не смог удержаться, чтобы не попробовать новых ощущений

— Много вопросов, женщина, — Вулрех опустил руку на ее затылок, — найди своему рту занятие получше.

Кэт послушно склонила голову, но когда барон, расслабившись, откинулся на траву, вдруг прикусила налитую кровью головку. Барон взвыл от такого коварства а Кэт, игриво рассмеялась и прыгнула в кусты, вновь обернувшись кошкой. Но далеко ей уйти не удалось — оскорбленный в лучших чувствах лев настиг ее одним прыжком. Распластанная на земле, Кэт могла лишь жалобно верещать пока огромный зверь вновь наказывал своим шипастым членом вероломную кошкодевку.

Голая Лена разметалась на широком ложе в бывших покоях Эржет. Ее не тревожили: новоявленная княгиня погрузилась в дела замка, стараясь наверстать времена вынужденного бездействия — казнила стражников, слишком запятнавших себя сотрудничеством с Эржет, выбирала новых людей и все такое прочее. В общем, Лена решила, что пока новоявленная княгиня обойдется и без нее.

Попаданка довольно улыбнулась и, потянувшись к столику у изголовья, взяла нефритовую фигурку, замерцавшую в ее руках неярким зеленым светом.

Эржет не понимала — падала она или же возносилась, пролетая меж мерцавших повсюду зеленых огней, раскрыв рот в беззвучном крике бесконечной боли и наслаждения. Зеленые снежинки не морозили, как подобает льду, и не ранили, несмотря на острые грани, но каждое их прикосновение к женской плоти заставляло ее корчиться в мучительно-сладостных судорогах. Бывшая хозяйка Чейтена не могла и не хотела сопротивляться изумрудно-льдистой вьюге, что в своем неудержимом вращении увлекала ее навстречу пульсирующему черному зеву, дышавшему жаром неутоленной похоти. Вот тьма сомкнулась и она почувствовала, как владевшее ею желание усилилось многократно. Эржет корчилась в сладострастных судорогах и распространяемые ею флюиды извращенной похоти, устремлялись в обхватившие ее мягкие влажные стенки, возвращаясь волнами все большего, сводящего с ума вожделения.

«Это все обман, я ваш царь, и один только я...»

Черный диск заходящего солнца опускался за высокую гору, вершина которой курилась слабым дымком. Нумиолан, столица Гроскании, словно стоял на дне огромной чаши, с трех сторон окруженной высокими горами, а с четвертой — морским побережьем. На склонах гор виднелись дворцы аристократов, что старались жить подальше от тесных улочек, смрада городского порта и многочисленных рынков, полных визгливой черни.

Мраморная вилла герцога Тускулата стояла на широком уступе горы, напротив дымящегося вулкана. С открытой веранды открывался великолепный вид одновременно на город и на море. Сам хозяин виллы сидел за большим столом из кроваво-красного сандала, потягивая изысканное вино с собственных виноградников. Най Юний Тускулат, герцог Алеттский, был худощавым смуглым мужчиной, средних лет, с резкими чертами лица и тонкими завитыми усами. Он носил костюм из винно-красного бархата, расшитый изображениями саламандр и василисков. С пояса из кожи морского варана свисал кинжал с золотой рукоятью в виде головы овна, холеные белые пальцы украшали два перстня — золотой, с черным опалом, и серебряный с алым рубином.

Прикрыв глаза, герцог смаковал тонкий букет, будто не замечая двух мужчин, сидевших напротив. Стол украшали разные яства: фаршированные осьминогом мурены; жареная барабулька, посыпанная черным перцем; паштеты из петушиных гребней, соловьиных и павлиньих языков; матка молодой свиньи, приправленная перцем, сушёной мятой и рыбным соусом; жареный фазан, обложенный тушеными сонями; запеченный целиком кабанчик, начинённый кровяными колбасами. Однако мужчины едва обращали внимание на эти лакомства, то и дело бросая на герцога раздраженные взгляды.

Гости Тускулата сильно отличались друг от друга: один был столь же черноволос и смугл, как и хозяин виллы, но значительно ниже и толще. С мясистого лица, обрамленного седеющими бакенбардами, колюче смотрели черные глазки. Мужчина носил наряд из кожи, черного бархата и шелка, покрытый как бы кованной вышивкой из металлических нитей, драгоценных камней и золотых кружев. Ниже пояса начинались короткие шарообразные штаны, раскрашенные черно-красными полосами. Кружевной воротник, столь широкий, что голова казалась лежащей на большом блюде, покрывали изображения белых черепов, также как и плотные чулки из черного шелка. Широкий пояс, подпирающий внушительное брюхо, украшала золотая пряжка в виде бычьей морды. Второй же гость был молодым человеком, лет двадцати пяти, с русыми волосами и зелеными глазами. Его ладную фигуру подчеркивал длинный жупан из черного бархата, расшитый белыми бабочками — «мертвая голова», с пуговицами в виде золотых мух. Высокий берет был оторочен куньим мехом и украшен перьями черной цапли, усыпанных золотой пылью. Талию охватывал пояс из золотых пластин, с вычеканенной на каждой изображением мухи. С пояса свисал палаш, с позолоченной рукоятью, в ножнах усыпанных жемчугом и мелкими изумрудами.

Солнце, наконец, зашло за гору и тут же от города раздался звучный звон, эхом откликнувшийся еще в нескольких местах — храмы Баала провожали архонта в ночное путешествие по Лимбу. Тучный мужчина бросил на герцога красноречивый взгляд.

— Его величество все еще заставляет себя ждать.

— У королей свои причуды, сенатор, — улыбнулся герцог, — но будьте уверены, что для него очень важна эта встреча.

— Пока не похоже, — подал голос второй мужчина, — мы ждем уже третий день, причем я рискую куда больше сенатора. В конце концов, почтенный Руберио не подданный императора, чтобы там себе не мнил о себе Фрэг. Но если в Брокгарте узнают, что родич сарлонского князя участвует в подобном заговоре.

— Будьте уверены, что ни одни враждебные уши не услышат сегодняшнего разговора, — заверил его Тускулат, — мы позаботились об этом. Что же до короля... а вот и он!

Сверху вдруг послышалось хлопанье крыльев, раздался громкий крик и на веранду опустилось диковинное существо с перепончатыми крыльями, змеиным хвостом и мощными когтистыми лапами. Длинное гибкое тело покрывала черная чешуя, вдоль хребта тянулся алый, как кровь, гребень. При виде гостей тварь злобно зашипела, выпустив из ноздрей черный дым и язычки пламени.

— Тихо, Лемул! — со спины чудовища прыгнул высокий мужчина, погладивший покрытую чешуей голову, — это друзья. Я прошу прощение за опоздание, господа, но если вы знали, как бывают увлекательны полеты на драконах, вы бы поняли меня лучше.

— Сенатор Руберио Морони, князь Казимунд, — Таскулат встал, отвесив церемонный поклон, — перед вам Орс Пятый, король Гроскании, Хранитель Пылающей Горы, плоть и кровь Архонта Пламени, наместник...

— Не, увлекайтесь титулами, почтенный Тускулат, — усмехнулся Орс, — это ведь не тронный зал, да и я не в короне. Пусть будет по-простому.

Сам король, вопреки собственным заявлениям, выглядел отнюдь не «просто». Его костюм — скорее даже легкие латы из черной чешуйчатой кожи, — облегал его, словно вторая кожа, подчеркивая широкие плечи и мускулистые руки Орса. Станный наряд покрывали узоры из мелких, красных как кровь, рубинов, образующих причудливые изображения: сшибавшихся лбами баранов, львов и быков, сражающихся друг с другом, переплетающихся драконов. В левом ухе висела золотая серьга с алым гранатом, на пальце красовался золотой перстень с печаткой со львом и саламандрой. С пояса свисал длинный меч. Густые волосы украшал обруч из красного золота в виде дракона, кусающего себя за хвост. Смуглое лицо, обрамленное темно-рыжей бородой, отличалось резкими, «орлиными» чертами, черные глаза смотрели дерзко и властно.

Король потрепал по шее дракона и тот, издав новое шипение, взмахнул крыльями и взмыл в небо. Сделав круг над виллой, дракон устремился к дымящейся горе. Король проводил его взглядом и, пожав плечами, направился к столу, слегка хромя на левую ногу. Приглядевшись, можно было различить и причину хромоты: из сапога, чуть ниже колена торчал длинный коготь, напоминающий петушиную шпору. Все короли Гроскании гордились этой фамильной приметой, наглядно подтверждающей их происхождение от Асмодея, и мирились с неудобствами, что порождала сшитая на заказ королевская обувь.

Орс уселся на свободное место, налил бокал вина и залпом осушил.

— Полеты пробуждают жажду, — он улыбнулся, обнажив крепкие острые зубы, — жаль, что Лемул не так огромен, как в тех старых легендах, где тень от драконьих крыльев накрывала целые города. Будь оно так — и мне бы не понадобилось вести столько интриг, чтобы заполучить то, что мое по праву.

— Что же, Ваше Величество, — Руберио покривил толстые губы, — к сожалению, ваш дракон маловат, а значит без нашей помощи вам не обойтись.

— Помощь обоюдна, — сказал Орс, — или Асталия не заинтересована, чтобы на трон вместо мальчишки сел зрелый мужчина? Происходящий из родственного вам народа, хорошо

понимающий, где настоящие друзья, а где враги Империи.

— Все это так, — кивнул Руберио, — и все же... тридцать тысяч золотых.

— Честно говоря, я уже считаю, что этого недостаточно, — вновь улыбнулся король, — мне нужно не меньше пятидесяти тысяч. А лучше сто.

— Сто! — Руберио выпучил глаза, став похожим на огромную жабу, — это немыслимо!

— Наемники нынче дороги, — пожал плечами Орс, — да и жадность тулейских вождей сильно возросла с тех пор, как их можно было нанять за несколько возов с гросканскими винами.

— Это ведь куча золота! — передернул плечами Руберио, — Сенат никогда не одобрит подобных трат.

— Мы оба прекрасно знаем, что Сенат решает не все, — негромко произнес Орс, — ваш союзник заинтересован в моей победе не меньше. Если запрашиваемая мной сумма велика для вас — может мне стоит обратиться напрямую в Иктлан?

Тускулат усмехнулся, любуясь бисеринками пота на лбу Руберио. Именно это они с Орсом не раз обсуждали, готовясь к сегодняшним переговорам. Иктлан, могучая заокеанская империя, обладала огромным влиянием в Астальской Республике, что нравилось далеко не всем. Гордость тамошних нобилей известна всем — и вряд ли они допустят, чтобы столь важные вопросы решались через их голову.

— Возможно, мне удастся уговорить Сенат раскошелиться, — вымученно улыбнулся Руберио, — но им нужны гарантии. Удастся ли возместить эти расходы?

— Об этом можете не беспокоиться, — усмехнулся Орс, — получится не просто возместить, но и изрядно навариться на этой войне. Во-первых, я отдам асталцам те привилегии в торговле Брокгарта, что имели раньше лоркнийцы.

— В Лоркни будут этим недовольны, — заметил Руберио, однако на его лице промелькнула довольная усмешка.

— О, они будут в ярости, — довольно кивнул Орс, — Рокштайны изрядно попустительствовали им — как же, они ведь родня. Все знают, что основатель нынешней династии Лоркни был бароном из Брокгарта, взявшим в жены принцессу мерков. Но у меня нет таких сантиментов. Лоркни может объявить мне войну — и отлично, именно этого я добиваюсь. Рокштайны несколько поколений пытались вернуть Асталию в лоно империи — но я не стану воевать с братским народом. Став императором, я нанесу удар по нашему настоящему врагу. Когда Лоркни будет разгромлено и присоединено к Империи — я расплачусь тамошними богатствами за вашу помощь — и предоставлю вам на островах такие же привилегии, как и во всей Империи. Уверен, все, что вы получите оттуда, многократно окупит расходы. А человек, принесший Асталии безопасность и процветание — думаю, у него будут неплохие шансы на следующих выборах консула.

Тускулат усмехнулся, видя как алчно вспыхнули глаза Руберио.

— Ради блага наших народов, — кивнул асталец, — думаю, я смогу уговорить Сенат поддержать ваши справедливые притязания на престол и выделить в помощь законному претенденту... сколько вы сказали, пятьдесят?

— Сто, дорогой сенатор, — улыбнулся Орс, — сто тысяч золотых.

— Хорошо, — Руберио поморщился как от зубной боли, — пусть будет сто.

Орс кивнул и повернулся ко второму гостю.

— Я получил портрет вашей кузины, — начал он, — и, признаться, был восхищен. Фрэг еще юнец и плохо разбирается в женщинах — иначе бы никогда не предпочел Элту. Я же

буду рад назвать княжну Гражину своей женой — так и передайте князю Альгерту. Взамен, я надеюсь, что Сарлония поддержит мои притязания.

— Гражина и впрямь достойна стать императрицей, — кивнул Казимунд, — во всей империи не сыскать более умной и красивой девушки. Фрэг Рокштайн отверг ее, но теперь я вижу, что это случилось к счастью. Всем пойдет только на пользу, если вместо Брокгарта властвовать в Империи будут Гроскания и Сарлония.

— Я тоже в этом уверен, — на лице Орса мелькнула мимолетная усмешка при словах «и Сарлония», — надеюсь, что и Лируссия не останется в стороне от перемен?

— Барон Маннинген — давний друг и союзник моего дяди, — заметил Казимунд, — к тому же он женат на его сестре. Он точно выберет нашу сторону.

— Это радует, — кивнул Орс, — ну, а благодаря герцогу Таскулату, мы можем надеяться и на союзников в Дракии.

Он не заметил, как по лицу улыбающегося сподвижника скользнула тень.

— Тюргония поддержат Брокгарт, к сожалению, — продолжал Орс, — тамошние герцоги забыли, как они сами правили империей. Что же, придется сокрушить и их. Всякую мелочь вообще не стоит брать в расчет. Разве что Ферранские острова... сенатор, как думаете, флот Асталии удержит от глупостей графа Жильрена?

— Уверен, что мы найдем как вразумить его, — усмехнулся сенатор.

— Ну, а Эрген вразумят тулейцы, — улыбнулся король, — что же, все складывается как нельзя лучше. Предлагаю продолжить наш разговор в легендарных термах почтенного Тускулата — говорят, он приготовил для нас нечто необыкновенное.

— Смею надеяться, что гости останутся довольны, — кивнул Таскулат, — недавно мне удалось приобрести несколько рабов из Матазулу — мускулистые черные великаны, специально отобранные по величине гениталий. И, для контраста, — мальчишки из Росковии, настоящие лесные волчата. Если же гости предпочитают женское общество — есть блондинки из Тульхейма, смуглянки из Имара, чернокожие из Лонголо, даже несколько златокудых алмарок. Желаящие могут посмотреть, как рабыни сношаются с сатирами, волками и молодыми бычками... и сами принять в этом участие.

— Думается, мы не пропустим ничего интересного, — усмехнулся король, — что же, проследуем в термы!

Обмениваясь скабресными шутками, гости с хозяином покинули веранду. Из темных углов выскользнули черные рабы, принявшиеся бесшумно убирать со стола.

Сам Тускулат не стал присоединяться к оргии: оставив гостей на попечение доверенных людей, герцог, под благовидным предлогом, покинул термы. Вскоре он уже спускался по запутанному лабиринту собственных погребов. На стенах чадили тусклые факелы, но их свет вскоре не понадобился герцогу, когда впереди забрезжило гнилушечно-зеленое мерцание. Оно становилось все сильнее, освещая узкий коридор, заканчивающийся у приоткрытой двери из дубовых досок. Из-за двери раздавались томные стоны и жеманное хихиканье. Тускулат снисходительно усмехнулся и толкнул дверь.

Герцог оказался в небольшой комнате, казавшейся еще меньше из-за заполнивших ее предметов. Всюду стояли стеклянные, глиняные и металлические сосуды, вдоль стен тянулись стеклянные и металлические трубки, в которых что-то булькало и журчало. На жаровне, полыхавшей синим огнем, стоял небольшой котел, где медленно закипало некое вонючее варево. Под потолком виднелся большой шар из зеленого стекла, мерцавший изнутри призрачным светом. На длинном столе возвышались причудливые конструкции,

состоявшие, казалось, сплошь из металлических трубок и выпуклых линз. Здесь же стояло и нечто, напоминавшее большое зеркало в золотой оправе — вот только в гладкой поверхности черно-зеленого камня не отражалось ничего.

В таком окружении совершенно чуждо выглядела голая девица, лет шестнадцати, усевшаяся на одном из столов. Черные волосы, полупрозрачным облаком окутавшие соблазнительное тело, почти не скрывали округлых грудей и точеных бедер. На полу перед девушкой, также голый, стоял на коленях толстый мужчина, с пухлым, как у младенца, лицом. Девушка, игриво хихикая, подносила к его губам то одну, то другую ножку и толстяк, с заплаканными от похоти глазами, иступленно целовал и облизывал розовые пальчики. Рядом стояло блюдо со свежими устрицами — как раз сейчас юная прелестница высасывала моллюска из раковины, запивая его красным вином.

Девушка первой заметила Тускулата: испуганно ойкнув, она отшатнулась к стене, поджимая ноги и прикрывая грудь.

— В чем дело? — капризно протянул толстяк, — почему...О, господин герцог!

Тускулат шевельнул бровью и девица, сграбастав валявшееся на полу одеяние, быстро выскользнула за дверь. Толстяк, тоже спешно напяливший на себя халат, едва сходящийся на жирном брюхе, пододвинул стул своему патрону. Герцог щелкнул пальцами и толстяк, налив вина в бокал, с поклоном передал его Тускулату.

— Неплохо ты развлекаешься за мой счет, — усмехнулся Тускулат, — надеюсь, ты не настолько пьян, чтобы с тобой нельзя было поговорить серьезно.

— Я и бокала не выпил, — протянул толстяк, — девка забрала бутылку, прежде чем я ...

— Это хорошо, — кивнул герцог, — разговор получится долгий.

— Надеюсь, встреча с Его Величеством прошла удачно? — поинтересовался толстяк, — я думал, вы проведете с гостями всю ночь.

— Оно и видно, — усмехнулся Тускулат, — что ты так и думал. Нет, Крамос, в отличие от короля, у нас с тобой нет времени на термы и наложниц. Пока Орс развлекается, нужно обсудить наши...неудачи в Дракии.

— Вы доложите королю? — осторожно спросил его собеседник,

— Нет, — досадливо поморщился Тускулат, — пока я сам не пойму, в чем дело. Моя дочь, — он на миг прервался, — судя по всему, мертва.

— Мои соболезнования, герцог, — склонил голову Крамос, — она была чудесной девушкой.

— Она была вздорной шлюхой, — махнул рукой герцог, — уверен, что вина лежит и на ней тоже. Конечно, я не могу оставить ее смерть без внимания. Кто-то ответит за это... потом. Сейчас же мое влияние сильно ослабло: Марозия мертва, перевертыш мертва, Дирканей мертва, а Боратом правит настоящий князь Влайку. Поженить княжну Дракии с нашим человеком, скорей всего, тоже не получится — сейчас там первый среди претендентов Раду Чорнивари. В свое время я не стал тратить время, чтобы прибрать его к рукам, а сейчас...слишком много дел, чтобы заниматься еще и этим выскочкой.

— Разве у вас не осталось сторонников среди дракийских бояр? — спросил толстяк.

— Остались, конечно, — пожал плечами Тускулат, — и я надеюсь, что они еще сыграют свою роль во всем этом. Также как и Далв Шепет, князь Влакии — похоже, во всех Дракийских княжествах он один теперь держит нашу сторону.

— Князь Тисона, говорят, близок к Сарлонии, — заметил Крамос.

— Я не верю Альгерту, — поморщился герцог, — сарлонцы обиделись на Фрэга за то,

что он отверг их княжну, но кто знает, как они поведут себя, когда дело дойдет до драки. И потом это ведь влияние Сарлонии. Я предпочитаю набирать сторонников сам — как князя Влакии, как было с князем Бората...и княгиней Секеи. С ней тоже не все понятно: никто не видел Эржет мертвой, ее вообще никто не видел. Ее потеря обиднее всего — я так долго разрабатывал эту девку, подогревая ее семейные обидки, столько труда ушло, чтобы внедрить ее в Секею. И сказать по правде, в том, что случилось в Чейтене и твоя вина — точнее твоего проклятого ученика.

— Я же предлагал отправиться самому, — сказал толстяк.

— Ты был нужен мне здесь. К тому же ты заверял, что Маттено надежный человек.

— Разве он не сделал все как надо? У меня бы не получилось лучше.

— Но ты бы не стал болтать как он, — хмыкнул герцог, — из-за чего пришлось дать добро на его убийство. И не стал бы раздавать свои изобретения кому попало.

— Ума не приложу, — вздохнул Крамос, — зачем он отдал метатель этому...

— Все ты понимаешь, — усмехнулся Тускулат, — тебе ли не знать, как умеет убеждать змок.

Толстяк смущенно потупил взгляд.

— Но ты, надо отдать должное, не стал ни болтать, ни тем более, дарить то, что должно оставаться тайным, пока не началась война. В Секее мы потеряли не только видного сторонника, но и «Слезы Лерайе» — а ведь то, что творил с их помощью Маттено было просто восхитительно.

— Вне Чейтена многое из созданного им повторить невозможно, — возразил толстяк.

— Да, я помню, — кивнул Тускулат, — но многое и возможно — тот же метатель, например. Да, жаль, что я не мог тебя отпустить тогда. Сейчас Секея потеряна — и это, пожалуй, наше самое сильное поражение в Дракии.

— Смена правителей еще не означает, что Дракийские княжества откажутся от союза, — напомнил Крамос, — у них есть причины не любить Брокгарт.

— Может и так, а может и нет, — сказал Тускулат, — зависит от того, кто стоит за всем этим. Меня тревожат слухи о двух девках, что отметились и в Борате и в Секее? Что известно о них? Говорят, они посланницы Храма.

— Я обратился к своим...источникам, — произнес Крамос, — из Некрарии непросто получать сведения, но кое-что я все же разузнал. Одна из этих девок, как я понял, вообще не человек, а какая-то разновидность оборотня...очень странная разновидность. Со второй все еще сложнее — никто не может понять, откуда она явилась. Известно, правда, что «Дети Рассвета» очень рьяно охотятся за ней.

— Это твои полоумные сектанты? — усмехнулся герцог, — признаться, я так и не понял, зачем ты подался к этим фанатикам.

— Они умеют убеждать, — пожал плечами собеседник, — мой отец был скорняком, а мать прачкой. «Дети Рассвета» всегда умели подбирать слова для низших сословий.

— Проходимцы всегда тянутся к неудачникам.

— Они опаснее, чем вы думаете, — покачал головой Крамос, — не случайно о них так долго никто ничего не знал. «Дети» знают многое, что неведомо нашим жрецам — по крайней мере тем, кого я знаю. Работа со стеклом, умение с его помощью обращать свет в оружие — я многому у них научился. Другое дело, что их жизнь, в конце концов, пришлась мне не по вкусу — и поэтому я нарушил свои клятвы. Я предпочитаю жить здесь и сейчас — в роскоши, с вкусной едой, дорогим вином и красивыми женщинами — а не шляться

бесцветной тенью по задворкам империи, лелея мечту о «Новом Рассвете».

— Что же ты сделал верный выбор, — кивнул герцог, — так ты считаешь, что она из твоих бывших друзей? Тоже отступница?

— Нет, она явно работает с Храмом, — покачал головой толстяк, — хотя и тут многое непонятно. По моим сведениям, ее так и не приняли в жрицы. Более того, ее прилюдно выпороли перед статуей Триморфы и изгнали из Монастыря.

— Да, чтобы в тот же день по-тихому вернуть обратно, — хмыкнул Тускулат, — у меня тоже есть люди в Некрарии. Если ее не посвящали в жрицы — как она получила змеиную плеть?

— Возможно, свою роль сыграло то, что наставница этой... Олены, Кайра Моррикан, сейчас одна из ближайших сподвижниц архидиаконессы Саломеи, — заметил Крамос.

— Моррикан? — вскинул брови Тускулат, — то есть она...

— Именно так, ваша милость, — кивнул его собеседник, — Кайра — родная сестра императрицы Элты. Другая сподвижница Саломеи — Фебрия Вотенштайн, которая...

— Я знаю, кто такие Вотенштайны, — огрызнулся Тускулат, — ну теперь все понятно. Храм решил влезть в имперские игры? Я слышал, что эти двое направляются в Брокгарт.

— Все так, ваша милость.

— Они не должны туда попасть! — резко сказал герцог, — мне нужна эта девка — и нужна живой. Можно узнать, где она сейчас?

— В этом нет нечего сложного, — улыбнулся толстяк, — она прихватила из Секеи — или откуда-то еще, — парочку вещей, созданных Маттено, но по моим указаниям. Ну, а отследить свои творения я смогу даже отсюда.

Он указал на «зеркало» из черно-зеленого камня

— Собственно говоря, я уже слежу.

— И где она сейчас?!

— Судя по всему — на севере Гроскании. К утру она и ее спутники окажутся во владениях барона Кресцента.

— Отлично, — Тускулат хищно оскалился, — я подам ему весть. Это им не дракийцы — по сравнению с Кресцентом даже Далв Шепет выглядит добряком.

— Может, мне все же стоит отправиться туда? — спросил Крамос.

— Нет, ты все еще нужен мне, — покачал головой Тускулат, — у нас есть дела поважнее, чем какая-то шлюха из Храма. Потеря Дракии будет не так уж и страшна, если вернуться к плану, что мы обсуждали пару недель назад.

— Я думал, после договоренности с Асталией, мы отказались от этой затеи.

— Наоборот, — покачал головой Тускулат, — сейчас самое время. В Сенате не такие дураки, чтобы считать, что Орс, став императором, откажется от притязаний на Асталию. Не такой он человек — король грезит о завоевании не только Лоркни, но и Некрарии с Асталией. Но в Асталии считают, — и, надо признать, небезосновательно, — что быстро взять имперский трон не получится. Они надеются на долгую гражданскую войну, что разорит и Брокгарт и Гросканию. Но если наш план удастся — империя достанется Орсу почти без боя. А значит, золото и наемников можно употребить на что-то иное.

— Я понял, ваша Светлость, — кивнул Крамос, — и у меня уже есть кое-какие соображения, касаемо нашего плана. В первую очередь, нам нужно...

«В темноте рычит зверье: не видно глаз, но все в их власти...»

Ей снова снился этот сон.

Зал, столь огромный, что дальние стены теряются во мраке. Мрак похожий на космос — бескрайний, веющий лютым холодом, усыпанный светящимися точками. Мерцающие огоньки находятся в непрерывном движении — она знает, что это глаза неведомых тварей, что бродят за границей света. Смутные и пугающие тени крадутся у ног гигантских фигур — во мраке просматриваются лишь смутные контуры, но и по ним угадывается ужасающее величие неведомых исполинов. Сквозь мрак проступают шесть силуэтов — восседающие на колоссальных тронах, недвижные будто статуи, но при этом полные скрытой силы и угрозы, в любой момент готовые ожить.

Седьмой трон стоит перед ней — размером с высокую башню, изваянный из маслянисто-черного камня. Этот престол пустует — но почему-то эта пустота пугает еще больше, чем загадочные владыки на тронах во тьме. Черный камень покрывают загадочные письмена, напоминающие многолапых пауков расползающихся по всему трону.

А перед троном пылает огонь в человеческий рост — без дров, вообще без топлива, исходящий прямо из голого камня. Черное, как ночь, пламя, в котором, будто маленькие змейки вьются белые язычки. Их мерцание завораживает — и она, словно птичка перед змеей, подходит все ближе, погружая руки в огонь. Он не жжет, но приятно греет плоть, озябшую в холоде, что испускает космический мрак. Согреваемая им, она не вынимает рук, несмотря на то, что плоть бугрится уродливыми ожогами, кровь сворачивается и пузырится, а жареное мясо сползает с почерневших фаланг.

Лена вскинулась на кровати, вся в холодном поту и бешено колотящимся сердцем. С силой провела ладонями по взмокшему лицу и с облегчением вздохнула, осознав, что ее руки все же не превратились в обгорелые головешки. Вслепую пошарила по кровати — и вокруг ее руки с тревожным шипением обвилась змея жреческой плетки. Успокоив себя, Лена набросила покрывало, поднялась с ложа и босая вышла в темный коридор. Никакого освещения тут, разумеется, не имелось, но Лена наощупь нашла бочку с водой, стоявшую у стены. Зачерпнув ковшем воды, она залпом выпила, плеснув остаток себе в лицо. Лишь тогда предательская дрожь отпустила попаданку. Чутье, выработавшееся за время обучения в Некрарии, подсказывало Лене, что этот сон непростой, но как узнать — связано ли это со всеми странностями, сопровождавшими ее появление здесь или же это обычные проказы мелкой нечисти, которой кишели эти края, да и весь этот мир?

— Кто бы подсказал? — пробурчала Лена, возвращаясь в комнату. Подошла к окну и настежь распахнула ставни. На нее пахнуло запахом тины и прелой воды — постоянный двор, где они остановились, стоял на берегу Мерты, причем окна выходили прямо на реку. В небе стояла полная Луна, освещая речную гладь, оглушительно орали лягушки и зудели комары, откуда-то издалека раздался крик ночной птицы. Ниже по течению мерцали огни, в свете которых угадывались стоявшие у берега баржи и рыбацьи баркасы. Путники не стали поселяться близ речного порта, хотя тамошние таверны и были дешевле. Однако спутникам Лены не улыбалась перспектива всю ночь нюхать вонь от заваленных рыбой лодок и барж для перевозки скота. Поэтому Лена и выбрала этот постоянный двор на самой окраине городка возле густого леса.

Потолок вдруг дрогнул как от удара — словно кто-то большой запрыгнул на крышу постоянного двора. Послышались мягкие шаги, уже в коридоре, и Лена запоздало вспомнила, что так и не закрыла дверь, когда вернулась. В следующий миг в ноздри Лены ударил едкий запах большого зверя. Послышалось негромкое рычание и, обернувшись, попаданка увидела светящиеся во мраке зеленые глаза.

— Вулрех, я же говорила, что не стоит оборачиваться здесь, — раздраженно сказала Лена, — так мы только привлечем внимание.

Пещерный лев уселся на задние лапы и его силуэт подернулся мерцающей золотистой дымкой. Когда же она исчезла — перед Леной оказался барон Ловенвальда, как и попаданка — совершенно голый.

— Во-первых, лес рядом, — сказал он, — а во-вторых — мы же единственные на этаже.

— Может зайти хозяин, — заметила Лена, — да и вообще — это рискованно.

— Мне доводилось оборачиваться и в более людных местах, — заметил барон, — и при этом скрыть свое инкогнито. Не забывай, кем я был раньше.

— Ты — может быть. Но не наша подружка. Кстати, где она?

— Мы потеряли друг друга, — пожал плечами Вулрех, — у реки.

Лена не успела ответить: позади послышался громкий плеск и что-то с силой ударилось о подоконник. Обернувшись, девушка увидела сидевшую в окне большую кошку с чешуей вместо шерсти, перепончатыми лапами и жабрами на шее. В острых зубах она держала большого карпа.

— Мурр! — сказала Кэт, принимая полукошачий облик, — еда в этом трактире — редкостное дерьмо. Вот мы и сходили за свежатиной.

— Когда-нибудь, эти прогулки вам выйдут боком, — покачала головой Лена, — совсем расслабились. Хорошо еще, что завтра уберемся из этой дыры.

— Мурр, — повторила Кэт, плюхаясь на кровать и вгрызаясь в рыбью спинку, — давно пора. Еще немного и я тут подохну от скуки!

— Вот и думала бы лучше об этом, — раздраженно бросила Лена, — а то шьетесь где попало, ничерта не помогаете.

— Она такая злючка! — Кэт подмигнула Вулреху, — мне кажется, она ревнует.

— Иди ты! — выругалась Лена, демонстративно поднимая кнут, тут же расплетшийся семью шипящими змеями. Однако Кэт не испугалась, — отбросив недоеденного карпа, она обхватила руками бедра Лены, уткнувшись ей лицом между ног. Лена застонала, когда шаловливый язычок скользнул в ее миглом увлажнившуюся щелку. Попаданка прижала ладонями затылок кошкодевки, подаваясь бедрами навстречу жарким ласкам. Тут же она почувствовала на плечах сильные мужские руки: Вулрех обняв ее сзади, ласкал пальцами округлые груди, одновременно покрывая поцелуями шею и уши Лены. Девушка усмехнулась и, обхватив рукой шею барона, привлекла его к себе для ответного поцелуя. Вскоре Лена уже стонала, всюю скача на проникшем в нее сзади внушительном члене барона. Стоявшая перед ними на четвереньках Кэт меж тем энергично вылизывала гениталии обоих. Змеи кнута с шипением обвивались кольцами вокруг трех любовников, притягивая их друг к другу и лаская раздвоенными языками самые чувствительные места обнаженных тел.

В подобных забавах они убивали время уже три дня — с тех пор как троица остановилась в городке Кервен. Поначалу они не собирались сюда: Секею путники покинули с караваном торговцев из Деваманда, везущим в Мюнберг демавандские ткани, роскошные меха и амфоры с некийским вином. Княгиня Мартаска позволила своим

спасителям набить карманы золотой монетой и лично подарила Лене и Кэт несколько драгоценных побрякушек. Так что в средствах путники стеснены не были, щедро заплатив за место в караване. Сам караван двигался по Мерте на нескольких больших лодках, где нашлось место и Лене с ее спутницей. Вулрех тоже направился с ними, обязавшись проводить девушек до ярмарки. Торговцы ему обрадовались особо: хоть их и сопровождала сильная охрана, еще один опытный воин был не лишним. В Мюнберге они собирались расстаться: барон отправился бы в Ловенвальд, а Лена и Кэт — в Брокгарт.

На третий день пути их застала ужасная непогода. Хлынул проливной дождь с крупным градом, подул холодный ветер с востока — последнее дыхание Кордопских гор, к тому времени уже сменявшихся лесистыми холмами. Купцы, как люди бывалые, не стали двигаться в ненастье, разбив лагерь под кронами высоких деревьев. Отдельный шатер получили трое путников, что коротали ночь за добрым куском свиного окорока, ароматным некийским вином и изощренными плотскими утехами.

Лишь звериное чутье спутников Лены, — прежде всего Вулреха, — спасло ее от верной гибели. Уже под утро, когда обе девушки спали, утомившись после бурной ночи, барон вдруг подскочил, огласив воздух тревожным рыком — тут же заглушенным оглушительным ревом снаружи. Кэт тоже подскочила как ошпаренная, на ходу меняя свой облик. Вулрех же, мигом обернувшись львом, зашвырнул на спину толком не проснувшуюся Лену и, удерживая ее зубами за волосы, выскочил из шатра, устремившись вверх по склону ближайшего холма. Он едва успел — в следующий миг на лагерь обрушился настоящий потоп. Поток мутной воды сносил в реку и деревья и кибитки с шатрами и людей. Лена, которую лев все же заволок вершину холма, еще порывалась кинуться назад, чтобы хоть кого-то спасти. Но тут блеснула ярко-зеленая вспышка, послышался громкий взрыв и барахтавшиеся в воде люди исчезли в водовороте кипящей, исходящей паром, воды. Вулрех посмотрел Лену.

— Маттено создал действительно убойную штуку, — покачал головой он.

— Чтобы ему пусто было, где бы он сейчас не был, — послышался сердитый голос, — со всеми своими придумками.

Лена невольно шарахнулась от выходящего из реки странного существа, вроде кошки с рыбьей чешуей. Впрочем, она сразу поняла, кто это, да и Кэт тут же приняла свой привычный облик. Рыбокошке удалось выплыть, однако все торговцы погибли в разбушевавшемся потоке.

Вулрех высказал предположение, что именно случилось. В здешние холмы стекалось немало ручьев игорных речушек — и местные жители пользовались этим, сооружая запруды, для разведения горной форели. Надо полагать, где-то выше в горах одну из таких запруд прорвало и вода устремилась вниз. По пути этот поток переполняла и прорывала другие такие же запруды. В итоге, когда вода достигла реки, она уже превратилась в ревущий горный поток, что и привело к трагедии. Почему взорвалось зеленое «ружье» барон не знал, но Лена и сама догадалась, что на диковинное оружие могло рухнуть одно из подмытых потоком деревьев, что и привело к детонации.

Уже позже, когда вода спала, они вернулись к бывшему лагерю, пытаясь найти хотя бы часть вещей. Многие из них унесло потоком, но часть, застряла меж поваленных деревьев, оставшись на берегу. К своей радости, Лена нашла отцовский нож и костяной нож Амолы, кое-какую одежду, а также золото, что дала им княгиня Секеи. Немало своего добра они выловили из реки — тут особенно кстати пришлось новое обличье Кэт. Прихватили они и кое-что из вещей и золота своих попутчиков — Лену, конечно, терзали угрызения совести,

но она утешала себя тем, что мертвым купцам все это без надобности. По-хорошему, их тела нужно было сжечь, но после дождя об этом нечего было и думать. Вместо этого Лена провела обряд, которому научила ее Кайра, отвращающий чересчур привязчивых мертвецов. Все же, не дожидаясь, пока утопленники восстанут, путники поспешили убраться с места трагедии. Пару дней они плутали меж холмов и лесов, пока не вышли к Кервену. В здешнем постоялом дворе троица и остановилась, в ожидании какого-нибудь судна, которое доставило бы их в Мюнберг.

Наутро они направились в порт. Как заметила Елена еще ночью, тут все изменилось — если вчера тут стояло от силы несколько рыбацких лодок, то сейчас чуть ли не всю реку загромождали суда: неуклюжие баржи; рыбацкие баркасы; личные суда купцов, множество лодок и плотов. Все эти суда поднимались вверх по Мерте, чтобы забрать зерно, скот и прочие товары, что предоставляли на продажу здешние землевладельцы.

— Ну и вонища, — поморщилась Кэт, когда они проходили мимо очередного судна, перевозившего, судя по запаху, скот, — мы, что поедем на этой посудине?

— Учись видеть во всем позитив, — усмехнулась Лена, — подумай сколько там мяса.

— Мяса тут везде полно, — вмешался шедший рядом Вулрех, — вон, гляди сколько сала.

Он кивнул на небольшую галеру, с носовым украшением в виде пышногрудой русалки. Рядом с ней стоял очень толстый мужчина, с бурой бородой и мясистым лицом. Грузное тело только что не разрывало золотисто-розовый кафтан, усыпанный серебристой пылью. На жирной груди красовался диковинный амулет — выточенный из слоновой кости губастый рот, оплетенный слоновьим же хоботом.

— Покровитель ему подстать, — заметил барон, — с таким пузом только Бегемота и почитать.

— Главное, что он нам подходит, — заметила Лена и громко крикнула, — эй, почтенный. Это ваше судно?

Мужчина неторопливо обернулся на зов и неприкрытое пренебрежение в его глазах сменилось интересом при виде кнута Лены.

— Галера моя, — кивнул он, — а кто спрашивает?

— Вулрех Второй, барон Ловенвальда, — вмешался в разговор человек-лев, — и две посланницы Храма из Некрарии. А с кем говорю я?

— Я Гранк, зерноторговец из Мюнберга, — купец склонил голову, — чем могу быть полезен его светлости?

— Нам как раз в Мюнберг, — сказала Лена, — договоримся о проезде?

Мужчина пожал плечами.

— По золотому с каждого, — сказал он, — простите, ваша светлость, но даже вы...

— Я не торгуюсь с такими как ты, — презрительно сказал Вулрех, отсчитывая монеты из своей доли, — в твоей посудине найдется нормальная каюта?

— Разве что моя собственная, — ответил Гранк, — я могу уступить ее, но даже тогда в ней хватит места только двоим. Кому-то придется разместиться на барже.

— Нас с моей киской вполне это устроит, — Вулрех обнял за плечи Кэт, — главное, чтобы нашлось место достойное жрицы.

Лена недовольно посмотрела на прильнувшую к Вулреху подругу, обожженная внезапной ревностью. Однако спорить сейчас было явно не к месту, поэтому она только молча кивнула, вопросительно посмотрев на Гранка. Тот снова пожал плечами.

— Раз так, — сказал он, принимая золотые от Вулреха, — прощу на борт.

«Запах гнили ветер несет с той стороны реки...»

На борт они взошли лишь после полудня — после того как Гранк загрузил все пять своих барж зерном. На одной из этих громоздких плавучих махин разместились Вулрех с Кэт. Им пришлось изрядно потрудиться, чтобы найти хоть какое-то уединение — с обоих бортов каждой баржи стояло по шесть-семь гребцов, что, орудуя длинными веслами и шестами, направляли судно, а заодно следили, чтобы зерно не просыпалось в воду. В конце концов, барон и кошкодевка нашли укромное место на корме, где быстро потерялись в сгущавшихся сумерках.

Лена же разместилась в каюте Гранка — небольшом, но уютном помещении на корме купеческой галеры. Судно двигалось позади барж, чтобы не мешать их ходу. Гранк сам накрыл стол — порезанный ломтями сыр, свежий хлеб, жирный вяленый сом, жареная утка и несколько кистей белого винограда. Все это предлагалось запивать светло-желтым вином. Лена быстро наелась, однако хозяин, не успокоился, пока не съел все, что лежало на столе. Чтобы не смотреть на обжираться Гранка, Лена смотрела на реку — благо окна каюты выходили сразу на оба берега. Сейчас они приближались к цивилизации: густые леса все чаще сменялись возделанными полями или пастбищами, на которых паслись стада коров и овец. Попадались тут и деревушки, порой даже небольшие городки, вроде оставленного ими Карвена. В целом, виды немало напоминали Лене родные края — так что на миг она испытала что-то вроде ностальгии. Неуместное чувство, впрочем, быстро покинуло ее, уступив место недоумению: Лена отметила, что южный берег выглядел куда менее населенным, чем северный. К северу от Мерты леса почти сошли на нет, уступив место многочисленным полям, фруктовым садам, пастбищам, а главное — множеству поселений. Время от времени попадались водяные мельницы, лабазы и причалы, от которых отходили лодки и плоты рыбаков. На южном берегу тоже все это имелось — но в заметно меньшем количестве, перемежаясь густыми лесами и холмами.

— Все очень просто, — ответил Гранк, когда Лена поделилась с ним своими наблюдениями, — вы же знаете, что Мерта — пограничная река?

— Ну да, — кивнула девушка, — с юга Гроскания, а к северу эта...как его.

— Вабария, — подсказал торговец.

— Да, точно, — кивнула Лена, — поэтому я и удивилась. Ведь Гроскания намного больше и богаче Вабарии, неужели местным совсем нечем торговать?

— У Гроскании есть свои рынки и ярмарки, — кивнул Гранк, — но все они, в основном, на юге: из ее портов вывозятся товары в Амдуат, Асталию и Некрарию. Здесь гросканцы тоже торгуют, но все же внутриимперский рынок для них не столь значим, да и то, что есть они предпочитают вывозить морем, в тот же Брокгарт. Для Вабарии Мерта — главная артерия для связи с внешним миром, а для Гроскании — глухая окраина. К тому же между Виркленами, графами Вабарии, и Роуле, баронами Турола, — давняя вражда, которую вполне разделяют и их подданные.

— Как так? — заинтересовалась Лена, — разве император это позволяет?

— Это вражда много старше Империи, — усмехнулся Гранк, — когда она зародилась Вабария еще была независимым государством, как и Турол, которым правили Роуле. Тогда они часто воевали между собой — как раз за то, кто будет владеть торговым путем по Мерте. Вабария побеждала чаще — потому, что ее поддерживала Вальдония, а иногда даже

Брокгарт. Турол же оказался между двух огней — с севера заклятый враг, а с юга — набирающая силу Гроскания. После одного из самых жестоких поражений, что потерпел Турол от союзного войска, Роуле пришлось дать вассальную присягу королям Гроскании. Ну, а потом появилась Империя и войны вроде как прекратились...вроде как, вот именно. Очень долго творился тот еще беспредел — вабарцы переходили Мерту, жгли поля, разрушали дома, убивали крестьян и купцов...да и благородных, если удавалось поймать. Ну и турольцы не оставались в долгу. Только Рокштайны, став императорами, навели на реке порядок — но даже тогда вражда хоть и поутихла, но не прекратилась совсем. Впрочем, купцов из чужих краев здесь обычно не трогают — только пошщины дерут и те и другие. Я на всякий случай заплатил всем, хотя кто его знает, что взбредет в голову нынешнему барону.

— А что с ним не так? — поинтересовалась Лена. Гранка буквально передернуло.

— Кресцент Роуле, барон Турола...про знать, конечно, такое не говорят, но он...

Гранк замолчал, когда галера вдруг резко замедлила ход, а там и вовсе остановилась. Послышались быстрые шаги и в каюту просунулась голова одного из гребцов.

— Что такое? — резко спросил купец, — почему остановились?

— С передней баржи прислали лодку, — сказал гребец, — говорят, им кто-то преградил путь, чьи-то галеры. Я не понял в чем дело, кроме того, что они требуют хозяина.

— Это еще что за напасть? — недоуменно произнес Гранк, — ладно, разберемся. Извините, я вас оставляю. Все равно уже темнеет, так что, наверное, скоро будем причаливать. Я заночую в шатре на берегу, а вы можете располагаться здесь. Отдыхайте.

Лена молча кивнула. Купец встал из-за стола и, с трудом передвигаясь после обильной трапезы, вышел из каюты. Вскоре послышался плеск весел и, выглянув в окно, Лена увидела отходившую от галеры лодку. Девушка пожала плечами и пересела на стоявшую у стены лежанку. По здешним меркам это было довольно комфортное ложе: с набитым свежей соломой матрацем и цветастым покрывалом. Подушек, правда, ей не предоставили, но Лена быстро приспособила под голову сумку, обвернув ее сброшенной с плеч курткой. За окном почти стемнело, так что Лена, растянувшись на кровати, закрыла глаза и постаралась заснуть. Однако сон не шел — воображение услужливо рисовало ей все, что сейчас происходит между Вулрехом и Кэт. Перед глазами Лена вставали столь яркие картины плотских утех этих двоих, что девушка скрипнула зубами, поймав себя на том, что запускает руки в штаны, осторожно массируя увлажнившийся бугорок.

— Ааа, к черту! — пробормотала Лена, выдергивая из-под головы сумку и копаясь в ней, — не больно и хотелось, обойдусь и без вас!

Каюту озарило слабое зеленое свечение, когда Лена достала свой трофей — нефритовый жезл из Чейтена. Этот «девайс» не пропал во время потопа в холмах и теперь оказался как нельзя кстати. Приглядевшись, можно было разглядеть в зеленой толще крохотную фигурку обнаженной женщины, что горела в вечном огне нескончаемой похоти.

— Привет, Эржет, — улыбнулась Лена, — поможем друг другу?

Ответа она, понятное дело, не ждала — вместо этого она распустила завязки штанов и, спустив их до колен, медленно ввела искусственный член в изнывавшее от желания лоно. Томный стон сорвался с ее губ и привычная сладострастная судорога разлилась по всему телу, пока Лена энергично двигала у себя между ног нефритовым жезлом. Как никогда остро она чувствовала похотливые корчи плененной княгини — в такие моменты между пленницей жезла и его хозяйкой устанавливалась определенная мысленная связь — и сладострастие Эржет Буйтари в полной мере передавалось и Лене, заставляя девушку

сходить с ума от сладострастия. Закусив губу, чтобы не заорать от избытка чувств, попаданка терзала искусственным членом хлюпающую от влаги щель, подвывая в близости кульминации.

Два звука раздалось одновременно — тело Лены изогнулось дугой и она, уже не контролируя себя, заорала от нахлынувшего на нее волной сокрушительного оргазма. В тот же миг снаружи послышался тревожный крик и вслед за ним целая какофония звуков — вопли боли, воинственные крики, свирепое рычание и что-то напоминавшее овечье или козлиное блеяние. Последний звук Лена узнала сразу — и тут же соскочила с кровати, спешно натягивая штаны и хватая зашедшийся в тревожном шипении змеиный кнут. В тот же миг галера содрогнулась, опасно закачавшись, словно на нее запрыгнуло сразу несколько человек. Раздалось оглушительное блеянье, чей-то предсмертный вопль захлебнулся бульканьем крови и дверь в каюту с треском распахнулась. Перед Леной выросла фигура, выглядевшая особенно мерзко в лунном свете — косматая шерсть, козлиные рога, огромные желтые глаза. От существа исходило невыносимое зловоние. В когтистой лапе сатир держал огромный тесак — вскинув его над головой, он кинулся на Лenu. На свое несчастье, он не рассчитал высоту потолка — клинок завяз в дверном косяке и пока сатир пытался его выдернуть, Лена что есть силы, хлестнула кнутом. Змеиные зубы вцепились в шею твари, взывшей от жуткой боли. Не собираясь ждать, пока монстр издохнет от яда, Лена рванула кнут на себя и сатир, спотыкаясь, налетел прямо на отцовский нож, по рукоять вошедший в волосатую грудь. Отшвырнув тело, Лена выкрутила из разжавшихся пальцев тесак и выскочила на палубу. Тут же перед ней вырос очередной монстр — заметно выше и массивней тех тварей, с которыми она сталкивалась в Некрарии. К тому же у тех сатиров не имелось оружия — а этот сжимал в когтистой лапе мясницкий топор. Лена не стала ждать, пока его пустят в ход — новый удар кнута и монстр шарахнулся, жалобно бляя и прижимая лапу к кровоточащей ране на месте вырванного глаза. В тот же миг Лена вогнала тесак в смрадное сердце чудовища.

Двое сатиров на носу, развлекавшихся на носу галеры с молодым гребцом (сначала его оскопили и выбили зубы, а потом принялись насиловать, не обращая внимания на вопли и хлещущую потоком кровь) при виде Лены забыли о жестокой забаве и ринулись к девушке. Та, не долго думая, выпустила несколько шаров тьмы, ослепив тварей ровно на то время, что ей понадобилось, чтобы вонзить нож в сердце одного рогатого изувера и разрубить топором голову второму. Больше сатиров на галере не было и Лена, наконец, смогла оглядеться. Увиденное, мягко говоря, не радовало — всюду валялись тела растерзанных гребцов и судно, лишенное управления, несло течением к южному берегу. Баржами, судя по всему, тоже уже никто не управлял и сейчас они, сцепившись бортами, медленно уплывали. Зерно пылало огромными кострами и в их свете виднелись жуткие тени, жестоко убивавшие людей. Как и убитые Леной сатиры, эти чудовища сильно отличались от тварей, что она видела в Некрарии — гораздо выше и массивнее, с могучими мышцами, заметными даже под густой шерстью. Иные из них имели козлиные рога, другие — бараньи или даже бычьи, делавшие их похожими на минотавров. Впрочем, быкоголовые чудовища здесь тоже имелись — также как и еще более мерзкие существа, похожие на огромных павианов, с густыми гривами и острыми клыками. Однако руководили всей этой сворой люди — воины в черных доспехах и рогатых шлемах восседали в длинных лодках, сновавших вверх-вниз по реке и высаживавших на баржи все новых косматых уродцев. Несколько таких лодок устремились и к галере, где сидела Лена. Она попыталась налечь на весла — тщетно, ее сил было явно недостаточно,

чтобы управлять судном. Лихорадочно девушка вспоминала заклинания, способные помочь, однако известные ей магические приемы требовали времени — а его как раз катастрофически не хватало.

Крики умирающих и бляение сатиров вдруг перекрыл оглушительный рык — и над одной из барж взвилась в прыжке огромная кошка. Лена не успела понять, кто это из ее спутников — баржу сразу же заволочло густым дымом. Одновременно галера Лены сильно качнулась — к ней сразу с трех сторон причалили лодки, с которых вновь полезли сатиры, на этот раз — в сопровождении воинов в черных латах.

— Не убивать! — раздался властный голос, — господин барон велел взять ее живьем!

Волна мохнатых, рогатых, оглушительно бляющих и омерзительно воняющих уродцев тут же захлестнула девушку. Никто и вправду не пытался убить ее — лишь сбить с ног или вырвать оружие из рук. Лене же такие правила не связывали — она успела пронзить сердце одной из тварей и разрубить череп другой, когда кто-то все же исхитрился набросить на нее рыбацкую сеть. Что-то с силой ударило попаданку по голове и Лена провалилась во мрак беспомощности.

«А когда луна речку осветит, я с русалкой прилягу на дно...»

Лена была права в своих подозрениях насчет барона и кошкодевки: найдя удобное место, Вулрех расстелил свой плащ и выложил на него корчагу с местным пивом и вяленого леща. Быстро съев и выпив все, Кэт скинула одежду и растянулась на плаще, загадочно мерцая зелеными глазами. Вулрех с удовольствием рассматривал девушку: хотя они и не первый день были любовниками, он не уставал любоваться на ее тело, идеально сочетавшее округлость женских форм с кошачьей грацией. Кэт, поймав восхищенный взгляд барона, томно потянулась, втягивая и без того плоский живот и выпячивая округлые груди. Барон тут же припал к ним, впившись губами в розовый сосок. Кэт с мурчанием подалась ему навстречу, одновременно освобождая его от одежды. Мяукнув, она вцепилась зубами в мужское плечо и в следующий миг обнаженные тела сплелись в сладострастных объятьях.

Нападение застало их врасплох, также как и всех: укрывшись плащом, Вулрех и Кэт дремали, устав от постельных игр, когда вечерние сумерки взорвались воплями, рычанием и омерзительным бляением. Сразу несколько груд зерна полыхнули ярким пламенем и баржа закачалась от запрыгивавших на нее тварей. Гребцы, оказавшиеся слишком нерасторопными, оказались растерзаны на месте, тех же, кто успел прыгнуть в воду, расстреливали из арбалетов сидевшие в лодках воины.

— Что это?! — крикнула Кэт, ошалело оглядываясь на воцарившийся вокруг хаос. Барон ответить не успел — к ним, расшвыривая зерно, устремилось сразу с десятков сатиров. Впереди них, с оглушительным ревом, несся огромный минотавр.

Однако, если сатирам и удалось застать их врасплох, то и парочка оборотней не долго думала, чем удивить нападавших. Злоба и скотская похоть на мордах сатиров сменилась страхом, когда раздался громкий рев и барон, обернувшийся львом, ворвался в толпу рогатых уродов. Минотавр, пригнув голову, попытался насадить зверя на рога, но пещерный лев, сходу перепрыгнул через него, приземлившись в ближайшую грудку зерна. Быкоглавый монстр развернулся, но лев оказался проворней — прыжок, хруст костей в могучей пасти и минотавр рухнул на палубу, с вырванным горлом и животом, распоротым ударом задней лапы. Залитый бычьей кровью, лев повернулся к сатирам, пока те, выставив вперед острые тесаки, пики и собственные рога, медленно окружали оборотня, подбадривая друг друга громким бляением. О его спутнице они забыли — и тут же пожалели об этом, когда за их спинами взвилась черная тень и огромная кошка рухнула на ближайшего сатира, вгрызаясь ему в шею. Сатиры обернулись к новому врагу, но тут на них кинулся пещерный лев. Рыча, огромные кошки металась среди испуганно бляющих уродцев, ломая им шеи ударами могучих лап, перекусывая горла и выпуская кишки. Вскоре сатиры, никогда не отличавшиеся храбростью, обратились в бегство, а лев и кошка догоняли и убивали их, одержимые кровавой горячкой.

Лев-Вулрех вдруг тревожно взревел и Кэт, оторвавшись от преследования очередного сатира, увидела, что к барже подходит еще несколько лодок. Одновременно она увидела купеческую галеру, а на ней — фигуру с развевающимися светлыми волосами, свирепо рубящуюся с сатирами. Однако помочь спутнице кошкодевка не могла при всем желании — с лодок полетели факелы и зерно вспыхнуло ярким пламенем, разделившим барона с его любовницей. Вслед за факелами полетели стрелы — и тут Вулрех, издав грозный рык,

взвился над баржей. Его грива, окруженная множеством искр, выглядела как пылающая корона. Он обрушился на ближайшую лодку, направо и налево раздавая смертоносные удары. Сатиры с испуганным блеянием кинулись врассыпную, от чего лодка опасно зашаталась, накренилась и, наконец, перевернулась. Кэт хотела кинуться на помощь любовнику, но перед ней уже полыхала стена пламени, ее шерсть начала гореть, а дым ел глаза. Понимая, что на барже оставаться больше нельзя, кошкодевка сиганула прямо в реку. Уже в воде она чувствовала, как ее кожа покрывается рыбьей чешуей, меж пальцев вырастают перепонки, а на шее открываются трепещущие жабры.

Вынырнув, Кэт уже не увидела ни Вулреха, ни Лены, но зато к ней спешили две лодки, битком набитые людьми и сатирами. Несколько стрел пролетели над головой Кэт, и кошкодевка, решив не испытывать судьбу, снова нырнула. Как назло здесь оказалась отмель, по которой Кэт пришлось передвигаться чуть ли не ползком, чтобы не выдать себя. Обычно под водой она видела в темноте так же хорошо и на суше, но сейчас река стала слишком мутной из-за поднявшегося со дна песка и ила, смешанного с пеплом от горевших барж. От всего этого жабры жгло, как огнем и Кэт, желая избавиться от мучений, метнулась туда, где вода была чище и глубже.

Вынырнув снова, Кэт отметила две вещи: во-первых, она оказалась слишком близко к северному берегу и слишком далеко от барж, а во-вторых — погоня не собиралась оставлять ее в покое. Напротив, к тем двум лодкам присоединилась третья. Вновь полетели стрелы и копья и Кэт, уже отчаявшись прийти на помощь друзьям, устремилась к берегу. Там, подходя к самой воде, густо росли камыши, меж которых вздымалось одинокое дерево — большая ива со свесившимися ветками. Разбрызгивая воду и жидкий ил, Кэт выпрыгнула на берег и чуть не взвыла от боли в жабрах — в пылу бегства, она и позабыла, как они реагируют на воздух. Кэт быстро перекинулась в обычную, пусть и очень большую кошку, после чего кинулась в камыши, подымая стаи комаров, распугивая оглушительно оравших лягушек и с трудом выдирая лапы из вязкой грязи.

— Черт! — выругалась Кэт, когда, проломившись через заросли, вновь оказалась перед водной гладью, кое-где затянутой тиной и заросшей большими кувшинками. То, что она приняла за северный берег, оказалось небольшим островком, прикрывавшим вход в речную заводь. И что хуже того — ее преследователи сообразили о том раньше — и сейчас команды обеих лодок, что есть силы налегая на весла, входили в заводь с двух сторон. Путь в реку был также отрезан — Кэт уже слышала позади треск камышей, возбужденное блеяние и крики командиров, погонявших рогатых «воинов». Времени на раздумья не оставалось — и Кэт поступила как и любая кошка, спасаясь от погони: взметнулась на дерево и замерла, притаившись меж толстых ветвей. Мельком она заметила, что этот островок явно кем-то посещался раньше — на ивовой коре был тщательно вырезан чей-то огромный лик: глаза и широко распахнутый рот.

Камыши с треском раздвинулись и рядом с деревом, фыркая и отмахиваясь от комаров, встал огромный минотавр. Вслед за ним вышли сатиры и воины в черных доспехах. Одновременно высаживались и преследователи с остальных лодок — Кэт прикинула, что их не меньше сотни. Среди них оказалось и парочка павианообразных чудовищ, тут же принявшихся тщательно обнюхивать землю. Глядя как быстро двигаются похожие на собачьи носы, Кэт еще успела подумать, что дела разворачиваются скверно. И действительно, очень скоро одна из тварей подбежала к дереву, издав торжествующий вопль. В тот же миг вокруг ивы сгрудилась и остальная свора. Один из павианов кинулся вверх,

ловко перебирая по стволу когтистыми лапами, тогда как остальные, столпившись внизу, поддерживали собрата воем, блеянием и мычанием.

С шумом раздвинулись листья и перед Кэт появилась безобразная морда. Клацнули острые клыки, пытаясь ухватить кошкодевку за горло, однако та оказалась быстрее — удар когтистой лапы и мерзкая тварь, оглушительно визжа, рухнула на землю. Вместо глаз у нее зияли кровоточащие дыры. Остальные твари ответили негодующими воплями, но больше на дерево лезть никто не решался.

— Трусливые ублюдки! — выругался один из мужчин, — эй, ты спускайся по хорошему и останешься жить!

— Своей мамаше будешь приказывать! — крикнула сверху Кэт, — той самой, что трахнулась с козлом, породив всю твою шоблу.

Внизу слышалось ругательства, угрозы, просвистело несколько стрел, пробивших густую листву над головой Кэт. А затем этот звучащий вразнобой гам, перекрыл уверенный голос, заставивший кошкодевку похолодеть.

— Эту девку не велели обязательно брать живой. Подпалим дерево и дело с концом.

Ответом стал нестройный гул одобрения, снизу слышалась возня и до ноздрей Кэт донесся едкий запах дыма. Вскоре появились и первые сизые струйки, пока еще едва пробивавшиеся сквозь густую листву. Кэт сжалась в комок, готовясь к последнему отчаянному броску, хотя и понимала, что шансов прорваться немного. Перед прыжком она бросила взгляд на вырезанный в дереве лик — и замерла в изумлении.

Глаза и рот лика сочились ярко-красной жидкостью, которую кошкодевка легко опознала. Кровь текла все сильнее, настоящими потоками устремляясь вниз по стволу, капая с тонких ветвей и узких листьев. Снизу раздались удивленные возгласы — похоже, преследователи Кэт также заметили эти алые струи.

Неожиданно дерево затряслось, содрогнувшись от верхушки до основания. Кэт едва удержалась, зацепившись всеми когтями в кору и лишь спустя миг поняла, что дрожит не одно только дерево.

Дрожит вся земля.

Крики изменились — звучащее в них изумление сменилось тревогой, а потом и страхом, когда землю сотрясли новые толчки. С шумом выплеснулась вода и камыши зашелестели, словно сквозь них прокладывало дорогу нечто огромное. Блеяние и крики стали вовсе оглушительными и Кэт, набравшись духу, выглянула из листвы.

Ее глазам предстало жуткое зрелище — ее преследователи вступили в бой с совершенно невероятной тварью. Она напоминала помесь угря и сома: с гладкой и блестящей, будто смазанной маслом, черной кожей, выпуклыми рыбьими глазами и длинными усами, как у сома — вот только не двумя, а, как минимум, десятком. Все эти отростки извивались будто щупальца. Толщиной чудовище немногим уступало дереву, на котором сидела Кэт, а если бы ему взбрела в голову фантазия охватить собой остров, то тварь без труда могла укусить себя за хвост. Но что было самым диковинным — на спине у чудовища красовалось почти человеческое лицо, корчившее гневные гримасы. Кэт вдруг поняла, что этот лик, с широко распахнутыми глазами и губастым ртом весьма напоминает личину, вырезанную на иве.

Сражение оказалось неравным — чудовище оказалось слишком громадным, чтобы ему могли причинить вред. Они пытались колоть его копьями, рубить мечами и топорами, на худой конец колоть рогами, но все это лишь вязло в исполинской массе плоти, лишь зля чудовище. Оно давило массой, размазывая людей и сатиров в кровавую грязь, клацало

зубастой пастью, разом перекусывая по нескольку тел. Тяжелый хвост хлестал по земле, разбрасывая, калеча и убивая непрошенных гостей, разбивая в щепу брошенные на берегу лодки. И, в конце концов, преследователи обратились в бегство — кто-то метнулся через камыши к брошенной на противоположном берегу лодке, другие пытались достичь берега вплавь. Впрочем, этих беглецов легко выхватывали длинные щупальца, отправляя их в разверзшуюся зубастую пасть.

Спустя миг все было кончено — под деревом тяжело ворочалось огромное чудовище, доедая человеческие тела. Закончив с трапезой, огромная рыба свернулась в несколько колец вокруг дерева, словно исполинский змей. Лицо на спине монстра тоже успокоилось — лишь глаза все еще цепко окидывали все окружающее и Кэт, на всякий случай, спряталась в листве. Захваченная всем происходящим вокруг нее, она не сразу обратила внимание, что происходит с деревом — и как выяснилось зря. Кровь еще текла из глаз и рта резного лика, но потоки эти становились все слабее, а сама кровь светлела с каждой секундой, превращаясь в струйки светло-зеленой жидкости.

Расширенными от удивления глазами Кэт смотрела, как древесные соки испаряются, поднимаясь в воздух клубами зеленоватого тумана. Эти сгустки росли, одновременно приобретая некую форму, превращаясь в призрачные фигуры. Бросив взгляд наружу Кэт увидела, что такие же силуэты, окруженные зеленоватым мерцанием, парят и над камышами и над самой заводью. Слово рой гигантских светлячков, они слетались к корням огромной ивы, на ходу принимая вид то больших белых птиц, то прекрасных девушек в развевающихся белых одеяниях. Те же, что поднимались из воды, иногда опускались туда снова, принимая вид красивых женщин с рыбьими хвостами.

— Идем с нами, сестра! — услышала Кэт голос рядом с собой. Она обернулась — перед ней стояла молодая девушка со светло-зелеными волосами и зелеными же глазами. Полупрозрачное белое одеяние не скрывало прелести молодого, но уже пышного тела.

— Идем, сестра! — повторила она, — поможем Стражу!

Кэт замерла, а странная девушка рассмеялась и, на глазах изумленной кошкодевки, обернулась большой зеленой ящерицей, скользнувшей вниз по коре.

— Мурр! — раздалось у нее за спиной и, обернувшись, Кэт увидела рыжую кошку с рассеченным ухом. Мгновение — и она обернулась обнаженной девушкой, с волосами цвета спелой ржи. Прозрачно-голубые глаза лукаво глянули на ошеломленную Кэт.

— Идем с нами, сестра! — выдохнула она и, совсем по-кошачьи, прыгнула вниз, откуда уже раздавался игривый смех и томные стоны. Были ли тому виной речные испарения или что-то иное, но Кэт внезапно почувствовала, как что-то с непреодолимой силой влечет ее к этому беззаботному веселью и она, сама не заметив, как приняла человеческое обличье, тоже быстро прыгнула вниз.

Под деревом все еще простиралось чудовище, величаво раскачивая усатой головой и раскрывая зубастую пасть. А на его спине, нисколько не боясь, плясали речные девы, распевая веселые песни на незнакомом Кэт языке. Скинув одежды, они двигались столь быстро, что, казалось, они порхали, вовсе не касаясь маслянисто-черной кожи. Но, похоже, это было не так: от прикосновения точеных босых ножек раны твари переставали сочиться кровью, стремительно затягиваясь. Пляска становилась все более быстрой и одновременно — все более раскованной: речные девы уже откровенно трогали друг друга, целуя пухлые губы и алые, как ягоды, соски. При этом прелестные создания не переставали двигаться, с неповторимой грацией вышагивая по виткам огромного тела. Проходя мимо лица на спине,

каждая из речных дев оставляла поцелуй на полных губах. Изменилось и само лицо — из искаженной гневом жестокой личины, оно обернулось вполне приятным лицом зрелого мужчины.

Кэт, осторожно ступив на огромное тело, тут же оказалась подхвачена смеющимся проказницами, принявшимися целовать и ласкать кошкодевку. Та не оставалась в долгу — ее руки похотливо оглаживали соблазнительные округлости, а губы жадно пили терпкую, как сок диких трав, влагу, росой капавшей с гладких, будто изначально лишенных волос лобков. Вот Кэт тоже поцеловала похотливо выставленные губы, и все вокруг тут же стало подвижным, изменчивым как речной поток. Пляшущие девушки оборачивались лягушками, змеями, водоплавающими птицами, рыбами, а то и вовсе диковинными созданиями, сочетавшими признаки всех этих существ, но сохраняя и женские черты. Кэт тоже проходила все свои превращения: от почти человеческого до полурыбьего-полукошачьего — и во всех обличьях она миловалась с новыми подружками.

Кошкодевка даже не заметила, куда исчезла огромная рыба, как она сама покинула остров и, вместе с весело смеющимися девами, резвилась в воде, догоняя и жадно лаская своих товарок. Невероятная ночь захватила ее целиком, поглотив воспоминания обо всем, что происходило дальше — Кэт очнулась лишь лежа на берегу заводи, в человеческом обличье. Тяжело дыша, словно после бега, она смотрела в небо, на котором медленно всходил окруженный белым орлом диск Черного Солнца. Она даже не пошевелилась, когда услышала цокот копыт и мужские голоса, негромко переговаривавшиеся между собой. Лишь когда разговоры сменились возгласами изумления, Кэт поняла, что ее обнаружили и, пошатываясь, встала, чтобы встретить новых гостей.

Из низкорослого ивняка, покрывавшего берег, выезжало с пару десятков всадников: в кольчугах, вооруженных мечами и шипастыми монгерштернами. Впереди ехал высокий молодой человек. У его пояса висел длинный меч, с посеребренной рукоятью и крупным изумрудом на перекрестье. Стальной шлем, напоминавший каску, венчало изображение некоей хищной птицы, также как и панцирь на груди украшало изображение черного ястреба, сидевшего на спине крокодила. Подобная эмблема красовалась и на светло-зеленом знамени, что нес рослый воин, ехавший рядом с командиром отряда.

Голубые глаза с явным интересом глянули на обнаженную девушку.

— Ее нашли здесь, ваша светлость, — сказал знаменосец, — но не стали трогать до вашего появления.

— Правильно сделали, — усмехнулся молодой человек, бросая поводья одному из воинов и спрыгивая на землю. Краем глаза, Кэт увидела, что на нее, сразу с трех сторон, направлены заряженные арбалеты.

— Я Герхарт Винклер, старший сын и наследник барона Вабарии, — сказал молодой человек, — мы выехали к реке, когда узнали о нападении на купцов. И пусть ястребы Агареса вырвут мне язык, если я скажу, что понимаю, почему Страж Мерты из всех осквернителей своего святилища оставил в живых только тебя.

«Шёл козёл дорогою, нашёл козу безрогую...»

— Привезли? Ну, дайте взглянуть, чтоли!

— Сейчас, ваша светлость, — кто-то сдернул Лену, связанную по рукам и ногам, на землю, ставя ее на колени. С ее головы сдернули вонючий мешок и Лена с наслаждением вдохнула свежий воздух. После долгого пребывания в темноте она щурилась даже от сумеречного света Черного Солнца. Лена не знала, сколько она провела без сознания: очнулась она уже связанной и с мешком на голове, переброшенная через лошадь. Сейчас же она стояла в распадке между двумя холмами — надо полагать из тех, что она видела с галеры. Вокруг стояли все те же воины, что напали на купеческую галеру — в черных доспехах и рогатых шлемах, вооруженные мечами и боевыми топорами. Несколько человек держали еще и арбалеты, нацелив их на попаданку. Однако Лена сразу же забыла про этих головорезов, едва увидев их предводителя. Он заслуживал внимания хотя бы из-за своего скакуна — если его воины седлали обычных, пусть и крупных лошадей, то главарь восседал на спине огромного, размером с быка, барана, с черной шерстью и красными, как кровь, рогами. Столь же красными были и глаза овна, смотревшие на Лену надменным, почти разумным взглядом. Наездник заслуживал не меньшего внимания: невысокий, чуть ли не карлик, свой рост он компенсировал широкими плечами и сильными ручищами, с могучими мускулами заметными даже под кольчугой. С широкого пояса, украшенного медными пластинками, свисал длинный, слегка изогнутый меч — рукоять украшала искусно выполненная голова козла, а сам клинок был выкован из странной стали — черной с красноватым отливом. Большая голова и длинный загнутый нос делали мужчину похожим на какую-то птицу, однако это сходство портила длинная борода, завивавшаяся черными кудряшками. Выбритую наголо голову венчал массивный обруч из кованого золота, украшенного алыми рубинами. Украшение выглядело несколько перекошенным — с одной стороны корона приподнималось, словно снизу ее что-то подпирало. Впрочем, тут же Лена поняла, что так и оно было — с правой стороны из головы незнакомца выростал короткий толстый рог.

Карлик тоже рассматривал Лену: ее одежда истрепалась за время езды и сейчас он откровенно пялился на проглядывавшие сквозь прорехи женские прелести.

— Это забрали у нее? — он покрутил что-то в руках и Лена дернулась, увидев отцовский нож. Воины схватились за мечи, но карлик лишь криво усмехнулся, оскалив крупные желтые зубы.

— Еще взяли вот это, — один из воинов с поклоном протянул карлику костяной нож Амолы. Тот убрал оружие в одну из кожаных сумок, притороченных к седлу, небрежно швырнул туда же отцовский нож и снова уставился на Лену темно-желтыми глазами.

— А ее кнут? — спросил он. Воин потупил взгляд.

— Не смогли, ваша светлость, — покачал головой он, — он не дался нам в руки. Двое наших умерли от его яда, а когда я попытался разрубить мечом эту мерзость — клянусь Рогатым, проклятый кнут сам спрыгнул в реку и уплыл, извиваясь как змея.

— Наверное, так оно и было, — пробормотал мужчина, — чего только не рассказывают об этих ведьмах. Ну, чего молчишь... жрица? Тебе неинтересно, у кого ты в гостях?

— Думаю, ты скажешь сам, — спокойно произнесла Лена.

Карлик раздвинул толстые губы в издевательской ухмылке.

— И вправду, — хмыкнул он, — Кресцент Роуле, барон Турола. Что же до того зачем мне понадобилось твое общество... об этом ты узнаешь в моем замке.

Лена пыталась сохранять маску презрительного спокойствия, хотя внутри только что не плакала от злобы и унижения, когда ее просто закинули на спину барана. Все это до боли напоминало то, как она впервые въезжала в этот мир: связанная, переброшенная через спину какого-то зверя, в плену у местных отморозков. За время обучения в Монастыре, а особенно — после того, как она прошла через Дракийские княжества, попаданка почти уверила себя в том, что больше с ней такого не случится — и вот, пожалуйста. Увы, сделать ничего нельзя — Кресцент позаботился о том, чтобы обезопасить себя от колдовства Триморфы. Мало того, что ее связали по рукам и ногам, так еще и в рот вставили колышек, с завязками, стягивавшимися на затылке. Так что Лене оставалось лишь хмуро сверлить взглядом проплывавшие мимо деревья, пока они ехали меж лесистых холмов. От барана мерзко пахло, его круп сильно дергался, когда зверь перепрыгивал очередной камень или бревно — от чего Лена пару раз чувствительно приложилась подбородком. Вдобавок его чертов хозяин, то и дело с глумливым смешком похлопывал Лену по заду, по-хозяйски щупая ее упругие ягодицы.

Спутники барона, ехали позади, по-прежнему держа наготове арбалеты. Лена поначалу недоумевала, куда пропали сатиры и минотавры, что вместе с воинами атаквали галеру. Однако, вскоре выяснилось, что рогатые уродцы никуда не делись: в тени высоких дубов и разлапистых елей попаданка крались знакомые сгорбленные тени. Иногда во тьме зажигались желтые глаза, а до слуха Лены доносилось приглушенное бляенье и похотливое чмокание.

Вскоре процессия съехала с лесной тропки на проселочную дорогу. Лес вокруг становился все реже, в нем все чаще замечались следы человеческого присутствия: то большая поленница, сложенная на полянке, то неказистые строения, вроде сараев или охотничьего домика. Затем густо пошла пастбища, где пасли овец и коз смуглые девчонки, почтительно кланявшиеся барону. Выглядели они неважно — тощие, грязные создания, одетые в рваные обноски. Длинные лица отталкивали уродливостью черт и тупой покорностью в потухших глазах. Животные, за которыми они следили, напротив, выглядели пышущими силой и здоровьем, с блестящей черной шерстью, острыми рогами и странно разумными глазами. Почему-то этот контраст особенно напугал Лену, сопоставившую эту странность, со всем, что она видела раньше.

На вершине очередного холма, дорогу, которой они ехали, пересекла другая, более широкая. Здесь их уже поджидали такие же всадники в черных доспехах, не меньше двух десятков. Возглавлял их бородатый мужчина на огромном черном козле. Крутые рога украшали золотые колокольчики, нежно позвякивавшие при каждом движении животного. Его всадник очень походил на Кресцента внешностью и одеждой, но если сам барон был почти карликом, встречавший, напротив, вымахал почти под два метра. Кроме того, он был намного моложе Кресцента. Позади всадников стояло несколько загруженных доверху повозок, среди которых выделялась большая телега, накрытая черной тканью. Рядом стояли, держа наготове длинные копыя, несколько воинов.

— Я вижу, охота была удачной? — сказал молодой человек, — и ты нашел, что искал.

— Нашел, — кивнул Кресцент, — а ты чем похвастаешься перед отцом?

Его отпрыск усмехнулся и подал знак своим подручным. Один из них отдернул ткань и Лена широко распахнула глаза при виде лежавшего в повозке Вулреха, связанного по рукам и

ногам. Обнаженное тело покрывали многочисленные ожоги и раны, среди которых выделялось окровавленное пятно в спутавшихся волосах.

— Нашли в лесу, в полумиле от реки, — пояснил сын барона, — валялся без сознания, как и сейчас. Рядом лежало несколько мертвых наших — не знаю, чем можно было нанести такие раны — будто их грыз зверь. Но и ему здорово досталось от людей брата.

— Кстати, где он? — спросил Кресцент. Его сын пожал плечами.

— Мы собирались встретиться в условленном месте, — сказал он, — но, когда я вышел к Мерте, там уже не было никого. Я решил, что он ушел с тобой.

— Странно, — пробормотал барон, — что бы его задержало? Ладно,ждемся его в замке.

Оба отряда объединились и барон, со своим сыном, — из разговора Лена поняла, что его зовут Трегар, — поехали впереди, о чем-то негромко переговариваясь. Позади, под зорким присмотром стражников, катилась повозка с израненным Вулрехом.

Вскоре леса кончились — дорога сначала шла меж пологих холмов, потом вышла на широкую равнину. Всюду, куда не кинь взгляд, простирались поля, засеянные пшеницей, рожью и иными, неведомыми Лене злаками. Затем пошли сады и виноградники: ветви фруктовых деревьев ломались от самых разных плодов, а толстые лозы, оплетавшие высокие столбы, усеивали гроздья тугих от сока ягод — черных, красных, темно-синих. Среди всего этого изобилия трудились люди, при виде барона кланявшиеся ему и его сыну до земли, на что Кресцент отвечал небрежным кивком. Лена успела отметить, что лица многих здешних крестьян походили на странных пастушек, что она видела раньше, в то время как другие селяне выглядели вполне нормальными.

Солнце уже стояло высоко, когда они вышли к реке — какому-то притоку Мерты. В ее излучине стоял высокий замок из красного гранита, с четырьмя башнями, ориентированными по сторонам света. Над каждой башней реяло знамя — на черном фоне сшибались рогами красные козел и баран. С трех сторон замок окружало течение реки, а с четвертой — глубокий ров. Помимо него строение защищало два кольца зубчатых стен, причем внешнее кольцо ниже внутреннего. Когда они пересекли ров, въезжая в предусмотрительно распахнутые ворота, Лена увидела, что между внешней и внутренней стеной раскинулся лабиринт из терновника и прочих колючих растений. Многим зарослям были приданы причудливые формы — словно зеленые статуи, с алыми цветами вместо глаз и колючими ветками вместо рогов. Лена невольно восхитилась умением здешних садовников, столь искусно сливших всевозможные растения в самых разных существ. Помимо уже привычных сатиров и минотавров, имелись тут и более странные создания: вроде трехглавого великана с двумя козлиными и одной человеческой головой или карликового уродца, вроде козла, но размером с кошку и с человеческим лицом. Всюду вились виноградные лозы, шиповник и зеленый плющ, а в глубине зарослей слышалось журчание невидимых ручейков.

У ворот второй стены хозяев замка встречал молодой человек, лет двадцати: стройный, черноволосый и довольно красивый, хотя и в его чертах прослеживалось сходство с Кресцентом. Рядом с ним стояла девушка, лет семнадцати, в платье из черного бархата, прошитого золотыми нитями. В местах переплетения причудливых узоров блестели мелкие рубины. Черты ее лица выдавали родство девушки, как со стоявшим рядом с ней парнем, так и с более старшей родней. При виде барона алые губы раздвинулись, обнажив жемчужно-белые зубки.

— Наконец-то! — воскликнула она, — теперь, уже скоро, да?!

Черные глаза ее возбужденно блестели, пышная грудь, наполовину обнаженная глубоким вырезом, взволнованно вздымалась. На полупрозрачной ткани, обтянувшей тугие полушария словно вторая кожа, четко выделялись четыре, — по два на каждую грудь, — крупных и острых соска, напоминавших маленькие рожки.

По приказу барона, Лену, все также связанную, бросили в какую-то камеру, завязав ей не только рот, но и глаза. Сколько времени она там провела, Лена так и не поняла, хотя, судя по тому, что она успела проголодаться — несколько часов. Куда дели Вулреха она не знала, как не имела ни малейшего представления и о своей дальнейшей судьбе. Ясно лишь то, что пока ее не собираются убивать — это она поняла еще, когда ее брали в плен на галере. У нее все еще теплилась слабая надежда на змеиный кнут, уже выручивший ее в Чейтене, а также на Кэт, хотя Лена и опасалась, что ее подруга уже мертва. Обуреваемая тревожными мыслями Лена заснула.

Проснувшись она от звука отодвигаемого засова. В комнату, судя по звукам, вошло несколько человек, которые, подхватив Лену за руки и за ноги, вынесли ее из камеры. Спустившись по каким-то ступеням, они зашли в очередное помещение, где Лену внезапно бросили в холодную воду. Попаданка уже испугалась, что ее решили утопить, но тут же она ударилась задом о камень и вынырнула, жадно втягивая воздух носом и протестующе мыча сквозь кляп. Все это походило на нелепое дежавю — уже третий раз в этом мире плен начинался с принудительного купания. Чьи-то мозолистые ладони быстро и деловито, заелозили по ее телу, без какого-либо вожделения растирая ее чем-то шершавым. Закончив с мытьем, Лену тщательно вытерли и вновь куда-то понесли. Попаданка мычала сквозь кляп, даже пытаясь кого-то лягнуть связанными ногами. Ее пленители, не обращая внимания на эти потуги, остановились снова и Лена услышала стук открывающейся двери. Ее внесли в очередное помещение и уложили на что-то похожее на широкую доску. Один из пленителей развязал девушке правую руку, но прежде чем Лена успела что-то сделать, ее кисть куда-то протолкнули, послышался негромкий щелчок и ее словно сдавило тисками. Также поступили и с остальными ее конечностями. Началась какая-то суета — слышался металлический и стеклянный звон, недовольные окрики и тяжелое пыхтение, словно таскали что-то тяжелое. Лена дернулась, замычав от боли, когда на ее живот вдруг опустилось нечто металлическое и очень горячее. До ее ноздрей долетел запах жареного мяса и она, наконец, поняла, где она и что происходит. Странные и унижительные манипуляции над ее телом продолжались примерно час — и за это время Лена успела истечь слюной от разливавшихся вокруг аппетитных ароматов. Наконец, стукнула дверь, послышались знакомые голоса и звук отодвигаемых стульев. Кто-то вдруг резко сорвал повязку с глаз попаданки и она, напрягая шею, смогла приподнять голову и оглядеться.

Она находилась в небольшой зале, с высоким потолком и красными занавесями, обрамлявшими узкие окна. На стенах красовались барельефы с уже набившими оскомину сюжетами: сатиры, минотавры, обычные козлы, быки и бараны сливались в непристойных сочетаниях с обнаженными юношами и девушками. Все это обрамляли орнаменты из виноградных лоз. На потолке же была выписана пугающая фигура — рогатый великан с черной шерстью, красными глазами и фиолетовым языком, вываленным из зубастого рта. На вытянутых ладонях с изогнутыми когтистыми пальцами плясали обнаженные фигурки — люди и сатиры. Между ног великана вздымался исполинский фаллос, который обхватили руками и ногами миниатюрные юноша и девушка, сливавшиеся в поцелуе на массивной

головке. Между окровавленных рогов плясали языки черного пламени. Лена узнала Эгипана — архонта, повелевающего земным плодородием, ближайшего сподвижника Асмодея.

Сама Лена лежала на широком столе из черного дерева. В него были врезаны стальные скобы, к которым крепились кандалы, сковавшие попаданку. В остальном стол выглядел как обычно, ломаясь от всевозможных яств: жареное и печеное мясо, дичь на вертелах, кровяные колбасы и бараньи окорока с чесноком и черносливом. Имелись тут тарелочки с маринованными грибами, тушеные овощи, жареная форель и виноградные улитки, порезанные ломтиками лимоны и апельсины, вазочки с разными соусами. Апофеозом стал зажаренный целиком ягненок, обложенный тушеными перепелками и усыпанный разными специями. Сама Лена также стала частью этого кулинарного изобилия: на ее животе стояло серебряное блюдо, где в густой подливе плавало мелко порубленное мясо. Соски Лены венчали аккуратно разрезанные вишенки, а груди был залиты вязким медом. Его же, судя по ощущениям, залили ей и в промежность, которую Лене тщательно выбрили еще во время «сервировки». Волосы ее были уложены в замысловатую прическу, чтобы они не попали в еду. Вокруг Лены стояли золотые тарелки, лежали вилки и ножи, стояли хрустальные графины с вином

За столом же восседали хозяева замка. Сам барон уже сменил доспехи на роскошный кафтан из черного бархата, с вышитой на груди золотыми нитями мордой козла с мелкими рубинами вместо глаз. Толстые пальцы украшали золотые перстни с черными опалами, в правом ухе красовалась серьга с крупным рубином. Золотые нити были впряжены и в роскошную бороду. Схоже оделся и его сын — разве что драгоценностей на нем было поменьше — всего один перстень с рубином, а на кафтане лишь несколько золотых узоров в виде виноградных лоз. Его же сестра, — Лена решила, что все-таки сестра, а не жена или любовница, — осталась в том же платье, в котором и встречала родню. Разве что в глубоком вырезе на груди добавилось рубиновое кольцо, а на ушах — сережки с черными бриллиантами. Скромнее всех выглядел молодой человек — он носил лишь черный наряд с капюшоном, делавший его похожим на монаха. Из украшений он имел лишь золотую заколку в волосах в виде небольшого паучка. За спинами барона и его отпрысков сновали слуги в одинаковых темно-серых нарядах, разливавшие по бокалам вино и расставлявшие блюда с разными лакомствами.

Пятый стул, стоявший в стороне от остальных, пустовал. Лена не успела понять, что это значит, когда Кресцент, дождавшись когда слуги разольют всем вина, встал с бокалом в руках. Следом поднялись и остальные члены семьи.

— Я думал, — неожиданно звучным голосом произнес барон, — что мы соберемся за этим столом, в преддверии радостного события. Увы, грядущее торжество омрачилось скорбной вестью. Только что прибыло несколько людей — последние выжившие из отряда Гарона. Как не печально, но мой старший сын, а ваш брат погиб.

Все четверо скорбно склонили головы, но Лене показалось, что Трегар поспешно спрятал в бороде довольную усмешку.

— Мне пока не понятно, как это случилось, — продолжал Кресцент, — но я уверен, что не обошлось без проклятых Виркленов. Эгипан свидетель — они заплатят за смерть Гарона.

— Заплатят, — выдохнули остальные, а барон залпом осушил бокал.

— Трегар, сын мой, — продолжал Кресцент, — отныне ты старший из моих сыновей и наследник Турольского баронства.

— Это великая честь, отец, — склонил голову Трегар, — клянусь Эгипаном, Вирклены

ответят за свои преступления перед нашей семьей. Это хоть немного искупит мою вину перед братом — за то, что я не поспел вовремя, чтобы спасти его.

— Уверен, что ты скорбишь больше всех, брат, — негромко произнес молодой человек. Трегар метнул на него подозрительный взгляд, но промолчал. Лена же еще больше уверилась в том, что Трегар не случайно «опоздал» на помощь брату.

— Не вини себя, сын, — сказал Кресцент, — Гарон сам виноват в своей гибели. Если бы он, схватив эту девку, вернулся на наш берег, то остался бы жив. Вместо этого он решил продолжить набег — и сам видишь, к чему это привело. Хорошо еще, что он успел отправить эту девку ко мне, хотя, если бы он не отпустил с нею часть своих людей, то может и не погиб так глупо. Но с другой стороны, если бы я упустил еще и ее...

— Что такого в этой девчонке? — девушка, спрашивавшая это, была младше Лены лет на восемь, — что из-за нее столько шума? Зачем она Таскулату?

Все уставились на Лену с таким видом, словно чертова семейка только сейчас увидела на своем обеденном столе голую девушку.

— Если захочет, герцог сам все расскажет, — усмехнулся Кресцент, — он прибудет сюда через три-четыре дня. Так что наша... гостя успеет побывать на твоём празднике, Люсинда.

— Уверена, ей там понравится, — рассмеялась девушка, — кстати, она, наверное, проголодалась? Пусть кто-нибудь уберет этот дурацкий кляп.

— Почему бы и нет, — кивнул барон и, протянув руку к лицу Лены, предупредил, — не дури девка. Что бы ты там себе не думала, а поесть тебе точно не помешает.

Лена молча кивнула — она уже боялась захлебнуться слюной от разливавшихся вокруг аппетитных запахов. Барон выдернул из ее рта кляп и, насадив на вилку кусок мяса, поднес к ее рту. Лена, решив пока забыть про гордость, сорвала зубами еду и принялась тщательно жевать. Проглотив нежнейший, тающий во рту кусок, она вопросительно глянула на Кресцента и тот, усмехнувшись, положил ей в рот еще.

— Этот козленок из моих стад, — сказал он, глядя как Лена жадно поедает угощение, — приготовлен по нашему фамильному рецепту. Да и мяса такого ты больше нигде не найдешь. Ты знаешь, что у сатиров нет своих самок? Зато они могут давать потомство и с козами и с женщинами. Ну, а то, что получилось от этой связи, я потом скрещиваю снова — и получаю новый приплод. Именно поэтому, кстати, все мои стада пасут только девчонки. Так вот, когда нужно выбирать, кого отправить на убой....

Его слова перебил жестокий кашель: Лена поперхнувшись, с омерзением выплевывала полупережеванное мясо. Кресцент расхохотался и, насадив на вилку очередной кусок, окунул его в соус и с наслаждением отправил в рот.

— Запей, — молодой человек поднес к губам Лены бокал с вином. В его глазах мелькнуло странное выражение — некое смущение или даже сочувствие. Лена исподлобья посмотрела на него, но все же сделала несколько глотков. Парень наколот на вилку небольшой грибочек и дал ей прожевать, потом дал еще вина и закусить улиткой.

— После Брокгарта ты размяк, Ватис, — усмехнулся Трегар, — коль уж мы кормим эту сучку — пусть и она покормит нас.

Он отодвинул брата и припал к груди Лены, снимая губами вишенку. Слегка задержался, прикусив дрожащий сосок, слизал мед с груди девушки и довольный сел за стол. Меж тем барон ухватил со стола большой нож, — скорей даже тесак для рубки мяса — и внезапно обрушил его на стол рядом с прикованной ногой Лены. Та даже не успела

испугаться — лишь потом ее прошиб холодный пот при мысли, что с этой чертовой семейки станется порубить ее на куски, прямо на обеденном столе. Но все обошлось — барон отрубил ножку ягненку и, подмигнув Лене, уселся на свое место, жадно вгрызаясь в мясо. Бараний жир стекал по его бороде, пачкая черный кафтан.

— У меня осталось всего два сына, — пояснил он, — но оба — на своем месте: один воин, второй священник. Трегар уже отмечился подвигами на поле боя, а Ватис учился в Великом храме Баала в столице и скоро станет епископом Турола.

У Лены возникло впечатление, что не только Трегара порадовала смерть старшего брата, — интересно, чем собственный наследник не угодил Кресценту? Что же до младшего сына, то его доля выглядела не столь уж и завидной — да Баал, «первый среди архонтов», но традиционно считается, что он редко вмешивается в дела людей. Ни один знатный род Империи не ведет от него начала, а его служители не обладают такой властью, как жрецы того же Асмодея или даже Эгипана.

— Но важнее всего — праздник Люсинды, — продолжал барон, улыбнувшись дочери, — Трегар мой наследник, но ее сын продолжит наш род после него.

— Не могу дождаться, отец, — с горящими глазами сказала Люсинда, — а то сестры уже смеются надо мной: я старшая, но все еще девственница.

— Твоя невинность — это дар, — сказал барон, — не стоит отдавать его кому попало. Скоро взойдет Рогатая Луна и ты разделишь брачное ложе с женихом, равного которому не найти во всей Гроскании. Наша гостья должна гордиться своим участием во всем этом

Эти гнилые намеки нравились Лене все меньше.

— Разве я не нужна вам? — сказала она, — точнее этому вашему герцогу?

— Да, Тускулату ты нужна живой, — осклабился Кресцент, — но он ничего не говорил о твоей невинности... да и откуда ей взяться у некрийской шлюхи. Ты и твой приятель станут лакомой приправой для главного блюда — хотя тебе и повезет больше чем ему... просто потому, что ты проживешь дольше. Впрочем, в казематах Тускулата ты, возможно, сама позавидуешь судьбе своего дружка.

Он хищно оскалился, глядя в наполненные тревогой глаза Лены и, наклонившись, впился толстыми губами в ее сосок, больно прикусив его. Струйка вишневого сока, смешанного с кровью, стекала по ребрам девушки, пока Кресцент, с животным урчанием слизывал мед с ее груди. Его сыновья, встав по обе стороны стола, принялись есть мясо с живота девушки, тогда как Люсинда, с похотливым смешком протиснула мордочку меж раздвинутых ног Лены. Жаркое дыхание обожгло ее промежность и попаданка невольно застонала, пока похотливый язычок жадно слизывал мед с ее половых губ.

«Ели мясо мужики, пивом запивали...»

— И тогда я говорю ей: «Извини подруга, но с меня хватит рыбы на сегодня».

Мужской хохот грянул столь сильно, что придремавший на своем насесте ястреб-тетеревятник тревожно вскинулся, захлопав крыльями и издав громкий клекот. Кто-то бросил птице кусок мяса и хищник, успокоившись, принялся терзать подачку, бросая настороженные взгляды на гулявшее внизу сборище.

Веселая пирушка шла в трапезной храма Агареса — очередного архонта, первопредка и покровителя баронов Вабарии. Сам герцог-демон обретался здесь же — в виде огромной, на всю стену, фрески: могучий старик, в черных доспехах и шлеме в виде оскаленной пасти какого-то гада. Он восседал на спине огромного крокодила, а на руке его расправлял крылья ястреб-тетеревятник. На других фресках подобные же птицы терзали человеческие трупы, а крокодил Агареса пожирал их целиком, в то время как на заднем плане сходились в жестоких боях огромные армии.

Под отеческим взглядом своего патрона и праздновали сейчас вабарцы за огромным столом, чуть ли ни на всю трапезную. Во главе стола восседал Герхарт Вирклен — сняв шлем и доспехи, баронский наследник оказался симпатичным молодым человеком, с коротко стриженными светлыми волосами. Рядом восседал хозяин здешних мест — статный мужчина, лет пятидесяти, в черной мантии, расшитой серебряными нитями, и небольшой зеленой шапочке, украшенной ястребиными перьями. Фигурка ястреба из черного гагата и нефритовыми бусинами вместо глаз, свисала и с его шеи на серебряной цепочке. Пояс же, охватывавший его талию, представлял собой хватавших друг друга за хвосты медных крокодильчиков, покрытых зеленой патиной. Одельберт, жрец Мертского Храма, считался одним из самых влиятельных феодалов Вабарии, а его Храм, расположившийся в устье впадавшей в Мерту небольшой речушки, — самым богатым в баронстве. Помимо земель самого храма, во владениях Одельберта имелось с пару десятков деревень и несколько зажиточных городков, контролирующих важный отрезок Мертского торгового пути. Именно жрец, когда начались набеги из-за реки, обратился за помощью к барону — и он же заступился за Кэт перед его наследником, когда тот притащил плененную кошкодевку на суд Владыки.

— Если Страж не тронул это создание в собственных владениях, — сказал Эдельберт, — значит, не счел ее врагом или чужаком. А раз он доверился ей — значит, можем и мы.

На этом и порешили — и Кэт, считавшаяся доселе пленницей Герхарта, стала кем-то вроде почетной гостьи. Ей нашли женскую одежду — блузку с корсажем и широкую юбку, чуть выше колен, после чего усадили за стол вместе с остальными. Кэт быстро стала душой компании, подхватывая пьяные здравицы, травя байки и кокетничая с молодыми воинами. Те были уже достаточно пьяны, чтобы не замечать кошачьи уши и глаза Кэт, относясь к ней, как и к любой девушке, попавшей на гулянку вояк.

— Выпей, моя киска, — верзила с рыжими усами и красной от выпитого рожей, поставил перед ней полную кружку, — настоящее вабарское пиво, лучшее в Империи.

Кэт пригубила — «вабарское пиво», сваренное на меду и каких-то травах, и впрямь оказалось отменным. Она улыбнулась воину, а тот, воодушевившись этим знаком внимания, положил руку на колено девушки. Кэт улыбнулась снова — самой милой своей улыбкой, — и

черты ее лица вдруг смазались, оно покрылось черной шерсткой, растопорщились тонкие вибриссы. Кошачья морда неторопливо зевнула, обнажая острые клыки. Незадачливый ухажер испуганно шарахнулся, вскочив из-за стола.

— Ты куда, Орто? — потянул его за рукав собутыльник.

— Да так, — мигом протрезвевший Орто ошеломленно уставился на мило улыбающуюся ему девушку, — мерещится всякое. Пойду, облегчусь.

Ошалело оглядываясь он, спотыкаясь, выскочил из трапезной. Кэт, рассмеявшись про себя, налегла на пиво, закусывая всем, что попадалось под руку. Благо выбор оказался велик: прямо перед ней стояло блюдо с огромными, красными как кровь, вареными раками. Имелась тут и разная рыба, — вяленая и жареная, — и гусиные яйца, фаршированные щучьей икрой, и запеченная свиная рулька и белые колбаски с горчицей и тушенной капустой и дикая утка фаршированная грушами и яблочный пирог политый чем-то вроде заварного крема с ягодами. Все это запивалось «настоящим вабарским пивом» и каким-то крепким напитком, пахнущим грушей. Кэт не преминула отведать от каждого блюда, воровато оглядываясь — не заметил ли кто ее «шалости»? Но тут встал жрец с очередным тостом и про «неловкость» между Кэт и Орто сразу забыли.

За одним исключением.

Не первый раз Кэт ловила на себе внимательный взгляд одного из воинов, сидевшего напротив. На первый взгляд ничего примечательного — обычный парень, с взлохмаченными рыжевато-каштановыми волосами и серыми глазами, одетый также как и остальные воины. Как и они, он налегал на еду и выпивку, вместе со всеми орал пьяные здравицы и воинственные песни. И все же, что-то неуловимое в его внешности показывало, что он не так прост, как его соратники. В его взглядах, брошенных на Кэт, читался не просто мужской интерес, подогретый выпивкой, но что-то иное... оценивающее или изучающее. После того, как Кэт показала злосчастному Орто свой кошачий лик, что-то дернуло ее оглянуться — и тут же она наткнулась на пристальный взгляд. Встретившись глазами с кошкодевкой, наблюдатель ничуть не смутился, но заговорщицки приложил палец к губам и кивнул на жреца. Кэт нарочито небрежно пожала плечами и перевела взглядна Одельберта.

— Иные могут сказать, — говорил жрец, — стоит ли одержанная победа сегодняшнего праздника? На нас напали, ограбили и убили купцов, находившихся под нашим покровительством, разграбили несколько деревень, сожгли баржи с зерном, убили крестьян на нашем берегу — а мы лишь отогнали прихвостней Кресцента с его рогатым отродьем. Так что мы празднуем, воины Вабарии?

Он сделал многозначительную паузу, обводя торжествующим взглядом недоумевающие лица, потом перевел взгляд на Герхарта. Тот усмехнулся и поднял кубок.

— Праздновать есть что, — ответил наследник барона, — Гарон Роуле, старший сын Кресцента, нашел свою смерть у священной ивы. Его тело не попадет в усыпальницы Роуле, а дух не окажется в Лимбе — вместо этого он будет вечно служить Стражу Мерты, первопредку досточтимого Одельберта. Такая кара ждет тех, кто осмелится поднять руку на наши святыни и так укрепляется сила и слава Вабарии!

Конеч его речи заглушил одобрительный гул, кто-то в восторге застучал по столу, поднимая кубки за сказанное. Кэт охотно присоединилась к славословиям — она уже поняла, что речь идет о том грубияне, что велел спалить ее вместе с деревом

— Немногие из живущих, — вновь наполнил кубок жрец, — достаивались чести участвовать в Речной Пляске. Даже просто увидеть ее и пережить эту ночь удавалось не

всем.

Подождав пока стихнет одобрительный гул, Одезьберт повернулся к гостье.

— Чужой в наших краях, наверное, непонятно о чем я. Во времена, когда на месте Вабарии шумели бескрайние ласа, а по берегам Мерты ютились лишь разрозненные общины охотников и рыболовов, архонт Агарес отметил эту землю. В обличье крокодила он сошелся с речной девой и от этой связи родился тот, кого назовут Флэсбистом — основателем моего рода. Тогда же Агарес отправился вглубь лесов и там, в обличье ястреба, овладел одной из Белых Женщин, духов леса — и отпрыск от этой связи стал первым бароном Вабарии. От других его любовниц повели род прочие знатные семьи. Что же до моего предка — то Флэсбист, прожив втрое дольше, чем любой из людей, умирая, завещал похоронить себя на одном из речных островов, посадив иву на его могиле. Это стало обычаем у знати Вабарии — ты же видела ивы и болотные дубы возле храма? Под каждым деревом похоронен кто-то из моих предков. А дерево, что ты видела на острове — могила прадеда, ставшего Стражем Мерты.

Он поднял кубок.

— И по сей день речные девы выходят из реки, услаждая взор Флэсбиста своим танцем. Никогда я не думал, что буду сидеть за столом с одной из участниц Речной Пляски — но Страж Мерты отметил вас и этот кубок — ваш по праву. Не часто наши края посещают посланницы Храма, но Вабария всегда рада гостям из Некрарии.

Все взгляды устремились на Кэт, явно ожидая от нее ответной любезности. Кошкодевка, почувствовав вдруг несвойственную ей неловкость, сдержанно улыбнулась жрецу и, ухватив кубок, встала из-за стола.

— Я, вообще-то даже не жрица, — начала она, — но сюда мы пришли вместе с жрицей, это правда (про себя Кэт решила, что здешним не нужно знать о всех нюансах посвящения Лены). И вот ее эти уроды рогатые и забрали — а с ней и Вулреха, барона этого, как его... Ловенвальда! Мою подругу они хотели взять живой — тот, сынок баронский, как говорил, что меня им брать живой не велели — значит Ленку...то есть жрицу Олену, как раз велели. Наверное, она еще жива.

— Если и так, то ненадолго, — пожал плечами Герхарт, — у Кресцента молодые и красивые, — а твоя спутница именно такая, как рассказали уцелевшие гребцы с купеческих барж, — в общем, такие у барона долго не живут. А уж если вспомнить, какая ночь на подходе.

— Что за ночь?

— Ночь Рогатой Луны, — пояснил жрец, — священный праздник Эгипана, от которого ведут род Роуле. Такая ночь бывает раз в поколение — и барон уж точно не упустит случай почтить архонта достойной жертвой.

Кэт посмотрела в окно, где над рекой вставал круглый желтый диск.

— Не вижу рогов, — с вызовом сказала она.

— Эта ночь наступит через два дня, — сказал жрец.

— Тогда мы можем успеть! — воскликнула Кэт, — отбить ее и Вулреха у этих подонков!

— Вы многого хотите, — расположение к гостье у Герхарта сменилось раздражением, — одно дело бодаться друг с другом на реке и совсем другое — идти в самое логово Кресцента, по лесам кишацим сатирами, минотаврами и Эгипан ведает кем. Мы никогда так не делали — как и Кресцент не повел бы свое войско к замку моего отца.

— Вы же старые враги, как я слышала...

— Сейчас не старые времена, — покачал головой Одедьберт, — и в Брокгарте и в Немиолане не обрадуются, если мы развяжем полноценную войну с Туролом...

— Я думала, что вы поможете...

— С какой это стати? — пожал плечами Одедьберт — я не отказываюсь от своих слов, но, вы, похоже решили, что мы вам чем-то обязаны. Но это мой первопредок, как я понял, спас вас — так что если кто кому и обязан так точно не мы.

— Не больно то и хотелось, — огрызнулась Кэт, — если у вас не хватает смелости, я и сама спасу Ленку.

— Ты обвиняешь меня в трусости? — голос Герхарта прозвучал спокойно, но даже Кэт почувствовала, что это спокойствие змеи перед броском. Лица остальных воинов будто окаменели — только что перешучивавшиеся с кошкодевкой, теперь они старательно отводили глаза. Кэт уже поняла, что зашла слишком далеко, но отступить все равно не собиралась, готовясь ответить очередной колкостью.

— Разве в Ловенвальде не отблагодарят тех, кто освободит их барона? — вдруг подал голос тот самый воин, что переглядывался с Кэт. Этой реплики, похоже, никто не ожидал — Одедьберт и Герхарт даже на миг застыли, словно не понимая, откуда донесся голос.

— Ты забываешься, Ханген, — процедил баронский отпрыск, — ты стал много себе позволять, с тех пор как вернулся из Брокгарта. Не тебе и не этой... " даже не жрице", указывать с кем воевать наследнику Вабарии. Что же до барона Ловенвальда — кто вообще его видел? Я слышал, он пропал несколько месяцев назад...

— Потому что он сидел в тюрьме секейской суки, — воскликнула Кэт, — а мы с Леной его освободили.

— Если это правда, — добавил голос Ханген, — в Брокгарте не обрадуются, если вы оставите одного из влиятельных аристократов в плену у Кресцента.

— Кресцент не менее влиятелен, — передернул плечами Герхарт, — и за него вступится король Гроскании.

— Станет ли он покрывать своего вассала, если его поймают на горячем?

Кэт окончательно уверилась, что Ханген не простой воин — простые воины как раз сидели, раскрыв рты, словно не веря, что кто-то из них способен спорить с наследником. Герхарт нахмурился, словно собираясь что-то сказать, когда его вдруг прервал громкий клетот. На своем насесте ястреб-тетеревятник хлопал крыльями и щелкал клювом, пуча желтые глаза. Кэт проследила за его взглядом и увидела на столе чешуйчатую ленту, что скользила между блюд и кубков. Блеснули недвижные глаза и из приоткрытой пасти раздалось громкое шипение.

— Не надо! — крикнула Кэт, заметив, что несколько воинов схватились за мечи, — не убивайте ее!!!

— И вправду, обождите, — поддержал ее Одедьберт, внимательно рассматривавший змею, — это не обычная гадина.

Змей выполз на середину стола, шипя и играя раздвоенным языком. Извивы чешуйчатого тела становились все быстрее, переплетаясь так быстро, что за ними успевал глаз, шипение становилось все громче — и вдруг змеиные кольца словно размножились, распавшись уже не на одного, а на семь шипящих гадов. Все они, словно сноп колосьев в пучке, выросли из небольшого жезла, покрытого мелкими чешуйками.

— Что это?! — воскликнул Герхарт.

— Змеиная плеть, — сказал Ханген, — я видел такую у жриц Скилакагеты в Брокгарте.

— Да, это она, — подтвердил Одельберт, бросив взгляд на Кэт, — это твоей подружки?

— Больше не от кого, — кивнула Кэт, — а значит, она еще жива! Если бы она умерла, змея бы вернулась в Никтополь, а не ползла сюда. Не трогай, дурак!!!

Последнее относилось к одному из воинов, что протянул было руку к жезлу. Все семь змей взвились словно ошпаренные, зашипев раз в десять громче, капая ядом с изогнутых зубов. Воин отпрянул, стиснув руку на рукояти меча.

— Убить его — оскорбление Триморфе, — предупредила Кэт.

— Я не поклоняюсь вашей богине, — проворчал Герхарт, не сводя взгляда со змея, в которого вновь обратилась плетка, — если эта тварь так предана жрицам — что мешает ей самой отправиться на помощь твоей подруге.

— Она и отправилась! — воскликнул Ханген, — она приползла в Храм, потому что знает, что помощь придет отсюда. И ее не остановил ни Страж Мерты, ни предки почтенного Одельберта, что похоронены в роще близ храма — потому что им угодно, если мы поможем спасти спутников нашей гостьи.

Одельберт и Герхарт быстро переглянулись.

— Это похоже на правду, — сказал жрец, — и если такова воля Крови Агареса.

Герхарт закусил губу, переводя взгляд то на Кэт, то на извивающуюся на столе змею.

— Я не могу сам идти в бой, — наконец сказал он, — отец запретил мне переходить реку. Но... я не могу уследить за всеми. Если кто-то из моих воинов, на свой страх и риск захочет устроить набег на владения барона — я не смогу им помешать. Даже если их возглавит мой помощник, — он в упор посмотрел на Хангена. Тот коротко кивнул в ответ и перевел взгляд на Одельберта.

— В моем возрасте уже поздно идти в бой, — усмехнулся жрец, — и вряд ли барон будет в восторге, если я открыто поддержу этот набег. Но я не стану, не имею права, и осуждать тех, кто захочет отомстить за попытку осквернения нашей святыни...

— Благодарю Владыка, — кивнул Ханген и взглянул на Кэт, — твоя просьба исполнена, жрица... или кто ты там. Твоя очередь показать нам какой от тебя прок в бою.

Кэт улыбнулась и под жадными мужскими взглядами начала неторопливо расшнуровывать завязки корсета. Сбросив его вместе с юбкой, она вдруг запрыгнула на стол, а оттуда — на ближайший подоконник. Ошеломленные воины — в том числе Ханген, Герхарт и Одельберт, — уставились на огромную кошку, что оглашала трапезную мяукающим воем, которому вторило змеиное шипение и ястребиный клекот.

«Чтоб из-под земли не лез, на тебе поставлю крест...»

Лена снова томилась в плену: после мерзкого пиршества ее вернули в камеру, где и оставили скованной по рукам и ногам, с кляпом во рту. Глаза, правда, больше не завязывали, но в крошечной темноте толку от этого было немного. С тех пор как ее поместили сюда, Лене лишь раз смогла рассмотреть свое узилище: когда желтоглазый слуга с вытянутым уродливым лицом и волосатыми заостренными ушами, принес ей кружку с холодной водой, ковригу черного хлеба и миску с жареным мясом. Лена жадно выхлебала воду и сжевала кусок хлеба, но так и не смогла заставить себя прикоснуться к мясу. Похоже, иного от нее и не ждали: слуга издал блеющий смешок и вышел, забрав факел, после чего камера вновь погрузилась во мрак. Все же Лена успела рассмотреть, что находится в небольшой камерке, с низким потолком и клочками соломы, разбросанными по полу. В углу стояла большая бадья, от которой исходил слабый, но вполне узнаваемый запах, подсказавшей Лене, что бадья предназначена для отправления естественных надобностей. В дальнем углу что-то белело — Лена не успела разглядеть, но ей показалось, что это кости одного из ее предшественников. Лене, правда, эта участь пока не грозила: Кресцент ясно дал понять, что будет держать ее здесь, пока не явится заказчик этого похищения. Лена даже не особенно удивилась, узнав, кто именно стоит за всем этим — слишком часто, в последнее время она слышала о герцоге Тускулате, чтобы рассчитывать так и не столкнуться с ним. Но еще раньше ее собирались использовать в каком-то здешнем празднестве — а вот о том, какие развлечения приняты в этом притоне у Лены имелись самые мрачные подозрения. Однако скованная по рукам и ногам она все равно не могла ничего сделать — и попаданке ничего не оставалось как, подгребя под себя клочки соломы, сомкнуть глаза и постараться заснуть.

Разбудил ее стук двери и яркий свет, ударивший ей в глаза. Приподнявшись на локтях, Лена уставилась на выросшую в дверях фигуру.

— Эй, — послышался громкий шепот, — не спишь?

Глаза Лены привыкли к темноте и она увидела Ватиса. Младший сын барона держал в одной руке факел, а в другой тарелку с чем-то испускавшим дивный запах.

— Я принес тебе поесть, — сказал он, ставя тарелку на пол, — хотя мне сказали, что ты отказываешься от мяса.

— От этого я не откажусь, — усмехнулась Лена, неуклюже ухватывая скованными руками тарелку с поджаристыми перепелами. Пржнее угощение лишь раздражило ее голод, так что она принялась жадно разрывать птицу, давясь нежным мясом и хрустя мелкими косточками. Закончив с этим, она вытерла жирные руки о солому и бросила настороженный взгляд на Ватиса.

— Спасибо, конечно, — сказала она, — но с чего бы это?

— С того, что я не хочу, чтобы ты попала в руки Тускалату, — сказал Ватис, — и тем более, не желаю тебя видеть на том празднике.

— Там и правду все так мерзко, как я думаю? — спросила Лена.

— Не то слово, — сказал Ватис, — там не место ни тебе, ни сестре. Если Люсинду я не смогу оградить от этого паскудства, — прежде всего потому, что она сама ждет с нетерпением, — может, я спасу хотя бы тебя.

— И что ты предлагаешь? — с внезапно вспыхнувшей надеждой спросила Лена.

Ватис достал из-за пояса связку ключей.

— Я подмешал сонного зелья в вино, — пояснил Ватис, — и в то, что разносят моей семье и то, что пьет Прандо, наш начальник стражи. Так что теперь они все крепко спят — и отец и брат с сестрой, ну и Прандо, у которого я взял эти ключи.

— Ну, так снимай тогда эти чертовы железки, — нетерпеливо воскликнула Лена.

Не то, чтобы она сразу прониклась доверием к Ватису — скорей всего это очередные внутренние терки в, похоже, не сильно дружной семейке. Но если их раздоры помогут ей выбраться из этого вертепа — так на здоровье.

Ватис, перебрав несколько ключей, нашел нужный и, провозившись с оковами, сумел отомкнуть кандалы. Лена поднялась на ноги, морщась и растирая запястья.

— Неплохо бы и приодеться, — заметила она, — голой я далеко не уйду.

— Я найду тебе одежду, — сказал Ватис, — а еще отдам то, что ты точно захочешь забрать. Но нужно поторопиться.

— Отдать? — Лена с интересом посмотрела на баронского отпрыска, — о чем ты?

— Твои ножи...и еще кое-что, — объяснил Ватис, — то, что взяли наши воины, когда пленили тебя. Отец решил отдать это в семейную часовню Баала, но, как по мне Первый Архонт не примет ворованного.

— Тоже уверена в этом, — нетерпеливо сказала Лена, — ну же, веди скорей.

Настороженно оглядываясь, Ватис выглянул наружу и, убедившись, что никого рядом нет — поманил Лену за собой. Идти голой было неудобно, но Лена все же поспевала за быстро идущим Ватисом. Они проходили мимо железных дверей, из-за которых порой доносились глухие стоны. Свет редких факелов выхватывал на стенах фрески, от одного взгляда на которые Лену мутило. Создавалось впечатление, что некий скульптор-маньяк решил изобразить мясную лавку: на огромных столах и на полу лежали освежеванные туши козлов, овец...и людей, целые и расчлененные на части. Тут же висели, подвешенные на крюках, освежеванные тела: вроде бы людские, но с рогами и копытами. Все эти тела разрубали топорами, освежевывали с помощью длинных ножей и крюков, такие же рогатно-копытные твари, поросшие черной шерстью.

Пройдя по мерзкому коридору, они оказались перед небольшой дверью. Ватис толкнул ее и поманил Лену за собой. Вдвоем они взбирались по винтовой лестнице, минуя один за другим лестничные площадки, с дверьми, выводящими, надо полагать на разные этажи замка. Наконец, они остановились перед небольшой железной дверью и и Ватис, повозившись с замком, Ватис распахнул ее, приглашая Лену войти.

— Где мы? — спросила попаданка, с интересом осматривая небольшую комнату.

— В часовне Баала, — пояснил Ватис, — в западной башне.

Под потолком висел колокол — металлическое чудовище в виде головы дракона и с веревочным языком почти до пола. Чуть ниже виднелось круглое окно, похожее на иллюминатор, а перед ним — алтарь из черного камня. На нем стоял идол — четырёхрогий и трехглазый демон сидевший на троне в золотой короне. Вокруг лежали оружие и драгоценности — подношения Первому Архонту. Глаза Лены радостно вспыхнули, когда она увидела отцовский нож и костью нож Амолы. Здесь же лежал нефритовый «жезл» из Чейтена.

— Мне не нужно чужого, — сказал Ватис, — забирай.

Лена благодарно кивнула и ужешагнула к алтарю, как вдруг вспомнила кое-что.

— Я не могу уйти без Вулреха...

Только быстрая реакция, помноженная на навыки рукопашного боя, позволили ей увернуться от Ватиса, метнувшегося к ней с ножом в руке. Злоба, исказившая красивое лицо, полностью преобразила баронского отпрыска — как никогда явственно в нем проступило сходство с отцом и старшим братом. Но против Лены он оказался недостаточно быстр: ударом ноги попаданка выбила нож из его руки, рубанула ребром ладони по горлу мерзавца и, крутанувшись на месте, добавила еще ногой по животу. Ватис, отлетев в сторону, упал на спину и что-то громко хрустнуло, когда он треснулся головой о дверной косяк. Лена посмотрела на брошенный нож: на черной рукояти блестел вытравленный золотом солнечный диск.

— Вот, значит, кто ты такой, — прошептала она.

Ватис не отвечал и, присмотревшись, Лена поняла, в чем дело: под головой неудавшегося убийцы уже растекалась лужа крови. Тщательный осмотр подтвердил первое впечатление — Ватис сильно приложился виском о пол и отдал душу Солнцу.

— Нет уж, козленочек, так легко ты от меня не отделаешься, — процедила Лена. Она беззастенчиво содрала с Ватиса хламиду и натянула на себя, подпоясавшись его же поясом. За него она заткнула оба ножа и жезл, что даже сейчас мерцал слабым зеленым светом. Присев рядом с трупом, Лена окунула палец в кровь Ватиса и начертила вокруг него неровный круг, изобразив по краям нужные символы. Пошарившись в шкафчике из черного дерева под алтарем она нашла небольшую жаровню, огниво и связки разных трав. Бросив несколько пучков на жаровню, Лена подожгла их и, дождавшись, пока по комнате распространится едкий дым, полоснула по пальцу отцовским ножом. Вытянув руки, так чтобы кровь капала на тлеющие травы, она начала монотонно произносить слова заклинания, из тех, что обучили ее в Монастыре.

— Услышь меня о Владычица, подземная, земная и небесная, Скилакагета Триморфа, богиня широких дорог и перекрестков. Ты, что бродишь среди призраков и могил, подними из Лимба дух того, кто затаил зло против чтящей Тебя! Пусть он явится ко мне сквозь собственное мёртвое тело и исполнит мои приказания!

По мере произнесения этих слов, труп Ватиса начал шевелиться — его щеки порозовели, руки и ноги подергивались, будто он пытался встать, губы и веки дрожали. Внезапно он выпрямился, усевшись прямо посреди круга, уставившись на Лену остекленелыми, мертвыми глазами. Рот приоткрылся, обнажив острые зубы и внезапно он с диким воем метнулся к попаданке — чтобы быть отброшенным невидимой силой обратно в круг. Губы Лены искривились в презрительной усмешке.

— Ну что же ты, козленочек, — сказала она, — ты же умненький. Или в Храме Баале не учат, для чего нужен это круг?

— Чего тебе нужно? — голос Ватиса звучал слабо, словно мышинный писк в подполье, но даже сейчас в нем слышались отголоски лютой злобы.

— У меня есть вопросы, — пожалала плечами Лена, — а у тебя ответы. Ты из «Детей Рассвета»?

— Да, — неохотно признался живой мертвец.

— Давно?

— Когда учился в Храме.

— Вот как, — приподняла бровь Лена, — и что, много вас там таких?

— Немного, — слабая улыбка на бескровных губах, — «Дети» не спешат открываться миру.

— И все же тебе они открылись, — задумчиво произнесла Лена, — почему?

— Потому что я ненавижу все это! — с неожиданной для мертвеца пылкостью выплюнул Ватис, — всю кровь, жестокость и разврат, которыми упиваются твари, что мы именуем архонтами. Мои наставники раскрыли, что некогда все было иначе — и что Солнце, единственный бог, однажды взойдет над миром и выжжет заполонившую его мерзость.

— Все это я уже слышала, — зевнула Лена, — от твоих собратьев в Некрарии. Правда, они плохо закончили — как и ты.

— Их смерть не стала напрасной, — истово сказал Ватис.

— А твоя, — усмехнулась Лена, — что ты сделал для Рассвета в свои годы?

На бледном лице проступила тень горделивого превосходства.

— Кое-что сделал, — усмехнулся он, — или ты и вправду думаешь, что Гарон сам додумался перейти Мерту, а Трегар случайно «опоздал» прийти ему на помощь. Мои братья сильны, но не особо умны, так что мне оказалось несложно подобрать слова, чтобы убедить их сделать так, как я хочу. Жаль, что Гарону не удалось уничтожить Стража Мерты, но все равно — новые распри между Туролом и Вабарией пойдут нашему делу только на пользу.

— Твой отец не особо огорчился смерти старшего сына, — заметила Лена, — почему?

— Потому что Гарон был дурак, — скривил губы мертвец, — и плохо скрывал, что желает отцовский престол. С Трегаром проблем у отца меньше: он всегда был послушным сыном... хотя и столь же омерзительным братом, как и Гарон.

— У тебя на них зуб? — спросила Лена.

— Посмотри сюда, — он указал на промежность, — может поймешь.

Лена бросила взгляд на тощее междуножье и невольно отвела взгляд, увидев жуткую рану.

— Гарон решил подшутить в детстве, — зло произнес Ватис, — хотел посадить меня на проклятого козла, как на лошадь, но тот стал бодаться и вот... ненавижу этих тварей.

— Печально, — без всякого сожаления произнесла Лена, — то есть ты с недотраха так озлобился на весь мир?

— Если бы дело было в этом, — сказал мертвец, — но братики постарались, чтобы у меня не было недостатка в плотских утехах.

— То есть они тебя...

— Всякий раз когда напивались. Да и эта сучка, Люсинда, ничем не лучше... мне было пятнадцать, когда она впервые явилась ко мне ночью, в одной ночной рубашке. С подачи отца она берегла свою невинность и она знала, что я не способен ни на что, как мужчина. Однако плотские желания сжигали ее — и она нашла выход: приходила ночью, пока я спал и садилась мне на лицо, чтобы я...

— Не думаю, что ты был против, — усмехнулась Лена, — знаешь, сколько я видала таких?

— Я погряз в мерзости, как и вся моя семья, — произнес Ватис, — только свет Единого раскрыл мне глаза на собственное ничтожество...

— Я уже поняла, — поморщилась Лена, — кстати, а что твоим братьям нужно от меня?

— Мои наставники, — сказал Ватис, — много рассказывали о Черном Фениксе. Любой, кто использует этот символ — заклятый враг «Детей Рассвета» и убийство таких как ты — наш священный долг. Когда отец отдал твой нож на алтарь Баала, я сразу понял, что ты не

должна покинуть живой этот замок.

— Почему? Что такого страшного в этой птице?

— Это мне не сказали.

— А почему ты привел меня сюда, а не убил прямо в темнице, пока я была скована.

— Это нужно было сделать именно на алтаре Баала.

— Почему?

— Я не знаю.

Лена скрипнула зубами — мертвый не может врать, а значит, Ватис говорит правду. Что же оборвалась еще одна ниточка, способная объяснить происходящее.

— Хотя бы где Вулрех ты знаешь? — спросила она.

— Да, — кивнул Ватис, — отец держит его в клетке, где-то между стенами. Но точно я не знаю

— «Дети Рассвета» умирают, так же как и все остальные люди, однако после смерти их невозможно вызвать из Лимба — по-крайней мере так было с теми, кого я видела в Некрарии. Почему с тобой это получилось?

— Избежать Лимба могут те, кто прошел хотя бы две ступени посвящения, — пояснил мертвец, — я же еще не удостоился вознестись к Истинному Свету.

— Уже и не удостоишься.

Удар «солнечного ножа» был быстр и меток — едва он пронзил грудь Ватиса, как тот осел на пол грудой мертвой плоти. Больше он не мог причинить вреда — Лена хорошо помнила, что клинки Детей Рассвета навсегда отправляли мертвецов в Лимб. Она ухватила мертвеца за ногу и подтащила к окну. Осторожно выглянула — башня здесь примыкала к стене, и внизу виднелись непролазные заросли, окружившие небольшой пруд, поросший розовыми кувшинками. Видимо там Ватис и собирался упокоить Лену. Теперь же он сам отправился туда, с «солнечным» ножом в груди. Лена быстро оглянулась, но, не найдя больше ничего интересного, покинула башню.

Выйдя из часовни и спустившись на пару пролетов, Лена застыла в замешательстве: внезапно она поняла, что не знает, куда идти. Замка она практически не знала: помимо этой лестницы она видела лишь здешние казематы, но туда ей точно не хотелось возвращаться. Мгновение она колебалась, а потом, решившись, открыла первую попавшуюся дверь. Она вывела ее в очередной коридор — на этот раз куда шире и лучше освещенный — и не факелами, чем-то вроде масляных светильников, подвешенных под потолком. Вдоль стен виднелось множество дверей, а между ними красовались фрески и гобелены из разноцветных тканей. Смотреть на здешние изображения было малость приятнее, чем на кровавую мерзость внизу: зеленые лужайки где, под присмотром рогатых сатиров, паслись козы и овцы; обнаженные девушки, сидевшие среди виноградников и кормящие друг друга с рук сочными ягодами; такие же девушки, но уже в объятьях сатиров и минотавров, в весьма откровенных позах.

Девушка прошла уже почти весь коридор, когда вдруг послышались чьи-то голоса и топот — кто-то поднимался по лестнице прямо навстречу Лене. Времени на раздумья не оставалось — девушка толкнула ближайшую дверь и та неожиданно поддалась. Лена заскочила внутрь и прижалась спиной к двери, выставив перед собой отцовский нож.

Ее ноздри ощутили разливавшийся по комнате аромат благовоний или духов. Оглядевшись, Лена поняла, что оказалась в чем-то вроде девичьего будуара — изящные мраморные колонны по углам, дивной красоты лепка на стенах, гобелены с фривольными

сценами, по откровенности даже превосходящие то, что Лена видела в коридоре. Иные картины в мире Лены постеснялась бы отобразить любая уважающая себя порностудия. На изящном столике из красного дерева стояла целая батарея кувшинчиков и флакончиков из разноцветного стекла, тут же лежали черепаховые гребни, заколки, серьги и разные драгоценности. Тут же лежал и опрокинутый золотой кубок, из которого все еще пахло вином. У дальней стены высилось что-то вроде платяного шкафа, из полураскрытой дверцы которого вываливались разнообразные платья, юбки и прочие наряды, с кружевами и золотыми блестками.

Посреди комнаты стояла большая кровать укрытая кружевным балдахином. На этой кровати кто-то лежал — и Лена, уже зная, кого увидит, подошла ближе и осторожно отдернула бархатную портьеру. Ей открылось широкое ложе, где, развалившись в вольготной позе, спала Люсинда. Легкое покрывало, прикрывавшее ее тело, сбилось и дочка барона предстала во всей красе: большие округлые груди, чью красоту не портили даже двойные «рогатые» соски; плоский живот и пышные бедра с треугольником курчавых черных волос между ними. Столь же черные волосы разметались и по мягким подушкам, на которых сладко посапывала баронская дочка.

Недобрая усмешка искривила губы Лены, когда она вспомнила слова Ватиса. Держа руку на рукояти ножа, готовая пустить его в ход, если что-то пойдет не так, Лена нагнулась и поцеловала в губы спящую девушку. Та с неожиданной готовностью откликнулась, сплетая свой язык с языком Лены, но при этом так и не проснулась. Сонное зелье, что подмешал сестричке любящий братик, работало на совесть — и Лена, осмелев, принялась лобзать полные груди, прикусывая раздвоенные соски. Постепенно она спускалась все ниже, целуя нежный живот, пока, наконец, со вздохом не зарылась лицом в черных кудрях, играя языком на истекавшей влагой нежной плоти. Люсинда томно вдыхала и стонала, извиваясь всем телом, ее бедра конвульсивно стиснули голову Лены, но даже сейчас она не проснулась. Лена, с трудом высвободив голову из плотных ляжек, похотливо усмехнулась, слизывая с губ остатки женской влаги.

— Уверена, ты не думала, что это будет так, — сказала она, доставая из-за пояса нефритовый жезл. Попаданка вновь впиалась поцелуем в губы Люсинды, пока ее рука уже раздвигала ноги баронской дочки, протирая головкой «девайса» меж нежных губок. Распаленная предварительными ласками, девушка корчилась в нетерпеливом предвкушении — и ее похоть передавалась и заключенной в жезле графине, чье неумное сладострастие многократно возвращалось развратной девственнице. Лена улыбнулась и вдруг резко ввела жезл во влагалище Люсинды. На миг она почувствовала сопротивление девственной плевы, тут же порванной, и нефритовый фаллос, окропленный кровью, на всю длину погрузился во влажные недра. Вопль боли и удовольствия, сорвавшийся с губ девушки, Лена заглушила новым поцелуем, ощущая как дрожит под ней в судорогах сокрушительного оргазма покорное женское тело. Наконец, попаданка неохотно отстранилась и облизала жезл, смакуя вкус женских соков и девственной крови.

— Уж не знаю, зачем все это твоему папаше, — злорадно произнесла она, — но теперь ему придется искать другую целочку.

Люсинда не ответила — с блаженной улыбкой на губах, она продолжала спать и Лена, мысленно пожелав ей приятных снов, принялась рыться в гардеробе баронской дочки. Скоро она нашла что-то вроде наряда для верховой езды — зеленая блузка, кожаные штаны и высокие сапоги. Быстро переодевшись, Лена подошла к окну и, распахнув его, осмотрела

окрестности. Комната Люсинды подходила почти вплотную к внутренней стене, рядом с которой стояло большое дерево с разлапистыми ветвями. Дальше начинался лабиринт из виноградников и иных ползучих растений. Бросив последний взгляд на только что ставшую женщиной Люсинду, Лена послала ей воздушный поцелуй и, забравшись на подоконник, перепрыгнула на дерево. Перебираясь с ветки на ветку, она спустилась на землю и углубилась в заросли, ломая голову над тем, где искать Вулреха.

Она так погрузилась в эти мысли, что не сразу заметила, что идти становится все сложнее: ползучие стебли столь часто цеплялись за ее ноги, что каждый шаг давался ей с трудом. Лена уже хотела вернуться и поискать менее заросшую тропку, как путь ей вдруг преградило нечто, напоминавшее огромную когтистую лапу. Лена испуганно шарахнулась назад, но тут послышался громкий шелест, словно сильный ветер пронесся по зарослям, и к попаданке со всех сторон потянулись извивающиеся лианы. Лена успела выхватить отцовский нож и отсечь несколько ветвей, когда зеленые усики свернулись на ее запястьях и руках, словно змеиные кольца. В ноздри девушки ударил пьянящий винный аромат, у Лены закружилась голова и она бессильно осела на землю, как сквозь сон ощущая что ее тело, словно гибкие щупальца, обвивают все новые побеги.

«Сегодня каждой твари будет невмочь, сегодня слуги Дьявола хоронят свою дочь...»

— И все-таки обидно, — Пело, стражник дома Роуле, досадливо почесал покрытый угрями нос, — сидя здесь, мы пропустим самое интересное.

— Барон обещал выставить каждому по бочонку своего лучшего вина, — хмыкнул Куало, начальник стражи, — и еще по золотому от госпожи Люсинды. А большего нам и не положено — даже в праздник кто-то должен стоять на страже!

Все это стражники обсуждали в караулке небольшой башни, высившейся над воротами внешней стены — той ее стороны, что примыкала к реке. В водной глади отражалась восходящая Луна, а внутри кольца стен тянулись заросли замкового лабиринта. Лишь в одном месте сквозь густые заросли просвечивало пламя и оттуда же доносились громкие голоса, визгливый смех, звериное рычание и многоголосое блеяние.

— Чем мы хуже рогатых? — Пело кивнул в сторону, откуда доносились звуки, — почему их пускают, а нас — нет?

— Сказал бы я, чего такого есть у них, чего нет у тебя! — заржал толстый Луно, — да только ты, того и гляди, обидишься.

— На таких как ты не обижаются, — окрысился Пело.

— Так, закончили оба! — оборвал их Куало, — Пело, если тебе на месте не сидится — сходил бы, посмотрел как там Фрино? Что-то я давно не вижу его факела у южной башни, может, заснул, паршивец? Заодно и сменишь его.

— Ну вот, опять, — Пело сокрушенно покачал головой и под насмешки товарищей напялил на себе панцирь и шлем. Проверив, легко ли ходит в ножнах меч, он вышел из караулки, напоследок хлопнув дверью чуть сильнее чем обычно. Вскоре он уже шел по крепостной стене, время от времени поглядывая на реку и на черневший за ней берег, поросший высоким камышом. Делал он это скорее от скуки, чем по необходимости — только безумец напал бы на замок Роуле в такую ночь.

Вот и башня — небольшое строение с плоской крышей. В небольшом окошке должен гореть факел, но Куало оказался прав — сейчас строение озарял только лунный свет, внутри же царила тьма.

— Фрино! Эй, Фрино, забери тебя Плутос! Ты что, спишь там?

В ответ он услышал лишь гробовое молчание. Подозревая неладное, Пело подошел к двери — распахнутой настежь, что само по себе необычно, — и осторожно посветил внутрь.

— Великий Баал!!! — Пело чуть не выронил факел, да и сам не упал со стены при виде открывшейся ему жути. Перед ним лежал Фрино — точнее то, что от него осталось. Перекушенное, вернее даже вырванное горло; обглоданные ляжки; растерзанные страшными когтями живот и грудная клетка — даже беглого взгляда Пело хватило, чтобы понять, что у сослуживца вырывали внутренности. Стражник еще не успел испугаться, когда сверху послышалось грозное рычание и, подняв глаза, он увидел черного зверя, похожего на пантеру. Пело схватился за меч, но большая кошка оказалась быстрее, кидаясь на него и сбивая с ног. Когтистая лапа сорвала шлем и острые зубы вгрызлись в лицо незадачливого стражника.

Чуть позже, большая кошка, брезгливо отряхивая лапы от крови, вышла из караулки и, припустила к главной башне. Подкравшись к двери, она на миг остановилась и прислушалась

к доносящимся изнутри звукам. Затем из распахнутой пасти вырвалось довольно урчание и кошка вдруг содрогнулась всем телом, словно отряхиваясь, вылезая из воды. В тот же миг она превратилась в красивую голую девушку, с копной черных волос, из которых выглядывали кошачьи ушки, и синими глазами с вертикальными зрачками. Приняв человеческий облик, Кэт осторожно приоткрыла дверь. Перед ней предстала караулка, заваленная раздувшимися трупами. Кто-то из стражников держался за горло, кто-то за распухшую покрасневшую кисть, у кого-то сочащиеся гноем ранки виднелись прямо на лице. А на столе между пустых бутылок и миски с обглоданными костями, с громким шипением извивалась большая змея. Кэт довольно улыбнулась и выскользнула из караулки. Спустившись, она открыла небольшую калитку рядом с главными воротами и бесшумно соскользнула в реку, меняясь на ходу. Под водой она подкралась к небольшому причалу, где на воде покачивалось несколько лодок. Их охранял всего один стражник — он не успел даже крикнуть, когда кошкорыба выпрыгнула из воды и откусила ему голову. Отвязав одно из суденышек, Кэт направила его к противоположному берегу, где, из зарослей камыша выглядывали ждавшие ее люди.

— Все в порядке? — спросил ее Ханген, когда нос лодки мягко ткнулся в берег.

— Вся стража мертва, — усмехнулась кошкодевка, — а у пристани есть еще несколько лодок, на которых можно перевести остальных.

— Тогда лучше пошевеливаться, — сказал Ханген, — уже скоро.

Он с тревогой посмотрел на небо, где полная Луна на глазах уменьшалась — будто кто-то откусывал по кусочку от желтой головы сыра. Одновременно ветер донес звуки громкой музыки, бляение и завывание.

Все эти же звуки сейчас слышала и Лена — совершенно голая, она висела в воздухе, оплетенная лианами и виноградными лозами, извивающимся подобно змеям. Тонкие усики вились по ее телу, сплетаясь вокруг сосков и щекоча листьями ее обнаженную кожу, проникая в самые интимные ее места.

Именно такие заросли пленили Лену, когда она пыталась удрать из замка, опьянив ее испарениями винных ягод. Очнулась она только от мощной пощечины, которую ей влепил разгневанный Кресцент. За спиной низкорослого барона маячила громоздкая фигура теперь уже его единственного сына и нескольких уродливых подручных.

— Твоя поимка обходится мне все дороже, — прошипел Кресцент, — не знаю, что от тебя нужно Тускулату, но мы так не договаривались, что я за несколько дней потеряю сразу двух сыновей. Я собирался оставить тебя в живых, после сегодняшнего празднества, но теперь даже и не знаю — доживешь ли ты до встречи с герцогом.

— Да твой младший выродок ненавидел тебя и все твое потомство! — выкрикнула Лена, но Кресцент уже отвернулся, подавая знак сыну. Тот шагнул вперед и, ухватив голову Лены могучими ручищами, заставил ее раскрыть рот, запихивая в него кляп из вонючей тряпки. Ее снова бросили в камеру, где попаданка и пробыла до наступления ночи, когда ее грубо вытащили несколько дюжих мужланов с уродливыми козлоподобными харями, и поволокли из тюремных подземелий обратно в сад.

Долгожданное действие происходило в глубине зарослей, на обширной площадке, очищенной от растительности. Посреди поляны высился идол — самый странный из всех изваяний, что видела Лена в этом безумном мире: огромный, чуть ли не в три человеческих роста, фаллос из черного камня. Словно уродливый треножник, он стоял на козлиных ногах с раздвоенными копытами и длинном толстом хвосте, также увенчанном массивной

головкой. Третий член, как уменьшенная копия всего идола, вздымался между ног. Имелись у этого отродья и крылья — перепончатые, как у летучей мыши. Между них было оборудовано что-то напоминающее одновременно седло и ложе, устланное шелковыми покрывалами. И на них, словно большая ленивая кошка, потягивалась голая Люсинда, бесстыдно улыбаясь, казалось, каждому, кто ее смотрел на нее. В руках она держала нефритовый фаллос — после смерти Ватиса барон отдал игрушку дочери. С томным стоном Люсинда проводила им между половых губ, а потом сладострастно облизывала нефритовую головку. Черные глаза помутнели от вожделения — Лена поняла, что плененная в железные Эржет, по-прежнему сгорая от неутоленной похоти, распространяла сладострастие по всему телу баронской дочери, а та едва сдерживалась, чтобы не пустить искусственный член в ход.

Под идолом, рычал от боли Вулрех, скованный по рукам и ногам. Обнаженное тело барона Ловенвальда покрывали кровоточащие раны и ожоги — вокруг пленника полыхало несколько костров и языки пламени неустанно лизали истерзанную плоть. Даже сейчас Вулрех не был свободен от превращений, хотя, казалось, сейчас он полностью утратил контроль над ними — крики боли сменялись грозным рыком и корчившийся в цепях человек вдруг оборачивался огромным львом, с большими подпалинами на шерсти.

Вокруг барона стояло несколько гибридных существ, поросших серой шерстью. Они держали раскаленные пики, то и дело прикладывая их к телу истязаемого. За их спинами толпились сатиры, громким бляением подбадривая палачей. Другие рогатые уродцы хлестали вино из чернолаковых амфор и трахали кричавших от страсти девок, что лежали на траве, закинув ноги на плечи рогатых любовников. Иные из голых прелестниц были довольно милovidны, лица же других мало отличались от козьих морд сатиров. Судя по всему, это были плоды очередного скрещивания: на поляне собрались все грани уродства, самые невообразимые гибриды, которые только могла породить фантазия свихнувшегося селекционера. Инкубы, с красной, как кровь кожей, возносили хвалы Эгипану и Асмодею, им вторило придурочное бляение метисизированных уродцев всех форм и размеров. Огромные бараны плясали под разнузданный пересвист флейт, на которых играли уродливые фавны, а большие псы, с кудрявой, как у овец, шерстью старательно подвывали, задрав морды к ночному небу. Подобные же псы сношали стоявших на четвереньках чернокожих рабынь, пока те старательно сосали бычьи члены минотавров. По всей поляне полыхали костры, где на железных вертелах поджаривались тушки очередных гибридных тварей, живо напомнив Лене омерзительные фрески в подземельях замка Роуле. Стоявшие у этих «мангалов» обезьяноподобные твари огромными ножами отрезали капающие жиром куски мяса, раскладывая их по мискам, сделанных из половинок запеченных тыкв с выскобленными семечками.

Еще более уродливых тварей, нежели те, что толпились на поляне, изображали окружившие сборище фигуры из растений. Сейчас они ожили — гибкие конечности двигались, выхватывая из толпы то одну, то другую девку, отвечавшую визгливым хохотом, когда тонкие усики похотливо шарил по ее телу. Другие «цветочные статуи» вели себя более агрессивно — уже несколько гибридов корчились в предсмертных судорогах, нанизанные на острые сучья и длинные колючки. Однако все остальное сборище настолько было ослеплено пьянством и похотью, что совершенно не обращало внимания на эти смерти.

Кровь растерзанных растительными чудовищами уродцев стекала на рыхлую почву, питая их корни — те самые корни, что оплетали под землей мертвые тела предков барона. Об этом Лене поведал Турон, когда тащил ее обратно в камеру, издеваясь над ее надеждой

сбежать. По его словам, весь этот сад-лабиринт представлял, по сути, огромное кладбище — Роуле не стали тратиться на пышные склепы, предпочитая ложиться в сырую землю под сенью зарослей густых зарослей. Корни растений сдерживали мертвецов, не давая им восстать, однако их души, возвращавшиеся из Лимба, всегда могли вселиться в растения. Именно мертвые рода Роуле, а вовсе не искусные садовники придали кустарникам и деревьям вид уродливых скульптур, лишней раз свидетельствовавших о том, кто был в предках у барона Кресцента. В праздники, вроде этого, когда мертвецы выходили в мир живых барон, не скупясь, кормил предков человеческой плотью и кровью, а также позволял им утолять свою похоть — с крепостными крестьянками, чернокожими рабынями, а также выведенными им собственноручно отродьями обоих полов. Во время этих празднеств стиралась разница между аристократами и простолюдинами, ведь в жилах всех их, — и господ и многих из черни, — текла одна кровь, восходящая к общему истоку, зародившемуся в чреслах Эгипана, Черного Козлища Лесов.

Неожиданно послышался рев труб — Лена не поняла, откуда они исходят, но все сборище тут же взвыло в неистовом восторге. Словно по команде все твари уставились на небо и Лена, проследив за их взглядами, увидела, как на сияющую в ночном небе полную Луну, медленно наползает черная тень. Это походило на лунное затмение — вот только Черное Солнце наползало на диск как-то странно, не сбоку, а сверху. Вскоре в ночном небе, словно улыбка Чеширского Кота, висел лунный серп с устремленными кверху острыми рогами. На этом затмение словно застыло — вопреки всем законам физики, оно не спешило ни отступить, ни закрывать Луну целиком.

Снова взвыли трубы и извивающиеся растительные фигуры вдруг расступились, выпуская на поляну некую процессию. Поначалу Лена приняла их за очередных чудовищ, но тут же поняла, что это люди — только в масках рогатых черепов и одеждах из черных козлиных шкур, мехом наружу. Впереди шел Кресцент — этого карлика, гордо вышагивавшего с высоко задранной бородой, не узнать было невозможно. На поясе Кресцента висел неизменный меч из черной стали, а в руке барон держал посох, увенчанный человеческим черепом, но с козлиными рогами, с нанизанными на них клочьями черной шерсти. Позади отца шел Гарон, ведя за собой черного козла — могучий зверь, величиной с лошадь вышагивал с необыкновенным достоинством, надменно посматривая на сборище умными красными глазами. У животного, правда, имелся изъян — всего один рог, но Лена уже поняла почему так: в свете Рогатой Луны козлиная морда выглядела как уродливое подобие человеческого лица, с явно узнаваемыми чертами главы дома Роуле.

Все сборище почтительно расступилось и Кресцент подошел к непристойному идолу, на котором изнывала от похоти Люсинда. Ярко вспыхнули и тут же погасли костры, окружавшие черный фаллос, мигом стихли вой и блеяние.

— Эгипан! — вскричал Кресцент, — Черный Козел Лесов, дети твои приветствуют тебя! Ты, от кого происходят все стада тучные, чьи раздвоенные копыта вечно попирают врагов дома Роуле. Много веков прошло с тех пор, как ты явился в чащобу, что простиралась на месте Турола и от семени твоего родился Руол Однорогий, основатель моего рода. Я, потомок от крови твоей, о Великий Рогатый, по сей день несу на себе его отметину.

Он склонил голову, так чтобы всем было видно рог на его голове.

— В ту ночь, когда был зачат Руол, — продолжал Кресцент, — на небе светила Рогатая Луна — как и сейчас. Перед тем как уйти в Лимб, он изрек пророчество — дева, что родится в такую же ночь, отдаст невинность основателю рода, чтобы он возродился в ее сыне.

Многоголосый торжествующий вой пронесся над поляной, когда карлик величавым жестом указал на Люсинду.

— Вот она, рожденная в ночь Рогатой Луны, дочь от чресел моих, что преподнесет свое девство в дар Первопредку. Во имя Асмодея, во имя Эгипана, во имя Баала — восстань из Лимба, Руол Однорогий и пусть священное семя твое оплодотворит чрево сей девицы и возродит тебя среди ныне живущих!

Гарон подвел к нему черного козла, который рухнул, как подкошенный, на колени перед бароном. Кресцент, передав посох сыну, выхватил меч и полоснул им по горлу козла. Громко бляя, животное повалилось на бок, орошая кровью подножие жуткого идола. Кресцент и Гарон отступили на несколько шагов, не сводя взгляд с хрипящей в агонии скотины. Неотрывно смотрело и прочее сборище: даже Лена прекратила вырываться из лап мертвеца-растения, замерев в ожидании чего-то ужасного.

В черной земле у подножия идола что-то зашевелилось и внезапно заколосилось множеством стеблей. Они прорастали и сквозь почву и сквозь труп козла, словно подпитываясь от все еще струящейся крови. Алые цветы раскрывались в глазах твари, множество побегов прорастало сквозь черную шкуру, делая ее еще более густой и кудрявой; голову накрыла шапка из красных листьев с черным отливом. Все тело покрылось множеством виноградных гроздьев — вот только вместо ягод на них вращались налитые кровью глазные яблоки. Внезапно обвитый лианами козел зашевелился и встал на ноги — сначала на четыре, а потом уже и на две. Страшная рана на горле заросла лианами плюща и дикого винограда, будто ожерельем охватившим звериную шею. В очертаниях бараньего тела появилось нечто человекоподобное, а передние ноги обернулись когтистыми лапами. Между этих ног гордо вздымался огромный член, с налитой кровью головкой — копия черного идола. Невообразимое отродье подняло голову к Рогатой Луне и из оскалившейся зубами пасти вырвался блеющий рев.

— Возьми избранницу твою, о Роул Однорогий, — вскричал Кресцент, — пусть под сенью Рогатой Луны начнется брачная ночь.

В упоении барон скинул одежду, как и его сын. Под плащами из козьих шкур у Кресцента ничего не оказалось — его член, непропорционально громадный для такого маленького человека, наглядно доказывал его родство с ожившим чудовищем. Мерзко ослабившись, барон Роуле с презрением посмотрел на Лену.

— Не волнуйся, девка, — сказал он, — для тебя я тоже приготовил нечто особенное. Когда закончится главная часть, ты познаешь настоящего самца — и не одного! Как и твой друг — не часто козлам удается повеселиться со львом. Вы обе заплатите за смерть моих сыновей: ваша кровь насытит наших предков, а ваши тела — нашу похоть.

Он захохотал, глядя в глаза Лены, полные бессильной ненависти, и перевел взгляд на Люсинду, даже сейчас не переставшую ласкать себя нефритовым фаллосом. Огромная лапа протянулась к баронской дочке и вырвала амулет из ее рук, после чего восставший из мертвых монстр ухватил ее за талию и поднял в воздух перед собой.

— Дааааа!!! — заорала Люсинда, извиваясь в его лапищах, — возьми меня, о Руол. Насыть своим семенем мое чрево! Возродись во мне, о Однорогий Козел!

Ее вопли слились в нечленораздельный визг, когда огромный член вошел в текущее влагалище. В тот же миг однорогое чудовище издало жуткий рев, в котором слились гнев и разочарование. Ликование на лице Кресцента сменилось недоумением, а там и неподдельным испугом, когда его первопредок, сорвав Люсинду со своего члена, ухватил ее

за ноги и с размаху приложил о черного идола. Голова баронской дочки лопнула словно спелый арбуз, забрызгав все вокруг кровью и мозгами. Чудовище издало новый рев, в котором Лена различила лишь одно слово.

— ЛЖЕЦ!!!

Увидев искаженную гневом морду Кресцент ухватился за меч, но монстр одним ударом сбил его на землю и, поддев барона на рога, вскинул его в воздух. Удар о черного идола переломал Кресценту все кости и он изломанной куклой упал под топтавшие его копыта.

— Я покажу вам, что такое настоящая ночь Рогатой Луны!!! — проревело чудовище, — Йа, Эгипан!!! Во имя отца моего, да будут все кричать, убивать и веселиться!

У всех тварей словно разом перегорел какой-то предохранитель — сатиры, фавны, минотавры, разномастные гибриды, — все они с воем и надрывным бляением принялись убивать друг друга. Похоть уступила место кровавому безумию: сатиры и минотавры разрывали на куски вопивших от страха блудниц, обмазываясь их кровью и цепляя на шеи гирлянды из внутренностей. Стражи в масках пытались отбиваться, но и их растерзали косматые изуверы. Лишь единицам удалось добежать до края поляны, где их схватили извивавшиеся руки-лианы. Растительные отродья не делали разницы между людьми и прочими тварями удушая и разрывая на части всех без разбора.

— Огонь, да освободит вас, родичи!!! — проревел Роул. Выхватив из ближайшего костра пылающую ветвь, он швырнул ее в растение державшее Лену. Ветви и листья вспыхнули и цепкие лианы вдруг расплелись — словно исчезла сила, оживлявшее чудовище. Лена не стала гадать, почему так получилось: получив свободу, она метнулась подальше от пылавших растений. Однако, удирая от огня, она сразу очутилась посреди кровавой бойни, где сражались все против всех. Лена увидела Гарона — последний из сыновей Кресцента, с ожесточением сумасшедшего рубил рогатых чудовищ отцовским мечом. Он и сам выглядел не очень — грязный, залитый своей и чужой кровью. Какая-то тварь, умирая, выцарапала ему глаз, но оставшийся блестел безумным блеском. На него кинулось сразу трое сатиров, но Гарон одним ударом меча обезглавил двоих, а третьему подрубил колени, заставив биться в предсмертных судорогах. Дико озираясь, он увидел Лену и его единственный глаз вспыхнул нечеловеческой ненавистью.

— Проклятая сука!!! — прорычал он, — это все из-за тебя!!!

Он вновь вскинул меч, но опустить уже не успел — послышался громкий рев и за спиной Гарона, гремя обрывками цепей, взвилось серо-желтое тело. Пещерный лев обрушился на нового барона Роуле, с хрустом сворачивая ему шею.

— Вулрех! — закричала Лена, подхватывая брошенный на землю баронский меч. Она встретила взглядом с пещерным львом и прочла в его глазах то же, что поняла уже и сама — выхода не было. Вокруг них царил кровавая вакханалия, а поляну окружал кольцом пожар, стремительно распространявшийся по саду.

— Что, черт их побери, там происходит?!

Сидя на крепостной стене, Кэт напряженно вглядывалась в ночной мрак. Даже на таком расстоянии она поняла, что что-то пошло не так — об этом говорило и яростное пламя в ночи и дикие звуки, доносившиеся оттуда, где полыхал пожар.

— Дело дрянь! — сказал стоявший рядом Ханген, — если так пойдет и дальше — выгорит весь сад. А с ним сгорят и твои друзья — и это будет меньшей из проблем.

— Да ну? — Кэт рывком обернулась к нему, — а что будет большей?

— То, что когда это все прогорит, — сказал Ханген, — из-под земли ползут те, кого до

поры до времени удерживали корни. Все предки барона, в которых после смерти пробудилось наследие Эгипана, освободившись, не ограничатся пределами замка. Последнее, что нужно Вабарии — восставшие из мертвых Роуле, лезущие через Мерту.

Кэт вновь посмотрела пламя и пожалала плечами.

— И что теперь? — сказала она.

Ханген подозвал одного из своих людей и что-то шепнул ему на ухо. Воин бросился вниз по лестнице и вскоре вернулся, с натугой волоча бадью с речной водой. Ханген зачерпнул полной ладонью и, что-то прошептав, разбрызгал воду по ветру. Эту манипуляцию, на которую его спутники смотрели с немалым почтением, а Кэт — с растущим недоумением, воин повторял, пока не вычерпал всю бадью. Вскоре Кэт ощутила, как ее пробирает влажный холод, когда рядом с ней сгустился неведомо откуда взявшийся туман. Холодные клубы неторопливо стекали со стены в сад, расползаясь по лабиринту из зарослей. Там где они касались горящих растений, огонь с шипением гас.

Ханген посмотрел на Кэт и скупно улыбнулся.

— Вот теперь — пора! — сказал он.

Лена и Вулрех уже готовились принять последний бой, когда поляну вдруг окутали клубы влажного тумана. В мгновение ока стало не видно на расстоянии вытянутой руки — лишь в белесом мареве мелькали смутные силуэты, с рычанием и бляньем убивающие друг друга. В воцарившейся неразберихе всем сразу стало не до пленников и Лена поняла, что у них вдруг появился шанс.

— Быстро! — крикнула она прямо в львиное ухо, — уходим отсюда.

Воздух огласил громкий рев и из тумана выскочило очередное отродье — гнусная тварь высотой в два человеческих роста, с козлиными рогами и бородой, но с мордой, похожей на собачью. В косматой черной шерсти запутались опавшие листья и комья сырой земли, меж которых извивались слизни и дождевые черви. В когтистой лапе тварь держала ржавый топор и Лена вдруг вспомнила, что уже видела этого монстра. На фресках в казематах замка это чудовище таким же топором рубило людям конечности и головы, а также пожирало человеческое мясо. Однако видела Лена его и раньше — среди растительных «скульптур» заполнивших здешний сад.

Налитые кровью глаза остановились на беглецах и тварь, злобно взыв, вскинула топор. Но опустить его не успела — из тумана послышалось злобное рычание и на спину чудовища вскочила огромная кошка, зубами и когтями вцепившаяся в шерстистый загривок. Тварь заревела, выронив топор и пытаясь скинуть нового врага — и тут Вулрех, собрав остатки сил, прыгнул сам, смыкая клыки на горле твари. Два хищника почти одновременно вцепились в шею чудовища, с хрустом перегрызая хрящи и позвонки. В следующий миг косматая голова покатила по земле, сверкая красными глазами, а безголовое тело, покачнувшись, рухнуло на землю. Воздух наполнил трупный смрад — плоть чудовища стремительно разлагалась, обнажив пожелтевший костяк. В следующий миг и он рассыпался прахом, который поглотила черная почва.

— Быстрее!!! — крикнула Кэт, приняв человеческий облик, — надо уходить отсюда.

Лена не успела ответить — рядом с ней, перекрывая шум схватки, послышалось громкое шипение и попаданка, глянув вниз, увидела у ног черную змею. Почти на автомате, она схватила гадину, тут же обернувшуюся семихвостым кнутом в ее руках. В тот же миг на них с мычанием кинулось сразу три минотавра, но никому из них не удалось дотянуться до своих жертв: одного растерзали Кэт и Вулрех, второй пал мертвым от змеиного яда. Третий почти

достал рогами Лену, но вдруг жалобно замычал и рухнул наземь, с арбалетным болтом в спине. Лена подняла глаза и увидела молодого человека с рыжеватыми волосами и серыми глазами.

— Это друг, — торопливо сказала Кэт, — ну же, пошевеливайся.

Лена увидела, как на земле что-то блеснуло — и присмотревшись, узнала нефритовый жезл. Подняв его, Лена хотела засунуть его куда-нибудь, но тут же вспомнила, что совершенно голая. Тогда же она вспомнила и еще кое-что.

— Вы идите, — сказала она Кэт, — Вулреха сильно потрепали, ему нужно в безопасное место. Я присоединюсь к вам, когда заберу кое-что из замка.

Все это они говорили уже пробираясь сквозь дымящиеся заросли, торопясь убраться от поляны, где все еще шла кровавая бойня. К путникам присоединилось еще с десятков вооруженных человек, заляпанных грязью и кровью — именно они убивали сатиров и прочих тварей, пока Кэт искала Лену. Время от времени в зарослях кто-то пробегал, громко цокая копытами, но напасть так и не решился. Не спешили нападать и растения: видимо души мертвых пока опасались возвращаться в опаленный сад.

— Совсем кукухой поехала, — выпучила глаза Кэт, — какой нахрен замок? Ты знаешь, через что нам пришлось пройти, чтобы вытащить тебя отсюда?

— Вряд ли было страшнее, чем когда я спасала тебя с алтаря в Борате, — парировала Лена, — сейчас замок чуть ли не самое безопасное место на здешней скотобойне. Заберу отцовский нож и тут же к вам.

— Совсем поехала!!! — вскинулась Кэт, — не выдумывай! Скажите ей! Вулрех! Ханген!

— Видать этот нож очень нужен вам? — подал голос рыжеволосый мужчина и Лена бросила на него подозрительный взгляд.

— Ханген, командир личной стражи наследника барона Вабарии, — представился мужчина, — я могу сопроводить вас.

— С некоторых пор я стала опасаться добровольных помощников, — сказала Лена, поигрывая змеиным кнутом, — впрочем, если Кэт ручается за тебя.

— Ручаюсь, — кивнула кошкодевка, — правда, я думала, что у него побольше мозгов, чем у тебя. Идите оба хоть обратно ко всем этим чертям на рога, а мы с Вулрехом сваливаем. Подождем вас у реки — если не явитесь быстро — уйдем без вас.

— Договорились, — усмехнулась Лена, ни на секунду не поверив, что Кэт и вправду сможет бросить ее, — ну, что Ханген, за мной?

Все же они отправились не вдвоем — со своим командиром вызвалось идти еще трое воинов. Остальные, вместе с Кэт и израненным Вулрехом, — вернувшись в человеческий облик, барон едва мог идти, поддерживаемый с двух сторон, — устремились к воротам. Лена же и ее спутники, поспешили в замок. По пути им встретилось лишь несколько слуг, в панике разбежавшихся при виде залитых кровью вооруженных людей и обнаженной жрицы, с кнутом из семи злобно шипевших змей. Местные стражники, надо полагать, все еще пытались навести порядок в саду или вовсе разбежались, узнав о смерти Кресцента. Оставив воинов на страже, Лена и Ханген поднялись в западную башню. На алтаре Баала снова лежали два ножа — подарок Амола и отцовский клинок: после смерти Ватиса и пленения Лены, барон Роуле вернул дары Первому Архонту.

— Это ведь Черный Феникс? — кивнул Ханген на оружие, — как-то так я его и представлял.

— Для простого стражника ты многовато знаешь, — подозрительно прищурилась

Лена, — может и меня ты уже как-то представлял? Ты ведь не просто так вызвался идти со мной? Да и в этот вертеп отправился не ради красивых ножек нашей киски?

— Сколько вопросов, — усмехнулся Ханген, — и слишком долгие ответы, чтобы тратить на них время. Вот-вот явится стража — а то и кто похуже. Отложим объяснения на потом?

— Хорошо, — не стала спорить Лена, — но как только мы выберемся, я надеюсь, ты не станешь отмалчиваться.

— Не стану, — кивнул Ханген, — ну что, идем?

Лена кивнула в ответ и в компании нового союзника поспешила к реке.

«И даже гений рядом с ней выглядит дурачком...»

— От девки оказалось больше проблем, чем мы думали, — Тускулат размеренно постукивал пальцами по столу из красного дерева, — похоже, я недооценил эту угрозу.

Он пригубил из золотого кубка, с пряным вином и закусил абрикосом, сваренным в сладком вине, смазанным медом и посыпанным маком. Разжевывая тающую во рту сладость, герцог бросил задумчивый взгляд в окно, за которым простиралась главная площадь Нумиолана. Там стояла статуя из кроваво-красного мрамора, высотой не уступавшая королевскому дворцу — трехголовый Асмодей, в доспехах, с боевым топором в руке и верхом на драконе. Морды бараньей и бычьей голов архонта раздували ноздри и свирепо пучили глаза, тогда как человеческий лик, в котором легко угадывались фамильные черты королей Гроскании, напротив был преисполнен спокойного величия.

Тускулат посмотрел на архонта, будто надеясь получить ответы, потом пожал плечами и повернулся к сидевшим за столом людям.

— Сегодня король Орс прибыл в Дракию, — сказал герцог, — на свадьбу Раду Чорнивари и княгини Кларины, дочери старого князя. Вместе с ним поехал и его старший сын, Маркон. После Дракии они отправятся в Сарлонию, где король встретится со своей избранницей. В общей сложности, они проведут там недели две — а Гросканией буду управлять я, поскольку Орс считает, что его младшие сыновья пока не готовы заменить его. Именно поэтому я и не смог отправиться к Кресценту сразу, как планировал. А за это время... всем известно, что случилось в Туроле.

— Король знает? — спросил Крамос.

Толстый расстрига уже сменил домашний халат на камзол из фиолетового атласа и бархатную шапку, расшитую серебром. Пальцы его украшали золотые перстни с драгоценными камнями — герцог считал, что его ближайший подручный при дворе выглядеть более презентабельно. И все же Крамос выглядел тут чужеродно — в отличие от двух других гостей Тускулата. Первым был смуглый мужчина, с резкими чертами лица и острой черной бородкой. На упеланде из черного шелка красовалось вышитое красным изображение трех ликов Асмодея, окруженных извивающимися саламандрами. С шеи мужчины на золотой цепочке свисал амулет — в виде когтистой лапы сжимавшей шарик из горного хрусталя. Иных украшений мужчина не носил — чем составлял резкий контраст как Крамосу, так и четвертому участнику этой встречи: красивой статной женщине с большими глазами, полными порока и неги. Роскошное платье из алого шелка туго обтягивало пышные формы, что, казалось, вот-вот порвут тесное одеяние. Глубокий вырез открывал большую грудь, на которой покоилось ожерелье из красных кораллов и красного же жемчуга, выглядевшие как капли крови на блестящей, будто смазанной маслом, коже. Длинный разрез от бедра приоткрывал ногу в чулке из полупрозрачного шелка с черными кружевами и обувь в сапог из змеиной кожи. Пальцы с острыми ногтями, раскрашенными черным и красным лаком, украшали два кольца — одно в виде кусающей себя за хвост золотой змейки, с рубинами вместо глаз, второе же — в виде серебряного черепа с черными опалами в глазницах. Черные вьющиеся волосы, уложенные в замысловатую прическу, украшала золотая диадема — тоже в виде змеи, но с человеческим черепом вместо головы. Очень темная кожа и пухлые губы, выкрашенные ядовито-синим, выдавали, что корни женщины — в Черных Королевствах.

После того как Крамос задал вопрос, женщина с мужчиной обратили взоры к Таскулату.

— Король не знает, — неохотно протянул Таскулат, — он и так разозлился, когда узнал, что мы утратили позиции в Борате и Секее. Собственно, это одна из причин, по которой он отправился в Дракийские княжества — чтобы сосватать сына за кого-то из тамошних княжон. Но с Туролом все иначе — он при любом раскладе остается нашим владением. Нужно только быстрее подыскать замену Кресценту и его сыновьям.

— У вас уже есть кандидатура? — спросил мужчина.

— Есть, — усмехнулся Таскулат, — за этим я и позвал вас. Если я не ошибаюсь, ваш брат женат на одной из дочерей Кресцента.

— Да, на Доронее. Она уже родила ему трех здоровых сыновей.

— Им уготовано большое будущее, — сказал Таскулат, — старший, как и положено, унаследует после вашего брата титул графа Комулии, но средний или младший, как внук Кресцента, станет бароном Туурола.

— Думаю, средний, — кивнул мужчина, — младший еще младенец.

— На ваше усмотрение, почтенный Калликст, — пожал плечами Таскулат, — правда, сейчас Туурол не подходящее место для юного барона. Сатиры, минотавры и прочие твари бесчинствуют в тамошних лесах, крестьяне бросают поля и либо бегут куда-глаза глядят, либо сбиваются в разбойные шайки, вабарцы не сегодня-завтра пойдут в набег. Что же творится с родовым кладбищем Роуле... до меня доходят самые дикие слухи.

— Я слышал о них, — кивнул Калликст.

— Говорят, сам Руол Однорогий, сын Эгипана, восстал из мертвых и правит сейчас замком. Не знаю, правда это или нет, но знаю, что обуздать мертвых баронов может только сильный маг — а ведь вы один из лучших в Гроскании.

— В столичном храме Асмодея не все согласятся с вами, — желчно усмехнулся Калликст.

— Я лучше знаю вам цену, — отмахнулся Таскулат, — поэтому и назначаю вас диктатором Туурола. Берите столько солдат, сколько сочтете нужным, просите денег, привлекайте других магов, если есть кто-то, кому вы доверяете — но приведите Туурол в нормальное состояние. А когда он станет безопасным и юный барон сможет беспрепятственно прибыть в отчину предков — вы станете при нем регентом. Заодно я подумую, что можно сделать для вашей карьеры в Храме Асмодея.

— Вы очень щедры, герцог, — Калликст почтительно склонил голову.

— Теперь что касается вас, — Таскулат повернулся к женщине, — вы ведь уже слышали об этой... посланнице Храма.

— Слышала, — женщина пожала роскошными плечами, — весьма целеустремленная девушка.

— И я бы очень хотел познакомиться с ней поближе, — сказал Таскулат, — думаю, что даме ваших талантов не составит труда доставить ее в Гросканию.

— Я еще не сталкивалась с жрицами Триморфы, — заметила женщина, — говорят они противницы не из легких.

— Это не о нашей проблеме, — отмахнулся Таскулат, — она совсем недавно прошла посвящение, да и то неизвестно — в полной ли мере? Для дракийских горцев или туурольского мужлана Кресцента она, может быть, и стала серьезным противником, но против ваших умений, госпожа Амали — у нее нет шансов.

— Может и так, — усмехнулась женщина, — но риск остается. Я даже не знаю, где ее

искать.

Тускулат посмотрел на Крамоса, который не отводил глаз от выреза на платье госпожи Амали. Поймав на себе раздраженный взгляд патрона, он опомнился, смущенно прокашлявшись и выпрямившись на кресле.

— По моим...гхм, сведениям, она направляется в Вальдонию. Думаю, она задержится на тамошней ярмарке...и там же вы сумеете ее перехватить.

— Вальдония, — протянула Амали, словно пробуя губами на вкус слово, — я бывала в тамошнем Храме Астарота... лет десять назад.

— Вот и освежите впечатления, — сказал герцог, — а что до награды, то вы не останетесь внакладе. Во-первых, будет золото, много золота. Во-вторых...вы ведь бастард, насколько я помню? Ваш отец граф Отеро, но мать — рабыня из Ойфу.

— Не просто рабыня, — поправила Амали, — а обайфо, колдунья из Черных Королевствах. И граф не случайно приблизил ее к себе.

— Как бы то ни было, — заметил Тускулат, — вас он так и не узаконил. А вот король может это сделать — и ввести в права наследницы, с присвоением титула графини Отеро. Вы будете допущены ко двору и уверен, что с вашими талантами, внешностью, а также страстью короля до прекрасного пола...вполне можете привлечь его внимание.

— Я смогу это сделать и без титула, — сказала Амали, — но хорошо, я согласна. Я доставлю вам эту мокрощелку...связанную и на цепи, если пожелаете.

— Я бы посмотрел на это, — скабречно усмехнулся герцог, — говорят эта Олена красотка. В общем, я рад, что мы договорились. Завтра я еще встречусь с вами обоими: вручу дальнейшие инструкции и все, что вам может понадобится. А сейчас, я хотел бы остаться наедине со своим помощником.

Калликст и Амали встали и, коротко поклонившись, вышли из комнаты.

— Может, мне стоило отправиться с ней? — Крамос чуть ли не капал слюной от вожделения, наблюдая за мерно покачивающимися ягодицами Амали, — все-таки именно я выследил эту девку. Вдруг графиня что-то напутает.

— За нее не волнуйся, — усмехнулся Тускулат, — у этой дамочки еще не бывало промахов. А у тебя еще представится возможность к ней подкатить — когда ты вернешься с успешно выполненным поручением, для тебя откроется множество возможностей.

— Вернись? Откуда?

— Брокгарт, — сказал Тускулат, — я отправляю тебе в столицу.

Вечером Крамос посетил еще одно место.

Особняк Амали находился на окраине Нумиолана, где селились зажиточные, но не знатные горожане. Темнокожая красавица обитала в двухэтажном здании с тремя верандами и роскошным садом, огороженным высокой стеной из черного кирпича. У неприметной калитки, Крамоса, с ног до головы закутанного в черный плащ, встретил раб-лонголиец, что и провел его в дом. Они прошли длинным коридором, освещенным масляными светильниками из синего стекла. Наконец, раб остановился у двери из железного дерева и как-то по-особенному постучал.

— Входите, — послышался мелодичный голос.

Госпожа Амали переделалась- вместо тесного платья на ней был небрежно запахнутый черный халат, расписанный изображениями красных василисков. Распущенные волосы окутывали пышное тело, спускаясь ниже талии. В остальном же ее облик остался прежним — все то же «кровоавое» ожерелье, перстни и диадема. Хозяйка особняка восседала в

большом кресле, напоминающем трон, окруженная множеством диковинных вещей. Всюду висели искусно раскрашенные маски: зеленая змея с широко разверзнутой красной пастью, черная птица с длинным острым клювом, синяя рыба с большими, мертвенно-бледными глазами и другие. Рядом, на вбитых в стену крюках, красовались человеческие черепа, обложенные золотыми и серебряными пластинками. Встроенные в стену полки были уставлены глиняными кувшинчиками и флаконами из синего стекла, плотно закрытыми пробками. Тут же висели связки трав, высушенных летучих мышей, змеиных голов и чучел диковинных уродцев, о происхождении которых Крамос мог только догадываться. Среди них выделялось стоявшее на небольшом возвышении чучело крокодила с человеческой головой и кабаньими клыками. Чешуйчатую спину покрывали статуэтки уродливых божков. Еще одно изваяние возвышалось у дальней стены — трехголовый идол из черного дерева, с исполинским фаллосом и перепончатыми крыльями за спиной. Перед ним стоял золотой алтарь, на котором еще трепыхалась зарезанная черная курица. В золотых курильницах чадили благовония, а над потолком дремала, обвив толстую балку, черная змея с красными пятнами по всему телу. Из антуража логова обайфо выбивалась лишь одна деталь — лежащая на специальном постаменте большая книга, в переплете из человеческой кожи. На раскрытой странице Крамос увидел колдовские знаки, связанные с культом Асмодея, а также рисунки свирепых демонов и развратных демониц. Колдуны из Черных Королевств редко умели читать, но госпожа Амали тем и была опасна, что сочетала колдовское искусство своей матери с тайными знаниями слугителей Архонта Пламени.

— Можешь нас оставить Джеро, — бросила колдунья и раб, поклонившись, покинул комнату, прикрыв за собой дверь. Амали перевела взгляд на Крамоса и тот невольно сглотнул, словно загипнотизированный огромными черными глазами. Снисходительная и в то же время соблазнительная улыбка искривила полные губы.

— Ты принес, что обещал? — спросила она. Крамос кивнул и достал из-за пазухи небольшой шар из полупрозрачного зеленого камня. Изнутри он светился слабым светом, бросая отблески на стены комнаты.

— Этот шар, — сбивчиво начал объяснять толстяк, — он связан с той...штукой, которую до сих пор таскает эта дура. Чем ближе вы подойдете к ней, тем сильнее будет его свечение. Когда же вы окажетесь достаточно близко — например, в одном городе, тогда вы сможете увидеть ее в этом шаре — где она и с кем, чем занята и...

Амали молча протянула руку и Крамос, прервавшись на полуслове, торопливо подал ей зеленый шар. Мгновение колдунья вглядывалась в светящуюся глубину, после чего перевела взгляд на Крамоса и улыбнулась так, что сердце толстяка заколотилось как бешеное, а к его паху мощно прилила кровь.

— Ты мне очень помог, — снова улыбка, обнажившая ряд идеально-белых зубов, — теперь искать эту сучку будет намного легче. Уверен, что Тускулат не знает о твоём подарке?

— Уверен, — мотнул головой Крамос, — у меня есть еще такие шары, да и герцог не так уж хорошо осведомлен о моем арсенале.

— Хорошо, — кивнула Амали и, поставив шар на алтарь трехголового идола, поманила толстяка к себе. Тот подошел на подгибающихся ногах — пряный аромат духов, настоянных на колдовских зельях, дурманил ему голову и горячил кровь. Амали ухватила пальцами подбородок Крамоса и вздернула голову, заставив его посмотреть ей в глаза.

— Сам Трехглавый соединил наши судьбы, — проникновенно сказала она, — тем, у

кого нет влиятельной семьи за спиной, нужно держаться вместе, если мы хотим на равных играть со знатью в ее игры.

Крамос слабо кивнул, замороженный мерцанием черных глаз. Амали медленно провела пальцем по его губам и Крамос тут же принялся сосать его, с пылом новорожденного кутенка, дорвавшегося до материнской титьки.

— Я найду эту девку, — прошептала Амали, — но прежде чем передать ее Тускулату — выясню, чем она опасна для герцога. Когда же мы узнаем его слабости — воспользуемся ими, чтобы занять место Тускулата рядом с королем Орсом.

— Герцог близок к опале, — сказал Крамос, с сожалением выпустив из губ палец темнокожей красавицы, — Орс не забыл провала в Дракии, а ведь он еще не знает о том, что случилось в Туроле.

— Герцог теряет хватку, — рассмеялась Амали, — на родине моей матери говорят, что когда лев дряхлеет, молодые львицы перегрызают ему горло, чтобы освободить место новому господину.

— Ты моя госпожа, — произнес Крамос, полным обожания взглядом уставившись на темнокожую красавицу. Та мелодично рассмеялась и, откинувшись на спинку кресла, распахнула полу халата, окрыв округлое бедро, обтянутое шелковым чулком. Толстяк, истекая слюной от вожделения, неотрывно смотрел, как колдунья свертывает кружевную ткань, дразня толстого расстригу каждым дюймом медленно приоткрываемой смуглой плоти. Стянув чулок, Амали обхватила рукой затылок Крамоса и, притянув к себе, прижала смятый шелк к его лицу. Крамос, зарывшись носом в тонкую ткань, с наслаждением вдыхал запах духов и женского пота, дурея от вожделения. Амали неторопливо смяла чулок и запахнула его в рот толстяка.

— У нас будет немало времени узнать друг друга получше, — шепнула она на ухо расстриге, — если ты и дальше будешь предан мне.

Взгляд полный восхищения был ей ответом и Амали, рассмеявшись, потрепала толстяка по лысеющей макушке.

— Все, теперь иди, — сказала она, — Джеро тебя проводит. В следующий раз мы встретимся, когда я вернусь из Вальдонии — и тогда уже много времени будем проводить вместе.

Крамос молча кивнул, все еще держа чулок во рту. Кланаясь и пятась задом, он вышел из комнаты, сопровождаемый бесстрастным черным рабом. Амали же, лениво потянувшись, сняла с ближайшего столика кубок с золотистым вином и с наслаждением пригубила.

— Бедный толстячок, — мурлыкнула она, — даже жаль, что тебе придется отправиться вслед за Тускулатом. Ты забавный дурачок, но у таких как ты не может быть места рядом с женщиной будущего императора.

«Готовься сделать шаг — тебе дадут знак!»

— И все же, кто ты такой? — настойчиво спросила Лена. Ханген криво усмехнулся и отхлебнул из кружки с пивом.

— Уверена, что хочешь это знать?

— Редко когда я была так уверена, как сейчас, — процедила Лена, — мне изрядно надоело, что все норовят использовать меня в темную.

Минуло два дня с тех пор как Лена, забрав с алтаря Баала свои вещи, вместе со старыми друзьями и новыми союзниками покинула охваченный хаосом замок Роуле. Взяв все лодки, беглецы спустились в Мерту, по которой они и добрались до храма Агареса. Узнав в наиболее измученном из беглецов барона Ловенвальда, епископ Одальберт отвел Вулреху место в храмовом лазарете, приставив к нему своих лучших целителей. Сам священнослужитель также немало проводил с раненым, также как все еще гостивший в храме Герхарт. Лена не особо вникала в эти разговоры, но предполагала, что речь могла идти о союзе между Вабарией и Ловенвальдом. Когда они уходили, к приятелю заглядывала Кэт, оставляя Лену одну. Попаданка, впрочем, не сильно расстраивалась — в отсутствие подружки она могла, наконец, поговорить по душам с Хангеном.

— Кэт кое-что рассказала о тебе, — продолжала Лена, — даже ей показалось, что для простого воина ты слишком смело разговариваешь с баронским наследником.

— Не такого уж и простого, — пожал плечами Ханген, — мой род, может, и не столь древний, как у Герхарта или Одельберта, но все же дворянский.

— Кэт говорит, что это было смело даже для вассала, — парировала Лена, — и сомневаюсь, что провинциальный дворянчик из вабарской глуши знает все тонкости имперской политики. А еще Кэт рассказала, как ты напустил туман на замок — тоже редкое умение для простого начальника стражи.

— У твоей кошки слишком длинный язык, — поморщился Ханген, — как бы в один прекрасный день ей его не откусить.

— Надеюсь, этого не случится, — мечтательно улыbnулась Лена, — у нее очень умелый язычок, я буду скучать по нему. Так кто ты, Ханген? Ты работаешь на Храм?

— Нет, — покачал головой вабарец, — хотя мы и поддерживаем контакты с Саломеей.

— «Мы» — это кто?

— Имперская тайная канцелярия. В Брокгарте я несколько лет служил в Морской Страже — знаешь, что это такое?

— Да, — кивнула Лена: Кайра как-то упоминала об элитных имперских отрядах — что-то среднее между береговой охраной, разведкой и пограничниками, — несущих службу на мелких островах коими изобиловали воды Брокгарта. Морская Стража первой оповещала о приближении вражеских флотов, а если нужно — то и принимала на себя первый удар. Также в ее задачу входила борьба с пиратством и контрабандой, отслеживание разных морских чудовищ и многое другое.

— У Стражи есть секреты, — продолжал Ханген, — насыпать туман меня обучили именно там. Ну и, разумеется, имперская Тайная Канцелярия ведет за нами особый надзор. Многим в Морской Страже предлагают работать на Канцелярию после окончания службы. Предлагали это и мне — и я, подумав, согласился.

— Хорошо платят?

— И это тоже, — кивнул Ханген, — а еще всегда неплохо иметь покровителя в столице. Ниак Вагнеркейн умеет защитить своих людей.

— А это кто такой?

— Вагнеркейн? Глава Канцелярии, помощник канцлера Оттольфа.

Вот это имя Лене было знакомо — и в Некрарии и в самой империи она не раз слышала, что именно Оттольф, ввиду молодости и неопытности императора, фактически правит Тевманией. Многие именно его и полагали главой Тайной канцелярии, а вот имя, названное Хангеном, попаданка слышала впервые.

— Он не любит бывать на виду, — пояснил Ханген, — вне Канцелярии о нем мало кто что знает. Это по его поручению я вернулся в Вабарию.

— А здешний барон знает, кто ты?

— Думаю, догадывается, как и Герхарт, — пожал плечами Ханген, — многие знают о связях Тайной Канцелярии и Морской Стражи. Кстати, именно поэтому Герхарт, пусть и с неохотой, но прислушался ко мне — опасался, что если откажет наотрез, то Ниак ему это припомнит. Поначалу мне казалось, что служба тут будет скучной: Вабария унылое захолустье, в центре империи. Потом мне объяснили: Ниак все с большим подозрением смотрит на короля Орса, а особенно — на герцога Тускулата.

— Правильно делает, — буркнула Лена, — этот подонок явно что-то затевает.

Она рассказала Хангену при каких обстоятельствах ей приходилось слышать это имя.

— Ниаку будет интересно узнать это, — кивнул стражник, — недаром он стал обновлять свою шпионскую сеть на северных границах Гроскании. Неделю назад мне пришел приказ — встретить барона Ловенвальда и двух девушек с ним. Про барона понятно — Львиный монастырь готовит хороших бойцов, многие из них служат и в армии и в Канцелярии — сам Вулрех тому пример. Его исчезновение стало серьезным ударом по нашей агентуре на юге. Что же до девушек, то мне прислали их описание и приказали оказывать им такое же содействие, как самому барону. Среди прочего, мне сообщили, что у одной из спутниц барона будет нож с Черным Фениксом.

— Поэтому ты его и узнал, — усмехнулась Лена, — и какое дело до меня твоему начальству?

— Мне-то откуда знать? — пожал плечами Ханген, — мое дело маленькое.

Сказать по правде, у Лены был ответ на этот вопрос — она помнила, как Саломея упоминала, что поддерживает отношения с Тайной канцелярией. Однако Хангену, надо полагать, не рассказывали о таких тонкостях.

— Ниак давно знал о том, что барон Кресцент — одно из доверенных лиц Тускулата, — продолжал Ханген, — и все же, мы не ожидали, что он будет действовать так нагло. Поэтому он и успел вас захватить, а мне...

— А тебе пришлось спешно исправлять свою ошибку, — поняливо кивнула Лена, — чтобы тебя не обвинили в провале всей операции. Кстати, ты знал, что младший сын Кресцента спутался с «Детями Рассвета»?

— С кем? — вскинул брови Ханген.

— Долго объяснять, — махнула рукой Лена, — да и пока неважно.

— Мое дело маленькое, — повторил Ханген, — найти тебя и барона, после чего проводить вас до границы с Вальдонией. Дальше я пойти не могу — за рекой все еще беспокойно и за Туролом нужен глаз до глаз. Но в Мюнберге тебя встретит человек, которому известно обо всем этом куда больше, чем мне.

— И кто же он? — с интересом спросила Лена. Ханген воровато оглянулся, хотя здесь их точно никто не мог услышать и, понизив голос, принялся объяснять.

Сейчас Лена вновь вспоминала этот разговор, глядя с борта купеческого судна на приближавшийся Мюнберг. Город раскинулся в месте слияния двух рек — и Мерта, широкая и судоходная, здесь словно съеживалась, выглядя как ручеек перед величественным полноводьем Рензы. Лена с трудом различала противоположный берег — как из-за его отдаленности, так и из-за многочисленных судов, заполонивших речную гладь. Грузенные зерном баржи, купеческие барки, рыбацкие баркасы, военные галеры — все они сновали вверх-вниз по течению, бросая якорь возле бесчисленных причалов. Еще утром они миновали пригороды, где шла торговля скотом и у Лены до сих пор в ушах звучало нескончаемое мычание, бляение, хрюканье и ржание, которого она наслушалась, казалось, на всю жизнь. Из-за шума и нестерпимой вони, скотный торг не допускался в город — однако прочие товары текли сюда нескончаемым потоком. Попаданка видела, как на берегу портовые грузчики, надрываясь от натуги, волокут с разных судов мешки, ящики и бочонки, как суетятся рядом приказчики и доверенные лица воротил местного бизнеса и как разъезжаются повозки с товаром, что уже завтра займет свои места на Мюнбергской ярмарке. Народ же победнее разносил все на своем горбу — лишённые собственных складов, крестьяне зачастую отдавали последние монеты, чтобы свалить свое добро на постоянных дворах, да и ночевали рядом с ним. В целом же, Мюнберг производил впечатление — даже в Никтополе, не говоря уже о Торговище или более мелких городах, Лена не видела такого размаха.

Остаток пути прошел на удивление спокойно, даже скучно. Ночь все трое коротали в любовных утехах, хотя Кэт с Вулрех были недовольны, что приходилось сохранять людское обличье. Днем же ничего не оставалось, как созерцать проплывающую мимо Вальдонию. Мерта здесь перерезала ее почти пополам — по обоим берегам тянулись многочисленные деревни, поля, пастбища и сады. Попадались здесь и города и замки знати, а также храмы и монастыри, не дающие забывать о том, что Вальдония, прежде всего, духовное владение. Порой вся эта пастораль сменялась густыми лесами — заповедные рощи для охоты знати, куда простолюдинам вход разрешался только по большим праздникам. В остальные дни за нарушение запретов крестьян ждали большие штрафы, а то и более суровые наказания — вплоть до смертной казни.

Подобный лес окружал и Мюнберг — огромная чащоба, простиравшаяся до границы с Тюргонией. Как и многие здешние леса, этот считался обиталищем нимф, дриад и Белых Дам — духов леса в женском обличье, составлявших свиту Астарота и подвластных ему архонтов. В иные дни эти духи покидали свои леса и, вместе с русалками и суккубами, проникали в Мюнберг, чтобы проказничать, соблазнять и вводить в смущение горожан. Те же без особой надобности не совались в Мюнбергский Лес — кроме опять-таки знати, кичившейся своей архонтской кровью. С реки Лена видела башни и крепостные стены замков — аристократия, как правило, сторонилась городских «торгашей» предпочитая проводить время в загородных поместьях. На ярмарку ходили слуги, закупавшие там все, что велели хозяйева. В замки допускались лишь ювелиры и торговцы предметами роскоши, когда знать, не доверяя вкусу слуг, желала самолично выбрать драгоценную безделушку или новый наряд. Но, избегая без лишней надобности появляться в городе, местные владыки чутко держали руку на пульсе его жизни — как с помощью магии, так и целой сети шпионов и доверенных лиц. Иначе и быть не могло — слишком важен был этот город для всей

империи, чтобы упускать из виду, чем он живет.

Мюнберг находился не только на берегу — часть его разместилась в месте слияния рек, на группе островов, соединенных между собой и берегом широкими мостами. Здесь величавыми колоссами вздымались монументальные здания — средоточия духовной и экономической мощи Империи. Сусальным золотом блестели колонны храма Маммона — одного из ближайших подручных Астарота, покровительствующего банкирам и ростовщикам. Этот храм одновременно являлся и главным банком Империи, ее финансовым сердцем, где через артерии торговых путей ежедневно прокачивались потоки золота. Рядом возвышалось стройное здание из розового мрамора, чьи изящные шпили венчали черные полумесяцы — будто потеки темного шоколада на торте из розового зефира. Полумесяцы делали здание похожим на мечеть, но ни одну мечеть не могли украшать статуи обнаженных дриад и суккубов, крылатых юнцов, вроде амуров, и прочих симпатичных созданий, раскинувшихся в раскованных позах на карнизах и балконах здания. Над главной дверью храма виднелся барельеф прекрасного юного существа неопределенного пола. Обнаженное стройное тело прикрывали лишь длинные волосы, из которых выглядывали острые рожки, на которых блестел серебром все тот же лунный серп. Архонт Астарот, — а Лена сразу поняла, что это был он, — восседал на свирепом леопарде, а в руках сжимал извивающуюся гадюку.

Над всеми зданиями возносился исполинский храм из черного камня, с множеством шпилей, башен, апсид и галерей, украшенный диковинными фресками и скульптурами. Над главными воротами красовался витраж, изображавший огромного черного кота: Баал, Первый Архонт, изображался тут в обличье, наиболее уместном там, где превыше всего чтили Астарота. Последний также присутствовал на витраже — в виде изящного леопарда, льнувшего к Архонту-Императору. С четырех сторон, ориентированных, как поняла Лена, по сторонам света, парочку окружили и остальное Семеро: Асмодей, в виде свирепого льва; Белиал, в обличье черного волка; семиглавый змей Левиафан и Вельзевул в виде гигантского насекомого. Лишь стоявший особняком Плутос имел человеческое обличье, но и он держал на поводке из извивавшихся змей трехглавого пса. Были здесь и архонты рангом пониже, составлявшие свиту Семерых. Лена знала, что это — Собор Семидесяти Двух, великий храм где от века короновались императоры Тевмании. Сначала это были герцоги Тюргонии, в состав которой когда-то входила Вальдония, но, после того как короли Брокгарта помогли обособиться князьям-епископам, вот уже несколько веков только Рокштайны возлагали на себя имперскую корону. Замок владык Вальдонии, кстати, стоял на соседнем острове, хотя князья-епископы и нечасто бывали тут, предпочитая свои загородные резиденции.

— Хорош глазеть! — вынырнувшая откуда-то Кэт бесцеремонно прервала созерцание Леной шедевров вальдонской архитектуры, — успеешь еще насмотреться. Не знаю как ты, а я, собираюсь как следует прошвырнуться по здешним лавкам.

Маячивший за ее спиной Вулрех вздохнул — похоже, оборотистая кошкодевка уже заставила его смириться с перспективой хождения по магазинам. Лена усмехнулась и, шлепнув подружку по соблазнительному заду, спустилась в каюту за вещами. Ни она, ни ее спутники не обратили внимания на стоявшее возле одного из причалов прогулочное судно с черно-багровыми парусами и носовым украшением в виде обнаженной девы, обвитой большим змеем. На корме располагалась каюта с окошком, задернутым портьерой из алого бархата. Из-за нее за рекой внимательно наблюдала госпожа Амали. Черные глаза хищно блеснули, когда колдунья увидела сходящих на берег путников.

— Твоя безделушка сработала, толстячок, — она погладила лежавший у нее на коленях

зеленый шар, — ночью надо будет навестить эту троицу.

Где остановиться путники нашли сразу — постоянных дворов в Мюнберге было куда больше, чем жилых домов, чьи владельцы также нередко пускали постояльцев. Также как и владельцы таверн, у которых почти всегда имелись гостевые комнаты. В одном из таких заведений все трое оставили свои нехитрые пожитки, после чего спустились в зал. Там уже подавали обед: жирные свиные сосиски, приправленные солью, перцем и мускатным орехом с горчицей и тушеной капустой; отваренные в вине свиные ребрышки и мягкий коровий сыр. Все это подавалось со знаменитым мюнбергским «зеленым соусом», сделанным из семи трав — еще одно ненавязчивое напоминание о здешней религиозности. Запивали же путники все это легким яблочным вином.

— Сначала сходим в ряды, где торгуют шмотками, — говорила Кэт с набитым ртом, — Ханген рассказывал, что вальдонские ткачи шьют совершенно отпадные платья. А то от самой Некрарии премся черт знает в чем, на люди показаться стыдно. Там же рядом и магазины с косметикой — говорят, ею пользуются лучшие куртизанки Мюнберга. А послушники из храмов Астарота порой толкают товар местным барыгам. Вот и проверим, чем красятся здешние элитные потаскушки. Потом в ювелирку — сюда привозят много камушков с эргенских рудников, которые можно взять за...

— Ты решила, что Ханген дал нам в дорогу мешок с золотом? — хмыкнула Лена, — все, что он выпросил у Одальберта — это чтобы мы добрались до Брокгарта, ну и на сопутствующие расходы. Ты, похоже, забыла, что все, что дала нам Мартаска осталось на речном дне, так что мы уже не так богаты, чем когда уходили из Секеи. А если ты спустишь все на ярмарке в первый же день...

— У нашей семьи есть вклады в мюнбергских банках, — заметил Вулрех, — я бывал раньше в Мюнберге...по службе и у меня есть знакомцы среди здешних банкиров. Если мы поторопимся до темноты, то сможем пополнить наши кошельки.

— Ты мой герой! — Кэт обвила руками шею барона и запечатлела смачный поцелуй на небритой щеке, — тогда идем скорее!

— Только без меня, — сказала Лена, — мне прежде нужно заглянуть тут в пару мест. Встретимся тогда уже здесь, ближе к ночи.

— Договорились, — Кэт, похоже, совсем не расстроилась, что Лена не идет с ними, — ну что, Вулрех, где там твой банк!?

На этом и порешили. Вулрех и Кэт направились в ближайший банк, — в Мюнберге, помимо храма Маммона, имелся еще с десяток филиалов по всему городу, — тогда как Лена прошла на улицу, где торговали керамикой. В магазинчиках, на уличных прилавках и прямо на земле, здесь стояли бесчисленные горшки, кувшины, кружки, расписные блюда и тарелки, изящные статуэтки и нарочито грубые фигурки — из глины, фарфора, фаянса и других материалов. Для завлечения покупателей иные торговцы накладывали в блюда угощение — копченые говяжьи сосиски или свиные ребрышки, — другие же предлагали кружки с пивом или яблочным сидром.

Лена прошла мимо симпатичного парня торговавшего свистульками в виде искусно раскрашенных птиц. Проигнорировав попытки молодого торговца привлечь ее внимание переливчатыми трелями, которые он извлекал из своих изделий, Лена остановилась перед лавкой с чернолаковыми амфорами из Некрарии. На застекленных прилавках виднелись разные статуэтки, в том числе и миниатюрные фигурки Триморфы и прочих некрыйских богинь, при виде которых Лена ощутила приступ невольной ностальгии. Она решительно

толкнула дверь и шагнула в полумрак лавки.

— Чем могу быть полезен молодой госпо..., — худой чернявый торговец осекся, когда Лена, приоткрыв полу плаща, молча показала ему змеиный кнут.

— Мое почтение госпоже диаконессе, — почтительно поклонился торговец, — позвольте, я провожу вас.

— Проводишь? Куда?

— Туда где вас давно ждут.

«Позволь, я коснусь тебя, — войдет в кровь звериный яд!»

— Можешь входить! — крикнула Кэт и Вулрех, облегченно вздохнув, вошел в комнату. Ранее он по требованию подруги стоял за дверью, ожидая пока кошкодевка, что сегодня без зазрения совести запускала лапку в его кошелек, соизволит переодеться. Для барона Ловенвальда, не привыкшего идти на поводу у своих женщин, томиться в коридоре оказалось внове, но к понятному раздражению, примешивалась и нетерпеливое предвкушение, словно это спонтанное подчинение стало частью любовной игры.

Любовница барона стояла возле широкого ложа, уперев руку в крутое бедро. По меркам мира Кэт новое платье выглядело весьма откровенно: две полоски черного шелка, соединялись на шее серебряными цепочками и едва прикрывали соски Кэт, оставляя открытыми остальную грудь и плоский живот. Обнаженной оставалась и спина: широкий вырез приоткрывал даже соблазнительную ложбинку меж округлых ягодиц. Ниже платье выглядело приличней — пышные складки широкой юбки ниспадали до самого пола. Однако при каждом движении девушки распахивались длинные разрезы, открывавшие умопомрачительные ноги в кожаных сапогах на высоком каблуке. Красиво уложенные черные волосы перемежались синими прядями — в одной из лавок Кэт разжила краской для волос, — глаза подведены сине-зелеными тенями, брови очерчены углем. В ушах покачивались золотые серьги с синими сапфирами, на груди красовался кулон — изумруд в серебряной оправе. Все драгоценные камни красиво гармонировали с глазами кошкодевки, что непрестанно меняли цвет с синего на зеленый. В воздухе растекался приятный аромат нежных духов и свежего женского тела.

— Нравится? — Кэт игриво крутанулась, показывая себя со всех сторон. Вместо ответа Вулрех молча шагнул вперед, на ходу срывая рубаху. Он обнял девушки за талию, привлекая ее к себе, и Кэт тут же впиалась в мужские губы жадным поцелуем. Запустив руку в разрез юбки, барон выяснил, что нижним бельем его подруга не озаботилась — пальцы Вулреха сразу оказались во влажной теплой глубине. Кэт застонала, выгибаясь всем телом, и в порыве страсти вцепилась зубами в плечо барона. Острые ногти с черно-синим маникюром прочертили по его спине кровоточащие борозды и от этой жестокой ласки тело Вулреха пронзила волна такого сильного наслаждения, что с его губ сорвался громкий стон. Меж тем Кэт, опустившись на колени, уже расшнуровывала мужские штаны. Восставший ствол вырвался наружу и тут же оказался в плену намазанных алой помадой губ. Кэт жадно сосала член Вулреха: то лаская головку кончиком языка, то забирая в рот по самые железы, похотливо заглядывая в глаза мужчины. Чувствуя близость кульминации, Вулрех с трудом заставил себя отстраниться от девушки, и Кэт тут же вскочила, целуя барона распухшими, пахнущими его собственным телом, губами. Вулрех толчком опрокинул кошкодевку на спину, задирая ей подол и зарываясь лицом меж безупречно-белых ляжек. Теперь настала очередь Кэт стонать и вскрикивать, пока язык Вулреха исследовал ее недра, смакуя вкус солоноватых соков и выписывая потрясающие узоры вокруг трепетавшего от возбуждения клитора. Кэт забросила ноги на плечи барона, что есть силы стискивая бедра вокруг головы Вулрехе, протираясь влагалищем по его лицу и размазывая свои выделения. Но, когда она уже была готова кончить, барон рывком высвободился из удушливого плена и развернул Кэт спиной к себе, ставя ее раком. Готовый взорваться член вонзился в хлюпающую влагой щель,

пока Кэт энергично двигала бедрами навстречу долбящему ее поршню. Над ее ухом раздался грозный рык и кошкодевка почувствовала, как тяжелеют лежавшие на ее плечах руки, а в ее кожу, разрывая в клочья платье, впиваются острые когти. Кэт сама не заметила, как ее тело покрылось черной шерстью, во рту выросли клыки, а лицо превратилось в кошачью морду, искаженную звериной похотью. Львиные зубы прикусили вздыбившийся загривок и Кэт взвыла, как мартовская кошка, когда шипастый член, терзающий ее лоно, наконец, запульсировал, вливая в ее недра обильное львиное семя.

Уже позже они, приняв человеческое обличье, лежали на кровати, тяжело дыша и обмениваясь ленивыми поцелуями.

— Скотина ты, — Кэт покрутила перед глазами обрывок черной ткани и брезгливо отбросила его, — совсем ведь новое платье было!

— Я куплю тебе новое, — усмехнулся Вулрех, — и не одно. В том числе и свадебное.

— Ты шутишь? — Кэт поднялась на локте, внимательно заглядывая в глаза Вулреха.

— И не думал, — ответил Вулрех, — так получилось, что я еще не успел жениться, что неприемлемо для барона Ловенвальда.

— А разве барон Ловенвальда не должен выбирать невесту из своих?

— Должен, — кивнул Вулрех, — но из любого правила могут быть исключения. Наши предки — архонты и их отпрыски, — заводили детей от обычных крестьянок, поскольку никакой знати в те времена еще не было. Сейчас же архонтской крови в моих жилах хватит на двоих, да и ты — не обычная селянка. Твоя кровь только усилит мой род.

— Баронесса, — мурлыкнула Кэт, — мне нравится. Но что мы скажем Лене?

— Ты же не собираешься до конца своих дней ходить за ней хвостиком? — пожал плечами Вулрех, — рано или поздно вам обоим придется устраивать свою жизнь. Твоя подруга — не дура и поймет, если ты начнешь раньше.

— Ты и мертвого уговоришь, — Кэт игриво куснула Вулреха в плечо, — что же, я согласна.

— Так мило все это слышать, — раздался вдруг насмешливый голос, — ничего, если я нарушу вашу идиллию, котики?

Вулрех и Кэт одновременно вскинулись на кровати, с раздраженным недоумением рассматривая стоявшую в дверях красивую женщину с темной кожей. Госпожа Амали изменилась — вряд ли аристократы Гроскании узнали бы сейчас утонченную куртизанку в этой экзотической дикарке. Пышные бедра охватывала короткая юбка, расшитая бисером, полную грудь едва прикрывала полоска шелковой ткани. Меж массивных полушарий свисало ожерелье из когтей и клыков хищников, отделанных золотом. Между них красовался череп твари похожей на ящерицу, с алыми рубинами в глазницах. К поясу женщины крепился небольшой мешочек из тонкой выделанной чешуйчатой кожи. В руке она держала светящийся шар из зеленого стекла.

— Тебя не учили стучаться? — Кэт первой обрела дар речи, — кто ты вообще такая?

— Я пришла к твоей подружке, — сказала Амали, — где она?

— Здесь ее нет, — Кэт угрожающе оскалилась, — и она не говорила, что ждет гостей.

— Тогда я сделаю ей сюрприз, — Амали облизнулась, похотливо рассматривая обнаженную парочку, — вы же можете мне скоротать время в ее ожидании?

— Все что я тебе помогу, — зло сказала Кэт, — это оправиться в Лимб. Даже восстать не сможешь — нечему будет восставать.

По ее телу прошла сильная дрожь, лицо исказилось в жуткой гримасе — и вот уже на

кровати поднимается, вздыбив шерсть, черная кошка. Рядом с ней, огласив комнату грозным рыком, вскинулся лев. Оба зверя уже собирались кинуться на незваную гостью, когда Амали выбросила перед собой зеленый шар, который не упал, но повис в воздухе. В тот же момент он полыхнул ослепительно яркой вспышкой, на миг ослепившей обоих хищников. Этого хватило Амали, чтобы выхватить из мешочка пригоршню черной пыли и швырнуть ее в глаза Вулреху и Кэт, выкрикнув несколько слов на незнакомом языке. Послышалось чиханье и раздраженное фырканье: большая кошка и пещерный лев трясли головами и чесали морды лапами, словно пытаясь вытряхнуть что-то из глаз. Амали издевательски рассмеялась и, пройдя мимо хищников, подошла к сваленным на полу вещам. Сумку Лены она нашла быстро — и, расстегнув ее, достала нефритовый фаллос.

— Эржет, дорогая, — полные губы раздвинулись в издевательской улыбке, — как приятно видеть тебя в таком виде. Думаю, я найду тебе применение не хуже, чем та сучка, что запихнула тебя в эту штуку.

Она по-хозяйски засунула фаллос в свой мешочек и обернулась к Вулреху и Кэт. Те, все еще оставаясь в зверином облике, застыли посреди комнаты. Две пары глаз — зеленые и желтые — с непонятым выражением уставились на колдунью.

— Вы же не думали, что я сунусь в эту дыру, не разобравшись с кем имею дело, — усмехнулась Амали, усаживаясь на кровать, — там откуда родом моя мать, полным-полно таких оборотней — львов, леопардов, гиен. Плоха та обайфо, которая не сумеет подчинить их себе — а мать учила меня хорошо. Девчонкой я неплохо зарабатывала на гладиаторских боях, когда выходила на арену с голодными львами — и те слушались меня.

Она щелкнула пальцами и вытянула ногу в сапоге из крокодиловой кожи.

— Пока я искала вас, моя обувь малость запылилась, — сказала она, — ну, кто из вас, киски, услужит хозяйке?

Кошка-Кэт припала к полу и на брюхе подползла к усмехающейся колдунье. В следующий момент она уже покорно вылизывала сапог, также как и Лев-Вулрех, старавшийся рядом. Амали с издевательско-снисходительной улыбкой смотрела, как недоумение в звериных глазах сменяется раболепным обожанием.

— Этот порошок, — пояснила колдунья, — состоит из измельченной шерсти форвалаки — пантеры-оборотня из Лонголо, мускуса пятнистой гиены, высушенных ягод мандрагоры, моей менструальной крови, а также семени моего отца, что я забрала с тела одной из его наложниц. Мой отец, по матери, в родстве с королевским домом — а ведь в жилах владык Гроскании течет кровь Эшу Мэда, одно из обличий которого — Великий Лев. Я произнесла множество заклинаний, чтобы вдохнуть в это зелье должную силу — и теперь ни одна большая кошка, также как и оборотень, принимающий ее обличье, не в силах устоять перед его действием. Ни в зверином облике, ни в каком ином.

Она насмешливо посмотрела на Кэт и Вулреха, что с неослабевающим усердием вылизывали до блеска сапоги, потом щелкнула пальцами, выкрикнув короткую команду. По телу черной кошки вновь прошла сильная дрожь и она превратилась в голую девушку. В человеческом облике, впрочем, Кэт столь же старательно полировала обувь Амалии языком. Колдунья рассмеялась и, ухватив кошкодевку за плечи, заставила ее подняться.

— Тебе тоже хватит! — она презрительно пнула Вулреха, — отошел к двери и не пускай никого. Кроме нашей общей подружки — с ее головы и волоса не должно упасть.

Огромный лев послушно улегся у двери, тогда как Амали, ухватив Кэт за руку, уложила ее себе на колени.

— Ты была плохой киской, — укоризненно сказала колдунья, проводя пальцем по ложбинке между упругих ягодиц, — грубила мамочке, угрожала ей. Знаешь, что бывает за такое?

Кэт взвыла, когда женская ладонь со звонким хлопком опустилась на ее зад. Кошкодевка не пыталась вырваться, лишь жалобно завывала, пока Амали, насмешливо улыбаясь, обрабатывала шлепками ее ягодицы: сначала одной, а потом и двумя руками. Звук ударов становился все сильнее, в нем появился определенный ритм — словно Амали, подобно своим далеким предкам из Черных Королевств, набивала монотонную, завораживающую мелодию на этом «барабане» из плоти. Лишь когда ягодицы Кэт из белых стали красными, Амали прекратила экзекуцию. Усадив дрожащую девушку себе на колени, колдунья просунула руку меж бедер и Кэт послушно раздвинула ноги, облегчая доступ к своей влажной сокровищнице. Амали, любясь контрастом своих темных пальцев на белой коже, лениво играла с нежными складочками, заставляя Кэт порывисто вздрагивать и вздыхать. Затем колдунья отняла руку от промежности Кэт и поднесла к ее губам, заставив девушку слизать собственную влагу.

— Мы еще поиграем с тобой и твоим приятелем в разные приятные игры, — шепнула Амали на ухо Кэт, — но прежде — расскажи мамочке все о своей подружке. Чем больше ты расскажешь — тем скорее она присоединится к нашим забавам.

«Путь тяжел, но цель прекрасна, как огонь костра...»

— Это какая-то шутка?

Лена недоуменно глянула на своего провожатого.

— Никаких шуток, — невозмутимо ответил тот, — тебе именно туда.

Лена вновь посмотрела на реку, где, метрах в пятидесяти от берега, поднимался остров, — тот самый, где стоял храм Астарота. На этот раз попаданка видела его не с парадного входа, как тогда с реки, а скорей с «торца», где к основному зданию лепились разные пристройки. От них спускались вырубленные в камне ступени, ведущие к множеству причалов. С одного из них сейчас и отходила лодка, которой правил, отталкиваясь длинным веслом, некто закутанный в черный балахон.

— Это за тобой, — пояснил некриец.

— Тебе не кажется, что кто-то все слишком усложняет? — спросила Лена, — к чему была наша встреча, если в храм я могла пойти и сама.

— Не могла, — хмыкнул мужчина, — судну, на котором ты прибыла в Мюнберг, не дали бы причалить здесь — это бы привлекло к тебе ненужное внимание. Как и если бы ты сунулась к главному входу, особенно со своими спутниками — для начала тебе нужно было пристроить их. Ну, а в городе сама ты бы не нашла дорогу сюда.

— Ладно, считай убедил, — Лена еще раз окинула взглядом грандиозное здание, — в ваших трущобах черт ногу сломит. Ну, тогда спасибо что проводил.

— Хайре Триморфа! — благочестиво ответил торговец и растворился в лабиринте грязных улочек. Странно, что один из самых богатых храмов Мюнберга примыкал к местному криминальному району, однако Лена почти сразу выкинула эти мысли из головы — лодка уже причаливала к берегу. Ее кормчий откинул капюшон, обнажив красивое молодое лицо — Лена даже не поняла, мужское или женское, — с точеными аристократическими чертами, огромными серыми глазами и полными губами.

— Прошу вас жрица, — голос вроде мужской, — вас ждут.

— Да я уже и сама жду, — буркнула девушка, забираясь в лодку. Провожатый оттолкнулся веслом и мощными гребками направил суденышко к храму. Уже смеркалось и в его окнах один за другим зажигались огни, придавая зданию довольно уютный вид. Однако пристройка, к которой приближалась лодка оставалась темной: лишь когда нос судна ткнулся в причал, в приоткрывшейся двери блеснул огонек факела.

— Вам туда, — произнес лодочник (или все же лодчица?), — вас уже ждут.

«Сговорились они тут? — думала Лена, поднимаясь по ступеням, — торгош постоянно говорил, что меня ждут, теперь этот. Поняла, я уже что ждут, знать бы еще — кто?».

На всякий случай она положила руку на плеть и немного успокоилась услышав в мозгу чуть слышное шипение. За пояс также был заткнут отцовский клинок, а в сапоге покоился костяной нож Амолы. Хотя здесь, вроде бы, никто не покушался на ее жизнь и свободу, вооруженной Лена чувствовала себя уверенней.

Хотя, если здесь кто и задумал какой-то поганый сюрприз, оружие вряд ли ей поможет.

В дверях ее встретил еще один молодой человек в балахоне — и тоже по его лицу Лена так и не смогла определить пол. Впрочем, времени разглядывать у нее особенно и не было — послушник, буркнув что-то неразборчивое, развернулся и последовал внутрь здания.

Лена, шагнув за ним, оказалась в коридоре, освещенном редкими факелами. На стенах мелькали фрески: пышнотелые суккубы, с небольшими рожками в густых волосах, и копытами на стройных ножках сплетались в сладострастных объятьях с женоподобными гибкими юношами с алыми губами и желтыми глазами с вертикальным зрачком. Между обнаженных тел извивались большие змеи, а на заднем плане разрывали кого-то в кровавые ключья большие леопарды. Лена вспомнила фрески в замке Роуле и криво усмехнулась: сколь бы разными не были почитавшиеся тут и там архонты, хватало общего у них также хватало.

Наконец, коридор кончился — Лена и ее спутник оказались в небольшом зале, освещенном множеством свечей из розового воска в черных подсвечниках в виде распахнувших пасти змей с головами леопардов. Ленин провожающий коротко поклонился и исчез в одной из боковых дверей, как две капли воды похожей на ту, которой они явились сюда. Лена же почти не заметила его исчезновения, с любопытством рассматривая помещение.

Стены покрывали изображения, схожие с теми, что Лена видела в коридоре — разве что с куда большим разнообразием сюжетов и персонажей. Помимо суккубов и вампиров встречались тут и более необычные отродья — вроде огромной древесной лягушки с мужским членом, обхватившей перепончатыми лапами обнаженную дриаду в ветвях огромного дерева. У корней этого же дерева возлежала обнаженная девушка, державшая в одной руке кубок с вином, а в другой — надкусанное яблоко. Вокруг нее обвивалась зеленая змея с женским лицом, целующим девушку в губы. Имелись тут и младшие архонты — и уже знакомые Лене, вроде вызвавшего недобрые воспоминания, Ситри: демон с головой леопарда и крыльями грифона, имел в рот голого юношу. В двух шагах архонт Лерайе целился в обоих любовников из лука. Имелись тут и иные архонты из свиты Астарота — как принц Сиире, в образе красивого юноши на крылатом коне или трехглавый Аим, со скульптурного совершенства телом и тремя головами — змеиной, телячьей и человеческой, с двумя звездами во лбу. Не обошлось тут без самого Астарота — один из Семерых представлял здесь во множестве обликов — от прекрасного человеческого до самых чудовищных образов. Однако Лену больше всего поразили не они, а сцена где Хозяин Луны восседал на серебряном троне в окружении разномастной свиты. Это его обличье показалось Лене до боли знакомым — прекрасная обнаженная девушка, одетая в чисто символические трусики, весьма напоминающие стринги, и сапоги на высоком каблуке, выглядела почти как выходец из родного мира попаданки. В чертах красивого лица Лене даже почудилось сходство с какой-то фотомodelью из гляцевых журналов, которые она просматривала порой вечерами. Сходство усиливалось и странным браслетом на руке, с небольшим диском посредине, до боли похожим на какие-то навороченные часы. В розовых волосах, подстриженных стрижкой маллет, с выбритыми висками блестел, рогами вверх, серебряный месяц.

Но совершенно выбило Лену из колеи еще одно изображение — не фреска, скорей что-то вроде иконки, скромно висевшей в углу. Среди здешних картин, расписанных яркими красками, инкрустированными золотом и серебром, она выглядела явно чужеродно — выполненная из темного дерева, поблекшая от времени, с трудом видными изображениями. Но все же различимыми — и от этих смутных очертаний на Лену повеяло прямо таки космическим холодом.

Зал, столь огромный, что дальние стены теряются во мраке, усыпанном едва заметными светящимися точками. Пугающие тени, крадущиеся во тьме. Шесть силуэтов,

полных скрытой угрозы, восседающие на колоссальных тронах. И пустой седьмой трон из маслянисто-черного камня, покрытого загадочными письменами. Перед ним стоит маленькая фигурка, охваченная черным пламенем. Женская фигурка, с головой странной птицы на обнаженных плечах.

Лена, словно замороженная, протянула руку к картине, но тут же одернула, словно испугавшись, что полыхающее на ней пламя опалит ей пальцы.

— Интересно, — послышался за ее спиной негромкий голос, — мне говорили, что ты узнаешь именно эту картину.

Лена обернулась — перед ней стоял высокий человек, в таком же облачении, как и прочие прислужники. Край черного капюшона, как и рукавов был окантован розовым. На груди, на серебряной цепочке свисал серебряный же полумесяц, с крупным алмазом посередине. Вошедший откинул капюшон и волна рыжеватого-каштановых волос, упала на узкие плечи. Лена увидела знакомый типаж — красивое, неопределенного пола лицо, с тонкими чертами и огромными зелеными глазами. Пухлые губы искривились в снисходительной улыбке, когда Лена положила руку на кнут.

— Это тебе не понадобится, — произнес незнакомец, — здесь никто не желает тебе зла. Мы всегда жили в согласии с жрицами Скилакагеты.

— Осторожность не помешает, проворчала Лена, — на пути сюда мне не везло на добрячков.

— Здесь тебе ничего не грозит, — повторил незнакомец, — я, Аласта Дермунд, епископ Храма Астарота, обещаю тебе это.

— Дермунд, — вспомнила Лена, — это разве не...

— Все верно, — кивнул ее собеседник (или собеседница?), — князь-епископ Вальдонии — мой кузен. Никто на Рензе не посмеет напасть на хольк с его гербом — остаток пути до Брокгарта ты проведешь в спокойствии и комфорте. Ну, а в Брокгарте тебя встретят.

— Кто?

— Тот же, кто попросил встретить тебя и здесь.

— Этот, как его..., — наморщила лоб Лена, — Ниак?

— Ниак Вагнеркейн, — кивнул Аласта, — это он сказал, что ты обязательно узнаешь эту картинку. Он вообще редко ошибается.

Лена бросила взгляд на пугающий рисунок и почувствовала, как ком подступает к ее горлу. Она словно вновь ощутила треск костей в адском пламени, наяву увидела плоть, сползающую с оголенных фаланг.

— Я видела эту картинку, — сказала она, — уже не помню где.

— Я знаю, — усмехнулся Аласта, — во сне.

Лена бросила на него недоверчивый взгляд.

— Эта иконка здесь недавно, — продолжал мужчина, — долгое время она хранилась в самых тайных подземельях Храма Семидесяти Двух, скрытая от людских глаз. И я был удивлен, когда Ниак Вагнеркейн попросил перенести ее сюда, чтобы показать тебе.

— Почему здесь, а не в тех подземельях?

— Туда сложно провести посторонних, — пояснил Аласта, — куда сложнее, чем вынести эту икону под полой. Он говорил, что эта картина поможет тебе.

— Поможет? В чем?

— Понять, кто ты есть, — сказал жрец Астарота, — Ниак сказал, что у тебя есть нож. Странный нож, с загадочной птицей. Кровь, пролитая им, поможет тебе пробудиться.

Лена пристально посмотрела на жреца, потом перевела взгляд на иконку и достала отцовский нож. Торопясь, словно боясь, что решительность изменит ей, она полоснула себя по ладони и приложила кровоточащую ладонь к темной иконке.

Перед ее глазами полыхнул беззвучный взрыв — черное пламя с белыми всполохами. Колдовской огонь вмиг охватил Лену и та закричала от невыносимой боли объявшей все тело. Она чувствовала, как плоть сползает с костей, как обугливаются сами кости, осыпаясь на пол горстью золы. Но даже сгорая заживо, с мигом вытекившими от жара глазами, она каким-то образом видела все происходящее: как сгинул зал Астарота, сменившись другим — бескрайним залом, дальние стены которого терялись в непроницаемом мраке. Из тьмы возносились исполинские троны — и сидевшие на них туманные фигуры шевелились, словно разминая затекшие члены, наклоняясь чтобы рассмотреть объятую пламенем фигурку. Но черное пламя угасало — и из затухающего костра выходил некто... обнаженная женщина с птичьей головой на голых плечах. Вот она вскинула руки — и они обернулись крыльями с иссиня-черными перьями.

Лена с криком отпрянула, дико озираясь по сторонам. Ее била крупная дрожь, из глаз потоком текли слезы. Попаданка лихорадочно ощупывала себя, не в силах поверить, что ее все еще облекает живая плоть, а не сгоревшие головешки. Зал Астарота почти не изменился — разве что половина свечей потухла, словно задутая сильным ветром. Однако другие свечи еще горели — и в их свете Лена увидела Аласту, что со странной улыбкой рассматривал ошеломленную попаданку.

— Тебе смешно, ты пидор?! — выкрикнула Лена, — ублюдки конченые, вы убить меня хотите?! Да за такие фокусы тебе и этому Ниаку...

— Он был прав, — негромко произнес жрец, — посмотри на иконку.

Лена бросила на него злой взгляд, но все же взяла одну из все еще горевших свечей и поднесла ее к черной иконе. Кольшущийся огонек осветил изображение — теперь на редкость четкое и ясное. Она видела огромный зал, окруженный бескрайним мраком, видела тени крадущиеся во тьме и огромные фигуры в черных балахонах восседающие на тронах. Но пространство перед пустым тронном, сейчас тоже опустело — объятая пламенем фигурка бесследно исчезла.

— Что за? — Лена прервалась, изумленно посмотрев на свою руку, все еще сжимавшую отцовский нож, на глазах покрывавшийся черной ржавчиной. Вот исчезла гравировка с Черным Фениксом — и клинок рассыпался ржавой пылью. Лена посмотрела на ладонь — на ней наливался черным огромный кровоподтек в форме расправившей крылья птицы.

В таверну она возвращалась уже сама — с тех пор как очередной послушник перевез ее обратно на берег, она на удивление легко находила дорогу в лабиринте грязных улочек. Темные личности, ютившиеся у кабаков и иных неприглядных заведений, провожали ее похотливыми взглядами, однако пристать так и не решились, остановленные не то змеиным кнутом у пояса Лены, — во время испытания плеть Триморфы, кстати, оставалась на удивление пассивной, никак не реагируя на страдания хозяйки, — не то странным выражением в глазах попаданки.

Лена же не замечала здешнее отребье, погруженная в собственные мысли. Без сомнения, в Храме Астарота с ней что-то произошло, но она никак не могла понять — что? Особых изменений в себе она пока не замечала, хотя и понимала, что произошедшее не могло не оставить на ней следа. Сейчас она мучительно пыталась ответить себе — правильно ли она сделала, что решилась на это проклятое испытание или, подавшись

внезапному наитию, только что добавила на свою голову серьезные проблемы.

За этими мыслями Лена сама не заметила, как покинула опасный район, а там и оказалась рядом со «своей» таверной. Поднявшись наверх, Лена увидела пустую комнату, где на полу валялись обрывки платья и ее и собственная, настежь открытая сумка. Обуреваемая нехорошим предчувствием, Лена сбежала вниз.

— Вы не видели моих друзей? — обратилась она к хозяину таверны, стоявшему у стойки, — красивая девушка с черными волосами и мужчина с...

— Видел, — кивнул мужчина, — они ушли незадолго до вашего прихода. К ним приходила какая-то женщина, с ней они и ушли.

— Что за женщина? — подозрения Лены усилились. Мужчина пожал плечами.

— Красивая, но точно не здешняя — темнокожие тут редкость. Держалась так, будто она тут главная. Кстати, оставила вам письмо, — он протянул небольшой конверт. Лена сломала восковую печать и впиалась глазами в буквы незнакомого почерка.

— *«Твои друзья у меня, — читала она, — и только от тебя зависит, встретят ли они рассвет. Хочешь увидеть их живыми — приходи в Мюнбергский Лес, к Дамской Лощине. Не вздумай никого брать с собой, если не хочешь, чтобы я сделала из наших милых кисок две шубки себе на плечи. До встречи, милашка!»*.

Едва Лена дочитала послание, как и конверт и само письмо рассыпались в ее руках черной, пахнущей гнилью, пылью, тут же рассеявшейся по воздуху.

«Твою душу вкусить сердцем велено...»

Дамская Лощина выглядела примерно так, как ее и описывал хозяин таверны: широкий овраг с пологими склонами, поросшими папоротником и низкорослым кустарником. Дно самой лощины покрывали темно-зеленые мхи, меж которых пробивались шляпки разных грибов. Со склонов сползал густой туман, заполнявший лощину, словно молоко миску. Лена настороженно косилась на белесые клубы, принимавшие причудливые очертания — согласно местным поверьям, именно из таких туманов и являются Белые Дамы, духи леса, давшие название Лощине. Как правило, Дамами становились души женщин, умерших при необычных обстоятельствах — конкретно здесь, как рассказал словоохотливый кабатчик, раньше жила мать с тремя дочерьми. Лет триста назад женщины чем-то прогневали одного из архонтов — Гремори, Ситри или самого Астарота, по разным версиям легенды, — и за это умерли в один день. Место же, где стоял их дом, из залитой солнцем опушки превратилось в сырую лощину, залитую туманом.

Вот и остатки самого дома: провалившиеся стены поросли мхом и плесенью, во дворе разлилась огромная лужа скорей, даже, небольшой пруд, затянутый ряской и тиной. На его берегу полыхал костер сине-зеленого пламени, горевшего, казалось, совсем без топлива, прямо на мокрой земле. А перед колдовским огнем сидела, насмешливо глядя на Лену, красивая темнокожая женщина, совершенно голая. Единственное, что прикрывало ее тело — свисавшее меж пышных грудей ожерелье, на котором мерцал драгоценными камнями в пустых глазницах череп неведомой твари.

— Это ты искала меня? — обратилась к ней Лена, — ну вот я. Где мои друзья?

— Я выполняю свое обещания, — блеснула белыми зубами незнакомка, — все здесь.

Из тумана послышалось негромкое рычание и, глянув направо, Лена увидела спускающуюся по склону большую кошку. Вздох облегчения, готовый было сорваться с губ Лены, так и замер у нее на устах — слишком уж странно выглядела ее легкомысленная подружка. Шерсть на затылке Кэт стояла дыбом, глаза смотрели с лютой злобой, из горла рвалось приглушенное рычание. Слева послышался такой же рык и, обернувшись на звук, попаданка увидела пещерного льва, также смотревшего на нее с откровенной враждебностью. Лена узнала эти взгляды — именно так большие кошки смотрели на всех врагов, с кем они сражались бок о бок. Все в поведении хищников говорили о том, что они еле сдерживаются, чтобы не броситься на свою недавнюю спутницу.

— Кэт, Вулрех? — Лена негодуяще глянула на незнакомку, — что ты с ними сделала, ведьма?!

— Долго рассказывать, — рассмеялась женщина, — в Черных Королевствах знают, как управляться с такими оборотнями. Тебе же достаточно того, что теперь они — мои рабы и сделают все, что я прикажу.

Она щелкнула пальцами и звери, зарывав еще громче, припали к земле, готовясь к прыжку. Лена выхватила кнут и в воздухе взвились, громко шипя, семь змей. Темнокожая ведьма издевательски улыбнулась.

— Поставишь на то, что ты быстрее троих? — спросила она, — попробуешь ударить меня — и мои котики тут же кинутся. Ударишь их — останешься без друзей, а я успею ударить в ответ. У меня ведь есть и иные помощники.

Она коснулась рукой земли, что-то прошептав и клубы тумана вокруг пришли в

движение. Они сгущались, принимая все более четкие очертания, пока, наконец, не превратились в четырех белокурых женщин, — одну зрелую, лет под сорок, и трех молоденьких девушек. Их полупрозрачные одеяния, почти не скрывали соблазнительных форм. Красивые лица искажали злобные гримасы, глаза мерцали голодным алым огнем, бледные руки с острыми когтями тянулись к Лене. Колдунья взмахнула рукой, что-то прошептав и четверо призраков расступились, окружая девушку.

Колдунья достала из-за спины небольшой ящичек из черного дерева и ногой подтолкнула его Лене.

— Давай, — сказала она, — клади сюда кнут. И без глупостей — если не хочешь, чтобы эти красотки выпустили тебе кишки.

Лена прикинула свои шансы — может ей и удастся отбиться от всех шестерых, но кто его знает, кого еще может вызвать ведьма. К тому же бить придется сильно, наповал — а она, несмотря ни на что, все еще не могла причинить Кэт вред. Скрепя сердце, Лена отдала мысленную команду, возвращая кнуту вид чешуйчатого жезла. Его Лена и уложила в ящичек, закрыв крышку, покрытую незнакомыми письменами и диковинными рисунками. Колдунья щелкнула пальцами, гортанно выкрикнув несколько слов и припавшая к земле Кэт превратилась в обнаженную девушку. Лена поймала ее взгляд и невольно содрогнулась — все живое, казалось, исчезло из глаз кошкодевки, сменившись остекленелым взглядом зомби. Кэт же даже не взглянула на подругу: подхватив ящичек, она распласталась перед хозяйкой в раболепном поклоне. Колдунья небрежно приняла из ее рук свой трофей и положила рядом с собой.

— Редкий дар, — усмехнулась она, — думаю, я найду применение твоим змейкам.

— И это все чего ты хотела? — спокойно спросила Лена, — кто ты вообще такая?

— И правда, где мои манеры, — улыбнулась женщина, — я Амали, графиня Утеро. Из Гроскании.

— Не похожа ты на гросканку, — усомнилась Лена, — они, конечно, смуглые, но не настолько.

— Моя мать была рабыней, — улыбнулась Амали, — но ее расположения искали многие вельможи — как, впрочем, и моего. Один из них и попросил меня встретиться с тобой.

— И кто же? — спросила Лена, — случайно, не герцог Тускулат?

— Он самый, — кивнула Амали, — давно мечтает с тобой познакомиться.

— Так явился бы сам, — хмыкнула Лена, — хоть раз бы сделал что-то своими руками. А ты слышала, что случилось с предыдущим холуем, который хотел пленить меня?

— Слышала, — усмехнулась Амали, — но я — не сношающий коз провинциальный барон. И на самого Тускулата мне плевать — на тебя у меня свои планы.

Она швырнула в костер щепотку какого-то порошка и пламя тут же взметнулось чуть ли не в человеческий рост, почти скрыв Амали. Спустя миг она появилась снова — просто пройдя сквозь огонь. Драгоценные камни в глазницах черепа на ее груди полыхали красным огнем — и также горели и глаза женщины.

— Тыполнишь армию моих слуг, — сказала Амали, — не успеет кончиться ночь, как ты подчинишься мне.

— Не дожدهшься, сука! — возмущенно сказала Лена, но Амали только расхохоталась в ответ. В тот же миг ее слуги кинулись на попаданку: четверо призраков, Кэт и Вулрех, тоже принявший человеческий облик. Лена отчаянно отбивалась, но против шестерых, — а Дамы,

несмотря на свою призрачность, обладали нешуточной силой, — устоять не могла. Лену повалили на землю, сорвав с нее одежду, после чего прислужники колдуньи отступили, оставив голую девушку валяться на земле. Над ней, широко расставив ноги, встала Амали. В руках она держала нефритовый жезл, внутри которого, как никогда четко была видна Эржет, извивавшаяся в конвульсиях неугасимой похоти. Амали облизала искусственный член и, издав сладострастный стон, ввела его в свою вагину. Наигравшись, Амали вынула искусственный фаллос и засунула его меж губ Лены. Та хотела брезгливо отвернуться, но, неожиданно для себя послушно открыла рот: глаза Амали и камни ее ожерелья, пылавшие адским огнем, лишившим попаданку воли. Лена боролась изо всех сил, пытаясь разорвать незримые путы, но тщетно — заключенная в темнице из собственной плоти, она послушно сосала нефритовый жезл, слизывая женские соки колдуньи. Полные губы Амали раздвинулись в издевательской усмешке.

— Служение мне — это новое рождение!

Земля, на которой лежала Лена вдруг сильно увлажнилась — словно из-под мхов забили невидимые ключи. Струи воды стекали и с пологих склонов — и в тот же миг воздух наполнил знакомый запах. Поначалу Лене показалось, что тут воняет рыбой, но тут же она поняла, что забивавший ей ноздри аромат совсем иного рода.

Из всех своих пор лощина сочилась терпкой женской влагой.

Лена перевела ошарашенный взгляд на колдунью — та уже развалилась на земле, широко раскинув ноги и открывая на всеобщее обозрение блестящие от смазки валики нежной плоти. Лена почувствовала, как меж ее бедер разгорается жар, могучее желание, что могло быть утолено только одним способом. Извиваясь, словно раненная змея, она поползла по мокрому мху, не спуская глаз с черно-розового цветка, сочившегося влагой. Амали вдруг чудовищно выросла, возвышаясь над попаданкой словно гора. Она словно заслонила собой весь мир — сама Дамская Лощина оказалась лишь дорожкой меж холмов упругой смуглой плоти — бедер черной колдуньи. Капли влаги, срывающиеся с половых губ, превратились в настоящий поток, орошающий солоноватыми брызгами лицо Лены. Влекомая неудержимой силой, Лена подползала все ближе к влагалищу, напоминающему вход в большую пещеру, поросшую густым мхом. Над ней пульсировал налитый кровью клитор: вытягиваясь и раздваиваясь, словно змеиный язык, он тянулся к Лене. Вот он коснулся ее лица — и вдруг сам превратился в маленькую змейку, скользнувшую в распахнутый рот. Тут же все изменилось снова — Лена словно увидела себя изнутри. Словно в кошмарном сне она видела, как извивающаяся черная змея проплывает по рекам капилляров и артерий, купаясь в алой влаге, легко проникая сквозь стенки сосудов и органов. Вот она оказалась рядом с мерно сокращающимся сердцем и обвилась вокруг него. Видения Лены раздвоились — она одновременно видела себя изнутри и в то же время смотрела как пульсирует перед ней вагина Амалии, словно жадный рот готовый проглотить лакомый кусочек. С внезапной ясностью Лена осознала: как только змея вонзит зубы в ее сердце, ее безвозвратно поглотит эта влажная, страшная, но такая манящая дыра.

Внезапно Лена увидела нечто странное — словно комочек мрака, пульсирующий в одном ритме рядом с ее сердцем. Этот мрак менялся — в такт пульсации, он расправлял крылья, принимая донельзя знакомый облик. Лена вдруг почувствовала сильное жжение в правой руке — и в этот миг из ее распахнутого в беззвучном крике рта вырвался клуб черного дыма. Поднявшись вверх, он обернулся черной птицей с глазами, полыхающими мертвенно-белым светом. Оглушительный безумный хохот разнесся над лощиной и тут же в

мозгу Лены полыхнул беззвучный взрыв черного пламени. В следующий миг Лена почувствовала, что вновь лежит на голой земле. Перед ней стояла Амалии — но теперь она уже не казалась столь пугающей и всемогущей, как совсем недавно. Казалось, колдунья постарела лет на двадцать — седые пряди в растрепавшихся волосах, жирные складки на животе, отвисшая грудь. Во взгляде черных глаз читались теперь откровенный испуг и растерянность.

— Да что же ты такое, забери тебя Эшу Мэд? — выдавила колдунья, — кто ты, тварь?!

Лена не стала тратить время на ответ — стремительно она кинулась к брошенному на землю сапогу, выхватывая из голенища нож Амола. Колдунья вскинула руки, готовясь выкрикнуть защитное заклинание, но Лена и не собиралась бить по ней — вместо этого она вонзила нож Бога Смерти в то место, куда легла, отбрасываемая от колдовского костра, тень черной колдуньи.

— Нееееет!!!

Словно от удара в грудь Амали опрокинулась на спину, содрогаясь в сильных конвульсиях. Лена увидела ее разверстое влагалище — пульсирующая розовая пещера, казалось, стала еще больше, в то время как сама истошно вопившая колдунья будто съеживалась, усыхая на глазах. Пышные бедра стали тонкими, как у ребенка, округлые груди стремительно исчезали — роскошная плоть колдуньи словно втягивалась, проваливалась в ее вагину, зияющую во влажной почве, как огромная рана. Последним исчезло лицо Амали, кричавшей до тех пор, пока ее собственные половые губы не сомкнулись над распахнутым ртом. Послышался чавкающий звук и влажная земля скрыла под собой графиню Утеро. О том, что произошло напоминал лишь валявшийся на земле нефритовый жезл, слабо мерцавший зеленым светом.

— С ума сойти! — послышался над ухом знакомый голос, — Ленка, как ты ее так?

Попаданка обернулась на голос — рядом с ней стояла Кэт: голая, грязная, покрытая ссадинами и синяками, но без сомнения, *прежняя*. Тут же стоял и Вулрех. Больше возле Лены никого не было: Белые Дамы исчезли вместе с рассеявшимся туманом.

— Ни на минуту нельзя оставить, — проворчала Лена, — отошла на пару часов, а вас уже захомотала какая-то прошмандовка.

— Мы не рвались ей в услужение, — буркнул Вулрех, — но все же как?

Лена выдернула из земли костяной нож.

— Амола рассказывала, — пояснила попаданка, — что нож Мвене-Путо может обернуть против колдуна его собственное колдовство, если воткнуть его в тень ворожея. Я, правда, не знаю, распространяется это на всех или только на тех колдунов, кто родом из...

Изумленное восклицание Кэт прервало Лену — и та, проследив взглядом за ней, изумленно открыла рот. Огромная лужа во дворе разрушенной усадьбы клокотала большими пузырями — и среди них, словно черные водоросли, вдруг всплыли длинные волосы. Следом показалась вся голова — и Лена схватилась за нож, узнав Амали. Рядом послышалось рычание — это Кэт и Вулрех, снова обернувшись большими кошками, готовились отомстить своей обидчице. Та же, словно не замечая хищников, медленно выходила из воды — на четвереньках, машинально отметила Лена. Черная колдунья вновь вернула свою красоту, даже, казалось, омолодившись: полные груди стали еще больше, напоминая огромные арбузы, также как и колышущиеся шарообразные ягодицы. Однако из глаз исчезло всякое высокомерие — вместо него читалось лишь слепое обожание, с которым она смотрела на попаданку. Заискивающе заглядывая ей в глаза, Амалии подползла к Лене и потерялась

щекой о ее колено. Попаданка усмехнулась и небрежно потрепала ее по волосам.

— Нож работает, — усмехнулась она, — Кэт, Вулрех, не стоит. У меня уже появилась идея, как нам лучше использовать эту потаскушку.

«Расставание маленькая смерть»

— Это доставили вечером, — сказал Тускулат, — с сопроводительным письмом из Мюнберга.

То самое письмо, — большой конверт из розовой бумаги, запечатанный черным воском, — держал герцог и сейчас, спускаясь по лестнице, ведущей во внутренний двор своей виллы. Рядом, путаясь в длинных одеяниях, торопился Крамос, стараясь не отстать от своего патрона. Про себя он ломал голову, что случилось, что Тускулат поднял его посреди ночи. Впрочем, Крамоса уже давно не оставляло ощущение, что все идет не по плану. Сначала задержался его отъезд в столицу — Тускулат, после возвращения короля, был вызван во дворец, где герцог провел чуть ли не целый день. Вернулся он злой, срывавшийся на слуг и рабов по поводу и без повода, чего обычно выдержанный герцог себе не позволял. Крамосу также досталось — Тускулат долго не отпускал его от себя, заставляя снова и снова экспериментировать с разными видами нового оружия. Все это демонстрировалось и королю Орсу — и тот, судя по всему, остался доволен. Тускулат, оказавшийся на грани опалы, все же вернул себе расположение короля. Он подобрел и успокоился, после чего снова заговорил о скором отъезде Крамоса в Брокгарт.

И тут — какая-то новая напасть.

Спустившись, Крамос увидел посреди двора большой сундук, скрепленный деревянными штырями. Вокруг стояло с десятков арбалетчиков, целившихся в неожиданный подарок. Крамос сразу понял, к чему такие предосторожности: сундук то и дело вздрагивал и раскачивался, из него доносились странные звуки, свидетельствующие о том, что внутри находилось нечто живое. Из небольших отверстий, под самой крышкой, выбивались отблески зеленого свечения.

— Открывайте! — процедил герцог.

Один из стражников, опасливо поглядывая на странный дар, осторожно вытянул сначала один, потом второй штырь. Выругался и отскочил, схватившись за арбалет, когда сундук вдруг с грохотом развалился. Тускулат в сердцах выругался, остальные неверяще уставились на дар из Вальдонии.

На дне сундука восседала графиня Амали Утеро — совершенно голая, с распущенными волосами, окутавшими соблазнительные формы. Широко расставив ноги, черная колдунья, казалось, не заметившая своего освобождения, упоенно сношала себя нефритовым жезлом. Светящийся зеленым светом искусственный фаллос с хлюпаньем погружался в воспаленное влагалище, растянутое до совершенно неприличных размеров, коих постыдилась бы и сама развращенная шлюха. Женские выделения, стекавшие по смуглым ляжкам, образовали целую лужу под задом госпожи Амали. Смуглую кожу покрывали следы от плетки и чего-то напоминавшего укусы и царапины; полные груди прокалывали бронзовые кольца, соединенные цепочкой. Еще одно кольцо, на этот раз золотое было продето в нос Амали. На ее лбу было крупными буквами вытатуировано слово «Шлюха», другие части тела также покрывали всякие непристойности. Широко распахнутые глаза заволокла бессмысленная, не рассуждающая похоть, из приоткрытого рта стекала струйка слюны.

— Все вон! — выдавил Тускулат, не сводя взгляда с наполненного животной похотью существа, в которое превратилась его помощница, — все, кроме Крамоса.

Дождавшись, пока стражники покинут двор, Тускулат сломал печать на конверте и

начал читать вслух.

«Наю Юнию Тускулату, герцогу Алетты и Пании, первому министру Гроскании. Мы все очень благодарны за Ваше внимание и Ваши подарки. Мы очень весело провели время с ними, но в конце концов графиня Амали и княгиня Эржет нам наскучили и мы решили вернуть их Вам. Будет затруднительно использовать их по прежнему назначению, но нам удалось открыть у них новые таланты — из Амали, например, получается отличный писсуар или подставка для ног. Уверены, что Вы сможете придумать для них и другие способы употребления. Жаль, конечно, что мы пока не можем выразить Вам свою признательность лично, но если Вы продолжите оказывать нам столь настойчивые знаки внимания, мы постараемся оказать Вам не худший прием, чем графине Утеро».

Тускулат закончил чтение и смял письмо в руках, злобно уставившись на Амали, что продолжала монотонно терзать себя нефритовым фаллосом.

— Твоя миссия в Брокгарте изменилась, — процедил герцог, — помимо нашей основной задачи, именно ты теперь станешь искать эту девку. Привезешь мне ее голову — и я сделаю тебя бароном.

Крамос покорно склонил голову, понимая, что сейчас не лучший момент, чтобы спорить.

— А что с Госпожой Амали? — сказал он, когда Тускулат уже развернулся, чтобы уйти.

— Да что хочешь, — не оборачиваясь, пожал плечами герцог, — она вся твоя.

С этими словами он покинул двор, а Крамос подошел к Амали. Ему составило некоторого труда поставить ее в более удобную позу — несостоявшаяся графиня Утеро ни за что не соглашалась выпустить нефритовый фаллос. В конце концов, Крамос все же исхитрился установить продолжавшую себя трахать Амали на четвереньки. Тут же он зажмурился от ударившего в глаза света — в анус колдуньи, как выяснилось, был затолкан его собственный зеленый шар. С трудом вытащив его, Крамос наклонился к подрагивающему женскому заду. В ноздри ударил одуряющий женский запах и толстяк, не в силах больше сдерживаться, зарылся лицом меж полных ягодиц.

— Именем Трехликой, Связующей узы, Воспламеняющей желание...

Покидая Никтополь, Лена никак не предполагала, что ее неполноценное жречество может быть использовано в подобных целях. Однако формально, как и все жрицы Триморфы, она могла проводить бракосочетания — чем сейчас и воспользовалась. Церемония проходила в одном из приделов храма Астарота, специально обустроенном для почитания Скилакагеты как родственного культа. Здесь же находилось извание богини из розового мрамора — в ее самой юной ипостаси: красивой девушки в легком одеянии и с венком из трав в густых волосах. Богиня восседала на изваянии жутковатого зверя из черного камня — похожего на огромного леопарда, с ногами медведя и семью львиными головами, увенчанными десятью рогами. Перед изваянием стоял алтарь, где на жаровне тлели, испуская приятный запах, благовония. Возле алтаря стояла Лена, благословляя змеиной плетью, стоявшую на коленях парочку — Вулреха и Кэт. Достать некий свадебный наряд оказалось проще, чем думала Лена — чего только не продавалось на Мюнбергской ярмарке. Поэтому барон Ловенвальда надел черную тунику, расшитую красными узорами и перехваченную белым поясом. Похожий наряд носила и Кэт — разве что туника была красной, узоры белыми, а пояс — черным.

Сам обряд бракосочетания подходил к концу — в принципе он и не отличался особой пышностью. Конечно, когда Вулрех и Кэт приедут в Ловенвальд, там пройдет уже местная

свадьба — с торжественными клятвами перед Львиным Алтарем, обильным пиром на несколько дней и народными гуляньями, где молодые селянки будут танцевать голыми при Луне, а приговоренные к смерти преступники — сражаться насмерть с пещерными львами и медведями. Однако прежде, — на этом настояла не Лена, а Кэт, — их брак должна благословить ее землячка и боевая соратница.

— То, что соединит Богиня, люди разъединить да не смогут. Одна кровь, одна плоть, одно сердце на двоих...

Она подала парочке небольшой нож и они, надрезав пальцы, смешали кровь на алтаре Скилакагеты.

— Нарекаю вас мужем и женой.

Лена простерла кнут и змеи с негромким шипением обвилились вокруг шей молодоженов, привлекая их друг к другу для поцелуя.

Позже они отметили знаменательное событие в небольшой комнатке, что жрецы Астарота выделили Лене и ее спутникам. Здесь был накрыт и праздничный стол — еще живые устрицы, доставленные из Брокгарта в ящиках обложенных льдом и подаваемые с ломтиками лимонов из Гроскании. Рядом стояли серебряные вазочки с желтым вабарским маслом, смешанным с икрой гигантских улиток, что привозились из Лонголо и считались в Империи изысканным деликатесом и, одновременно, сильным афродизиак. Запивались все эти лакомства красным вином из Некрарии.

— Не верится, что мы расстаемся, — покачала головой Кэт, — я боялась, что ты рассердишься.

Кошкодевка уже скинула свадебный наряд и, оставшись совершенно голой, томно разлеглась на широком ложе. Ее кожа блестела, смазанная пахнущим цветами маслом, зеленые глаза загадочно мерцали в полумраке. Рядом, с хозяйским видом ощупывая прелести молодой жены, лежал и Вулрех, тоже голый.

— С чего бы мне злиться, — усмехнулась Лена, высасывая устрицу и отбрасывая пустую раковину, — Брокгарт это только мои дела, а ты...ты и так поделила со мной слишком многое. Идти за мной и дальше просто опасно.

— Что ты имеешь в виду? — подняла брови Кэт.

— Да так, — уклончиво сказала Лена, — всякое может случиться.

Сказать по правде она и сама толком не понимала, что с ней произошло за минувшие сутки — и тем более она не знала, что будет дальше. Так или иначе, было бы нечестно и дальше вмешивать Кэт во все это темное дело. Хотя, конечно, расставаться с кошкодевкой жалко — рвалась последняя ниточка связывавшая Лену с прежним миром.

— Теперь я чувствую себя виноватой, — вздохнула Кэт, — будто я тебя бросаю.

— Может статься, что ненадолго, — подал голос Вулрех, — если, как ты говоришь, во всем этом замешан Ниак Вагнеркейн, значит, рано или поздно он обратится и в Львиный Монастырь. Грядет большая смута и воспитанникам Ловенвальда, как всегда, придется прийти на помощь Империи. Наверняка Фрэг вызовет меня в Брокгарт — ну и как я смогу отказать молодой жене, если она захочет посмотреть на столицу?

— До нее еще нужно добраться, — усмехнулась Лена, — кто знает, что ждет меня в Брокгарте? И вообще, хватит загадывать наперед. У нас впереди еще целая ночь и я хочу ее провести согласно некрыйским традициям.

— Это еще как? — недоуменно спросила Кэт. Лена сладко потянулась, скидывая одежду и гибко поднимаясь с мягкого кресла. Змеиные кольца плавно обвилились вокруг ее

бедер, набалдашник кнутовища мягко вдавился в изнывавшее от желания влагалище — попаданке, распаленной виной и улиточьей икрой, было не в состоянии смотреть на обнаженную парочку, что уже не стыдясь ласкалась друг с другом.

— В Некрарии, — похотливо улыбнулась Лена, — считается великой честью, если жрица Скилакагеты благословляет чей-то брак именем Богини. В награду она может потребовать для себя даже право «первой ночи» — может с женихом, а может и с невестой. Но я жадная — поэтому я собираюсь взять вас обоих.

Кэт и Вулрех переглянулись и одновременно расхохотались.

— Это будет забавно, — сказал Вулрех, — очень запоминающаяся брачная ночь.

— И отличное прощание! — лукаво усмехнулась Кэт.

Вскоре кошкодевка уже стояла раком на кровати, завывая как мартовская кошка, пока Лена трахала ее сзади, намотав на руку черные волосы. Второй рукой она шлепала по заду Вулреха, что стоял рядом с женой в такой же позе, терпеливо дожидаясь своей очереди.

— Странное место, — задумчиво произнесла Лена, — всегда думала, что начальник тайной полиции может себе позволить штаб-квартиру получше.

Эти слова оказались обращены в пустоту: одноглазый кряжистый капитан громко выкрикивал команды, готовясь причалить. Лену он не услышал, да та и не ждала ответа, внимательно рассматривая приближающийся берег. Попаданка стояла на носу холька, — небольшого быстроходного судна, шедшего под стягом Вальдони. Жрец Астарота сдержал слово: остаток пути Лена проделала в комфорте и безопасности, до того места где Ренза впадала в Тресковый Залив, на берегах которого и стоял Брокгарт. Напротив столицы в море вдавался скалистый мыс, к которому и причаливало судно. Моряки бросали настороженные взгляды на высившуюся над ними башню из черного камня. Высотой она не уступала иным небоскрегам из мира Лены, возносясь в небо не меньше чем на сотню метров. На вершине мерцал призрачный синеватый свет — множество моряков спаслись от верной смерти, увидев Брокгартский Маяк. Легенды гласили, что маяк куда старше имперской столицы, что он уже возвышался над морем, когда на берега богатого рыбой залива пришли отцы-основатели Брокгарта.

— Госпожа жрица хочет сойти? — обратился к ней капитан. Лена небрежно кивнула и, забросив за плечо узелок с нехитрыми пожитками, проверила заткнутый за пояс змеиный кнут и шагнула на отходящий в море причал. За ее спиной вновь раздалась команда, — капитан торопился отчалить от места, о котором среди моряков ходили самые разные слухи. Лена меж тем уже поднималась по вырубленным в скале ступеням к гостеприимно распахнутой дверце у основания Маяка.

Войдя в башню, она оказалась в небольшой комнате, освещенной несколькими горящими факелами. Не в пример прочим подобным зданиям, что Лена видела в этом мире, здесь не имелось никаких фресок или изображений — стены из черного камня, в котором даже самый внимательный взгляд не отмечал и намека на кладку, словно помещение просто вырублено в сплошной скале. У дальней стены виднелась стальная дверь, явно не запертая. Открыв эту дверь Лена увидела небольшую кабину из прочного дерева, окованном железными полосами. Ее освещал исходящий непонятно откуда слабый зеленый свет. Немного поколебавшись, Лена шагнула внутрь и, едва ее нога коснулась пола, как кабина, начала стремительно подниматься. Как не странно, страха не было — Лена почему-то воспринимала все происходящее как должное, с неким болезненным предвкушением ожидая того, что ей встретится наверху.

Подъем казался бесконечным, хотя в реальности, наверное, прошла от силы пара минут. Наконец, кабинка странного лифта, — поднимавшегося в полной, прямо-таки звенящей тишине, — остановилась. Выйдя, Лена оказалась в большой комнате, обрамленной занавесями из черного бархата. Ее освещали красные и черные свечи, стоявшие на большом столе посреди комнаты. Тут же имелось несколько хрустальных бокалов, графин с красным вином и что-то напоминающее шахматную доску — кроме клеточек расчерченной и другими геометрическими узорами, раскрашенными в разные цвета. Да и стоявшие здесь фигурки сильно отличались от обычных шахматных. Какое-то время Лена рассматривала странную доску, пытаясь понять правила незнакомой игры, потом пожала плечами и, налив себе вина, принялась с бокалом в руках осматривать комнату. Вскоре выяснилось, что

портьера у дальней стены, скрывала проход на широкий балкон, куда и вышла Лена.

Перед ней открылся грандиозный вид на залив и находящийся на противоположном берегу Брокгарт — огромный, по меркам здешнего мира, город, в котором уместились бы Никтополь и Мюнберг вместе взятые. Закутанная туманной дымкой, столица Тевманской империи раскинулась на множестве больших и малых островов, образованных впадающими в море рукавами Рензы, соединенных бесчисленными мостами и дамбами. Часть города, впрочем, пребывала на берегу — Лене бросился в глаза императорский дворец, который ей показали еще на корабле: огромный замок из черно-зеленого камня, вырубленный прямо в скале посреди города. Впечатляли и иные строения — два храма в виде пирамид, посвященные Астароту и Асмодею; величественное здание Имперского Банка из желтого камня; городская ратуша, напоминающая готический собор, с остроконечными шпилями увенчанными фигурками волков; сине-черный храм Левиафана на небольшом острове посреди Залива и напоминающий склеенные раковины морских моллюсков... В огромном порту собралось невероятное количество самых разных кораблей — от углых рыбацких суденышек до огромных боевых галей с пятью рядами весел, уставленных множеством скорпионов и катапульта.

Узкий серп заходящего Черного Солнца исчез за горизонтом и над имперской столицей пронесся звон множества колоколов — храмы Баала провожали своего Владыку в Лимб. По всему Брокгарту — в храмах и дворцах, в особняках знати и лачугах городской бедноты, одно за другим загорались окна. Вся эта россыпь больших и малых огней, игриво подмигивавших сквозь поднимавшиеся из моря туманы, придавала столице одновременно грандиозный и уютный вид.

— Повеяло чем-то знакомым? — произнес насмешливый голос за спиной Лены, — в этом мире не так уж много мегаполисов, а Брокгарт и впрямь красив ночью.

К горлу Лены подступил ком — она с трудом сумела протолкнуть в желудок чуть не попросившееся наружу вино. Сдерживая обуревавшие ее чувства, она нарочито медленно развернулась на каблуках. Перед ней стоял высокий широкоплечий мужчина, в потертой кожаной куртке, чуть ли не рвавшейся на могучей груди, и кожаных же штанах, заправленных в высокие ботфорты. С квадратного лица, обрамленного темно-рыжей бородой, на Лену насмешливо смотрели пронизательные голубые глаза.

— Ты теперь Ниак Вагнеркейн? — Лена демонстративно громко отхлебнула из бокала, — я должна была догадаться. Интересно, как много у тебя еще имен...папа?

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net